ОГЛАВЛЕНИЕ

Вступительные заметки.....

Часть 1
ПСИХОЛОГИЯ «Я»:
ЛОГИКА КАТЕГОРИАЛЬНОГО СИНТЕЗА

Глава 1. Индивид. Организм как психофизическое целое .....
1.1. Сущее, существо, организм.....
1.2. Индивид. Психика. Сознание.....
Глава 2. «Я»; Субъект. Индивид как causa sui .....
2.1. «Я»: воспроизводство себя в рефлексии .....
2.2. Субъект: воспроизводство себя в поведении.....
Глава 3. Личность. Отраженность и неотразимость «Я»
(феноменология отраженной субъектности) .....
3.1. Личностность — отраженность себя в другом .....
3.2. Индивидуальность — неотразимость.....

Часть 2
ПСИХОЛОГИЯ «Я»:
ЛОГИКО-МАТЕМАТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ

Глава 4. Импликация. Опыт психологического портрета .....
Глава 5. Модель гедониста:
рефлексивная возгонка влечения .....
Глава 6. Триумвират субъектов:
трансактная модель выбора.....
6.1. Базовая модель рефлексивного выбора
и трансактная модель личности .....
6.2. Импульсная модель экзистенциального выбора.....
Глава 7. Опыт эмпирического обоснования
мультисубъектной модели выбора .....
Глава 8. Метаимпликативная модель мотивации выбора.....
Глава 9. Трансактный контур саморегуляции .....

Глава 10. Состоятельность индивидуальности.....
10.1. О состоятельности — «без формул» .....
10.2. Модели состоятельности.....
Глава 11. Самополагание .....
11.1. Семь пространств существования личности .....
11.2. Состоятельность самополагания .....
Глава 12. В поисках оптимума состоятельности:
стратегии «субъектных» сборок.....
Глава 13. «Значимые другие» во мне: парадокс адюльтера .....
Глава 14. Булева модель смысловых миров.
Во что верит мысль?.....
14.1. Смысл. Значение. Ноумен .....
14.2. По ту сторону смысла.....
Глава 15. Алгебра когито .....

Часть 3
ПЕРСОНО-ЛОГИКА

Глава 16. Общая персонология: наука личности.....
Глава 17. Категориальный строй психологии:
«академический взгляд» .....
Глава 18. Категориальный строй психологии:
персонологический поворот .....

Заключительные заметки.....
Литература.....

ПОСВЯЩАЮ ПЕРСОНОЛОГАМ:

Артуру Владимировичу Петровскому
Алексею Николаевичу Леонтьеву
Владимиру Петровичу Зинченко
Владимиру Александровичу Лефевру
Татьяне Архиповне Таран
Эрику Берну

ВСТУПИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ

Эта книга посвящена созданию и апробации логико-психологических и логико-математических моделей человека в мире, лежащих в основе персонологии Я.

Скажу сразу, в каком плане здесь используется термин «модель».

Я вижу четыре значения этого термина применительно к задачам психологического познания (иллюстрирую в основном известными работами отечественных авторов).

1. *Описательные (дескриптивные) модели*. Они представляют собой схемы, маршруты, «ориентировочную основу действия» исследователя, погружающегося в свой предмет. Я мог бы назвать выдающиеся работы моих коллег, российских психологов, создающих модели, имеющие не только инструментальный, но и самоценный характер с точки зрения становления психологической теории и практики. Существенную роль в разработке таких способов понимания индивидуальности играют ценности исследователей, аксиологические аспекты продвижения вглубь изучаемой реальности. Я-центрированные модели такого рода (выступающие под разными именами) представлены в работах С.Л. Рубинштейна [1973], К.С. Абульхановой-Славской [1999], А.Г. Асмолова [1986; 2007], Б.С. Братуся [1981; 1994], А.В. Брушлинского [2000], Ф.Д. Горбова [2000], В.П. Зинченко [1997; 2009; Зинченко, Моргунов, 1994], В.Ф. Петренко [2010], В.В. Столина [1983] и ряда других мастеров психологии.

2. *Прогностические модели*. Важное различение касается «аристотелевского» (индуктивного) и «галилеевского» (дедуктивного) подходов в построении подобных моделей. Это различение прекрасно проанализировано в диссертационной работе В.В. Архангельской [2005], посвященной проблемам понимания в современной индирективной психотерапии. Так, в частности, автор показывает, что в рамках галилеевского подхода мыслить — это моделировать, чтобы, сверяясь с данными наблюдения, вновь моделировать, оттачивая теорию. Знания не извлекаются из опыта, а только проверяются на опыте, причем в обстоятельствах, далеких от условий реальной жизни (свободное падение тел в пустоте).

В самом деле, ошеломляющий факт: пушинка и металлический шарик падают с одинаковой скоростью в вакууме, что абсолютно противоречит обыденному опыту; эти феномены живут в теоретической плоскости. Общеизвестно, что физиков данное положение дел нисколько не смущает. Наоборот, несовпадение между поведением «идеального объекта» и объекта наблюдаемого — явление вполне нормальное. Оно служит предпосылкой построения все более охватных и дифференцированных моделей реальности.

Физики впрямую говорят о нехватке «сумасшедших идей». Однако мне не приходилось слышать, чтобы психологи выказывали интерес к подобного рода идеям. Исключение, пожалуй, составляет памятное мне высказывание А.В. Петровского: «Нам нужны сумасшедшие идеи!»; впрочем, далее следовал комментарий: «Но еще никто не доказал, что нам нужны идеи сумасшедших». По-видимому, в психологии между сумасшедшими идеями и идеями сумасшедших перегородка тоньше, чем в физике. Точных прогнозов применительно к сложным формам человеческого поведения мало; каждый прогноз грозит превратиться в повод к опровержению. Но если допустить, что психологи когда-нибудь научатся «попадать в реальность» своими прогнозами, им все равно придется укоренять свои выкладки в переживаниях людей, чье поведение они прогнозируют. Есть, впрочем, работы снайперской меткости и глубины проникновения в свой предмет — например, модели, предлагаемые В.М. Аллахвердовым [2000]. Абрис теории личности с акцентом на построении прогностических моделей содержится в трудах А.В. Петровского, предложившего онтологическую модель личности [2000]. В редких случаях мы имеем дело с пересечением прогностических и интерпретативных моделей. Таковы, например, концепция интегральной индивидуальности В.С. Мерлина [1996]; структура «личностных факторов» принятия решений Т.В. Корниловой [1994]; модели, представленные в работах В.Ю. Крылова [2000] и некоторые другие.

3. *Объяснительные (интерпретативные) модели*. Примером таких моделей в психологии личности являются многообразные психоаналитические построения, идеи общепсихологической теории деятельности А.Н. Леонтьева [1975]; теория установки Д.Н. Узнадзе [1996],

некоторые модели психики, сознания, самосознания и развития личности, разрабатываемые в русле классической (= неспекулятивной[1]) психологии. Таковы модели, представленные работами Т.Ф. Базылевич [1998], В.Г. Грязевой-Добшинской [2004], Л.А. Дорфмана [1993], О.А. Конопкина [1980], Н.И. Непомнящей [1975], А.К. Осницкого [1996], О.С. Никольской [2000], В.Т. Кудрявцева [1998], В.Е. Лепского [1998; 2007], К.С. Лисецкого [2008], В.И. Моросановой [2006], В.С. Мухиной [2007], Н.А. Носова [2000], И.В. Равич-Щербо [2000], Э.В. Сайко [2006], Е.И. Улыбиной [2001], В.Д. Шадрикова [2007; 2009] и др. Интерпретативные модели, сохраняя дистанцию по отношению к данным непосредственного опыта, тем не менее, ориентированы на него и, кроме того, по ряду параметров сближаются с прогностическими моделями.

4. *Трансформационные модели*. Мы называем их так, потому что они преобразуют то, что описывают. Именно эти модели могут быть названы «неклассическими» психологическими моделями. Ряд психотерапевтических систем и подходов — например, трансактный анализ [Берн, 2000; 2001; Джойнс, Стюарт, 1996 и др.]; личностно-центрированная терапия [Роджерс, 2005]; понимающая психотерапия [Василюк, 2007]; процессуальная психотерапия [Минделл, Минделл, 1999]; глубинная топологическая психотерапия [Лаврова, 2001]; «триолог» [Орлов, 1995]; терапия инициального опыта [Пузырей, 2005]; мультисубъектная персонология [Петровский, 2004] и др. — задают такие способы описания и объяснения, что в результате сам «объект» понимания (содержания субъективной сферы субъекта, выступающие в самосознании) трансформируется. Это часть общей закономерности, описывающей связь рефлексии и знания: «В результате рефлексии ее объект — система знаний — не только ставится в новые отношения, но достраивается и перестраивается, т.е. становится иным, чем он был до процесса рефлексии... Столь необычное отношение между познанием и изменением объекта объясняется тем, что мы имеем в данном случае дело не с таким предметом, который существует независимо от познания и сознания, а с познавательным воспроизведением самого познания и сознания, т.е. с обращением познания на самого себя» [Лекторский, 1980, с. 266].

[1] Автору этих строк довелось дважды — на эльконинских чтениях и семинаре, посвященном памяти А.А. Леонтьева, — выступать с докладом «Классическая психология как неклассическая наука».

Очевидно, что модели, обозначенные как «трансформационные», лишь в том случае могут оправдать свое имя, если позволят в большем объеме и с большей отчетливостью рефлектировать изучаемую реальность, а также предсказывать и объяснять ее проявления

Имея дело со всеми категориями-ступенями осмысления индивидуальности, мы фокусируем внимание на категории «Я» — центральной категории в ряду других, «персонологических», т.е. относящихся к науке, которую мы именуем «наукой личности» [Петровский, 2003]. «Центральное место» — это, конечно, не оценка сравнительной важности категории. Было бы нелепо считать, что есть среди них «более» или «менее» важные — как если бы одни категории занимали почетное, «центральное», место, а другие были бы менее респектабельными, «периферийными». Речь идет лишь о том, что Я («субъект») занимает срединное положение в цепочке категорий, описывающих человека:

организм — индивид — «Я» — личность — человек.

Особое положение категории «Я» («субъект») в ряду позволяет рассматривать ее как связующую, узловую, проводящую сквозь себя «токи» влияния и последующего синтеза категорий ниже- и вышележащего уровней. Слева от «Я» в этом ряду — уходящие корнями вглубь человеческой природы категории «индивид» и «организм», а справа — поднимающиеся ветвями ввысь категории человеческой культуры «личность» и «человек». Процессы развития Я можно мысленно прочитать «слева направо» и «справа налево». В первом случае мы рассматриваем логику перехода «природного» в «культурное»; во втором — встречную логику перехода.

Обе логики правомерны.

В книге мы рассмотрим логику синтеза этих категорий (первая часть книги); предложим читателю ознакомиться с опытом построения логико-математических моделей в области психологии «Я» (вторая часть); наметим переход от теоретических моделей к построению предмета особой психологической дисциплины — «консультативной психологии», обращенной к «Я» человека (третья часть).

В первой части книги акцент делается на *дескриптивных* моделях, описывающих взаимосвязь категорий персонологии, имеющих «об-

щую точку» в «Я». Автор опирается при этом на логический механизм «рефлексивной дедукции» (это наше рабочее название). Так, отталкиваясь от понимания индивида как психофизической целостности, заключающей в себе организм, мы рассматриваем отраженность (воспроизводство) индивида в себе, получая категорию «Я» («субъект»); рассматривая отраженность субъекта в себе самом и в других субъектах, их отраженность в нем, а также неотразимость каждого в каждом, мы приходим к категории «личность»; и, наконец, говоря о форме существования *личности* в пространстве содействия друг другу (воспроизводство отношений, обеспечивающих взаимную субъектную представленность индивидуумов, «пространство любви»), мы обращаемся к категории «человек».

Во второй части книги представлены *интерпретативные* и *прогностические* модели. Они имеют логико-математическую форму; каждая из них может быть подтверждена или отброшена; одни из моделей имеют исключительно гипотетический характер, а другие рассматриваются в контексте проведенных эмпирических исследований.

Третья часть книги посвящена предмету консультативной психологии, содержащей в себе основания построения и оценки существующих и будущих *трансформационных* моделей персонологии.

Часть 1
ПСИХОЛОГИЯ «Я»: ЛОГИКА КАТЕГОРИАЛЬНОГО СИНТЕЗА

Глава 1

ИНДИВИД. ОРГАНИЗМ КАК ПСИХОФИЗИЧЕСКОЕ ЦЕЛОЕ

В российской психологии утвердилась традиция определять «личность», отталкиваясь от понятия «индивид». Но к этому последнему нужно еще подойти. Существует несколько путей восхождения; наиболее известный — леонтьевский [Леонтьев, 1975]. Мы предлагаем еще один путь — в русле идей «теоретической психологии» [Петровский, Петровский, 2000].

Ближе всего к понятию «индивид» стоит понятие «организм» («живое»; «живое существо»). Но и понятие «организм» логически производно, имея свою предпосылку в понятии «существо»; а то, в свою очередь, базируется на понятии «сущего». Рассмотрим все это детальнее.

1.1. Сущее, существо, организм

Сущее. Мы называем что-либо «сущим», подразумевая его постоянство (воспроизводимость) в пространстве-времени. Нечто сущее — это еще не *существо*. Оно может рассматриваться просто как вещь, т.е. без каких-либо признаков жизни. В семиотике есть обобщающий термин «актант». Это термин-подножье множества более конкретных, более богатых своими определениями терминов. Он обозначает нечто, способное быть источником движения или, как минимум, подвергаться воздействию («претерпевать»)[2]. Как в том, так и в другом случае оно рассматривается как обладающее относи-

[2] В последние годы древнее аристотелевское понятие «претерпевание» возвращается в психологию в контексте анализа *претерпевания действующим своего действия* [Эльконин, 2005].

тельным постоянством, т.е. способное «пребывать», а не только меняться (рис. 1).

Существо. В распространенном понимании, хотя это понимание и не формулируется эксплицитно, *существо* есть нечто сущее, вступающее во взаимоотношения с другим сущим (чем-то *иным*) и тем самым (т.е. посредством этих взаимоотношений) обеспечивающее свое постоянство (рис. 2). О существе можно говорить — *агент*, а об этом «ином» — *реагент (*среди них *контрагенты*, т.е. *другие существа*, и *реагенты среды = вещи*). Все существа обладают запросами и ресурсами и, вступая во взаимодействия с реагентами, характеризуются тем или иным уровнем состоятельности. Здесь уже намечена, хотя прямо и не выражена, идея *живого* существа. Когда идея «существа» в значении *живого* существа формулируется явным образом, оно получает новое имя — «организм», «живое».

Организм (живое). На вопрос, чем живое сущее отличается от неживого, мы бы вслед за В.М. Ривиным (Михайловым)[3] ответили так: оно существует *дольше*, чем любая из его частей, это целое, которое сохраняет себя на более длительный срок, чем любая из его частей, даже самых устойчивых во времени. Ту же мысль можно выразить более эмоционально: живое есть целое, сохраняющее свою пространственную организацию и побеждающее время. Об организме мы не говорим (хотя и не отрицаем возможности этого), что он обладает каким-либо целостным образом себя (избегаем здесь телеологических интерпретаций), и не используем, например, таких определений, как «бытие для себя». Для нас организм есть нечто *само по себе и через себя сущее*, иначе говоря, нечто *дорефлексивно* длящееся в мире (рис. 3). Заметим, что в речи сохраняется словосочетание «по себе» в значении детерминанты процесса: «не *по себе* дерево рубишь», «суди *по себе*» и т.п.; «по себе» здесь не образ, а прежде всего прообраз действия и его результата. Сказанное настолько важно, что нелишне еще раз подчеркнуть: «само по себе» не предполагает посредничества в

[3] В.М. Ривин (Михайлов) — ученый, писатель, в советские годы заведующий отделом науки «Литературной газеты». Статья о сущности живого была принята в журнал «Natura», известный своими выдающимися публикациями; увы, в силу ряда причин публикация не состоялась. Рукопись статьи В.М. Ривина [1977] о сущности живого мне была любезно предоставлена дочерью этого яркого человека, психологом Ириной Владимировной Ривиной.

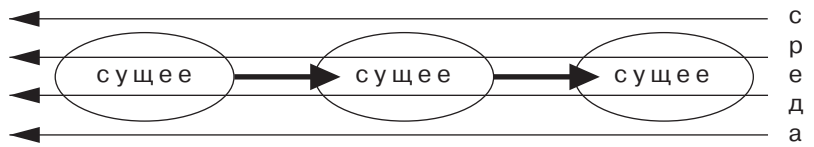


Рис. 1. Сущее

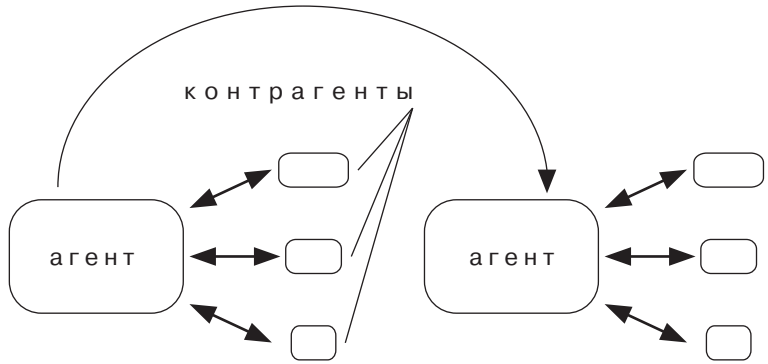


Рис. 2. Существо (агент)

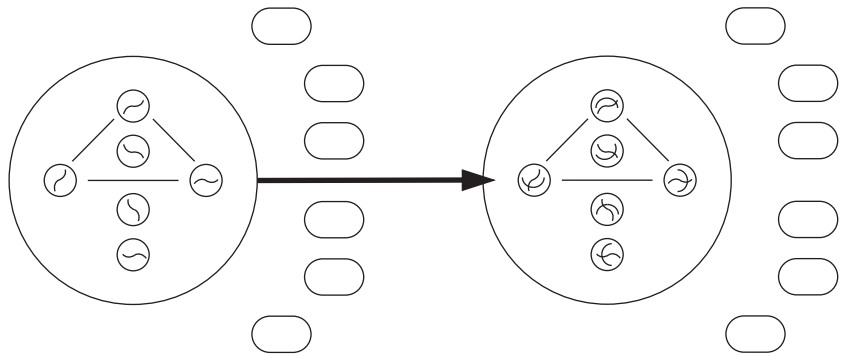


Рис. 3. Организм (живое)

виде образа чего-либо, но, наоборот, это «что-то» выступает как прототип производимого (оригинал, диктующий воспроизводство) [4].

1.2. Индивид. Психика. Сознание

Говоря об индивиде, мы опираемся на такие конструкты, как *бытие, физическое* и *психическое*, *объективно* и *субъективно сущее*, *переживание, чувствования* и *ощущения* и др. Предлагается следующее определение: *индивид есть живое существо (организм) как психофизическое целое.* «Психическое» и «физическое» здесь трактуются как равноценные определения его бытия (рис. 4*б*).

Индивид при этом не отождествляется с организмом как физическим телом, и наряду с этим психическое не рассматривается здесь как некое «отражение» состояний физического тела (образ этих состояний и т.п.), чему соответствовал бы рис. 4*а*. Избегая подобных упрощений, столь типичных для многих публикаций, мы исключаем возможность впасть в дурную бесконечность уже на следующем шаге логических построений, связанных с введением понятия «Я». Ведь Я предполагает момент отраженности индивида в психике, но если индивид есть *носитель* психики, а психика есть *отражение* состояний тела и его окружения, то и отраженность индивида в себе самом должна включать в себя отраженность его бытия как носителя его психики, в которой он, в свою очередь, отражен как носитель психики и т. д. до бесконечности.

«Психика» — система процессов и состояний взаимоперехода между объективными и субъективными атрибутами бытия живых существ (организмов)[5]. Пояснением нашей дефиниции может служить рис. 5.

[4] Читатель заметит, что понятия «цель» и «целесообразность» не входят в качестве определяющего признака (по крайней мере, в эксплицитной форме) в эту трактовку «организма». Не все воспроизводящееся подлежит целевой трактовке (например, круговорот воды в природе). Не будем спорить по поводу целевой организации мироздания: вполне возможно, что Вселенная похожа на организм (является целевой системой), однако обратное, казалось бы, очевидное, утверждение (организм похож на Вселенную) не представляется нам бесспорным.

[5] Эта дефиниция впервые была дана нами в статье «Психология: непредметность предмета» в «Трудах ярославского методологического семинара "Предмет психологии"» [Петровский, 2004], а далее зафиксирована в статье «Психика» (совместно с М.Г. Ярошевским) для «Психологического лексикона» [Ярошевский, Петровский, 2005].

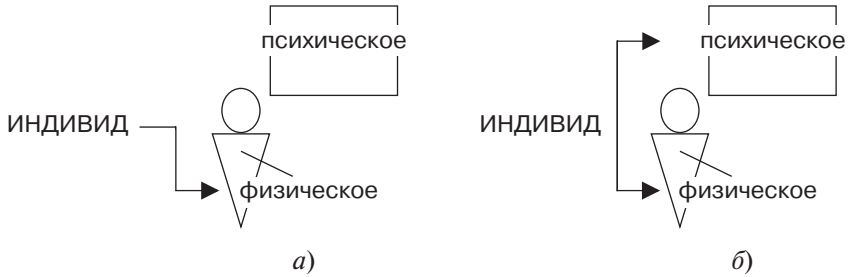


Рис. 4. «Индивид» — это *а*) или *б*)?

Рис. 5. Психика

Под «субъективным» подразумевается внутренняя, т.е. неотчуждаемая от живого существа и порождаемая им самим система *феноменов*, совокупность чувственных проявлений его бытия. «Субъективное» включает в себя *образы* мира (конфигурации «чувственной ткани», в которых воспроизводятся формы объектов); *мысли* («усмотрение отношений» как специфическое переживание); цели и побуждения (чувственные прообразы будущего); *аффекты, эмоции, чувства, настроения* и др. Неотчуждаемость «субъективного», «внутреннего» от индивида может быть осмыслена в соответствии с различением условий *порождения* и *существования* этих феноменов. Возникнув однажды, субъективное неотделимо от производящих его условий (локус существования того, что возникло, совпадает здесь с локусом возникновения его).

В этом отличие его от *физического* как объективно сущего. Объективное есть *всеобщее* достояние — то, что потенциально «существует для всех».

На фоне многочисленных попыток определить «психику» (*психическое*), которая часто неправомерно отождествляется с «субъективным» (будь то «сознательное» или «бессознательное»), философы и психологи, трактующие этот предмет, поразительно мало внимания уделяли тому, что представляет собой *физическое*. Между тем, без этого никакие попытки справиться с первой задачей не могут претендовать на успех. И в этой связи, мы обратим внимание читателя на тот признак существования, который может рассматриваться как определяющий для понимания *физического*. Оно может быть осмыслено как обладающее свойством *транспонируемости*: для него выполним **перенос**. Действительно, физическое тело («вещество») или физическая волна, возникая где-либо, могут быть «перенесены» за пределы места своего возникновения, при этом их свойства сохраняют свою неизменность. Локус существования физического может отличаться от локуса его возникновения.

Психическое и его атрибут — *субъективное* — возникнув «где-то», остается там, где возникло. По этой причине внутреннее, субъективное невозможно каким-либо способом «увидеть», «подсмотреть» (сфотографировать или каким-либо еще способом воспроизвести) с позиции внешнего наблюдателя: оно не распространяется, подобно волне, и не перемещается, подобно вещи; оно принадлежит исключительно индивиду, составляя его достояние, его имманентное свойство. Ни боль, ни запах, ни переживание «красного», ни ощущение плотности, ни образ объекта передо мной, ни мысль, ни чувство, ни смыслы как формы проявления психического не могут быть «извлечены» из той среды, из того «места» пространства, в котором они возникли — такой перенос всегда означал бы трансформацию психического (вплоть до его полного уничтожения).

Психические процессы невидимы, беззвучны и неосязаемы; они не имеют ни цвета, ни вкуса, ни запаха. Но без них было бы невозможным появление зрительных, слуховых, кинестетических ощущений, невозможны чувственные переживания. Так же и воля, внимание, сопровождаемые напряжением и усилием, сами по себе сверхчувственны; они не являются чувствами напряжения и усилия как таковыми. Переход объективного в субъективное и субъективного в объективное, свершаемый посредством психики, эмпирически неуловим. Зазор, существующий между этими атрибутами бытия, не может быть «заполнен» физическими или химическими сущностями,

представлениями о волне и корпускуле; точно так же этот «зазор» не может быть «перекрыт» представлениями об известных или еще неизвестных элементах чувственного.

Попробую сказать об этом коротко (будем считать, что это памятка для читателя):

Психика — это ль не диво творения?
Вот доказательство в две строки:
Нет никого, кто видел бы зрение
И осязал бы работу руки...

Грань между объективным и субъективным отнюдь не условна, конечно, если считать, что психика — не «конструкт», а особая (третья) реальность. Психическое не только отделяет, но и связывает пространства объективного и субъективного. Если от этой общей посылки перейти к примерам, то вопрос звучит так: «Можно ли обнаружить в реальном физическом мире то, что нельзя не мыслить как психическое?» Мы говорим, что это возможно! Такова, например, форма объектов, отношение между частями, границы, отделяющие одну часть от другой, динамика вещи, сходство, различия, запись (отпечаток) чего-то одного в чем-то другом. Я приведу пример «как бы физического» объекта, который, в действительности, к категории физических объектов не относится (если бы он имел статус физического объекта, то его поведение вступало бы в противоречие с законами физики). Так, пятно света, имеющее, положим, форму окружности, может перемещаться со скоростью, значительно превышающей скорость света. Я имею в виду известный парадокс с вращающимся прожектором, угловая скорость которого является, конечно, субсветовой, в отличие от возможной скорости перемещения светового пятна на отдаленном объекте (она-то и может быть существенно больше скорости света). Объяснение парадокса состоит в том, что круглое пятно, движущееся со скоростью $v > c$, не есть физический объект, и поэтому физические законы ему «не писаны».

Звезда — физический объект, а созвездие, как известно, нет.

То же самое можно сказать и про отношения, а стало быть, и про статические и динамические структуры, образуемые физическими сущностями. Говорят, форма воска, несущая на себе отпечаток предмета, не содержит в себе ни грана вещества. Но также — и ни грана волны, если бы волна могла быть измерена в гранах.

Формы, «огранивающие» физические сущности, суть психические образования; их носители — физические тела и волны, а сами они –носители субъективных явлений (переживания, ощущения, восприятия, представления), образуют их субстрат и композицию.

Особый вопрос заключается в том, чтобы осмыслить место «непространственных» ощущений в мире телесных контактов индивида с миром. О каких порожденных или порождающих *формах* здесь могла бы идти речь? Ведь ощущения, говорят, «просты». Вспомним тонизирующий эффект черного кофе и попытаемся перебросить мысленный мостик между этим переживанием, с одной стороны, и особенностями поведения взбодрившегося человека, с другой. О каком структурном соответствии могла бы идти речь при сопоставлении столь непохожих друг на друга явлений? В известных примерах А.Н. Леонтьева и вслед за ним В.В. Давыдова, демонстрировавших переход формы внешнего объекта в форму движения руки, а формы движения руки — в форму субъективного переживания формы объекта, вопрос подобным образом не ставится. Ведь тут перед нами наглядный пример переноса формы: форма объекта → форма деятельности → субъективная форма.

Мы полагаем, что место ощущений в системе организации поведения — двоякое. Как ни парадоксально, вполне «простое», казалось бы, ощущение способно структурировать поведение и, кроме того, способно направлять его.

В одном случае речь идет об ответе на вопрос: «Зачем?» Зачем нужны ощущения, если психика как носитель форм способна «сама» направлять поведение, не опираясь на параллельный ряд сопутствующих ей переживаний? Читатель, конечно, узнает в этом посыле знаменитый вопрос об эпифеноменальности психики. Действительно, легко может составиться представление, будто ощущения — эпифеномен работающего (движущегося, воздействующего, действующего) тела индивида. Они (ощущения) будто «не нужны» ему для его собственной жизнедеятельности. И это, должен сказать автор, вполне справедливое недоумение.

Ну, в самом деле, говорим мы, *телу* индивида ничего «не нужно» *вообще*; ведь именно тело является инструментом «нужды», *обслуживая* производимые его работой ощущения, а не наоборот (т.е. не ощущения обслуживают тело). Иначе говоря, ощущения — не столько возможный инструмент функционирования, сколько возможный

результат, цель, смысловой вектор существования индивида, само острие этого вектора.

Психика, иногда говорят, — «открытая система». Это, конечно, так! Субъективное как внутренняя сторона психики сообщается с объективным, она разомкнута вовне. И, тем не менее, *субъективное*, говорим мы, смыкается с собой через мир; оно цельно, самоценно и самонацеленно. Когда мы видим в психике, субъективном, исключительно регуляторную функцию (многие из нас вслед за С.Л. Рубинштейном, а тот вслед за В.И. Лениным так и говорят о психике как о *функции* мозга), то это — только часть правды. Субъективное — не только инструмент (обслуга) жизни. Субъективное есть ее внутренняя цель, *энтелехия*. Не «желание жить» для жизни, а жизнь — для того, чтобы переживать в себе силу жизни. Подчеркиваем: жизнь — для переживаний, а не переживание — для жизни; или, если взглянуть на это с эволюционной точки зрения, — *выживание* для *переживаний*, а не *переживания* для того, чтобы физические (материальные) тела *выживали*. Ведь физические тела вообще ни в чем не нуждаются.

Иначе говоря, в логическом плане вполне допустима альтернативная традиционной точка зрения на эволюционный процесс. Традиционная состоит в том, что живые существа в борьбе за существование, свое физическое присутствие на земле совершенствуются; спонтанные мутации отбираются средой. Перед нами прогресс, все большее совершенствование телесной организации живых существ, физических тел (вопрос «зачем?» при этом не имеет смысла, физические тела существуют «почему-то», «в силу чего-то», а не «ради чего-то» или «зачем-то»). Другой взгляд на эволюцию: это отбор таких свойств живых тел, которые позволяют ощущать, переживать, мыслить — наслаждаться своим бытием в мире[6].

Такая трактовка психики, субъективного не должна быть понята как очередная версия телеологической интерпретации жизни в духе «постулата сообразности» («адаптивности») поведения и сознания индивидов, их устремленности к заранее известному целевому состо-

[6] Мы говорим здесь об эволюции живой природы и далеки от мысли всю Вселенную рассматривать в эволюционном плане как «движущуюся» в направлении субъективного. Но, заметим, что когда кто-либо из нас говорит, что он «далек» от некоей мысли, то это значит, что именно такая мысль приходит ему в голову. Итак, я говорю читателю прямо: я «далек от мысли», что когда-нибудь будет написана «новая история универсума», «новая космогоническая теория» по имени *Наслаждающаяся Вселенная*.

янию (см. гл. 2.2). Субъективное по своему качеству вечно новое; узоры психического, как в калейдоскопе, меняются, в каждый момент времени они своеобразны. Трудно помыслить их заранее «записанными» в физике тела и тем самым как бы «из прошлого» — в первоначальной форме — переходящими в будущее. Поэтому субъективное как внутренняя цель (энтелехия) поведения и развития живых существ не может быть понято как некое *предустановленное* состояние или отношение. Оно заключает в себе избыток — как по отношению к прошлому, так и к возможному будущему (см. гл. 14.2). Далее, раскрывая возможное место ощущений в организации поведения, от вопроса: «Зачем?» мы переходим к вопросу: «Как?» (как возможно, чтобы «простое» ощущение конфигурировало сложное поведение). Суть возможного ответа состоит в следующем. Нет ощущений, изолированных друг от друга. Любое ощущение соотнесено с ощущением, которое ему непосредственно предшествует и за ним следует, существует на фоне других ощущений или само образует фоновое ощущение по отношению к какому-либо другому. Нет и не может быть изолированных ощущений; в субъективном пространстве-времени они сосуществуют друг с другом. Иными словами, было бы заблуждением полагать, что ощущения бывают «точечными». Они всегда «заполняют» области субъективного опыта, а значит, заключают в себе *границу*. Так, «синее» отграничено от «красного», «этот запах» от «того». Они ограничивают и огранивают друг друга. Длительность и пространственность ощущений неразлучны (интересно, что сказал бы по этому поводу А. Бергсон?[7]). Усилим тезис, «соберем» мысленно

[7] Согласно Анри Бергсону, математическая пространственная метафора времени (пространственная ось) неадекватна реальному переживанию времени — «длительности». Познание чистой «длительности» доступно лишь интуиции, понимаемой как непосредственное «постижение». «*Реальная длительность* есть то, что всегда называли *время*, но время, воспринимаемое как неделимое. Что время предполагает последовательность, я этого не оспариваю. Но чтобы последовательность представлялась нашему сознанию, прежде всего как различение между рядоположенными “прежде” и “потом”, с этим я не могу согласиться... в пространстве, и только в пространстве, существует отчетливое различие частей, внешних друг другу» [Бергсон, 1913, с. 31–32]. «Чистая длительность есть форма, которую принимает последовательность наших состояний сознания, когда наше “я” просто живет, когда оно не устанавливает различия между наличными состояниями и теми, что им предшествовали; для этого оно не должно всецело погружаться в испытываемое ощущение или идею, ибо тогда оно перестало бы длится. Но оно также не должно забывать предшествовавших состояний: достаточно, чтобы, вспоминая эти состояния, оно не помещало их рядом с наличным состоянием, наподобие точек в пространстве, но организовывало бы их так, как бывает тогда, когда мы вспоминаем ноты какой-нибудь мелодии, как бы слившиеся вместе» [Бергсон, 1992, с. 93]. Длительность всегда существует как единство прошлого и будущего, прошлое всегда существует в настоящем, настоящее существует как воспоминание о прошлом. А. Бергсон сравнивает длительность со снежным комом, скатывающимся вниз с горы: разрастаясь, он сохраняет в себе первоначальное состояние; длительность, сберегая в себе настоящее и прошлое, вбирает в себя будущее. «Реальная длительность состоит из моментов, внутренних по отношению друг к другу»; «когда она принимает форму однородного целого, она уже выражается в пространстве» [Бергсон, 1914, с. 167].

ощущения в отдельные «психические состояния», образуем *паттерны* ощущений. И если нам удастся этот мысленное собирательство, то мы будем готовы сказать, что ощущения способны к образованию *форм*. А если так, то границы и основанные на них формы сочетания ощущений приобретут в наших глазах искомую функцию. Мы сможем рассматривать их как нечто, способное *направлять* (*структурировать*) поведение — конфигурировать потоки активности. Ибо форма заключает в себе пространственное определение, структуру (так же как перфокарта с отверстиями, образующими определенный рисунок). Такая структура способна опосредствовать активность, сказываясь на ее протекании.

Таким образом, тело — инструментально; душа (*ψυχή*) — самоценна. Организм есть машина, *поставляющая* ощущения и *опирающаяся* на них в своем функционировании. Как же это происходит? И какова перспектива динамики?

Предположительно, это происходит так. Сначала в результате телесных контактов индивида со своим окружением в его психике спонтанно появляются ощущения, имеющие определенный гедонистический тон («приятное» — «неприятное»). Далее в психике фиксируется маршрут, приводящий к таким ощущениям. Поскольку переживание *конфигурировано*, т.е. имеет *форму*, возможно управление поведением, ведущим к позитивному результату (действительно, там где возможно говорить об управлении со стороны субъективного, мы всегда находим следы наслаждения и страдания, вкрапление опыта притягательных и отталкивающих переживаний). При автоматизации поведения существующие в психике переживания, имевшие гедонистический знак, становятся необязательными и покидают субъективную сферу.

«Пограничным» статусом психического объясняется феномен перманентного поиска и реинтерпретации психологией своего собственного предмета (время от времени психология как бы утрачивает свой предмет), «исчезновения» фундаментальных психологических категорий и понятий. На протяжении истории психологии встречались случаи отрицания психологами реальности «ощущения», «внимания», «воображения», «мотива», «воли», «деятельности», «субъекта» и др. Примером может служить высказывание Х. Хекхаузена, описывающее онтологический статус «мотива», базовой категории психологии: «В действительности никаких мотивов не существует» (подразумевается, что это — конструкт нашего мышления) [Хекхаузен, 1986, с. 37]. Между тем, предлагаемое здесь понимание психики исходит из признания *реальности* ее бытия: психика по отношению к объективному и субъективному есть «нечто третье» — особый род бытия, описываемый понятиями «сопредельное», «переходное», «связующее».

Процессы и состояния, объединяющие внешние и внутренние составляющие бытия индивида, объективные и субъективные измерения его жизни, опосредствуют движение «извне вовнутрь» и «изнутри вовне». В первом случае имеется в виду «перенос» форм внеположных индивиду объектов во внутренний, субъективный план (познание в широком смысле), во втором — встречное движение (порождение и воплощение вовне внутренних моделей мира).

Это не означает, что содержания субъективного «внутреннего», все без остатка могут быть сведены к каким-либо внешним воздействиям, имея свой прототип во вне и являясь копиями (отражениями) этого прототипа. Точно также и объективное, «внешнее», сохраняет своего рода дистанцию по отношению к психическому: не все в объективном актуально «переводится» психикой в субъективный план, и не все являет собой воплощение субъективного. Но каждый процесс, каждое состояние или свойство психики представляет собой единство «центростремительного» (ориентировочная активность) и «центробежного» (исполнительная активность) переходов объективного в субъективное и субъективного в объективное.

Когнитивные акты, такие как восприятие, память, воображение реализуют переход «извне вовнутрь» (во всех случаях этот переход опосредствуется активностью индивида, направленной вовне).

Акты поведения — импульсивные, произвольные и волевые формы активности — реализуют обратный переход «изнутри вовне» (данный переход опосредствуется процессами, ориентированными противоположным образом — извне вовнутрь).

В противоположность «центростремительному» и «центробежному», мышление уравновешивает оба процесса, придавая статус реальности тому, что до этого существовало в субъективном плане (воображение, гипотезы о мире), и в то же время — статус субъективного отношениям, существующим вовне.

Подобно психическим процессам, психические состояния также представляют собой переходное звено между субъективными и объективными аспектами жизнедеятельности индивида: они реализуют функцию воспроизводства ситуации и играют регулятивную роль. В некоторых случаях психические состояния способны «порождать» свой объект, т.е. являются самоподтверждающимися (так, страх оступиться повышает вероятность падения, ревность «порождает» соперника).

Отдельные психические процессы и состояния выступают в единстве, образуя целостные системы активности, реализующие взаимопереходы объективного и субъективного. Таковы «предметная деятельность» в трактовке А.Н. Леонтьева [1975], «установка» в теории Д.Н. Узнадзе [1966], «настроенность» в концепции М.В. Басова [1928][8], Я как *идея* (гл. 2 этой книги) и др.

Психика относится к субъективным продуктам собственного творчества (мир субъективных явлений) так же, как и к объективной реальности: копирует нечто в том, что она сама создала, опускает что-то при этом, усиливает подчеркиванием, «группирует» заново. Эффекты восприятия двойственных картинок, «фигура-фон», перестук колес, в котором человек способен по своему произволу слышать то один стихотворный размер, то другой, все это — творения психики, результат вторичного психического отражения того, что уже было ранее отражено.

Из определения психики следует, что существуют осознаваемые (присутствующие в субъективном плане) и неосознаваемые ее содержания. Психика и исторически (в филогенезе и онтогенезе), и логически (в соответствии с приведенной дефиницией) — это образование, не осознаваемое непосредственно. Осознание основано на отражении

[8] Несомненная научная заслуга Басова заключается в том, что он одним из первых отечественных теоретиков предложил системную точку зрения на организм как «единство и совершеннейшую согласованность» функций; ввел представление о «жизненном *строе*» (разрядка Басова), или «настроенности» организма, «в которой он пребывает в каждый данный момент» [Басов, 1928, с. 345].

(рефлексии) психического в субъективной сфере индивида; сознание — своего рода *автопортрет* психики вместе с ее предпосылками и результатами.

Мир субъективного объединяет в себе все, что есть для меня и единственно для меня, включая и мой собственный образ, в котором все это есть. Вопреки сложившемуся убеждению, мое «Я» ничего не воспринимает, ничего не видит. Есть только картинки, среди которых и картинка того, кто «смотрит», и даже картинка того, будто бы он что-то «видит». Но, разумеется, на этой картине нет *зрения* как особого процесса превращения нарисованного объекта посредством нарисованного субъекта в картинку образа объекта в голове у нарисованного человечка. «Видимое», «Видящий», «В*и*дение» суть феномены субъективного, т.е. «картинки»; а «зрение» — это просто слово (оно субъективно дано как звучание), обозначающее стрелочку (или ее замещение) трансформации «видимого» в «в*и*дение» «видящим».

Таким образом, мы осмысливаем идею восприятия в терминах «есть»/«нет» «на картинке». При этом, как можно убедиться, мы устраняем лопатинского «человечка в человечке» — упраздняем саму идею воспринимающего «гомункулуса». Показываем, рисуя, что сам гомункулус — это фантом, включенный в структуру картинки, порождаемой мозгом. Иначе говоря, мы налагаем вето на гипостазирование (придание статуса объективно сущего) того, что является не более чем конструктом-картинкой.

Глобальный конструкт «психика», в значении посредника между «объективным» и «субъективным», реализует в себе исторически складывающиеся представления о взаимодействии и взаимосоответствии («сосуществовании», «параллелизме») внешнего и внутреннего, телесного и душевного, идею нерасторжимости объективного и субъективного атрибутов бытия индивида [9].

В заключение сформулируем положение, имеющее гипотетический, а с точки зрения кого-нибудь из скептиков и явно фантастический характер. Суть вот в чем. Если мы правы, и психика, обладая способностью отражать мир, сама по себе остается неотразимой, то проясняется эволюционный смысл психического (в качестве такой

[9] В рамках теоретической психологии «психика» раскрывает себя в системе биологических, протопсихологических, базисных, метапсихологических категорий и экстрапсихологических (экзистенциальных) категорий теоретической и практической психологии [Петровский, Петровский, 2000].

невидимой силы, способной производить переживания и направлять поведение). Думаю, что этот вопрос о психике-невидимке, если только отважиться его поставить, заключает в себе и ответ. Кажется разумным считать, что, располагая такой волшебной способностью (выше мы назвали ее «дивом творения»), индивиды приобретают дополнительные возможности достигать своего, чувствуя защищенность, — т.е. особые конкурентные преимущества. Цели, планы, эмоции индивидуума — все это внутри него и соглядатаям недоступно. Таким образом, психика-невидимка скрывает от чужих глаз то, что должно быть действительно невидимо, и в этом возможный эволюционный смысл ее потаенности.

Но таков адаптивный смысл невидимости психики не только для ее носителя. В этом — великое благо для других индивидуумов. «Мне больно» — это ощущение непосредственно не передашь другому (так и говорят — «непередаваемая боль»). Продолжим рассуждать по старинке, в телеологических терминах, задаваясь вопросом «зачем?», «ради чего?». «Зачем» другому ощущать мою боль? В данных обстоятельствах именно мне, быть может, надлежит ее испытать... Однако, к счастью для всех остальных, *моя* боль незаразительна, *должна быть* неощутима другими. Поэтому эволюция как бы предупредила появление каких-либо физических волн или «струн», которые бы переносили боль от одного индивидуума к другому. И точно так же не должны были быть «передаваемы» переживание смерти и множество других субъективных переживаний (так что не стоит особенно нам удивляться «неэмпатичности» себе подобных: это встроенный в нас эволюцией механизм самозащиты).

Словом, если искать эволюционный смысл, исключающий идею эпифеноменальности психики, то это не только «избыточность» ее содержаний относительно производимых движений, не только системные качества одних переживаний на фоне других (например, особенности переживания боли в обрамлении разных переживаний), но это еще и сама «невидимость» психических состояний (их неслышимость, беззапаховость и т.п.). Не только мысли, но и ощущения, к счастью, не пахнут, что обеспечивает тайность наводок, секретность вынашиваемых индивидом планов, защищенность других от него и его от других. Состояния психики «самостны»: они присущи именно мне (непередаваемы — буквально, незаразительны — буквально).

И в самом деле — «зачем» моей боли быть на виду у всех, «зачем» всем другим испытывать ту же боль?

Глава 2

«Я»; СУБЪЕКТ. ИНДИВИД КАК CAUSA SUI

Факт состоит в том, что индивид как психофизическое целое организма воспроизводит себя в среде своего обитания. В том случае, когда акты самовоспроизводства характеризуются со стороны самого индивида, или в *субъективном* плане, привлекается термин «Я». Индивид в этом случае трактуется как источник, условие и результат саморефлексии. При другом способе рассмотрения, когда акты самопроизводства рассматриваются со стороны внешнего наблюдателя, т.е. *объективно*, индивид описывается термином «субъект» («субъект активности») и трактуется как источник, условие и результат собственных *поведенческих* актов. В этой связи подчеркнем, что «Я» и *Субъект* единосущны — являют собой субъективную и объективную ипостаси индивида, воспроизводящего своего бытие в мире.

2.1. «Я»: воспроизводство себя в рефлексии

Семиотика «Я». Как можно было бы определить «Я»? Будем стремиться к тому, чтобы определение было похоже на определяемый предмет по крайней мере своей краткостью. Мы предлагаем следующее.

«Я» есть индивид в саморефлексии.

В этом определении заключено (довольно плотно «упаковано») множество смыслов, и каждый из них образует некую грань «Я». Таковы *субъект*, рефлектирующий себя; *процесс* саморефлексии; *образ* субъекта, данный ему в рефлексии. Все это разные стороны «Я». Сочетаясь друг с другом, они образуют «Я» как таковое.

Говоря о себе «Я», мы пользуемся *именем* этого знака. Его нам подсказывает культура.

Подсказывает *имя*, но отнюдь не *форму* этого знака, как бы говорит нам: «Мучайтесь, господа, догадками!»

Зачастую культура хитрит, подсказывает *ложные знаки*. К примеру, «глаз-наблюдатель» (будто бы «Я» — это отражающее и принимающее «вовнутрь» устройство, что порождает идею «человечка в человечка, а там еще человечка и т.д.»); «круг» (будто бы «Я» — это субстрат, внутри которого что-то спрятано); или приведенное нами ранее изображение «индивида *вместе* с психикой (будто бы «Я» — это часть психики, являющаяся «собственностью» индивида) и т.п.

После выхода замечательной во многих отношениях книги Л.М. Веккера «Психика и реальность» [Веккер, 1998, с. 648] мы столкнулись с полярными точками зрения на природу «Я», высказанными двумя выдающимися теоретиками. Один из них — сам Л.М. Веккер, который ассоциировал это понятие с понятием «психического субъекта», «психического носителя», «*n*-й производной по отношению к своему исходному физическому носителю». Другой теоретик — С.Л. Рубинштейн [1973], который с особым пафосом подчеркивал, что «Я» — это «живой чувственный индивид». Как видим, очень четкая поляризация позиций: «Я» как нечто ментальное, глубоко внутреннее, сопричастное «тонким» материям, и «Я» как что-то вполне осязаемое, данное в восприятии так, как вещь может быть дана среди вещей. Где же истина?

Можно принять — как версию — третью точку зрения: что «Я» — это особый, «маргинальный» знак. Такой знак, который, будучи носителем идеи «Я», заключает в себе *границу* — нечто сопредельное, переходное, срединное.

После Л.С. Выготского мы много говорим об опосредовании, часто забывая, что опосредующее звено должно содержать в себе особое качество — «быть между», что позволяет сводить воедино, «состыковывать» какие-то вещи. Согласно Гегелю, значений, помечаемых словом «граница», три. Это *предел, переход, связь*. Предел отделяет нечто от иного и в той же мере — иное от нечто. Говоря «предел», мы мысленно переходим от одного к другому и обратно; стало быть, идея «границы» заключает в себе идею *перехода* — пишем «предел», подразумеваем «переход». Но ведь этот переход — двусторонний. Условно говоря, переход — слева направо и справа налево, причем это «происходит» одновременно. «Нечто» и «иное» тождественны (в этом переходе) и нетождественны друг другу (в самогашении этого пере-

хода). «Нечто» и «иное» теперь должны уже рассматриваться как *приверженные* друг другу, хотя и не растворенные друг в друге. Так «граница» обнаруживает в себе еще одно значение — *связь*.

Все эти значения слова «граница» — предел, переход, связь — должны быть представлены в знаке «Я», если, конечно, принять версию, что «Я» — маргинальный знак. Говоря о границе, мы можем наблюдать метаморфозы значений этого термина (предел — переход — связь). Очевидно, что и знак границы, если он есть наяву, должен быть весьма необычен: он должен являть собой это **живое** единство, эти превращения. Мы так и будем о нем говорить: «живой знак», имея в виду, что ему самому присуще движение. Отнять у него это движение — значит истребить сам знак. У Хименеса есть такие слова: «Бабочка света, красота, ускользает, а в руках остается одно ощущение бегства». Ускользающая бабочка света, оставляющая по себе ощущение бегства в руке, — это метафора «живого знака». Описать живые знаки — значит описать динамику бытия, воссоединяющую полюса. И «Я» — это один из таких живых знаков.

Я уже говорил о том, что сознание теоретиков, определяющих «Я», расколото надвое: «Я» — как живой чувственный индивид (нечто объективно сущее, наблюдаемое извне, данное человеку как вещь среди вещей); и ментальное «Я». Идея маргинальности «Я», представленности «Я» живым знаком, на мой взгляд, снимает эту оппозицию.

Онтологическая модель представляется нам, таким образом, в виде кубика Неккера. В силу своих волшебных перцептивных свойств (отдельные грани кубика, чередуясь, то выступают вперед, то отступают назад, борясь за лидерство) эта фигура являет собой *динамический (живой) знак* (рис. 6).

Куб Неккера — «живой знак», как бы специально замысленный природой, чтобы в движении своих переходов воплотить в себе «Я» как идею рефлектирующего себя индивида. Живые знаки — это способ существования идеи вообще и в частности идеи себя, присущей индивиду и являющей собой «Я». В последнем случае индивид в качестве *источника* саморефлексии (объект, субъект, носитель) как бы рокируется с самим собой как *явлением* саморефлексии (образ, результат, данность): физическое и психическое, объективное и субъективное, пульсируя, переходят друг в друга.

Противостояние двух взглядов на «Я» — Веккера [1998] и Рубинштейна [1973] — преодолевается, таким образом, трактовкой «Я» как

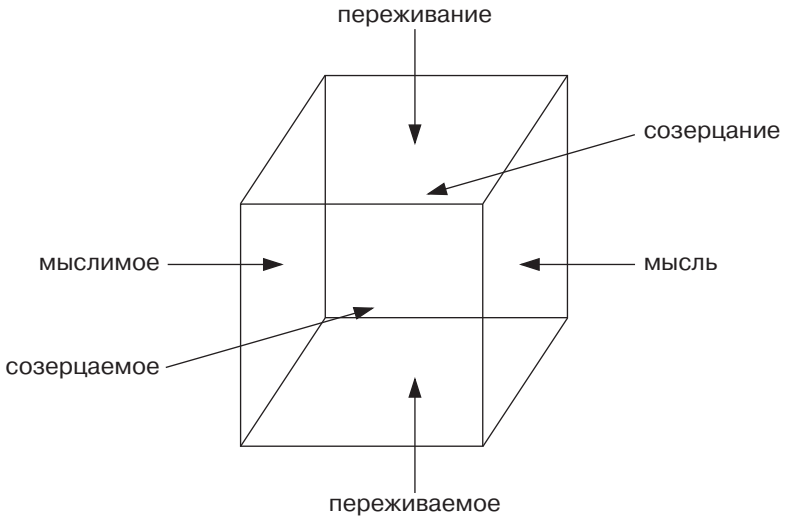


Рис. 6. Идея «Я» — субъект в саморефлексии

особой идеи, имеющей свой специфический знак, в котором ипостаси спиритуального и материального совместны, неотделимы друг от друга. Напрашивается ассоциация (по сходству) с «ангелом» из повести Ярославцева (А.Н. Стругацкого); о некоем герое там сказано: «Он — ангел, и именно что во плоти».

Разумеется, этот знак не единственный. Варианты «динамического знака» — это фигура-фон, «трансформер», еще очень плохо осмысленные и освоенные нами «фигуры невозможного», опыты запечатления «триединства» (я согласен с теми, кто считает, что нелепы попытки определить, «Кто есть Кто» в рублевской «Троице»). Наконец, особые топологические формы, такие как пояс Мебиуса (на вопрос, хорош ли человек, отвечать: «Не знаю, не знаю, я знаю его только с одной стороны — хорошей»). И так далее...

Но все это как бы визуальные динамические формы (не подумайте, что «как бы» — это слово-паразит из лексикона студента-психолога; это указание на то, что сомнительна сама возможность полноценной визуализации этих динамических форм — мы не вполне способны адекватно воспринять их глазом, они обманывают обыч-

ное зрение, они нуждаются в «другом зрении»). А область «живых знаков», я думаю, значительно шире. В частности, они существуют как действия, производимые людьми. Но это не вполне обычные действия. Они могут показаться иррациональными. Возможно, это так и есть. Это не только действия, но и слова, также заключающие в себе двойственный, не редуцируемый к чему-то одному смысл. Имея в виду эти необычные действия и необычные слова в роли знаков, я хочу подчеркнуть: речь не идет о символах (которые, как известно, обладают множеством значений). Речь идет о *взаимопереходах* значений, заключенных в знаковой форме «Я», иногда даже о стирании каких-то значений, о чем мы еще будем говорить.

Я остановлюсь на некоторых формах маргинального знака, представленных действиями человека, и заключающих в себе такие моменты «границы», как «предел», «переход», «связь». Все это — знаки «Я».

Первая группа знаков — *бытие «Я» через абсурд*. Люди совершают заведомо бессмысленные и шокирующие действия. Сюда относятся негативизм (вспомним прекрасно описанный в культурно-исторической теории «кризис трех лет»), вычурность («кризис семи лет»), а также выплески индивидуальности в подростковом и юношеском возрасте. Перед нами область существования и функционирования того, что М.В. Бороденко обозначила как «контр-знак»; в контр-знаке — не одно, а два означаемых, они противоположны друг другу и при этом заключены в тесную для них обоих динамическую знаковую форму. Через «контр-знаки» ребенок выявляет себя как *индивидуальность* в том смысле этого слова, который содержится в концепции социогенеза индивидуальности А.Г. Асмолова [2007].

Когда ребенок прибегает к контр-знакам, «переворачивает» слова, творя мир «наоборот», или, как говорит В.Т. Кудрявцев [1998], совершает инверсионные действия, то он рушит устойчивое и обязательное. Тем самым он выявляет для себя свою самость, несводимость «Я» ко всему внешнему и привходящему.

Чаще всего контр-знаки встречаются в смеховой культуре. Вернемся к двум граням «Я»: физической и духовной. У В.Я. Проппа в книге о комическом есть глава «Человек-вещь», где приводятся примеры сравнения человека с вещью и вещи с человеком. «Не будь штанами, приезжай», — пишет А.П. Чехов брату. Или: «характер ваш похож на прокисший крыжовник»; «одним словом, ты — пуговица»

и т.д. И еще рельефней и действенней — обратное сравнение (это уже из Гоголя): в огороде Коробочки на фруктовые деревья наброшены сетки для защиты от сорок и других птиц; «для этой же самой причины водружено было несколько чучел на длинных шестах с растопыренными руками; на одном из них был надет чепец самой хозяйки». Через фигуру осмеяния смеющийся освобождает себя от изначального страха быть вещью среди вещей — абсурд сравнения разрушает определенность, о-пред**е**ленность «Я» физическим бытием индивида.

Знаки второй группы характеризуют *бытие «Я» на границе*, являясь *переходными знаками*. В первую очередь я бы отнес к ним то, что я обозначил некогда термином «надситуативный» («бескорыстный») риск. Такой риск — это «взрыв», взлом ситуации. Именно в этот момент человек остро переживает свое «Я». И здесь главное — непредрешенность, неизвестность того, что будет. Если я что-то заранее знаю, заведомо могу предсказать свои реакции и свои будущие жизненные обстоятельства, как я почувствую свое «Я»? А ведь «Я» — это то, что «здесь и теперь» («тут»). Оно всегда «первой свежести» (а иначе это уже не «Я», а кто-то, с кем я был когда-то знаком). Риск дает возможность убедиться: «я есть». «Я рискую, следовательно, я существую».

Знаки третьей группы описывают *«Я» как зеркало*. Исторически сложились две парадигмы истолкования жизни индивида, жизни общества, шире — мироздания. Первая — телеологическая: есть предустановленная гармония или цель. Этот взгляд восходит к Аристотелю, который говорил об энтелехии — конечной цели всего происходящего в мире. В психологии (применительно к индивиду) до сих господствует именно эта точка зрения, я назвал ее когда-то «постулатом сообразности» [Петровский, 1975]; реализуется она в гомеостатической, прагматической и гедонистической формах. Другая парадигма — это парадигма хаоса и возникновения порядка из хаоса. В психологии этот — *пригожинский* — подход, на мой взгляд, практически не представлен, хотя, некоторые прорывы в этой области есть (например, в микропсихоанализе Фанти, который отталкивался в этом вопросе от Фрейда).

Я думаю, может и должен быть выделен третий подход, снимающий в себе противоречия двух первых. Индивид и общество — средоточие хаоса, но это «целевой хаос». Личность — это единомножие активных сил; иногда говорят — «субличностей». Однако не существует никакой «суперличности», которая, подобно кучеру на об-

лучке, правила бы остальными. Моя мысль заключается в том, что «Я» осуществляет отражение (и тем самым, сообщение между собой) разных других во мне, а также и вне меня, что порождает целый ряд интересных следствий.

Отражаемые «субличности» (говорю сейчас метафорически, на языке психосинтеза), точнее, целеустремленные системы, могут вступать между собой в самые парадоксальные отношения. «Берегите птиц!» — говорит один. Другой говорит: «Да! ведь это источник вкусной и здоровой пищи!» Целевые системы могут противодействовать друг другу («мышь» и «профиль» в примере В.А. Лефевра), быть совершенно безучастными друг к другу или же случайно совпадать в своих интересах — но при этом каждая из них имеет свою цель, работает «на себя».

Возникает такой вопрос. Положим, есть целевой хаос. Есть заинтересованные подсистемы (их можно называть субъектными подсистемами, «субличностями» и т.п.). Они действуют в своих интересах. Но существует ли такая подсистема, все интересы которой были бы в то же время опосредствованы интересами других, смежных подсистем?

Я буду исходить из того, что такая подсистема возможна, что суть ее в рефлексивном соотнесении между собой других подсистем и что такая подсистема уже нами названа: это «Я». Иными словами, «Я» живет «заимствованными» интересами смежных целевых систем. Но это отнюдь не значит, что ей не свойственны свои интересы (просто они неотчуждаемы от интересов других подсистем). И я могу сейчас указать некоторые интересы «Я», благодаря которым его не выталкивают со сцены другие заинтересованные подсистемы.

«Я» согласовывает устремления других подсистем. Именно согласовывает, а не упорядочивает, потому что система «Я» — по крайней мере, в моей модели — не играет роли третейского судьи. «Я» не судит и не ранжирует. Первый ее интерес — это соотнесение интересов других субъектных подсистем. А для этого их нужно рефлектировать. И уже в этом пункте можно разграничить «идеал» и «антиидеал» в функционировании «Я»-системы. Антиидеал в построении «Я» — это, конечно, булгаковская Аннушка-Чума. Вы помните, она появлялась, и тут же начинался скандал. Она была мастером диссоцирующего управления, постоянно порождающего конфликты. Аннушка-Чума в душе порождает столкновение всевозможных «персонажей» и «сил»:

влечение и долг, свобода и ответственность (В. Франкл говорил, что напротив статуи Свободы должна стоять статуя Ответственности), Оно и сверх-Я, берновские Родитель и Дитя, Либидо и Танатос. *Такое* «Я» будет содействовать бунту и вымещению вместо прощения и приятия, будет порождать идеи, которые сводят с ума и ведут к полной деструкции поведения.

На фоне антиидеала рельефнее выступает то, что мы вкладываем в понятие истинного «Я». Истинное, совершенное «Я» позволяет каждой системе, по крайне мере, с точки зрения внешнего исследователя, быть представленной в «Я» самотождественным образом. Идеально устроенное «Я» — это точная рефлексия смежных систем и примирение их всех друг с другом. Такое «Я» являет нам лик миротворца. Оно предоставляет каждой из систем возможность *воплотиться* через рефлексию в нем и прийти *к согласию* (примирению) через обратный шаг рефлексии, когда «Я» воплощается в смежных системах. Истинное «Я», так же, как и «дурное» «Я», живет между молотом и наковальней. Но иначе оно жить «не умеет»: «жить» для него — значит быть инструментом опосредствованной рефлексии.

Существует и другой интерес, присущий системе «Я». Он состоит в том, чтобы продуцировать саму способность к имитации (рефлексии) по отношению к другим подсистемам. Ибо для того, чтобы «Я» справилось с первой задачей — примирения, оно должно уметь повторять в своих состояниях содержание смежных подсистем, быть универсальным имитатором. То, что «Я», по-видимому, проверяет эту свою способность к имитации, может объяснить нам некоторые парадоксальные проявления активности индивидуума. Мы уже упоминали внутреннего Родителя, Взрослого, Ребенка, живущих в нас; можно говорить также об архетипах аналитической психологии, «субличностях» в психосинтезе, «фигурках сна» и «монстрах» в процессуально ориентированной терапии и т.д. Каждый из этих внутренних субъектов может стать объектом имитации со стороны «Я». Наше «Я» как бы присоединяется к каждому из этих субъектов — такого рода присоединения совершенно непрагматично, оно лишено иного смысла, кроме апробации самой возможности имитации. Так рождаются «игры», «интриги», «комические положения», «розыгрыши», словом, особая драматургия собственной жизни. Поведение может со стороны казаться абсурдным, рискованным, вычурным, но его смысл — в имитации смыслов других субъектов, «живущих» внутри.

Метафора «зеркала» являет нам знак «Я» как *синтезирующего*, связывающего образования, одновременно преодолевающего и поддерживающего дистанцию между разными инстанциями жизнедеятельности индивида.

Особую проблему образует знаковая природа «Я» в форме *представления индивида о себе*. Когда мы в своей речи используем слово «я», то оно обычно фигурирует для нас в значении личного местоимения («я сделал...», «я посмотрел...», «я почувствовал...», «я замечаю...»). Здесь еще не идет речи о «Я» с большой буквы — о рефлексивном «Я», о «яйности» (не слишком благозвучный русский перевод немецкого Ichkeit у Фихте). Личное местоимение «я» — это «я сам» индивида, нечто более сложное и онтогенетически более позднее, чем индивид в своем самопереживании, и нечто более простое и раннее, чем индивид, данный себе в мысли. Это и есть «Я» как представление индивида о себе. Мы говорим: «У него (у нее) нет еще и представления о себе», не утверждая при этом, что у него (у нее) начисто отсутствует «Я»; наоборот, мы вполне допускаем, что индивид воспринимает себя, обладая самостью, но просто имеем в виду при этом, что данный индивид еще «не видит себя *со стороны*», не может «взглянуть» на себя глазами другого. Впрочем, строго говоря, видеть (воспринимать) себя «со стороны» невозможно. Можно только *вообразить*, что смотришь на себя со стороны, а стало быть, вообразить себя на месте наблюдателя, смотрящего в твою сторону и воспринимающего тебя. «Нет представления о себе» — это значит, что воображение не «дорисовывает» образ самовосприятия до образа восприятия себя глазами другого. Представление о себе двухслойно: это восприятие себя плюс воображение себя в качестве объекта наблюдения со стороны. Но что означает здесь: «воображение дорисовывает образ самовосприятия до образа представления»? Ответ на этот вопрос невозможен вне описания актов *семиозиса* «*Я*» — знакового становления «Я» на интересующей нас ступени саморефлексии индивида.

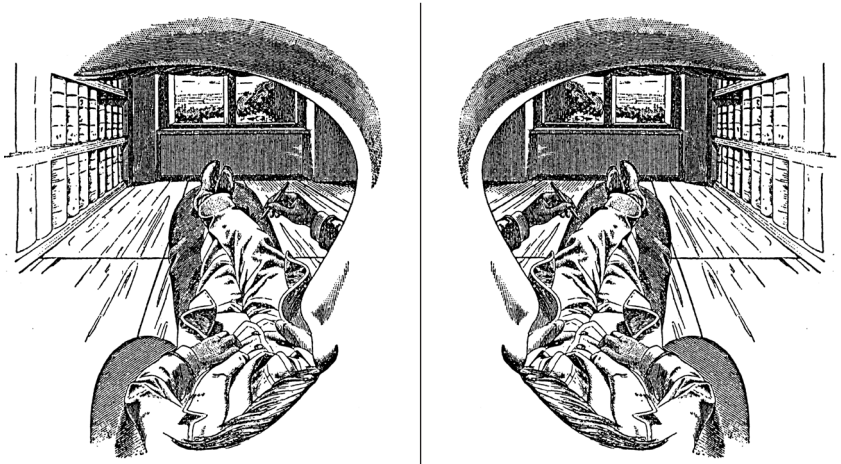
Естественно считать, что «Я» в самопредставлении рождается и функционирует как знак связи между сопредельными жизненными сферами самого индивида и *других* индивидов, с которыми тот вступает в общение. Допустим, речь идет об индивиде *X*, чье представление о себе нас особенно интересует, и индивиде *Y*, соучаствующем в процессе порождения этого представления; соответственно, мы можем говорить о *мире с точки зрения X*, «M_X», и *мире с точки зрения Y*,

«M_Y». Развивая идею о том, что «Я» — маргинальный знак, а также все сказанное ранее о соотношении понятий «представление» и «восприятие», естественно принять такую гипотезу: только тогда, когда индивид *X* способен в воображаемом плане взглянуть на мир с позиции некоторого индивида *Y* и вернуться далее в свою исходную позицию, замечая при этом разницу двух картинг мира, — только в этом случае он способен получить представление о собственном «Я».

Если высказанная гипотеза верна, то представление индивида о себе может быть понято как продукт чередования актов центрации и децентрации, имеющего первоначально характер смены впечатлений при изменении точки обзора. Воспользуемся иллюстрацией из книги Эрнста Маха [2005], чтобы, отталкиваясь от нее, выразить суть нашего понимания. На оригинальной картине изображен взгляд на себя человека, когда он закрыл правый глаз и смотрит на себя, лежащего, левым глазом. Мы видим при этом — под определенным углом зрения — бровь, усы, нос, ноги, комнату, окна и т.д. (рис. 7*а*). Прежде чем мы рассмотрим *представление* индивидуума о себе, сделаем промежуточный шаг. Нарисуем новую картинку: что видит тот же человек, когда закрыт его левый глаз (рис. 7*б*).

Испытает ли читатель то же, что и автор, поочередно закрывающий то один, то другой глаз? Перед мной — мелькания двух картин. В плане *переживания* они не образуют *означающего* и *означаемого* некоего *знака-1*, или, наоборот, *означаемого* и *означающего знака-2*. Это не стороны того или иного знака — это то, что,чередуясь, образуют, при всем видимом сходстве, разные объекты (как бы смотрящие в разные стороны).

Совсем иное дело, когда мы видим себя в зеркале. Перед нами, казалось бы, наше лицо, наша фигура, обстановка вокруг, и ничего сверх этого больше нет. Но оргинальный рисунок Маха все-таки намекает нам на то, что, смотрясь в зеркало, мы видим не только свое в нем отражение, но и еще какие-то фрагменты нашего тела — в частности, кончик собственного носа. В книге исследователя раннего когнитивного развития Т. Бауэра мы можем прочитать о том, что переживание «Я» связано с восприятием кончика своего носа. Бауэр в свойственной ему живой манере пишет о том, что «сведение "Я" к зрительной проекции носа на сетчатку обычно вызывает радостное оживление и насмешки слушателей» [Бауэр, 1979, с. 75]. Является ли восприятие частей своего тела *означающим* по отношению к отражению собствен-



а) *б*)

Рис. 7. «Перемигиваемся» с миром (пояснения в тексте)

ного тела в зеркале *как означаемому* или, наоборот, второе из двух — *означаемое*, первое — *означающее*? Мы не можем однозначно ответить на этот вопрос — просто не располагаем какими-либо экспериментальными данными такого рода. Более того, у нас нет отчетливых критериев выделения феномена *знаковости* как таковой (неосознаваемого и осознаваемого восприятия объекта как знака в единстве означающего и означаемого). В связи с этим автор предпочел бы говорить о существовании ассоциации между непосредственно воспринимаемыми элементами собственного тела (кончик носа, в частности) и восприятием-предвосхищением отражения собственного облика в зеркале. Но свидетельствует ли эта ассоциация о том, что индивидуум, смотрящий на себя в зеркало, имеет дело с переживанием собственного «Я»? Полагаю, что нет. С тем же успехом любому физическому телу, отраженному в зеркале, мы могли бы приписать переживание «Я» на том основании, что существует закономерная связь между движением этого тела в реальном пространстве и отраженного предмета «в пространстве» зеркала. Это только в поэзии одушевляются объекты, отраженные в зеркале, как в стихах Б. Пастернака:

Зеркало (1917)

В трюмо испаряется чашка какао,
Качается тюль, и — прямой,
Дорожкою в сад, в бурелом и хаос
К качелям бежит трюмо.
.....
Огромный сад тормошится в зале,
Подносит к трюмо кулак,
Бежит на качели, ловит, салит,
Трясет — и не бьет стекла!

Выскажу *гипотезу*: подлинное представление о себе, о собственном физическом «Я» появляется у ребенка только тогда, когда в поле его переживаний начинают объединяться две картины реальности, две стороны знака. Одна из этих картин — собственное тело индивидуума, воспринимаемое с позиции «внутреннего наблюдателя». Именно такой мир «схвачен» глазами, точнее *глазом*, наблюдателя Маха (рис. 7*а*). Другая картина соответствует взгляду виртуального наблюдателя на тело индивидуума как бы извне, из условной точки *по ту сторону* тела. При этом в поле зрения такого воображаемого («виртуального», «условного») наблюдателя оказывается сам индивидуум, непосредственно воспринимающий части своего тела, такие как руки, часть корпуса (полный человек видит только живот); смутно, «козырьком» — контур бровей, возможно, двоящиеся очертания очков на носу, кончик носа и т.п.). Он воспринимает картинку видения себя «изнутри» (фантом «внутреннего человечка», смотрящего изнутри, по-видимому, появляется тогда же).

Введем специальные символы. Допустим, речь идет об индивиде *X*, чье представление о себе нас особенно интересует, и индивиде *Y*, «соучаствующем» в процессе порождения этого представления; соответственно, мы можем говорить о *мире с точки зрения X* (обозначение — «M_X»), и *мире с точки зрения Y*, — «M_Y»[10].

Положим, в какой-то момент *X* переходит на позицию *Y* (можно говорить при этом — «замещает» эту позицию, «идентифицируется»

[10] Соблазнительно было бы соотнести выражение $M_{Y,X}$ с символом вида M_{YX} («*M* с позиции *Y* с позиции *X*») рефлексивной алгебры Лефевра; однако способ такого соотнесения все-таки неочевиден.

с Y, «децентрируется»). Будем считать, что X, переходя на позицию Y, сохраняет в памяти картину M_X, но теперь эта картина сочетается с картиной M_Y, и теперь он обладатель образа первой картины, M_X, и второй — M_Y. Будем считать, что $M_{X,X} = M_X$ (т.е. «повторный взгляд на себя не изменяет образа себя»). Интерес представляет $M_{Y,X}$ — «восприятие себя глазами другого». Обращаясь к описанию ситуации в семиотических терминах «означающее — означаемое», мы теперь видим в M_X *означающее* только что образованного знака, а в $M_{Y,X}$ — его *означаемое*. Точно так же при переходе на точку зрения (обзора) Y порождается еще один знак: с *означающим* M_Y и *означаемым* $M_{X,Y}$. И тогда динамика центрации и децентрации может быть осмыслена как двусторонний процесс порождения (взаимопостроения) двух знаков:

$$(M_X / M_{Y,X}) \leftrightarrow (M_Y / M_{X,Y})$$

Здесь косая черта отграничивает *означаемое* (слева) от *означаемого* (справа); стрелочка «↔» — *это* взаимопереходы картинок, воспринимаемых «изнутри» и «извне».

Мгновенная перемена позиции — и картина M_X превращается в *означающее* только что рожденного знака, *означаемым* которого тут же становится композиция двух картин — $M_{Y,X}$. Если считать, что, возвращаясь из позиции воображаемого внешнего наблюдателя Y в позицию внутреннего наблюдателя X, индивид сохраняет неизменным открывшийся ему только что образ собственного тела, то картина $M_{Y,X}$ упрощается и превращается в M_Y. Теперь M_X свидетельствует о M_Y (и соотносится с ним как означающее и означаемое в знаке). Иными словами, непосредственно видимые индивиду части собственного тела (например, руки, упавшая на глаза прядь волос, кончик носа, брови) образуют для него теперь не только *объект*, но и *субъект* созерцания — как части *тела, которое «само на себя смотрит»*. В себе-*видимом* индивид открывает себя-*видящего*.

Остается только заметить, что вся эта динамическая система может рассматриваться как сложное *означаемое* знака («сложенное» из двух, подменяющих друг друга знаков) с *означающим* «*Я*» (представленного *звуком* «*я*», *иероглифом*, *прикосновением*). Итак, «Я» как динамический знак приобретает здесь следующий вид:

$$\text{«}Я\text{»} = \textit{звук «я»} / ((M_X / M_{Y,X}) \leftrightarrow (M_Y / M_{X,Y}))$$

Если предлагаемое знаковое представление «Я» оправдано, то перед нами путь построения типологии «Я» (в частности, построения «патотипологии» «Я»), а также описания и конструирования «Я» в контексте межиндивидуальных взаимодействий[11].

Попытки объединить две картины реальности (M_X и M_Y) в пределах единого маргинального знака (пограничный статус этого знака проявляется в том, что означающее и означаемое этого знака постоянно меняются местами — без такой «рокировки», осуществляющейся, надо думать, в определенном ритме, чувство «Я» угасает), служат, возможно, объяснением таким «нарциссическим» устремлениям детей, как разглядывание себя в зеркале, многократное прослушивание одной и той же магнитофонной записи собственного голоса, сокрытия (прятки) и обнаружения себя перед взрослыми («вот я!»). Действительно требуется изрядное количество времени и бесконечное число сопоставлений, «примерок» своего «для-себя-бытия» и своего «для-других-бытия», чтобы они могли объединиться друг с другом, пульсируя, превращаться друг в друга, в живом знаке «Я».

Анализируя неадаптивные, поражающие нас своей иррациональностью, избыточностью, иногда упорством формы активности (абсурдные и смеховые действия, бескорыстный риск, показное злодейство, «проигрывание» других отталкивающих ролей, поддавки при игре в прятки, нарциссическое самосозерцание, недетские игры в кабинете терапевта и в жизни), мы замечаем, что за всеми этими феноменами вырисовывается единая сущность — бытие на границе, рефлектируемое индивидом как «Я». Психологический смысл всех этих необычных действий и побуждений — быть знаками «Я», избегающего каких-либо форм овнешнения и овеществления.

«Быть свободной причиной» — что это значит? Возможно ли это? Одним из стереотипов, носителями которых мы невольно становим-

[11] Представление о себе репрезентировано индивиду прежде всего переживанием *различий*, существующих между двумя картинами мира — M_X и M_Y. Самое интересное, что первоначальная картина мира M_X при таком чередовании, с одной стороны, сохраняется, а с другой, приобретает некие дополнительные характеристики. Какие? Очевидно, она указывает на существование некой иной картины мира — M_X в сочетании с M_Y. Это сочетание может иметь самый различный характер: $M_X \cup M_Y$ (объединение двух множеств, «двух картин мира»); $M_X \setminus M_Y$ (разность, индивид фиксирует свое внимание на различиях); $M_X \cap M_Y$ (пересечение двух множеств — обобщение «двух картин»). Возможны и такие комбинации: $M_X \cup (M_Y \cap \varnothing) = M_X$ (объединение с пустым множеством — «ничего не меняется»); $M_X \cap (M_Y \cap \varnothing) = \varnothing$ (пересечение с пустым множеством — «все стирается»); $(M_X \cap \varnothing) \cup M_Y = M_Y$ («мир глазами другого и только, видимый мир — иллюзия») и др.

ся, является повсеместное отождествление гуманистической психологии с телеологической точкой зрения, согласно которой «все осмыслено». Действительно, гуманистическая психология в лице В. Франкла настаивает: смысл не конструируется — смысл всегда уже есть, его только должно найти. Вместе с тем гуманистическая психология, побуждающая искать и находить смыслы, неизбежно сталкивает нас с вопросом: **кто** ищет смыслы? Иначе говоря, с вопросом о «Я», которое предсуществует смыслу в живом действе его нахождения.

Реальность «Я» как свободной инстанции человеческого существа превращает, как это часто бывает, постулат изначальности смысла в *проблему*: верно ли, что «смысл всегда есть» и что его только «нужно найти»? Или, быть может, разумнее было бы полагать, что в значительном числе случаев смысл есть вторичное построение нашего сознания (ибо так уж сознание устроено — оно подвержено соблазну осмысливать происходящее) и что смысл в качестве *универсальной* основы наших поступков и чувствований («*вот* ради чего я действую», «*вот* зачем это необходимо мне») — не более чем иллюзия. И речь здесь идет, подчеркиваю, не столько о каком-либо исключении из правил, сколько о правиле, имеющем исключения. Поэтому на вопрос: «Зачем?», чаще всего должно ответить: *«За-не-зачем, а потому что не-иначе-как!»*.

Действительно, может ли быть схвачен какой-то *один* смысл, объясняющий, почему (а точнее — зачем, ради чего) человек поступает — так, думает — так, или чувствует — так? Я думаю, нет... Лишь синтез того, что может быть названо «смыслами», диктует вектор активности. А является ли *композиция* смыслов сама, в свою очередь, всегда осмысленной?

Возможны два ответа на этот вопрос.

Первый ответ — «да», если мы верим, что «предустановленная гармония», провозглашенная некогда Лейбницем, существует.

Второй ответ — «нет», если принять, что «предустановленная гармония» вообще и гармония смыслов в частности — не более чем прекрасная сказка. И в этом случае приходится признать, что истоки человеческой активности иррациональны (не рационализируемы).

Тогда возникает проблема: если не «смысл» (не долг, не голос совести, не указание свыше), а что-то иное образует основу активности, то, спрашивается, что же именно?

Общий ответ, который может быть дан: таким источником является наше «Я». Но оно должно быть понято определенным образом: как модус, средоточие жизни особой *идеи*. Это идея *свободной причинности:* «Я» есть причина себя.

Идея «свободной причинности» (т.е. возможности самопроизвольно начинать причинно-следственный ряд) по своему историческому возрасту — ровесница самой философии, в которой она с такой настойчивостью и страстностью отстаивала себя. Независимо от того, склонялись ли философы к признанию свободы или объявляли ее иллюзией, постулировали ли ее существование или выводили, «ощущали» ли ее как данность или видели в ней идеал, будет справедливым сказать, что идея «свободной причинности» неизменно самоосуществляется в философии. Присутствие этой идеи в пространстве и времени философской культуры давно уже приобрело — и здесь мы воспользуемся термином Хайдеггера — *не*-обходимый характер. Соответствует ли философской идее «свободной причинности» нечто реальное в психологии? Оправдан ли пессимизм И. Канта, считавшего возможность свободной причинности недоказуемой (но принимавшего эту возможность как необходимое условие разрешения противоречий чистого разума)? Верно ли, что природа «свободной причинности» психологически непознаваема? Словом, оправдано ли привнесение этой идеи из философии в психологию, и в чем смысл подобного действия (причем не только для психологии, но и для философии)?

Понятие causa sui. Согласно Аристотелю, «причиной называется то содержимое вещи, из чего она возникает; например, медь — причина изваяния и серебро — причина чаши, а также их роды суть причины; форма или первообраз, а это есть определение сути бытия вещи, а также роды формы, или первообраза (например, для октавы — отношение двух к одному и число вообще) и составные части определения; то, откуда берет первое свое начало изменение или переход в состояние покоя; например, советчик есть причина и отец — причина ребенка, и вообще производящее есть причина производимого, и изменяющее — причина изменяющегося; цель, то есть то, ради чего, например, цель гулянья — здоровье» [Аристотель, 1975, с. 146]. Есть «материальная причина»; «формальная причина»; «действующая причина»; «целевая причина». Важное для нас замечание Аристотеля состоит в том, что «есть причины по отношению друг к другу (так, занятие трудом — при-

чина хорошего самочувствия, а оно — причина занятия трудом, но не в одном и том же смысле, а одно, — как цель, другое — как начало движения».

Таким образом, уже здесь мы встречаем предпосылки идеи «возвращения причины к самой себе» — ключевой для развиваемой нами трактовки «свободной причинности». Связь между причиной и действием в своей истине, отмечал Гегель в «Науке логики», предполагает возвращение причины к себе (через то, что выступает как ее действие и благодаря чему «в изначальность полагается действие, т.е. изначальность снимается; действие причины становится реакцией» [Гегель, 1972]. Итак, причина как бы возвращается к себе, выявляет свою зависимость от себя самой — в конечном счете, определяет себя сама. Но ведь это и есть проявление того, что наша интуиция именует «свободой»! Рождающуюся таким образом причину, свободную в том отношении, что она сама определяет себя через свое возвращающееся к ней самой действие, будем в дальнейшем так и называть — causa sui («причина себя»), используя этот термин именно в указанном смысле.

Категория «свободной причинности» (в форме causa sui) до сих пор не была в должной мере осмыслена психологически. Между тем, есть по крайней мере одна область психологических разработок, само существование которой, на мой взгляд, определяется мерой освоения, или точнее, высваивания идеи свободной причинности. Речь идет о *психологии «Я»*.

«Я» как причина. Приведем здесь еще раз уже предложенную нами дефиницию «Я»: субъект в саморефлексии. «Можете всегда положиться на убийцу в отношении затейливости прозы», — иронизировал В. Набоков. Вполне возможно, что предложенная здесь дефиниция при всей своей краткости слишком затейлива. Но она схватывает, как нам представляется, по-настоящему важные характеристики «Я». Так, согласно традиционному пониманию, «Я» неотделимо от *телесности* индивида («Душе грешно без тела, как телу без сорочки»; «Дано мне тело — что мне делать с ним, таким единым и таким моим?.. Я и садовник, я же и цветок..»). Подчеркивая, что «Я» индивида — это «он сам» в своей отраженности как субъект, мы, таким образом, обозначаем («предъявляем») телесную образующую «Я» вполне осязаемо. Традиционно «Я» рассматривается как *субъективная* образующая физической и психической жизни. Не сводя «Я»

лишь к субъективному, мы отмечаем его неотделимость от телесного, объективного. Субъектность индивида выступает здесь в своей *отраженности* (далее мы рассмотрим формы такой отраженности). Принято считать «Я» *активным*. Этот момент предусмотрен предложенной дефиницией: «Я» индивида рассматривается как субъектная форма тождества отражаемого и отраженного. Тем самым подчеркивается *самопричинность* индивида в «Я». Ведь отраженность должна заключать в себе то, что существенно в отражаемом. А это в данном случае способность быть «причиной себя».

Итак, если «Я» есть форма существования субъектности индивида, то каковы ее основные «образующие» и что могло бы придать ей характер causa sui?

Causa sui как психологическая реальность. Философия свободной причинности по отношению к психологии напоминает алгебраическое уравнение, характер которого предполагает четыре возможных решения — четыре «корня» в ответе на вопрос о психологической природе causa sui. Согласно принятым нами условиям, «корни» решения должны отвечать четырем аристотелевским причинам, и каждая — в сочетании с другими — должна обнаружить в себе возможность самовозврата, придающего ей значение «свободной причины».

В качестве искомых «корней» уравнения могут быть выделены четыре ипостаси «Я» индивида: имманентное «Я», идеальное «Я», трансцендентальное «Я» и трансфинитное «Я».

«Я»
(ЕДИНСТВО ЧЕТЫРЕХ ЕДИНСТВ)

Имманентное «Я»:	Единство движущего и движущегося («Я само по себе», «Я в себе»)
Идеальное «Я»:	Единство представляющего и представляемого («Я» в самосозерцании)
Трансцендентальное «Я»:	Единство мыслящего и мыслимого («Я» в мысли о себе)
Трансфинитное «Я»:	Единство переживающего и переживаемого («Я» в самопереживании)

Каждая из названных ипостасей реализует в себе, согласно нашему предположению, одну из четырех аристотелевских причин, и вместе с тем каждая могла бы быть возведена в ранг causa sui.

Имманентное «Я». Ему соответствует causa sui в значении «материальной причины». «Неуловимая», по всеобщему мнению, мате-

рия «Я» как бы соткана из мгновенных состояний «Я», непрестанно обновляющихся во времени и в этой подвижности содержащих в себе нечто общее, «претерпевающее», что рефлектируется в последующие моменты как Самость (строго говоря, Самость и есть то, что мысль признает в себе претерпевающим изменение). Имманентное «Я» существует, таким образом, в *настоящем* пространстве и времени. Динамика неизменного и неизменность в динамике, свойственные имманентному Я, со всей отчетливостью выражены Б. Пастернаком: «И нужно ни единой долькой // Не отступаться от лица, // Но быть живым, живым и только, // Живым и только — до конца». Имманентное «Я» есть «Я» становящееся, заключающее в себе «единство возникновения и прехождения» (в терминах гегелевской философии). Имманентное «Я» принадлежит, таким образом, парадоксальной реальности «Вот-сейчас-бытия» — реальности, на которой, безусловно, держится мир, и которая никогда как таковая не дана нам в своей непосредственности. Выход из этого парадоксального положения заключается в том, чтобы допустить существование чего-то, что могло бы заключать в себе несуществующее, давая ему возможность быть. Такое искомое существует в «природе», и точное его имя — «переживание» (к чему мы еще вернемся). Однако имманентное «Я» в момент своего рождения еще не переживается и не выступает в виде какого-либо образа или мысли. Имманентное «Я» полнится импульсами, интуициями, помыслами и предчувствиями, но, прежде чем проявиться, они должны будут как бы объясниться друг с другом в некой точке пространства и времени (в точке этой сейчас мы «застаем» имманентное «Я»); а до этого акта всегда имплицитного синтеза нет ни импульсов, ни интуиций, ни помыслов, ни предчувствий. Вот почему имманентное «Я» есть столь же и сокровенное «Я» человека.

Идеальное «Я». Ему соответствует causa sui в значении «формальной причины». Идеальное «Я» существует в процессах самосозерцания. Представляя себя тем или иным образом, человек конструирует свой собственный образ в идеальном пространстве и времени и в этом смысле всегда имеет дело с самим собой как существующим в возможности (даже тогда, когда он конструирует образ себя в настоящем). Таков взгляд человека на свое физическое «Я» (экспериментальные исследования показывают, насколько зависим образ собственного физического «Я» от установок личности). Здесь же содержится и образ себя как субъекта самонаблюдения (вспомним о лопатинском «внутреннем человечке»); в идеальном «Я» конструируется также образ себя как мыслящего («мыслящая вещь» Декарта); и, наконец, идеальному «Я» принадлежат образы того, как человек переживает себя — возможность длить свое бытие, воспринимать, мыслить, чувствовать. Детерминизм возможным — подлинный источник целеполагания (в нашей трактовке »цель» есть образ возможного как прообраз действительного [Петровский, 1992]. Психологической категорией, отвечающей детерминизму возможным как таковым, является надситуативная активность [Петровский, 1975; 1977; 2010].

Трансцендентальное «Я». Ему соответствует causa sui в значении «действующей причины». Таково наше мыслящее и вместе с тем мыслимое, вне-находимое и вне-временное «Я». Вне-находимость означает, что нечто *находится* (нахождение как процесс и результат обнаружения) там, где его как такового никогда не было; вне-временность означает, что оно временно находится там, где мы его находим. Трансцендентальное «Я», таким образом, существует в условном пространстве и времени. Мысль переживается сразу как что-то иное, чем переживание; воспринимается сразу как что-то иное, чем восприятие; и, будучи высказанной, означает что-то иное, чем само высказывание («Мысль изреченная есть ложь»). Мысль как таковая вне-находима и вне-временна, ее чувственная запись — своего рода письменное послание нам — существует в пространстве и времени. Таким образом, она как бы удостоверяет свое собственное рождение (свидетельство о рождении, как известно, выдается уже после рождения, хотя дата в нем совпадает с моментом рождения). «Я мыслю» (когито) означает, что мысль сама выдвигает представление о мыслимом и мыслящем, сама производит эти представления. Подлинным основанием мысли, ее источником является сама мысль. Без мысли о мысли есть, может быть, все, о чем мы готовы подумать: наши ощущения и чувства, образы восприятия и памяти, наши фантазии, импульсы к действованию — нет лишь самой мысли (она возникает только тогда, когда мысль мыслит себя, «думу думает»). Мысль, мыслящая себя, и есть трансцендентальное «Я». Именно оно ведет в за-пределье, будучи действующей причиной в составе causa sui. Осваиваясь в границах возможного, мысль с необходимостью трансцендирует их, или, что тоже самое, постигая конечность, посягает на то, чтобы с нею покончить. Психологическим эквивалентом философской трактовки

мысли явилась бы одноименная психологическая категория, увы, еще далеко не осмысленная.

Трансфинитное «Я». Ему соответствует causa sui в значении «целевой причины». Таково переживание безграничности своего существования в мире. Опираясь на представления Г. Кантора, трансфинитность вообще можно определить как присутствие актуально-бесконечного в сознании [Петровский, 1995]. В данном случае речь идет идет о полноте «присутствия» [Хайдеггер, 1993] человека в мире. Это переживание его сопринадлежности вечному (всегда-бытие — «Зачем считать меня? Я был и есть и буду, // Жизнь — чудо из чудес, и на ладони чуду // Один, как сирота, я сам себя кладу...» — Арсений Тарковский), переживание сквозь-пространственности (везде-бытие), переживание беспредельности наслаждения, любви, истины. Специфика мира переживаний состоит в том, что именно в нем существует несуществующее, обретает себя немыслимое. «Немыслимость» не-существования мысли в любой точке пространства и времени — также переживание, благодаря чему не столько переживания существуют в пространстве и времени, сколько эти последние существуют для нас в наших переживаниях; переживания как бы обнимают собой мир. В отличие от мысли как таковой, потенциально соотносимой с любой точкой пространства и времени и удостоверяющей себя в этом посредством «свободного выбора», переживание совершенно свободно от бремени выбора. Философия переживания — это философия *не-выбора* (зачем выбирать, если весь мир — мой, если альтернативы суть знаки друг друга?)[12]. Мысль, ставшая переживанием, не выбирает, где и когда ей быть, а просто есть в каждой точке пространства и времени. Переживания, таким образом, образуют совершенное пространство и время; в нем-то и пребывает наше трансфинитное «Я». Основу трансфинитности переживаний образует безусловность для нас того, что есть; или, иначе говоря, — невозможность существования иного по отношению к данному (отрицание самой возможности отрицания того, что дано, переживается

[12] Буриданов осел был умней Буридана. Осознав идентичность стогов, он поставил на левый, а мог бы — на правый: подумаешь, разницы нет!. Уплетая, он думал: «Один — наяву, а другой — в голове, и они идентичны... И поэтому я, насыщаясь одним, поглощаю другой — идеально! Нет нужды умирать! Ошибся осел Буридан! «Я наемся *вдвойне*, и таков мой *не-выбор*».

в этом случае как бесконечность явленного, как полнота его бытия). Трансфинитное «Я» как переживание актуальности бесконечного сбрасывает последнее в небытие, превращаясь в актуально-конечное «Я», освобожденное (или еще свободное) от переживаний, мыслей и образов, но впоследствии с необходимостью воплощающееся в них. И, таким образом, круг causa sui оказывается замкнутым. Психологическая трактовка трансфинитного «Я», как видим, предполагает существенное развитие вундтовской категории переживания.

Свобода как деятельность. «Я» как субъект свободы. Взаимопереходы, замыкающие круг causa sui, отчетливо прослеживаются на примере анализа особой деятельности, имеющей в философии давнюю традицию интерпретаций. Ранее мы уже обращались к словосочетанию «свобода воли» — именно оно может быть использовано для обозначения этой особой деятельности. Правда, до сих пор свобода воли рассматривалась нами как *действие,* в данном же случае речь пойдет о *деятельности,* носящей то же имя. Существует, конечно, разница между соответствующими понятиями. В первом случае (свобода воли как действие) человек берет на себя ответственность за совершение свободного акта, a posteriori выявляя его значимость для себя; мотив саморазвития может при этом отсутствовать. Во втором случае человек с самого начала устремлен к саморазвитию, его «Я» выступает как цель акта.

Охарактеризовать *свободу воли как деятельность* — это значит указать ее мотив, цель, средство, и авторство. Наше понимание того, что может быть осмыслено как «свобода человеческой воли», исходит из идеи сосредоточенности в человеческом «Я» четырех рассмотренных нами выше причин: «целевой», «материальной», «действенной», «формальной» и их взаимоподдержки. Сущность свободы воли — в самом совпадении этих причин: «во имя чего», «в силу чего», «чем» и »по форме чего» — в единомножии «Я».

Спросим теперь себя: *во имя* чего мы проявляем свободу собственной воли? Ответом могло бы служить: во имя того, чтобы пережить свое «Я» в его трансфинитности, иначе говоря, чтобы прочувствовать его беспредельность. «Я» как переживание себя в своей бесконечности — целевая причина деятельности свободы. Сразу видно, что нельзя заранее записать это переживание как таковое, ибо если бы оно было известно *заранее*, то присущая ему полнота исключила бы устремленность (стремящийся к красоте уродлив: по мысли Сократа,

мы не стремимся, когда имеем). Состояние беспредельности зашифровано в чувстве непредрешенности исходов действования.

Спросим себя далее: *в силу* чего мы действуем? Этот же вопрос можно задать и так: «Из чего»? Ответ: в силу того, что содержится в спонтанном движении «Я» — свобода воли произрастает из «Я», глубинных синтезов бессменно проникающих друг в друга внутренних состояний (такова наша дань Бергсону). «Я каков я есть сам по себе» (несуществующий ни в чем ином, кроме себя самого) — такова «материальная» причина деятельности свободы.

Поставим теперь вопрос о форме свободного действия: *по форме чего* мы действуем? Естественно, это — содержание нашего самосознания, в котором мы представляем себя действующими свободно, «поверх барьеров», «спонтанно», «независимо» (все это дано нам в чувственных символах отрицания заданности). Кроме того, направляющей оказывается здесь и позитивная символика, в которой «Я» предстает как «властелин» совершенных возможностей действования, понимания, чувствования, повелитель «Могу». Синтез негативных и позитивных моментов символической репрезентации «Я» выступает в образах «надситуативного деятеля». «Я» в представлении о себе самом есть «формальная причина» деятельности свободы.

И наконец, *чем* (или, точнее, *кем)* реализуется деятельность свободы? Наш ответ: творит «Я» как мысль о себе — «Я мыслю». Я как мысль о себе раскрывает мне смысл моих действий (моя мысль указывает, во имя чего я действую, открывает мне целевую причину действия). «Я» как мысль о себе принимает в себя и претворяет в себе спонтанность — изначальные токи, или истоки, предстоящего действия (саму «материю» действия, материальную его причину). «Я» как мысль о себе разрешает действовать себе только так и не иначе (реализация формальной причины — «что» этого действия). И, наконец, это моя мысль о себе проделала сейчас то, чему мы были свидетели: она раскрывала, принимала и претворяла, разрешала — словом, *опосредствовала* причинность других причин. И *вот сейчас* она *осмыслила* себя в своем действии — вернулась к себе в качестве «действующей причины». Действующей причины ... чего?

Ответ на кончике пера: «...деятельности свободы».

Итак, «Я как переживание себя», «Я каков я есть сам по себе», «Я как созерцание себя», »Я как мысль о себе» в единстве друг с другом образуют то, что мы называем «Я». И в этом единстве — *его свобода*.

Уровни саморефлексии. Существует логическая преемственность между понятием «идея» в философии Гегеля («идея есть абсолютное единство понятия и объективности») и оператором осознания Лефевра ($1 + x + ...$), преобразующим *нечто* в единство этого нечто с *образом* его в рефлексии: $T(1 + x + ...) = T + Tx + ...$ (где T — «платцдарм, на котором действуют персонажи, а Tx — картина платцдарма, лежащая перед X»).

Используемые здесь термины поясним выдержкой из «Конфликтующих структур» В.А. Лефевра [2000].

«Будем изображать символом T платцдарм, на котором действуют персонажи. Этому символу соответствует рис. *А*. Картины этого плацдарма, которые могут лежать перед персонажами X, Y и Z обозначим, соответственно, Tx, Ty, Tz (читается: "T с позиции X", "T с позиции Y", "T с позиции Z"). Элементы Tx, Ty, Tz возникают как результат осознания. На рис. 8 изображен случай, когда осознание произвел персонаж Y, но, разумеется, все сказанное справедливо для любого персонажа. Картины, которые есть у одних персонажей, могут отражаться другими. В результате возникают элементы Txy, Txz, Tyz и т. д. (читается "Tx с позиции Y", "Tx с позиции Z", "Ty с позиции Z" и т.д.). Элементы с двумя индексами также могут отражаться, в результате чего возникают элементы $Txyz$ и $Txzy$, $Tzxy$ и т. д. Они читаются соответственно — "Txy с позиции Z" и т.д. Картина, которую некоторый персонаж имел в момент t_1, может быть также осознана им уже в момент t_2, причем осознана именно как картина, а не как некоторая "физическая реальность". Вследствие этого возникают элементы типа Txx, Tyy, Tyx и т. д.» [Лефевр, 2000, с. 14].

Рефлексивный оператор Лефевра и порождаемые им построения могут рассматриваться как способ интерпретации гегелевской «идеи» на языке формальной теории. На основе использования категории «идея» и, соответственно, реализации рефлексивного оператора Лефевра могут быть выяснены логические взаимоотношения между понятиями «индивид», «Я», «самость» и определены сами эти понятия. С другой стороны, осуществимость оператора рефлексии, устанавливающего формальную связь между понятиями, коренится в бытийных характеристиках «Я», каждой из ступеней его развертки.

Индивид, определяемый нами как *психофизическое целое*, заключает в себе возможность саморефлексии, возможность «Я». Такая возможность обусловлена двойственной природой индивида (рис. 9).

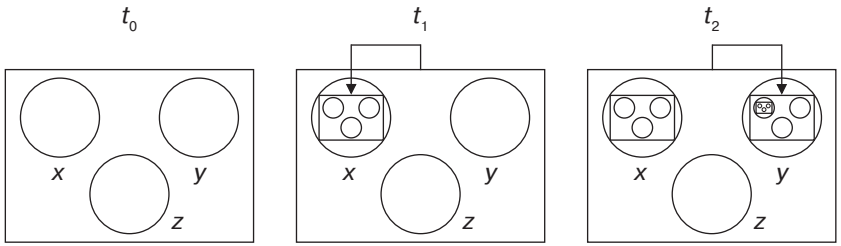


Рис. 8. Миры Лефевра

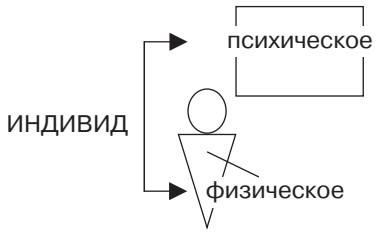


Рис. 9. Единство физического и психического

«Психическое» (как мы уже отмечали) в отличие от «физического», определяется нами как *жестко локализованное*, «привязанное» к месту своего возникновения. Иными словами, психическое не может само по себе перемещаться в пространстве без ущерба для своих изначальных свойств (поэтому-то и не удается «подсмотреть» извне, что представляет себе или чувствует другой человек). «Физическое» же, наоборот, *перемещаемо*; оно способно покидать локус своего порождения и при этом хранить свои свойства (таковы вещество и волна). Добавим, что психическое, которое столь часто путают с «отражением», составляет лишь условие последнего (не все в психике есть отражение). Поэтому психическое *не есть рефлексивное*, хотя некоторые субъективно-психические образования могут рассматриваться как рефлексивные. Психика индивида заключает в себе «рамку» потенциальной рефлексии, но сама эта рамка на ступени «возможного Я» не рефлектируется.

Среди проявлений психического мы выделяем и определяем «созерцание», «мышление», «переживание»; в единстве они характеризуют то, что может быть названо рефлексией. «Идея» заключает в себе единство рефлексируемого (оригинал, прообраз) и того, что дано в рефлексии (образ).

«Я», субъект в саморефлексии, есть также и «идея себя, свойственная субъекту». Первоначально мы обращаемся к оператору осознания ($1 + x$), рассматривая в качестве плацдарма реализации этой процедуры самого субъекта X. В результате имеем: «Я» = $X + X_X$. X в этом выражении может интерпретироваться как «рефлексируемое» (объективно сущее), а X_X — как рефлексированное (субъективно сущее). Онтологическая модель Я (= $X + X_X$) представляется нам в виде кубика Неккера (см. раздел «Семиотика “Я”»). В силу своих волшебных перцептивных свойств (отдельные грани кубика, чередуясь, то выступают вперед, то отступают назад, борясь за лидерство) эта фигура являет собой *динамический знак*. Перед нами — то, что может быть обозначено как («просто») «Я».

Рефлексивное «Я» (самость). Самость — это *«Я» как идея*. Здесь мы вновь обращаемся к аппарату рефлексивной логики Лефевра и, в частности, оператору осознания. Представляется возможным использование таких его форм, как $X(1 + X)$ и $(1 + X + X^2)$, где X — рефлектирующий себя субъект. Если в первом случае результатом его действия является «Я», то во втором — самость. Данные наших собственных экспериментальных исследований, полученных с помощью метода «Не думай о...», подтверждают правомерность положения о «двуслойности» самосознания (и, в частности, возможности существования «Я» без самости), индивидуальные и возрастные особенности актуализации рефлексивного «Я» (самости).

Критерии ясного и измененного состояния сознания. Измененному состоянию сознания часто противопоставляют «обычное», «обыденное», что неточно. Измененному сознанию должно быть противопоставлено ясное сознание. Может быть предложена общая трактовка ясного сознания как характеризуемого «обратимостью саморефлексии»: рефлектируя — «след в след» — собственную активность, при ясном сознании всегда можно вернуться к исходному пункту, при измененном же сознании подобное невозможно (обоснование этого положения выходит за пределы поставленной задачи). Наряду с понятиями ясного и измененного сознания (эти термины получили

прописку в психологии и даже устойчивую аббревиатуру[13]) мы предлагаем говорить также о ясном и измененном состоянии *само*сознания. Поскольку в логическом отношении определяющая характеристика «Я» заключается в тождестве двух форм существования индивида — как отражающегося (оригинал) и как отраженного (образ) — то кажется разумным предположить, что именно в тождестве этих форм коренится критерий ясного самосознания. В основе этого предположения — равенство двух многочленов, полученных в результате реализации оператора осознания ($1 + x + x^2$) применительно к индивиду X:

$$X + X' + X_{X'} = X + X' + X'_X,$$

где $X' = X_X$ (выражение справа — это «X с точки зрения X»).

Выражение $X_{X'}$ (индивид как объект саморефлексии) может быть осмыслено в терминах У. Джеймса («Мое») или, например, как «Территория “Я”» (Мейли). А выражение X'_X (образ индивида в саморефлексии) — как «Я сам». При ясном сознании «Мое» («Территория “Я”») и «Я сам» совпадают (фактически они чередуются, мгновенно превращаясь друг в друга). При измененном состоянии сознания, наоборот, это равенство исчезает — человек «привязывается» к чему-то одному, упуская другое.

Но в этом пункте я должен сделать одно важное уточнение. Если мы говорим «просто» об образе чего-либо, то было бы слишком сильным допущением утверждение о том, что такой образ сам способен строить образ. Не только фотографический, но даже зеркальный образ не способен осилить этого. Чтобы «образ строил образ», он должен быть образом субъекта — что означает отраженность сущности такого отражаемого (что же это за отражение, если оно не отражает определяющий и существенный признак отражаемого?). Сущность же субъекта состоит в его действенности, способности строить образы мира и действовать на их основе. Поэтому *отраженная* субъектность сама, в свою очередь, должна обладать *субъектностью*. Поэтому я предпочитаю говорить о субъектном образе себя (или кого-то

[13] Это отнюдь не значит, что они определены. На наш взгляд, критерием ясного состояния сознания является *обратимость саморефлексии*, след в след сопровождающей действия человека и динамику его психических состояний (человек при этом может вернуться назад и вновь пройти пройденное). При измененном состоянии сознания индивид не может «вернуться в прошлое», с тем чтобы пройти путь заново.

другого) в рефлексии. Такой образ *наследует* черты отражаемого и поэтому сам способен порождать образы.

Невидимки во мне. Рассмотрим некоторые феномены, значимые для анализа «Я» как субъекта саморефлексии. Будем говорить о феноменах «невидимой» («прозрачной») субъектности.

В первом случае мы будем говорить о Невидимке-1, а во втором — о Невидимке-2.

Невидимка-1. Речь здесь идет о том, что индивид, будучи субъектом восприятия мира (и себя как части этого мира), именно в этом качестве (т.е. в качестве субъекта восприятия) *себя* не видит. В терминах рефлексивной алгебры Лефевра субъект-индивид «выколот» из собственной картины мира. В определенных условиях наблюдения возможно даже формирование дихотомии: либо «Я» как субъект восприятия, либо объект, да и только (субъект не воспринимает себя). Есть замечательные психологические эксперименты И.М. Фейгенберга, подтверждающие такую возможность (личное сообщение).

И.М. Фейгенберг с помощью очень остроумной методики действительно выявил эту дихотомию: либо — вижу, *что* вижу (объект), либо — вижу, что *вижу* (субъект), но удержать одновременно субъект и объект видения испытуемый не в состоянии. В ходе экспериментов испытуемый надевал очки с поляроидами. На экране перед испытуемым на некоторое время появлялось число или слово, которое должно было быть прочитано. Например: число 8325 или, положим, слово «матрос». Цифры или буквы слова появляются в поляризованном свете, так что свет от одних цифр или букв пропускается только фильтром правого глаза, от других — только фильтром левого глаза, от третьих — обоими фильтрами. К примеру, свет от цифры 8 попадает только в правый, от цифры 3 — в оба глаза, от 2 — в правый, от 5 — в левый. Нужно смотреть буквально «в оба» (т.е. обоими глазами), чтобы увидеть число или слово полностью. В гипнозе испытуемому внушали, что левый его глаз «не видит». Оказалось, что если испытуемый закрывает ладонью правый глаз, то он «ничего не видит», как и должно быть, согласно гипнотической инструкции (возникают негативные галлюцинации). Но самое замечательное все же состоит в том, что при открытых глазах испытуемые читают число 8325, а не 832 и слово «матрос», а не «трос». Таким образом, в «пробе с ладонью» испытуемый не видит левым глазом, а в пробе с «поляроидами» — видит. Результаты деятельности левого глаза испытуе-

мый бессознательно приписывает активности своего правого глаза. Словом, если испытуемый видит (рефлектирует), что он *видит*, то он перестает видеть объект; а если он не видит (не рефлектирует), что он *видит*, в этом случае он видит *объект*. Таковы специальные эксперименты. Но они только добавляют резкости тому факту, что субъект восприятия может не присутствовать в поле восприятия воспринимающего (а в обрисованных особых условиях и не должен присутствовать, чтобы восприятие состоялось, иначе восприятие будет тут же разрушено).

Однако почему, в силу каких причин мы способны видеть объект, но при этом отнюдь не обязательно внутренним взором видеть себя *видящим* этот объект? На мой взгляд, таков очень интересный результат идентификации индивида с другим индивидом, играющим роль «супервизора». Представим себе ребенка, который смотрит на какой-то объект. Мы сейчас тоже посмотрим на этот объект глазами ребенка. Нам понадобится еще пара глаз, и это будут глаза взрослого. Давайте сделаем совершенно невинное предположение, что первоначально ребенок охватывает взором объект, на который смотрит также и взрослый, и самого взрослого, смотрящего на этот объект. Еще один шаг — это принять предположение, что для ребенка «видеть» — первоначально значит «смотреть» (а «смотреть» есть то же, что и «видеть»). Благодаря взрослому, смотрящему на объект, ребенок осваивает — говорим мы — что значит «видеть». Невольно подражая взрослому, устремляя глаза в направлении объекта, переживая соответствующие двигательные и зрительные ощущения, повторяя вслед за взрослым имя объекта, ребенок начинает рефлектировать себя в качестве видящего этот объект. Но при этом взрослый вначале должен быть непременно в поле восприятия ребенка (этот факт, конечно, самим ребенком не осознается). Ребенку нужно именно видеть, что взрослый видит (*смотрит*), чтобы осознать себя в качестве того, кто сам видит.

Теперь можно допустить, что по мере взросления ребенку уже не обязательно непосредственно видеть взрослого, смотрящего на предмет, чтобы осознавать себя самого видящим этот предмет. Взрослый может находится вне поля зрения ребенка, смотреть из неопределенного «откуда-то оттуда». (Привычка помещать наблюдателя за пределы, охватываемые взором, в бесконечно удаленную точку настолько характерна для нашего мышления, что мы совсем не замечаем ее, и

в силу этого так трудно разгадать малоизвестный, но изящный парадокс, именуемый «шапкой-невидимкой»). Словом, для ребенка объект *есть* для того, кого *нет* наяву: кто-то «видит» объект, хотя сам невидим. Объект как бы несет на себе отпечаток взгляда взрослого — отпечаток, «восстанавливающий» ощущение присутствия взрослого в сознании ребенка. Поразительна способность детей двух-трех лет «показывать» родителям вещи «по телефону»! Их не смущает, что родители за тридевять земель и явно не выглядывают из телефонной трубки. Родители невидимы, но сами «видят». С ним-то, этими невидимками, и отождествляет себя ребенок. Так и он становится невидимкой. И есть для этого великолепное средство, проверенное веками. Это «прятки». Прячась, ребенок наблюдает или представляет, что происходит вокруг, и, по сути, превращается в того самого взрослого, чье неусыпное око хоть часто и невидимо, но «видит все»! Итак, вполне вероятно, что, отождествляясь в этой игре с невидимым супервизором, ребенок впервые, а потом уже навсегда, приобретает способность «быть невидимым» в момент наблюдения за происходящим в мире, т.е. превращается в «Невидимку-1». Впрочем, в любой момент он может вызвать в своем представлении образ того, *на кого* этот невидимка смотрит, и тогда «невидимка», став объектом, проступит, подобно уэллсовскому герою. Тому, правда, понадобилось умереть, чтобы стать видимым. Нам же достаточно «просто» превратиться в объект, перестав быть субъектом рефлексии.

Невидимка-2. Имеется в виду *субъект интроспекции* — индивид как субъект внутреннего самонаблюдения. Он, как выясняется, также склонен к подобным играм: «делаться» прозрачным, незримым, ускользающим. Вот результаты наших собственных исследований, задуманных в 60-е годы, а проведенных и опубликованных в 80-е годы (т.е. с большим интервалом во времени, что имело свои причины — из-за тотальной борьбы с «порочной практикой» интроспекционизма диссертация Елена Михайловны Черепановой, выполненная под моим руководством, не была защищена). Суть подхода — а я назвал его «методом негативации» — заключается в том, что испытуемый должен был выполнить парадоксальную инструкцию: ему «просто» предлагают «не думать» (по аналогии с тем, как Ходжа Насреддин предлагал своим недругам «не думать о желтой обезьяне»). Здесь налицо очевидная параллель с медитационными техниками и философией медитации, о которых пишет в «Космическом

субъекте» В.А. Лефевр. Итак, испытуемым не разрешается думать о каких-то конкретных событиях или запрещается думать «вообще»; регламентируются воспоминания пережитого, образы будущего, ощущения, возникающие «здесь и теперь», желания человека, то, что находится «вне» субъекта или «в нем самом», и т.д. В ответ на недоумение испытуемых по поводу предложенного задания экспериментатор обычно говорит: «Задание действительно парадоксально, но вы попробуйте!»

Вот некоторые данные, полученные мной и Е.М. Черепановой при использовании метода негативации.

1. Каждый испытуемый характеризуется индивидуально своеобразным интервалом времени, в течение которого, как ему представляется, он «не думает» (интервал субъективного отсутствия мысли: у кого-то это 3 секунды; у кого-то — 30; одни могут продержаться 3 минуты, а другие просто засыпают).

2. Между возникновением мысли и ее осознанием существует некий интервал времени (он ретроспективно выделяется очень четко), в течение которого испытуемые не осознают присутствие своей мысли в сознании («я думал об этом, но заметил, что думаю, только потом»). Существует индивидуальное своеобразие в том, как долго испытуемые не замечают присутствие собственной мысли в сознании.

3. Экстравертированные испытуемые значительно дольше переживают «отсутствие» мысли, чем интровертированные; содержание их сознания в интервале субъективного отсутствия мысли также оказывается различным.

4. Осознание собственных мыслей (cogito) как спутник мышления появляется лишь в подростковом возрасте.

5. Удалось выявить индивидуально своеобразные средства саморегуляции, с помощью которых люди достигают состояния субъективного отсутствия мысли (релаксация или, наоборот, напряжение, ритмические действия, проговаривание детских считалок, концентрация внимания на чем-то, ритуализированные действия).

6. Многие взрослые испытуемые все же не замечают парадоксальности ситуации, в которой они средствами мысли пытаются отвлечься от мысли (человек, например, говорит себе: «Ни о чем не думаю, ни о чем не думаю, ни о чем не думаю...» — ему не приходит в голову, что он думает, что ни о чем не думает; или: «Пел песенку, песенка закончилась, и только тут появилась мысль об этом», и т.п.).

Итак, феномен до-рефлексивности (или — до-когитальности) мысли: мыслю, но не мыслю этого. Меня как субъекта мысли для меня самого как бы и нет! Но в силу чего?

«Я понимаю, — говорит экспериментатор, вводя испытуемого в курс дела, — “не думать ни о чем” кажется вам чем-то невозможным... абсурдным... парадоксальным... Но вы все-таки попробуйте!» Так, повторяю, говорит экспериментатор. И я уже рассказал вам о том, как испытуемые «пробуют» и *что* у них получается. А ведь получается! Вопрос состоит в том, почему — пробуют и почему — получается. Есть смысл рассмотреть ситуацию в терминах рефлексивной логики Лефевра. На мой взгляд, здесь происходит следующее. Мысль испытуемого (*X*) о том, что должно, с его точки зрения, произойти, — «я не думаю, что я не думаю, что я не думаю и т. д.», чему соответствует формула ($T_X + T_{XX} + T_{XXX} + ...$), как бы погружается «в мысль другого человека» (экспериментатора — Y). *Такой* мысли испытуемого *X* теперь соответствует формула $[(T_X + T_{XX} + T_{XXX} + ...)_Y]_X$. Заметим, что мы вынуждены взять в кавычки выражение «мысль другого человека», потому что, строго говоря, речь тут идет не о мысли экспериментатора как таковой, а о его мысли, *отраженной* в мысли испытуемого. Но испытуемый (*X*) не рефлектирует этого, принимая свою мысль о мысли экспериментатора за мысль самого экспериментатора *Y*. Иначе говоря, формула $[(T_X + T_{XX} + T_{XXX} + ...)_Y]_X$ не расширяется испытуемым до формулы $\{[(T_X + T_{XX} + T_{XXX} + ...)_Y]_X\}_X$.

Что стоит за этим явлением? Я думаю, ранний детский опыт, согласно которому «мысли другого» — это именно мысли *другого человека* (а не его собственные мысли). Детская ситуация, соответствующая этому инфантильному опыту, восстанавливается в экспериментальной ситуации. Регрессия возраста — своего рода ответ на парадоксальность инструкции. Экспериментатор, предлагающий задание и комментирующий его как парадоксальное, как бы замещает собой думающего испытуемого. Теперь испытуемый думает, «как экспериментатор», или как кто-то, подобный экспериментатору (например, говорит себе: «Ни о чем не думать, ни о чем не думать, ни о чем не думать...»), не осознавая, что такова его собственная мысль.

Заметим, что дольше всего «не думают, что думают» экстраверты: вполне вероятно, что их сознание, как бы включающее в себя сознание другого, не охватывает его извне, не рефлектирует как содержание собственной мысли. Оператор рефлексии, вероятно, при

этом имеет строение ($1 + x + yx$). В отличие от них интроверты могут описаны оператором ($1 + x + x^2$). Заметим также, что именно в юношеском возрасте когито впервые выходит на сцену, становясь спутником мысли. А юношеский возраст — это, как известно, впервые переживаемые проблемы с «самостоянием», впервые посещающее личность чувство одиночества, «непонятости», собственной уникальности. И если младенчество — пора бессознательного солипсизма, то юношество — время осознанного солипсизма. Говорят: «Счастье — это когда тебя понимают», но, я думаю, можно продолжить: «Несчастье — это когда тебя понимают все». Это может быть сказано о времени, когда еще не хочется впасть, как в ересь, в неслыханную простоту. И наконец, можно заметить, каким образом испытуемые добиваются «исчезновения» мысли. Они совершают ритмические или ритуальные действия, расслабляются или напрягаются, повторяют детские считалочки. На языке трансактного анализа мы бы сказали, что они находятся во власти Родителя. Родительское эго-состояние как бы замыкает собой их мысль: это не моя мысль, это кто-то во мне, кто-то через меня действует.

Таким образом, дурная бесконечность саморефлексии испытуемого «перекрывается» мыслью экспериментатора, которую испытуемый принимает за свою. «Мысль другого» в голове испытуемого — здесь своеобразный предел на пути «самораскрутки» его собственной рефлексии.

Обсудим, наконец, *последний вопрос: «В чем разница между Невидимкой-1 и Невидимкой-2?»* «Невидимка-1» — это результат идентификации индивида с невидимым наблюдателем («супервизором», который видит, но сам невидим). Невидимка-2 — это результат идентификации индивида с видимым или представляемым наблюдателем, который *замещает* собой рефлектирующего индивида. Невидимка-2 вызывает у меня в памяти предложенный кем-то проект построения логической шапки-невидимки. Эта шапка-невидимка состоит из бесчисленного множества очень тонких слоев непрозрачного материала, накладывающихся один на другой и тем самым скрывающих один другой; последнего слоя нет — каждый скрывается под последующим; предмет, спрятанный в шапке, невидим в силу непрозрачности каждого слоя, который, впрочем, также невидим, так как экранируется другими, и т.д.

Есть, впрочем, и **Невидимка-3**. Это — «здесь и теперь» бытие самости. Такое состояние индивида в принципе не может быть «схвачено» в переживании, образе, мысли. Ибо в тот самый момент, когда это состояние «здесь и теперь» достигает уровня своей отраженности, оно уже иное. Увы, нельзя видеть ту самую точку, с которой смотришь. Смотрение предполагает смещение.

2.2. Субъект: воспроизводство себя в поведении

Активность как причинность причины. Понятие «субъект» описывает индивида со стороны его *активности* — деятельного состояния живых существ как условия их существования в мире. Активное существо не просто пребывает в движении, оно содержит в себе источник своего движения, и этот источник воспроизводится в ходе самого движения. Восстанавливается энергия, структура, процессы, функции живого существа, его место в мире, вообще говоря, любые измерения его жизни, относящиеся к разряду его существенных и неотъемлемых свойств. Говоря об индивиде как психофизической целостности, поставляющей ему *образ себя* (исток того, что со временем раскроет себя как «Я»), мы вступаем на территорию *субъекта* активности. «Быть субъектом» — это значит направлять процесс воспроизводства изнутри, быть «причиной себя», опираясь на образ себя в мире (рис. 10).

Однако субъект не просто повторяет себя, каким он был для себя прежде. Новые и новые витки активности устремлены к условиям предшествующих достижений. Сейчас воспроизводится то, что прежде служило средством воспроизводства. Стирается грань между

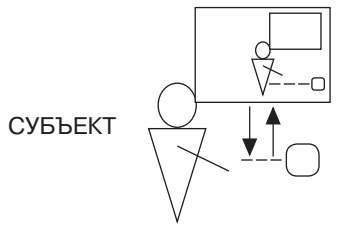


Рис. 10. Субъект

«посредством чего?» и «зачем?» Условия жизни входят в состав самой жизни. Осуществляется то, что может быть названо *расширенным воспроизводством*. И такова определяемая здесь *идея* субъектности индивида: быть субъектом — значит быть источником расширенного воспроизводства своего бытия в мире.

Эта идея гласит: «*Поскольку* я сознаю себя субъектом, *постольку* я приобщаю к себе и превращаю в себя то, что было для меня инструментом жизни; внешние предпосылки и условия жизни становятся внутренними предметом и содержанием жизни; средства превращаются в цель».

Всем сказанным определяются четыре атрибута субъекта:

1) субъект есть целеустремленный (т.е. целеполагающий и целедостигающий) индивид: иначе ни о каком «воспроизводстве» не может быть и речи;

2) субъект есть рефлектирующий индивид, обладатель образа себя; иное немыслимо, так как самовоспроизводство подразумевает наличие образа того, что должно быть воспроизведено;

3) субъект есть свободный и ответственный индивид (никто, кроме него самого, не инициирует процесс, не отвечает за него, не направляет его и не выносит суждение о мере его завершенности);

4) субъект есть развивающееся существо, ибо ему приходится действовать в изменчивой, непредсказуемой среде, и по этой причине воспроизводству подлежат новые, обозначившиеся на предшествующем шаге активности, условия и способы самовоспроизводства[14].

Как видим, сквозной характеристикой субъектности индивида является его активность, которая, в нашем понимании, обеспечивает расширенное воспроизводство его жизни.

Рассмотрим некоторые формы того, что мы называем «расширенным воспроизводством».

Инновационное моделирование. Хотя и говорят, что единственный урок истории состоит в том, что из нее не извлекают уроков, человек все-таки учится на своих ошибках, а то, что обеспечило ему когда-то

[14] Впервые данное понимание субъекта было изложено мною в гл. 10 «Активность» учебника «Введение в психологию» (Введение в психологию / под ред. проф. А.В. Петровского. М.: Академия, 1996), включено в психологические словари и словники, а также фигурирует (без упоминаний авторства, лишь отягощающих написание и чтение) в многочисленных публикациях и диссертациях коллег.

успех, старается закрепить. Таким образом, суть того, что мы обозначаем как *инновационное моделирование,* состоит в том, что индивид извлекает уроки из собственного опыта, повторяет — реально или мысленно — действия, в результате которых он пережил что-то важное для себя, будь то положительный или отрицательный эффект содеянного. Для тех, кто предпочитает строгие формулировки, сказанное может быть выражено следующим образом. *Если событие X обусловливает значимые для индивида последствия S(X), то связь X → S(X) становится предметом воспроизводства независимо от сферы локализации X («внутри» или «вне» индивида) и независимо от знака («+», «–», «?») последствий S(X).* Для слуха читателей, искушенных в области политической экономии, та же мысль может быть выражена в терминах *воспроизводства средств производства*, если, говоря о производстве, иметь в виду *порождение значимых для индивида последствий его активности*. В одной из своих частей принцип активного возобновления опыта, ведущего к значимым для индивида результатам, описан одним из пионеров исследования поведения, американским психологом Э. Торндайком. Таков *закон эффекта*. Этот закон гласит: «Некоторые из реакций на одну и ту же ситуацию, а именно те, что сопровождаются у животного чувством удовлетворения или вслед за которыми это чувство наступает, будут более тесно связаны с ситуацией, а когда та повторится, эти реакции, скорее всего, тоже повторятся; те же из реакций, что сопровождаются чувством дискомфорта или вслед за которыми это чувство наступает, будут менее связаны с ситуацией, и когда та повторится, вероятность возникновения этих реакций уменьшится» [Торндайк, 1911].

Иначе говоря, из закона эффекта следует, что если *X* было средством достижения *позитивного* результата *Y*, то *X* превращается для индивида в предмет воспроизводства (составляет для него внутреннюю цель устремлений). Средства *успешного* производства воспроизводятся, или, что то же самое, индивид *возобновляет* активность, подарившую ему успех. Закон эффекта Торндайка, однако, тенденцию к повторению распространяет лишь на случаи успешного исхода опыта. Более того, Торндайк специально подчеркивает (такова вторая «часть» закона эффекта), что реакции, которые «сопровождаются чувством дискомфорта или вслед за которыми это чувство наступает, будут менее связаны с ситуацией, и когда та повторится, вероятность возникновения этих реакций уменьшится». Иначе говоря,

согласно Торндайку, неуспех скорее стимулирует реакцию избегания повторения.

Между тем сформулированное нами правило восстановления активности, приведшей к значимым последствиям, распространяется и на случаи вызванных негативных эффектов. Предполагается, что человек будет возобновлять соответствующую активность до тех пор, пока не воссоздаст образ связи между своими действиями и их негативными последствиями.

И наконец, необходимо принять также, что в результате активности могут выявиться эффекты, смысл которых требует *дополнительного определения*. Временами их нельзя подвести под одну категорию или измерить единой мерой, и они могут быть описаны (должны быть *прожиты*) лишь как сочетание противоположностей. Познавая, мы сталкиваемся со всевозможными парадоксами, например, логическими апориями; в поле нашего зрения оказываются иллюзорные объекты, магические картинки, фигуры невозможного. Действуя, мы порождаем противоположные последствия своих действий (например, добро и зло одновременно). Чувствуя, мы испытываем «любовь-ненависть», «творческое предсостояние», «смирение (что паче гордости)», переживание «комического» (в нем сочетается несочетаемое, а точнее, осуществляется знаковое отождествление неотождествимых знаков) и т.д. Движение человеческой деятельности постоянно порождает переживания, в которых «сходятся» противоположности, смешиваются полярные чувства. Кроме того, среди значимых последствий опыта могут быть события, ценность которых пока еще не выявлена. Их значимость будет осмыслена позже, но уже сейчас о ней можно вести речь, и состоит она в том, что таковы события, которые прояснятся благодаря *возможному* опыту. Условия появления таких событий в человеческой жизни, разумеется, также подлежат моделированию.

Рассмотрим формы инновационного моделирования подробнее.

Эвристическое моделирование. Слово «эврика», как известно, означает «нашел!». Эвристическое моделирование — это попытка ответить на вопрос: «*Как* нашел?» Поделимся с читателем одним наблюдением над человеком, манипулирующим с головоломкой. После многократных неудачных попыток решить головоломку, представляющую собой разъемную металлическую конструкцию из двух частей (жесткие изогнутые проволоки, которые необходимо разомкнуть),

человек на время прекращает активные пробы. При этом он опускает руки и не глядя, как бы по инерции, продолжает вертеть головоломку в руках. И что же? По прошествии небольшого времени головоломка решена! Оказывается, *не глядя*, решить ее проще, чем под контролем зрения. Любопытно, что, вновь получив ту же головоломку (собранную), он по-прежнему испытывает трудности в решении. *Необходима специальная активность по восстановлению случайно найденного решения.* При этом то, что было случайным условием достижения значимого результата, превращается в предмет самоценной активности. Этот процесс представляет собой выдвижение и проверку *гипотез*.

Никакое научение и, следовательно, развитие человека не было бы возможно, если бы не действие описанного механизма *самообучения*. Будучи условием любого обучения, он сам в свою очередь не является следствием какого-либо обучения и носит у человека врожденный характер. Об этом свидетельствуют, в частности, замечательные эксперименты с младенцами, проведенные Папусеком (1969). Приведем развернутую цитату из книги Б. Бауэра «Психическое развитие младенца» [Бауэр, 1979]. Объем этой выдержки может рассматриваться читателем как косвенный показатель значимости обсуждаемых материалов для пояснения высказанной здесь идеи самоценного инновационного моделирования.

В эксперименте «младенец может включить свет, поворачивая голову. Большинство двух-трех месячных младенцев несколько раз включат свет за довольно короткий промежуток времени. Затем частота поворотов головы падает ниже того уровня, который служит критерием научения. Она не увеличивается до тех пор, пока сохраняется устойчивая связь зажигания света с поворотом головы налево. Допустим, что экспериментатор меняет направление связи: свет зажигается при повороте головы вправо. Рано или поздно младенец повернет голову налево, и свет не зажжется. В этом случае он сделает большое количество поворотов влево. А потом обнаружение правой схемы, показателем чего является непродолжительная высокая частота поворотов направо, которая затем уменьшается; если ситуация не меняется, эта частота тоже останется низкой.

Если схема подкрепления вновь меняется, так что для включения света необходимо сначала поворот головы налево, а потом поворот направо, то частота правых поворотов возрастет после первой попытки, когда свет не зажжется; частота левых поворотов тоже уве-

личится, и, наконец, младенец повернет голову налево, потом направо, и включит свет. После краткого роста частоты поворотов налево-направо, частота уменьшится и будет постоянной до тех пор, пока ситуация не изменится. Перемена программы подкрепления выявляет вспышку активности, которая прекращается после обнаружения правильной комбинации поворотов. Таким образом, ребенок осваивает довольно сложные последовательности движений: например, направо-направо-налево-налево. Рост активности наблюдается каждый раз со сменой ситуации. Исследования показывают, что эта активность неслучайна. Младенец как бы перебирает ряд гипотез, испытывая последовательности движений, чтобы выяснить, которая из них эффективна в данный момент. Обнаружив правильную, он проверяет ее несколько раз и затем прекращает вынужденную активность. Она опять увеличивается лишь в том случае, когда предыдущая последовательность перестает быть применимой. Наблюдения за поведением младенца достаточно ясно показывают, что световые раздражители не являются мотивирующим фактором.

Когда начинается проверка гипотез, младенец после первого успеха почти не глядит на источник света. Он бросает на него мимолетный взгляд для того, чтобы убедиться, зажегся он или нет. Убедившись, что свет зажегся, он может проявить признаки удовольствия, но при этом не обращает внимания на источник света, который явно не является причиной его удовлетворения. Таким образом, удовлетворение от решения задачи стало достаточным для того, чтобы служить мотивом внешнедвигательной и умственной деятельности младенца. Если экспериментальная ситуация допускает возможность взаимодействия, ребенок покажет, что он может обучаться; если единственным мотивом является перспектива награды, то он этого не продемонстрирует».

Механизм эвристического моделирования, по-видимому, лежит в основе игры и служит одним из *необходимых* критериев выделения игры среди других в особый вид активности (кстати сказать, сформулировать такой различительный критерий отнюдь не легко!). «В процессе развития обычно личную значимость и привлекательность естественно приобретают прежде всего те действия и те проявления личности, которые, становясь ей уже доступными, еще не стали для нее повседневными. То, что ребенку впервые удалось сделать, будь то хотя бы впервые ему удавшиеся открытие двери, поворачивание ручки, именно потому, что это для него достижение, что это какая-то удача, приобретает значимость, привлекательность, в силу которой переходит в игровой план: ребенок начинает раз за разом открывать и закрывать дверь, снова и снова повертывать ручку, не потому, что сейчас практически нужно открыть дверь, а потому, что это действие бессознательно радует его, как выражение его достижений, его успехов, его развития; действия уже привычные, повседневные утрачивают интерес и перестают быть темой игры. *Именно новые*, только *народившиеся*, еще не укрепившиеся как нечто привычное, *приобретения* развития по преимуществу входят в игру. ... Ребенок, конечно, не для того играет, чтобы приобрести подготовку к жизни, но он, играя, приобретает подготовку к жизни, потому что у него закономерно появляется потребность разыгрывать именно те действия, которые являются для него новоприобретенными, еще не ставшими привычными» [Рубинштейн, 1946].

Обсуждение. Обратил ли читатель внимание, прочитав приведенный отрывок, на слова «действие бессознательно радует его»? Речь здесь, конечно, не идет о каких-либо мифических «бессознательных переживаниях»: для С.Л. Рубинштейна переживание всегда входит в сознание, а выражение «бессознательные переживания» есть не что иное, как противоречие в терминах. Применительно к данному случаю подразумевается, что эти переживания самоценны, не «заказываются» заранее ребенком для осуществления какой-либо сторонней практической цели. Сверх того, заметим, что эти переживания, прежде чем они были впервые испытаны, конечно, не были и не могли быть заранее предметом устремлений ребенка, точно так же, как не было загодя определено и действие, породившее их. Вполне возможно при этом, что действие строилось в направлении той или иной цели; однако рождению эффективного действия здесь, как и всегда, помог случай. Ибо в силу случайного стечения обстоятельств впервые рождается у человека нужная комбинация управляющих поведением импульсов, и соответственно, появляется специфическое чувство успеха от выполнения именно этого действия. И уже после этого, вслед за тем, что свершилось, ребенок прицельно станет воспроизводить в содружестве то и другое. Момент случайности здесь имеет принципиальный характер, выражая общую закономерность развития. Движение, утверждал создатель концепции физиологии активности Н.А. Бернштейн, не детерминируется полностью эф-

фекторным процессом [Бернштейн, 1990]. Иначе говоря, импульсы регуляции поведения, бегущие от центра к периферии, никогда не бывают достаточными для построения эффективного действия; последнее не может быть заранее предусмотрено и предрешено в «центре». Динамическим «материалом» построения нужного действия являются, как мы подчеркиваем, **случайные** события, закономерно отбираемые в направлении потребного результата. Таким образом, то, что содействовало успеху предприятия как его случайно найденное условие, превращается теперь в предмет самостоятельного устремления человека.

Фрустрационное моделирование. Отсев предполагает посев. Для того чтобы отсеять неуспешное действие, неожиданно приведшее к неуспеху, его нужно восстановить — хотя бы в памяти! Иначе говоря, приходится повторять неуспешные пробы, для того чтобы убедиться в их неуспешности. Эту особую форму инновационного моделирования можно обозначить как *фрустрационное* моделирование (*лат.* frustratio — обман, неудача, тщетная надежда; отсюда слово «фрустрация» — «состояние подавленности, тревоги, возникающие у человека в результате крушения надежд, невозможности осуществления целей»). Предполагается, что вследствие пережитой фрустрации как результата *случайного* происшествия человек нацеливает активность на моделирование условий, повлекших неуспех или травму. Иногда это ориентировочная активность, производимая в плане образа ситуации, связанной с негативным исходом. Но в ряде случаев не исключено и практическое моделирование условий, ведущих к неблагоприятному результату.

Начнем с обсуждения вопроса, который мог бы быть сформулирован в несколько гротескной манере: «Сколько раз, на ваш взгляд, умный человек может наступить на грабли?» Не спешите с ответом. Предлагается следующий возможный ответ: 1,5 раза. В первый раз человек наступает на грабли совершенно случайно (не уберегся!); второй раз — в условном (идеальном) плане. Зачем? Для того чтобы в следующий раз не наступить наяву. Другой пример. Человек опасается темноты, но, тем не менее, проходит темный тоннель. Почему? Человек удостоверяется в истинности или беспочвенности своих опасений. Страх, который он при этом испытывает, есть следствие *идеального проигрывания* действий, которые подкреплялись болью или другими экстремальными воздействиями. Проверка же своих

опасений в данном случае осуществляется в плане *реального действия*, которое может устранить страх или подтвердить его обоснованность (порою такая проверка заключает в себе реальную угрозу и оказывается дезадаптивной).

Под этим углом зрения могут быть осмыслены (и переосмыслены) многие факты, полученные в экспериментальных исследованиях и наблюдениях. Например, в экспериментах В.М. Бехтерева испытуемый подвергался легкому удару электрического тока после сигнала. Предполагалось, что в этом случае должен сформироваться «сочетательный рефлекс» избегания (отдергивание). Однако совершенно неожиданно выяснилось, что в некоторых случаях испытуемый намеренно держит палец на электроде после сигнала. Это бывает, когда испытуемый подозревает, что его хотят подвергнуть какому-то неизвестному испытанию. С точки зрения высказанной здесь гипотезы фрустрационного моделирования такой испытуемый своими действиями «идет на обострение» во взаимоотношениях с ситуацией, проясняя для себя ее смысл, провоцируя возможные стрессовые воздействия для дополнительной ориентировки в условиях, которые их вызывают. В данном случае моделирование связи между действием и негативной стимуляцией осуществляется человеком намеренно и притом в реальном плане. Но такая ориентировка может иметь совершенно непроизвольный характер, протекая в плане действия, представления или мысли. В экспериментах Д. Маркварта и П. Арнольда (1952) испытуемый должен был нажать на кнопку в ответ на одну из двух предъявляемых карточек с рисунками. При правильном выборе в экспозиционном аппарате открывается дверца, и испытуемый получает карточку. При неправильном выборе испытуемый получает удар электрическим током в руку. После нескольких повторений экспериментатор меняет условия эксперимента, и теперь испытуемого время от времени наказывают током независимо от выбранной карточки. Теперь задача неразрешима. В результате одна из реакций выбора упрочивается, и ее непоколебимость тем заметнее, чем чаще она наказывается. Майер (1949), изучавший подобные реакции у животных, обозначил их как «поведение без цели». Если принять гипотезу фрустрационного моделирования, то речь могла бы идти о моделировании индивидом условий негативного опыта, о наказании этих попыток, которое вместе с тем является знаком точности («успешности») нахождения связи между действием и его негативным

результатом. Наказание здесь подкрепляет реакцию, как бы подтверждая: «Да, ты не ошибся, этого делать нельзя!», и таким образом фиксируется действие, ведущее к наказанию. Прикованность внимания к запрещенному действию — показатель значимости и вместе с тем побудитель той скрытой работы, которую предпринимает субъект, чтобы зафиксировать связь между попыткой и наказанием. Одной из загадочных, на первых взгляд, закономерностей в протекании аффективных, т.е. сильных и относительно кратковременных эмоциональных переживаний, является их сдвиг к концу события (Клапаред). Если негативные переживания, связанные с действием, уподобить грому, то угрожающие события сравнимы с молнией; гром устрашает, но опасен не он, а молния, блеснувшая прежде. В чем же тогда функция страха? Один из возможных ответов на этот вопрос состоит в том, что аффекты служат образованию специфического опыта — «аффективных следов, определяющих избирательность последующего поведения по отношению к ситуациям и их элементам, которые прежде вызывали аффект» [Леонтьев, 1975]. Отметим непроизвольность, а порой и насильственность активности подобного «полезного» следообразования. И, наконец, многие духовные искания, испытания и борения — например, муки совести, знаменитое русское «эх, пострадать бы!», «поиски смысла» [Франкл, 1990; Леонтьев, 1975], по-видимому, обязаны своим происхождением активности фрустрационного моделирования.

Моделирование ограничений. Первоначально условия потенциально успешного действия отделены от условий, вызывающих неуспех, невидимой и неосязаемой чертой. Чарли Чаплин в фильме «Новые времена» идет вдоль границы — одна нога на территории одной страны, другая на территории другой. В жизни ситуация порой сложнее. Граница скрыта от глаз, и только действуя, человек способен прочертить границу между действиями, порождающими альтернативный исход. «Бытие на границе» — жизненная проблема многих людей, но иногда граница как таковая становится притягательной: человека привлекает сама возможность «пройтись по краю» — между успехом и неудачей, падением и победой, катарсисом и фрустрацией [Петровский, 1971; 1975; 1992].

Моделирование ограничений — это попытка ответить на вопрос, в каких пределах я могу сейчас знать что-либо, обладать чем-либо, действовать. Если что-то и ограничено, то человек решает для себя, *чем*, пытаясь изведать, что могли бы означать частичка «не-» в словах «неизвестно», «невероятно», «невыносимо» и частичка «бес-» в словах «бесконечно», «беспричинно», «бесполезно». В этой устремленности человека в *запределье*, к постижению того, **что** ограничивает, — источник непрагматизма и даже видимой иррациональности поведения.

Тенденция моделировать ограничения, как показывают исследования, в возрастном развитии проявляется очень рано. В специальном эксперименте [Петровский, Кузьмина, 1988] создавалась ситуация, когда детям без каких-либо разъяснений запрещалось заходить за черту, отделяющую одну половину комнаты от другой. Участниками эксперимента были дети младшего и старшего дошкольного возраста. У детей обеих группах наблюдалось значительное число случаев выхода в запрещенную часть комнаты, хотя в ней, как могли до этого убедиться дети, ничего интересного для них не было (она была пуста), а в «разрешенной» половине комнаты находились игрушки и даже рояль, на котором дети могли «музицировать». Младшие дети выбегали за запретную черту чуть ли не сразу, а дети постарше раздумывали, выходить или нет, а потом все-таки отваживались переступить через разделительную черту. Некоторые дети поступали хитрее: у них как бы случайно выкатывался мячик, и они чувствовали свое «законное право» проследовать за ним. Предприняв этот маневр, они возвращались в разрешенную часть комнаты (таков аналог побудительной силы запрещенного действия из известной сказки Шарля Перро «Синяя борода», что дает название феномену, обнаруженному в эксперименте, — *феномен Синей Бороды*). В отличие от известного житейского факта под названием «запретный плод сладок» (подтверждение чему было найдено в остроумных экспериментах Д. Брема и Е. Розен, в экспериментальных условиях запрещавших детям есть одно из нескольких пирожных, после чего оно оценивалось как более вкусное), «феномен Синей Бороды» свидетельствует в пользу «чистой» побудительной силы запрета — привлекательности *границы* как таковой [Петровский, Кузьмина, 1988; Петровский, Петровский, 2008].

Влечение к границе входит в состав сложных форм мотивации поведения: в сфере познания (здесь притягательна граница между известным и изведанным); творчества (граница между возможным и невозможным); риска (граница между благополучием и угрозой существованию); игры (граница между воображаемым и реальным),

доверительных контактов между людьми (граница между открытостью другим людям и защищенностью от них).

Моделируя ограничения, человек смещает демаркационную линию между доступным и недоступным, создает новые границы, чтобы вновь переступить их. Его деятельность *движется*, а сам человек *развивается как личность*.

Функциональная автономия и взаимодействие форм активности. Инновационное моделирование в единстве трех описанных его форм (эвристическое, фрустрационное и моделирование «границ») может рассматриваться как механизм порождения высших ступеней активности из низших (предлагаем читателю еще раз обратиться к тексту раздела «Феноменология активности» и проанализировать возможное действие этого механизма как условия возникновения новых форм). Г. Олпорт сформулировал принцип «функциональной автономии», состоящий в том, что данное проявление активности может стать самоцелью (самоподдерживающимся мотивом), несмотря на то что первоначально оно осуществляло иные цели (осуществлялось по иным причинам). Излагая свою точку зрения, Г. Олпорт указывает, что она созвучна более ранним формулировкам других исследователей, например: механизмы могут превращаться в побуждения (Вудворт); «средства-объекты» могут «вступать в свои права» (Толмен) и др. Сегодня к этим формулировкам можно добавить и такие, как «манипуляционое побуждение» (Харлоу), «частичная необратимость» (Соломон и Винн), а также «сдвиг мотива на цель» [Леонтьев, 1975] и др.

Обращаясь к процессам инновационного моделирования и распространяя на них принцип функциональной автономии (превращения их в фиксированные формы поведения), необходимо отметить возможную противоречивость его последствий для жизни личности. Эвристическое моделирование — источник роста личности, однако если допустить, что оно становится неотъемлемой чертой любого опыта, мы будем втянуты в пучину «дурной бесконечности» — безостановочного подведения базы под свои успехи (событие *X* восстанавливается как условие события *Y*, событие *Z* — как условие события *Y* и т.д.). Кроме того, в этом случае приобретет силу критика принципа функциональной автономии со стороны Берточчи: если какая-то форма поведения потенциально способна стать устойчивым мотивом, то что должно защитить индивида от развития своего рода

психологической анархии, при которой противоречивые и прямо противоположные мотивы будут возникать в организме и рвать его на части? Фрустрационное моделирование — в ограниченных пределах — также оправдано интересами жизни и развития индивида. Но если оно приобретает функциональную автономию (т.е. фиксируется в качестве одной из ведущих сил поведения), то перед нами пример невротического развития. И, наконец, моделирование «ограничений» — без чего немыслим ни индивидуальный, ни социальный прогресс — само нуждается в ограничении: автономная фиксация тенденции во всех случаях моделировать «границы» может стать причиной индивидуальной и социальной дезадаптации личности.

Единство адаптивных и неадаптивных проявлений активности. Одной из господствующих ориентаций в эмпирической психологии личности является принятие «постулата сообразности» — особого принципа понимания источников и механизмов активности. Говоря о «постулате сообразности» [Петровский, 1975], мы имеем дело с определенной методологической предпосылкой, объективно представленной в мышлении исследователей. Слово «сообразность», согласно В. Далю, означает «соответствие чего-то чему-то». В данном случае речь идет о соответствии, сообразуемости того, что происходит с индивидом, предустановленному в нем. Итак, суть постулата заключается в том, что индивиду приписывается изначальное стремление к «внутренней цели», в соответствии с которой приводятся все без исключения проявления его активности. По-существу, речь идет об изначальной адаптивной направленности любых психических процессов и поведенческих актов. Понятия «активность», «адаптивная направленность» трактуются здесь в предельно широком смысле. Имеются в виду не только процессы приспособления индивида к природной среде (решающие задачу сохранения телесной целостности, выживания, нормального функционирования), но и процессы адаптации к социальной среде в виде выполнения предъявляемых со стороны общества требований, ожиданий, норм, соблюдение которых гарантирует «полноценность» субъекта как члена общества. Говоря об адаптации, мы имеем в виду также процессы «самоприспособления»: саморегуляцию, подчинение высших интересов низшим и т.п. Наконец, что особенно важно подчеркнуть, речь идет также о процессах, которые ведут к подчинению среды исходным интересам субъекта. В последнем случае адаптация есть реализация его фик-

сированных предметных ориентаций: удовлетворение потребности, инициировавшей поведение, достижение поставленной цели, решение исходной задачи. Приспосабливает ли индивид себя к миру или подчиняет мир исходным своим интересам — в любом случае он отстаивает себя перед миром в тех своих проявлениях, базис для которых уже сложился в прошлом. Отсекается все, что избыточно по отношению к этим исходным ориентациям. Не следует, конечно, смешивать понятия «адаптивность» и «репродуктивность»: адаптивные действия могут быть и творчески продуктивными, «незаданными», адаптивными их делает наличие ответа на вопрос: «Зачем?».

Но это, в свою очередь, значит, что есть по отношению к всевозможным стремлениям субъекта цель более высокого порядка как основа ответа на вопрос: «Зачем?» Это Цель с большой буквы. По отношению к ней те или иные частные стремления могли бы оцениваться как «адаптивные» и «неадаптивные». Постулат сообразности и заключается в открытом или скрытом признании такой Цели и приписывании ей роли основного «вдохновителя» и «цензора» поведения.

Смысл постулата сообразности заключается, следовательно, не столько в том, что индивид в каждый момент времени «хочет сделать что-то», т.е. «устремлен» к какой-то цели, сколько в том, что, анализируя те или иные частные стремления человека, можно как бы взойти к той Цели, которая в конечном счете движет поведением, какими бы противоречивыми и неразумными не представлялись при поверхностном наблюдении основанные на ней побуждения и стремления людей.

Существуют логические и эмпирические аргументы против концепции универсальной сообразности психических процессов и поведенческих актов человека. Суммируя эти аргументы, можно сформулировать альтернативный взгляд — «принцип неадаптивности». Вначале представим себе, чем обернется для идеи субъектности человека как личности принятие постулата сообразности за универсальный принцип интерпретации поведения, психических процессов и состояний. Отвечая на этот вопрос, мы поначалу отвлекаемся от обсуждения конкретных форм воплощения постулата, обусловленных спецификой Цели, которая предпосылается активности индивида. Оказывается, уже чисто логически — минуя анализ этих исторически сложившихся форм, а также факты, которые могли бы подкрепить или опровергнуть данный постулат, — можно вывести из него весьма

важные следствия. Можно ли считать, что человеку, чья активность удовлетворяет условиям «постулата сообразности» , присущи такие черты, как **свобода, целеустремленность, целостность, развитие** — черты, которые мы хотели бы видеть в личности (точнее, привычно считаем чертами, присущими человеку как личности)?

Свобода. За счет существования изначальной Цели индивид выглядит значительно более свободным существом, чем любая вещь в «цепях причинности». Говоря: «Я хочу», «Я стремлюсь», «Я совершу это», человек трактует себя как причину происходящего, причину среди причин, и в этом же акте он противопоставляет себя всему остальному миру причинности, выделяет себя из причинно-следственного ряда как независимую силу. Но здесь же и иллюзия свободы: воспринимая себя как причину, человек не замечает, что сам он зависим. Ведь это Цель, которая изначально присутствует в нем, диктует ему путь и ориентир действований, и в рефлексии — а «постулат сообразности» направляет ее — он будет вынужден признать свою несвободу, действие не зависящей от него, но обязательной для него Цели.

Целеустремленность. Она здесь не более чем заданность — предетерминированность целеполагания и целедостижения исходным телеологическим отношением. Говоря, что человек ставит перед собой ту или иную цель, мы должны каждый раз иметь в виду, что, в сущности, речь идет только о многоликих воплощениях одного и того же: Цель (с большой буквы), кристаллизуется во множестве «промежуточных целей», каждая из которых — лишь средство осуществления поставленной раньше или более значимой. Но тогда любой индивидуальный акт есть, в конечном счете, проявление внешней целесообразности — все есть лишь средство для осуществления чего-то и лишено самоценности.

Целостность. «Постулат сообразности» гарантирует единство всевозможных форм проявления активности человека. Все они, как если бы это была ось, вращаются вокруг телеологического отношения, принимаемого за основное. Но идея целостности («целокупности») есть, как известно, идея не простого единства, а единства в многообразии. Сомнение — как раз в этом пункте: о каком многообразии может идти речь, если проявления активности трактуются как существенно совпадающие между собой по своему действительному предназначению? Независимо от того, будут ли они рассматриваться как

равнозначные с точки зрения главенствующей Цели или как иерархизированные, существенная однородность их гарантирована. Используя метафору В.П. Зинченко, можно сказать, что личность выступает здесь как «административное учреждение», правда, в одном случае в виде одноэтажного здания с мезонином, а в другом — как пирамида с непременным «хозяином» на верхнем этаже. Целостность индивида при этом редуцируется, выступает как «одномерность» его бытия, единообразие его активности.

Развитие. «Постулат сообразности» удобен тем, что он предрешает взгляд на человека как на самостановящееся существо. Имеющиеся холистические трактовки личности вполне адекватны этому постулату, что, несомненно, возвышает его в наших глазах. Однако существует и другое слово, не менее точно выражающее суть, — «преформизм», принцип которого и состоит в «саморазвертке», «самораскрытии» того, что предзадано, предвосхищено в Цели. При подобном взгляде идея развития личности сводится к представлениям о «росте ее изнутри». Предметно-социальная среда существования человека выступает при этом в роли обстоятельств развития, имеющих внешний и случайный характер. Таковы последствия открытого принятия идеи «трансцендентального субъекта» для понимания личности как особой инстанции в организации эмпирического индивида. В представление о личности как о целокупном субъекте активности вносятся существенные ограничения. По сути, мы стоим на пороге отрицания свободы, целостности, устремленности, развития человека как носителя личности: свобода здесь выступает как иллюзия самосознания, устремленность сводится к заданности, целостность — к единообразию, развитие — к самодетерминации в рамках предсуществующего. Импонирует ли вам такой образ личности как «субъекта активности»? Кроме того, можно заметить, что ни гомеостатическая, ни гедонистическая, ни прагматическая разновидности постулата сообразности, увы, не могут постоять за себя и, более того, сами свидетельствуют против себя. «Гомеостатический» человек, стремясь к душевному равновесию, расплачивается за него уязвимостью. «Гедонистический» человек объективно ставит себя перед дилеммой: либо пресыщение, либо необходимость. Он должен постоянно обновлять свои ощущения, что приводит его в ситуацию риска с сомнительными по своим гедонистическим результатам последствиями. «Прагматический» человек, о котором иногда говорят, что его сознание озабочено будущим и находится не там, где находится его тело [Берн, 2000], упускает достигнутое во имя того, что будет упущено им позже. Итак, постулат сообразности несовместим с идеей субъектности. И здесь мы сталкиваемся с дилеммой: либо телеологическая парадигма, представленная различными вариантами «установки» индивида на конечную Цель, и тогда человек бессубъектен, т.е. не выступает как причина себя; либо — принятие идеи субъектности, и тогда постулату сообразности приходится потесниться, уступая место альтернативному принципу истолкования активности индивида.

Сказанное буквально подталкивает нас к тому, чтобы принять противоположный принцип истолкования активности, прослеживая в проявлениях активности человека отклонения от тех целевых ориентиров, которые, как предполагается, вызвали ее к жизни. Когда под этим углом зрения мы исследуем витальные контакты человека с миром, его предметную деятельность, общение, самосознание, то оказывается, что и они в телеологическом, т.е. глубинно-целевом, мотивационном отношении не безупречны: постоянная трансценденция, выхождение за пределы себя (*лат.* transcendere — переступать, выходить за пределы). Здесь правомерна аналогия с легендарным универсальным растворителем, который растворяет все, и поэтому его не в чем хранить. Таким образом, открывается целый класс явлений неадаптивности, — расхождения между целью стремлений и достигаемыми результатами. Заметим, что пафос, с каким обычно говорят, что «человек есть трансцендирующее существо», здесь не уместен ничуть. Ведь во всех этих случаях неадаптивность как выход за границы предустановленного имеет непроизвольный и непредотвратимый характер.

Впрочем, иногда по поводу неизбежной трансценденции за границы заданного психологи торжествуют, что вполне оправданно. Например, когда утверждают, что «деятельность богаче, истиннее, чем предваряющее ее сознание», что «созидание одно не знает границ» [Леонтьев, 1975], что «мышление не делает ошибок» [Брушлинский, 1979] и др. Здесь трансценденция непосредственно совпадает с обогащением человека новым опытом. Но основания для оптимизма не всегда столь очевидны. Расставаясь с телеологическими иллюзиями, мы обрекаем себя видеть также и то, что взор не ласкает. Феномены неадаптивности как неизбежности встречаются буквально во всех сферах человеческого бытия. Загадка: «Болезнь, от которой умирают

все». Разгадка: «Жизнь» [Фейгенберг, 1975]. Это саркастическое свидетельство по своей лаконичности уступает знаменитой сентенции: «Жить — значит умирать», но последняя все-таки начисто лишена психотерапевтического подтекста, свойственного первой. Приговор, который светская мысль подписывает индивиду как физическому существу (реализующему свои витальные отношения с миром), отдается эхом и в других сферах бытия человека. Ну, в самом деле: что есть, в сущности, познание мира, как не процесс продвижения человека к «ученому знанию о собственном незнании» (Николай Кузанский)? А какова на поверку созидательная активность людей (три гордых слова!), плоды-перевертыши которой неисчислимы? А мнимая — по своим последствиям — альтернатива доктрине созидания в виде принципа «недеяния»? Таким образом, и здесь, в сфере познавательно-практических отношений человека с миром, мы встречаемся с эффектами неадаптивности. Но то же можно сказать и о процессах общения между людьми. То, что рождается в общении, — неизбежно иное, чем намерения и побуждения общающихся. Эгоистическая установка, если хотя бы какая-то из сторон придерживается ее, подтачивает общение, и рано или поздно оно рушится; кто-то, как видно, слишком «тянул на себя». Альтруистическая установка сводит на нет личное, подвигая другого (других) к бессознательной или беззастенчивой эксплуатации жертвующего (позиция потакания в воспитании, самоотрешенности в любви, низведения себя до роли орудия в партнерском общении и т.п.). Казалось бы, «идеальная» позиция, сулимая «конгруентностью» в противовес «пристрастности», увы, обусловливает ценностную нивелировку для нас тех, с кем мы вступаем в общение («Любить всех — значит не любить никого», — писал Л.Н. Толстой). Если же от такой, вселичной, любви обратиться к обычной человеческой любви, например, в супружестве, то окажется, что и в ней моменты неадаптивности (в виде тех или иных форм эмоциональных проблем) заявят о себе со всей определенностью. Сфера самосознания людей не составляет исключения из правила. Интересная возможность для психологического исследования — феномен неуловимости Я в рефлексии: любая попытка осознать свое Я приводит к трансценденции за пределы исходных переживаний, что в свою очередь порождает переживание неполноты самопроявления в рефлексии, ощущение, что «главное» остается за чертой осознания. При обсуждении этой проблемы кажется целесообразным вычленение качеств «первого» и «второго» рода [Петровский, 1979]. Качества первого рода (геометрические представления, «красное», «боль») в момент рефлексии не подвергаются феноменологической трансформации. Качества второго рода, подобно микрообъектам в физике, становясь предметом активного исследования (в данном случае — рефлексии), претерпевают определенные изменения: рефлексируемое оказывается небезучастным к самой рефлексии — образ себя никогда не тождественен переживанию самости. Итак, феномены неадаптивности как неизбежности встречаются во всех без исключения сферах человеческого бытия. Они относятся к сущностным, а не к случайным его проявлениям. И мы не можем абстрагироваться от них, обсуждая проблему субъектности.

Итак, была ли «спасена» только что идея субъектности? Ни в коей мере! Наоборот, она оказалась вновь под ударом. Человек, трансцендируя, отнюдь не «заказывал» себе бытия за чертой. Он не был во всех рассмотренных случаях тем, кого смело можно было бы назвать «субъектом трансценденции»; выход за границы предустановленного осуществлялся, так сказать, сам по себе («мимовольно»). Более того, в самом несовпадении цели и результата активности индивид как бы утрачивал качество «быть субъектом», ибо последствия действования оказывались неподконтрольны ему.

Словом, если отказаться от идеи универсальной целевой регуляции и заданности (постулата сообразности) и принять альтернативную точку зрения — *принцип неадаптивности*, то выяснится, что при этом точно так же, как и в первом случае, девальвируется идея субъектности:

• *свобода* человека при этом подменяется его зависимостью от внешних обстоятельств и поворотов судьбы;

• *целеполагание* обессмысливается, выглядит самообманом; **целостность** утрачивается;

• *развитие* сводится к дрейфу.

Не означает ли сказанное, что следовало бы вообще отказаться от помыслов воплотить идею субъектности в «материале» индивидуальной активности (а вместе с тем — и от стремления отстоять «личностность» индивида)? Или, быть может, все-таки удастся найти путь позитивного решения этой проблемы? Ситуация теоретического кризиса и возможный путь ее разрешения обозначена на рис. 11.

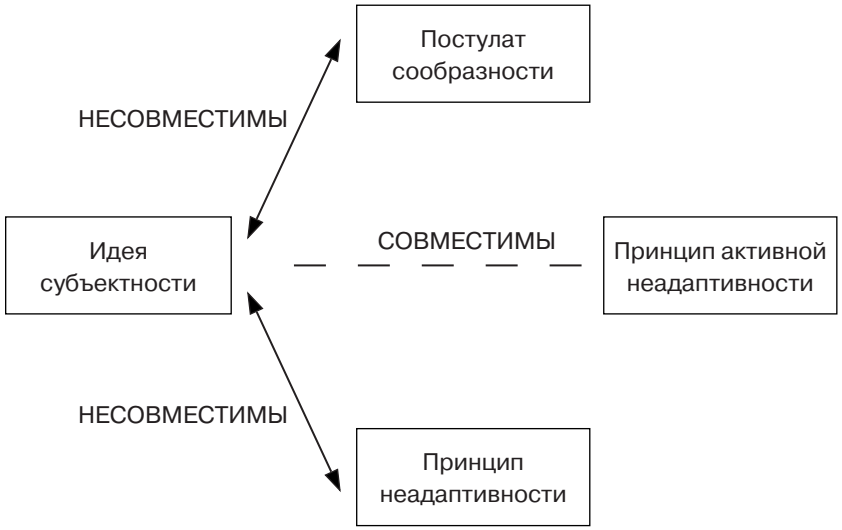


Рис. 11. Принцип активной неадаптивности

Единственная возможность возвращения себе этого желанного качества заключается в том, чтобы взять на себя ответственность за осуществление действий с непредрешенным исходом; иначе говоря, быть субъектом избрания целей, результат достижения которых не предрешен. Открывающаяся индивиду перспектива неизведанного должна содержать в себе вызов, отвечая на который индивид производит (или, как мы предпочли говорить выше, полагает) себя как субъект. Мы, таким образом, приходим к принципу активной неадаптивности [Петровский, 1992]. Защищая себя как субъект, индивид стремится предрешить непредрешенное. Он действует наперекор обстоятельствам, на свой страх и риск ставя перед собой цель выявить свое скрытое под спудом других побуждений качество субъектности как таковой — быть причиной себя (causa sui).

Глава 3

ЛИЧНОСТЬ. ОТРАЖЕННОСТЬ И НЕОТРАЗИМОСТЬ «Я» (ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ОТРАЖЕННОЙ СУБЪЕКТНОСТИ)

3.1. Личностность — отраженность себя в другом

В чем состоит идея «личности»? В чем заключается преемственность этой идеи по отношению к идее «Я», которая только что была нами рассмотрена? Личность есть не только «Я» в его обращенности к другому (другим) «Я», но и присутствие его «Я» в «Я» другого индивидуума (других людей), а также присутствие «Я» другого (других) в его собственном «Я».

Мы также говорим в этом случае об идеальной представленности и продолженности себя в другом и другого в себе, что образует феноменологию «отраженной субъектности» («отраженности “Я”»).

Понятие отраженной субъектности [Петровский, 1985*а*] в самом общем плане может быть определено как бытие кого-либо в другом и для другого. «Человек отражен во мне как субъект» — это означает, что я более или менее отчетливо переживаю его присутствие в значимой для меня ситуации, его готовность осуществить преобразование этой ситуации, внести в нее что-то свое, личное и тем самым произвести изменения в системе моих отношений к миру. Отраженная субъектность есть, таким образом, форма идеальной представленности этого человека в моей жизненной ситуации, выступающая как источник преобразования данной ситуации в значимом для меня направлении. Отражаясь во мне, субъект выступает как активное, деятельное начало, изменяющее мой взгляд на вещи, формирующее новые побуждения, ставящее передо мной новые цели; основания и последствия его активности не оставляют меня равнодушным, значимы для меня, или, иначе говоря, имеют для меня определенный личностный смысл. Говоря об идеальной представленности одного

человека в другом, мы прежде всего имеем в виду отмеченное обстоятельство: первый открывается второму как значимое для него существо, как источник нового для него смысла[15]. Опишем три основные, *генетически преемственные* формы проявления отраженной субъектности. В первом случае перед нами запечатленность субъекта в эффектах межиндивидуальных влияний. Во втором случае отражаемый индивид выступает как идеальный значимый другой. В третьем — как претворенный субъект.

Запечатленность субъекта в эффектах межиндивидуальных влияний. Первый аспект анализа отраженной субъектности — это характеристика его в рамках проблематики межиндивидуального влияния, выступающего как эффект взаимодействия между людьми, непосредственно воспринимающими друг друга. Влияние, оказываемое одним человеком на другого, может быть направленным и ненаправленным. В первом случае субъект, оказывающий влияние, ставит перед собой определенную задачу: добиться желаемого результата от объекта влияния, например, произвести на него впечатление, принудить сделать что-либо и т.д. Различают две формы подобного рода влияния: прямое — когда субъект влияния открыто представляет те или иные притязания; косвенное, когда он, имея цель модифицировать поведение другого, изменяет среду в расчете на получение требуемых ему откликов (от элементарных двигательных ответов до изменения личностных диспозиций другого лица). В обоих случаях влияние и воздействие относятся друг к другу как цель и средство, что составляет специфическую черту той категории явлений, которые традиционно описываются как феномены социального влияния и власти. Во втором случае влияние субъекта не связано с целью вызвать ту или иную запланированную ответную реакцию объекта влияния (ненаправленное влияние). Тем не менее эффект соответствующего действия может быть весьма ощутим. В значительной мере один из аспектов проблемы ненаправленного влияния разрабатывается в рамках изучения феноменов фасилитации — изменения эффективности деятельности одного субъекта в контакте с другим. При фасилитации направленность воздействий человека не связана с появлением у других людей каких-либо дополнительных моментов активности, например, целей, прямо не относящихся к решению ими исходной задачи. Таким образом, эффект влияния не относится здесь к целям того, кто оказывает влияние, но вполне соотносим с целями объекта влияния. Данное обстоятельство необходимо подчеркнуть особо, в силу того что в значительной мере «незаполненным» остается тот участок проблемы межиндивидуального влияния, который противостоит как феноменологии социального влияния, так и фасилитации. Это область заранее не запланированных одним человеком влияний на другого человека, обнаруживающихся в сфере не запланированных проявлений активности последнего. Именно этот аспект проблемы межиндивидуального влияния представляет собой интерес для разработки феноменологии отраженной субъектности.

[15] Понятно, что возникновение отраженной субъектности возможно только на основе реальной деятельности, при условии осуществления людьми поступков, которые выступают в качестве действительного источника преобразования жизненного мира другого человека, раскрываются в общественной жизни как деяния. В связи с этим необходимо подчеркнуть, что индивид в аспекте отраженной субъектности может выступать не только как субъект.

В частности, в этом пункте мы сталкиваемся с особой группой феноменов межличностного восприятия, прямо не соотносимых ни с объектными, ни с субъектными модусами социальной перцепции[16]. Перед нами переживания индивидом того влияния, которое на него оказывает другой индивид и которое в данной ситуации фактического или воображаемого взаимодействия не вытекает из намерений этого последнего. Это переживание субъектом своей собственной динамики, характеризующее, как это ни парадоксально, личность другого человека, но при этом особую «часть» его личности — фрагмент его отраженной субъектности. Когда мы говорим: «Мне этот человек смешон», этим мы не хотим сказать, что этому человеку весело; наоборот, подобное высказывание может свидетельствовать об обратном. То, что происходит со мной (хочется смеяться над ним), выступает как характеристика не столько меня самого в присутствии другого, сколько именно его личности в моих глазах.

Переживание собственной динамики в контакте с другим человеком, по-видимому, является генетически начальной формой восприятия человека человеком.

[16] О субъектном и объектном уровнях межличностного восприятия см.: [Хараш, 1980, с. 3].

Над ней далее надстраиваются уровни объектного и субъектного восприятия. Мы называем указанную форму социальной перцепции метасубъектной. Метасубъектный «слой» межличностного восприятия не является какой-либо внешней и необязательной «добавкой» к субъектному и объектному слою. Он составляет специфическое, неотъемлемое условие и продукт межличностного восприятия.

Идеальный значимый другой. Следующая форма проявления отраженной субъектности — это феномен действенности идеального образа отражаемого индивида в системе реальных или воображаемых контактов с ним индивида-носителя отражения. В феномене действенности находит свое выражение эффект идеальной продолженности первого индивида во втором. В рефлексивном плане жизненная ситуация индивида, являющегося носителем подобного действенного идеального образа другого индивида, выявляет в себе как бы два смысловых и вместе с тем силовых центра. Находясь на чужой «территории», другой человек образует «государство в государстве». Жизненный мир человека, заключающего чью-либо отраженную субъектность, может быть представлен в виде эллипса, имеющего два фокуса: Я и Другой во мне. Это психологическое строение жизненного мира может сохраняться даже тогда, когда другого значимого для нас человека фактически нет рядом.

Точные слова для обозначения интересующего нас явления мы находим у Л.Н. Толстого в его «Трактате о жизни»: «Мой брат умер, кокон его, правда, остался пустой, я не вижу его в той форме, в которой я до этого видел его, но исчезновение его из моих глаз не уничтожило моего отношения к нему. У меня осталось, как мы говорим, воспоминание о нем. ...Осталось воспоминание — не воспоминание его рук, лица, а воспоминание его духовного образа... Воспоминание это не есть только представление, но воспоминание это есть что-то такое, что действует на меня и действует точно так же, как действовала на меня жизнь моего брата во время его земного существования. Это воспоминание есть та самая невидимая, невещественная атмосфера, которая окружала его жизнь и действовала на меня и на других при его плотском существовании точно так же, как она на меня действует и после его смерти. Это воспоминание требует от меня после его смерти теперь того же самого, что оно требовало от меня при его жизни. Мало того, воспоминание это становится для меня более обязательным после его смерти, чем оно было при его жизни. Та сила

жизни, которая была в моем брате, не только не уменьшилась, но даже не осталась той же, а увеличилась, и сильнее, чем прежде, действует на меня.

...На каком же основании, чувствуя на себе эту силу жизни точно такою же, какая она была при плотском существовании моего брата, я могу утверждать, что мой умерший брат не имеет более жизни?.. Я смотрел в отражающую поверхность на то, как держал меня человек; отражающая поверхность потускнела. Я не вижу больше, как он меня держит, но чувствую всем существом, что он все-таки держит меня и, следовательно, существует» [Толстой, 1956, с. 412].

Перед нами не обычный способ воспоминания, а «что-то такое, что действует на меня», оно «не есть только представление». Воспоминание это описывается как «невидимая, невещественная атмосфера», которая наделена признаками действенности, динамичности, силы: она «действовала на меня и других» и «требует от меня» чего-то. Брат, запечатленный в переживаниях повествователя, составляет отныне часть его собственной жизни, часть, которая переживается «всем существом», но, тем не менее, не сливается с авторским Я, остается силой, действующей не только в нем, но и на него. Ни образ брата, ни объединение себя с братом, в котором оба стали бы неразличимы, не составляют, следовательно, сути того образования, которое столь подробно описывает Л.Н. Толстой. Перед нами особая форма отраженной субъектности, которая должна быть и особым образом названа, психологически осмыслена, чтобы не был упущен главный определяющий ее признак, указанный Л.Н. Толстым: «его (другого человека) отношение к миру, уясняющее мне мое отношение к миру».

Для ее обозначения можно было бы прибегнуть к термину «интроект», который кажется значительно более адекватным для описания, чем многие другие.

Но термин «интроект», используемый прежде всего в психоаналитической литературе, интерпретируется слишком узко и при всей неодинаковости дефиниций в основном описывается как «производящая основа идентификации». Нас же интересует более широкий круг явлений межиндивидуального отражения, в которых отражаемый субъект выступает для отражающего его субъекта как идеальный значимый другой.

Присутствие идеального значимого другого создает почву для проникновенных феноменологических описаний соответствующего крута явлений. Причина здесь заключается в том, что духовный образ другого человека существует в переживании его носителя относительно автономно от переживаний собственного «Я» и поэтому может быть отрефлексирован как бы со стороны с той или иной степенью достоверности. В художественной литературе, в произведениях классиков содержатся характеристики отраженной субъектности на уровне идеального значимого другого (в русской литературе замечательные описания действенной идеальной представленности одного человека в другом встречаем у Толстого, Достоевского, Чехова, Пастернака).

Но идеальный значимый другой характеризует лишь ступень восхождения к той форме отраженной субъектности, которая может быть обозначена как завершающая.

Претворенный субъект. В последнем случае опыт непосредственного самоанализа, опирающегося на актуально присутствующие в сознании субъекта переживания, уже невозможен. Только перед исследователем или перед человеком, фактически анализирующим себя как исследователь, выступает последняя, выделяемая нами форма, которую мы обозначаем как ступень претворенной субъектности. Отражаемый субъект настолько глубоко проникает в духовный мир субъекта, осуществившего отражение, что «Я» этого последнего оказывается внутренним и радикальным образом опосредствовано взаимодействием с первым, выступает как существенно определенное (или «положенное») им. В данном случае, на этапе претворенного «Я», фактически теряется взаимопротивопоставленность субъектов, и, следовательно, разрушаются диалогические формы взаимоотношения между ними: ведь «Я» одного здесь уже неотделимо от субъективированного им «Я» другого. Точнее, диалогическая оппозиция другому выступает здесь как самоконфронтация, как проявление борьбы с собой. Теоретически могут быть выделены три разновидности претворенного «Я»: идентификации; конфронтация (представление о подобной форме претворенного «Я» иногда может быть осмыслено согласно формуле И.С. Кона: «Негативизм — это конформизм наизнанку»); конвергенция (в частности, становление «Мы»).

Какие же механизмы отражения должны быть приведены в движение, чтобы воспроизвести «чужое» отношение к миру, «уясняющее мне мое отношение к миру» и целостный эффект субъективации чужого «Я», который выступает в феноменологии претворенной субъектности?

Чтобы ответить на этот вопрос, нужно начать не с анализа самого акта отражения, а с того, что должно быть отражено в нем, т.е. с «субъекта», понятие о котором фактически складывается у нас на протяжении всей этой книги.

Понятие «субъект» многопланово. Не сливаясь с понятием «индивид», оно выступает в психологии под разными именами: «Я», «деятель», «личность». За каждым из этих имен в психологии вырисовывается та или иная форма проявления активности человека. Имея в виду собственную «динамику индивида», его самоизменение, индивида как causa sui (причина себя) и порождаемую ими феноменологию субъективности, мы говорим о субъекте как «Я». Вовлекая в круг рассмотрения процессы опредмечивания, описывая индивида в аспекте предметной деятельности, мы выходим за пределы индивидуального «Я», и субъект теперь выступает перед нами под именем «деятель». Но и это определение субъекта не является завершающим. Следующее — это понимание субъекта как источника деяний — реальных изменений, которые он произвел в жизни окружающих его людей и в самом себе, изменений, которые значимы не только для него, но и для окружающих его людей, даже если они выходят за пределы собственных его побуждений и намерений. В этом последнем аспекте субъект выступает собственно как «личность». Понятие «личность», как видим, по необходимости заключает в себе понятие «Я» и «деятель», (мы рассматриваем здесь зрелые формы деятельности, соотносимые с категорией «личность»). Различая имена субъекта, мы как бы объединяем их в единую «семью», выделяя в качестве общего для них — фамильного — признака представление о внутренней динамике как источнике внешней динамики. Его еще можно назвать признаком перехода от внутреннего к внешнему, причинно-следственным отношением, в котором индивид выступает как инициативное, ведущее звено.

И, следовательно, «отраженная субъектность» должна быть теперь понята таким образом, что один индивид в своих психических состояниях и процессах, в проявлениях собственной субъектности

воспроизводит причинно-следственные переходы и превращения, продуцируемые другим индивидом. Теперь эти определяющие субъектность другого человека переходы и превращения перенесены на новую почву — на «территорию “Я”» первого индивида, в его жизненный мир, и образуют то, что мы уже обозначили как «инобытие» одного индивида в другом.

Сказанное вплотную подводит нас к мысли, что *отраженная субъектность должна быть осмыслена как субъектность самого отражения*, что идеальной представленности одного человека в другом присущ активный, «незеркальный» характер. Да и может ли быть иначе, если термин «отражение» мы берем в его точном значении? Отразить что-либо — это значит воспроизвести *существенные*, определяющие черты отражаемого; в данном случае — признак действенности, активной причинности индивида по отношению к чему-либо, происходящему в нем самом, в других людях, в предметной действительности.

Вот почему «отраженная субъектность», немыслимая вне актов и продуктов межличностного восприятия, к ним не сводима и должна быть выделена в особую категорию психических явлений. Тем не менее, представляется, что природу интересующего нас образования характеризуют два психологических механизма, сближающих проявления отражающей субъектности и межличностного восприятия. Это, как нам кажется, механизмы каузальной атрибуции (приписывание причинности) и опережающего отражения (предвосхищения необходимого развития событий). Последний может быть назван еще механизмом выведения следствий. Приписывая другому человеку стремления (каузальная атрибуция), мы отчетливо переживаем необходимость последующих его воздействий на окружающие его предметы (опережающее отражение) и, таким образом, отражаем индивида со стороны активности *его «Я»*. Наделяя его определенными намерениями (каузальная атрибуция), мы предвосхищаем предметные результаты его деятельности (опережающее отражение), и с этой стороны он открывается нам как деятель. Наконец, приписывая ему функцию контроля над социальными последствиями производимой им предметной деятельности (опять-таки каузальная атрибуция), мы прогнозируем соответствующий социальный эффект (снова опережающее отражение) и в этой связи отражаем субъектность индивида со стороны его деяний, т.е. в собственно личностном измерении.

Хотя механизмы каузальной атрибуции и опережающего отражения — каждый в отдельности — относятся к феноменологии социальной перцепции, охарактеризованное здесь их совместное, содружественное действие выходит за пределы перцептивных процессов и образований. Это и понятно: образы восприятия в собственном смысле всегда даны нам как что-то внешнее, внеположное. Отраженная же субъектность не противостоит человеку, осуществляющему отражение как образ какого-либо предмета, как образ созерцания. (Заметим, что понятие «познание» — куда входит и «восприятие» — меньше по своему объему, чем понятие «отражение»). Понятие «познание» соотносимо по своему объему с категорией «субъективного», а понятие «отражение» — с более широкой категорией «идеального» (в значении, придаваемом этому понятию Э.В. Ильенковым). Подобно тому как субъектность индивида не есть сама по себе его интенциональность или осуществленность действия, а представляет собой необходимый переход от внутренней динамики к внешней, от события-причины к событию-следствию (т.е. подлинным образом раскрывается как становление причины следствием), так и отраженная субъектность на каждой из своих ступеней и в движении от ступени к ступени представляет собой переход от акта каузальной атрибуции к акту опережающего отражения. Это движение сравнимо с развитием музыкальной темы: каждая новая музыкальная фраза, звучащая как бы самостоятельно и отдельно от воспринимающего, концентрирует в себе неизбежное движение перехода от предшествующей к последующей фразе. И этот переход переживается как осуществляющийся в самом воспринимающем субъекте; движение этого перехода не может быть противопоставлено субъекту как его созерцание.

Понятие отраженной субъектности выражает собой, таким образом, особое внутреннее движение сознания и деятельности человека, осуществляющего отражение. Это движение может совсем не осознаваться им, а в случае, если и возникает осознанная задача, то далеко не всегда оно обретает опору в образах и заключенных в них значениях. Перед нами именно смысловая форма репрезентации одного человека другому, выступающая как движение преобразования жизненных отношений последнего к миру. В этом движении непо-

средственно выявляется причинность первого по отношению ко второму, его субъектность как «авторствование».

Итак, отраженная субъектность, не являясь только образом, выступает как продолженность одного человека в другом, как смысл первого для второго, в динамике[17] определений бытия последнего. По существу, речь идет об инобытии одного человека в другом. Эти соображения лежат в основе построения *экспериментального метода отраженной субъектности*.

Идея предлагаемого метода заключается в следующем. Экспериментатор оценивает или измеряет психологические особенности какого-нибудь индивида, выступающего в роли испытуемого, по тем или иным известным или новым методикам (проективным, психосемантическим, «деятельностным» и т.д.) и выявляет устойчивые характеристики этого индивида в соответствующих измерениях. Они принимаются за точку отсчета.

Теперь предлагается включить другого индивида (мы его называем *исследуемым*) во взаимодействие с первым. Сдвиг в проявлении индивидуальности испытуемого выступает в качестве исходной характеристики личности *исследуемого*. Предполагается, что мерой его личностности служит фиксируемая экспериментатором степень изменения поведения и сознания других людей, которое значимо для этих других, для их собственного самоопределения. Таким образом, мы подступаем к явлениям отраженности, запечатленности *исследуемого* в системе индуцируемых им изменений жизненных проявлений испытуемых, что и обрисовывает личностный модус индивидуальности исследуемого как источника нового смысла для испытуемого.

[17] Любая изощренная попытка «схватить» движение в созерцании — «бабочка света, красота ускользает... А в руках остаются одни очертания бегства» (Хименес) — всегда остается в определенном смысле метафорой, сохраняя или лишь иллюзорно преодолевая извечную дистанцию между образом созерцания и неподвластным ему движением. Толстой сравнивал душу человеческую с огнем, который перебрасывается с одного предмета на другой. Если бы существовал «флогистон», то качество «субъектности» можно было бы представить в виде чего-то вещного и, следовательно, хорошо воспроизводимого в образе. Восточные концепции «метемпсихоза» по существу именно таковы. Но флогистона не существует, как не существует имматериальной души; «субъектность», которая так напоминает живое пламя, так же, как и огонь, невещественна и неостановима в полете и в образе воспроизводится приблизительно и условно.

Подобный подход к изучению личности может быть, следовательно, обозначен как *принцип отраженной субъектности*.

Среди форм и способов «предъявления» исследуемого испытуемым можно выделить следующие.

1. Реальное взаимодействие *исследуемого* и испытуемого в пределах экспериментальной ситуации.

2. Фактическое присутствие *исследуемого* в ситуации осуществления испытуемыми той или иной деятельности при соблюдении условия невмешательства.

3. «Материализованные репрезентации» *исследуемого* испытуемому: предъявление фотографий, голоса, записанного на магнитофон, предметов, символизирующих присутствие *исследуемого*.

4. Включение *исследуемого* или его символических замещений в структуру экспериментального материала, например, включение их в саму «картинку» проективного теста.

5. Квазиприсутствие — гипнотическая актуализация образа *исследуемого*, «мысленное» присутствие и т.п.

6. Субсенсорное предъявление стимулов, связанных с *исследуемым* (его имени, фотографий и др.).

7. Воспроизведение ситуаций, в которых имело место взаимодействие испытуемого и *исследуемого* без внешней актуализации образа последнего.

8. Экспериментальные условия, аналогичные только что описанным, при гипнотическом внушении испытуемому «забывания» *исследуемого*.

9. Включение испытуемых в такие ситуации, которые были бы сходны с предшествующими ситуациями взаимодействия испытуемого и *исследуемого* без внешней актуализации образа исследуемого (условие «нулевой» репрезентации).

Первый из названных способов «предъявлений» позволяет реализовать исследования прямого или косвенного, намеренного или ненамеренного влияния, улавливая соответствующие эффекты запечатленности *исследуемого* в проявлениях активности испытуемых. Формы репрезентации *исследуемого,* начиная со второй по шестую, нацеливают на выявления характеристик его отраженной субъектности, выступающей на уровне идеального значимого другого. Остальные формы репрезентации представляют интерес в плане оценки претворенной субъектности.

Основные методические трудности, обусловленные отсутствием какой-либо традиции соответствующего экспериментального исследования, возникают в основном при изучении отраженной субъектности во втором из выделенных ее вариантов, переходном между первым и третьим. В этом аспекте деятельность испытуемых актуально опосредствуется идеальными репрезентациями *исследуемого*. Поэтому при описании того, как практически «работает» метод отраженной субъектности, главный акцент мы сделаем на основе освещения данных о том, как «вмешивается» идеальный значимый другой (*исследуемый*) в выполнение экспериментальных заданий испытуемыми.

Отметим в порядке иллюстрации несколько исследований, проводимых на основе предложенного автором метода. Так, в работах Ю.В. Янотовской и, независимо от нее, И.Г. Дубова [Петровский, Дубов,1987] изучалась мера идеальной представленности (персонализации) творческих учителей в учениках: в исследовании ученики включаются в словесный ассоциативный эксперимент, затем по частотному словарю выявляется уровень оригинальности ассоциаций. Показано, что в присутствии учителей, которые по экспертным оценкам описываются как творческие личности, оригинальность ассоциаций учеников возрастает.

В исследовании А.В. Воробьева [Воробьев, 1987] школьникам предъявлялась игровая задача, которую требовалось решить самостоятельно, не отступая от правил. В одной из экспериментальных серий перед испытуемыми-шестиклассниками находился портрет их учителя. Выяснилось, что предъявление портретов некоторых учителей не вызывало изменений в добросовестности учащихся; предъявление портретов других учителей стимулировало более добросовестную работу. Примечательно, что портреты некоторых учителей оказывали неблагоприятное воздействие, вызывая падение правдивости учащихся, нарушение правил «исподтишка». В работах того же исследователя выяснено, что предъявление одного только голоса учителя (при полной стертости, невнятности содержания речи) вызвало изменение в интерпретации учениками сюжетных ситуаций проблемного типа; одни учителя повышали «доброжелательность» интерпретаций во взаимоотношениях между героями специально отснятого фильма, другие способствовали негативным интерпретациям взаимоотношений между героями. Та же техника репрезентации позволила выявить

факты стимуляции познавательной активности учащихся при решении ими интеллектуальных задач учебного типа. (Было бы интересно выявить возможную динамику «зоны ближайшего развития» детей — расширение или сужение ее границ в условиях контакта ребенка с разными взрослыми.)

С использованием предложенной А.Л. Крупениным техники «псевдовоздействий» значимых других удается выявить факт изменения уровня «непрагматического риска» при условии подобного мнимого «воздействия» на субъекта-перципиента. Участникам эксперимента сообщали, что будет проверяться гипотеза о существовании «биополей». «Субъектом-индуктором» становился *исследуемый,* «субъектом-перципиентом» — испытуемый. *Исследуемый* должен был «воздействовать» на испытуемого, сидящего за прибором — «рискометром»[18] [Петровский, Крупенин, 1985], находясь рядом (за спиной испытуемого) или издалека (из другой комнаты). Обоим было известно, что вследствие «воздействия» должна быть «повышена точность» работы испытуемого, состоящая в экстраполяции движения сигнала-объекта в «тоннеле». Как первый, так и второй участники опыта не знали, что в эксперименте выявляется уровень стремления человека к риску, а также зависимость именно этой тенденции (а не самой по себе точности остановки сигнала-объекта в тоннеле) от факта идеального взаимодействия между испытуемым и «ассистентом» (т.е. в данном случае *исследуемым).*

В специальной экспериментальной серии было показано, что одного только внушающего влияния экспериментатора, повышающего уверенность испытуемого в точности его собственных действий, оказывается недостаточно для стимуляции тенденции к риску. В этой серии испытуемому вручали металлический стержень, соединенный проводом с корпусом прибора, на котором проводилось исследование, и сообщали, что по этому проводу будет «передаваться» определенное воздействие от особого устройства — «суггестометра», якобы повышающего точность выполнения задачи. Большинство испытуемых при этом оценивали свою работу как более точную, чем в предыдущих сериях (без суггестирующего воздействия), однако уровень стремления к риску оставался прежним. Кроме того, на значитель-

[18] Название прибора — «рискометр» — разумеется, не фигурировало в общении с испытуемыми.

ной экспериментальной выборке (более 900 испытуемых) А.Л. Крупениным было показано, что колебания уровня стремления к риску у испытуемых нельзя объяснить естественными флуктуациями активности в экспериментальной ситуации, располагающей к риску (коэффициент корреляции между повторными сериями с интервалами 2 недели, 3 месяца, полгода — не менее 0,82). В случаях, если эксперимент проводился с незнакомыми прежде участниками, наблюдалось приблизительно равное отклонение в сторону повышения или понижения уровня стремления к риску. Причем у трети испытуемых риск сохранял свое исходное значение. Однако в тех случаях, когда участники эксперимента были знакомы между собой, в условиях «воздействия» выявлялась значимая тенденция к повышению показателей прагматически немотивированного риска по сравнению с данными индивидуальной серии.

Соответствующие сдвиги независимы от социометрического и референтометрического статуса *исследуемых* и испытуемых в группах, из которых формировались экспериментальные диады. Таким образом, основным фактором сдвига к риску является наличие ранее сложившегося межиндивидуального контакта между испытуемыми и *исследуемыми?* который, по-видимому, можно интерпретировать как достигнутую опытом общения запечатленность исследуемого в системе «смысловых установок» испытуемого.

Для описания следующей группы фактов, полученных в том же исследовании, не имеющих пока вполне убедительного истолкования, мы используем заимствованный из математической логики термин — «отношение эквивалентности». Последнее, как известно, удовлетворяет трем формальным условиям: «симметричности» ($ARB = BRA$), «транзитивности» ($ARB \ \& \ BRC = ARC$) и «рефлективности» (ARA). В нашем случае это означает, что если индивид A в определенном направлении изменяет стремление к риску у индивида B, то последний (B) вызывает аналогичное изменение у первого (A) (условие «симметричности»); если индивид A индуцирует повышение или снижение уровня стремления к риску у индивида C, а B — соответственно у C, то с высокой вероятностью обнаруживается соответствующее влияние A на C (условие «транзитивности»).

Именно эти факты наблюдались в исследовании. Для проверки условия «рефлексивности» мы провели дополнительную серию, которая, возможно, могла бы вызвать возмущение у тех, кто верит в

«силу биополей». Экспериментатор делал вид, что он «записывает» собственные «биополя» испытуемого (в действительности, конечно, никакой записи чего-либо и обратного предъявления не было)[19]. В результате оказалось, что участники исследования, не вызывающие изменения уровня стремления к риску у других лиц, в серии «самовоздействия» не изменяли собственного уровня риска; вместе с тем участники эксперимента, варьирующие уровень риска у других, вызывали аналогичные изменения у самих себя.

Следовательно, подтверждалось и свойство «рефлексивности» производимых влияний, и в целом перед нами открывалось отношение эквивалентности, разбивающее множество испытуемых на два противостоящих друг другу подмножества: 1) подверженных и вместе с тем подвергающих влиянию; 2) «независимых», находящихся вне отношения влияния. Приведенные данные нуждаются, конечно, в дополнительном исследовании и объяснении.

Трудно интерпретируемые факты получены нами также при исследовании динамики ряда феноменов восприятия, обусловленных идеальным присутствием значимого другого. Б.М. Величковский (в личной беседе) обратил наше внимание на возможную взаимосвязь персонализации и перцепции. Одна из таких иллюзий — вариант фигуры Г. Каниззы [Величковский, 1982] с иллюзорным контуром, несколько модифицированной нами, — послужила предметом анализа.

В поле зрения испытуемого — четыре фигуры черного цвета, представляющие собой круги с вырезанными в них секторами. Иллюзия состоит в том, что условный квадрат, «наведенный» этими секторами, в глазах наблюдателя превращается в реальный белый квадрат, т.е. становится «видимым» (рис. 12*а*).

Действительно ли «присутствие» значимого другого лица может отразиться на характере переживания этой иллюзии? Приведем некоторые данные, полученные в дипломной работе, выполненной под нашим руководством Е.И. Кузьминой [Петровский, Кузьмина, 1988].

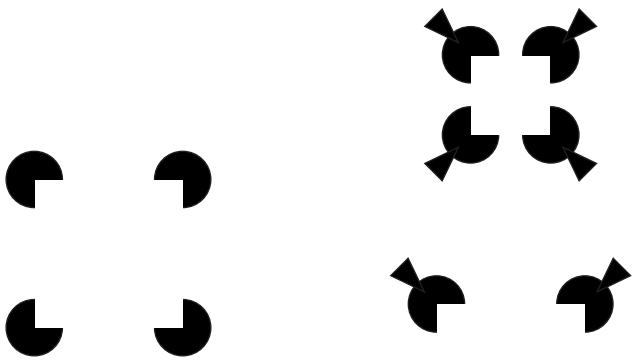
Прежде всего необходимо было измерить силу иллюзии. Для этой цели мы предъявляли испытуемым слайды, где расстояние между

[19] После окончания эксперимента с испытуемыми проводилась беседа, из которой они узнавали о задачах исследования и, в частности, о том, что гипотеза об экстрасенсорных воздействиях в эксперименте не проверялась и тем более не подтверждалась.

черными кружками менялось от меньшего к большему; в некоторый момент иллюзия белого контура, весьма ощутимая при небольшом расстоянии между кружками, пропадала; тем самым мы устанавливали порог исчезновения иллюзии.

Далее, поскольку эксперимент проводился с детьми дошкольного возраста, необходимо было адаптировать для детей инструкцию и несколько модифицировать предъявляемый тест. Остроумное решение этой задачи предложила Е.И. Кузьмина. Кружки с вырезанными секторами были «превращены» в головы рыб с пририсованными «хвостиками» (рис. 12*б*).

Четыре рыбки «держат платочек», который в определенный момент они выпускают изо рта. Требуется сказать, когда «платочек выскользнет». В первой серии дети многократно решают эту задачу в присутствии только экспериментатора. Во второй серии им предлагают представить, что рядом с ними находится их воспитательница.



а)

б)

Рис. 12. Фигуры Каниззы:
а — исходная фигура;
б — модифицированный вариант для детей

Сравнивается порог исчезновения иллюзии в первой и во второй сериях. Эксперимент, проведенный на 52 детях, выявил весьма заметные отличия между сериями — воображаемое присутствие воспитателя сочеталось с более поздним исчезновением иллюзии; выраженность иллюзии, таким образом, была значительнее во втором случае, когда «рядом» оказывался значимый другой человек.

Для объяснения этого факта потребуется специальная экспериментальная работа, направленная на проверку ряда гипотез, в различной мере специфицирующих собственно интерперсональный аспект интересующего нас влияния. Например, динамика перцептивной продукции может объясняться факторами, лежащими в стороне от процессов межличностного общения и не имеющими какого-либо прямого отношения к проблеме персонализации (распределение внимания между внешним стимулирующим материалом и внутренним, представленным в сознании субъекта значимым объектом вообще). Или она может быть объяснена в большей мере «субъективно-центрическим» образом: как эффект снижения дифференцированности восприятия, обусловленный снижением критичности испытуемого под влиянием значимого другого (гипотезы «доверия», «распределения ответственности» и т.п.). Или, наконец, как проявление специфической интерсубъектной детерминации перцептивной деятельности (гипотеза «проигрывания» конструктивной активности другого, высказанная Б.М. Величковским).

В совместных исследованиях с Е.Ю. Увариной [Петровский, Уварина, 1982] мы прослеживали обусловленную другим человеком динамику образа Я индивидуума. Испытуемым предлагается оценить себя по некоторому набору (типа «звездочки» А.Ф. Лазурского) неградуированных шкал, расположенных перед ним и образованных веерообразно расходящимися из центра лучами (подобное расположение оправдано необходимостью проведения последующих серий). Предложенный набор качеств отражает весьма значимые для человека аспекты его бытия: «ум», «сила воли», «знание себя», «оригинальность мышления», «ощущение себя личностью» и т.п. (рис. 13).

Далее во второй серии испытуемым под видом самооценок другого человека предъявляли их же собственные самооценки (круговое расположение лучей «сбивало» испытуемых, не позволяя идентифицировать предшествующие ответы; кроме того, было изменено взаимное расположение шкал, что дополнительно затрудняло узна-

Рис. 13. Образец бланка, заполнявшегося испытуемыми на второй стадии исследования

вание) и предлагали вновь себя оценить. Нас интересовало, не проявится ли у испытуемых тенденция к изменению самоописания, когда им предъявляют их первоначальные оценки как оценки, данные другими людьми самим себе. Подобное изменение действительно наблюдалось. Учащиеся при предъявлении им «самооценок» равных по рангу успеваемости одноклассников воспроизводили свои предшествующие оценки; но в гетерогенных парах (условно «двоечники» — «отличники», «отличники» — «двоечники») наблюдалась существенная перестройка ответов. Испытуемые, стремясь как бы «отмежеваться» от образа другого человека, чем-то существенно отличного от себя, фактически отказывались от первоначального «видения» себя, причем эта динамика прежде всего затрагивала качества, значимые для успеха в учебной деятельности («ум», «неординарность мышления»); в целом сдвиг наблюдался по 10 из 16 параметров самоописания.

Один из путей фиксации влияний, оказываемых *исследуемым* на *испытуемых*, — использование модифицированных проективных тестов. Единицей анализа личности исследуемого здесь выступают изменения проективной продукции испытуемого, производимые исследуемым. Изменения, о которых идет речь, показательны для оценки личности исследуемого в случае выхода за рамки ситуативных индивидуальных вариаций проективной продукции испытуемого.

Так, в совместном исследовании с И.П. Гуренковой [Петровский, Гуренкова, 1985] динамика проективной продукции под влиянием другого лица нами прослеживалась на материале модификации фрустрационного теста Розенцвейга (рис. 14). В частности, удалось выявить изменение направленности агрессии в ситуации фрустрации по характеру доминирования вплоть до смены на противоположный тип доминирования (экстрапунитивное доминирование замещается интрапунитивным и т.п.).

При построении конкретных экспериментальных методик, реализующих принцип отраженной субъективности, необходимо было учитывать два обстоятельства, которые мы проанализируем особо.

Первое из них — назовем его правилом «индивидуальной специфичности» — состоит в том, что *исследуемый* должен выступить в проявлениях активности *испытуемого* именно своими субъектными чертами. Иначе говоря, его действие на испытуемого должно нести на себе печать индивидуального своеобразия, авторствования, независимо от каких-либо эффектов внеиндивидуального безличного влияния, которое один человек в ситуации социального взаимодействия мог бы оказать на другого. Один из случаев подобного безличного влияния может быть обозначен как эффект присутствия «человека вообще», иначе — «эффект свидетеля». Примером экспериментального разведения «эффекта свидетеля» и эффектов собственно отраженной субъектности может послужить исследование динамики фрустрационных реакций в присутствии другого. В работе И.П. Гуренковой была предпринята попытка «перенормировки» сырых тестовых данных, характеризующих тип и направленность протекания фрустрационных реакций в связи с введением материалы теста третьего лица как наблюдателя «вообще» (изображенного на каждой из 24 картинок теста Розенцвейга пунктиром). Первоначально испытуемым сообщалось, что это просто человек, находящийся в данной ситуации, который видит все происходящее, но сам в разго-

а)

б)

Рис. 14. Пример проективного текста:
а — в обычном варианте;
б — в модифицированном [Петровский, 1985]

вор между действующими лицами не вступает. Далее безличная фигура «третьего» индивидуализировалась: испытуемым сообщалось, кто этот третий. Оценка изменений проективной продукции строилась на основе сравнения серии с персонифицированным другим и серии с «другим вообще» (групповые нормы реагирования в которой оказываются иными, чем в ситуациях без свидетеля — «эффект свидетеля»).

Другой случай индивидуального влияния, который также должен быть по возможности учтен и изолирован в исследовании, мы обозначим как «статусно-ролевый эффект». Здесь перед нами такой тип межиндивидуального влияния, когда оно, например, детерминировано профессиональной принадлежностью исследуемого; его положением в социальной организации (авторитет власти); мнением, которое сложилось о нем (феномен Хлестакова); социальными стереотипами реагирования, связанными с его половой или возрастной ролью, национальностью и т.д.

В дипломном исследовании А.Н. Смирновой (1986) была предпринята попытка специально проследить роль индивидуальной и статусно-ролевой обусловленности проявлений самовосприятия студентов в присутствии преподавателя. Метод отраженной субъектности был реализован здесь с применением методики «Личностный дифференциал» (в разработке А. Эткинда). Испытуемые несколько раз подряд оценивали себя по шкалам соответствующего опросника (включавшего названия 21 личностного качества, которые объединены в три категории — «Сила», «Активность» и «Оценка»). В первом случае они должны были ответить, каковы они в своем представлении («Я в своем представлении»); во втором — каковы они в момент подготовки к экзамену; в третьем — описать себя на вечеринке при встрече с приятелем. Кроме того, по тем же шкалам испытуемые должны были оценить двух преподавателей, указанных экспериментатором. Эти преподаватели поочередно вели семинарские занятия с обследуемыми студентами по одному и тому же учебному курсу. Наконец, испытуемые должны были вновь себя оценить, представив, что они готовятся к сдаче экзамена каждому из двух преподавателей, а также еще раз оценить себя в маловероятной, но все же возможной ситуации: преподаватель — в их приятельском кругу. В эксперименте выявились существенные отличия в самовосприятии студентов в тех случаях, когда они мысленно «проигрывали» ситуацию подготовки

к экзамену вообще (перед абстрактным экзаменатором) и к сдаче экзамена конкретному лицу. Этот результат можно было бы объяснить актуализацией представлений, связанных со спецификой учебного материала (который может предъявлять различные требования к способностям учащихся, быть не одинаково интересным и т.д.), и подобное влияние, безусловно, имело место. Однако нас здесь интересовал не эффект «абсолютного» влияния конкретного лица в той или иной роли в отличие от эффекта влияния роли самой по себе, а сравнительный «вклад» разных людей, реализующих одну и ту же роль, в самовосприятие других. И действительно, наблюдались обусловленные каждым из двух преподавателей достоверные различия в самоописании студентов как по отдельным шкалам, так и по категориям шкал.

Картина индивидуально-специфического влияния открывается и в сериях воображаемого общения студентов с преподавателями во внеучебной ситуации, Однако направленность сдвигов в проявлениях самовосприятия у студентов в ряде случаев здесь иная, чем в ситуации представляемого учебного взаимодействия. Поэтому можно утверждать, что в эксперименте мы фиксируем эффект взаимодействия индивидуально-специфического влияния и влияния со стороны содержательной специфичности ситуации (ситуативный фактор). Проведенные и планируемые исследования должны раскрыть достаточно полную картину детерминации наблюдаемых сдвигов, в рамках которой только и может быть «локализован» собственно индивидуальный аспект влияния

Рельефную картину отличий индивидуально специфического влияния людей и эффектов фасилитации, обусловленных присутствием другого «вообще», открывают исследования И.Г. Дубова. Им был избран классический вопрос, разрабатывавшийся еще в ранних работах Г. Оллпорта, — о возможной динамике ригидности человека в присутствии другого лица. Однако в данном случае в цели исследователя входила оценка прежде всего характера персонализации одного человека в другом, где мог бы выступить не абстрактно-социальный момент влияния, а влияние индивидуальности первого на проявление ригидности (флексибельности) второго. В качестве *исследуемых* были отобраны выпускники педагогических институтов, которые по совокупности известных и дополнительно разработанных автором исследования тестов оценивались как «гибкие» («флексибельные»).

Далее по группе исследовательских методик и тестов оценивалась гибкость — ригидность учеников тех классов, в которые были распределены отобранные для исследования учителя (замеры со школьниками 8-го и 9-го классов проводились в первых числах сентября). В конце учебного года в условиях непосредственного и воображаемого присутствия учителей и в независимой серии ученики вновь подвергались исследованию.

В итоге была подтверждена гипотеза, согласно которой «гибкие» учителя продуцируют сдвиг в сторону большей гибкости у учеников по сравнению с учителями, не акцентуированными по этому качеству. Этот результат опровергает уже начинающую становиться традиционной (в результате исследования фасилитации) точку зрения, согласно которой присутствие другого лица повышает ригидность того, кто непосредственно действует. Эта точка зрения, вполне оправданная в рамках изучения фасилитации как влияния «человека вообще», оказывается ограниченной при интерпретации индивидуально-специфического влияния, реализующего процессы межсубъектного отражения.

Второе обстоятельство, учет которого обязателен при построении интересующего нас класса методик, назовем правилом «идеальной включенности». Суть этого условия состоит в том, что исследуемый внутренним образом включен в ситуацию деятельности испытуемого, вступает с ним в идеальное взаимодействие; источником интересующих экспериментатора влияний его на испытуемого является именно интрапсихическая запечатленность и действенность его в испытуемом. В экспериментальной ситуации «работает» не сам по себе исследуемый — «работает» его образ в голове испытуемого, интроецированные содержания, субъективации, актуализированные его реальным или воображаемым участием в экспериментальной ситуации.

Реализация указанного методологического условия может быть осуществлена двояким образом. В первом случае исследуемый реально присутствует в ситуации выполнения экспериментального задания испытуемым, однако лишен возможности прямо оказать какое-либо содействие испытуемому. Влияние *исследуемого* идет как бы в обход ситуативно-необходимому характеру его активности. Так, в одном из экспериментов, ранее уже описанном нами, испытуемые «отличники» своими ошибочными действиями (при ре-

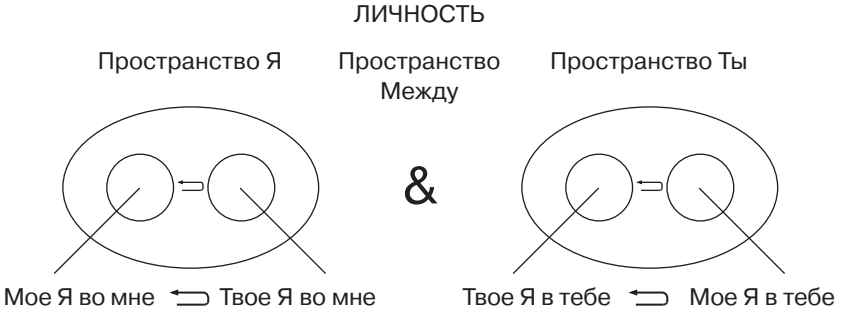
шении задач «четыре точки»), отнюдь не стремясь оказать помощь слабоуспевающим, тем не менее, повышали уровень креативности последних.

Отмеченное методологическое требование, таким образом, реализовывало технику «иррелевантных» воздействий. Во втором случае исследуемый физически отсутствует в экспериментальной ситуации, однако как бы вводится в круг переживаний испытуемого (предъявляются его фотография, голос, его символические замещения вводятся в материалы проективного теста и т.п.). Этот вариант создания эффекта присутствия может быть назван техникой символической репрезентации исследуемого испытуемому; данный прием был реализован в исследовании А.В. Воробьева [1981].

Только что сформулированные правила построения экспериментальной ситуации, воплощающей принцип отраженной субъектности, а именно правила «индивидуальной специфичности» и «идеальной включенности», расслаивают ситуацию исследования на два «яруса».

Первый из них — это «ярус» заданной испытуемому деятельности. Испытуемый выполняет деятельность, степень осуществимости которой объективно не зависит от индивидуального своеобразия исследуемого. Это задачи, которые могут быть выполнены самим испытуемым либо совершенно самостоятельно, без какой-либо ориентировки («оглядки») на исследуемого, либо на основе сотрудничества с последним, однако в тех пределах, в которых необязательны какие-либо проявления индивидуального своеобразия исследуемого, а достаточно лишь его способности справиться с требованиями чисто делового общения в пределах, отведенных ему ролью.

Второй «ярус» активности — это собственно «личностное» идеальное взаимодействие испытуемого с исследуемым. Переход испытуемого на этот второй «ярус», выход его в слой идеального взаимодействия с другим субъектом как носителем индивидуально своеобразных черт является в определенном смысле «надситуативным», т.е. осуществляется над порогом требований ситуации, предъявляемой испытуемому непосредственно. Существенно важной чертой экспериментальной ситуации является также и тот факт, что «надситуативно» здесь не только идеальное движение испытуемого к *исследуемому*, но и «исходящее» от исследуемого воздействие на испытуемого, так как оно (что уже отмечено нами) выходит за пределы



Изогнутая стрелочка на рисунке между символами-кружками — будем называть левый в паре «А», а правый «В» — читается: «А с опорой на В, «А под влиянием В», «А в зависимости от В» и т.п. (подобные стрелочки мы еще будем использовать в дальнейшем).

Рис. 15. Модель трех пространств существования личности

социально предписанных или стереотипных форм взаимодействия между ними.

Надситуативный характер идеального взаимодействия между исследуемым и испытуемым открывает нам особую феноменологию активности личности, характеризующую уровень его отраженной субъектности в жизни других людей.

Отражаясь в разных людях, разными гранями себя, индивидуум генерирует многообразие своих собственных «Я», представленных в нем самом и в других людях, а также «Я» других индивидуумов, запечатленных и длящих себя в нем (рис. 15).

3.2. Индивидуальность — неотразимость

Индивидуальность индивидуальности рознь. Похоже, число мыслимых психологических определений термина «индивидуальность» когда-нибудь приблизится к числу индивидуальностей в психологии. Тут трудно что-либо поделать! Каждый — по себе судит, от себя отталкивается, свою индивидуальность отстаивает...[20]

[20] Концептуально мне близка ставшая уже крылатой фраза А.Г. Асмолова: «Индивидом рождаются, личностью становятся, индивидуальность отстаивают» [Асмолов, 2007].

Интуитивные концепции индивидуальности формализуются, латентные — легализуются, личные превращаются в публичные. Было бы удивительным, если бы дефиниции, порожденные гением индивидуальности каждого из исследователей, совпадали. Категория личности (и внутри нее понятие индивидуальности) относится к числу категорий-позиций. Достаточно кому-нибудь одному из нас, смелому, дать дефиницию, как кто-нибудь другой, отважный, непременно заявит, что дело обстоит ровным счетом наоборот. Уникальность исследователя, спроецированная на терминологическое пятно Роршаха, — вот вам и рецепт построения искомого концепта!

В ситуации хаоса существующих и потенциально возможных определений термина «индивидуальность» могут быть выделены несколько опорных точек, позволяющих описать способы его психологического осмысления (рис. 16).

Первая точка — это общее значение термина «индивидуальность», укорененное в культуре и представленное в повседневной речи.

Четыре других точки указывает на область возможных психологических интерпретаций данного термина, значимых для проведения специальных теоретических и эмпирических исследований индивидуальности.

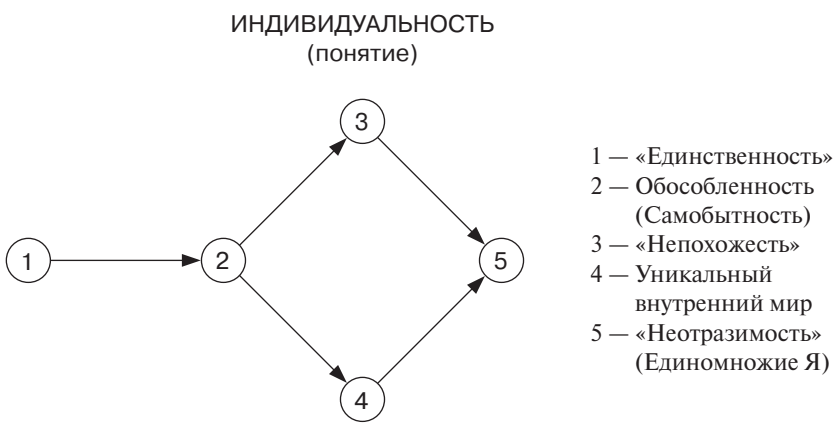


Рис. 16. Способы психологической интерпретации

Начнем с центральной, «лингвистической», точки отсчета — «1». У Александра Блока в дневнике есть запись, которую цитирует Георгий Адамович в своей статье о Зинаиде Гиппиус. Всего три слова: «Единственность Зинаиды Гиппиус».

Итак, «1», *Единственность.* Быть чем-то единственным, «единственным в своем роде» — тут, на мой взгляд, самая суть «индивидуальности» (как она осмысливается в культуре): уникальность, своеобразие, отличительность индивида. Здесь же и основание для выделения производных смысловых форм; они представлены сложными комбинациями слов, оттеняющими разные грани термина «индивидуальность» (символизированы точками «2», «3», «4», «5»).

«2», *Обособленность* (*Самобытность*) — социоприроднокультурная неслиянность, нетождественность индивида с кем-либо или с чем-либо; уникальный узор разнородных составляющих индивида (между ними существуют, по словам В.С. Мерлина, «много-многозначные» связи).

«3», *Непохожесть* — несходство с другими, значимое для других. Термин «непохожесть» заимствуем у автора «Бригантины», поэта Павла Когана: «Пьем за яростных, за непохожих, за презревших грошевой уют!...» Пафос поэта, разумеется, не распространяется на «акцентуации характера» (в этой связи еще один пример «непохожести»: проблема «тихого невротика» заключается в нем самом, психопат — это проблема для окружающих).

«4», *Уникальный внутренний мир.* В этой трактовке индивидуальности автор солидарен с В.Д. Шадриковым [2009]. Я подчеркиваю при этом три момента:

• *самоценность:* привилегированное положение «внутреннего» по сравнению с «внешним». «Индивидом рождаются, личностью становятся, индивидуальность отстаивают» [Асмолов, 1982];

• *надситуативность:* индивид поднимается над ситуацией, преодолевая внешние и внутренние ограничения в реализации себя как субъекта. В этой связи мы говорим не только о «надситуативности», но и об «активной неадаптивности» индивида — о постановке целей, мотивированных непредрешенностью результата их достижения [21];

[21] В разные годы автором и под его руководством были экспериментально исследованы такие формы «надситуативности», как «влечение к краю» (тенденция индивидов действовать вблизи пространственного маркера границы), «бескорыстный

• *потаенность.* Индивидуальность *всегда* остается за кадром для других, значима для самого человека и в этом смысле являет собой признак «для себя бытия» его единственности. Мне близка в этой связи точка зрения А.Г. Асмолова и В.Н. Дружинина, согласно которой психика человека обладает самодвижением, одно из проявлений которого, творчество, порождает в ходе жизни множество «субъективных миров», лишь некоторые из них будут реализованы. Я хотел бы особо подчеркнуть эту мысль: «внутренний мир человека», именно внутренний, не обнаруживаемый никогда до конца, не редуцируемый к чему-то внешнему и вместе с тем интригующий наблюдателя своей трансцендентностью, есть характеристика индивидуальности *по определению* — как что-то своеобразное, данное только этому человеку и для него значимое, бытие в качестве «самости» — предела «индивидуации» [Юнг, 1993].

Иногда здесь можно разглядеть основание для игр-заигрываний с окружающими. Как говаривал Эрик Берн, спереди на футболке написано: «Никто не знает, что я испытал!» А сзади на футболке — «Никто и не узнает!» [Берн, 2000]. Вдобавок (не всегда, конечно!) это своеобразие есть основание для игр и интриг не только с другими, но и с собой, «единственным и неповторимым»...

Здесь мы сталкиваемся с серьезной проблемой, — противоречием, которое можно считать базовым в психологии индивидуальности. Если моя неповторимость, «единственность» есть ценность,

риск», превращение нетворческой деятельности в творческую, непрагматический отказ от подсказок, «презумпция существования решения» и проч., а также сценарные решения, ограничивающие возможности «надситуативного» поведения. Осуществляя ситуативно-избыточное преодоление внешних и внутренних ограничений, личность раскрывает себя как субъект, бросающий вызов ситуации, оспаривающий непредрешенность ее исходов (принцип «активной неадаптивности») [Петровский, 1988; 1992]. В совместных исследованиях с В.Г. Грязевой и Н.М. Маркиной получены экспериментальные подтверждения того, что надситуативная активность образует ядро одаренности личности, независимо от сферы проявления одаренности [Петровский, Грязева, 1996; Маркина, 2002].

Исследования показывают, что основу подобных актов образует собственная динамика деятельности, фонд новых возможностей («могу») как источник новых побуждений к действию («хочу») [Петровский, 1988; 1990; 1992]. Личность избыточна в своих проявлениях — действует над порогом ситуативной необходимости, неадаптивна. Активность личности не выводима из социального и несводима к нему [Петровский, 1992].

если в ней все дело, если я без нее не единица, а ноль[22], то субъектность не составляет сути индивидуальности. Потому что существовать — значит воспроизводиться, повторяться, отражаться в ком-то. Повтор, вторичность по отношению к себе — это удар по ценности неповторимости. А сознание — будь то чужое сознание или мое самосознание — удваивает, и, стало быть, не может не разрушать то, что удвоению не подлежит.

«5», *Неотразимость.* Истина индивидуальности — в невозможности получить сколько-нибудь завершенный и внутренне достоверный автопортрет индивида как субъекта активности. Детский вопрос: «Сколько яиц можно съесть натощак?» Хорошо известно, что только одно. Ведь второе — это уже не натощак. Так и с индивидуальностью как единственностью: она удвоению не подлежит. Индивидуальность есть то, что, будучи своеобразием индивида, неотразимо — неважно, в чужом сознании или самосознании. Ибо ценность этого своеобразия именно в том, что оно непередаваемо, невоспроизводимо, дорефлективно, исключает повтор.

Если мы придаем единственности и неповторимости индивида статус особой ценности, рассматриваем эту ценность как сущностную характеристику индивидуальности, то индивидуальность никогда не имеет формы чего-то ставшего, наличного, обретенного, а всегда пребывает в состоянии становления. Индивидуальность человека есть его неотразимость.

Индивидуальность = неотразимость. Индивидуальность пребывает по ту сторону полного знания и понимания со стороны других людей и самого индивида, об индивидуальности которого мы говорим.

Я могу знать что-то и при этом не знать, что знаю. В этом, как известно, отличие «проблемного» («я знаю, что я не знаю»), от потаенного, тайного («не знаю, что знаю»).

Рассмотрим некоторые иллюстрации.

ЗНАЕТ ЛИ ГАМЛЕТ ЛАЭРТА?

«О з р и к. Вам небезызвестно, какими совершенствами обладает Лаэрт.

[22] У М. Горького в «Климе Самгине» взрослые говорят о двух мальчиках: «Вот идет число 10. Слева 1, справа 0».

Г а м л е т. Этим знанием я не могу похвастаться, чтоб не равнять себя с ним, так как знать совершенно другого — значит знать самого себя».

Знал ли себя совершенно Гамлет? Был бы Гамлет Гамлетом, если бы знал себя наперед? Разумеется, можно попытаться выразить одно неизвестное через другое, но дело это абсолютно бессмысленное...

«ТАКИМ ПУТЕМ!» — ПУТИ НЕ БУДЕТ

Отношения супружества. Известен такой факт: «я знаю его; я знаю ее» равносильно распаду, в лучшем случае стагнации отношений. А поэзия отношений — подобно тому, как поэзия «вся» у Маяковского, — это «езда в незнаемое», или, как я предпочитаю говорить, «в непредрешенное».

ПАРАДОКС ЭДИПА

Еще факт, полученный экспериментально, — я называю его «парадоксом Эдипа» [Петровский, Тунгусова, 1985] по аналогии с описанным в философии и интересующим социологов парадоксом: прогноз оказывает влияние на прогнозируемые события и поэтому всегда «промахивается»

Человеку говорят: мы расскажем тебе, что думает о тебе психолог; он знает тебя, он догадывается о том, как ты ответишь на эти вопросы, — и предъявляют испытуемому заранее заполненную форму опросника. «Сверхчеловеческая проницательность» психолога имеет под собой вполне прозаическую причину. После заполнения испытуемыми первой формы опросника им предъявляется параллельная форма того же опросника. Она-то и заполнена психологом в соответствии с ответами, которые испытуемый дает на вопросы первой формы опросника. Иными словами, испытуемым показывают их собственные суждения о себе — под видом прогнозов, которые осуществляет в отношении их возможных оценок компетентный психолог.

Выяснилось, что в этих условиях испытуемые обнаруживают тенденцию отмежевываться от своих старых решений; в частности, на статистически достоверном уровне значимости у них повышаются показатели интроверсии (словом, «счастье — когда тебя понимают», но «несчастье — когда тебя раскусили»). Человек сам себе мера, и он никому не позволит думать иначе.

Я — НЕ РОВНЯ ЕМУ (ИЛИ ЕЙ), ДАЖЕ ЕСЛИ ОН (ОНА) — ЭТО Я

С использованием авторской методики «Я-конфронтаций» и «Я-заимствований», было показано: когда человеку под видом самооценок другого человека предъявляют его собственные самооценки, он отказывается их принимать, оценивает себя заново — иначе, чем прежде. Более того, если испытуемый видит, что другой человек, решая задачу, точно так же, как и он сам, не может с ней справиться, то тенденция «быть другим» способна подтолкнуть его к правильному решению — даже когда речь идет о «задачах на сообразительность». Выяснилось: чем больше я отвергаю свое сходство с другим, отклоняя свою самооценку, если считаю, что так себя оценивает этот другой человек, тем сильнее эффект креативизации, выход за рамки шаблона в решении задачи [Петровский, 1992]. Это ли не демонстрация силы действия того, что Карл Юнг называет тенденцией к индивидуации?

Итак, подобное понимание индивидуальности — удар в самое сердце идеи субъектности, если, конечно, отождествлять, как это обычно делается, индивидуальность с субъектностью. В действительности же

Индивидуальность ≠ Субъект

Почему? Одним из определяющих признаков «субъекта» является *рефлективность,* или, по Сартру, «интеллигибельность» (самопрозрачность, самоданность). «Субъект» — целеполагающее, целедостигающее существо, обладающее образом самого себя и результата того, что делает [Петровский, Тунгусова, 1985]. Картезианское «я мыслю» — это всегда «я мыслю, что я мыслю» [Мамардашвили, 1997]. Но ведь помыслить себя — это повторить себя в рефлексии, а «индивидуальность» неповторима, она всегда «первой свежести».

В этом случае нам важно понять, как такое возможно. Одно из решений состоит в том, чтобы психологически интерпретировать индивидуальность как мультисубъектное образование. В то время как единственность — *лингвистическая* точка опоры в развертке интересующего нас понятия, единомножие «Я» — это вторая искомая точка, острие *психологической* трактовки этого термина.

Индивидуальность = единомножие «Я». Не одно «Я», а множество отражающихся и отраженных друг в друге «Я», или, как говорили старые русские философы, единомножие «Я» — это и есть подлинная индивидуальность, если, конечно, принять, что композиция этих «Я» уникальна, неповторима. Такой взгляд радикальным образом противостоит мнению о том, что индивидуальность — это субъект деятельности, как бы широко не понимать деятельность.

А.Н. Леонтьев, говоря о полимотивированности деятельности [Леонтьев, 1975], забрасывал вперед, в будущее, идею мультисубъектности личности, а в повороте «на индивидуума» — идею мультисубъектности индивидуальности. И этот «заброс» в будущее имел «замах» в прошлом — в работах Л.С. Выготского, с его идеей интериоризации «субъект-субъектных» отношений.

С.Л. Рубинштейн, мне кажется, был близок к этому взгляду, когда говорил, что «каждое “я”, поскольку оно есть и всеобщность “я”, есть “республика субъектов”» [Рубинштейн, 1973].

Личность как объемлющая система представлена множеством субъектов (множеством «Я»), в которых обнаруживает свое бытие индивид. И они, эти субъекты, *вряд ли* могут быть поняты как покорные исполнители воли некой высшей инстанции, «верховного субъекта» или «монарха». Ведь республика есть республика, и если какой-нибудь республиканец попытается узурпировать власть, ему будет сделать это непросто.

Я мог бы назвать ряд направлений в психологии и психологических системах, в которых индивидуальность рассматривается как содержащая в себе множество субъектов и понимаемая через их констелляции. Таковы «множественная личность» У. Джеймса, фрейдовские интроекты, архетипы Юнга, фигурки сна у Минделла, различные Я у Ассаджиоли, наконец, федерновские, а позже берновские эго-состояния, такие как Родитель, Взрослый, Дитя, множественные идентификации-«идентичности».

Продуктивное различение субъектов «реактивной и рефлексивной доминант» предложено В.Е. Лепским [Лепский,1998; 2007]. Оно, очевидно, выражает факт сосуществования и координированной деятельности двух источников и центров активности в составе индивидуальности, их «несводимость» друг к другу и в то же время «невыводимость» из какого бы то ни было «центрального» «Я», лежащего в основании.

Современные авторы выделяют феномен многоликого «возможного Я» (Розенберг, Каплан, Маркус, Нуриус). Этот список различимых «Я» может быть расширен, если принять во внимание работы Дж. Брэдшоу, Г. и С. Стоун и других авторов (широкий, но неполный спектр разработок по проблеме множественной идентичности представлен в работе Е.П. Белянской [2005]).

Четверть века назад автор этих строк провел свои первые исследования феноменов инобытия человека в человеке, идеальной представленности и продолженности индивида в других людей, их «отраженной субъектности», их «личностности» [Петровский, 1982; 1982]. Они также могли бы быть приобщены к этому списку.

Обсуждение проблемы индивидуальности мы будем вести в нетрадиционном ключе. Нас будет интересовать логика внутреннего обустройства индивидуальности как системы взаимодействующих субъектов и последствий этих взаимодействий. В первую очередь мы рассмотрим логику обустройства индивидуальности как «идеального объекта» теории и лишь во вторую — эмпирический материал, наполняющий теоретические конструкции живым содержанием. Разумеется, «на первый-второй рассчитайсь!» имеет здесь сугубо условный характер. «Мысли без содержания пусты, созерцания без понятий слепы», — так говорил И. Кант.

В заключение этого раздела книги обсудим еще один вопрос. Если индивидуальность — «республика субъектов» (С.Л. Рубинштейн), единомножие «Я», то *что* составляет потенциал субъектности, хотя субъектностью не является?

Таким образом, мы возвращаемся к вопросу о *базе* субъектности. Что же это?

Наш ответ: *самость*, постепенно высваиваемая, но не менее и зарождающаяся, созидаемая.

Самость, движущий и движущийся невидимый мир психики, будто пытается разглядеть себя во множестве разных зеркал. Но, увы, самость не может преуспеть в этом. Она не наглядна и, строго говоря, не мыслима.

Но бытие человека, «бытие человеком», как цель самопостижения и самоутверждения самости, бытие самостью как сознающей себя целостностью — все это возможно *в личности*, сознающей себя *Человеком* (см. гл. 17). Такая возможность переживается, интуитивно схватывается нами, и в эти мгновения мы ощущаем себя — собой, переживаем свою общность с миром, другими людьми, вечностью.

Вместе с тем «бытие Человеком» — теорема, которая требует доказательства. В отличие от математических теорем, она не может быть доказана раз и навсегда, а доказательства содержат в себе нерациональные (однако не иррациональные и тем более не мнимые)

аргументы. Подтверждение ее истинности подразумевает действительную, а не условную общность с другими людьми. И в этом смысле «быть Человеком» — факт личной и общей с другими истории. Все ли эти свидетельства прижизненны?

Увы! Вынуждены принять как данность: каждый из нас, в лучшем случае, «вот-вот» человек. Если честно, то мы можем лишь уповать на это. Ибо доказательные свидетельства — неочевидны и к тому же отсрочены. Главные из них, возможно, — по ту сторону индивидуального бытия.

Такова самость.

Такова человечность.

Ненаглядные наши!

Часть 2
ПСИХОЛОГИЯ «Я»: ЛОГИКО-МАТЕМАТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ

Глава 4

ИМПЛИКАЦИЯ. ОПЫТ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ПОРТРЕТА[23]

А если не «если..., то...»? Логический оператор «материальной импликации» — нечастый гость психологии. Одно из немногих исключений — работы В.А. Лефевра и его последователей. Исторически первые формальные подходы к построению рефлексивной модели субъекта основывались на булевых соотношениях, включающих в себя материальную импликацию. Использование данного оператора позволило автору рефлексивной теории получить ряд неожиданных результатов, подтвержденных экспериментально.

Но почему именно импликация? Какие еще перспективы она открывает исследователю?

«Материальная импликация» *неформально* определяется как «приблизительный логический эквивалент оборота “если..., то...”; операция, формализующая логические свойства этого оборота» (Энциклопедия, толковый словарь, глоссарий). Приводимая ниже таблица истинности импликации, представляет собой, по сути, *формальную* дефиницию материальной импликации. На множестве {0,1}, символизирующем слова «ложно» и «истинно», операция «→» (материальная импликация) определяется так (табл.1).

Поясняя смысл этой таблицы, заметим, что для установления истинности материальной импликации «Если *X*, то *Y*» достаточно выяснить истинностные значения высказываний *X* и *Y*. Материальная импликация истинна в трех случаях: 1) ее основание и ее следствие истинны; 2) основание ложно, а следствие истинно; 3) и основание и следствие ложны. Только в одном случае, когда основание истинно, а

[23] Все разделы этой части книги построены так, чтобы можно было читать каждый в отдельности, поэтому мы предусмотрели избыточность примеров и пояснений в разных разделах.

Таблица 1

Материальная импликация

X	Y	$X \rightarrow Y$
0	0	1
0	1	1
1	0	0
1	1	1

следствие ложно, вся импликация ложна. При установлении истинности материальной импликации не предполагается, что высказывания *X* и *Y* связаны между собой по содержанию. В случае истинности *Y* высказывание «Если *X*, то *Y*» истинно, независимо от того, является *X* истинным или ложным и связано оно по смыслу с *Y* или нет. Истинными считаются, например, высказывания: «Если на планете Земля есть хоть один человек, то Вы сейчас читаете эту книгу»; «Если слоны — это бабочки, то дважды два — четыре». Условное высказывание истинно также тогда, когда *X* ложно. При этом совершенно безразлично, истинно *X* или нет и связано оно по содержанию с *X* или нет. К истинным относятся, например, высказывания: «Если Колумб открыл Австралию, то Магеллан открыл Антарктиду» и т.п. В обычном рассуждении, как отмечают логики (см., например [Ивин, Никифоров, 1997]) такие высказывания вряд ли будут рассматриваться как имеющие смысл и еще в меньшей степени как истинные. Специалисты подчеркивают, что материальная импликация плохо согласуется с обычным пониманием условной связи. В классической логике материальная импликация является формальным аналогом условного высказывания. Но при этом материальная импликация не является достаточно адекватным его описанием.

Как видим, для специалистов в области формальной и математической логики уже давно стало трюизмом, что материальная импликация, символизируемая записью «$X \rightarrow Y$», лишь *приблизительно* соответствует выражению «Если *X*, то *Y*». Слишком приблизительно, добавим мы, чтобы в глазах «неискушенных пользователей» все еще поддерживать школьную иллюзию какого-то логического следования, как если бы «В вытекало из А» (или «*X* порождало *Y*»). Тем не

менее, в формальных теориях, «материальная импликация» играла выдающуюся роль, позволяя продвигаться от истинных высказываний к истинным, а также сохранять бдительность всегда, когда на горизонте, подобно плавучей мине, появляется ложь. Ведь известно, что, в силу формальных свойств материальной импликации, любое ошибочное высказывание способно подорвать доверие к любым другим высказываниям теории. В остроумной книжке выдающегося английского математика Джона Литлвуда «Математическая смесь» [Литлвуд, 1979, с. 46]: «“*X* нашел, что в этих условиях возникают гравитационные волны; однако есть предположение, что в работе содержится ошибка”. Ясно, что *всякая* ошибка порождает гравитационные волны».

Закономерен вопрос: если материальная импликация $X \rightarrow Y$ не является логическим эквивалентом причинно-следственных отношений между *A* и *B* и в то же время является логическим «механизмом» развертки формальных теорий, то что же такое материальная импликация на самом деле? Что образует ее суть как особого *действия*, связывающего *X* и *Y*? Можно спросить и так: «Каков подлинный онтологический смысл материальной импликации, коль скоро это *не есть* отношение следования?» Этот вопрос имеет отношение не только к логическим основаниям математики, но и к другим теоретическим системам, опирающимся на формальные методы (правила вывода и т.п.). Яркий пример такой теории (нематематической по своему объекту и вместе с тем формальной по своему строению) — рефлексивная теория В.А. Лефевра. Предмет этой теории — этические системы, а базовый механизм развертки — материальная импликация.

Субъект высказывания и его логический статус. Чем же является, по сути, эта загадочная операция, если она играет такую роль в построении формальных систем? Обратимся вначале к *логике* — прародительнице этой логической связки.

Обратим внимание на то, что значение истинности *Y*, в случае истинности импликации $X \rightarrow Y$, больше или равно значению истинности *X*:

$$f(X) \leq f(Y).$$

Интуитивно мы чувствуем, что речь здесь идет о сохранении или повышении *некоего* значения истинности при переходе от *X* к *Y*. Правда, тут же возникает вопрос, об изменении истинности *чего*

идет речь. Здесь явно не хватает представления о «субстрате», значение истинности которого прослеживалось бы в динамике. Если бы, положим, мы имели дело с идеей «переходящего значения истинности» некоторой переменной, проблема была решена. Но в математической логике и математике нет ничего подобного «переходящему знамени» или «эстафетной палочки» истинности. Идея «изменения истинности», таким образом, повисает в воздухе. Чтобы дать ей опору, мы вводим представление о *субъекте высказывания*.

Заметим в этой связи, что тексты формальных теорий скрыто монологичны. Они «пишутся» от лица безымянного субъекта, прячущегося за буквами и словами. Создается иллюзия, будто вначале действительно «было слово». Но при этом не было *говорящего*. Субъект, живущий в метаязыке теории, не рефлектируется в качестве ее собственного термина. Этот факт принимают как должное, но все-таки кажется поразительным, что в «исчислении высказываний» отсутствуют сами *высказывающиеся*. Иллюзорная «бессубъектность» порождает трудность в осмыслении феномена импликации (сам ее графический символ — «стрелочка» — заключает в себе идею интенциональности, а, следовательно, и субъектности). Однако стоит только ввести представление о субъекте высказываний (не путать с логическим субъектом в суждении «S есть P»!), как эти трудности интерпретации упраздняются.

Примем, что *любое высказывание исчисления высказываний осуществляется* ***кем-то****, «принадлежит* ***кому-то****», оценивается с позиции* ***кого-то****, т.е. имеет под собой* ***субъект*** *высказывания*. В выражениях $(X)_A$, (Y_B), $(Z)_C$, $(X \vee Y)_A$, $(\neg X)_D$ верхний ряд символов будет указывать на формулы исчисления высказываний, в то время как нижние индексы — это субъекты, которые порождают (производят, оценивают, включают в себя) данные формулы. Например, $(X)_A$ означает: «формула (X) высказывается субъектом A» (она принадлежит этому субъекту, производится им, оценивается, реализуется, принимается и пр.).

Введем представление о *логическом статусе субъекта высказывания* (X), *отождествив его численное значение с значениями истинности некоторого высказывания X; логический статус такого высказывания обозначим:* $f(X)_A$; $f(X)_A = f(X)$. Логический статус субъекта высказывания можно трактовать по аналогии с «социальным статусом», «экономическим статусом», «этическим статусом» (термин В.А. Лефевра). Отталкиваясь от сказанного, мы развиваем следующий вариант осмысления материальной импликации.

Импликация как «обмен» и «выход за пределы себя». Положим, что X высказывается субъектом A, а Y — субъектом B (будем говорить о субъекте B — *контрагент*). В таком случае, материальная импликация $X \to Y$ или, в принятых нами обозначениях, $X_A \to Y_B$, характеризует правомерность *обмена* X на Y (замещения посылки X посылкой Y), что оценивается с позиции субъекта высказывания A, вступающего в отношение обмена с субъектом высказывания B.

Обмен посылки X на посылку Y, производимый и оцениваемый с позиции субъекта A, будем записывать: $((X)_A => (Y)_B)_A$. Итак, при импликации $X_A \to Y_B$ субъект A высказывает положение $(f(X)_A \le f(Y_B))_A$, содержащее в себе сравнение своего собственного логического статуса *до* обмена и *после*. О субъекте A, который обменивает X на Y, сравнивая свой статус до и после обмена, $f(X)_A$ и $f(Y_B)_A$, мы говорим — «субъект произведенного обмена A» (или просто «субъект обмена»). Импликации $X \to Y$ соответствуют значения логического статуса A как субъекта обмена:

$$X \to Y \sim (X_A => Y_B)_A \sim f(f(X)_A \le f(Y_B)_A)_A$$

В случае истинности высказывания $f(X)_A \le f(Y_B)_A$, что соответствует единичному логическому статусу субъекта обмена A, мы говорим: «обмен без потерь», «подтверждение или повышение логического статуса субъекта обмена A», «беспроигрышность для A»; в противном случае говорим: «обмен с потерями», «падение логического статуса субъекта обмена A», «субъект A в проигрыше».

Если бы субъект A мог говорить от первого лица (а почему бы и нет?), он сказал бы следующее: «Истина — в том, что, отказываясь от X в пользу Y, я ничего не теряю, а, возможно, даже повышаю свой статус как носитель истины». В этом и состоит *смысл* материальной импликации как изменения логического статуса субъекта A за счет обмена посылками с субъектом B. Можно сказать и иначе: то, что в данный момент высказывает A, превращается в средство обмена на ответное послание со стороны B; здесь A, хотя и отказывается от X в пользу возможности *не-X* как минимум при этом ничего не проигрывает в результате обмена. В результате область существования субъекта высказывания расширяется за счет «примеривания» им на себя других посылок: достаточно ли они хороши, по сравнению с исходной посылкой, чтобы приобщить их к себе? Вместе с тем A подтверждает прочность своих позиций во взаимодействии с субъек-

том *B*: переходя на сторону *B* (замещая посылку *X* посылкой *Y* или *не-X*) и как бы «играя» против себя на стороне *B*, он способен ничего не проигрывать. Посредством импликации, таким образом, продуцируется отношение «не менее предпочтительно, чем...»: субъект *A* высказывания *X*, ценой возможного отказа от *X*, допускает возможность своей идентификации с субъектом *B* высказывания *Y*, которое в этом случае оказывается для него не менее предпочтительным, чем *X*. На психологическом языке, который де-факто мы только что использовали, «территория Я» субъекта высказывания расширяется за счет опробования посылок, высказываемых кем-то другим[24]. Субъект высказывания «выходит за границы себя», *трансцендирует,* обмениваясь посланиями с другим субъектом. Перед нами — то, что может быть названо «самотрансценденцией». *Самотрансценденция* — это высказывание субъекта о своем собственном логическом статусе как субъекте обмена, в ходе которого (обмена) логический статус субъекта либо подтверждается, либо возрастает.

С этой точки зрения, *материальная импликация есть оператор самотрансценденции субъекта высказывания, ведущей к воспроизводству или повышению логического статуса данного субъекта при взаимодействии с субъектом другого высказывания.*

Легко убедиться в том, что трактовка импликации как самотрансценденции соответствует «табличному» ее определению:

Если $f(X) = 0$ и $f(Y) = 0$, то $f(f(X)_A \le f(Y)_A)_A = f(0 \le 0)_A = 1$ (обмен без потерь)

Если $f(X) = 0$ и $f(Y) = 1$, то $f(f(X)_A \le f(Y)_A)_A = f(0 \le 1)_A = 1$ (обмен без потерь)

Если $f(X) = 1$ и $f(Y) = 0$, то $f(f(X)_A \le f(Y)_A)_A = f(1 \le 0)_A = 0$ (обмен с потерями)

Если $f(X) = 1$ и $f(Y) = 1$, то $f(f(X)_A \le f(Y)_A)_A = f(1 \le 1)_A = 1$ (обмен без потерь)

Итак, перед нами, интерпретация материальной импликации как оператора самотрансценденции субъекта высказывания, вступающего в отношение обмена с другим субъектом. Заметим теперь, что результат такого обмена (на стороне субъекта *A*) соответствует значениям формулы $\neg X \vee Y$ («*не-X или Y*»), а это, в свою очередь, есть общеизвестное формальное определение материальной импликации:

$$X \to Y \sim \neg X \vee Y.$$

Исходя из трактовки импликации как самотрансценденции субъекта высказывания, подразумевающей обмен посылки *X* на посылку *Y*, мы можем теперь попытаться восстановить совокупность процессов, порождающих только что приведенное выражение.

Перед субъектом *A* и его логическим партером *B* в ситуации обмена раскрывается веер возможностей. При самотранценденции логический статус *A* превращается в комбинацию возможностей, приобретаемых и предоставляемых им во взаимодействии с *B*.

Символически эти процессы выглядят так (опускаем в конъюнкциях нижние индексы):

$$((\neg X \,\&\, Y \vee \neg X \,\&\, \neg Y)_A \vee (Y \,\&\, X \vee Y \,\&\, \neg X)_B)_A = \\ = (\neg X_A \vee Y_B)_A.$$

Рассмотрим *первую строчку* данного равенства.

Внутренние скобки *слева* символизируют следующее положение дел (взгляд со стороны *A*): «Мысленно уже отдал *X*, но неизвестно, приобрету ли взамен *Y* или “разминусь” с ним»:

$$(\neg X \,\&\, \neg Y \vee \neg X \,\&\, Y)_A = \neg X(\neg Y \vee Y)_A = \neg X_A.$$

Внутренние скобки *справа* (взгляд со стороны *B*): «Возможно, удастся присоединить *X* к *Y*, но, возможно, этого не произойдет»:

$$(Y \,\&\, X \vee Y \,\&\, \neg X)_B = Y \,\&\, (X \vee \neg X)_B = Y_B.$$

Во второй строчке снизу приводится результат суммирования значений истинности рассмотренных комбинаций; «мягкий выбор» между этими возможностями (внешние скобки) осуществляется с «двух точек зрения», как это представляется субъекту высказывания *A*:

$$(\neg X_A \vee Y_B)_A.$$

Итак, в наших терминах, $X_A \to Y_B = (\neg X_A \vee Y_B)_A$. Другими словами, импликация есть переход от *X* к *Y*, заключающий в себе выбор из двух возможностей — отвергнутой посылки *X* (выбор посылки *не-X*) и — приобретенной посылки *Y*[25].

[24] Здесь можно было бы сказать, что среди этих «других» оказывается также не только субъект *B*, но и субъект *не-A* (ведь не может быть так, чтобы субъект *A* был носителем одновременно *X* **и** *не-X*).

[25] Этот выбор можно представить в мягком (не-дихотомическом) варианте, как *или* (*и*): $X \to Y = \neg X \vee Y = \neg X \vee Y \vee \neg X \,\&\, Y$, так как, согласно «правилу поглощения» (Биркгоф), для произвольных булевых переменных *a* и *b* справедливо $a \vee a \,\&\, b = a$.

Следуя нашей задаче, поставим теперь вопрос об экзистенциальном смысле данного соответствия. Если $X_A \to Y_B$ — это $(\neg X_A \vee Y_B)_A$, то о чем это могло бы говорить с точки зрения субъекта A?

Ответ состоит в том, чтобы трактовать $(\neg X_A \vee Y_B)$ как *возможность выбора между внутренней* $(\neg X_A)$ *и внешней* (Y_B) *альтернативами исходной посылки* X_A. Речь, по сути, идет о том, что предпочтительнее для A: посылка X или сумма имеющихся у него *альтернатив* (отказа от X в пользу Y)? В этом смысле, импликация сродни самотестированию: переходя от посылки X к комбинации внутренних и внешних альтернатив этой посылки, субъект оценивает свою способность принять «вызов» ситуации, переступая черту освоенного, т.е. отказываясь от X в пользу возможности выбора из двух возможностей: $\neg X$ (внутренняя альтернатива) и Y (внешняя альтернатива).

Например, если $X = 0$, то, «жертвуя» X в обмен на Y, субъект высказывания X при любом Y только выигрывает, даже в случае $0 \to 0 = \neg 0 \vee 0 = 1 \vee 0 = 1$ («чего не потеряешь, того, брат, не найдешь»). Единственный случай, когда значение импликации равно 0, складывается в ситуации, когда $X = 1$, а $Y = 0$ (отказ от X ведет к падению логического статуса субъекта высказывания X).

Вернемся теперь к исходному вопросу этого экскурса в несуществующую еще «экзистенциальную математику», призванную открывать психологический смысл математических объектов и операций. Разумеется, любые попытки «поймать смысл» чего-либо заранее обречены на провал, если отбрасывать представление о *субъект*-носителе смысла. Применительно к математике — речь идет о субъекте высказываний. Мы находим бесперспективным поиск уточнений смысла материальной импликации на пути идеи логического следования «Если..., то...». Его «приблизительность» никогда не будет преодолена, так как решение проблемы, по-видимому, лежит в другой плоскости; речь идет об отношениях обмена, в который вступают субъекты высказываний. Каждый такой обмен есть акт самотрансценденции субъекта высказывания, в процессе которого исходное значение истинности высказывания (X) уступают место возможности выбора из имеющейся у субъекта внутренней ($\neg X$) или (и) внешней (Y) альтернативы. Таким образом, определяется не столько истинность *нового* высказывания Y, сколько возможность подтверждения (или повышения) логического статуса субъекта *исходного* высказывания при обмене его значений истинности на значения истинности

субъекта другого высказывания. Мало кого заботит судьба мины, на которой может подорваться корабль; волнует, прежде всего, судьба корабля.

Допустим теперь, что субъекты высказываний способны вступать в отношения *свободного обмена* значениями истинности своих высказываний. Это значит, что *каждый* способен решить, считает ли он возможным перейти на сторону другого субъекта, обменивая значения истинности *своего* высказывания на значения истинности *чужого* высказывания. Критерием оправданности подобного перехода будет служить, разумеется, беспроигрышность *взаимного* обмена (когда логический статус *обоих* субъектов, как минимум, подтверждается). В этом случае, картина возможных обменов, вполне ясна. Истинное высказывание будет обмениваться только на истинное: $1 \to 1 = 1$ — *взаимообмен* возможен. Если же одно (и только одно) из двух высказываний заключает в себе истину, то оно никогда не будет взаимовыгодным (т.е. свободным) образом обменено на другое высказывание, так как в одном из случаев $1 \to 0 = 0$. То же и в случае, когда одно (и только одно) из этих высказываний заключает в себе ложь: $1 \to 0 = 0$ — *взаимообмен* невозможен. Вместе с тем ложное высказывание будет обмениваться только на ложное: $0 \to 0 = 1$ — *взаимообмен* возможен. Постулирование идеи свободы обмена, таким образом, равносильно идее *строгой* импликации ($\leftrightarrow$), в таблице истинности которой имеют место следующие равенства: $0 \leftrightarrow 0 = 1$, $1 \leftrightarrow 1 = 1$, но $0 \leftrightarrow 1 = 0$ и $1 \leftrightarrow 0 = 0$.

В подобной ситуации (свобода обмена) математические тексты — это диалог между многочисленными субъектами высказываний. Действует правило: подобное объединяется с подобным; чужеродное отторгается. Иными словами, $X \to Y$ представляет собой сокращенную запись того факта, что субъект A высказывания X, превращаясь в субъект B высказывания Y, не понижает свой логический статус. Тестирование субъектом A субъекта B либо сохраняет, либо повышает логический статус тестирующего. «Формальная теория» есть совокупность имплицирующих друг друга субъектов высказываний. Здесь есть «основные» высказывания ($1 \to 1$) и «теневые» высказывания ($0 \to 0$). Могут быть отмечены также «неопределенные» (непроверенные или недоказуемые) высказывания ($1 \to ?$).

Любой из субъектов истинного высказывания, трансцендируя, тестирует права каждого другого субъекта высказывания быть но-

сителем истины. В конечном счете он претендует на статус субъекта всех высказываний этой теории — статус *теоретика*.

В какие взаимоотношения *теоретик*, «живущий» на страницах математических текстов, вступает со своим *создателем* в лице математика? Этот вопрос мы оставляем фантастам[26], ничуть, впрочем, не упраздняя при этом постановку вопроса о том, как «чувствует» себя субъект высказываний в контакте с другими субъектами математической теории: что происходит с его логическим статусом, когда импликация подсказывает ему путь трансценденции.

Импликация как «опосредствование» и «реализация запросов через ресурс». Рассматривая импликацию «$X \to Y$» как логически допустимый переход от посылки X к посылке Y, правомерно подчеркнуть, что само существование X может быть осмыслено как обусловленное со стороны Y: X *осуществляется* посредством Y. Ведь «осуществляться» — значит находить в чем-то условие собственного существования, сущность, необходимую предпосылку, нечто предсуществующее. Таким образом, говоря: «X "переходит"...», мы делаем акцент на том, что это не механический переход от чего-то одного (X) к чему-то другому (Y). Это переход-углубление X в Y, переход-вбирание (Y в X). Тем самым в мысли воспроизводится то, что имело место в истории: переход от посылки Y к посылке X.

Но если X указывает на Y как на необходимую предпосылку своего существования, то Y может быть назван *ресурсом*, в то время как X по отношению к Y логично считать *запросом* на этот ресурс. Глаголу «имплицировать» здесь соответствует «относиться к чему-либо как своей скрытой предпосылке», «указывать на что-то, от чего зависишь». Эта потаенная «часть» первоначально имеет свое независимое бытие, представляя собой, таким образом, *внешний* ресурс существования X. Необходимо *воссоединиться* с Y, чтобы вполне состояться. А результат материальной импликации свидетельствует о *мере осуществимости* (*реализуемости*) запроса X посредством ресурса Y.

По сути, речь идет о генетической преемственности X по отношению Y. На философском языке — об *опосредствовании* X со стороны Y (X — то, что существует, Y — то, что опосредствует его существование). Здесь возможны такие соотношения: X — *нет,* Y — *нет* (либо

[26] «...и психиатрам», — добавят, возможно, злые языки; оставим данное высказывание на совести высказывающихся.

еще ничего не возникло, либо все уже закончилось {$0 \to 0 = 1$}); X — *нет,* Y — *есть* {$0 \to 1 = 1$}; X — есть, Y — есть {$1 \to 1 = 1$}. И только один случай исключен: когда X — *есть,* а Y — *отсутствует* {$1 \to 0 = 0$}. Эти соотношения, как видим, полностью соответствуют условиям формального определения материальной импликации. «Стрелочка импликации», идущая от X к Y, прямо указывает на вторую посылку как условие возникновения и гарант существования (истинности) первой посылки[27]. «Нет дыма без огня» хорошо иллюстрирует сказанное: «дым имплицирует огонь» (а не «огонь → дым»).

Проясняя смысл импликации в мире математических и логических утверждений, мы были с самого начала нацелены на обсуждение вопроса о том, как «работает» импликация за границами формальных теорий. Иными словами, нас интересовал вопрос, где еще импликация, трактуемая как трансценденция, оказывается полезным принципом описания и понимания происходящего? Что представляет она собой, так сказать, «в миру», или, иными словами, что означает выражение «логически допустимый переход»?

Пусть речь идет о запросах и ресурсах. В этом случае «допустимость перехода от X к Y» означает, что мы можем обратиться к ресурсу Y, располагая запросом X (= «От запроса X логично перейти к условиям его удовлетворения Y»).

«Состоятельность» как «результат» импликации. В поисках «экзистенциального смысла» импликации, как уже было сказано, мы неизбежно приходим к идее существования тех, кто «осмысливает». В жизни это — не условные персонажи. Это реальные *субъекты* — носители *запросов* и *ресурсов*. Они осуществляют себя, *реализуя* запросы посредством ресурсов. Импликация указывает на меру осуществимости (возможность осуществления) запросов X субъекта A посредством ресурсов Y субъекта B (не исключено, что это один и тот же субъект).

[27] А как же с привычным порядком «следования» в импликации: из «X следует Y»? Оно, говорим мы, сохраняет свою силу лишь постольку, поскольку истинны *все* высказывания теории, к которым можно мысленно «перейти», отталкиваясь от истинного X. В частности, наивно думать, что постулаты, из которых мы «исходим», продвигаясь к частным положениям теории, «болтаются в воздухе» беспредпосылочности; в действительности, они все обусловлены истинностью положений, к которым можно «прийти», отталкиваясь от постулатов. С этой точки зрения, оператор строгой импликации {$A \leftrightarrow B$}, вводимый для преодоления «парадоксов материальной импликации», совершенно избыточен.

Меру осуществимости запросов через ресурсы мы описываем как *состоятельность* субъекта.

Рассмотрим некоторые примеры.

Поддержание гомеостазиса. На первый взгляд, может показаться удивительным, почему материальная импликация до сих пор не рассматривалась при описании феномена гомеостазиса. Возможно, это так, потому что данный математический оператор все еще прочно ассоциируется с идеей «если..., то...» (сколь бы решительно в математической логике не оспаривалась такая версия). Вероятно, здесь также играет свою роль дискретность состояний X, Y, $Z = X \rightarrow Y$ — «четкость» значений переменных (0; 1). Дальше мы увидим, что вводимое нами представление о метаимпликации, имеющее дело с рациональными значениями переменных на отрезке [0, 1], снимает это ограничение.

Итак, будем считать, что состоянию равновесия, в котором пребывает система, соответствует число $Z+ = 1$; состоянию неравновесия — число $Z_- = 0$. Пусть X — символизирует наличие (отсутствие) запроса на приток необходимых для существования системы внешних ресурсов (энергия, информация), принимая два значения $X = \{0, 1\}$. Если $X = 1$, то это значит, что система продуцирует запрос вовне («есть запрос»); если $X = 0$, то это означает отсутствие запроса («нет запроса»). Материальная импликация символизирует приемлемый для системы переход от запроса к ресурсу, т.е. условие поддержание гомеостазиса системы, в зависимости от наличия/отсутствия внутренних запросов и внешних ресурсов существования системы.

1. $X = 0$, $Y = 0$, $Z = 1$ (*нет запроса, нет ресурса — системе безразлично отсутствие внешнего ресурса, она ни в чем не нуждается и, таким образом, пребывает в равновесном состоянии*).

2. $X = 0$, $Y = 1$, $Z = 1$ (*нет запроса, есть ресурс — система, также как и в первом случае, пребывает в равновесном состоянии*).

3. $X = 1$, $Y = 0$, $Z = 0$ (*есть запрос, нет ресурса — система пребывает в неравновесном состоянии*).

4. $X = 1$, $Y = 0$, $Z = 1$ (*есть запрос, есть ресурс — система приходит в состояние равновесия*).

Как видим, только в одном случае, когда запрос существует, а внешний ресурс отсутствует, гомеостазис системы нарушен. Четыре рассмотренных случая соответствуют четырем исходам материальной

импликации, трактуемой в данном случае как реализуемость запросов посредством ресурсов. Импликация, таким образом, описывает здесь состоятельность системы как «запас прочности» при данном сочетании запросов и ресурсов: приемлемый для системы переход от актуального запроса к актуальному ресурсу. Переход от дискретных «четких» к рациональным непрерывным значениям переменных дает дополнительные возможности для использования и интерпретации материальной импликации в контексте процессов гомеостазиса, шире — мотивационных процессов.

Отношение «Говорящий — Слушающий». Рассмотрим двух потенциальных собеседников, A и B. Будем считать, что A может пребывать в двух состояниях: «Хочу, чтобы B меня услышал» (+1) и «Безразлично, будет меня слышать B или нет» (0). Партнер B может также пребывать в двух состояниях: «Хочу слышать, что говорит мне A» (+1) и «Не хочу слушать A». Материальная импликация описывает состоятельность партнера A как его удовлетворенность взаимоотношениями с B:

1. $0_A \rightarrow 0_B = 1_A$ (A безразличен к вниманию со стороны B; отсутствие «слушателя» в лице B его отнюдь не смущает: «Нет проблем!»);

2. $0_A \rightarrow 1_B = 1_A$ («Ну и пусть слушает, раз ему так хочется»);

3. $1_A \rightarrow 0_B = 0_A$ («Меня игнорируют!»);

4. $1_A \rightarrow 1_B = 1_A$ («Я говорю — меня слушают, все ОК»).

Отношение «Попросил — Получил». Насколько состоятельны (беспроигрышны) для потенциального просителя A взаимоотношения с потенциальным дарителем B? Будем считать, что просьбе A о чем-либо соответствует число 1, отсутствию просьбы — число 0; получению потенциально запрашиваемого объекта от B — число 1, неполучению — число 0. «Беспроигрышности» во взаимоотношениях между партнерами (с позиции потенциального просителя) соответствуют следующие исходы материальной импликации:

1. $0_A \rightarrow 0_B = 1_A$ («Ничего не прошу — Обойдусь без подарков»);

2. $0_A \rightarrow 1_B = 1_A$ («Ничего не прошу, но если уж Вы настаиваете...»);

3. $1_A \rightarrow 0_B = 0_A$ («Вам что, для меня жалко?!»);

4. $1_A \rightarrow 1_B = 1_A$ («Спасибо, что Вы пошли мне навстречу!»).

В терминах материальной импликации могут быть описаны и многие другие феномены, например, такие как «децентрация» в

развитии мышления ребенка; «эмпатия и конгруэнтность» в интенсивной психотерапии; «трансфер и контртрансфер» в психоанализе; «экзистенциальные выборы» (о таких выборах мы будем говорить далее в книге). Если подняться выше, к феноменам духовной жизни, то в этих терминах можно описывать философские искания, категории и принципы («свободная причина» Спинозы, «условия возможного опыта» Канта, «свое другое» Гегеля, «высвоение» Хайдеггера и др.).

Среди процессов, описание которых предполагает использование оператора метаимпликации, трактуемой в парадигме «запрос, ресурс, состоятельность», совершенно особое место занимают рефлексивные процессы, описанные В.А. Лефевром в терминах «интенции», «представления о давлении среды», «давления среды», «готовности». Действительно, если исходить из описанного здесь понимания метаимпликации, соотнося их с понятиями рефлексивной теории, субъект обладает «запросами» (они выступают как *интенции* к осуществлению), обращается к «ресурсам» (это его *представления* о давлении среды, а также побуждающее или тормозящее *давление среды*) и, наконец, достигает определенной степени «состоятельности».

Понятие «метаимпликация». Новый символ. Сфера применимости оператора импликации ограничена «четкими» значениями переменных {0; 1}. Но возможен также и переход к непрерывной модели, с сохранением смысла «материальной импликации» как опоры.

Позволю себе вначале небольшое отступление биографического характера. Под впечатлением булевой модели Лефевра [1996; 2004] я был одержим идеей перенести импликативную *форму* за пределы работы с «четкими» значениями — «вобрать» в нее и «промежуточные» переменные. На фоне этих исканий состоялась событийная для меня встреча с блистательной Татьяной Архиповной Таран, а также, что не менее важно, встреча с ее работами, посвященными булевой решетке «нормированного поведения». Если бы не эти работы, вряд ли мои замыслы осуществились [Петровский, 2002; Петровский, Таран, 2002]. В итоге мне удалось осмыслить возможность перехода от «материальной импликации» $x \to y$ к выражению $1 - x + x \times y$, что соответствует «континуальной импликации» (в терминах Л.И. Волгина).

Я рассуждал так: пусть $x = p_1 / q$, $y = p_2 / q$. Представим, что p_1 единиц числителя первой дроби распределены в «ячейках» q-разрядного

вектора булевой решетки, остальные компоненты вектора — нули). Так же поступаем и с числителем второй дроби; поразрядная импликация, связывающая первый и второй элемент булевой решетки дает нам некоторый третий элемент. Очевидно, может быть несколько вариантов исхода импликации; положим, что «вероятное» число единиц в этом элементе — p^*. И тогда число p^*/q может рассматриваться как средний ожидаемый результат *мета*импликации: $z^* = x \to^* y = p_1 / q \to^* p_2 / q = p^* / q$ (здесь звездочка «*» над стрелочкой символизирует «мета-»). Эти соображения далее будут изложены подробнее, но прежде всего введем символ метаимпликации (он же может рассматриваться как новое обозначение «материальной импликации» как частного случая метаимпликации).

При изображении метаимпликации я предлагаю, наряду со стрелочкой «→», использовать новый символ «⥊» («бумеранг»). Почему? Изогнутая стрелочка — своего рода графический компромисс между разными обозначениями материальной импликации «→» и «⊃». Кроме того, здесь вырисовывается аналогия со знаком *включенности* одного множества в другое, «⊃», «⊂» (выше мы привели аргументы в пользу трактовки материальной импликации «$A \to B$» как отношения опосредствования A со стороны B; бытие B *включено* в число необходимых условий бытия A). Новый символ служит еще одной цели: вывести материальную импликацию за пределы привычной трактовки «если..., то...», преодолевая известное своей *приблизительностью* осмысление данной операции по аналогии с «если..., то...».

Рассмотрим теперь подробнее *смысловой* переход от материальной импликации к метаимпликации. Возможность подобного перехода мы усматриваем в идее *булевой решетки*. Таков, по крайней мере, субъективный исток того, что мы называем метаимпликацией.

Далее перед читателем отнюдь не определение, но одна из возможных иллюстраций алгебраического понятия «булева решетка». Вообразим некоторое множество точек, каждая из которых представлена тройкой чисел: {(0,0,0), (0,0,1), (0,1,0), (1,0,0), (0,1,1), (1,0,1), (1,1,0), (1,1,1)}. Из них можно выстроить упорядоченные цепочки различной длины, например: (0,0,0) ≤ (0,0,1) ≤ (0,1,1) ≤ (1,1,1), или (0,0,0) ≤ (0,1,0) ≤ (1,1,0) ≤ (1,1,1), или (0,0,0) ≤ (1,0,0), или (0,0,0) ≤ (0,0,0) и т.п. Не каждую пару чисел можно сравнить, используя отношение «≤»: например, это невозможно для пары (0,1,0) и (1,0,1), а также (0,0,1) и (1,0,0) и т.п. Поэтому говорят, что это множество —

частично упорядоченное. Вводятся операции объединения (суммы, $\vee$) и пересечения (произведения, $\wedge$) элементов.

Некоторые примеры объединения:

$$(0,0,0) \vee (0,0,1) = (0,0,1);\ (0,1,1) \vee (1,0,0) = (1,1,1);$$
$$(0,0,1) \vee (1,0,1) = (1,0,1)$$

Примеры пересечения:

$$(0,0,0) \wedge (1,1,1) = (0,0,0);\ (1,0,0) \wedge (1,1,0) = (1,0,0);$$
$$(1,0,1) \wedge (0,1,0) = (0,0,0)$$

Каждому элементу может быть поставлен в соответствие обратный элемент:

например, элементу (0,0,0) соответствует элемент $\neg(0,0,0) = (1,1,1)$,
элементу (0,0,1) — элемент $\neg(0,0,1) = (1,1,0)$,
элементу (0,1,0) — элемент $\neg(0,1,0) = (1,0,1)$

Могут быть определена также операция импликации, скажем,

$$(0,0,0) \rightarrow (0,1,1) = \neg(0,0,0) \vee (0,1,1) = (1,1,1) \vee (0,1,1) = (1,1,1);$$
$$(0,1,1) \rightarrow (0,1,0) = \neg(0,1,1) \vee (0,1,0) = (1,0,0) \vee (0,1,0) = (1,1,0)$$

Перед нами — булева решетка «2^3». Каждый из этих элементов этой решетки можно представить себе в виде вектора, координатами которого являются рассмотренные тройки чисел (они указывают нам также восемь вершин трехмерного куба). В общем случае речь идет о L-мерном векторе (в булевых решетках 2^L). Определяются *длина* и *высота* вектора-элемента решетки. «Длина» — это число измерений (разрядов) вектора; в нашем случае — длина элемента решетки равна 3. «Высота» — это число единиц, образующих координаты вектора. Например, высота (1,0,1) — это 2, высота (0,0,0) — это 0, высота (1,1,1) — это 3 и т.п.; высота элемента может быть осмыслена как число шагов, которые необходимо сделать, чтобы пройти путь от точки (0,0,0,...) до соответствующей вершины многомерного куба.

Рассмотрим теперь то, что мы называем *метаимпликацией*. Наша идея состоит в том, чтобы: 1) «превратить» дроби в элементы-векторы булевой решетки; 2) реализовать импликацию на соответствующих элементах решетки, и, получив результат, 3) вновь вернуться к дробям, рассматривая их в качестве прототипов антецедента и консеквента импликации. Это возможно, если каждой дроби вида p/q ставить в соответствие элемент-вектор высоты p и длины q. Положим, перед нами два рациональных числа 3/10 и S. Нам необходимо

определить $3/10 \rightarrow^* S$. Приведем эти дроби к общему знаменателю. Теперь перед нами — десятичные дроби 0,3 и 0,5, и речь идет о метаимпликации $0{,}3 \rightarrow^* 0{,}5$.

Поставим в соответствие числу 0,3 множество десятиразрядных векторов-элементов булевой решетки 2^{10} высоты 3, а числу 0,5 — множество элементов той же решетки высоты 5. Это можно сделать многообразными способами. Например, дроби 0,3 может соответствовать (0,0,1,0,1,0,0,1,0,0) или (1,0,1,0,0,0,0,0,0,1), а дроби 0,5 — такие элементы, как (1,0,1,0,1,0,0,0,1,1), а также (0,0,0,0,0,1,1,1,1,1) (напомним, что *высота* элемента-булевого вектора определяется количеством единиц в нем). Мы как бы *рассредоточили* сейчас числители дробей 3/10 и 5/10 по 10 разрядам векторов («дробинки» числителя разбросали по десяти ящичкам знаменателя). Возьмем теперь наугад какой-нибудь вектор из первого множества и, также наугад, из второго. Далее вычислим вектор, являющийся результатом импликации, примененной к векторам (ограничимся двумя приведенными выше примерами «рассредоточенных» дробей 0,3 и 0,5):

1. $(0,0,1,0,1,0,0,1,0,0) \rightarrow (1,0,1,0,1,0,0,0,1,1) = (1,1,1,1,1,1,1,0,1,1)$.
2. $(1,0,1,0,0,0,0,0,0,1) \rightarrow (0,0,0,0,0,1,1,1,1,1) = (0,1,0,0,1,1,1,1,1,1)$.

Определим теперь понятие *уровня* вектора-элемента решетки; будем считать, что это *высота вектора, деленная на его длину* (число разрядов). В первом примере высота построенного нами элемента — 9, соответственно, уровень — 9/10; во втором примере высота — 8, уровень — 8/10. Свободно варьируя выбор элементов первого и второго множеств, мы вычислим все соответствующие им результаты импликаций. Множество всех уровней элементов, полученных таким образом, представляет собой определяемое нами значение метаимпликации (в нашем примере уровни элементов, как легко показать, варьируют в пределах $8/10 \div 10/10$). Таким образом, результат метаимпликации $0{,}3 \rightarrow^* 0{,}5$ равен {0,8; 0,9; 1}, т.е. множеству уровней результатов поразрядной импликации для всех возможных способов распределения заданного числа единиц в булевых векторах-операндах. В случае «четких» значений (1 или 0) метаимпликация вырождается в обычную импликацию.

Будем говорить об уровне *запроса* $a = p/q$, полагая, что этот запрос представляет собой булев вектор высоты p и длины q. Соответственно, определяется уровень *ресурса* $b = r/q$ (заметим, что дроби, описываю-

щие запрос и ресурс, приведены здесь к общему знаменателю q). Например, уровень запроса 3/10 будет означать для нас, что это запрос, символизируемый булевым вектором высоты 3 и длины 10, а уровень ресурса 5/10 *будет означать,* что это ресурс, символизируемый булевым вектором высоты 5 и длины 10. Ноль в том или ином разряде булева вектора *запроса* интерпретируется как *отсутствие импульса самораспространения* (т.е. отсутствие импульса самоиспытания, импульса к риску и т.п.); по отношению к внешнему ресурсу ноль — это импульс отталкивания (= импульс отказа, «спасибо, нет!»). Единица в том или ином разряде вектора запроса будет интерпретироваться как наличие *импульса самораспространения*; по отношению к внешнему ресурсу — это импульс присоединения (= импульс вызова, активного «да!»). Ноль в том или ином разряде булева вектора *ресурса* означает *отсутствие импульса поддержки* (содействия), а единица — *наличие такого импульса*. Применительно к булеву вектору *состоятельности* w ноль интерпретируется как *потеря*, а единица — как *воспроизводство* импульса-ресурса.

Состоятельность субъекта (удовлетворенность достигнутым и готовность воспроизводства активности в выбранном направлении) численно определяется как результат вычисления полной метаимпликации $w = n/q \rightarrow^* r/q$[28] и представляет собой диапазон возможных уровней состоятельности (какое из них будет актуализировано в данный момент времени, заранее неизвестно). Этот диапазон можно определить по известным значениям уровней запроса и ресурса [Петровский, 2002а; Петровский, Таран, 2002].

Может быть определен также *ожидаемый* уровень состоятельности. В только что приведенном примере это *число:* $w_{ож.} = 0{,}3 \rightarrow^* 0{,}5 = 1 - 0{,}3 + 0{,}3 \times 0{,}5 = 0{,}85$.

Представляет теоретический интерес переменная $1 - n/q$ (здесь она представлена величиной 1– 0,3 = 0,7). Мы определяем данную переменную как уровень *реактивации скрытых ресурсов* субъекта.

Запросы, ресурсы, состоятельность могут принимать любые промежуточные рациональные значения на отрезке [0,1], и таким образом, импликация (с приставкой «мета-») позволяет в полной мере описывать функционирование целеустремленных систем, сопрягая

[28] «Полную метаимпликацию» $A \rightarrow^* B$ мы отличаем от «метаимпликации» $A \hookleftarrow B$. В последнем случае имеется ввиду *среднее значение* уровней состоятельности.

цели (запрос), *средства* (ресурс) и *результаты* активности (состоятельность). Я бы назвал (мета)импликацию *центральным* механизмом целеустремленности (*субъектности*) как таковой, — «логическим механизмом» развертки активности человека вообще.

В заключение сделаем еще одно замечание, касающееся использования символов «→» и «⇀» при обозначении метаимпликации. Графическое обозначение оператора метаимпликации (претерпевшее эволюцию в трудах автора этой книги) по-разному используется в двух контекстах. В одном случае речь идет о готовности субъекта действовать в определенном направлении (так же, как и в рефлексивной теории Лефевра, но с расширением сферы действия за пределы четких значений). Имея в виду именно готовность, можно различать в ней то, что Лефевр именует *склонностью* (в наших терминах это субъективный аспект готовности), а также *нацеленность* (так мы обозначим объективный аспект готовности). Подчеркивая преемственность формальных моделей состоятельности по отношению к рефлексивным моделям В.А. Лефевра и Т.А. Таран, мы используем привычную стрелочку «→» для обозначения метаимпликации как знака, выражающего уровень готовности агента выбрать позитивный полюс (например, «добро/зло») в условиях биполярного выбора — *вероятность* подобного выбора. Исследователь, использующий этот знак, рассматривает эффекты активности в контексте *объекта* (совершение определенного акта, центрированного на объекте).

В другом случае метаимпликация характеризует процесс и результат (реальный или ожидаемый) обретения субъектом потребного состояния (благополучие, дееспособность, удовлетворенность собой, успех и т.п.). Для обозначения метаимпликации, как мы уже отметили выше, используем другой знак: устремленный вначале к объекту, а потом поворачивающийся к субъекту, «⇀» («бумеранг»). В данном контексте эффекты активности рассматриваются со стороны *субъекта* (переживания, определяемые достижением или предвосхищением).

В то время как знак «→» акцентирует когнитивно-бихевиоральный аспект активности, знак «⇀» актуализирует экзистенциально-смысловой аспект. Оба знака могут рассматриваться не только как знаки-синонимы, но и как дополняющие друг друга при построении портрета активности.

Для автора этой книги метаимпликация — ключевое понятие мультсубъектной теории личности.

Глава 5

МОДЕЛЬ ГЕДОНИСТА: РЕФЛЕКСИВНАЯ ВОЗГОНКА ВЛЕЧЕНИЯ

Впервые описанная Дж. Локком способность человека к внутреннему познанию — рефлексия — не только *познавательная* способность души. Пристально вглядываясь в себя, отражая свои собственные побуждения и возможности, человек вольно или невольно соучаствует в их порождении. Сила наших стремлений — не только объект рефлексии, но и функция ее присутствия рядом, «шаг в шаг».

Действительно, познавание ощутимо меняет то, что, казалось бы, к познанию прямого отношения не имеет (физика микромира — напрашивающийся пример)[29]; и одна из возможных, хотя и мало изученных «зависимых переменных» в этой проблеме воздействия познавания на познаваемое — сила человеческих побуждений, страстей. В этой части нашей работы речь пойдет о соблазне: о том, как осознание своих устремлений может влиять на их силу, но также и о том, как соблазн, будучи сознаваем, усиливает свою действенность. И, наконец, о том, почему искушениям, к счастью, не всегда поддаются наяву.

Прослеживая динамику побуждений по мере их осознания, мы приходим к выводу, что прояснение побуждений, начиная с самого первого, исходного, запускающего процесс самоисследования, способно вызывать эффекты, противостоящие задаче осознания, — делать невозможным осознанный выбор (стоит потворствовать данному побуждению или же нет).

[29] Возможно, прав В.М. Аллахвердов — при всей дерзости этого замысла — в своем намерении определить идеализированные объекты и процессы психологии как науки в терминах познания. «Психологика» (развиваемый Аллахвердовым подход. — *В.П.*) «принимает следующий принцип: *логика процесса познания необходима и достаточна для объяснения всех явлений*. ...Мотивы, эмоции, социальные отношения, психические отклонения — все это должно объясняться как следствие познавательной деятельности» [Аллахвердов, 2000].

Мы предлагаем гипотетическую модель самодетерминации субъекта, стремящегося к наслаждению («гедонистического субъекта», «гедониста», или же «аскета», если такой субъект побеждает соблазн). В иных, более близких нам терминах, мы описываем происходящее как самопричинность «Я» (см. гл. 11). Напомним читателю наше определение «Я»: «индивид в саморефлексии». Нелишне подчеркнуть, что «Я» пребывает именно ***в*** саморефлексии — союз «в» подчеркивает погруженность этого психического образования в самого индивида, а не в других индивидов, воспринимающих, мыслящих или вспоминающих данного. Далее в книге мы будем говорить о семи пространствах бытия личности, рассматривая различные формы погруженности индивида в мир, точнее — в миры разных людей и среди них — в свой собственный; но в данном случае имеется в виду его бытие в пространстве собственной жизни, объединяющей такие сферы, как «во мне и при мне», «во мне у меня», «мне и мною».

Напомним также, что «Я» в нашем понимании — это *идея*, единство мысли и мыслимого, восприятия и воспринимаемого, переживания и переживаемого. Поэтому «Я» — это не только мысль о себе, образ или чувство себя, но и соответствующий объект мысли-образа-переживания.

Наблюдая, как развивается активность во внутреннем пространстве бытия индивида, в пространстве четырех — пока еще не семи! — миров, мы исходим при этом из модели (внося в нее необходимые для нас смысловые акценты) готовности субъекта к биполярному выбору, представленной в рефлексивной теории В.А. Лефевра [1996, 2004].

Воспроизведем вначале модель В.А. Лефевра.

Одна из предложенных В.А. Лефевром формул, описывающая готовность субъекта выбирать позитивный полюс в условиях биполярного выбора, может быть представлена как $X = (x_3 \rightarrow x_2) \rightarrow x_1$,

где (x_1) — это «давление среды», (x_2) — «знание о давлении среды», (x_3) — «интенция» и (X) — само значение функции готовности субъекта к выбору; стрелочка «→» здесь символизирует операцию импликации. Переменные x_1, x_2, x_3 рассматриваются как независимые и принимающие значения 1 или 0; X, соответственно, принимает также значения 1 или 0 в согласии с таблицей значений истинности импликации $A \rightarrow B = X$ (табл. 2).

Таблица 2.

Значения истинности импликации

$A \rightarrow B = X$
$1 \rightarrow 1 = 1$
$0 \rightarrow 1 = 1$
$0 \rightarrow 0 = 1$
$1 \rightarrow 0 = 0$

Приведем только один пример того, как «работает» эта формула: если интенции субъекта позитивны ($x_3 = 1$), среда воспринимается субъектом как побуждающая к выбору позитивного полюса ($x_2 = 1$), а реально мир оказывает давление в противоположную сторону ($x_1 = 0$), то субъект, находясь во власти иллюзий, хотя и стремится осуществить позитивный выбор (например, выбор «добра»), оказывается к нему не готов (фактически выбирает «зло»):

$$(1 \rightarrow 1) \rightarrow 0 = 1 \rightarrow 0 = 0$$

Предполагается, что переменные x_1, x_2 и x_3, под влиянием внешних и внутренних «толчков» (импульсов), принимают значение 1, соответствующее позитивному полюсу, с вероятностями, соответственно, p_1, p_2, p_3. Для простоты можно принять, что $x_1 = p_1$, $x_2 = p_2$ и $x_3 = p_3$. Доказывается, что символу X в этом случае будет соответствовать выражение

$$X = x_1 + (1 - x_1)(1 - x_2)\, x_3$$

Заметим, что мы не можем здесь просто переписать ранее приведенное выражение $X = (x_3 \rightarrow x_2) \rightarrow x_1$, справедливое только для «четких» значений 1 и 0, так как x_1, x_2, x_3 в общем случае принимают и *промежуточные* значения на отрезке [0, 1]. Для преодоления этой трудности мы вводим далее понятие «метаимпликации», позволяющее иметь дело с любыми рациональными значениями антецедента и консеквента данной операции на этом отрезке.

Только что приведенное равенство позволяет предсказать вероятность выбора субъектом позитивного полюса в ситуации биполярного выбора. Лефевр, таким образом, согласовывает собственную импликативную модель описания выборов с формулой «готовности субъекта к биполярному выбору», которая дедуцируется им из ранее принятых формальных допущений теории [Лефевр, 1996; 2004].

Краеугольный камень теории Лефевра — идея «интенционального выбора». Речь идет о том, что некоторым *интенциям* субъекта суждено превращаться в равную им *готовность* к выбору (субъективные намерения здесь тождественны истинной — объективной — устремленности субъекта к действию):

$$X = x_1 + (1 - x_1)\,(1 - x_2)\, x_3 = x_3.$$

Это соотношение позволяет найти значение x_3 (интенция), отталкиваясь от известных значений x_1 (давление среды) и x_2 (представление субъекта о давлении среды)[30]. Важность идеи «интенционального выбора» трудно переоценить. На базе этой идеи В.А. Лефевру удалось в значительной мере продвинуться в осмыслении вечных проблем, с которыми сталкивается человек, будь то «звездное небо над головой» (буквально!) или «нравственный закон внутри нас» (буквально!) [Там же].

Рефлексивная теория В.А. Лефевра, один из шедевров теоретической мысли XX века, открыта для поиска продолжений и содержательных интерпретаций. Есть некоторые особенности формулы Лефевра, которые обычно остаются вне поля внимания исследователей. Например, формула заключает в себе скрытые переменные, некоторые из которых описаны создателем рефлексивной теории, а некоторые нуждаются в описании. Речь идет о «переходных» и «производных» элементах модели, таких, например, как $\neg x_3$; $x_3 \rightarrow x_2$ («самооценка» — Лефевр); $\neg(x_3 \rightarrow x_2)$ и др. Кроме того — и это представляется важным для разработки проблем психологии активности — остается вне специального рассмотрения обладающий загадочной силой оператор материальной импликации «→». Понятно, что он не имеет ничего общего с отношением каузальности «если..., то...». Но если это так, *что же* он собой представляет? Этот вопрос мы уже рассматривали ранее (см. гл. 6).

В предлагаемой нами версии «материальная импликация» $A \rightarrow B$ интерпретируется как оператор, позволяющий описывать соотноше-

[30] Формула Лефевра:

$$X = \begin{cases} \dfrac{x_1}{x_1 + x_2 - x_1 x_2}\ , \text{если } x_1 + x_2 > 0 \\ \text{любое число из } [0,1],\ \text{если } x_1 + x_2 = 0 \end{cases}$$

ние устремлений *A* и ресурсов *B* субъекта в терминах *реализуемости* первых посредством вторых. Импликация здесь играет роль механизма перехода от запросов, воплощающих в себе устремления личности, к ресурсам — внешним и внутренним — на основе чего субъект обретает необходимый ему уровень адаптации к обстоятельствам и готовность действовать в них.

Иначе говоря, оператор импликации — это механизм сопряжения побуждений и ресурсов субъекта. В работах Лефевра «материальная импликация» используется как условие математического моделирования активности субъекта. В настоящей работе, как и в предшествующих, мы решаем смежную задачу *психологической* интерпретации оператора материальной импликации (и метаимпликации). Для нас это часть более общего проекта — психологического моделирования математических объектов (первая наша попытка такого рода была предпринята в 2002 г. [Петровский, 2002*a*]).

В предлагаемой нами метаимпликативной модели представлена также идея перехода от «четких» значений переменных, включенных в импликативную конструкцию Лефевра, к любым рациональным значениям этих переменных на отрезке между 0 и 1; при этом, что особенно важно, сохраняется сама *форма* лефевровской импликативной конструкции.

Соответствующая операция была названа автором *метаимпликацией* ([Петровский, 2002]; она изображается в виде стрелки со звездочкой справа вверху: «→*»).

Таким образом, можно импликативно связывать между собой дробные числа (например, 0,3 →* 0,5 или 2/3 →* 1/4 и т.п.) и вычислять соответствующие значения метаимпликации (в дальнейшем мы не будем изображать звездочку рядом со стрелкой)[31].

Символически, мы описываем здесь ситуацию, когда некто (субъект) способен продуцировать импульсы-*запросы a*, воплощающие в себе его устремления, и располагает при этом импульсами-*ресурсами* b (внешний ресурс) и b' (внутренний ресурс), посредством которых могут быть реализованы его устремления. Обращаясь к метаимпликации, мы говорим также о том, что субъект *обращает* (или *направляет*) свои запросы вовне и что он при этом *актуализирует* свои внутренние ресурсы. Ресурсы, привлекаемые субъектом для реализации своих устремлений, мы называем также внешними и внутренними *опорами*.

[31] Впрочем, последние представляли собой не числа, а множества чисел. В приведенных примерах: 0,3 → 0,5 = [0,5; 0,6; 0,7]; 2/3 → 1/4 = 8/12 → 3/12 = [4/12; 5/12; 6/12;7/12].

Кроме того, мы вводим представление о *состоятельности w*, подразумевая под этим термином уровень *удовлетворенности* субъекта при реализации его исходных запросов с опорой на имеющееся ресурсы; достигнутый уровень состоятельности рассматривается как источник новых запросов — *готовности* действовать в принятом направлении. Постулируется равенство: уровень удовлетворенности «на финише» = уровень готовности «на старте» (при переходе от одного витка активности к другому).

Вводя представление о *среднем ожидаемом значении метаимпликации*[32], мы можем перейти к конкретным численным значениям средней ожидаемой состоятельности субъекта:

$$w_{ож.} = a \to b = 1 - a + a \times b$$

Результат метаимпликации $w_{ож.} = a \to b = (1 - a) + a \times b$, получает, таким образом, следующее истолкование:

• $(1 - a) = a'$ — это *актуализированный внутренний* (*скрытый*) *ресурс* (постулируется, что субъект запрашивает только то, чего ему не хватает; с этой точки зрения, 1 — *a* есть то, что у субъекта уже *есть*, то, чем он располагает фактически);

• $a \times b$ — это *присвоенный внешний ресурс*.

С данной точки зрения, результат метаимпликации (состоятельность субъекта) есть сочетание актуализированного внутреннего и присвоенного внешнего ресурса.

В предлагаемой нами модели гедонистического субъекта (аскета) символ x_1 лефевровской модели интерпретируется как «драйв», символ x_2 — как «влечение», символ x_1 — как «предвосхищение», символ X — как «установка» («готовность»). Будем говорить, что это основные элементы модели.

[32] Предлагаемая формула определения среднего ожидаемого уровня метаимпликации, полученная нами при использовании идеи булевых решеток, соответствует (и не может не соответствовать) функции готовности субъекта к биполярному выбору, определенной В.А. Лефевром и вытекающей из постулатов его рефлексивной теории. В первом примере, 0,3 → 0,5, среднее ожидаемое значение метаимпликации равно 0,85; во втором случае, 2/3 → 1/4, искомое значение равно 1 – 2/3 + 2/3 × 1/4 = 1/2.

Базовая схема гедонистического субъекта представлена на рис. 17.

Предлагаемая формальная модель самодетерминации гедониста (аскета) включает в себя основные элементы, а также производные от основных и некоторые другие: *самоконтроль*; *предвкушение*; *эмоциональное благополучие* и пр. Модель содержит в себе указание на *провокативный стимул*, который явным образом в формуле не представлен, но, оставаясь как бы за кадром, постоянно подразумевается (как источник того, что мы далее будем наблюдать «в кадре»).

Провокативный стимул — это все то (вещь, человек, текст, какое-либо событие), что способно воздействовать на субъект извне и обладать для него потенциальной значимостью. Почему мы говорим о *провокативном* стимуле, выделяя его из множества стимулов вообще, в чем специфика этого стимула по сравнению со всеми другими? Ответ заключается в том, что провокативный стимул со стопроцентной вероятностью детерминирует реакцию субъекта в случае его (субъекта) неподверженности каким-либо силам, сдерживающим реакцию (нравственные, религиозные, правовые ограничения, соображения, связанные со здоровьем и пр.). Известна полуправдивая шутка: «Все, чего по-настоящему хочешь, либо аморально, либо противозаконно, либо вредит здоровью». Классики психологии по-разному называли эти силы сдерживания. Зигмунд Фрейд говорил о «подавлении», Курт Левин — о «барьерах», Генри Мюррей — о «прессах». Обобщенно в рассматриваемом случае мы будем говорить о «силах противодействия провокации». Если бы не эти силы, наличие провокативного стимула в ситуации сделало бы неизбежной «ненормативную» реакцию субъекта.

Поскольку нас интересует не только количественная, но и качественная сторона всех элементов предлагаемой модели, рассмотрим логико-психологический статус того, что мы называем провокативным стимулом. Строго говоря, провокативный стимул нельзя отнести к сфере психологических категорий. Он представляет собой *внепсихическое* — «внеположное», «объективное», «протопсихическое» [Петровский А.В., Петровский В.А. , 2000] — образование, фрагмент окружающей среды.

Рис. 17. Модель гедониста

Драйв — телесное возбуждение как специфический ответ на действие провокативного стимула; побуждение-вызов со стороны этого стимула; внутренняя стимуляция как непосредственный физиологический отклик на воздействие внешнего стимула. Драйв и провокативный стимул — явления одного порядка, они «общаются» друг с другом на одном языке физико-химических взаимодействий, и оба являются протопсихическими образованиями.

Установка (*готовность*) — бессознательная психическая сила («сила соблазна»). Поясняя это, мы опираемся на взгляды Д.Н. Узнадзе [1966]. Для него «установка» — это не просто «неосознаваемое», а принципиально *бессознательное* образование (более того — «нечто третье» по отношению к субъективному и объективному). Вслед за Узнадзе мы используем здесь термин «бессознательное *психическое*», развивая свою мысль о том, что психическое вообще есть медиация (опосредствование) взаимных переходов субъективного и объективного. Данный взгляд адекватен также представлениям З. Фрейда о взаимосвязи телесного возбуждения и желания в определении инстинкта: психическая энергия обеспечивает переход объективного в субъективное (желание как врожденная психологическая репрезентация возбуждения телесного источника) и обратный переход (желание как мотив, направляющий поведение к объекту). Установка, или в этом случае бессознательная психическая сила соблазна, — посредник между физиологическим возбуждением и субъективным переживанием в системе *взаимо*переходов «объективное — субъективное». Термины «установка» и «сила соблазна», используемые в данном контексте, могут рассматриваться как синоним «готовности» в рефлексивной модели В.А. Лефевра: *объективная вероятность* (p) того, что субъект поддастся соблазну. Если $p < 0{,}5$, субъект, скорее всего, не будет спровоцирован (воздержится от соблазна). Если $p > 0{,}5$, субъект, по-видимому, не устоит перед соблазном. А если $p = 0{,}5$, субъект будет пребывать в состоянии замешательства, колебаний перед выбором, как поступать дальше, или, иначе говоря, окажется в ситуации *неопределенности предпочтений*.

Влечение — неосознанная устремленность в направлении провокативного стимула (*искушение*); *переживаемая* субъектом готовность поддаться на провокацию (или, напротив, игнорировать ее). Термин «неосознанное» применительно к «устремленности» используется здесь в общеизвестном со времен Фрейда значении *предсознательного психического* (в момент возникновения данного влечения оно вне поля сознания, но в следующий момент может быть осознано).

Предвосхищение. Имеется в виду проигрывание в воображении будущей ситуации реализации влечения. Предвосхищение, воображаемая реализация влечения, в отличие от самого влечения, есть *сознаваемая* субъектом устремленность в направлении провокативного стимула, переживаемый субъектом *образ* своего влечения. Дж. Мид говорил о «репетиции в воображении» — и это, может быть, один из удачных терминов для этого случая. «Воображаемое удовлетворение», «репетиция в воображении» есть единство статических и динамических моментов субъективного продвижения к стимулу, или, иначе говоря, *образ-переживание* собственного влечения. Мы будем говорить о «предвосхищении», имея в виду копию влечения в зеркале рефлексии.

Могут быть рассмотрены также некоторые промежуточные и производные элементы модели.

• *Самоконтроль (самообладание).* В тот момент, когда субъект репетирует в воображении ситуацию реализации влечения, актуализируется чувство контроля над собой — тем большее, чем меньше сила влечения. В математической модели самодерминации гедониста мы определяем самоконтроль (самообладание) как величину, противоположную силе искушения: *Самоконтроль* = 1 – *Влечение*.

• *Предвкушение.* Речь идет о субъективном ожидаемом удовлетворении имеющегося влечения. В математической модели, *Предвкушение* = *Влечение* × *Воображение*.

• *Субъективное благополучие.* Это итоговое состояние эмоционального комфорта в результате актуализации чувства контроля над собой и предвкушения удовольствия. В предлагаемой модели таков результат импликации: *Субъективное благополучие* = = *Влечение* → *Предвосхищение* = (1 – *Влечение*) + *Влечение* × *Предвосхищение* = *Самоконтроль* + *Предвкушение*.

Тенденция к воспроизводству достигнутого уровня благополучия, как мы уже отмечали, стимулирует субъекта к воспроизводству

этого состояния: стремление к данному уровню благополучия выражается в предъявлении запросов к своим собственным телесным ресурсам, позволяющим овладеть провокативным стимулом. Рождается новый ряд переменных (*Самопотворствование, Страховка, Порыв*), порождающих состояние *Внутренней удовлетворенности* субъекта. Последнее получает очередное воплощение в новых установках-готовностях.

Итак, мы вводим в контекст нашего рассмотрения не совсем обычный конструкт. При всех различиях в обозначениях («копия влечения», «образ-переживание», «репетиция в воображении») дело, конечно, не в терминах. Автор уверен в том, что, минуя этот конструкт, невозможно прийти к пониманию самодерминации. В этой связи кажется странным, что рефлексивные механизмы самодетерминации каким-то загадочным образом обходят стороной авторы обширных психологических исследований самодерминации, а также аналитических обзоров, посвященных этим исследованиям.

Чтобы пояснить сказанное, прибегнем к бытовой аналогии. Не каждому человеку известны работы Спинозы, Канта, Гегеля и Лефевра, посвященные явлению самодерминации. Но зато каждый человек хорошо знает по личному опыту, что значит «быть causa sui» (причиной себя), завязывая галстук или поправляя прическу перед зеркалом. Зеркальное отражение для человека — это «он сам», подсказывающий себе будущее надлежащее действие. Следующие затем изменения во внешнем облике вновь отражаются в зеркале и вновь детерминируют последующие действия человека. Итак, с одной стороны, перед нами проявление «естественной причинности»: Прообраз ↣ Образ ↣ Прообраз′ ↣... С другой стороны, — это феномен самопричинности: «Я как причина себя», понимаемое и переживаемое бытие Я в качестве «свободной причины». Ведь именно «с меня» (моего отражения в зеркале) начинается причинно-следственный ряд, и это «я сам» («Я в зеркале») управляю своим «физическим Я».

Будем считать, что субъект, находящийся в поле действия провокативного стимула, шаг за шагом, *виток за витком* рефлектирует свою готовность поддаться соблазну. Это значит, что в последовательные моменты времени $I = 0, 1, 2,...$, начиная с появления драйва в момент времени ($i = 1$), субъект продуцирует установку, которая будет осознана им в следующий момент времени. Появляется влечение,

которое порождает антиципацию (предвосхищение) будущего удовлетворения; опираясь на образ-переживание собственного влечения, субъект испытывает ту или иную степень душевного благополучия; оно, в свою очередь, побуждает субъекта продолжить попытки (а в случае фрустрации — проявлять сдержанность). Таким образом, рождается тенденция потворствовать себе или ограничивать себя в новых попытках. Эта тенденция преломляется сквозь исходный драйв, формируя новое влечение (готовность). Возникшее влечение рефлектируется субъектом на следующем витке рефлексии (готовность здесь превращается в новое влечение).

Как видим, здесь действуют два механизма саморефлексии. Один мы назовем *диахроническим*, другой — *синхроническим*:

• диахронический механизм рефлексии реализует переход субъекта с одного витка рефлексии на другой, превращая *установку* (*готовность*) на i-м витке во *влечение* на $i + 1$-м витке;

• синхронический механизм рефлексии реализует «зеркальное отражение» *влечения*, которое, таким образом, обнаруживает себя как *предвосхищение*.

Совместное действие двух механизмов саморефлексии обеспечивает самодетерминацию субъекта активности.

Вводится представление о нулевом витке рефлексии ($I = 0$), при котором в структуре субъекта драйв отсутствует (уровень драйва равен нулю), отсутствуют также влечение, предвосхищение и, соответственно, установка (их «сила» равна нулю); но провокативный стимул уже появился «на горизонте».

Принимаются следующие обозначения и договоренности.

Драйв = {*драйв*$_i$} — проявления драйва в различные моменты (I) саморефлексии. Говоря о драйве, мы будем подразумевать каждый раз, как и в случае с нулевым витком рефлексии, некую силу (уровень) драйва: $0 \le f$ (*драйв*$_i$) ≤ 1. Договоримся, что в данном случае и во всех аналогичных мы будем опускать символ f, записывая вместо «f (*драйв*$_i$)» полужирным шрифтом «***драйв***$_i$». Аналогично, *Установка* = {*установка*$_i$}, *Влечение* = {*влечение*$_i$}, *Предвосхищение* = {*предвосхищение*$_i$}. «Силовые» характеристики, соответствующие этим элементам, изображаются как *установка*$_i$, *влечение*$_i$, *предвосхищение*$_i$, и проч.

Принимаем следующие допущения.

1. Сила *драйва одинакова* на протяжении всего процесса саморефлексии: *драйв*$_i$ = *драйв*$_j$ (для всех I и j), кроме случая ($i = 0$), при котором *драйв*$_0 = 0$.

2. Сила *влечения* и сила *предвосхищения одинаковы* на каждом витке рефлексии: *влечение*$_i$ = *предвосхищение*$_i$ (для всех I); на нулевом витке рефлексии *влечение*$_0$ = *предвосхищение*$_0 = 0$.

3. Сила *влечения* на каждом последующем витке рефлексии *равна* силе *установке* на предшествующем витке рефлексии: *влечение*$_i$ = *установка*$_{i-1}$ (для всех $I > 0$).

Модель самодетерминации гедониста при переходе с одного витка рефлексии ($I - 1$) на другой виток (i) представлена на рис. 18.

Теперь рассмотрим, что происходит с побуждениями субъекта на первом и втором витках саморефлексии ($I = 1, 2$).

На первом витке рефлексии есть лишь драйв, но нет ни влечения, ни предвосхищения. По этой причине уровень установки-готовности действовать в направлении провокативного стимула равен уровню соблазна (примем его за x):

$$Установка_1 = (0 \to 0) \to x = 1 \to x = x$$
$$Установка_1 = Драйв_1.$$

На втором витке рефлексии происходит включение (возвышение) появившейся установки x в ранг реальных искушений (влечений) субъекта; соответственно в зеркале рефлексии субъекту рису-

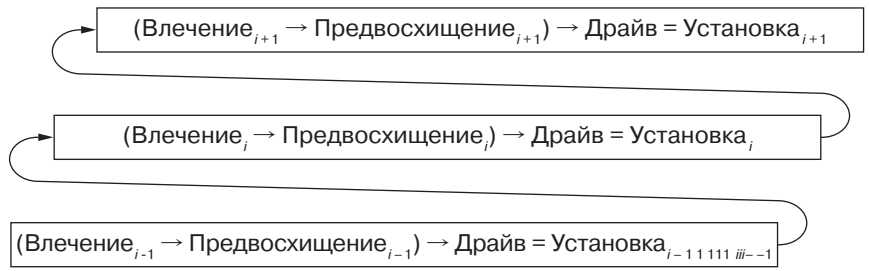


Рис. 18. Модель самодетерминации гедониста при переходе с витка на виток

ется более привлекательная картина реализации его побуждения в направлении провокативного стимула:

$$Установка_2 = (x \to x) \to x = x + (1 - x)(1 - x)x,$$
$$Установка_2 > Установка_1 = Драйв \ (если \ 0 < x < 1)$$

Как видим, мы можем убедиться также и в том, что уровень установки-готовности ***вырос*** по сравнению с исходным уровнем драйва, т.е. провокативный стимул стал притягательнее.

Что происходит на последующих этапах саморефлексии? Мы рассмотрим этот вопрос, варьируя стартовый уровень драйва, начиная со значений, близких к нулю («субъект почти не откликается на провокативный стимул»), постепенно поднимаясь к средним значениям («то ли есть реакция, то ли нет») и, наконец, к высоким значениям («сильный отклик»).

Отправляясь от нескольких стартовых значений драйва x на интервале [0, 1], мы вычислили уровни установок субъекта действовать в направлении провокативного стимула (готовности поддаться соблазну) на нескольких витках рефлексии, следуя процедуре многократного отражения субъектом своей готовности к выбору, предложенной Лефевром [1996].

Общий итог (непосредственно вытекающий из положений рефлексивной теории): саморефлексия субъекта *повышает* привлекательность провокативного стимула, поддерживая соблазн.

Итак, перед нами *феномен рефлексивной возгонки влечения*.

Но это не значит, что люди во всех случаях поддаются соблазну.

Выясняется, что существуют такие уровни драйва, при которых субъект, рефлектирующий свои побуждения:

1) *отвергает* провокативный стимул, не поддаваясь соблазну; уровни готовности не достигают 0,5 (стартовые уровни драйва находятся при этом в интервале между 0 и 0,333). Мы говорим в данном случае: «Все под контролем»;

2) в той или иной степени *поддается* соблазну (стартовые значения драйва находятся в интервале от 0,333... до 1) — «коготок увяз» и «грехопадение» (эти термины предложены С. Диковым);

3) впадает в состояние *неопределенности предпочтений*, на смену исходному состоянию готовности отвергнуть соблазн приходит «замешательство» (рис. 19).

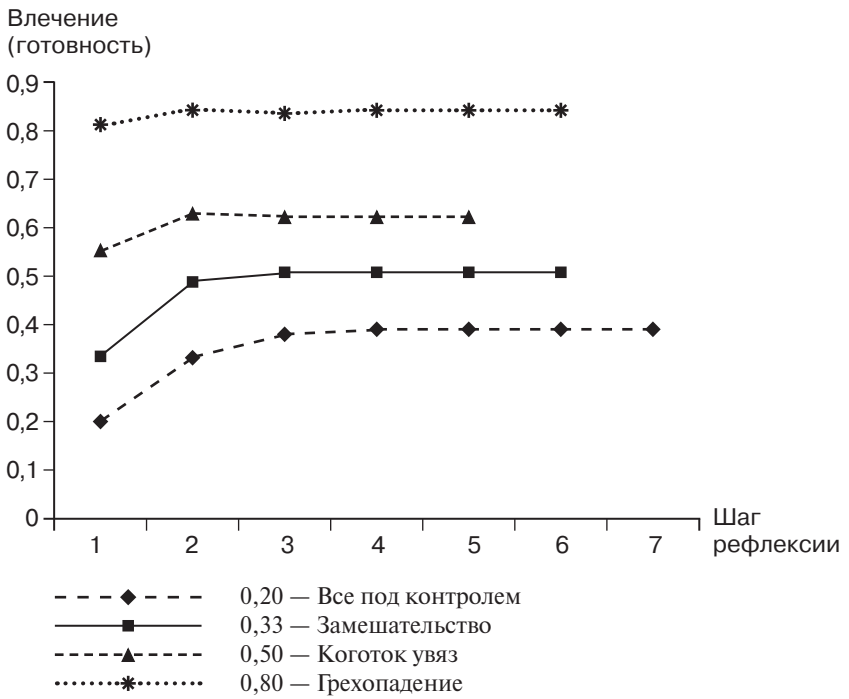


Рис. 19. Рефлексивная возгонка влечения

Особый случай — стартовый уровень соблазна 0,5 («неопределенный уровень» притягательности провокативного стимула, «замешательство на старте саморефлексии»). В этом случае исходная (полная) неопределенность реакции на провокативный стимул *преодолевается* в ходе саморефлексии. Наиболее интересным здесь является то, что с каждым новым витком саморефлексии готовность поддаться соблазну стремится к «золотому сечению», 0,618...[33] Мы приходим к этому числу, не вводя предварительных допущений об «интенциональ-

[33] Число это овеяно исторической славой и известно под именем «золотое сечение» (в математическом смысле оно представляет собой действительный корень решения уравнения $\alpha + \alpha^2 = 1$; $\alpha \approx 0{,}62$); значительную роль данное число сыграло в архитектуре, музыке и проч.

ности» выборов (выборы Реалиста), как это делает Лефевр, рассматривая «выбор без объективных критериев» [Лефевр, 1996, с. 60–61]. Мы также прослеживаем «порождение» Реалиста, не связывая себя при этом некоторыми дополнительными условиями, указанными автором рефлексивной теории [Там же, с. 75–76]. Реализм субъекта и «золотое сечение» в нашем случае есть следствие совместной работы двух механизмов саморефлексии — диахронического и синхронического — в ситуации полной неопределенности.

Предлагаемая гипотетическая модель самодетерминации гедониста (стоика) есть гипотетическая модель. Мы не располагает сегодня какими-либо прямыми эмпирическими подтверждениями ее справедливости. Однако имеются некоторые косвенные подтверждения в области психологии мотивации.

Прежде всего, это феномен «смещенного выбора», характеризующий предпочтения испытуемых в ситуации свободного выбора задач различного уровня трудности (о нем идет речь в последующих главах). Предложенная Дж. Аткинсоном «модель принятия риска» предсказывала, что испытуемые, стремящиеся к успеху (мотив достижения доминирует над страхом неудачи), должны выбирать для себя задачи среднего уровня трудности. Однако эмпирические данные говорят о другом: такие испытуемые выбирают задачи *повышенного уровня трудности* (вероятность решения между 0,3 и 0,4) [Петровский, 2004]. Мы показали, что, выбирая задачи такого уровни трудности, они должны проявлять интенцию, сила которой равна «золотому сечению», что позволяет им быть *реалистами*, согласно критерию В.А. Лефевра (субъективная интенция = объективной готовности). Можно предположить, что *в ситуации неопределенности* относительно исхода будущей деятельности (решение некоторого круга задач) уровень притягательности этих задач для *реалиста* (исходный драйв) определяется средним значением 0,5. Многократная рефлексия своих побуждений, включающая в себя работу механизмов диахронической и синхронической саморефлексии, «выводит» субъекта на уровень интенции 0,618...

Отмечу также *первый закон Йеркса—Додсона*. При среднем уровне мотивации (драйв?) выполняемой деятельности испытуемые проявляют наибольшую эффективность. Не свидетельствует ли это о том, что они проявляют себя в этих условиях как *реалисты*, т.е. затрачивают не больше и не меньше усилий, чем это требуется для получения результата? Если это так, то здесь мы вновь сталкивается с «золотым сечением» на уровне интенции действовать.

В этой главе мы рассмотрели вопрос о том, как субъект сам, в ходе рефлексии, порождает определенность и неопределенность своих предпочтений, а также отчасти вопрос о том, как он распоряжается неопределенностью, когда сталкивается с нею лицом к лицу.

Подчеркнем, что наши ответы на эти вопросы имеют пока гипотетический характер и требуют дополнительного эмпирического обоснования.

Глава 6

ТРИУМВИРАТ СУБЪЕКТОВ: ТРАНСАКТНАЯ МОДЕЛЬ ВЫБОРА

6.1. Базовая модель рефлексивного выбора и трансактная модель личности

Индивидуальность: триумвират субъектов (трансактная модель). Среди всех авторов-психотерапевтов, понимавших суть несовпадения разных «Я» и непредставимости индивидуальности как формы существования «Верховного Я», ближе всего автору Эрик Берн. Я уже писал ранее в послесловии к его книге о том, что, на мой взгляд, Берн — это Выготский современной психотерапии, создатель — как он сам ее называл — *социальной* психиатрии, рассматривающей психику как поле брани интериоризированных значимых других (сам он, впрочем, не использовал таких слов).

Берновская модель позволяет по-новому взглянуть на классические сюжеты диалогичности сознания, оставленные нам в наследство М.М. Бахтиным (1975); раскрыть психологическое своеобразие взаимоотношений между такими полюсами сознания, которые я называю «Мое Я» и «Мое Ты» (у Ф.Д. Горбова: Я — ВТОРОЕ Я [Горбов, 2000]). Фактически мы можем прочувствовать существование «Моего Ты», когда спорим с собой, приказываем себе, убеждаем себя, «отпускаем» себя, хвалим себя, успокаиваем себя. «Возьмите себя в руки», — сказали ему; и он взял себя в руки, прижал к груди и отнес в тихое место; нечто подобное я прочитал некогда у одного писателя. Оставим это в качестве метафоры для «Моего Ты».

Каждое «Мое Я» и «Мое Ты» могут быть представлены в виде трехчастной структуры Родитель, Взрослый, Дитя[34] (рис. 20).

[34] По правилам русского языка это слово склоняется (дитяти, дитяте, дитятей и т.д.). Склонение архаическое; лучше было бы прибегнуть к варианту «Ребенок». Но, к сожалению, мы не можем использовать здесь сокращенную запись «Р»: эта буква уже «занята» Родителем. Некоторые авторы используют две буквы вместо одной, записывая — «Ре». Но это связано с дополнительными неудобствами. Кроме того, используемый нами термин «Дитя» позволяет с большей легкостью различать указание на реального ребенка (мальчик, девочка) и соответствующее эго-состояние. Принимая название «Дитя» («Д»), мы, конечно, подчеркиваем: орфография авторская.

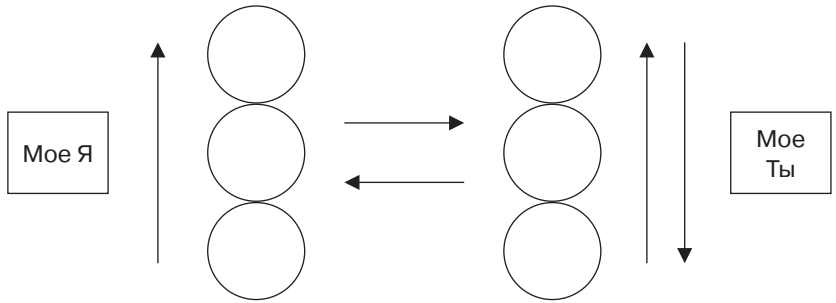


Рис. 20. «Мое Я» — «Мое Ты»:
Трансакции в пространстве индивидуальности
(стрелками обозначены потоки катексиса)

Различение и соотнесение конструктов «Мое Я» — «Мое Ты» послужило основой для проведения ряда экспериментов, проясняющих трактовку личности как «единомножия» взаимодействующих субъектов.

Один из примеров: в дипломном исследовании М.В. Анисимовой фиксировались внутренние диалоги испытуемого в момент решения интеллектуальных задач (диалоги «Мое Я» — «Мое Ты»). При различении во внутреннем диалоге, во всех этих самообращениях и ответах самому себе, определении эго-состояний «Взрослый», «Родитель», «Дитя» выяснилось, что нахождение ответа на вопрос задачи подразумевает Взросло-Взрослую внутреннюю коммуникацию. При этом Родительски-Детские внутренние трансакции не содействуют решению.

Эти и многие другие данные, полученные в русле мультисубъектного подхода, содействуют преодолению мифа (или, точнее, некоего скрытого постулата) изначальной «моносубъектности» личности.

Между тем именно он лежит в основе большего числа исследований, посвященных человеку перед лицом выбора (я имею в виду как психологические, так и социологические исследования).

Выбор, как правило, имеет под собой мультисубъектную основу, особенно если речь идет о выборах важных, судьбоносных (я называю их экзистенциальными выборами).

А. В настоящей работе содержится опыт психологической интерпретации рефлексивной модели нормированного поведения [Таран, 2000; 2001; 2003], представляющей собой, в свою очередь, булеву версию «функции готовности субъекта к биполярному выбору» [Лефевр, 1996]. Воспроизведем, следуя автору рефлексивной модели нормированного поведения Т.А. Таран, основные понятия, описывающие многозначные булевы системы норм[35]:

«Система норм строится следующим образом... Рассматривается множество альтернативных действий, между которыми происходит выбор. Каждая альтернатива оценивается на множестве биполярных

[35] Я воспроизвожу здесь полностью фрагмент работы Т.А.Таран, включенный спустя ряд лет в нашу совместную статью [Петровский, Таран, 2002]. Несколько слов о том, как возникла эта работа. Первая личная встреча с математиком из Киева, Татьяной Архиповной Таран, произошла в Москве, на первой, как многие из нас называют ее, *лефевровской конференции*, посвященной рефлексивным процесам и управлению (раз в два года, неизменно под водительством профессора Владимира Евгеньевича Лепского собирается Конференция, подстегивая сознание российской общественности идеями, способными «сдружить» — «сплюсовать» — хотя бы на время, математиков, философов, методологов, социологов, кибернетиков, управленцев, психологов, даже поэтов.

Т.А. Таран, знавшая меня до этой встречи лишь заочно, по работе «Алгебра когито: опыт игры в бисер» [Петровский, 1997], предложила поработать вместе, дав на затравку статью «Многозначные булевы модели рефлексивного выбора» [Таран, 2000]. Предполагалось, что я смогу осуществить психологическую интерпретацию формальных построений из этой статьи. Я работал около года. «Да ведь это совершенно Ваша работа!» — великодушно признала Татьяна Архиповна, прочитав большой текст, и предложила мне опубликовать тезисы самостоятельно, что я и сделал в 2001 г. Потом мы подготовили с ней общий текст, где были объединены «булевы» истоки концепции (работы самой Т.А. Таран) и их психологическое развитие («мультисубъектный подход», развиваемый в работах автора этих строк). Именно эта общая работа составляет содержание настоящей главы.

Встреча с Т.А. Таран (а до этого — с В.А. Лефевром, с которым она сотрудничала идейно и лично) была для меня одним важных событий в жизни. Вслед за «Алгеброй когито» я развиваю свою, еще ненаписанную, «Алгебру активности» в мысленных диалогах с В.А. Лефевром и Т.А. Таран. Татьяне Архиповне, столь рано ушедшей из жизни, я посвятил недавно вышедшую книгу «Логика Я» (2008).

шкал с позитивным и негативным полюсами. Полагаем, что позитивный полюс (1) соответствует некоторой *норме*, а негативный полюс (0) соответствует ее противоположности, которую называем *антинормой*. Например, на шкале *выгодно — невыгодно* позитивным полюсом может быть *выгодно*, негативным — *невыгодно,* на шкале *честно — нечестно* позитивный полюс — *честно,* негативный — *нечестно.* Тогда двоичный выбор между позитивным и негативным полюсами (т.е. между 1 и 0) может интерпретироваться как выбор между *нормой* и *антинормой*.

Декартово произведение таких шкал образует частично упорядоченное множество различных комбинаций *норм* и *антинорм*. Эти комбинации мы назовем *слабыми нормами* и *слабыми антинормами*. Если обозначить каждую *норму* 1, а *антинорму* — 0, то каждой *слабой норме* и *слабой антинорме* соответствуют два дополнительных друг к другу булевых вектора.

Декартово произведение n бинарных шкал образует частично упорядоченное множество норм $D = < L, \leq >$, где $L = 2^n$ — булева решетка. Единицу решетки ($sup\ L = I$) будем называть общей *Нормой*, а нуль ($inf\ L = 0$) — общей *Антинормой*. Промежуточные значения $x \in L$, такие, что $0 < x < I$, т.е. лежащие между *Нормой* и *Антинормой,* являются *слабыми нормами* и *слабыми антинормами*. Каждая *слабая антинорма* — это значение, противоположное *слабой норме*. Если некоторое значение $x \in L$ — *слабая норма,* то значение $x' \in L$, которое является дополнением x в булевой решетке L, — *слабая антинорма,* и наоборот. Отношение порядка $\leq$ на множестве *слабых норм* и *слабых антинорм* будем интерпретировать так: *норма* x — **более** *слабая норма* (*антинорма*), чем y, если $x \leq y$. Соответственно, в этом случае y — **менее** *слабая*, т.е. **более сильная** *норма* (*антинорма*). Тогда общая *Норма* — наиболее сильная из всех *норм* и *антинорм*.

Любая булева решетка образует многозначную булеву алгебру [Биркгоф, 1984], которая изоморфна булевой логике на множестве норм $B_n = < L, \vee, \&, \neg >$ с операциями дизъюнкции $x \vee y \equiv sup\{x, y\}$ и конъюнкции $x \,\&\, y \equiv inf\{x, y\}$, где $x, y \in L$. Операция отрицания x соответствует дополнению x в решетке L.

Многозначную булеву логику B_n, построенную таким образом, назовем *логикой норм*. Будем полагать, что выделенным истинностным значением логики норм является *Норма*: I. Значения x и y могут оказаться несравнимыми на шкале норм. Значение импликации $x \rightarrow$

y[36] определяется как точная верхняя грань значений $\neg x$, y: $x \to y = \neg x \vee y = sup\{\neg x, y\}$. Импликация будет принимать значение, равное I, во всех случаях, когда $x \le y$, т. е.:

$$|x \to y| = I, \text{ если и только если } x \le y.$$

Из свойств импликации следует, что в логике норм, во-первых, выполняется принцип тождества: $|x \to x| \equiv I$, а во-вторых, если $x < y$, то $|x \to y| = I$, т.е. из более слабой *нормы* (*антинормы*) x всегда следует менее слабая y (иными словами, более сильная).

Каждое действие, которое субъект может выбрать в некоторой ситуации, получает оценку на шкале норм. Модель рефлексивного поведения отражает готовность субъекта к выбору действия, удовлетворяющего определенному подмножеству норм. Поэтому в дальнейшем под *альтернативой* мы будем понимать ту или иную (*слабую*) *норму* или *антинорму* на булевой шкале норм» [Таран, 2000].

Отталкиваясь от этих понятий, введенных Т.А. Таран, мы будем в дальнейшем булеву версию функции готовности субъекта к выбору, $A1 = (a3 \to a2) \to a1$, именовать *базовой моделью рефлексивного выбора* (или, более кратко, — «базовой моделью»).

Базовая модель представляет собой оригинальную версию капитальной идеи В. Лефевра, описывающей готовность субъекта к выбору, и, таким образом, воспроизводит в себе принцип осмысления переменных, фигурирующих в формуле $A1 = (a3 \to a2) \to a1$ (мы будем далее называть эти переменные *основными* переменными базовой модели, а переменные, получаемые в результате логических операций, производимых над основными переменными, — соответственно, *порожденными* переменными). В базовой модели выбора переменная $a1$ интерпретируется как давление среды к выбору одной из альтернатив: *Нормы, Антинормы, слабой нормы* или *слабой антинормы*. Это реальное давление среды, которое не осознается субъектом, но ощущается на подсознательном уровне. Представление субъекта о давлении среды описывается переменной $a2$: то, чего ожидает субъект от внешнего мира в сложившейся ситуации. Эти ожидания складываются на основании предыдущего опыта субъекта. Переменная $a3$ описывает планы субъекта, касающиеся выбора одной из альтернатив, т.е. его интенции или желания, которые он хотел бы осуществить в будущем.

[36] В этой главе мы используем традиционную запись импликации — стрелочка (→), а не бумеранг (⥵).

$A1$ — это та альтернатива (оценка действия на шкале норм), которую субъект готов выбрать [Таран, 2000]. Предполагается, что переменные формулы готовности субъекта могут принимать любые значения на булевой решетке норм $< L, \le >$ независимо друг от друга.

Б. Думается, что всем этим не ограничивается сфера возможного использования базовой модели рефлексивного выбора Т.А. Таран. Вопрос состоит в том, насколько приемлемы и действенны те же формальные посылки и следствия в области фундаментальной и практической психологии личности — прежде всего в тех областях, где главенствует принцип несовпадения рефлексивных и до-рефлексивных уровней построения поведения и сознания субъекта (с проблемами такого рода постоянно сталкиваются педагоги, психологи-консультанты, психотерапевты).

Существуют как минимум два возможных пути дальнейшей работы с моделью. Первый из них — это поиск фактов, которые иллюстрировали бы оправданность выводов, полученных формальным путем. Этот путь вполне достоин того, чтобы отнестись к нему с должной серьезностью. Если подобное удается, то это означает, что формальная модель «работает на самое себя», обогащаясь все большим числом подтверждений и превращаясь тем самым в ядро новой теории. В некоторых главах этой книги мы придерживайся данной траектории следования.

Но есть и другой путь — пожалуй, именно в нем непосредственно заинтересованы психологи, консультанты и психотерапевты: взаимосопряжение базовой модели рефлексивного выбора и некоторой иной (уже существующей в науке, но также нуждающейся в развитии) модели интерпретации поведения человека в условиях выбора. В данной главе мы избираем для себя второй путь. На этом пути нам надлежит выяснить, какие психологические реалии, фигурирующие в составе некоторой психологической теории, а не «вообще в психологии», вырисовываются за терминами рефлексивной теории В. Лефевра и булевой версии функции готовности субъекта к выбору Т. Таран [Там же].

В рамках этой задачи, необходимо ответить на такие вопросы: *чем* — психологически — могли бы являться основные конструкты базовой модели выбора, такие как «давление среды» («$a1$»), «представление о давлении среды» («$a2$»), «интенции или желания, которые (субъект) хотел бы осуществить в будущем» («$a3$») и, наконец,

сама «функция готовности субъекта к выбору» («$A1 = (a3 \rightarrow a2) \rightarrow \rightarrow a1$»). Должны быть осмыслены также производные конструкты, символизируемые выражениями «$a2 \rightarrow a1$» и «$a3 \rightarrow a2$», и — пока еще «безымянные» — знакосочетания «$\neg a2$», «$\neg a3$», «$a1 \,\&\, \neg a2$» и др.

При этом мы будем считать вполне допустимым, что некоторые элементы, производные от основных элементов базовой модели, приобретут иное прочтение. Таким образом, будущая интерпретация должна предоставить основным и производным элементам как бы дополнительное местожительство — на территории уже существующей психологической теории. Разумеется, при этом будут уточняться понятия и самой психологической теории, предоставляющей свои ресурсы в пользование математической модели (иначе «состыковка» моделей — пустая трата времени). Иными словами, «приглашающая сторона» — психологическая теория, позволяющая использовать свои понятия, не остается безучастной к тем, кто пользуется ее гостеприимством. Она проявляет подлинный интерес, рассчитывая получить что-то в ответ: критерии для оценки имеющихся ресурсов, возможностей расширения своих владений и т.д. Вполне естественно, что «гостям» при обустройстве их жилья разрешены определенные перестановки, отделка, новое функциональное использование предметов, а также дизайн по собственному вкусу.

Попробуем теперь ответить на центральный вопрос: с какой из психологических моделей описания личности (теорий личности) могла бы вступить в продуктивный диалог базовая модель рефлексивного выбора?

В. Наша общее предположение состоит в том, что в психологии *есть такая модель*, и она была названа в начале главы. Этой психологической моделью понимания личности является эго-структура личности в трансактном анализе Эрика Берна.

Вкратце напомним читателю, каковы структурно-функциональные блоки интерпретации личности в теории Э. Берна. При ее разработке Э. Берн исходит из трех постулатов (положений, «которым до сих пор не найдено исключений»); воспроизведем эти «прагматические постулаты» из книги, в которой ее автор предлагает наиболее строгое изложение основ своей теории [Берн, 2001].

1. Каждый взрослый человек был когда-то ребенком.

2. Любой человек, чей мозг в достаточной степени функционально развит, потенциально способен проверять реальность.

3. Каждый человек, достигший взрослого возраста, имел родителей или лиц, замещающих родителей.

Соответствующие гипотезы автора трансактного анализа таковы.

1. Пережитки детства сохраняются в последующей жизни в виде целостных эго-состояний (археопсихические пережитки).

2. Проверка реальности является функцией отдельных эго-состояний, а не изолированной «способностью» (неопсихическое функционирование).

3. Исполнительную власть может брать на себя целостное эго-состояние, взятое у другого человека в том виде, в котором он был воспринят (экстеропсихическое функционирование).

Структура личности рассматривается как состоящая из трех органов: экстеропсихики, неопсихики и археопсихики (рис. 21*а*). «Феноменологически и операционально» эти органы личности проявляются как три типа эго-состояний, которые соответственно называются «Родитель», «Взрослый», «Ребенок» («Дитя»[37]) (рис. 21*б*).

Каждое из эго-состояний обладает тем качеством, которое может быть обозначено как «субъектность» [Петровский, 2003]; эго-состояния — нечто большее, чем просто специфические паттерны мыслей, представлений, чувств, действий. «Деление на три элемента, — пишет Берн, — следует понимать вполне буквально. Это как если бы в каждом пациенте присутствовали три разных человека» [Берн, 2001, с. 272][38]. Мы делаем акцент на субъектности эго-состояний, чтобы подчеркнуть: личность есть единомножие субъектов, полисубъект-

[37] См. примечание 36.

[38] Приведем еще два высказывания Берна, чтобы подчеркнуть субъектность эго-состояний и тот факт, что они для создателя трансактного анализа — не просто некие «состояния», свойственные индивиду, но каждое есть его особое Я, пребывающее в тех или иных состояниях: «Вмешательство терапевта будет идеальным тогда, когда оно попадет точно в цель, т.е. существенно и приемлемо для всех трех аспектов личности пациента, поскольку все три услышали, что он сказал» [Берн, 2001, с. 273]; «терапевту следует задаться вопросом: почему пациент позволяет себя разоблачать? Может быть, это его Родитель предает Ребенка? Или Взрослый уговаривает Ребенка рассекретиться? Или это Ребенок продолжает свою игру с целью “спасти лицо”, хотя и упрощает ее для терапевта, надеясь, что его спасут, подобно тому, как мальчуган попискивает из своего укрытия во время игры в прятки, помогая себя обнаружить?» [Берн, 2000, с. 257]. Мы подчеркиваем субъектность эго-состояний, чтобы сказать: личность есть «единомножие субъектов»; каждый из этих субъектов может обладать особыми запросами, и именно это задает, в силу возможных здесь противоречий, ситуацию выбора.

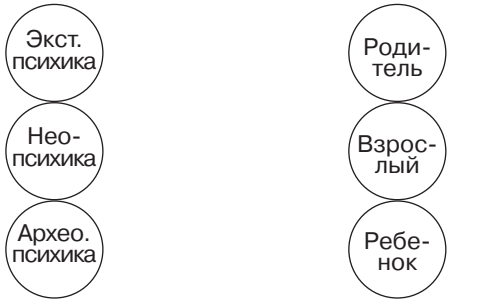


Рис. 21. Структура личности по Э. Берну (пояснения в тексте)

ное образование; каждый из образующих личность субъектов может обладать особыми запросами, что и задает, в силу возможных здесь противоречий, ситуацию выбора.

Трансактная интерпретация элементов базовой модели рефлексивного выбора. Прежде чем сделать следующий шаг в построении трансактной версии базовой модели рефлексивного выбора, определим некоторые новые способы осмысления символов, фигурирующих в базовой модели. Заметим, что при этом логическая форма модели, механизм выведения следствий, общий смысл построений остаются неизменными.

Мы будем говорить о «ценностях», «интересах», «притязаниях», «валентностях», «значимостях» и т.п., реализуя в них фундаментальную идею «нормы» базовой модели. Мы будем использовать здесь обобщающий термин «запрос», имея в виду многомерный вектор активности эго-состояний субъекта и говоря, соответственно, о булевой решетке запросов (в конечном счете мы сможем вернуть к решетке собственно *норм*, определяя в дальнейшем меру *нормативности* субъекта). По аналогии с «более сильными» и «более слабыми нормами» мы будем говорить также о *более развитых* и *менее развитых* запросах (в качестве синонимов могут использоваться такие слова, как «более активные», «более выраженные», «более интенсивные» — «менее активные», «более пассивные», «более скромные»

запросы)[39]. В соответствии с этим о самом субъекте запроса мы говорим как о «более активном» (амбициозном, пристрастном, вовлеченном) и — «менее активном» (такой субъект описывается как «менее амбициозный», он «пассивнее», «беспристрастнее», «безучастнее»). Сравнивая запросы субъектов, мы говорим также, что один запрос *превосходит* другой или *уступает* ему. О запросах субъектов, соответствующих «несравнимым» элементам на булевой решетке норм мы будем говорить, что запросы этих субъектов *расходятся* (о самих субъектах — что они *расходятся в своих запросах*). Ситуацию «несравнимости» элементов мы будем обозначать традиционным символом «‖»).

Рассмотрим теперь подробнее и подвергнем взаимной интерпретации основные элементы базовой модели выбора и то, что выше было обозначено как запросы Дитя, Родителя и Взрослого.

Наиболее общая идея настоящей работы заключается в том, что запросы Дитя сопоставимы с «реальным давлением среды» (*a*1), запросы Родителя — с «представлениями о давлении среды» (*a*2), а запросы Взрослого — с «интенциями субъекта (*a*3).

В настоящей работе мы только наметим теоретико-психологическое и формально-логическое обоснование данного положения.

Давление среды — Запросы Дитя. Эго-состояние «Дитя» у Берна полнится импульсами, влечениями, ему свойственно то, что Курт Левин, основатель «топологической психологии», называл «полевым поведением». Берновское Дитя не задумывается о последствиях своих реакций — оно не рефлексивно, а рефлекторно.

Вот почему, в частности, запросам Дитя мы ставим в соответствие символ «*a*1» базовой модели Т. Таран.

Раскроем эту версию подробнее. Прежде всего заметим, что «давление среды» феноменологически есть то, что *переживается* субъектом как исходящее *из* среды, как нечто, действующее на субъекта *извне* (здесь подходят такие термины как «требование среды», а также левиновский термин «валентность», т.е. непосредственная привлекательность стимула), но при этом как нечто, воплощающееся в ответное действие индивида *на* среду. Переживается *тенденция* к такому

[39] По сути, само сравнение запросов («более развитый — менее развитый»), если только оно осмысляется аксиологически, в терминах «лучше — хуже», возможно при условии того, что эти запросы «проецируются» на булеву решетку норм.

действию, сама установка действовать подобным образом (что может быть зарисовано как вектор, направленный *от* субъекта *к* среде). Интерпретируя *a*1, как то, что обнаруживается Дитя, мы, таким образом, логически включаем в «давление» среды свойства того, кому адресованы «воздействия среды» (через кого эти воздействия проявляются). Это сродни тому как при описании физических и химических свойств вещей мы привлекаем к рассмотрению другие вещи, например, при описании костра — искры, летящие вверх, ощущение жара и т.п. Одним словом, мы проводим различия между «воздействием среды» (безличный абстракт) и «давлением среды» (эффект влияния, оказываемого средой на субъекта). «Воздействие среды» — *диспозиционный предикат*, присущий *окружению* субъекта: ему, как и любому другому диспозиционному предикату, логически предписано проявлять себя «через иное»[40], т.е. в данном случае через субъекта. А «давление среды» есть сам *феномен* воздейственности среды на субъекта — эффект влияния, которое она на него оказывает: переживания и тенденции самого субъекта, той его «части», которая может быть описана в терминах эго-состояния «Дитя».

По своей природе «*a*1», таким образом, есть результат взаимодействия двух невидимых величин: *a′*1 и *a″*1. Первое описывает «среду как таковую», второе — «субъекта как такового». Эти абстрактные сущности («теоретические конструкты») — конечно же, мнимости нашего разума. «Мнимость» здесь выступает не в математическом, а в изначальном языковом смысле — от слова «мнить», «мыслить». Но, если позволить себе математические аналогии, трудно не соблазниться идеей *произведения* двух *противостоящих* друг другу *мнимостей* в простейшем случае «$i = \sqrt{-1}$» и «$-i = \sqrt{-1}$», что при перемножении дает единицу «+1» *действительного* «давления среды».

Итак, если признать, что «давление среды» есть «валентность» элементов «поля» (а как не признать это?), и валентность этих элементов рассматривать как источник «полевого поведения» (все это термины К. Левина), то родственность понятий «давление среды» и «запросы Дитя» превращается в нечто само собой разумеющееся. Добавим также, что «импульсивное» («полевое») поведение субъекта, если следовать психологической классике, соотносимо с поведением ребенка и только ребенка (оно может наблюдаться у взрослых при регрессии возраста). Если принять сказанное, то формально «запросы Дитя» в качестве трансактного эквивалента «давления среды», «*a*1», мы могли бы определить далее как «пересечение» двух элементов: $a1 = (a1)' \,\&\, (a1)''$, где $(a1)'$ — *потенциальный запрос* (*«провокативность»*) *среды* по отношению к Дитя и $(a1)''$ — *потенциальный запрос Дитя* по отношению к среде. *Говоря «потенциальный», мы подчеркиваем, что это «диспозиционный предикат», или, если воспользоваться термином А.С. Прангишлвили*[41], *— «предиспозиция» реагирования*. Например, элемент $a1 = (0,1,0)$ *может рассматриваться как результат пересечения элементов* $(a1)' = (1,1,0)$ и $(a1)'' = (0,1,1)$ и т.п. Остается добавить, что параметры среды при этом могут варьировать в пределах $(a1)'_{max} = (1,1,1)$ — «поддерживающая» («стимулирующая», «принимающая») среда — и $(a1)'_{min} = (0,0,0)$ — «отвергающая» («противодействующая») среда. Точно так же предиспозиции Дитя варьируют между полюсами $(a1)''_{max} = (1,1,1)$ — «активное» («открытое», «инициативное») Дитя — и $(a1)''_{min} = (0,0,0)$ — «пассивное» («защищающееся», «апатичное») Дитя. «Отвергающая» среда режет под корень все потенциальные запросы Дитя (они так и остаются неактуализированными), а пассивное Дитя загодя упраздняет все, что предлагает ему среда.

Представление о давлении среды — Запросы Родителя. Берновский Родитель — носитель «совершенного» знания (причем «совершенство» этого знания большей частью сомнительно). Первые *представления* ребенка о себе производны от того, что говорят о нем и как видят его родители (Кули, Дж. Мид). Но потом этот взгляд может существенно измениться.

Вдумаемся в слово «представить». Оно означает, что нечто, о чем идет речь, существует (или «поставлено») «перед», «пред». Представление о давлении среды на субъекта охватывает два противостоящих друг другу момента: «образ среды» и «образ себя» (в качестве объекта воздействия или в качестве субъекта, противостоящего этому воздействию). Но «образ себя» всегда предполагает взгляд на себя со стороны, с позиции кого-то другого. Онтогенетически (в аспекте

[40] Изящную логическую теорию «диспозиционных предикатов» мы встречаем у логика Л. Рвачева в книге «Математика и семантика» (Киев, 1966). В своих работах он, в частности, вводит понятие «прибора» (как средства «проявления» свойств вещей) и, между прочим, формально показывает, что «быть вещью» не есть свойство вещи.

[41] А.С. Прангишвили — теоретик, представитель «психологии установки» Д.Н. Узнадзе.

развития ребенка) другой человек, с позиции которого реализуется «сторонний взгляд», — это тот, кто воспитывает ребенка: родители. Родителям свойственна еще одна функция: предвидение будущего (или так, по крайней мере, кажется самому ребенку). Речь идет о том, что в некоторой области проявлений субъекта последствия его действий предсказуемы (родители почти наверняка знают, что произойдет, если ребенок оступится, поднимаясь по лестнице и т.п.)[42]. Инерция того, что «кто-то знает», сохраняется на протяжении всей человеческой жизни, хотя интеллектуально (с позиции Взрослого, «умом») некоторые люди способны преодолеть такую иллюзию. Вот почему, если предположить, что представление о том, чего требует среда (образ должного), «ожидание» («чего ожидает субъект от внешнего мира в сложившейся ситуации» — Т. Таран), имеет своего субъекта, логично было бы соотнести того, «кто знает», с родительской фигурой, запечатленной в психике субъекта (заимствованный опыт того, кто воспитывал).

Итак, запросам Родителя (в дальнейшем — *Р*) мы можем поставить в соответствие символ *a*2 базовой модели выбора.

Интенции — Запросы Взрослого. Берновский Взрослый исповедует принцип реальности. Взрослому свойственна объективность, автономия, бытие «здесь и теперь». Способность Взрослого быть «здесь и теперь», конечно, не означает, что кругозор Взрослого ограничен сиюминутным. Наоборот, Взрослый — целеполагающее существо. Он помышляет о том, что будет «там и тогда» и, тестируя реальность, прогнозирует и проектирует будущее. Эго-состояние «Взрослый» характеризует центр самосознания личности, источник разумный воли.

[42] «Проявления Родителя — это своего рода воспоминания о Будущем. Действительно, воспитывающий взрослый в глазах интроецирующего его ребенка неотвратимым образом детерминирует его поведение, точно зная, что произойдет дальше. И то правда, что в детстве воспитывающие взрослые часто дальновиднее детей и вполне в силах заставить их действовать в соответствии со своими личными представлениями о желаемом и должном (образами «потребного будущего»). Когда взрослые хотят заставить детей сделать что-то, они высказываются в прошедшем времени, как бы взирая из будущего. Они говорят, например: «Так! (только Родитель знает, “как”)... Все встали... Сели... Раскрыли портфели... Взяли ручки...» (будто бы все это уже было когда-то). Педагог Михаил Щетинин напомнил мне фразу, которую, как он сказал, понимают все школьники, хотя она, конечно, совершенно абсурдна. Повторю слово в слово: «Тыча в ребенка пальцем, учитель — грозно: “Ты — почему?!” (и дети начинают лихорадочно оправдываться)». Сама эта фраза подчеркивает чисто Родительскую логику мировосприятия: “Все имеет свой смысл”; ребенок обязан заранее знать его и с ним считаться. Родитель олицетворяет аристотелевскую энтелехию, вживленную в психику ребенка и «продвигающую» его к заранее предопределенному и известному результату» (*Петровский В.А.* Метасловарь трансактного анализа // *Берн Э.* Трансактный анализ в психотерапии. М.: Академический проект, 2001).

Все сказанное о Взрослом и позволяет нам утверждать, *что запросам Взрослого* (в дальнейшем — В) в базовой модели выбора соответствует переменная *a*3, которая «описывает планы субъекта к выбору одной из альтернатив, т.е. его интенции или желания, которые он хотел бы осуществить в будущем».

Остается дать также трансактную интерпретацию булевой версии функции готовности субъекта к выбору («оценку действия на шкале норм»), $A1 = (a3 \rightarrow a2) \rightarrow a1$, и предложить психологическую трактовку «производных» элементов базовой модели выбора, таких как $\neg a2$, $\neg a3$, придавая им особый статус в построении поведения личности. Особое значение будет приписано знакосочетаниям $a3 \rightarrow a2$ и $a2 \rightarrow a1$ (обо всем этом далее).

Сопоставляя элементы *a*3, *a*2, *a*1, с одной стороны, и *Р*, *В*, *Д*, с другой, мы не можем обойти молчанием еще один важный аспект соотнесения базовой модели выбора и трансактной ее интерпретации. В предлагаемой трансактной версии запросы субъекта (запросы его Взрослого, Родителя, Дитя), логическим прототипом которых выступают для нас символы *a*3, *a*2, *a*1 базовой модели выбора, суть явления *одного и того же порядка* (в отличие от «интенций», «ожиданий» и «давления среды» исходной модели). Почему мы ставим ударение на этом? Если предположить, что явления, скрывающиеся за символами *a*3, *a*2, *a*1, были бы разноплановы (гетерогенны, разноосновны), то как, спрашивается, они могли бы вступать в конкурентные или коалиционные отношения друг с другом? Но именно эти отношения образуют смысл построения трансактной версии базовой модели выбора, ибо нас интересуют «выборы» человека в условиях столкновения интересов, присущих тем или иным «частям» его личности — «субъектам», из которых она «состоит». Тот факт, что эти запросы, как мы выясним далее, качественно своеобразны, что их роль в регуляции поведения неодинакова и что они принадлежат разным стратам сознания субъекта, вполне совместим с утверждением, что они идентичны в главном: быть вектором активности, исходящей из эго-состояний личности (от субъекта — вовне).

Остановимся теперь на характеристике рассмотренных эго-состояний, делая акцент на запросах, им свойственных; раскроем также возможное соответствие между всем комплексом элементов, фигурирующих в базовой модели выбора, и многообразием элементов трансактной модели описания личности.

Будем теперь продвигаться в нашем дальнейшем исследовании, на этот раз в обратном порядке: запросы Взрослого ($a3$), запросы Родителя ($a2$), запросы Дитя ($a1$). В чем специфика этих запросов? К чему стремится каждая из указанных «подсистем» субъекта активности?

Взрослый нацелен на эффективность; он развивает новые способности, преодолевает препятствия, выдвигает новые задачи, обогащающие его жизнь (ведущая мотивация Взрослого — «могу», «способен», «достигну», «научусь», «узнаю», «сделаю», а также — «это эффективно», «это полезно», «это целесообразно» и т.п.). Определяющий признак всех ценностей Взрослого — расширение *возможностей* жить, действовать, постигать, творить. Все это служит цели саморазвития и развития другого, других, в том числе и тех, кто «живет» внутри, — обогащения сферы «могу», «можешь». Каждая ценность, которую осваивает Взрослый, — это еще один инструмент его собственного бытия и бытия другого, новый источник опыта. В терминах, которые были использованы прежде в работах В.А. Петровского, посвященных проблеме активности субъекта [Петровский, 1996], сказанное можно было бы выразить так: определяющим признаком всех ценностей Взрослого является обретение субъектом новых возможностей *движения деятельности и общения*, выхода за пределы освоенного. Одна из задач Взрослого — гармонизация взаимоотношений между собой (эго-состояние «Взрослый») и другими инстанциями личности (эго-состояния «Родитель» и «Дитя»). Выдающуюся роль в этих процессах играет саморефлексия[43].

Итак, запросы Взрослого, вместе с негативными полюсами шкалы, можно обозначить в таких словах, как «есть нужда — нет нужды», «приемлемо — сомнительно», «возможно — проблематично», «необходимо — необязательно», «было бы разумно так сделать — можно обойтись без этого», «игра стоит свеч! — стоит ли браться?», «лучше

[43] «Всякий раз, когда отодвигаются рамки неявного, нерефлексируемого знания за счет рефлексии, неизбежно возникают новые неявные допущения, имплицитно присутствующие предпосылки» [Корнилова, Смирнов, 2006].

так, чем иначе — не будем спешить с выводами» и т.п. Когда мы спрашиваем у кого-то: «Да надо ли вам это?», мы обращаемся к запросам Взрослого. Точно так же, когда трансактный аналитик говорит клиенту: «Вы *действительно* этого хотите?»[44], он обращается к Взрослой части его личности. Иногда апелляция к Взрослому имеет характер вразумляющего напоминания: «Лучше быть здоровым и богатым, чем бедным и больным».

Родитель отслеживает притязания Дитя, осуществляет контроль над его нуждами, а также содействует их осуществлению. Выделяются две разновидности Родителя: Контролирующий Родитель и Опекающий Родитель (рис. 22).

Контролирующий Родитель стремится властвовать над другими. Определяющий признак всех его ценностей — *долженствование*, требование, чтобы кто-то *обладал* чем-то, *исполнял* что-то (наставления). Он требует, чтобы окружающие соответствовали его представлениям о должном; мотив — «долг», требование: «ты обязан быть таким, каким я хочу тебя видеть», «я заставлю тебя соответствовать этому!» (запрещено что-то иное)[45]. Таков позитивный полюс шкалы. Негативный полюс — это *разрешения* («позволено», «можешь» не делать этого, не иметь этого).

Запросам Контролирующего Родителя (в дальнейшем — *КР*) поставим в соответствие символ $a2$ базовой модели выбора, помня о том, что $a2$ в этом случае превосходит $a1$ ($a2 > a1$) или $a2$ несравнимо с $a1$ ($a2 \parallel a1$).

Опекающий Родитель стремится поддерживать других, он потворствует окружающим в осуществлении их нужд, исходит не столько из объективного интереса, сколько из субъективных потребностей тех, о ком заботится (мотив — «помогу», «научу», «сделаю для тебя», «поделюсь с тобой»). Определяющий признак всех ценностей Опекающего Родителя — обеспечение свобод и интересов других людей, *действование «во имя»* кого-либо. При этом Опекающему Родителю, если иметь в виду позитивный полюс его запросов, свойственна та же требовательность и настойчивость, что и Контролирующему Родите-

[44] Излюбленный вопрос Берна.

[45] Иногда это принимает завуалированные формы: бабушка — внучке: «Кушай курочку!» (а кормит рыбой). Вы спросите: почему именно «курочку»?! Потому что ребенок не любит рыбку, зато любит курочку.

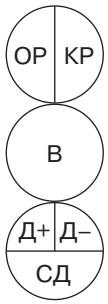


Рис. 22. Эго-структура личности

Источник: Схема Р. и М. Гулдинг [Гулдинг, Гулдинг, 1997].

лю: «ты *должен* делать то, что ты хочешь», «тебе *нужно* воспользоваться тем, что тебе поможет»; негативный полюс — те же *разрешения* («позволено», «можешь»), что и в случае Контролирующего Родителя.

Запросам Опекающего Родителя (сокращенно — *ОР*) поставим в соответствие элемент $a2$ базовой модели при условии, что $a2$ *меньше или равно* $a1$ ($a2 \le a1$). (Для простоты мы не вводим специальных символов, противопоставляющих Контролирующего и Опекающего Родителя.)

Авторитарный Родитель. Рассмотрим импликацию $B \rightarrow P$ (за ней, как мы помним, вырисовывается элемент базовой модели $a3 \rightarrow a2$). То, что мы получаем в результате расшифровки выводов из данного соотношения при варьировании запросов B и P, может быть описано в терминах *подтверждения или возгонки амбиций Родителя* (под влиянием Взрослого). Мы рассмотрим три возможных здесь случая, чтобы решить, какие предложения должен предъявлять Взрослый для того, чтобы сдерживать амбиции Контролирующего Родителя.

1. $B \le P$. Если запросы Взрослого соответствуют запросам Родителя, не превосходя их и не расходясь с ними, то Родитель, заручившись даже минимальной поддержкой Взрослого, чувствует неограниченный рост своей власти и проявляет предельную требовательность в отношении Естественного Дитя ($P = 1$). То же самое можно выразить и иначе: Взрослый, ни в чем не оспаривая права Родителя, дает тому, по сути, разрешение «быть строгим», т.е. требовать с Дитя, как говорят, «по полной программе» (вот почему, если говорить о социальных параллелях, в обществе всегда должны быть силы, оппонирующие властям).

2. $B > P$. Если предложения Взрослого превышают запросы Родителя, то последний, как правило, также повышает свои притязания. Выделяются два случая: а) $B \ne 1$: перед нами случай, когда запросы

Взрослого умеренны. Что происходит при этом? Из $B > P$ следует $B \rightarrow P > P$, т.е. амбиции Родителя при введении дополнительных стимулов со стороны Взрослого растут; б) $B = 1$: это случай, когда запросы Взрослого максимальны. Последствия здесь выявляются незамедлительно: поскольку Взрослый пытается занять здесь позицию абсолютного доминирования над Родителем, тому не остается ничего лучшего, как просто подтвердить свои притязания (т.е. если $B = 1$ и $B > P$, то $B \rightarrow P = P$).

3. $B \parallel P$. Запросы Взрослого не превосходят и не уступают запросам Родителя, или, как мы предпочитаем говорить, *расходятся* с запросами Родителя. В этом случае импликация $B \rightarrow P$ приводит к двум вариантов исходов: $\sup \{\neg B, P\} = P$; $\sup \{\neg B \vee P\} > P$. В первом случае амбиции Родителя сохраняются, во втором случае растут.

Теперь, если попытаться осмыслить динамику Родителя под влиянием Взрослого, то результат таких воздействий может быть обобщен в понятии *Авторитарный Родитель.* Он возникает как результат *выбора* между исходным уровнем родительских амбиций и «иррациональными» силами ($\neg B$), образующими альтернативу Взрослому, причем этот выбор никогда не снижает амбиций Родителя.

Дитя (иное обозначение — «Ребенок») — ранее сложившийся у индивида опыт переживания и поведения. Выделяется несколько разновидностей Дитя. Говоря о Дитя («просто» Дитя), до сих пор мы имели в виду то, что в трансактном анализе обозначается как Естественное Дитя. Именно с Естественным Дитя (*Д*) выше мы соотнесли элемент $a1$ базовой модели выбора. Охарактеризуем данное эго-состояние подробнее.

Естественное Дитя (*ЕД*) действует не вопреки и не в соответствии, а поверх (помимо) требований Родителя. Естественное Дитя так же, как и Взрослый, стремится к расширению своих владений, для него самое важное — обладание чем-то (мотив — «хочу, чтобы это у меня было», «я буду делать это, потому что меня притягивает сама возможность делать это»). Парадоксально, но «обладать» для Естественного Дитя — не значит «практически использовать». И в этом — резкое отличие от Взрослого. Для Естественного Дитя«ценностно» само наличие соответствующей ценности; Естественное Дитя — скорее игрок, чем прагматик, и когда оно обладает чем-то, то это обладание «не зачем»... Мир притягивает или отталкивает ребенка, пробуждает влечение или отторжение независимо от того, будет ли соответствующий

объект использован или нет: берновское Дитя не задумывается — не успевает задуматься — над этим.

Запросы Дитя — это просто «хочу — не хочу».

Наряду с Естественным Дитя мы определяем особый конструкт, имя которого присутствует в трансактном анализе, а содержание требует дополнительного уточнения. Мы говорим о «Свободном Ребенке». Соотношение Свободного Ребенка и Естественного Ребенка — если отталкиваться от анализа текстов Эрика Берна и его последователей — может рассматриваться как повод для дискуссий. Э. Берн относит к проявлениям Естественного Ребенка, наряду с «проявлениями творческого порыва», такие реакции, как «непослушание» и «бунт». Современные трансактные аналитики [Джойнс, Стюарт, 1996] в отдельных фрагментах своих текстов характеризуют «Свободного Ребенка» в точности так же, как Берн описывал свое «естественное Дитя»; но у тех же авторов в других фрагментах текстов протестующие реакции индивида рассматриваются как проявления Адаптированного Дитя («негативное адаптированное Дитя», «Бунтующее Дитя»). Мы предлагаем следующее понимание, проясняющее соотношение между Естественным и Свободным Дитя (а в дальнейшем и Адаптированным Дитя):

Свободное Дитя (*СД*) — оборотная сторона Родительских влияний, представленная *силами сопротивления* (в ответ на запросы Контролирующего Родителя) и *силами роста* (в ответ на запросы Опекающего Родителя). Брем (1956) вводит понятие *реактивного сопротивления* для того чтобы объяснить такие феномены, как привлекательность «запретного плода» и непривлекательность навязываемой альтернативы. В ряде экспериментов, посвященных феномену риска [Петровский, 1971], и других наших работах показано, что «сладок» — мы уже писали об этом в книге — даже булыжник, если его запретить. Словом, ограничения, накладываемые кем-либо извне на активность индивидуума, пробуждают силы, противодействующие ограничениям. С другой стороны, из консультативной и воспитательской практики известно, что недирективные формы общения с другим человеком, эмоциональная его поддержка («понимание и приятие» в терминах Карла Роджерса), обеспечивают поразительный рост его возможностей и притязаний — эффекты самораскрытия индивидуальности. Сказанное позволяет соотнести конструкт «Свободное Дитя» с выражением $\neg P$ ($= \neg a2$), различая силы «реактивного сопротивления»

(если Родитель квалифицируется как Контролирующий, $K > Д$ или $K \parallel Д$) и — «силы роста» (в случае Опекающего Родителя, $P \leq Д$). При описании Свободного Дитя будем использовать обозначение «*СД*». Теперь можно приступить к определению Адаптированного Дитя.

Адаптированное Дитя (*АД*). Характеризуя приспособившееся (адаптированное) Дитя, Э. Берн пишет, что «влияние Родителя выступает как причина, а приспособившееся Дитя — как следствие». Ситуацию «Родительского влияния на Дитя» и ее результат в виде устремлений «Адаптированного Дитя» логично отождествить с равенством:

$$P \rightarrow ЕД = \sup\{\neg P, ЕД\} = \sup\{СД, ЕД\} \sim АД$$

(левая часть этого равенства — «посылка», «причина» — символизирует ситуацию Родительского влияния, а правая часть — «результат», «следствие» — то, чем в конечном счете является «Адаптированный Ребенок»).

Далее могут быть выделены следующие разновидности Адаптированного Дитя: Негативное Адаптированное Дитя — как результат влияния Контролирующего Родителя, и Позитивное Адаптированное Дитя — как результат влияния Опекающего Родителя (рис. 22).

Позитивное Адаптированное Дитя ($АД_+$) — это результат того, что Родитель *культивирует* Естественное Дитя (Родитель исходит из интересов Дитя) и, таким образом, получается, что Позитивное Адаптированное Дитя есть существо «идеальное», $P \rightarrow ЕД = I$. Нам кажется необходимым прокомментировать это психологически неочевидное следствие из принятой формальной модели. Когда родители говорят о своем чаде: «Он (она) *идеально* слушается, ну просто “подарочный” ребенок» и т.п., это означает только одно: не ребенок подлаживает свои запросы под родителей, а родители «пристраиваются» к интересам ребенка. «$P \leq Д$» означает, что взрослые, когда они воспитывают ребенка, предлагают лишь то, чего, по сути, хочет ребенок, и не требуют того, чего он не хочет сам; в этих условиях раскрываются «силы роста» личности.

Негативное Адаптированное Дитя ($АД_-$) может заявлять о себе *пассивным* и *активным сопротивлением* Контролирующему Родителю. Мы называем «пассивным сопротивлением» такую реакцию Естественного Дитя на Контролирующего Родителя, при который первый сохраняет свои запросы неизменными, $Д_- = ЕД$; отличительная черта

«активного сопротивления» — это расширение интересов Естественного Дитя в ответ на регламентирующие воздействия Контролирующего Родителя, $АД\_ > ЕД$.

Существуют две ситуации, в которых обнаруживается пассивное сопротивление Естественного Дитя. В случае, когда Контролирующий Родитель предъявляет «совершенные требования», $КР = I$, Естественное Дитя лишь подтверждает свои прежние устремления, сопротивляясь давлению: $СД \vee ЕД = \neg КР \vee ЕД = 0 \vee ЕД = ЕД$. Другой случай — полярная противоположность запросов Родителя и Естественного Дитя, $КР = \neg ЕД$. Эти ситуации — источник многих берновских «игр» (например, «Я всего только пытался Вам помочь» и «ответных» «игр», таких как «Да, но...», «Неимущий», «Калека», «Дурачок»). Последний из рассмотренных случаев (поляризация запросов Родителя и Дитя) поясняет феномен удивительного упрямства, свойственного мужьям, которых «перевоспитывают» их жены, и специфической логики, обнаруживаемой женами, когда их пытаются «переделать» мужья.

Во всех других ситуациях Естественное Дитя активно сопротивляется распоряжениям Контролирующего Родителя. Вот почему есть смысл принимать во внимание следующее предостережение: если, общаясь с кем-либо, мы не хотим спровоцировать бунт, не стоит усиливать давление на собеседника (усиливая Родителя, мы лишь раззадориваем Дитя).

Наконец, заметим, что в нашей модели Естественное Дитя никогда не мимикрирует под Контролирующего Родителя, «адаптация» не означает механического копирования интересов последнего. Иначе говоря, Адаптированное Дитя представляет собой особую инстанцию личности, в которой синтезированы интересы Естественного и Свободного Дитя (своего рода альтернативы «высочайшим распоряжениям» Родителя).

Следующий конструкт, на который наталкивает нас работа с базовой моделью выбора, описывает Взрослого и позволяет нам охарактеризовать интегральный запрос субъекта как результат композиции запросов Взрослого, Родителя и Дитя.

Раскрепощенный Взрослый (*РВ*). Возможность и желательность введения этого нового (для трансактного анализа) конструкта обусловлена формальными возможностями базовой модели выбора. Когда автор булевой версии выбора Т. Таран в ходе своей формальной

работы использует выражение «$a3 \,\&\, \neg a2$», она, по сути, подсказывает психологу необходимость содержательно осмыслить это знакосочетание. У «Раскрепощенного Взрослого» развязаны руки. Всмотримся в выражение «$a1 \,\&\, \neg a2$». Перед нами то, что может быть названо *союзом Взрослого и Свободного Ребенком* (*при* $a2 > a1$ или $a2 \parallel a1$ *согласовываются запросы Взрослого и силы сопротивления Ребенка; при* $a2 \le a1$ *согласовываются запросы Взрослого и силы роста Ребенка*). Речь, по сути, идет о субъекте «надситуативной активности» [Петровский, Кузьмина, 1988].

Понятие «Раскрепощенный Взрослый» (рожденное в ходе, казалось бы, чисто технической работы по выведению значимых следствий из формальной модели) приобретает совершенно особый статус в рамках трансактной версии. Оно позволяет, в конечном счете, ответить на фундаментальный вопрос: что *психологически* представляет собой «функция готовности субъекта к выбору», символизируемая выражением «$A1 = (a3 \to a2) \to a1$»?

Тождественно преобразуя $(a3 \to a2) \to a1$ в $(a3 \,\&\, \neg a2) \vee a1$, мы можем интерпретировать $A1$ как *совместный запрос Раскрепощенного Взрослого и Естественного Дитя*.

Содержательное осмысление символа $A1$ приводит нас, таким образом, к идее целостного запроса личности, что может быть выражено формулой

$$Л = (В \to Р) \to Д = РВ \vee ЕД$$

(где $Л$ символизирует «личность»)

Проблема действенности запросов субъекта. Все ранее сказанное представляет собой первую попытку перевести символы базисной модели выбора Т. Таран ($a1$, $a2$, $a3$, $\neg a2$, $\neg a3$, $a3 \to a2$, $a2 \to a3$) на трансактный язык и осветить непосредственные результаты подобной интерпретации.

Теперь, опираясь на опыт предпринятого Т.А. Таран исследования базисной модели выбора, выявим значимые последствия ее трансактного осмысления для понимания личности и содействия ее росту.

Приведем некий пример-метафору, иллюстрирующий способ возможного использования трансактной версии базовой модели выбора[46].

[46] Пример из нашего доклада на Всероссийской конференции «Психология и ее приложения» (М.: 2002. Январь-февраль.).

Обед из трех блюд. Что предпочтет чадо? Представим обычную ситуацию: обеденный стол, маму, бабушку и ребенка. «Меню» включает в себя три блюда. Выбор блюд из имеющихся символизируем вектором (x, y, z). Если первое блюдо выбрано, будем считать, что $x = 1$, а если отвергнуто, $x = 0$; так же описывается выбор или отказ, касающийся второго (y) и третьего (z) блюда.

Положим, что мама (разумное начало в семье) собирается накормить ребенка первым и вторым блюдом; бабушка догматически полагает, что ребенок должен съесть все, что стоит на столе; ребенок предпочитает всему только сладкое. К чему приведет общесемейная «дискуссия»?

Будем считать, что позиции мамы соответствует символ *B* трансактной версии базовой модели выбора, позиции бабушки — символ *P*, позиции ребенка — символ *Д*. Перейдем к оценке исхода взаимодействиями между героями семейной сцены:

$$((1, 1, 0) \rightarrow (1, 1, 1)) \rightarrow (0, 0, 1) = (0, 0, 0) \vee (0, 0, 1) = (0, 0, 1).$$

Это значит, что ребенок сможет настоять на своем (откажется от первого и второго и съест третье).

Однако, если бабушка отступит, мама *сможет* справиться с ситуацией:

$$((1, 1, 0) \rightarrow (0, 0, 0) \rightarrow (0, 0, 1) = (1, 1, 0) \vee (1, 1, 1) = (1, 1, 1).$$

Нечто подобное «разыгрывается» в душе взрослого человека, когда он принимает решение. Взрослый убеждает, Родитель требует, Дитя сопротивляется и настаивает на своем. Взрослому и Родителю лишь в том случае удастся «переломить» ситуацию, если они займут разумную позицию по отношению к Дитя: положим, Взрослый выступит с инициативами, доминирующими над распоряжениями Родителя, а Родитель либо поддержит интересы Дитя, либо «стушуется», подобно бабушке в приведенном примере[47]. Ведь только в этом случае, как явствует из модели, некто съест три блюда из трех, хотя Дитя помышлял только о сладком.

Все такие конфликты первоначально разыгрываются «вовне» — между ребенком и окружающими его людьми, но потом они погружаются во внутреннее пространство его личности, превращаются в

[47] По аналогии с не рассмотренным здесь случаем выбора бабушкой (= Опекающий Родитель) в точности того же, что выбирает ребенок, а именно (0, 0, 1).

конфликт между «субъектными» ипостасями его «Я», — в конфликт между эго-состояниями «Взрослый», «Родитель», «Дитя». Положим, человек влюблен: проявлять или сдерживать свои чувства? Или молодой человек выбирает профессию: следовать совету старших или идти за детской мечтой? Или, наконец, как совместить две, казалось бы, несовместимые потребности: «быть лучше всех» и чтобы при этом «тебя любили» (Карен Хорни). На каждый такой вопрос Взрослая «часть» личности может ответить совершенно иначе, чем Детская и Родительская ее «части». Архаичные, заимствованные и обусловленные текущим опытом реакции, сталкиваясь, формируют поле «конфликтных смыслов» [Столин, 1983] побуждают личность находить интегральный ответ на парциальные запросы субъектов, «сосуществующих» в ней. О том же — пословица, возникшая в советские времена: «Если нельзя (голос Родителя), но очень хочется (голос Дитя), то немножко можно (голос Взрослого, который, в конечном счете, добивается своего)».

Предлагаемая трансактная версия базовой модели Т. Таран позволит, на наш взгляд, предвосхитить ответ на ряд вопросов, которые мы рассмотрим подробнее.

При каком условии Взрослый «добивается своего»? Или, если формулировать этот вопрос в классических терминах, *в каком случае выборы Взрослого оказываются реалистическими?*

Фундаментальное положение, вытекающее из базовой модели рефлексивного выбора, заключается в том, что «субъект имеет возможности сделать реалистический выбор, если его интенции лежат между реальным давлением мира и выбором примитивного субъекта: $a1 \le a3 \le a2 \rightarrow a1$» [Таран, 2000; 2001].

В трансактной версии базовой модели выбора это положение может быть «расшифровано» так: Взрослый только тогда реализует свои собственные запросы, когда они не превышают запросы Адаптированного Дитя и не уступают запросам Естественного Дитя — $ЕД \le B \le АД$.

Для трансактного аналитика этот результат задает важный ориентир в работе с консультируемыми. Императив, вытекающий из этого положения, мог бы прозвучать для консультируемого так: «Никогда не вступайте в борьбу со своими естественными склонностями, но не притязайте на то, что превосходит ваши представления о допустимом, и тогда вы обязательно добьетесь своего».

Проблема реалистичности интенций приобретает более широкий смысл, когда мы вводим понятие *действенности запросов*. Речь идет о реализуемости (реалистичности) запросов каждого из эго-состояний личности. Все последующие вопросы, которые мы обсуждаем в данном разделе, посвящены именно этой проблеме — действенности устремлений каждой из интересующих нас частей личности человека (Взрослого, Родителя, Дитя).

Способен ли Родитель противостоять Взрослому и Дитя, если они имеют одинаковые запросы («сговорились»)?

Другая формулировка того же вопроса: если запросы Взрослого и Дитя совпадают, что можно сказать тогда о реалистичности устремлений Взрослого и, соответственно, действенности чаяний Дитя?

Имеем $(Д \rightarrow Р) \rightarrow Д = (Д \,\&\, \neg Р) \vee Д = Д$ (согласно «правилу поглощения» [Биркгоф, 1984]. Итак, в случае совпадения запросов Взрослого и Дитя они оба добиваются своего совершенно независимо от запросов Родителя. По сути, союз Взрослого и Дитя лишает Родителя права голоса. (Чисто психологически впечатление того, что Родитель исключен из игры, усиливается, если вспомнить, что $\neg Р$ (Родитель «наоборот») — это Свободное Дитя и что, следовательно, выражение $Д \,\&\, \neg Р$ означает то же, что и выражение *ЕД & СД*: пересечение запросов Естественного Дитя и Свободного Дитя). Итак, достаточно захотеть того, чего хочет ваше внутреннее Дитя, и вы всегда добьетесь своего, что бы ни думал по этому поводу и как бы ни критиковал вас при этом внутренний Родитель! Любопытно, что Родителю может мниться при этом, что он действенно противостоит Дитя ($Р \parallel Д$) или преодолевает Дитя ($Р > Д$), но Дитя, объединившийся со Взрослым, все равно «берет свое». Принцип самоактулизации Абрахама Маслоу о том же: прислушивайтесь к себе! И «осознание» Фредерика Перлса — о том же. И «понимание-приятие» Карла Роджерса свидетельствуют о том же самом. Но, несмотря на все эти суждения и факты, идея достаточности сепаратного договора между внутренним Взрослым и внутренним Дитя для реализации их общего интереса все же неочевидна: Взрослый, вместо того чтобы прислушиваться к Дитя, зачастую объединяется с Родителем против Дитя, проигрывает при этом сам и подводит Дитя.

Вывод: не надо «ломиться в открытую дверь»; достаточно просто войти.

Каковы запросы Родителя в случае, если Взрослый и Дитя добиваются одного и того же?

Ответ: «это любые запросы!»

Действительно, если известно, что Взрослый и Дитя «добиваются» своего ($А1 = В = Д$), то из формальных соображений следует, что Родитель может быть «каким угодно»: если $(В \rightarrow Р) \rightarrow Д = В = Д$, то левая часть равенства замещается выражением $(Д \rightarrow Р) \rightarrow Д$, а оно, в свою очередь, есть $(Д \,\&\, \neg Р) \vee Д = Д$ при любом $Р$.

Увы, Родителю не остается здесь ничего лучшего, чем говорить: «Да уж!..» и раздувать щеки...

При каких условиях выбор субъекта совпадает с запросами его Родителя?

Речь идет о выполнимости условия:

$$(В \rightarrow Р) \rightarrow Д = Р$$

Из результатов формального анализа, проведенного Т. Таран на базовой модели выбора, следует, что это возможно, когда $В \leq Д$, и $Д = Р$. Словом, если субъект делает то, чего хочет его Родительская часть, то это значит, что его Взрослые запросы не превышают Родительские, а Родительские — совпадают с запросами Дитя. Кратко это можно выразить и так: Взрослый здесь скромнее Родителя, а тот к тому же «договорился» с Дитя (только в этом случае Родитель оказывается действенным).

Из этого, в частности, вытекает практическая рекомендация для психотерапевта: если необходимо дезавуировать решения Родителя пациента, нужно или усилить его Взрослого (пусть он превзойдет Родителя или разойдется с ним в своих притязаниях), или разбить союз Родитель-Дитя, или, наконец, сделать и то, и другое одновременно.

Если Взрослый и Родитель заодно, то каким должно быть Дитя, чтобы как первый, так и второй (*а, может быть, и три «части» личности одновременно*) *добились желаемого?*

Ответ напрашивается самой собой: если $В = Р$, то $(В \rightarrow Р) \rightarrow Д = (В \rightarrow В) \rightarrow Д = И \rightarrow Д = Д$, и из сделанного допущения $А1 = В = Р$, следует, что $Д = В = Р$.

Итак, во-первых (это мы отметим попутно), равенство запросов Взрослого и Дитя порождает готовность субъекта обнаруживать интересы Дитя («Родители и Взрослые! Объединяйтесь! Если, конечно, хотите, чтобы Дитя добилось своих собственных целей»). Во-вторых,

если при равенстве запросов Взрослого и Родителя они претендуют на то, чтобы в итоге добиться желаемого, то это будет возможно лишь в случае совпадения их запросов с тем, к чему стремится Дитя («Хотите добиться желаемого? Узнайте, к чему стремится Дитя, и следуйте за ним!»).

Условия наилучшего и наихудшего из выборов. Будем называть *наилучшим* (*«совершенным»*) такой выбор, которому соответствует наиболее развитый запрос на булевой решетке запросов — Единица ($A1 = I$), и *наихудшим* (*«пустым»*) — наименее развитый запрос, которому соответствует Ноль решетки ($A1 = 0$).

А. *Если Дитя субъекта осуществляет наилучший выбор, то можно ли рассчитывать, что такова будет воля субъекта в целом?*

Ответ: не только «можно рассчитывать», но иного и быть не может: $(B \to P) \to I = I$ (так как любое значение $B \to P \leq I$).

Этот вывод обыденному сознанию может показаться натяжкой или, в лучшем случае, вызвать снисходительно-скептическую улыбку. Но в практике психологического консультирования данное утверждение получает существенную поддержку[48].

При анализе базовой модели Т. Таран отмечает то обстоятельство, что «$(a3 \to a2) \to a1 = I$ тогда и только тогда, когда $a3 \to a2 \leq a1$». При трансактном осмыслении этого неравенства, мы должны сделать вывод о том, что субъект осуществляет наилучший выбор тогда и только тогда, когда Авторитарный Родитель («$B \to P$») не «превосходит» Дитя, т.е. когда иррациональные силы судьбы ($\neg B$) при объединении с запросами Родителя не перевешивают запросы Дитя, $B \to P = \neg B \vee P \leq Д$.

Важные следствия: если Авторитарный Родитель превосходит («подавляет») Дитя, т.е. если $B \to P > Д$, то ничем не оправданы ожидания, будто субъект сможет «стать идеальным» (в этих условиях

[48] В трансактном анализе при заключении «контракта на изменение клиента» терапевт принимает для себя следующие правила: «Цель контракта должна исходить из Взрослого при сотрудничестве Свободного Ребенка. Другими словами, она должна соответствовать нашему пониманию ситуации и способности взрослого человека и помогать удовлетворять потребности Ребенка (клиента), а не отрицать их. Контракт, заключенный из Адаптивного Ребенка, будет почти во всех случаях способствовать усилению сценария. Поэтому контрактов из Адаптивного Ребенка следует избегать» [Берн, 2001, с. 281]. Кроме того, необходимо задаться вопросом: «Понятна ли сформулированная вами цель восьмилетнему ребенку?» [Там же].

$A1 \neq 1$); более того, в этом случае Авторитарный Родитель провоцирует субъекта вести себя совершенно «по-детски» (хотя и пытается навязать Дитя нечто более респектабельное).

Б. *При каких условиях субъект способен выбрать наихудшую альтернативу?*

1. Если Естественное Дитя склоняется к наихудшему выбору, $Д = 0$, а Родитель навязывает ему наилучший выбор, $P = I$, то субъект всегда ведет себя «как Дитя», т.е. делает наихудший выбор. Следовательно, для того чтобы спровоцировать человека, которому «ничего неохота» (пассивное Дитя), так-таки ничего хорошего для себя и не сделал, нужно, чтобы Родитель его «был безупречен». Таков, надо думать, исток знаменитой игры «Почему бы вам не?... — Да, но...», описанной Эриком Берном (но только проигрываемой индивидом с самим собой), а также неизбежно негативного исхода в борьбе «собаки сверху» и «собаки снизу», на что обратил внимание Фредерик Перлз (активная «собака сверху», живущая в человеке, не может победить пассивную «собаку снизу»)[49].

2. Только что рассмотренный результат является частным проявлением более общего случая, когда Авторитарный Родитель принимает свои запросы за наилучшие, т.е. когда $B \to P = I$, а Дитя исходит из наихудших запросов, $Д = 0$. Действительно, в такой ситуации «иррациональное» ($\neg B$) объединяется с «заимствованным» (P), и все это предъявляется Дитя как некий идеал; а поскольку Дитя абсолютно пассивно, то это приводит лишь к «ничегонеделанию», дезадаптации, игнорированию возможностей нового опыта (само собой разумеется, такое случается, когда $B < P$).

Вывод из этого: субъект будет предпочитать наихудшую альтернативу (будет действовать дезадаптивно, пассивно и т.п.) в полном соответствии с запросами его непритязательного Дитя ($A1 = Д = 0$), если запросы его Взрослого скромнее запросов его Родителя ($B < P$).

[49] «Собака сверху обычно правильная и авторитарная; она знает, что для нее лучше. Она не всегда права, но она всегда правильная. Собака сверху говорит: “Ты должен” и “Ты не должен”... Собака снизу использует защитное поведение, извинения, играет в плаксу и тому подобное. У собаки снизу нет власти. Собака снизу — Микки Маус. Собака сверху — Супер Маус. ... Этот внутренний конфликт, борьба между собакой сверху и собакой снизу никогда не прекращается...» [Перлс, 2003, с. 20–21]. Трансактный анализ предлагает список директив, приводящих к «тирании долженствования»: «будь лучшим», «будь сильным», «радуй других», «старайся», «торопись»» и т.п.

Словом, нужно «развивать своего Взрослого», если хочешь вырваться из болота апатии[50].

Перспективы разработки трансактной модели рефлексивного выбора. Можно предположить, что Взрослый, Родитель и Дитя способны враждовать, сотрудничать, и даже подражать один другому. В этом случае перед нами противники или партнеры, вступающие в отношения взаиморефлексии и управления друг другом. Соответственно, выделяются до-рефлексивное (исходное) и пост-рефлексивное состояние субъекта. Имитации, конфронтации, компромиссы и обострения во взаимоотношениях между эго-состояниями личности составляют суть перехода из до-рефлексивного в пост-рефлексивное состояние.

Приведем лишь одну иллюстрацию. Мы уже отмечали выше, что Естественное Дитя никогда не мимикрирует под Контролирующего Родителя. Однако есть совершенно особый случай, когда Контролирующий Родитель, как показывают наши расчеты, исподволь все же способен «добиться своего» от Естественного Дитя. Это зависит от того, готов ли Взрослый действовать в интересах Контролирующего Родителя (как бы беря их на себя), а также от характера и соотношения запросов Опекающего Родителя и Естественного Дитя. Рассмотрим как раз такую ситуацию.

Пусть $P = (0, 0, 0, 0)$; $ЕД = (0, 0, 0, 0)$. Исходя из принятых ранее определений, перед нами «Опекающий Родитель», так как в данном случае $P \le ЕД$. Поскольку Контролирующий Родитель всегда связан с Опекающим Родителем соотношением $КР = \neg ОР$ (это легко проверить), запросы $КР$ могут быть описаны как вектор (1, 1, 1, 1).

Положим, Взрослый, *осуществляя рефлексию эго-состояний Родителя и Дитя,* принимает на себя функцию Контролирующего Родителя (отметим, что применение оператора «¬» к $ОР$ могло бы означать, что осуществляется переход от актуализированных эго-состояний к латентным; в данном случае речь идет о переходе к латентному эго-состоянию «Контролирующий Родитель»). Итак, речь сейчас идет о том, что

$$В = КР = \neg ОР$$

[50] Один психотерапевт высказался замечательно: «Не надо силой клиента тащить из болота. А вдруг там его дом?!»

И, таким образом, базовую формулу $(В \to Р) \to Д$ мы можем переписать как $(\neg ОР \to ОР) \to ЕД$. Переходя к числовым значениям, имеем:

$$((1,1,1,1) \to (0,0,0,0)) \to (0,0,0,0) = (0,0,0,0) \to (0,0,0,0) = (1,1,1,1).$$

Словом, когда Естественное Дитя и Опекающий Родитель одинаково пассивны, то Контролирующий Родитель может достичь своих целей, если он безупречен[51], $P = (1,1,1,1,...)$, и вносит свои предложения от имени Взрослого (то же можно выразить и иначе: Взрослый здесь берется контролировать ситуацию, замещая собой Контролирующего Родителя).

Точно так же можно рассмотреть ситуации, в которых:

- Дитя копирует запросы Взрослого ($Д = В$)[52] или Родителя ($Д = Р$), либо конфронтирует с Взрослым ($Д = \neg В$) или Родителем ($Д = \neg Р$);
- Родитель копирует запросы Взрослого ($Р = В$) или Дитя ($Р = Д$), либо конфронтирует со Взрослым ($Р = \neg В$) или Дитя ($Р = \neg Д$);
- аналогичные превращения осуществляет Взрослый, либо заимствуя интересы Родителя или Дитя, либо действуя от противного;
- каждое из эго-состояний может исходить из объединенных запросов собственного и других эго-состояний, либо подтверждая наличные запросы, им свойственные (процедура приравнивания «=»), либо «переворачивая» их (процедура инверсии «¬»). Формально объединение осуществляется на основе установления точной верхней грани для сочетания элементов $В$, $Р$, $Д$, $\neg В$, $\neg Р$, $\neg Д$;
- представляет интерес также исследование условий рефлексивного обострения внутриличностных конфликтов, когда каждое или некоторые из эго-состояний стремятся к минимизации общности запросов, свойственных эго-состояниям (вычисление точной нижней грани для сочетания элементов $В$, $Р$ и $Д$).

В заключение введем некоторые меры, описывающие нормативность эго-состояний «Взрослый», «Родитель», «Дитя». Для этого вво-

[51] Школьные учителя и юристы по шкале искренности (L) MMPI демонстрируют низкий уровень лжи и при этом не лгут.

[52] Что в этом случае будет представлять собой готовность выбора, $А1$, мы уже знаем: она будет совпадать с запросами Взрослого и Ребенка, независимо от того, каковы притязания Родителя.

дится символ K (культурная норма) и образуются следующие импликации:

- *Адекватность Взрослого:* $K \rightarrow B$;
- *Авторитарность Родителя:* $K \rightarrow (B \rightarrow P)$;
- *Адаптированность Дитя:* $K \rightarrow (P \rightarrow Д)$;
- *Общая Нормативность Субъекта:* $K \rightarrow ((B \rightarrow P) \rightarrow Д)$.

Если $K = \boldsymbol{I}$, то первые три значения совпадают с запросами, соответственно, Взрослого, Авторитарного Родителя и Адаптированного Дитя, а четвертое — общая нормативность субъекта — соответствует *функции готовности субъекта к выбору на булевой решетке норм.*

Но если культурные нормы изменяются, т.е. K трансформируется в некое K^*, то характеристики адекватности, авторитарности, адаптированности и общей нормативности могут принимать другие значения при неизменности исходных запросов субъекта. В частности, все эти характеристики**,** принимают значение $\boldsymbol{I}$ **(**превращаются в абсолют) при *инверсии* культурной нормы — при «общем падении нравов» (т.е. когда $K^* = \neg\boldsymbol{I} = 0$). Прослеживая последовательность рефлексивных подстановок, «перевертышей», коалиций и конфронтаций во взаимоотношениях между элементами B, P и $Д$, мы проясняем *логику* построения и функционирования «Интегрированного Взрослого» [Берн, 2001] — центрального образования человеческой личности, понятие о котором, в силу, казалось бы, его непобедимой неопределенности и расплывчатости образует особую проблему психологической теории.

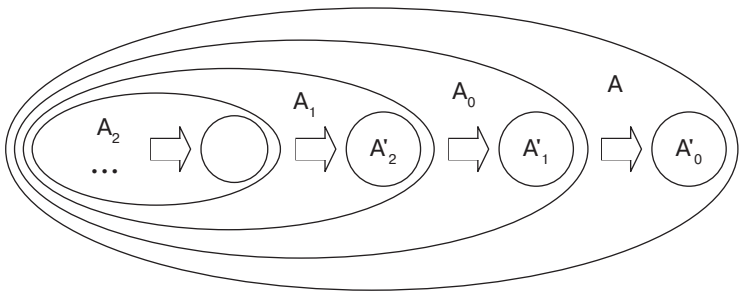
6.2. Импульсная модель экзистенциального выбора

Проблема выбора, являющаяся ключевой в человеческой деятельности, есть также одна из главных задач в системах поддержки принятия решений. Существует много формальных методов, решающих проблему выбора между несколькими альтернативами (это методы теории оптимальных решений, теории игр, исследования операций и проч.). В системах поддержки принятия решений, однако, важен субъективный фактор, учет психологических особенностей человека, его опыта, интуиции, ожиданий, мотивации. Строгие методы не учитывают этих особенностей. Попытки учитывать субъективные знания и предпочтения, а также психологические особенности личности предпринимаются в рамках искусственного интеллекта.

При исследовании рефлексивных процессов вводятся математические модели, описывающие выбор между двумя [Лефевр, 2000] и несколькими альтернативами [Таран, 2000], учитывающие личностные характеристики субъекта. В данной работе рассматривается проблема экзистенциального выбора — выбора в условиях неопределенности. Экзистенциальные выборы, совершаемые человеком, в отличие от «бытовых», «обыденных», характеризуются свободой, ответственностью, непредрешенностью своих исходов. В работе предлагается математическая модель экзистенциального выбора, которая представляет собой развитие предложенной ранее трансактной модели рефлексивного выбора [Петровский, 2001*а*; 2001*б*; Петровский, Таран, 2002; Митина, Петровский, 2004], основанной на математической модели в условиях биполярного выбора В. Лефевра [2000] и ее многозначной булевой версии, разработанной Т. Таран [2000]. Моделируя экзистенциальные выборы, мы стремимся описать, объяснить и предсказать поведение человека в ситуации жизненной неопределенности.

Структурно-функциональная модель личности. Введем символ A, обозначающий «личность». Будем исходить из того, что личность — это субъект деятельности в окружающем его мире: $A = A_0 \Rightarrow A'_0$, где A_0 — «субъект деятельности», A'_0 — «окружающий мир», а стрелка «$\Rightarrow$» символизирует направленность интересов субъекта. При описании внутреннего строения личности мы вводим более общую схему: $A_i \Rightarrow A'_i$, где A_i («агент») — символ активного существа, наделенного запросами и ресурсами, A'_i («контрагент») — источник ресурсов, в которых заинтересован агент, а стрелка «$\Rightarrow$» указывает, что агент A_i заинтересован в получении некоторого ресурса N от своего контрагента A'_i. Будем говорить также, что A_i здесь выступает в союзе (или сочетании) с A'_i. Предполагается также, что A_i, в свою очередь, есть некоторый агент A_{i+1} в союзе с контрагентом A'_{i+1}: $A_i = A_{i+1} \Rightarrow A'_{i+1}$, и т.д. A_{i+1} и A'_{i+1} будем называть подсистемами, *образующими* систему A_i. В итоге появляется ряд все более детализированных описаний личности, характеризующих ее *структуру* (рис. 23):

1) $A = A_0 \Rightarrow A'_0$, где A — личность; A_0 — субъект деятельности; A'_0 — окружающий мир («условия деятельности», «воздействие среды», «стимулы среды», «средства к существованию», «блага», «предметы потребностей» и т.д.);



A — личность
A_0 — субъект деятельности
A_1 — субъект сознания
A_2 — субъект знания о себе
A'_0 — окружающее
A'_1 — субъект установки
A'_2 — субъект знания

Рис. 23. Структурно-функциональная модель личности
Источник: [Петровский, 2002*а*].

2) $A_0 = A_1 \Rightarrow A'_1$, где A_0 — субъект деятельности; примем, что A_1 — это «субъект сознания»; A'_1 — «субъект интуиции». Субъект деятельности, таким образом, объединяет в себе рациональное и интуитивное начала, причем первое здесь как бы опирается на второе (нуждается во втором). A'_0 может быть понято также как «субъект установки» — неосознаваемой готовности определенным образом воспринимать окружающую среду и действовать в ней;

3) $A_1 = A_2 \Rightarrow A'_2$, где A_1 — субъект сознания; будем считать, что A_2 — это «субъект самосознания» (субъект знания о себе, о своих подлинных потребностях и возможностях), в то время как A'_2 — «субъект представлений об окружающем мире». Субъект сознания, таким образом, есть единство того, что знает личность о себе самой, и того, что знает она о своем окружения. Иначе говоря, субъект сознания заключает в себе «со-знание» (оно может быть как адекватно, так и неадекватно реальности).

Итак, мы приходим к общему выражению, описывающую личность:

$$A = ((A_2 \Rightarrow A'_2) \Rightarrow A'_1) \Rightarrow A'_0.$$

Перед нами структурная модель личности. В функциональном плане, как видим, есть различие между некоторыми «частями» личности: элементы A_2, $A_2 \Rightarrow A'_2$, $((A_2 \Rightarrow A'_2) \Rightarrow A'_1$ формируют запросы (являются *заказчиками*), а элементы A'_0; A'_1; A'_2 обеспечивают поступления ресурса (*поставщики*).

Будем считать, что n_i — это запрос, который агент A_i предъявляет контрагенту A'_i; r_i — ресурс, предъявляемый контрагентом A'_i агенту A_i ($0 \le i \le 2$). Мы предполагаем также, что помимо ресурсов, которые могут быть предоставлены контрагентом A'_i, в его распоряжении находятся внутренние ресурсы $\uparrow r_i$. Неявно речь идет при этом о запросах агента к себе самому, которые удовлетворяются на основе имеющихся ресурсов.

Необходимо отметить также, что каждый запрос n_i и каждый ресурс r_i в «импульсной модели» представлены множеством (мы бы сказали, «веером») конкретных численных значений; мы их называем *уровнем* запроса и *уровнем* ресурса. Среди всех этих значений-уровней в данной ситуации j актуализированы (воплощены) какие-то конкретные, выражаемые числом, значения — мы называем их «наличными» значениями, в отличие от «возможных» значений запросов и ресурсов, и обозначаем их n^j_i и r^j_i — такие значения-уровни мы называем также *сопутствующими друг другу*. Имея в виду сопутствующие друг другу уровни проявления запросов и ресурсов, мы будем опускать верхний индекс t, записывая просто n_i и r_i. Принимается, что эти наличные численные значения-уровни варьируют в диапазоне [0, 1].

Вводится также важное понятие «состоятельности» (w_i). На уровне интуиции чья-либо состоятельность — это успешность в продвижении к цели, общий объем того, что актуально доступно. Состоятельность двойственна: она объединяет в себе достигнутое и достигаемое, реальное и идеальное, наличное и возможное, актив и активность. Это — не просто возможности (они могут быть «скрытыми», «потенциальными»), это *актуализированные* возможности достижения цели (они включают в себя и то, что есть, и то, что в данной ситуации открывается как возможность, *превращающаяся* в действительность). Речь при этом может идти о состоятельности заказчика во взаимоотношениях с посредником, о состоятельности заказчика *и* посредника (как единого целого) во взаимоотношениях с поставщиком, о состоятельности их всех вместе взятых во взаимоотношениях с источником ресурса. Строго говоря, состоятельность (w_i) агента A_i есть *реализуемость* всех его запросов посредством ресурсов, которыми он располагает сам и получает от контрагента A'_i. Представляется

разумным принять за 1 совокупный ресурс, на использование которого рассчитывает агент. Формулируется следующий постулат.

Постулат 1 (взаимодополнительности имеющихся ресурсов и предъявляемых запросов)*:* $n_i + \uparrow r_i = 1$.

Подразумевается, что агент в данный момент предъявляет запрос контрагенту, для того чтобы пополнить свои собственные ресурсы.

Постулат 2 (*соответствия амбиций и достижений*)*:* $n_i = w_{i+1}$ ($i = 0, 1$).

Таким образом, принимается, что уровень внешнего запроса системы в данный момент равен уровню состоятельности образующих ее подсистем: запрос n_0, предъявляемый агентом A_0 ($= A_1 \Rightarrow A'_1$) к контрагенту A'_0, равен состоятельности w_1 агента A_1 в союзе с контрагентом A'_1, а запрос n_1 агента A_1 ($(= A_2 \Rightarrow A'_2)$ к A'_1 равен ресурсу w_2. Постулат адекватности амбиций описывает взаимоотношения между тем, насколько продвинулась система $A_{i+1} \Rightarrow A'_{i+1}$ в направлении желаемого (уровнем ее внутренней состоятельности), и запросами, которые она, стремясь к своей цели, предъявляет теперь своему окружению. Смысл постулата заключается в том, что новые запросы, предъявляемые системой своему окружению, соответствуют уровню ее предшествующих достижений («каковы достижения, таковы и амбиции»).

Все сказанное позволяет нам предложить способ оценки состоятельности w_i ($A_i \Rightarrow A'_I$) при известных n_i и r_i.

А. Положим, что во всех случаях мы имеем дело всего с двумя вариантами значений переменных n_i и r_i — 0 или 1.

Легко убедиться в том, что в этом случае *состоятельность* w_i ($A_i \Rightarrow A'_I$) может интерпретироваться как результат применения оператора *материальной импликации* «→» к антецеденту *n* (запрос потребителя к контрагенту) и консеквенту *r* (ресурс, предоставляемый контрагентом):

$$w_i = n_i \rightarrow r_i.$$

Матрица исходов, описывающих состоятельность системы w_i ($A_i \Rightarrow A'_I$) при различных значениях базовых переменных приводится в табл. 3.

Представляется важным отметить, что приведенное формальное определение соответствует нашим интуитивным представлениям о состоятельности. Пояснения требует только один случай: $0 \rightarrow 0 = 1$. Но эта ситуация вполне объяснима, если принять во внимание соотношения $s + s_\uparrow = 1$ и $s_\uparrow = \neg s$: запрос, предъявляемый системой вовне ($s = 0$), восполняется здесь запросом, который система сама предъявляет себе ($s_\uparrow = 1$), а тот, в свою очередь, равен скрытому ресурсу $\neg s$, и таким образом потребитель $\sum$ во взаимоотношениях с контрагентом $\sum'$ оказывается абсолютно состоятельным, несмотря на отсутствие внешней поддержки извне ($w = \neg s = 1$). Впрочем, интуитивно ясно и так, что если некто ни в ком не нуждается для достижения своих целей, то он сам располагает соответствующим ресурсом и, следовательно, вполне состоятелен.

Таблица 3.

Состоятельность (w_i)

Запрос	Ресурс	
	$r_i = 1$	$r_i = 0$
$n_i = 1$	1	0
$n_i = 0$	1	1

Б. Пусть базовые переменные n_i и r_i суть дискретные величины, принимающие рациональные значения на отрезке [0, 1]; нам необходимо определить состоятельности w_i ($N \Rightarrow K$).

Для этого вводится оператор *метаимпликации* «→*». Следующий простой пример может служить иллюстрацией идеи метаимпликации. Положим, перед нами два рациональных числа 3/10 и 1/2. Нам необходимо определить 3/10 →* 1/2. Приведем эти дроби к общему знаменателю. Теперь перед нами десятичные дроби 0,3 и 0,5. Поставим в соответствие числу 0,3 множество десятиразрядных векторов-элементов булевой решетки 2^{10} высоты 3, а числу 0,5 — множество элементов той же решетки высоты 5 (в булевых решетках с элементами булевыми векторами, как известно, высота элемента соответствует количеству единиц в нем — это длина пути от нуля решетки до данного элемента). Мы как бы рассредоточили числители дробей 3/10 и 5/10 по 10 разрядам векторов. Возьмем теперь наугад какой-нибудь вектор из первого множества и из второго. Будем считать, что первый из них — антецедент импликации, второй — консеквент. Далее вычисляется вектор, являющийся результатом импликации.

Примеры:

1. (0,0,1,0,1,0,0,1,0,0) → (1,0,1,0,1,0,0,0,1,1) = (1,1,1,1,1,1,1,0,1,1).

2. (1,0,1,0,0,0,0,0,0,1) → (0,0,0,0,0,1,1,1,1,1) = (0,1,0,0,1,1,1,1,1,1).

Свободно варьируя выбор элементов первого и второго множеств, мы вычисляем все соответствующие им результаты импликаций. Определим теперь уровень построенных нами векторов — элементов решетки: это высота вектора, деленная на длину — относительное количество единиц в соответствующем векторе. В первом примере элемента — 9, соответственно, уровень — 9/10; во втором примере высота — 7, уровень — 7/10. Множество всех уровней элементов, полученных таким образом, представляет собой определяемое нами значение метаимпликации (уровни элементов, как легко показать, варьируют в пределах 7/10 ÷ 10/10):

$$0{,}3 \rightarrow^* 0{,}5 = \{0{,}7;\ 0{,}8;\ 0{,}9;\ 1\}.$$

Числа, заключенные в фигурные скобки, мы называем уровнями значения метаимпликации. Заметим, что высота элементов булевой решетки, являющихся результатом импликации векторов, соответствующих числам 0,3 и 0,5, зависит от способа их «рассредоточения»: в первом случае — высота 9, во втором — 7. Соответственно, различаются и уровни значения метаимпликации.

Определим теперь состоятельность $(A_i \Rightarrow A'_i)$:

$$w_i\,(A_i \Rightarrow A'_i) = n_i \rightarrow^* r_i.$$

Так как при «четких» значениях s_1/q, s_2/q (0 или 1), $s_1/q \rightarrow^* s_2/q = s_1/q \rightarrow s_2/q$ (материальная импликация) данное определение состоятельности распространяется не только на рациональные значения переменных в интервале (0, 1) (случай Б), но на случай А — «четкие значения». Перед нами *общее* определение состоятельности. Условимся об уровнях значения метаимпликации говорить как об уровнях состоятельности w_i.

В общем случае диапазон изменения уровней состоятельности при свободном варьировании k и j определяется соотношением:

$$w_{i\,\min} = r_i/q + \sup\{0,\ q - n_i - r_i)\}/q = r_i + \sup\{0,\ 1 - n_i - r_i)\}$$
$$w_{i\,\max} = \inf\{q,\ q - n_i + r_i)\}/q = \inf\{1,\ 1 - n_i + r_i\}$$

Заметим, что в любой момент времени t конкретным значениям n_i и r_i соответствует априори непредсказуемый уровень состоятельности — «облако возможных значений» (какое из них будет актуализировано в данный момент времени, заранее неизвестно).

Может быть определена также *ожидаемая* состоятельность:

$$\hat{w}_i = r_i/q + (1 - r_i/q)(1 - n_i/q) = r_i + (1 - r_i)(1 - n_i). \qquad (*)$$

В приведенном примере $\hat{w} = 0{,}5 + (1 - 0{,}5)\ (1 - 0{,}3) = 0{,}85$.

Возвращаясь от случая Б к рассмотренному выше случаю А, т.е. к «четким» значениям переменных 1 или 0, мы можем сказать, что оператор метаимпликации, будучи реализован по отношению к ним, дает те же результаты, что и «материальная импликация»: $n \rightarrow^* r$ здесь совпадает с $n \rightarrow r$. Поэтому в общем случае, состоятельность системы $N \Rightarrow R$ может быть определена на основе «метаимпликации» $n \rightarrow^* r$.

Итак, мы располагаем всем необходимым, чтобы охарактеризовать специфику запросов, ресурсов и состоятельности различных «подсистем» личности. Поскольку в дальнейшем мы будем иметь дело с небольшим числом символов, удобнее перейти от ранее определенных символов n_2, r_2, r_1, r_0, соответственно, к символам x, y, z, f, означающим:

(x) — запрос субъекта самосознания (A_2); y — ресурс, предоставляемый субъектом знания (A'_2) — «представления об окружающем»; z — установки субъекта (A'_1), имеющие неосознаваемый характер; f — «воздействия окружающей среды» (A'_0).

Рассмотрим детальнее эти переменные и их сочетания.

Запросы (*«устремления субъекта»*): $J = \{j \mid j = (x), ((x) \rightarrow^* y), (((x) \rightarrow^* \rightarrow^* y) \rightarrow^* z)\}$ — интенции, установки и ожидания:

• *интенции* (все, что слева от одинарной черты): $(x)_{/} \rightarrow^* y$. Иначе говоря, под притязаниями подразумевается антецедент импликации $(x) \rightarrow^* y$, т.е. (x).

• *установки* (все, что слева от двойной черты): $((x)_{/} \rightarrow^* y)_{//} \rightarrow^* z$; сокращенно $((x) \rightarrow y)$.

• *ожидания* (все, что слева от тройной черты): $(((x)_{/} \rightarrow^* y)_{//} \rightarrow^* z)_{///} \rightarrow^* \rightarrow^* f$, т.е. $(((x) \rightarrow^* y) \rightarrow^* z)$.

Ресурсы: $U = \{y, z, f\}$ — представления, установки, воздействия среды.

Состоятельность: $W = \{((x) \rightarrow^* y), (((x) \rightarrow y) \rightarrow^* z), ((((x) \rightarrow^* y) \rightarrow^* z) \rightarrow^* f\}$. Особый интерес для нас представляет возможная *психологическая* интерпретация элементов множества W. Предлагается следующая интерпретация:

• $w_{sub} = (x) \rightarrow^* y \sim$ состоятельность *интенций* (= *субъективная* состоятельность, в наших терминах, = «самооценка», в терминах В.А. Лефевра);

• $w_{virt} = ((x) \rightarrow^* y) \rightarrow^* z \sim$ состоятельность *позиции* (= *виртуальная* состоятельность, стойкость, готовность к действию, «активность сознания»);

• $w_{ob} = (((x) \rightarrow^* y) \rightarrow^* z) \rightarrow^* f \sim$ состоятельность *ожиданий* (= *объективная* состоятельность, успешность, «самоэффективность»).

Далее мы анализируем прежде всего виртуальную состоятельность личности — состоятельность *субъекта сознания* в союзе с *субъектом установки* (данную форму можно назвать «внутренней состоятельностью» субъекта деятельности), $w_{virt} = ((x) \rightarrow^* y) \rightarrow^* z$. Именно в ней сконцентрированы осознанные и бессознательные детерминанты человеческих устремлений и склонностей — «силы души». На этой ступени активности личности субъект еще не реализует себя в прямом взаимодействии с миром — но это произойдет «вот-вот». Сложится ли его взаимодействие с окружающей средой успешно или она отвергнет его притязания — все это выявится позже, но действие здесь уже неостановимо (*виртуальное*, в отличие от *потенциального*, это «возможность, превращающаяся в действительность»). Виртуальная состоятельность занимает, таким образом, промежуточное положение между «субъективной» и «объективной» состоятельностью личности.

На основе формулы (∗) может быть определена *ожидаемая* виртуальная состоятельность личности:

$$\hat{w}_{virt} = r_1 + (1 - r_1)(1 - (r_2 + (1 - r_2)(1 - n_2))) = r_1 + (1 - r_1)(1 - r_2)n_2.$$

Вглядимся в итоговое выражение. Перед нами — формула готовности субъекта к выбору, полученная Лефевром [Лефевр, 2004]. Назовем численное значение, соответствующее выражению $w_0 = r_1 + (1 - r_1)(1 - r_2)n_2$, *числом Лефевра*. Оно дает нам возможность прогнозировать итог взаимодействия между различными «частями»-подсистемами субъекта жизнедеятельности, зная, каковы интересы заказчика (субъект самосознания), ресурсы посредника (субъект знания об окружающем) и ресурсы поставщика (субъект неосознаваемых установок). Мы пришли к «числу Лефевра» иным путем, чем Лефевр. Мы основывались при этом на интуитивно очевидных посылках, среди которых — постулат взаимодополнительности имеющихся ресурсов и предъявляемых запросов, а также постулат соответствия притязаний достижениям. Вслед за В.А. Лефевром и Т.А. Таран мы обратились к идее импликации и предложили интерпретировать ее как «реализуемость» [Петровский, 2001] что, на наш взгляд, позволяет объяснить действенность ее применения в моделях рефлексивного выбора. «Число Лефевра» в нашей интерпретации есть результат применения более общей, чем импликация, логической операции — «метаимпликации». Идея «метаимпликации», в свою очередь, основывается на возможностях, предоставляемых «решеткой». Тем самым приоткрываются дополнительные возможности соотнесения модели Лефевра и модели Таран. На основе модели Таран может быть дана «многомерная» интерпретация одномерных величин, фигурирующих в модели Лефевра.

Модель решетки, кроме того, предоставляет исключительную возможность определять пределы, в которых варьирует уровень состоятельности агента во взаимодействии с контрагентом. Применительно к виртуальной состоятельности (внутренней готовности субъекта к выбору) это:

$$w_{min} = \inf\{1; \sup\{0; n_2 - r_2\} + r_1\};$$
$$w_{max} = \inf\{1; \inf\{1; n_2 + r_2\} - r_2 + r_1\}.$$

Экзистенциальный выбор. Возможность психологической интерпретации «подсистем» личности — A_3 (субъект самосознания, глубинный источник «запросов»-интенций, «заказчик»), A'_2 (субъект знания об окружающем, «посредник» во взаимоотношениях с ним) и A'_1 (субъект интуиции, первичный «поставщик» опыта) — мы усматриваем в работах Э. Берна [2000]. Согласно Э. Берну, человеку присущи три «психических органа»: Неопсихика — источник эго-состояний «Взрослый», Экстеропсихика — источник эго-состояний «Родитель», Археопсихика — источника эго-состояний «Дитя». Обозначим эти функциональные органы, соответственно, символами *В*, *Р* и *Д*. Естественно предположить, что «триединство психики» и «триумвират личности» могут быть соотнесены друг с другом и притом многообразно.

Характеризуя *экзистенциальный* выбор, мы останавливаемся на следующей схеме: $(B \Rightarrow P) \Rightarrow Д$. Иными словами, экзистенциальные выборы — эффект синергии Взрослый, Родитель, Дитя при данном способе их сочетания [Петровский, 2002*а*; 2002*б*].

«Импульсы» экзистенциального выбора. Положим, что x, y и z принимают рациональные значения на отрезке [0, 1] (для простоты — как и в прежних примерах — значения 0/10; 1/10; 2/10; ...; 9/10; 10/10). «Рассредоточим» известным нам образом каждое из этих значений

в векторах решетки 2^{10}. Будем считать, что каждый «элемент» дроби (единица в десятиразрядном векторе) представляет собой некий импульс (= минимальный запрос) или ресурс (= элементарный посыл), исходящий соответственно из инстанций «Взрослый», «Родитель», «Дитя» за период времени T. Можно для простоты принять, что T — это отрезок времени в 10 единиц (секунд, минут и т. п.); время дискретно, поступление импульсов приурочено к целому числу единиц времени. Поступление импульсов за период времени T из разных инстанций в общем случае асинхронно. Импульсы, поступающие со стороны Взрослого, будем называть *разумными*; импульсы со стороны Родителя — *наставительными*, импульсы со стороны Дитя — *фантазийными*. Возможные сочетания импульсов, порожденных B, P и $Д$ в период T, имитируют векторы решетки, высота которых соответственно x, y, z.

Теперь можно определить виртуальную состоятельность личности, осуществляющей экзистенциальный выбор. При определенном способе распределения импульсов во времени (конкретном рассредоточении значений) x, y, z , искомое значение:

$$w_{\text{virt}} = (x \to^* y) \to^* z$$

При *случайном* распределении импульсов во времени:

$$\hat{w}_{\text{virt}} = z + (1 - z)(1 - y)x.$$

Вводя представление об операторах рассредоточения/сосредоточения и таким образом реализуя идею «решетки» применительно к одномерной величине, мы получаем исключительную возможность установить пределы, в которых варьирует величина внутренней состоятельности $w_{\text{set}} <<B, P>, Д>$ при произвольном распределении во времени импульсов, поступающих из инстанции B, P, $Д$. Это:

$$w_{\text{set}} <<B, P>, Д>_{\min} = \inf\{1; \sup\{0; x - y\} + z\};$$
$$w_{\text{set}} <<B, P>, Д>_{\max} = \inf\{1; \inf\{1; x + y\} - y + z\}.$$

Нижний предел — это то, на что по *меньшей мере* может претендовать личность, осуществляющая экзистенциальный выбор. Верхний предел — то, на что она могла бы рассчитывать *по большей мере*, т.е. при наиболее «благоприятном стечении» импульсов, продуцируемых инстанциями «Взрослый», «Родитель», «Дитя». Этот верхний предел мы называем *перспективой экзистенциального выбора*.

В приведенном выше примере — $w_{\text{set}} <<B, P>, Д>_{\min} = 3/10 = 0{,}3$; $w_{\text{set}} <<B, P>, Д>_{\max} = 7/10 = 0{,}7$ (как видим, «перспектива» экзистенциального существенно превосходит ожидаемый показатель состоятельности $\hat{w}_{\text{set}} <<B, P>, Д> = 0{,}44$).

Предлагаемая формальная модель достаточно точно воспроизводит основные черты поведения человека, совершающего экзистенциальный выбор.

1. Экзистенциальный выбор возникает в ситуации полной неопределенности, непредрешенности исхода предстоящего действия. О таких ситуациях говорят: «человек стоит на пороге важных решений», «человек сейчас выбирает свою судьбу». Бессознательный образ среды («влияние») несет на себе отпечаток детских мечтаний. Желаемое здесь выдается за действительное. Благополучный или неблагополучный опыт прошлого, запечатленный в Дитя, задает оптимистический или пессимистический ракурс бессознательной интерпретации окружающего. Модель это учитывает: виртуальная состоятельность не может быть ниже ресурсов, предоставляемых его Дитя — $w_{\text{set}} \geq z$. Например, w_{set} $(3/10 \to^* 4/10) \to^* 5/10 \in [5/10, 8/10]$.

2. Все то, что может в этой ситуации требовать от человека его Родитель, совпадает с его (Родителя) «знанием» того, что произойдет дальше. «Ты должен» здесь тождественно «ты можешь». Чем менее Родитель уверен в точности своего прогноза, тем в меньшей мере он требователен. Согласно модели, отсутствие или прекращение поддержки со стороны Родителя способно привести к повышению виртуальной состоятельности субъекта при осуществлении экзистенциального выбора (сравним два крайних варианта: $(1 \to^* 0) \to^* 0 = 1$ — поддержка отсутствует, виртуальная состоятельность абсолютна; $(1 \to^* 1) \to^* 0 = 0$ — чрезмерная опека порождает обратный эффект, субъект не готов к выбору, виртуальная состоятельность нулевая).

3. И, наконец, запросу Взрослого (разумной части личности) в условиях экзистенциального выбора отдается приоритет. Дефицит ресурса со стороны Дитя может компенсироваться заинтересованностью Взрослого: w_{set} $(6/10 \to^* 3/10) \to^* 2/10 \in [5/10, 8/10]$; активный запрос Взрослого при пассивности детской части личности оказывается весьма действенным, если только Родитель «не слишком» старается ему помочь.

Итак, мы видим, что импульсная модель экзистенциального выбора описывает ситуацию, в которой личность, осуществляющая выбор, полагается на свою интуицию и веру в себя, действует вопреки сложившимся стандартам и убеждениям, исходит из интенций соб-

ственного разумного Я (интересов его «модели себя»), «прислушивается к голосу собственного разума».

Это выбор, осуществляемый «всем существом», — его, как правило, нельзя свести к проявлениям активности какой-то одной части личности; перед нами эффект *сводного* выбора личности как «единомножия субъектов» [Петровский, 2002*а*; 2002*б*].

Отметим также, что внутренняя состоятельность личности, осуществляющей экзистенциальный выбор, должна еще быть испытана миром. На уровне формальной модели речь должна идти о системе «Личность в Среде», $((S_3 \Rightarrow S_2) \Rightarrow S_1) \Rightarrow S_0$, рассматриваемой в целом.

В рамках психотерапии и системного консультирования (мы говорим о *системном* консультировании, подчеркивая тем самым, что реорганизации подвергается также среда) решается задача перераспределения (= иного способа «рассредоточения») импульсов, предопределяющих выбор, совершаемый личностью.

В плане математического моделирования особый интерес, на наш взгляд, представляет исследование не только *наличной состоятельности*, но и перспектив, как мы бы сказали, «расширения перспектив».

Глава 7
ОПЫТ ЭМПИРИЧЕСКОГО ОБОСНОВАНИЯ МУЛЬТИСУБЪЕКТНОЙ МОДЕЛИ ВЫБОРА

Экзистенциальные выборы мультисубъектны. Проблема, обсуждаемая в данной работе, исходит из предложенной автором нетрадиционной трактовки личности как целокупности («единомножия») субъектов [Петровский, 1996]. Подразумевается, что каждый субъект в составе личности в момент совершения выбора может придерживаться своих собственных предпочтений, уникальной шкалы ценностей.

Две иллюстрации.

1. В исследованиях выполненных под нашим руководством (дипломная работа студентки МГППУ О. Паниной), удалось показать, что «самооценок» у личности как минимум три. Испытуемые ранжировали качества личности, соответствующие идеальному «Я» и оценивали уровень представленности этих качеств в их жизни. Ранжирование и оценка качеств велась с трех точек зрения: Взрослого, Родителя и Дитя. Выяснилось, что самооценка «расщепляется» как минимум на три: «самооценка Взрослого», «самооценка Родителя» и «самооценка Дитя», причем эти самооценки статистически независимы друг от друга.

2. Отталкиваясь от трансактной модели личности, мы с коллегами (Ж.В. Пыжиковой и М.К. Худышевой) предлагали испытуемым проранжировать 16 жизненных ценностей с позиций в одном случае Дитя (мечты, сокровенные желания), во втором — Родителя (голос долга), в третьем — Взрослого (разумный взгляд, то, что человек сам считает для себя необходимым делать). Выяснилось, что процент значимых корреляций между выборами с позиций трех инстанций — эго-состояний «Дитя», «Родитель», «Взрослый» — минимален. Чаще встречаются значимые корреляции между двумя инстанциями (Родитель — Дитя; Родитель — Взрослый, Взрослый — Дитя), но еще чаще

отсутствие корреляций между инстанциями: ортогональность предпочтений! Не напоминает ли читателю подобная ситуация хрестоматийный триумвират таких «субъектов», как Лебедь, Рак да Щука?

Следовательно, правомерен вопрос: «Если я выбираю, то кто во мне выбирает?»

Центральный вопрос исследования: «Каким будет итоговый выбор личности, если образующие ее “внутренние субъекты”, взаимодействуя друг с другом, исходят из своей особенной системы ценностей? К чему при этом, в конечном счете, придет личность?» Итак, мы рассматриваем личный выбор как функцию активности многих субъектов, представленных в личности. Под этим углом зрения и рассматривается описанная в книге трансактная модель рефлексивного выбора.

Истоки данной модели — трансактная теория Эрика Берна и рефлексивная теория Владимира Лефевра, о чем уже было сказано в книге. Трансактная теория представлена идеей существования трех эго-состояний личности — «Родитель», «Взрослый», «Дитя», выступающих в специфических конфигурациях мыслей, чувств и действий индивида [Берн, 2000; 2001]. Рефлексивная теория представлена формулой «готовности субъекта к выбору», описывающей поведение человека в условиях биполярного выбора [Лефевр, 2000], а также многозначной булевой версией рефлексивного выбора, описывающей логику предпочтений личности, реализуемых на «булевой решетке норм» [Таран, 2001; 2003].

Положения, высказываемые в первых публикациях, посвященных трансактной модели рефлексивного выбора [Петровский, 2001; Петровский, Таран, 2001], основывались прежде всего на теоретических аргументах и клиническом опыте автора этих строк; вне всяких сомнений, положения эти имели гипотетико-дедуктивный характер. Возможность экспериментального изучения личностных характеристик с использованием модели В. Лефевра была особо подчеркнута нами в совместной статье с О.В. Митиной [Митина, Петровский, 2004][53].

Настоящая работа представляет собой первую попытку в эмпирическом плане дать ответ на центральный вопрос — об адекватности

[53] Далее в разделе мы воспроизводим с минимальными изменениями текст этой статьи.

трансактной модели рефлексивного выбора той реальности, которую она призвана описать.

Предметом эмпирического исследования здесь выступила взаимосвязь между личностными характеристиками, которые оцениваются посредством традиционных психологических опросников, и системой ценностных предпочтений личности в соответствии с «переменными», входящими в формулу трансактной модели рефлексивного выбора.

Ранее в книге (см. гл. 2.1) мы описали модель личности, разработанную Э. Берном (некоторые необходимые пояснения и уточнения категорий, используемых в современном трансактном анализе, содержатся в работах В.А. Петровского [2001; 2004]).

Рассмотрим подробнее формулу «готовности субъекта к выбору» В.А. Лефевра, подтвердившую свою правомерность в целом ряде психологических и не-психологических разработок (в том числе разработок в области астрономии [Лефевр, 1996]).

Функция готовности субъекта к биполярному выбору определяется с помощью логической формулы $A = (a_3 \rightarrow a_2) \rightarrow a_1$, где a_i соответствуют различным состояниям и ощущениям субъекта, выраженным с помощью одномерной логической переменной (0 или 1). Значение выражения $a_i \rightarrow a_j$ вычисляется по правилам математической логики для операции импликации:

a_i	a_j	$a_i \rightarrow a_j$
0	0	1
0	1	1
1	0	0
1	1	1

В своей формуле В.А. Лефевр предлагает интерпретировать a_1 как давление среды, предрасполагающее к выбору одной из альтернатив. Это реальное давление среды, которое не осознается субъектом, но ощущается на подсознательном уровне. Представление субъекта о давлении среды описывается переменной a_2. Это его психологическая установка, проявляющаяся в том, чего ожидает субъект от внешнего мира в сложившейся ситуации. Психологическая установка складывается на основании предыдущего опыта субъекта. Чем боль-

ше a_2, тем сильнее, с точки зрения субъекта, мир давит на него, предлагая выбрать позитивный полюс. Переменная a_3 описывает планы субъекта в отношении выбора одной из альтернатив, т.е. его интенции или желания, которые он хотел бы осуществить в будущем. Само же значение формулы A — это та альтернатива, которую субъект готов выбрать. Таким образом, в рамках модели различаются объективная готовность субъекта произвести выбор и его «субъективное» намерение сделать это.

Кроме этого, В.А. Лефевр расширяет область определения переменных до целого интервала значений от нуля до единицы, т.е. предполагает возможность непрерывного, а не дискретного выбора какой-либо альтернативы. В результате такого расширения значение «функции готовности субъекта к выбору» может быть вычислено по алгебраической формуле

$$A = a_1 + (1 - a_1)(1 - a_2)a_3$$

Легко проверить, что если все a_i принимают значения 0 или 1, то значения A, вычисленные по алгебраической формуле и по логической таблице, совпадают.

В настоящем исследовании изучаются значения функции готовности субъекта к выбору различных ценностей, вычисляемые в соответствии с трансактной моделью рефлексивного выбора, и их взаимосвязь с личностными характеристиками и ценностными предпочтениями.

Планируя экспериментальное исследование, мы выдвинули следующие гипотезы:

— функция готовности субъекта к выбору является глубинным качеством, детерминирующим личностные характеристики;

— функция готовности субъекта к выбору какой-либо ценности должна коррелировать с личностными характеристиками, значимыми для достижения этой ценности.

Напомним, что в трансактной модели рефлексивного выбора (см. гл. 8) «переменные» функции готовности к выбору В. Лефевра (и соответствующие «переменные» в многозначной булевой версии Т. Таран) трактуются следующим образом: подсознательно ощущаемому «давлению среды» (a_1) соответствуют «запросы» Дитя, «представлениям о давлении среды» (a_2) — «запросы» Родителя, «интенциям» субъекта — «запросы» Взрослого.

В итоге формула готовности приобретает вид

$$Л = (В \rightarrow Р) \rightarrow Д\,,$$

где $Д$ — запросы Дитя;

$Р$ — запросы Родителя;

$В$ — интенции Взрослого;

$Л$ — фактическая готовность личности осуществить позитивный выбор (так же, как и в гл. 8, мы по традиции используем стрелочку «→» для обозначения материальной импликации).

Материальная импликация (в дальнейшем «импликация») интерпретируется как отношение «приемлемости» (или «реализуемости»): $А \rightarrow Б$ — это значит, что запрос, продуцируемый $Б$, *приемлем* с позиции $А$ (или, что $А$ *реализует себя* посредством $Б$) [Петровский, 2001]. Антецедент, т.е. первый член импликации, $А$, может рассматриваться также как *устремление* некоторой эго-системы, а консеквент (второй член импликации, $Б$) — как *ресурс*, посредством которого реализует себя (или не может реализовать) устремление.

Процедура эксперимента. Испытуемые — 51 человек, студенты в возрасте от 19 до 29 лет. Чтобы актуализировать у испытуемого при заполнении им опросника различные эго-состояния (Родителя, Взрослого, Дитя), в соответствии с описаниями Э. Берна [Берн, 2000; 2001] были составлены специальные инструкции.

Взрослый как источник запросов. Запросы Взрослого — это «рекомендации». Позитивный запрос — «предложения» («полезные советы»), негативный запрос — «предостережения». Между «предложениями» и «предостережениями» существует нейтральный запрос — «отсутствие предложений (и предостережений)». Нейтральный запрос — это случай, когда кому-либо предлагают принять решение «по собственному усмотрению», «на свой страх и риск» и т.п.

Инструкция для актуализации Взрослых запросов. «Оцените эти ценности с точки зрения их практической оправданности: насколько полезно в практическом отношении придерживаться, ориентироваться на них в жизни».

Итак,

1. Очень неполезно (вредно, опасно, нецелесообразно).
2. Неполезно, вредно, опасно, нецелесообразно.
3. Нет мнения, когда как, в зависимости от ситуации.
4. Полезно, невредно, неопасно, целесообразно.
5. Очень полезно, невредно, неопасно, целесообразно.

Родитель как источник запросов. Запросы Родителя — это указания (распоряжения). Позитивный запрос — «настояния», «требования». Негативный запрос — «запреты». Нейтральный запрос — «невмешательство», «разрешения». В случае нейтрального запроса говорят: «Я умываю руки», «тебе жить, тебе и решать» и т.п.

Инструкция для актуализации Родительских запросов. «Перед Вами список ценностей, каждая из которых связана с определенными требованиями, которым необходимо подчиняться в жизни. Оцените эти требования с точки зрения их обязательности выполнения для себя».

Итак,

1. Ни в коем случае не следовать этим требованиям.
2. Не следовать этим требованиям.
3. Нет мнения, когда как, в зависимости от ситуации.
4. Следовать этим требованиям.
5. Обязательно, во что бы то ни стало следовать этим требованиямваниям.

Дитя как источник запросов. Запросы Дитя — это сокровенные побуждения к действию (хотения, желания, мечты). Позитивный запрос — «есть желание (хочу)», негативный запрос — «есть нежелание (не хочу)». Позитивному и негативному запросам в равной мере противостоит нейтральный запрос — «нет желания (и нет нежелания)», чему соответствует «ни жарко, ни холодно» и т.п.

Инструкция для актуализации запросов Дитя. «Перед Вами список ценностей, каждая из которых связана с определенными желаниями, иногда несбыточными, которые свойственны многим людям. Оцените эти желания с точки зрения их значимости для Вас».

Итак,

1. Есть очень большое нежелание, очень не хочу.
2. Есть нежелание, не хочу.
3. Нет мнения, когда как, в зависимости от ситуации.
4. Есть желание, хочу.
5. Есть очень большое желание, очень хочу.

Ниже приводится список предлагаемых для шкалирования ценностей. 1. Деньги. 2. Музыка. 3. Образование. 4. Хорошая еда и питье. 5. Демократия. 6. Приятное времяпрепровождение. 7. Религия. 8. Политика. 9. Любовь. 10. Чистая окружающая среда. 11. Здоровье. 12. Родина. 13. Спорт. 14. Честность. 15. Мир. 16. Церковь. 17. Свобода. 18. Надежда. 19. Равенство. 20. Работа. 21. Дружеские отношения. 22. Активная деятельная жизнь. 23. Бессмертие (продолжение себя в своих делах, в детях, в сердцах людей). 24. Общественное признание, уважение коллег. 25. Познание (возможность расширения своего образования, кругозора, общей культуры, интеллектуального развития). 26. Счастливая семейная жизнь. 27. Творчество. 28. Уверенность в себе (свобода от внутренних противоречий). 29. Саморазвитие (работа над собой, физическое и психическое совершенствование). 30. Счастье других (благосостояние, развитие и совершенствование других людей и человечества в целом).

Кроме того, каждый испытуемый ответил на вопросы ряда личностных методик: 16-факторный опросник Кетелла, опросник Айзенка (шкалы экстраверсии, психотизма, нейротизма), опросник локуса контроля (шкалы общей интернальности, интернальности в области достижений, интернальности в области неудач), опросник тревожности Спилберга (шкалы реактивной и личностной тревожности).

Так как входящие в формулу Лефевра переменные должны изменяться в диапазоне от нуля до единицы, а бальные оценки, выставляемые респондентами, находились в диапазоне от 1 до 5, то для всех оценок ценностей в разных эго-состояниях было использовано нормирующее линейное преобразование $x = X/4 - 1/4$, где X — это бальная оценка, выставленная респондентом (от 1 до 5), а x — нормированная оценка ценности для вычисления значения функции готовности субъекта к выбору (от 0 до 1).

Далее для всех ценностей для каждого респондента было вычислено значение «готовности субъекта к выбору» по формуле $Л = Д + (1 - Д)(1 - Р)В$. $Д$, $Р$, $В$ — это уже нормированные значения.

Далее мы вычисляли коэффициенты корреляции между значениями функции готовности субъекта к выбору той или иной ценности $Л$ и личностных качеств. Значимые коэффициенты корреляции мы интерпретировали как тот факт, что данное личностное качество влияет на осознанность и значимость сделанного выбора. В табл. 4 содержатся результаты корреляционного анализа. В левом столбце приводятся личностные характеристики, выявляемые с помощью опросников, в правом — коррелирующие с ними ценности. Рядом с каждой ценностью указывается коэффициент корреляции, а в скобках его значимость. В качестве порога значимости, указывающего на

Таблица 4.

Взаимосвязь личностных характеристик и ценностей

Личностные характеристики	Значимые корреляции личностных характеристик с ценностями
C: сила «Я» — слабость «Я» (эмоциональная устойчивость — неустойчивость);	Творчество 0,36 (0,009)
E: доминантность — конформность (настойчивость, напористость — покорность, зависимость);	Творчество 0,407 (0,003) Церковь –0,46 (0,001)
F: сургенсия — десургенсия (беспечность — озабоченность);	Активная деятельная жизнь 0,398 (0,004) Творчество 0,38 (0,006) Церковь –0,38 (0,006)
G: сила Сверх-Я — слабость Сверх-Я (высокая совестливость — недобросовестность);	Творчество –0,415 (0,002)
H: пармия — тректия (смелость — робость);	Образование 0,443 (0,001) Политика 0,465 (0,001) Работа 0,396 (0,004) Творчество 0,397 (0,004)
I: премсия — харрия (мягкосердечность, нежность — суровость, жестокость);	Надежда 0,37 (0,007)
M: аутия — праксерния (мечтательность — практичность);	Работа 0,356 (0,01) Активная деятельная жизнь 0,417 (0,003)
Q4: фрустрированность — нефрустрированность (напряженность — расслабленность),	Работа –0,429 (0,002) Творчество –0,355 (0,01)
Экстраверсия	Демократия 0,381 (0,006) Работа 0,391 (0,005) Активная деятельная жизнь 0,388 (0,005) Общественное признание, уважение коллег 0,429 (0,002) Творчество 0,47 (0,000)
Психотизм	Свобода 0,382 (0,006) Честность –0,403 (0,003)

наличие взаимосвязи личностных характеристик респондентов и выбираемых ими ценностей, мы взяли 0,01.

Следует отметить, что из 24 личностных качеств, определяемых по опросникам, значимые корреляции дали только 10, а ценностей было выделено 11 из общего списка 30. Такое ограничение вполне можно рассматривать как подтверждение гипотезы о неслучайности установленных корреляций.

Для людей, обладающих высокими показателями про фактору *C* опросника Кетелла (эмоционально устойчивых, со зрелыми взглядами на жизнь, постоянных в своих планах и привязанностях, ориентированных на требования действительности, не страшащихся перемен), значимой оказалась ценность Творчества. Эта же ценность оказалась значимой для людей с высокими показателями по фактору *E* (уверенных в себе, независимых, склонных скорее выступать в роли лидера, чем выполнять функции подчиненного или исполнителя, иногда производящих впечатление человека, не считающегося с авторитетами и сложившимися нормами).

Люди, обладающие низкими показателями по шкале *E* (не проявляющие независимости, готовые к подчинению и исполнительским функциям) в качестве значимой ценности выбирают Церковь.

Церковь как важную ценность выбирают также люди с низкими показателями по фактору *F* (в значительной степени озабоченные последствием своих поступков и прежде всего тем, как они отражаются на их будущем, склонные к переоценке вероятности неудач).

В противоположность таким людям респонденты с высокими показателями по фактору *F* (общительные, жизнерадостные, демонстрирующие свой оптимизм, с легкостью совершающие поступки) в первую очередь выбирают ценности Активной деятельной жизни и Творчества.

Ценность Творчества выбирают также люди с низкими показателями по фактору по фактору *G* (морально независимые, свободно трактующие существующие правила).

Люди с высокими показателями по фактору *H* (смелые, решительные, имеющие тягу к риску и острым ощущениям, не теряющие присутствия духа при столкновении с неожиданными обстоятельствами, невосприимчивые к угрозе, свободно вступающие в контакты, не испытывающие трудности в общении, способные выдержать большие эмоциональные нагрузки) в качестве своих ценностных

приоритетов указывают на Политику, Работу, Образование (по всей видимости, как средство достижения первых двух) и Творчество (возможно, его социальный аспект).

Обладание высокими баллами по шкале *I* (что является показателем мягкости, утонченности, негативного отношения к «грубым» людям и «грубой» работе) по результатам нашего исследования коррелирует с Надеждой.

Интересно отметить, что ценности Активной деятельной жизни и Работы коррелируют с высокими показателями по фактору *M*. Ведь такие люди характеризуются как мечтательные, немного рассеянные, с развитым воображением (в противоположность тем, кто имеет низкие баллы по этому фактору, что свидетельствует о большей практичности последних). Однако вполне возможно, что наши респонденты-студенты еще только мечтают об активной деятельной жизни и работе, и это в наибольшей степени удается людям мечтательным. «Прагматики» же откладывают выбор таких ценностей на будущее — до тех времен, когда им придется фактически действовать в контексте данного круга ценностей.

Ценности Работы и Творчества выбирают люди с низкими показателями по фактору *Q*4 (ненапряженные, спокойные).

Как и следовало ожидать, экстраверты (по опроснику Айзенка), т.е. люди, характеризующиеся общительностью, широким кругом знакомств, импульсивностью, оптимистичностью, слабым контролем над эмоциями и чувствами, выбирают ценности Общественного признания, Уважения коллег, Работы, Творчества, Активной деятельной жизни и Демократии.

Люди с высоким уровнем психотизма (эгоцентризм, бесстрастность, неконтактность) выбирают Свободу, а с низким (характеризующимися сильным суперэго) — Честность.

На следующем этапе мы вычислили значения коэффициентов корреляции *Л* с каждым из эго-состояний *Д*, *Р*, *В* для каждого респондента. Согласно нашей гипотезе, эго-состояния и готовность субъекта к выбору *Л* как функция от эго-состояний являются глубинными личностными характеристиками и потому должны детерминировать определенные личностные качества, выявляемые с помощью стандартных опросников. Для проверки нашей гипотезы был использован метод детерминационного анализа [Чесноков, 1982; 1997; Петренко, 2010].

В нашем экспериментальном исследовании каждый респондент характеризовался значениями переменных по показателям ряда личностных методик и коэффициентом корреляции вектора значений выборов ценностей *Л* с векторами значений выбора ценностей *В*, *Р*, *Д*. По каждой из переменных респонденту присваивалось значение «низкий», если полученная им бальная оценка или коэффициент корреляции попадал в нижний квартиль; значение «высокий», если полученная им бальная оценка или коэффициент корреляции попадал в верхний квартиль; значение «средний» в остальных случаях. Мерой для определения степени детерминации одной переменной со стороны другой мы избрали *существенность*. За значимый порог существенности мы приняли 0,15. Посредством вычисления существенности мы могли количественно определить степень детерминированности личности со стороны эго-состояний «Взрослый», «Родитель», «Дитя»: высокая существенность детерминации *Л* со стороны эго-состояния *В*, *Р или Д* свидетельствует об акцентуированности личности в качестве носителя данного эго-состояния. Вводя представления о Взрослой, Родительской и Детской акцентуациях, мы вводим также и новые имена для «акцентуантов»: *Человек-Взрослый*, *Человек-Родитель* и *Человек-Ребенок* (табл. 5).

Каждый столбец этой таблицы соответствует определенному эго-состоянию, каждые три столбца объединены в две подгруппы: высокие и низкие показатели личностных характеристик. Каждая строка соответствует личностной характеристике. В следующих за названием строки клетках указаны показатели существенности. Так, первым за столбцом названий идет столбец, соответствующий состоянию *Родителя* в подгруппе *высоких* показателей личностных характеристик. В клетках этого столбца указаны существенности детерминации *высоких* показателей соответствующих личностных характеристик высокими показателями корреляции функции готовности субъекта к выбору и выбора, сделанного в позиции *Родителя*. Далее идет столбец существенностей детерминации *высоких* показателей соответствующих личностных характеристик высокими показателями корреляции функции готовности субъекта к выбору и выбора, сделанного в позиции *Взрослого*. Последний столбец этой подгруппы содержит существенности детерминаций *высоких* показателей личностных характеристик высокими показателями корреляции функции готовности субъекта к выбору и выбора, сделанного в позиции *Дитя*.

Таблица 5.

Эго-детерминация акцентуаций личности

	Высокие показатели личностной характеристики			Низкие показатели личностной характеристики		
	Родитель	Взрослый	Дитяенок	Родитель	Взрослый	Дитяенок
Общая интернальность	0,28	0,21	–0,02	—	—	—
Интернальность в области достижений	0,19	0,19	0,03	—	—	—
Интернальность в области неудач	0,21	0,05	–0,18	0,01	–0,06	0,17
A: аффектотимия — сизотимия (доброта, сердечность — обособленность, отчужденность);	0,11	0,19	0,19	—	—	—
C: сила «Я» — слабость «Я» (эмоциональная устойчивость — неустойчивость);	0,21	0,29	0,13	—	—	—
E: доминантность — конформность (настойчивость, напористость — покорность, зависимость);	0,21	0,21	0,13	—	—	—
F: сургенсия — десургенсия (беспечность — озабоченность);	0	0	0,15	—	—	—
G: сила Сверх-Я — слабость Сверх-Я (высокая совестливость — недобросовестность);	0,15	0,07	–0,08	0,05	0,05	0,21

Окончание табл. 5

L: протенсия — алаксия (подозрительность — доверчивость);	–0,1	0,21	0,13	—	—	—
M: аутия — праксерния (мечтательность — практичность);	0,07	0,15	0,15	—	—	—
O: гипотимия — гипертимия (склонность к чувству вины — самоуверенность, уверенная адекватность);	—	—	—	0,21	0,21	0,05
*Q*2: самодостаточность — социабельность (самостоятельность — зависимость от группы);	0,03	0,03	0,17	—	—	—
*Q*3: контроль желаний — импульсивность (высокий — низкий самоконтроль поведения);	0,15	0,07	–0,08	–0,18	–0,1	0,21
*Q*4: фрустрированность — нефрустрированность (напряженность — расслабленность).	—	—	—	0,15	0,15	–0,01
Экстраверсия	0,17	0,09	0,09	0,07	0,22	0,07
Нейротизм	—	—	—	0,13	0,21	0,05
Реактивная тревожность	—	—	—	0,11	0,19	0,03

Аналогично, столбцы подгруппы, озаглавленной «*низкие показатели личностных характеристик*», содержат существенности детерминаций *низких* показателей соответствующих личностных характеристик высокими показателями корреляции функции готовности субъекта к выбору и выбора, сделанного в позиции Родителя, Взрослого и Дитя соответственно.

В табл. 5 приведены следующие показатели: это полустроки (клетки строки, принадлежащие одной подгруппе); в то время как одна из существенностей в ней является значимой (больше 0,15), другие представлены для сравнения, наглядно демонстрируя значимость одной детерминации и не-значимость другой.

Рассмотрим наиболее важные результаты.

Высокие корреляции *Л* и *Р*, соответствующие нормативной ориентации испытуемых (на то, что требуется), а также высокие корреляции между *Л* и *В*, соответствующие ориентации на *целесообразность*, детерминируют высокую общую интернальность (существенность здесь 0,28 и 0,21 соответственно). В плане сравнения представляет интерес существенность детерминации общей интернальности высокой корреляцией *Л* и *Д* (т.е. ориентацией испытуемых на свои *желания*): существенность здесь равна –0,02. Иначе говоря, человеку, руководствующемуся интенциями долженствования или целесообразности, свойственно приписывать себе ответственность за происходящее (это человек внутреннего локуса контроля), в отличие от человека, руководствующегося желаниями. Рассмотрим теперь интернальность в области неудач (см. соответствующую строку таблицы): Человек-Родитель характеризуется внутренним локусом контроля (так же, как и в ситуациях, связанных с достижением успеха); но о Человеке-Взрослом подобного сказать нельзя. Последний, руководствуясь принципами целесообразности, отказывается признавать себя виновным *во всех* неудачах, соблюдая в этом принцип разумной середины. Что же касается Человека-Ребенка, то он полностью отказывается признавать себя ответственным за неудачи: существенность детерминации равна 0,17. (Для сравнения — в столбцах Родителя и Взрослого в соответствующих клетках стоят показатели 0,01 и –0,1).

По первому фактору теста Кетелла *А* (доброта, сердечность — обособленность, отчужденность) результаты детерминационного анализа указывают, что позиции Взрослого и Дитя детерминируют высокие показатели, т.е. теплоту и открытость в общении, богатство и яркость

эмоций, готовность к сотрудничеству. Человек-Ребенок испытывает трудности, когда необходимо длительное сосредоточение на какой-либо работе в одиночестве. Если при этом ему свойственны перепады настроения, то некоторые люди могут воспринимать его как человека беспечного, ненадежного или непредсказуемого.

По фактору *С* (сила / слабость «Я») высокие показатели детерминированы позициям Взрослого и Родителя. Такие люди имеют зрелые взгляды на жизнь, постоянны в своих планах и привязанностях, ориентированы на требования действительности, не страшатся перемен (заметим при этом, что у Человека-Взрослого эти качества выражены в большей степени, чем у Человека-Родителя).

Те же эго-состояния Родителя и Взрослого детерминируют высокие баллов по фактору *Е* (доминантность — конформность). Акцентуированные Родители и Взрослые обладают высокими баллами по этому фактору, уверены в себе, независимы, склонны скорее выступать в роли лидера, чем подчиненного или исполнителя; иногда они производят впечатление людей неуступчивых, не считающихся с авторитетами и сложившимися нормами.

Преобладание эго-состояния Дитя детерминирует высокие показатели по фактору *F* (беспечность — озабоченность). Акцентуированное Дитя общительно и жизнерадостно, окружающие склонны считать его оптимистом, ему приходится сталкиваться с недоверием или несерьезным отношением к себе из-за той легкости, с которой оно совершает поступки.

Высокие показатели по фактору *G* (сила — слабость Сверх-Я) детерминируются эго-состоянием Родителя, а низкие — Дитя. Человеку-Родителю легче выдержать серьезные трудности, чем пойти против своей совести. Принятых правил морали он придерживается не потому, что это выгодно, а потому, что считает это своим кредо. Если деятельность акцентуированного Родителя сопровождают частые конфликты, то это, скорее всего, связано с тем, что он слишком последовательно и прямолинейно проводит в жизнь свои принципы.

Человек-Ребенок часто демонстрирует моральную независимость, существующие правила трактует свободно, дает окружающим повод сомневаться в своей надежности. Его несобранность расценивается людьми как пренебрежение интересами тех, кто вместе с ним вкладывает усилия в общее дело, что, в свою очередь, может послужить причиной низкой оценки деловых качеств. Возможно, он

не всегда находит нужным соблюдать общепринятые требования и нормы поведения. Принципы, по которым живет акцентуированное Дитя, далеко не всегда понятны людям.

Эго-состояние Взрослого детерминирует наличие высоких показателей по фактору *L* (протенсия — алаксия). Высокие баллы по этому фактору говорят о склонности человека к поиску истинных мотивов поведения других людей. Человека-Взрослого трудно ввести в заблуждение, у него высокая самооценка, он долго помнит о пережитых трудностях и неудачных контактах, скорее всего, переоценивая их вероятность в будущем.

Анализ показывает, что Взрослые и Детские акцентуации в значительной степени детерминирует высокие показатели по фактору *M* (мечтательность — практичность): это люди с развитым воображением, мечтательные, немного рассеянные.

Эго-состояния Родителя и Взрослого детерминируют наличие низких баллов по фактору *O* (гипотимия — гипертимия). Такие оценки свидетельствуют об уверенности человека в себе, спокойствии и невозмутимости, нечувствительности к замечаниям и упрекам окружающих, энергичности и активности, умении справляться с трудностями и уверенности в своих возможностях.

Эго-состояние Дитя детерминирует высокие показатели по фактору *Q*2 (самодостаточность — зависимость от группы). Для Человека-Ребенка общественное мнение не является определяющим. Стремление к независимости настолько высоко, что, дорожа им, он готов со всеми трудностями справляться самостоятельно.

Эго-состояние Родителя детерминирует высокие показатели по фактору *Q*3 (высокий — низкий самоконтроль поведения), что свидетельствует об организованности, умении контролировать себя, способности упорно и планомерно следовать поставленной цели. Человек-Родитель хорошо сознает социальные требования, старается их выполнить, заботится о своей репутации. В противоположность этой детерминации эго-состояние Дитя детерминирует низкие показатели по фактору *Q*3, свидетельствующие о пониженном самоконтроле, импульсивности, жизни по настроению. Человеку-Дитя трудно организовать, продумать и упорядочить свою деятельность, подчинить желания требованиям дела.

Эго-состояния Родителя и Взрослого детерминируют низкие показатели по фактору *Q*4 (фрустрированность — нефрустрированность). Можно сказать, что акцентуированные Родитель и Взрослый спокойны и невозмутимы.

Эго-состояние Родителя детерминирует высокие показатели по шкале экстраверсии, что предполагает общительность, социабельность, широкий круг знакомств. В противоположность этому, эго-состояние Взрослого детерминирует низкие показатели по шкале экстраверсии — перед нами интравертированные личности (спокойные, застенчивые, склонные к интроспекции), а также низкие показатели по шкале нейротизма (повышенную эмоциональную устойчивость) и низкую реактивную тревожность.

Обобщение анализа табл. 5 позволяет сделать следующие выводы.

В ряде случаев одни и те же эго-состояния могут детерминировать одни и те же личностные качества:

1) Родителя и Взрослого — высокую общую интернальность и интернальность в области достижений, эмоциональную устойчивость и настойчивость, самоуверенность и уверенную адекватность, отсутствие фрустрированности;

2) Взрослого и Дитя — аффектотимию, аутию.

Существуют личностные характеристики, задающие оппозицию между разными эго-состояниями. Так, шкалы «Интернальность — Экстернальность в области неудач», «Сила Сверх-Я — Слабость Сверх-Я», «Контроль желаний — Импульсивность» задают оппозицию «Родитель — Дитя». Эти данные, как нам представляется, хорошо согласуются с феноменологией эго-состояний, представленной в трансактном анализе, подтверждая правомерность трансактной модели.

Некоторое удивление, пожалуй, может вызвать следующий факт: шкала «Экстраверсия — Интраверсия» задает оппозицию «Родитель — Взрослый». На первый взгляд, кажется странным, что проявления Родителя сочетаются с экстравертированностью человека. Но если мы всмотримся в черты Родителя внимательнее, мы придем именно к этому результату. Здесь правомерна аналогия с компьютером. Нет «существа» более «экстравертного», чем компьютер: его программируют извне, и после того как программа «вложена», то, что получается «на выходе», полностью детерминировано тем, что «на входе». Так и Родитель: участвуя в «семейном параде» [Берн, 2000], он приобретает свои содержания извне (от Родительских эго-состояний других родителей) и транслирует их вовне. Он вынужден реагировать

на сигналы, поступающие из среды, иначе он не сможет реализовать свою репродуктивную функцию. Родитель, погруженный в свой внутренний мир, преобразующий себя, рефлектирующий и т.п. — нонсенс! Это прерогатива Взрослого[54].

Существуют личностные характеристики, свойственные только одному эго-состоянию, что также в большей или меньшей степени ожидаемо. Так, Взрослому (а он, напомним, живет в стохастической среде и «вычисляет вероятности») соответствуют протенсия, нейротизм, реактивная тревожность, в то время как состоянию «Дитя» — контрастные проявления беспечности, самодостаточности.

Итак, в контексте многофакторного исследования личности при использовании трансактной модели рефлексивного выбора, $Л = (B \rightarrow P) \rightarrow Д$, мы получаем вполне согласующиеся с трансактными представлениями и нашей собственной интуицией факты: личностные черты индивидуумов, устанавливаемые по многим методикам, *соответствуют* тем выборам, к которым их «подталкивают» эго-состояния Взрослого, Родителя, Дитя[55]. Таким образом, предложенная раннее трансактная модель рефлексивного выбора получает свое эмпирическое подтверждение.

Вернемся к тезису, который был сформулирован нами ранее. Мы говорили о том, что «индивидуальность *не есть* субъект». Однако из всего сказанного ранее отнюдь не следует, что индивидуальность, отличаясь от субъекта как рефлектирующего себя, целеустремленного и целедостигающего существа, лишена возможности обнаруживать вовне субъектность составляющих ее «частей».

В случае если Взрослый берет на себя эту роль, выстраивая свои отношения с другими внутренними субъектами и подчиняя их своей воле, мы говорим о том, что индивидуум *состоялся* как личность, а процессы, порождающие *состоятельность*, описываем в терминах *саморегуляции*.

[54] На заре трансактных исследований эго-состояние Взрослого сравнивали с компьютером. Но эти времена ушли в прошлое...

[55] Существуют примеры опытной оценки меры соответствия данных эмпирического исследования интуиции экспертов [Петровский, 1997; Митина, Петровский, 2004]. Но обсуждение этого вопроса выходит за пределы целей настоящего исследования.

Глава 8
МЕТАИМПЛИКАТИВНАЯ МОДЕЛЬ МОТИВАЦИИ ВЫБОРА[56]

Общеизвестно, что испытуемые, в условиях свободного выбора задач различной степени трудности[57], подразделяются на две категории: «А» — испытуемые, в первую очередь выбирающие задачи в среднем диапазоне трудности; «Б» — испытуемые, осуществляющие экстремальные выборы, т.е. предпочитающие самые легкие и самые трудные задачи. Возможно, испытуемые категории «Б» никогда не были бы объединены исследователями в такую группу и никогда их выборы не получили бы название «экстремальных», если бы этим испытуемым не был одинаково свойствен определенный тип мотивации — стремление избежать неудачи, в отличие от испытуемых группы «А», которым свойствен другой тип мотивации — стремление к успеху. Классическая интерпретация этого явления заключаются в том, что испытуемые «А» характеризуются преобладанием мотива достижения успеха (в дальнейшем — «надежда на успех») над мотивом избегания неудачи («боязнь неудачи»), в противоположность испытуемым «Б», у которых «боязнь неудачи» сильнее «надежды на успех».

Изящная математическая модель, разработанная Аткинсоном, на полвека вперед предопределила направление вдохновленных ею экспериментальных исследований. Модель выбора риска (risk-taking model) Аткинсона [Atkinson, 1957; 1964] описывает привлекательность выбора задачи определенной степени трудности (результирую-

[56] Работа выполнена при поддержке РФФИ. Впервые опубликована в «Психологическом журнале» [Петровский, 2006*б*]. Воспроизводим статью с небольшими изменениями, сохраняя символы, использованные в ней (речь идет об обозначении метаимпликации в виде стрелочки «→»).

[57] Первая ситуация такого рода была создана в работах Ф. Хоппе — ученика К. Левина [Hoppe, 1930].

щую тенденцию решать данную задачу) в виде алгебраической суммы тенденций успеха и избегания неудачи[58]:

Результирующая тенденция =
Тенденция успеха + *Тенденция избегания неудачи* =
= (*Надеж. на усп.* × *Привл. дос. усп.* × *Суб. вер. усп.*) +
+ (*Бояз. неуд.* × *Привл. изб. неуд.* × *Суб. вер. неуд.*)

В этой модели «Надежда на успех» и «Боязнь неудачи» — это «личностные диспозиции», а «Привлекательность достижения успеха» и «Привлекательность избегания задачи» — «ситуационные детерминанты»; последние в свою очередь напрямую связаны с «Субъективной вероятностью успеха» и с «Субъективной вероятностью неудачи». В положении о наличии такой связи и состоит фундаментальное допущение Аткинсона, придающее изящество этой модели. Согласно Аткинсону, привлекательность успеха в решении задачи (или, как говорит об этом Х. Хекхаузен [1986], «предвосхищающее чувство успеха решения задачи») будет тем сильнее, чем ниже субъективная вероятность успеха (в наших терминах — чем ниже воспринимаемая *доступность* задачи). И наоборот, привлекательность избегания неудачи в решении задачи данной степени воспринимаемой доступности будет тем сильнее, чем легче в глазах субъекта эта задача. Для простоты принимается, что существует отношение взаимодополнительности между привлекательностью достижения успеха и субъективной доступностью этой задачи (чем менее доступна, тем приятнее было бы ее решить, «тем больше притягивает»):

Привл. дос. усп. = 1 – *Суб. вер. усп.*,

а также равенства между привлекательностью избегания неудачи и субъективной доступностью данной задачи (чем доступнее, тем неприятнее было бы потерпеть фиаско, «тем больше отталкивает»):

Привл. изб. неуд. = *Суб. вер. усп.*

Для простоты принимается также, что субъективная вероятность успеха решения данной задачи (доступность) в сумме с субъективной вероятностью неуспеха (трудность в глазах субъекта) дают единицу:

Суб. вер. неуд. = 1 – *Суб. вер. усп.*

[58] Мы не используем здесь латинские символы, чтобы не перегружать внимание читателя — нам оно еще потребуется в дальнейшем.

С учетом сделанных допущений алгебраические преобразования исходной формулы, описывающей результирующую тенденцию решения задачи данной степени трудности, приводят к простой формуле:

Результ. тенденция =
(*Над. на усп.* – *Бояз. неуд.*) × (*Суб. вер. усп.* – *Суб. вер. усп.*^{2})

Последний сомножитель представляет собой произведение *Суб. вер. усп.* × (1 – *Суб. вер. усп.*). Это произведение *всегда положительно* и принимает значение 0 в двух случаях: при *Суб. вер. усп.* = 0 и *Суб. вер. усп.* = 1; оно принимает *максимальное* значение, равное средней субъективной вероятности успеха, при *Суб. вер. усп.* = 0,50.

Из этого вытекают два важных следствия.

1. Если *Над. на усп.* – *Бояз. неуд.* > 0, то результирующая тенденция принимает *максимальное* значение при средней субъективной вероятности успеха. Это значит, что индивиды, у которых мотив успеха сильнее мотива избегания неудачи, должны будут предпочитать задачи средней степени доступности с преобладанием надежды на успех.

2. Но если *Над. на усп.* – *Бояз.неуд.* ≤ 0, то результирующая тенденция, будучи во всех остальных случаях отрицательной (деятельность достижения лишена привлекательности), обретает свой *максимум* на крайних точках шкалы воспринимаемой доступности, т.е. при субъективных вероятностях достижения успеха, равных 0 и 1. Именно такие — «экстремальные» — выборы должны, в соответствии с моделью принятия риска, совершать испытуемые.

Насколько соответствует эта модель действительности?

Группы испытуемых «А» и «Б», о которых речь шла в начале этой статьи, существуют, но полноты соответствия между моделью и фактами нет. Для того чтобы согласовать эмпирические данные с идеальной моделью, авторы вводили дополнительные переменные и принимали специальные допущения.

В центре внимания многих исследователей оказался феномен *смещения* выборов, производимых испытуемыми «А», в направлении более трудных, чем предсказывает модель, задач. Вместо предсказанного моделью среднего уровня доступности (вероятность решения задачи, p = 0,5), испытуемые, мотивированные успехом, предпочитали выбирать задачи, вероятность решения которых располагалась в интервале (0,3 < p < 0,4). Этот расхождение с моделью, по-видимому,

нельзя объяснить просто тем, что в модели Аткинсона первоначально не различались объективная и субъективная вероятность достижения успеха (создатель модели, как отмечает Х. Хекхаузен [1986], в момент ее создания, очевидно, был искренне убежден в том, что объективные и субъективные вероятности успеха объединяет конструкт «ожидание»). Автор цитируемой монографии был первым, кто обратил внимание на то, что «высокомотивированные испытуемые могли, *вопреки модели* (курсив мой — *В. П.*), предпочесть фактическую вероятность, составлявшую менее 0,5. В реальности это происходит сплошь и рядом, однако в исследованиях впервые было отмечено лишь в 1955–1956 гг.». Х. Хекхаузен при этом особо подчеркивает, что выбор этими испытуемыми более трудных (менее доступных задач) «не означает отсутствия соответствия между объективной и субъективной вероятностями» [Там же, с.10].

Драматическая история обоснования и многочисленных уточнений этой модели представлена в цитируемой нами капитальной книге Хайнца Хекхаузена «Мотивация и деятельность» [Там же].

В настоящей работе феномен выбора трудности задачи получает новое освещение. Впервые для интерпретации фактов, полученных исследователями мотивации достижения, мы обращаемся к идеям рефлексивной теории В.А. Лефевра [Лефевр, 1996; 2000; 2003; 2004]. Мы раскрываем концептуальные и эвристические возможности предложенной В.А. Лефевром модели биполярного выбора применительно к выбору задач определенного уровня трудности и, опираясь на эту модель, предлагаем собственную — метаимпликативную — модель мотивации выбора.

Предлагаемая нами метаимпликативная модель мотивации выбора, опирающаяся на булеву модель Лефевра, позволяет переосмыслить саму *структуру мотивации* выбора и феноменологию различий между испытуемыми, придерживающимися различных стратегий выбора (между представителями групп «А» и «Б»).

Предлагаем *трансактную версию* метаимпликативной модели мотивации выбора. Привлечение понятийного аппарата трансактного анализа Э. Берна и его последователей [Берн, 2000; 2001; Джойнс, Стюарт 1996] позволяет прояснить *социальные* (социально-психологические, биографические, детско-родительские) истоки индивидуальных различий при выборе задач различных уровней трудности, а также наметить пути *персонологического консультирования* людей в

ситуации жизненно важных выборов. Ибо ничто не исключает мысли о том, что стратегии наблюдаемых выборов в лабораторных условиях исследования уровня притязаний — это своего рода «мини-сценарий» поведения людей в условиях реального экзистенциального выбора.

Переменные метаимпликативной модели, как и ранее в некоторых других главах книги, будут осмыслены в терминах Взрослого, Родительского и Детского эго-состояний (будет введено также новое понятие «нуклеарное эго-состояние» — аналог философского трансцендентального «Я»). Мы обратимся также к анализу структуры объяснительных и прогностических возможностей метаимпликативной модели мотивации выбора на примере анализа двух психологических феноменов. Один из них — *феномен смещенного выбора* (отмеченное Хекхаузеном отклонение действительной картины выборов от расчетной согласно модели принятия риска). Другой феномен — ему по праву следует присвоить имя первооткрывателя — это *феномен Физера*.

Метаимпликативная модель мотивации выбора. Напомним, что одна из предложенных В.А. Лефевром формул, описывающая готовность субъекта выбирать позитивный полюс в условиях биполярного выбора, имеет вид:

$$X = (x_3 \rightarrow x_2) \rightarrow x_1,$$

где (x_1) — это «давление среды»,
(x_2) — «знание о давлении среды»,
(x_3) — «интенция» и
(X) — само значение функции готовности субъекта к выбору;
стрелочка «→» здесь символизирует операцию импликации.

Переменные x_1, x_2, x_3 рассматриваются как независимые и принимающие значения 1 или 0; X принимает также значения 1 или 0 в согласии с таблицей значений истинности импликации $A \rightarrow B$.

Для тех, кто имеет привычку читать книги «вразброс» (автор этих строк сам грешит этим!), напомним таблицу истинности импликации (табл. 6).

Приведем только один пример того, как «работает» эта формула: если интенции субъекта позитивны ($x_3 = 1$), среда воспринимается субъектом как побуждающая к выбору позитивного полюса ($x_2 = 1$), а реально мир оказывает давление в противоположную сторону ($x_1 = 0$),

Таблица 6

Значения истинности импликации

$1 \to 1 = 1;$
$0 \to 1 = 1;$
$0 \to 0 = 1;$
$1 \to 0 = 0.$

то субъект, находящийся во власти иллюзий, хотя и стремится осуществить позитивный выбор (например, выбор «добра»), оказывается к нему не готов (фактически выбирает «зло»):

$$(1 \to 1) \to 0 = 1 \to 0 = 0$$

Предполагается, что переменные x_1, x_2 и x_3 под влиянием внешних и внутренних «толчков» (импульсов) принимают значение 1, соответствующее позитивному полюсу, с вероятностями p_1, p_2, p_3. Для простоты можно принять, что $x_1 = p_1$, $x_2 = p_2$ и $x_3 = p_3$. Может быть доказано, что символу X в этом случае будет соответствовать выражение

$$X = x_1 + (1 - x_1)(1 - x_2)\, x_3$$

Краеугольный камень теории Лефевра — идея «интенционального выбора». Речь идет о том, что некоторым *интенциям* субъекта суждено превращаться в равную им *готовность* к выбору (субъективные намерения здесь тождественны истинной — объективной — устремленности субъекта к действию):

$$X = x_1 + (1 - x_1) \times (1 - x_2) \times x_3 = x_3$$

Это соотношение позволяет найти значение x_3 (интенция), отталкиваясь от известных значений x_1 (давление среды) и x_2 (представление субъекта о давлении среды)[59]. Важность идеи «интенционального выбора» трудно переоценить. На базе этой идеи В.А. Лефевру удалось в значительной мере продвинуться в осмыслении вечных проблем, с которыми сталкивается человек, будь то «звездное небо над головой» (буквально!) или «нравственный закон внутри нас» (буквально!) [Лефевр, 1996; 2004].

[59] Формула Лефевра: см. сноску 30 на с. 137.

Заметим, что мы не можем здесь просто переписать ранее приведенное выражение $X = (x_3 \to x_2) \to x_1$, справедливое только для «четких» значений 1 и 0, так как x_1, x_2, x_3 в общем случае принимают и *промежуточные* значения на отрезке [0; 1]. Для преодоления этой трудности в книге вводится понятие «метаимпликация», позволяющее иметь дело с любыми рациональными значениями антецедента (A) и консеквента (B) операции $A \to B$ на этом отрезке (мы перерисовываем стрелочку как бумеранг «$\hookleftarrow$» и запись приобретает вид $A \hookleftarrow B$) (см. гл. 4).

Нам казалось важным сохранить импликативную форму записи (и саму идею импликации) для «промежуточных» значений чисел между 0 и 1. Это объяснялось необходимостью введения нового понятия, позволяющего описывать соотношение устремлений и ресурсов субъекта в терминах *реализуемости* первых посредством вторых. (Мета)импликация здесь играет роль «механизма» перехода от запросов, воплощающих в себе устремления личности, к внешним и внутренним ресурсам, на основе которых субъект обретает необходимый ему уровень адаптации к внешним обстоятельствам жизнедеятельности. В этой связи мы говорим о «состоятельности устремлений» (см. гл. 12).

Состоятельность устремлений — мера достаточности внутренних и внешних ресурсов субъекта для реализации запросов, выражающих его устремления. Примем следующие обозначения:

a — запрос субъекта, выражающий некоторое единичное устремление (например, устремление к познанию, достижению и т.д.);

b — внешний ресурс, отвечающий устремлению (например, уровень доступности задачи);

b_1 — внутренний ресурс, отвечающий устремлению.

Предполагается, что предъявляемый вовне запрос a есть результат нехватки внутренних ресурсов, отвечающих данному устремлению, — субъект «запрашивает» то и только то, чего ему не хватает для реализации устремления:

$$a = 1 - b_1$$

Общая формула состоятельности устремлений субъекта имеет следующий вид:

$$a \to b = 1 - a + ab,$$

что в свою очередь сводится к сумме:

b_1 (внутренний ресурс) + ab (востребованный внешний ресурс).

Напомним также о том, что метаимпликативная модель мотивации выбора включает в себя представление о *благополучии* индивида во взаимоотношениях со средой, объединяющее в себе другие формы проявления состоятельности. Интуитивно благополучие воспринимается как душевное равновесие, адаптированность, благоденствие, гармония, удовлетворенность собой, самоприятие, состояние «ОК». Речь здесь идет о том, насколько условия существования субъекта отвечают его устремлениям, предотвращая возможные негативные последствия его активности (такие, как неуспех, проигрыш, срыв и т.п.). И в этом смысле благополучие — это также мера небезуспешности, беспроигрышности, безошибочности, безупречности. Человек может чувствовать себя вполне ОК не только тогда, когда он включает внешние ресурсы в орбиту своей активности, но и тогда, когда он отказывается использовать их и обращается к своим внутренним ресурсам. Удовлетворенность отказом («Спасибо, нет!» — слоган наркологов) в этом случае звучит для него не менее притягательно, чем удовлетворенность выбором («Спасибо, да!»)[60]

Предварительно осмыслить понятие «благополучие» («удовлетворенность собой», «самоприятие» и т.п.) поможет нам запись, не использующая каких-либо сокращений и включающая в себя вполне понятные русские слова, которые в дальнейшем, также в интересах удобства работы с моделью, будут замещены латинскими буквами.

БЛАГОПОЛУЧИЕ:

(((*Притязания* → *Сведения*)) → *Готовность к риску*) → *Мир*

Стрелочки «→» могут быть прочитаны как «опирается», «реализуется посредством»[61].

Используя символы, «благополучие» (W) изобразим следующим образом:

[60] Могут быть выделены две компоненты состоятельности устремлений: *результативность* запроса (т.е. величина произведения ab — «присвоенный внешний ресурс») и *защищенность* (т.е. величина $1 - a$ — «актуализируемый внутренний ресурс»).

[61] Заметим, что логический оператор импликации получил прописку в рефлексивной алгебре В. Лефевра весьма рано. Исторически первые формальные подходы к предложенной им модели субъекта основывались на булевых соотношениях. Эффективность использования этого оператора в классической и многозначной булевой его

$$W\,(\text{Well-being}) = ((x \to y) \to z) \to f \qquad (*)$$

Опишем основные переменные, фигурирующие в этом выражении:

f — возможности, реально предоставляемые средой; исходы возможного опыта; непредрешенное; неизвестное; неопределенное; искомое; символически данное; a posteriori известное, являющееся post factum;

z — готовность к непредсказуемому развитию событий, толерантность к неопределенности, «запас прочности», готовность к риску;

y — сведения о мире, почерпнутые у других; указания окружающих; представление о собственных возможностях, основанное на чужих оценках; относится к категории знаний, полученных субъектом из внешних источников; достоверность таких знаний в глазах субъекта определяется доверием его к источнику;

x — запрос; интенсивность осознаваемых субъектом усилий, обращенных к ресурсу.

Принимается также, что в общем случае перечисленные переменные могут быть независимы друг от друга.

Рассмотрим подробнее, что происходит внутри скобок и что представляет собой переход из «внутреннего пространства» скобок вовне; словом, как содержательно интерпретировать результат импликации $a \to b$ и превращение этого результата в предпосылку новой импликации $(a \to b) \to \ldots$ на разных ступенях развертки активности субъекта.

Мы уже говорили, что знакосочетание «$a \to b$» может быть осмыслено как символ *состоятельности устремлений* вообще[62]. Условимся, что пока это выражение не заключено в скобки, речь идет о

трактовке, на наш взгляд, не вызывает сомнений. Но если иметь в виду не столько формальную, сколько содержательную сторону дела, каков смысл самого оператора? Вопрос этот нетривиален. Очевидно, что символ «→» не имеет ничего общего с формой условного высказывания «если M, то N», указывающей на существование причинно-следственной связи между M и N. Импликация в нашей трактовке указывает на меру *реализуемости* устремлений посредством ресурсов (см. гл. 6).

[62] Можно убедиться в том, что состоятельность системы, определяемая на основе импликации, интуитивно соответствует исходам четырех ситуаций «запрос → ресурс» (см. табл. 1). Пояснения требует только один случай: $0 \to 0 = 1$. Но эта ситуация вполне объяснима, если принять во внимание, что субъект «запрашивает» то и только то, чего ему не хватает для реализации устремления. В данном случае отсутствие ресурса не отражается на «самочувствии» системы: актуализируются внутренние ресурсы взамен внешним запросам («на нет и суда нет»).

процессе и результате использования субъектом имеющихся ресурсов для реализации своих устремлений. Но как только мы помещаем это выражение в скобки и рассматриваем его как антецедент (посылку) импликации следующей ступени, то речь в этом случае идет о *предпосылке* следующего акта реализации субъектом своих устремлений — об оценке перспективности (или, может быть, бесперспективности) продолжения активности в данном направлении.

1. $a \rightarrow b \sim$ *состоятельность устремлений* (вообще) — мера достаточности ресурсов (внешнего — b и внутреннего — b_1) для реализации запросов (а), выражающих устремления личности.

$1^{/}$. $(a \rightarrow b) \rightarrow ... \sim$ *оценка перспективности* (*бесперспективности*) *действия* в направлении данного устремления (a) с опорой на внешние и внутренние ресурсы (b и b_1).

Во втором случае[63], как уже было отмечено, речь идет о результате применения импликации как предпосылке повторной реализации этой операции. Хотя формально выражение 1 и $1^{/}$ рассматриваются как равные друг другу, содержательно они различаются. В пункте $1^{/}$ подчеркивается, что мера состоятельности устремлений на предшествующей ступени активности выступает источником нового запроса.

Принимаем, что уровень запроса (*оценка перспективности или бесперспективности действия в заданном направлении*) *определяется ранее достигнутым уровнем состоятельности субъекта* (*постулат «какова амуниция, таковы и амбиции»* [Петровский, 2002*а*].

Формулируя постулат «амуниции *равно* амбиции», косвенно мы вводим представление о том, что самоосуществление в деятельности, связанной с достижением, представляет собой синтез двух форм активности субъекта — самоактуализации и самотрансценденции:

Самоосуществление = Самоактуализация + Самотрансценденция

«Самоактуализация» здесь — это поиск и использование внутренних скрытых ресурсов (дефицит которых порождает запрос вовне), а «самотрансценденция» — расширение границ существования

[63] Обратим внимание, что во втором случае ($1^{/}$), в отличие от первого (1), импликация заключена в скобки, справа от которых изображена стрелочка и многоточие. Таким образом, подчеркивается, что речь идет о результате применения импликации как предпосылке для повторной реализации этой операции. В содержательном плане здесь речь идет о том, что мера состоятельности устремлений на предшествующей ступени активности выступает источником нового запроса.

субъекта (территории его «Я») за счет присвоения внешних ресурсов, соответствующих запросу. Если субъект ничего не достиг на предшествующей ступени активности (уровень состоятельности = 0, «кризис»), он начинает искать внутренние ресурсы, позволяющие вывести его из тупика (тенденция к самоактуализации = 1); при этом его меньше всего влечет «расширение территории “Я”» (тенденция к самотрансценденции = 0). Но если достигнутый уровень состоятельности максимален (= 1), нет смысла искать скрытый ресурс (тенденция к самоактуализации = 0), зато максимален запрос на расширение «территории “Я”»» (тенденция к самотрансценденции = 1)[64]. Сочетание двух отмеченных тенденций имеет место тогда, когда достигнутый уровень состоятельности занимает промежуточное значение между полюсами 0 и 1. Таким образом, перед нами модель *развивающегося* субъекта (в противовес *застойному*): в момент кризиса он обращается к себе и «поднимает себя сам», в момент триумфа — выходит за пределы себя, обращаясь к новым возможностям. Вместе с тем это и модель *рискующего* существа: ведь для самого субъекта далеко не очевидно, будет ли удовлетворен его новый запрос или, наоборот, ожидания, обусловленные его прежними достижениями, будут обмануты. Перспектива новых возможностей — этого всего лишь шанс, который может быть как подтвержден, так и опровергнут.

Проследим логику развертки активности при переходе с одной ее ступени на другую (рис. 24).

Поскольку субъект никогда не знает заранее, что представляет собой конкретно f, а знает только, что он *ничего* не знает об этом (область истинного незнания), то мы не вводим этот символ в модель субъективного ожидаемого благополучия и, таким образом, приходим к очень простой формуле, описывающей основной ориентир выбора субъектом уровня доступности решаемой задачи:

$$W_{\text{суб}} = (x \rightarrow y) \rightarrow z$$

[64] «Избыточные возможности» («могу») порождают желание действовать — «хочу» («и буду!») [Петровский, 1976]; тем самым, как мы отмечали в этих работах, к известной диаде «долг и влечение» присоединяется третий вектор активности, в котором реализуются возможности субъекта, рожденные в его деятельности. К.С. Лисецкий, развивая эту идею, добавляет к слову «могу» приставку «с», в результате чего приобретает адекватное терминологическое оформление идея осознаваемого субъектом импульса к действию — «я смогу» [Лисецкий, 2007].

ПЕРВАЯ СТУПЕНЬ АКТИВНОСТИ*: ПОРЫВ

x	$x = 1$	«есть силы»; «я смогу!»
	энергия действия, уровень притязаний	
	$x = 0$	«нет сил!..»; «не возьмусь сразу, соберусь с силами...»

ВТОРАЯ СТУПЕНЬ АКТИВНОСТИ: РАСЧЕТ

$x \to y$	$x \to y = 1$	«спокоен за себя и буду поддерживать *status quo*»
	потенциальная удовлетворенность собой, желание испытать себя	
	$x \to y = 0$	«в тревоге за себя; надо взять себя в руки»

ТРЕТЬЯ СТУПЕНЬ АКТИВНОСТИ: ВОЛЯ

$(x \to y) \to z$	$(x \to y) \to z = 1$	«внутренне собран; все будет OK!»
	внутренняя гармония, субъективное ожидаемое благополучие	
	$(x \to y) \to z = 0$	«в разладе с собой; углублюсь в себя, чтобы преодолеть кризис»

ЧЕТВЕРТАЯ СТУПЕНЬ АКТИВНОСТИ: ПРОРЫВ

$((x \to y) \to z) \to f$	$((x \to y) \to z) \to f = 1$	реальное благополучие, желание закрепить опыт
	благоденствие, тенденция к воспроизводству	
	$((x \to y) \to z) \to f = 0$	разочарование; желание разобраться в себе, прежде чем действовать

Рис. 24. Логика развертки активности

* Исходим также из того, что существует некая изначальная, «нулевая» ступень, на которой возможности и устремления субъекта имеют для него абсолютный характер (аутистическое переживание всемогущества и непобедимой устремленности) — своего рода «запал» активности.

Итак, перед нами формула *субъективного ожидаемого благополучия*. Она включает в себя некоторые значения *уровня намерений* (x), *сведения о доступности задачи* (y) *и готовности к риску* (z).

Все фигурирующие в приведенной модели переменные могут быть осмыслены в терминах трансактного анализа[65]. Мы придаем принципиальное значение этой возможности, так как она задает новые — социально-психологические — ориентиры исследования генезиса мотивации достижения, а также возможные пути динамизации сложившихся подходов к выбору человеком задач различной степени трудности.

Напомним читателю, что, согласно Э. Берну, структура личности рассматривается как состоящая из трех органов: экстеропсихики, неопсихики и археопсихики. Феноменологически и операционально эти органы личности проявляются как три типа эго-состояний, которые соответственно называются «Родитель», «Взрослый», «Дитя».

Каждое из эго-состояний обладает тем качеством, которое может быть обозначено как «субъектность» [Петровский, 1996]; они нечто большее, чем просто специфические паттерны мыслей, представлений, чувств, действий. «Деление на три элемента следует понимать вполне буквально. Это как если бы в каждом пациенте присутствовали три разных человека» [Берн, 2001, с. 272].

Переходя к уже известной нам символической форме записи этого выражения и вводя нижние индексы[66], имеем:

$$W_{\text{суб}} = (x_{\text{В}} \to y_{\text{Р}}) \to z_{\text{Д}} ,$$

где $W_{\text{суб}}$ — *субъективное ожидаемое благополучие личности* (*внутренняя состоятельность*)*;*

[65] До меня попытку синтеза этих идей предпринял В.Ю. Крылов [2000], о чем мне довелось узнать уже после того, как первый очерк моей модели был построен и опубликован [Петровский, 2001] — увы, через несколько лет после ухода из жизни этого замечательного исследователя. Предложенную мною модель с моделью Крылова роднит интенция синтеза, все остальное в моделях различно. Исключение составляет лишь пункт, согласно которому Дитя может противостоять Родителю. В модели Крылова это противостояние постулируется; в «рефлексивной модели трансактного выбора» такое противостояние дедуцируется как одна из возможностей (что соответствует берновскому «бунтующему Дитя», а в современном трансактном анализе — «негативному Дитя»).

[66] В дальнейшем для простоты изложения мы будем опускать нижние индексы при символах.

$z_Д$ — *готовность принять риск с позиции Дитя;*

$y_Р$ — *убеждения, мнение о возможном исходе выбора с позиции Родителя;*

$x_В$ — *намерения; усилия, мобилизуемые Взрослым.*

Анализ феномена смещенного выбора. Классическая «модель принятия риска» Аткинсона предсказывает поведение людей в условиях свободного выбора трудности задачи. Почему испытуемые с доминантой успеха, вместо того чтобы выбирать задачи, занимающие центральное положение на шкале трудности, как предсказывает модель (вероятность решения — 0,5), предпочитают более трудные задачи? Чем замечателен интервал ($0{,}3 < p < 0{,}4$), внутри которого выбиралась трудность задачи? Эти вопросы продолжают оставаться открытыми, несмотря на упорные попытки исследователей дать на них ответ (некоторые версии упомянуты в начале этой статьи).

Импликативная модель мотивации выбора предлагает свой путь интерпретации этого феномена смещенного выбора. Иное объяснение получает также и тот факт, что в другой группе испытуемых (где доминирует боязнь неудачи) предпочтение отдается экстремальным выборам (берутся либо самые легкие, либо самые трудные задачи).

Разное поведение людей в условиях свободного выбора задач — средних по трудности, сверхлегких или сверхтрудных — еще не создает особой психологической проблемы. Здесь значимо то, что люди, выбирающие сверхлегкие и сверхтрудные задачи образуют, как ни парадоксально, психологически однородную группу «Б», отличающуюся по своим характеристикам от людей, предпочитающих решать средние по сложности задачи (группа «А»). Указан признак, по которому удается дифференцировать эти группы, — сдвиг в ту или иную сторону баланса двух сил: надежды на успех и боязни неудачи. Эмпирический портрет сходств и различий групп «А» и «Б» отчасти соответствует теоретической модели «выбора риска». Но уточнения этой модели утяжеляют ее, нарушая изящество объяснения, и, в свою очередь, требуют дополнительных обоснований.

Сохраняя идею существования глубинного критерия дифференциации испытуемых на группы «А» (смещенный выбор) и «Б» (экстремальные выборы), откажемся — по крайней мере, на время — от конструктов «надежда на успех» и «боязнь неудачи», чтобы в дальнейшем проверить возможности предлагаемой нами новой, метаимпликативной модели мотивации выбора. Эта модель позволяет увидеть другие, возможно, не менее глубокие основания для различения групп «А» и «Б» ($= Б_1 + Б_2$): «принцип реальности», «принцип удовольствия» и «принцип Танатоса», если прибегнуть здесь к терминам З. Фрейда. Мы убедимся также в том, что представители группы «А» могут быть названы *рационалистами* (более резко — *прагматиками*), а группы «Б» — *идеалистами*; среди последних обнаруживаются *сверхадаптивные* (группа «$Б_1$») и *активно-неадаптивные* (группа «$Б_2$»).

Потом мы еще вернемся к конструктам «мотив достижения успеха» и «мотив избегания неудачи», с тем чтобы переосмыслить их в специфических терминах метаимпликативной модели (см. раздел «Перспективы исследования» в этой главе).

Положим, что человек в порядке свободного волеизъявления может выбрать для себя как уровень доступности задачи для решения, так и уровень усилий, мобилизуемых в процессе будущего решения. Есть смысл пояснить, что «уровень доступности» — это уровень трудности «наоборот», а «решаемость» задачи — вероятность ее решения в заданных условиях. Будем считать, что силы на решение избираемой задачи и трудность ее решения *согласованы*, т.е. запрос на определенный уровень доступности задачи отвечает силам, мобилизуемым на ее решение, а те, в свою очередь, определяются избираемым уровнем доступности.

Пусть D — избираемый уровень доступности, а U — предпочитаемый уровень усилий. Спрашивается: в каком соотношении будут находиться U и D?

Логично считать (это ключевое допущение!), что в случае свободы выбора уровня доступности задач и одновременно уровня предпочитаемых усилий последние должны покрывать разницу между 1 (абсолютная доступность) и D (доступность предпочитаемой задачи):

$$U = 1 - D.$$

Иными словами, мы вводим здесь важный принцип *комплиментарности*, согласно которому *сила запроса восполняет ограниченность запрашиваемого ресурса* (подчеркиваем, речь идет об условиях *свободного* выбора, и только).

Система уравнений, описывающая всех испытуемых (как *рационалистов*, так и *идеалистов*), приводится ниже:

$$(x \to y) \to z = x$$
(условие интенциональности)

$$x = 1 - y$$
(условие комплиментарности эго-состояний «Взрослый» и «Родитель»)

$$(x \to y) = 1 - z$$
(условие комплиментарности Взросло-Родительской эго-системы и эго-состояния «Ребенок»)

Замещая в первом и третьем уравнениях x на $1 - y$, получаем:

$$((1 - y) \to y) \to z = 1 - y,$$
$$((1 - y) \to y) = 1 - z.$$

Поскольку

$$z = 1 - ((1 - y) \to y),$$

условие интенциональности может быть записано теперь так:

$$((1 - y) \to y) \to (1 - ((1 - y) \to y)) = 1 - y.$$

Учитывая (∗) и раскрывая скобки, мы приходим к уравнению

$$(1 - (1 - y)^2)^2 = y$$

и находим три приемлемых его решения:

1. $y_1 = 0{,}382... = 1 - 0{,}618...$ (испытуемый выбирает *повышенный уровень трудности* задачи, соответствующий «золотому сечению», 0,618...);

2. $y_2 = 1$ (испытуемый выбирает *самые легкие* задачи — их доступность равна 1);

3. $y_3 = 0$ (испытуемый выбирает *самые трудные* задачи — их доступность равна 0).

Теперь мы определим различие между *рационалистами* и *идеалистами*.

Рационалисты — те, кто избирают задачи, уровень трудности которых соответствует первому полученному решению. В условиях свободы выбора эти испытуемые будут выбирать задачу, уровень доступности которой ниже среднего, т.е. скорее задачу высокого, нежели среднего или низкого уровня трудности; центр распределения выборов может быть указан точно — это задача, вероятность решения которой равна 0,382..., уровень доступности, соответственно ≈ 0,612... («золотое сечение»).

Мы обозначили испытуемых, которые следуют данному правилу выбора, как «рационалистов», так как они придерживаются «*золотой* середины» в своих предпочтениях[67].

Идеалисты — те, кто избирает полярные уровни доступности задачи, соответствующие второму и третьему полученным решениям (*т.е.* 1 *и* 0). Почему мы называем таких индивидуумов «идеалистами»? Возможно, здесь могли бы быть использованы и другие обозначения (например, «утописты» и т.п.). Но заметим, что в обоих случаях принятия решения о выборе уровня доступности задачи эти испытуемые предпочитают не иметь дело с реальностью — либо, по сути, отказываясь от решения задач вообще (выбор сверхлегких задач), либо выбирая из них сверхсложные. Термин «идеалисты», таким образом, фиксирует факт отклонения от требований реальности.

Теперь мы можем обратить внимание на то, что у *рационалистов* $y_Р = z_Д$ (это позволяет заменить $z_Д$ на $y_Д$):

Дитя здесь придерживается тех же позиций, что и Родитель,

т.е., в терминах трансактного анализа, представляет собой Подчиняющееся (Позитивное) Дитя.

У *идеалистов* $z_Д = 1 - y_Р$ (это позволяет в силу условия комплиментарности $x_В$ и $y_Р$ заменить $z_Д$ на $x_В$). Таким образом,

Дитя здесь — это «Родитель наоборот»,

т.е., в терминах трансактного анализа, Бунтующее (Негативное) Дитя.

Это положение имеет силу независимо от того, совершает ли индивид выбор сверхлегкой ($y = 1$) или сверхтрудной задачи ($y = 0$), что позволяет, *согласно единой психологической природе детерминации выборов* (*Дитя противостоит Родителю*), объединить таких индивидов в одну группу (выше она была обозначена как группа «Б»).

[67] А.К. Ерофеев [1983], имея в виду тенденцию испытуемых выбирать средние уровни трудности задачи, ввел термин «реализм». Точнее, по-видимому, не скажешь! Однако для нас здесь появляется риск контекстуального смешения терминов: в «Космическом субъекте» В.А. Лефевр использует термин «реализм» для обозначения факта соответствия интенции субъекта его готовности к выбору; в «Алгебре совести» выборы, совершаемые «реалистами», имеют название «интенциональный выбор» (в этой статье мы используем термин «интенциональный выбор» при описании как *рационалистов*, так и *идеалистов*). Впрочем, вполне возможно применение терминов «рационалист» и «реалист» как синонимов [Лефевр,1996; 2004].

Как видим, *идеалисты*, осуществляя парадоксальные выборы (исследователи мотивации достижения называют их «экстремальными»), втайне считают, что они получат то, чего заслуживают; они будто исходят из принципа «каждому по деяниям его».

Анализ феномена Физера. Рассмотрим еще одно явление, значимое для апробации импликативной модели мотивации выбора. Речь идет о фактах, полученных Н.Т. Физером [Fether, 1961]. Они настолько нетривиальны, что могут быть, как уже отмечено, названы «феноменом Физера».

В развитие представлений о различиях в поведении людей, делающих свой выбор в зависимости от соотношения мотивов достижения и избегания, Физер провел впечатляющие эксперименты, касающиеся настойчивости в процессе решения задач. Физер предлагал испытуемым решать неразрешимые задачи (о чем сами испытуемые, разумеется, не знали). В первом случае задача выдавалась за легкую (испытуемым-студентам сообщали, что она доступна приблизительно 70% студентов их уровня подготовленности), а во втором — за сверхсложную задачу («только 5% студентов решили эту задачу»). Таким образом, в двух разных ситуациях предъявления задачи измерялась *настойчивость* испытуемых в процессе ее решения. Они знали, что в любой момент своей деятельности могут оставить решение этой задачи и взяться за решение другой (в одном из экспериментальных исследований Физера указывалось, что альтернативная задача характеризуется средней степенью сложности). Предварительно на основе тестирования выделялись две полярные группы испытуемых — «мотивированные успехом» (доминирует *мотив достижения успеха*, $M_у$) и «мотивированные избеганием неудачи» (доминирует *мотив избегания неудачи*, $M_и$). Представители этих групп стали участниками эксперимента с неразрешимыми задачами.

Итак, первый вопрос заключался в следующем: в какой из серий — якобы простые или сложные задачи — испытуемые *с доминированием мотива достижения успеха* проявят больше настойчивости?

Второй вопрос касался испытуемых *с доминированием боязни неудачи*. В какой ситуации они будут более настойчивы: при решении якобы простой (вероятность решения которой называлась равной 0,7) или якобы сложной задачи (названная вероятность которой была равна 0,05)?

Третий вопрос: существуют ли различия в проявлениях настойчивости между испытуемыми с доминированием надежды на успех и боязнью неудачи при решении *якобы сложной задачи*?

Четвертый вопрос: существуют ли различия в проявлениях настойчивости, и если да, то какие, между испытуемыми с доминированием мотива успеха и доминированием боязни неудачи при решении *якобы простой задачи*?

(Читатель может оценить нетривиальность[68] полученных Физером данных, попытавшись самостоятельно предсказать ответы на каждый из четырех вопросов.)

Физер ответил на эти вопросы экспериментально, сформулировав предварительно следующие четыре гипотезы.

Гипотеза 1. Когда мотив достижения успеха сильнее мотива избегания неудачи ($M_у > M_и$), настойчивость в первых пробах решения задач должна быть большей при высокой вероятности успеха ($P_S > 0{,}50$), по сравнению с ситуацией, где субъективная вероятность успеха невелика ($P_S < 0{,}50$).

Гипотеза 2. Когда $M_и > M_у$, настойчивость испытуемых при низком уровне субъективной вероятности решения задач ($P_S < 0{,}5$) выше, чем в случае высокого уровня субъективной вероятности решения ($P_S > 0{,}5$).

Гипотеза 3. Когда исходное значение P_S велико ($P_S > 0{,}50$), испытуемые с $M_у > M_и$ проявляют больше настойчивости, чем субъекты, у которых $M_и > M_у$.

Гипотеза 4. Когда исходное значение P_S невелико ($P_S < 0{,}50$), испытуемые с $M_и > M_у$ более настойчивы, чем с $M_у > M_и$.

Физер получил результаты, убедительно подтверждающие все выдвинутые гипотезы:

1) испытуемые с преобладанием мотива успеха проявляют большую настойчивость при решении «более простой» задачи;

2) испытуемые с преобладанием избегания неудачи проявляют большую настойчивость при решении «более сложной» задачи;

[68] Понятие «нетривиальность факта» характеризует несовпадение «точки зрения» опыта и «точки зрения здравого смысла». «Нетривиальность» операционализируется в ходе сопоставления эмпирических данных, полученных в условиях определенного испытания, направленных на проверку конкретной гипотезы, и мнений независимых экспертов, прогнозирующих результаты этого испытания на основе информации об условиях его проведения [Петровский, 2001]. См. гл. 16.

3) якобы более простые задачи настойчивее решались испытуемыми из группы мотивированных успехом и менее настойчиво — избегающими неудачи;

4) контрастный результат наблюдался в случае решения испытуемыми «сверхсложных» (однако якобы решаемых) задач — мотивированные успехом были менее настойчивы, а мотивированные избеганием неудачи были более настойчивы.

Красота картины, полученной Физером, определяется не только парадоксальностью полученных фактов, но и поразительной точностью их соответствия гипотезам (всем четырем!), вытекающим из ранее принятой экспериментатором модели выбора риска Аткинсона. Исследователь исходил из следующей идеи: по мере выявления испытуемым фактической трудности решаемой задачи, предъявленной как «простая», субъективная вероятность ее решения приближается к среднему значению 0,5, что придает ей привлекательность в глазах испытуемых, мотивированных успехом, и отталкивает тех, кто мотивирован избеганием неудачи; в процессе решения задачи, считающейся очень сложной, субъективная вероятность ее решения все больше отдаляется от среднего значения 0,5, тем самым снижая ее привлекательность для испытуемых, мотивированных успехом, и повышая ее привлекательность для тех, кто мотивирован избеганием неудачи.

Трактовка Физера при всей ее красоте и убедительности базируется на неявной посылке *неуклонного понижения* P_S по ходу решения. Подразумевается, что сначала испытуемый конструирует образ доступности (сложности) задачи, исходя из того, о чем оповещает его экспериментатор, а затем пересматривает свои представления под давлением опыта неудач: субъективная вероятность решения постоянно падает, либо приближаясь к отметке 0,50 (группа «А»), либо все более отдаляясь от нее и приближаясь к нулю (группа «Б»). Но так ли это? Не противоречит ли это допущение некоторым переживаниям, которые, бесспорно, знакомы многим по опыту? Имеются в виду следующие: ощущение, будто решение задачи уже есть — «на кончике пера»; переживание «вот-вот решения»; чередование чувства отчаянья и надежды, падения и взлетов и т.п. Мы оставляем этот вопрос открытым (см. раздел «Перспективы исследования» в этой главе).

Импликативная модель мотивации выбора предлагает иную трактовку феномена Физера, не прибегающую к идее *приближения*

(*отдаления*) субъективной вероятности успеха в решении задачи P_S к значению (от значения) $P_S = 0{,}50$.

Причину различий мы усматриваем в механизмах детерминации поведения у *рационалистов* и *идеалистов*.

Вернемся к базовой формуле

$$W = ((x \to y) \to z) = x$$

и опишем ее с учетом тех перемен, которые должны быть отмечены в новом контексте исследования мотивации выбора — при переходе от ситуации свободного выбора к условию ограниченного выбора трудности задачи. В отличие от ситуации свободного выбора, в которой испытуемые могли еще до начала действия подбирать себе уровень приемлемой трудности задачи в сочетании с оправданным уровнем мобилизуемых усилий, в данном случае мы застаем субъекта уже «втянутым» в деятельность. Он не выбирал стартового уровня трудности задачи — в начале деятельности ему просто «вручили» (да еще слукавив) задачу указанной степени трудности.

Поэтому мы не требуем здесь (не постулируем) жесткого соблюдения условия комплиментарности в сочетаниях x и y, а также комплиментарности $(x \to y)$ и z, но, придерживаясь критерия интенциональности выборов, сохраняем ранее введенный критерий различения *рационалистов* и *идеалистов*; в первом случае по-прежнему z приравнивается к y (позиции «я хочу, я надеюсь» соответствует позиция «ты должен, у тебя получится»), а во втором случае эти позиции рассматриваются как полярные: $z = 1 - y$ (готовность к риску испытуемого противостоит авторитетным оценкам экспериментатора).

Итак, необходимо найти решения следующих четырех уравнений, позволяющих предсказать уровни настойчивости *рационалистов* и *идеалистов* при решении «простых» ($P_S = 0{,}70$) и «сложных» ($P_S = 0{,}05$) задач.

Рационалисты. «Легкая» задача ($P_S = 0{,}7$)

$$(x \to 0{,}7) \to 0{,}7 = 0{,}70 + 0{,}3 \times 0{,}3 \times x = x;$$

$$x = 0{,}769...$$

Идеалисты. «Легкая» задача ($P_S = 0{,}7$)

$$(x \to 0{,}7) \to 0{,}3 = 0{,}3 + 0{,}7 \times 0{,}3 \times x = x;$$

$$x = 0{,}380...$$

Рационалисты. «Трудная» задача ($P_S = 0{,}05$)

$$(x \to 0{,}05) \to 0{,}05 = 0{,}05 + 0{,}95 \times 0{,}95 \times x = x;$$
$$x = 0{,}513...$$

Идеалисты. «Трудная» задача ($P_S = 0{,}05$)

$$(x \to 0{,}05) \to 0{,}95 = 0{,}95 + 0{,}05 \times 0{,}95 \times x = x;$$
$$x = 0{,}997...$$

Мы видим, что *рационалисты* мобилизуют значительно больше усилий при решении «легкой» задачи, чем при решении «трудной»:

$$x_{\text{рационалисты, «легкая»}} = 0{,}769... > x_{\text{рационалисты, «трудная»}} = 0{,}513...$$

Тем самым подтверждается *первая гипотеза* Физера.

При предъявлении *идеалистам* «трудных» и «легких» задач в первом случае мобилизуется больше усилий, чем во втором:

$$x_{\text{идеалисты, «трудная»}} = 0{,}997... > x_{\text{идеалисты, «легкая»}} = 0{,}380...$$

Подтверждается *вторая гипотеза* Физера.

Рационалисты мобилизуют больше усилий при решении «легкой» задачи по сравнению с *идеалистами*:

$$x_{\text{рационалисты, «легкая»}} = 0{,}769... > x_{\text{идеалисты, «легкая»}} = 0{,}380...$$

Подтверждается *третья гипотеза* Физера.

При предъявлении *рационалистам* и *идеалистам* «трудной» задачи первые мобилизуют меньше усилий, чем вторые:

$$x_{\text{рационалисты, «трудная»}} = 0{,}513... < x_{\text{идеалисты, «трудная»}} = 0{,}997...$$

Подтверждается *четвертая гипотеза* Физера.

Осталось сравнить полученные значения настойчивости $\boldsymbol{x}$ с уровнем готовности испытуемых перейти к решению средней по доступности (альтернативной) задачи, о чем сообщал испытуемым экспериментатор.

Готовность испытуемых к выбору трудной задачи может быть рассчитана согласно условию:

$$(x \to 0{,}50) \to 0{,}50 = 0{,}50 + 0{,}50 \times 0{,}50 \times x = x,$$
$$x = 0{,}666...$$

Итак, средние по трудности альтернативные задачи способны «сбить с толку» *рационалистов*, решающих «трудную» задачу ($0{,}513... < 0{,}666...$), и идеалистов, решающих «легкую» задачу ($0{,}380... < 0{,}666...$).

Устоять перед соблазном «дьявольского числа» трех шестерок удается лишь *рационалистам*, решающим «легкую» задачу ($0{,}769... > 0{,}666...$), и идеалистам, решающим «трудную» задачу ($0{,}997... > 0{,}666...$).

Импликативная модель мотивации выбора предсказывает в полном соответствии с гипотезами и экспериментальными данными Физера тенденцию предпочтения альтернативы и отказа от нее у *рационалистов* и *идеалистов* в зависимости от указанного им уровня доступности основной задачи.

Перспективы исследования. Опишем открывающиеся перспективы разработки предложенной нами модели.

Построение более общих моделей. Мы рассмотрели то, что может быть названо *моделью уверенности субъекта в выполнимости задания* (кратко — *моделью уверенности*). Положим, однако, что у субъекта, как и предполагал Физер, от попытки к попытке накапливается ощущение неуверенности в том, что задача может быть решена. Вопрос в том, что в действительности представляет собой психологическая «траектория» продвижения вглубь неразрешимой задачи? Вопрос непраздный. Достаточно привести только один пример: математик Бойаи заклинал своего сына (в будущем открывателя, как и Лобачевский, неевклидовой геометрии) отказаться от попыток доказать V постулат Евклида, ибо в истории математики бывали случаи безумия на почве невозможности как решить эту проблему, так и отказаться от ее решения.

Идея *понижающейся* субъективной вероятности решения по мере накопления опыта неудач, таким образом, сохраняет свое значение и требует дополнительной проверки. Она может быть инкорпорирована в ***расширенную*** *модель состоятельности устремлений* (мы назовем ее моделью *сомнений субъекта в выполнимости задания — моделью сомнений*)

$$W^* = ((((x \to y) \to z) \to h) \to q) \to ...,$$

где h — *мысленные допущения* испытуемого,

q — *инфантильные убеждения* испытуемого, касающиеся уровня доступности задания.

Высокому уровню W^* соответствует *состояние включенности субъекта в действие*, а низкому — *состояние отрешенности, «недеяния»*.

Модель сомнения, так же, как и модель уверенности, выступает в двух формах: применительно 1) к ситуациям ничем не стесненного выбора задачи (при переходе со ступени на ступень импликативной

конструкции действует то же правило комплементарности, что и в модели уверенности) и 2) к ситуации ограниченного выбора (правило комплементарности снимается).

Реализуя модель сомнений в условиях *свободы выбора* при осуществлении *первоначальных* выборов (т.е. на старте деятельности), мы получаем *те же* экстремальные выборы и «золотое сечение», что и в модели доверия применительно к *идеалистам* и *рационалистам*.

В плане проверки гипотезы Физера интерес представляет оценка адекватности модели в условиях *стесненного выбора*. В этой ситуации условие комплементарности, как уже отмечено выше, снимается, но сохраняется условие интенциональности выборов (так было и прежде — в модели уверенности). Остаются также и определенные соотношения между z и y: у *реалистов чаяния соответствуют осведомленности*, $z = y$, у *идеалистов они противостоят сведениям*, $z = 1 - y$. Постулируется также, что у *рационалистов* $h = q$ (допущения принимаются на веру), в отличие от *идеалистов*, у которых $h = 1 - q$ (реципрокные взаимоотношения между верой и собственными допущениями). Предполагается, что выдвигаемые испытуемым *собственные гипотезы* относительно разрешимости задачи первоначально соответствуют информации, полученной извне (от экспериментатора), а потом все больше отклоняются от нее в сторону понижения. Запуская процесс понижения h (обозначим его $\downarrow h$), *начиная* со значений 0,7 и 0,05 у рационалистов и идеалистов, мы решаем уравнения:

$$(((x \rightarrow 0{,}7) \rightarrow 0{,}7) \rightarrow \downarrow h) \rightarrow 0{,}7 = x$$
$$\text{и } (((x \rightarrow 0{,}05) \rightarrow 0{,}05) \rightarrow \downarrow h) \rightarrow 0{,}05 = x$$

(*рационалисты*);

$$(((x \rightarrow 0{,}7) \rightarrow 0{,}3) \rightarrow \downarrow h) \rightarrow 0{,}3 = x$$
$$\text{и } (((x \rightarrow 0{,}05) \rightarrow 0{,}95) \rightarrow \downarrow h) \rightarrow 0{,}95 = x$$

(*идеалисты*).

Проводя необходимые вычисления, убеждаемся, что и в этой системе отсчета эмпирические данные Физера подтверждаются нашей моделью.

Идеалистам, в отличие от *рационалистов*, приходится трудно — чем меньше оснований думать: «Я прав», тем больше вера в свою правоту и настойчивее попытки решения.

Решить прекратить — просто. Но как прекратить решать? (Ф.Д. Горбов).

Затронем — впрочем, только едва — еще одну возможную переменную, j (первая буква в слове «joker»). Будем считать, что в конечном счете именно она замыкает собой импликативную цепочку из переменных x, y, z, h, q; j — символ абстрактной возможности существования некоего неизвестного еще решения, будь то многообещающие латинские буквы, скрывающие под собой «нечто» (о чем в данный момент ничего неизвестно), или утешительное и интригующее «знаю, что ничего не знаю», или квазифизические представления об «иных измерениях бытия», или аудиторная уловка методологов — «подвешенный вопрос», или символы *высшей реальности* и т.д. Обращаясь к *символам существования решения вообще*, те, кто верит в их достоверность, способны обрести поддержку в условиях глубокого кризиса — *краха надежды*; мера переживаемой *могущественности* этих сил не столь уж важна ($W^* \rightarrow j = (\approx 0) \rightarrow j \approx 1$). Более того, выход из кризиса становится возможным лишь в том случае, если субъект воздерживается от дальнейших попыток *впрямую* (целевым образом, «в лоб») исследовать реалистичность этих символов веры, «проверять реальность» — такие попытки лишь возвращают его к опыту неудач, дублируя j последовательностью нескончаемых j', j'', j''', ... Выскажемся категоричнее: должны быть начисто исключены какие-либо пробы «эмпирической верификации» презумпции существования решения. Здесь важна сама возможность обращения к таким символам, *переживание* подобной возможности.

Есть ли имя, чтобы обозначить эту спасительную для субъекта его обращенность к символам запредельного опыта? Может быть, *упование*? Таким образом, в состав нашей модели включается термин, неведомый академической психологии личности. С его помощью могут быть описаны механизмы и процессы, непосредственно завершающие терапевтический акт [Василюк, 1984]. В данном случае «упование» есть решающее условие «самотерапии»; оно позволяет субъекту примириться с собой, когда какого-либо решения задачи у него нет, все мыслимые гипотезы исчерпаны, но расстаться с задачей, перестать решать ее он не в силах.

Полная метаимпликативная модель, таким образом, должна охватывать множество переменных, включая в себя трансцендентальное (то, что предшествует возможному опыту) и трансцендентное (то, что превосходит возможный опыт).

Соотнесение традиционных и новых конструктов. Важный вопрос дальнейшего исследования касается также необходимости использования схем трансактного анализа в построении метаимпликативной модели мотивации выбора. Можно ли обойтись без них?

Можно!

Но «бритва Оккама» бы их пощадила...

Ибо они, на наш взгляд, не просто проясняют (или упрощают) картину детерминации выбора. Они переводят размышления о мотивации поведения в новую плоскость, позволяющую проследить генез выборов и до известной степени оказать влияние на уже сложившиеся механизмы выбора. Это социально-психологическая плоскость исследований. Мотивация достижения, относясь, бесспорно, к категории высших психических форм побуждения индивида к действию, может рассматриваться как результат превращения интерпсихологических образований в интрапсихологические (если взглянуть на них с позиции культурно-исторической теории Л.С. Выготского[69]). То, что вчера еще имело форму содружества или конфликта между реальным ребенком и его реальными родителями, сегодня приобретает форму единения или противоборства между эго-состояниями «Дитя» и «Родитель», что в конечном счете и обусловливает характер производимых выборов.

Обоснование этого положения, конечно, относится к перспективам исследования. Однако можно уже сейчас назвать методы, которые позволяют раскрыть интересующую нас архитектонику внутренних взаимодействий между эго-состояниями «Дитя», «Родитель» и «Взрослый».

Таков, в частности, предложенный мной метод *трансактной реинтерпретации* существующих методов психологического исследования личности [Петровский, Калиненко, 1990]. Идея метода заключается в том, чтобы в трансактных терминах описывать любые индивидуальные проявления испытуемых, тестируемые традиционными методами. Предполагалось, в частности, что любое суждение «работающего» в клинике личностного опросника может быть представлено как символ скрытых трансакций, свидетельствующих о единстве, конфронтации, компромиссах между эго-состояниями. В соавторстве с В.К. Калиненко нам удалось подвергнуть трансактной реинтерпретации опросник Кеттела и получить некоторые неожиданные результаты [Петровский, Калиненко, 1993]. Например, выяснилось, что люди, соблюдающие диету, характеризуются единством Взрослого и Дитя (*В* & *Д*), а «срывающиеся» с диеты — конфронтацией Родителя и Дитя (*Р* >< *Д*). Кроме того, как мы и предполагали, выяснилось, что те, кто склонен к «бескорыстному (активно-неадаптивному) риску», характеризуются конфронтацией Ребенка и Родителя (*Д* >< *Р*) [18].

Та же процедура может быть применена, например, и к таким «полупроективным» методикам, как «решетка мотива достижения», предложенная Шмальтом [Schmalt, 1973; 1976*a*; 1976*b*] и сочетающая в себе «преимущества ТАТ с экономичностью и однозначностью опросника» [Хекхаузен, 1986, т. 1, с. 270–271]. Выявляется тесная связь между данной методикой и методикой ТАТ по Хекхаузену: мотивированные на успех предпочитают проблемы средней трудности, а мотивированные на избегание неудачи — экстремальные степени трудности. Здесь важна предпринятая нами *пробная* (осуществленная автором этой статьи — без привлечения коллег в роли независимых экспертов) трансактная реинтерпретация пунктов опросника Шмальта, которая убеждает в том, что пункты, соотносимые с ориентацией на успех, свидетельствуют о единстве Родителя и Дитя (*Д* Ω *Р*), а пункты избегания неудачи — о конфронтации (комплементарности) Родителя и Дитя (*Д* ↔ *Р*), а это соответствует нашему различению *рационалистов* и *идеалистов*.

Разработка персонологических аспектов метаимпликативной модели мотивации выбора. Понимание внутренних взаимоотношений между эго-состояниями — ключевой пункт в прогнозировании мотивационных последствий социальной ситуации развития, имевшей место в прошлом, а также реорганизации раннего опыта в условиях коррекции существующих форм поведения. Так, в частности, мета-

[69] Сравнивая теории Л.С. Выготского и Э. Берна, мы отмечали: «Берн часто обращается к Пиаже. Имя “Моцарта в психологии”, Л.С. Выготского, ему неизвестно. Между тем, трудно не заметить общности двух систем: “социальной психиатрии” Берна и “культурно-исторической” психологии Выготского. Автор культурно-исторической теории, Л.С. Выготский, формулируя в 20-е годы идею интериоризации социальных отношений, идею системного строения сознания, идею опосредствованного строения высших психических функций, идею знака как психологического орудия, идею сосуществования и взаимодействия культурного и натурального ряда в психике, вплотную подошел к тем аспектам бытия человека, которые в последующем приоткрылись Берну. Сознание — арена межсубъектных коллизий», — указывали мы в предисловии к книге Берна [2001, с. 20].

импликативная модель мотивации выбора позволяет локализовать поиск «контаминаций» (зон смешения) Родителя и Взрослого, ограничивающих возможности стимуляции активности Дитя. Ведь «заставить» Детскую часть личности «захотеть» чего-либо невозможно, но, если Взрослый вступит в диалог с Дитя, избавившись от «поддержки» Родителя, то появится шанс на успех [Петровский, 2001]. Кроме того, может быть установлена область необходимых «перерешений» — новых решений взамен «ранних», локализованных в Дитя и являющихся источником дезадаптации.

За счет привлечения схем трансактного анализа метаимпликативная модель мотивации выбора предстает перед нами как *мультисубъектная* модель мотивации. Академическая психология личности объединяется с практической психологией, что соответствует проекту «общей персонологии» [Петровский, 2003; 2004].

Подытожим.

Под новым углом зрения анализируются классические феномены мотивации достижения: выбор испытуемыми задач различной степени трудности.

Предлагается метаимпликативная модель интерпретации поведения субъекта в условиях выбора, составляющая альтернативу «модели выбора риска» Дж. Аткинсона. Ядро предлагаемой модели: трактовка выбора как результата метаимпликации

$$(x \rightarrow^* y) \rightarrow^* z,$$

где x — уровень усилий, мобилизуемых субъектом для решения задачи выбранного уровня доступности,

y — имеющиеся у него сведения об уровне доступности выбранной задачи,

z — готовность к риску (в которой воплощены чаянья субъекта на фоне отсутствия каких-либо гарантий того, что задача может быть решена)[70].

Знак «→*» в выражении $a \rightarrow^* b$ вводится для обозначения операции метаимпликации, с помощью которой устанавливается мера реализуемости устремлений субъекта посредством внутренних и внешних ресурсов (предполагается, что устремления выражают себя в запросе a на внешний ресурс b; при этом субъект располагает также

[70] См. гл. 12.

«внутренним ресурсом», равным 1 — a, дефицит которого и побуждает его обратиться с запросом a вовне). Операция метаимпликации представляет собой обобщение логической операции «импликации» на все рациональные значения из [0, 1].

Исходя из понятия «интенциональный выбор», введенного В.А. Лефевром,

$$(x \rightarrow^* y) \rightarrow^* z = x$$

и определяя комплементарные (взаимодополнительные) отношения между x и y: $x = 1 - y$, а также между $x \rightarrow^* y$ и z: $x \rightarrow^* y = 1 - z$, мы приходим к уравнению, имеющему три решения из [0, 1]:

$x_1 = 0{,}618...$ («золотое сечение»), $y_1 = 0{,}382...$, $z_1 = 0{,}382...$;

$x_2 = 0, y_2 = 1, z_2 = 0$;

$x_3 = 1, y_3 = 0, z_3 = 1$

Решения (x_1, y_1, z_1) дают нам формулу «рационалиста», выбирающего задачи повышенного уровня сложности (вероятность решения равна 0,382...), а решения (x_2, y_2, z_2) и (x_3, y_3, z_3) — формулу «идеалиста», действующего либо на минимуме (вероятность решения близка к 1), либо на максимуме своих возможностей (вероятность решения близка к 0).

Метаимпликативная модель мотивации выбора позволяет назвать «идеальные точки» предпочтений для «рационалистов» и «идеалистов», что соответствует эмпирической картине выборов испытуемых с доминированием мотива достижения успеха над страхом неудачи (это совпадает с теоретически предсказанными выборами «реалистов») и мотива избегания неудачи над мотивом достижения успеха (так должны вести себя, согласно модели, «идеалисты»).

Если допустить, что «рационалисты» — это испытуемые, мотивированные успехом, а «идеалисты» — избеганием неудачи, то следует признать: метаимпликативная модель мотивации выбора позволяет указать область возможных выборов, предпринимаемых ими (вероятность решения задачи — $0{,}3 \times 0{,}4$; именно здесь расположено число $1 - 0{,}618 = 0{,}382$), более точно, чем модель принятия риска Дж. Аткинсона, предсказывающая как ориентир предпочтений средние по трудности задачи (для другой группы испытуемых обе модели одинаково прогнозируют экстремальные выборы).

Метаимпликативная модель мотивации выбора согласуется с четырьмя гипотезами и подтверждающими их эмпирическими данны-

ми Физера относительно проявлений настойчивости у испытуемых, мотивированных надеждой на успех, а также избеганием неудачи при решении якобы простых и трудных задач (в действительности задачи не имели решения). В отличие от модели принятия риска, метаимпликативная модель мотивации выбора не нуждается во введении дополнительных предположений о понижающейся по ходу неудач субъективной вероятности успеха; однако и эта гипотеза, если ее принять, находит свое подтверждение в рамках расширенной метаимпликативной модели выбора.

Представляет интерес эмпирическая оценка более общих, чем предложенная, метаимпликативных моделей мотивации выбора.

К очевидным перспективам исследования относится прямая проверка гипотезы о том, что различия между «рационалистами» и «идеалистами» соответствуют эмпирически установленным различиям в проявлении мотивации достижения у испытуемых. В первом случае («рационалисты») должно обнаруживаться доминирование надежды на успех над страхом неудачи, во втором («идеалисты») — противоположное соотношение).

Кроме того, должна быть проверена гипотеза о генетической преемственности указанных особенностей проявления мотивации достижения (доминирует ли надежда на успех или страх неудачи) по отношению к типу интериоризируемых «детско-родительских отношений». Эта гипотеза вытекает из трансактной интерпретации различий между «рационалистами» и «идеалистами»: первые характеризуются единством эго-состояний «Родитель» и «Дитя» (*Дитя здесь придерживается тех же позиций, что и Родитель)*; вторые — конфронтацией между этими эго-состояниями (*Дитя здесь — это «Родитель наоборот»*).

Глава 9
ТРАНСАКТНЫЙ КОНТУР САМОРЕГУЛЯЦИИ

Переходя к описанию процессов саморегуляции в структуре индивидуальности, мы рассматриваем координацию таких агентов активности, как эго-*состояния* «Взрослый», «Родитель» и «Дитя», а также эго-*систем* (Взрослый⥊Родитель) и ((Взрослый⥊Родитель)⥊Дитя) (рис. 25).

Представленные на схеме эго-состояния и эго-системы рассматриваются как носители запросов и ресурсов, соотношение которых детерминирует выборы, совершаемые индивидом. Запросы Взрослого опираются на ресурсы, предоставляемые Родителем, а Взрослo-Родительская эго-система рождает запросы, опирающиеся на ресурсы Дитя. Стрелочка «=>» характеризует механизм реализации запросов через ресурс.

Здесь Взрослый выступает как субъект регуляции, Родитель — как посредник, а Дитя — как объект регуляции. Будем называть эту схему, или, если воспользоваться словами О.А. Конопкина и представителей его школы [Конопкин, 1980; Моросанова, 2006; Осницкий,

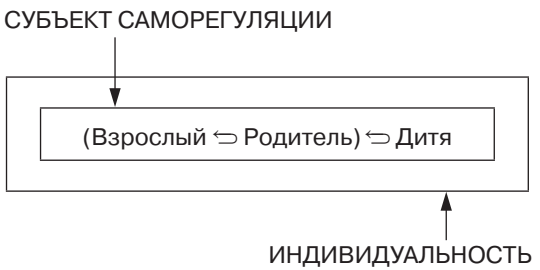


Рис. 25. Трансактный контур саморегуляции
Источник: [Петровский, 2009*б*].

1996], «контур» саморегуляции *эго-построением Взрослый-Родитель-Дитя* (или кратко *ВРД-построением*). Вслед за этими авторами позволим себе говорить о *трансактном* контуре саморегуляции.

Теперь можно охарактеризовать трансактный контур саморегуляции. Он объединяет в себе следующие переменные, принимающие рациональные значения на отрезке [0, 1]:

- w (состоятельность индивидуальности);
- x (интенции к действию со стороны Взрослого — «намерен», «считаю»);
- y (директивы Родителя — «следует делать», «вот что требуется», «ты должен»);
- z (чаянья Дитя — «хочу», «мечтаю», «полагаюсь на чудо»),

и связывающий их оператор метаимпликации, («запрос опирается на ресурс»).

Все сказанное нами ранее о внутренних и внешних возможностях каждого из агентов, образующих индивидуальность, о соотношении запросов и ресурсов, уровне притязаний и уровне состоятельности, — все это сохраняет свое значение применительно к перечисленным эго-состояниям и эго-системам, реализующим трансактный контур саморегуляции:

ТРАНСАКТНЫЙ КОНТУР САМОРЕГУЛЯЦИИ
(метаимпликативная модель):

$$w_{\text{Индивидуальность}} = (x_{\text{Взрослый}} \leftharpoonup y_{\text{Родитель}}) \leftharpoonup z_{\text{Дитя}}$$

В первой редакции предложенная мною модель была названа «трансактной моделью рефлексивного выбора» [Петровский, 2001]. Она представляла собой трансактную версию «рефлексивной модели нормированного поведения» Т.А. Таран [2000]. Трансактная модель рефлексивного выбора была для автора не только поводом формализации некоторых положений трансактного анализа и своих собственных разработок в области мультисубъектной теории личности, но и инструментом психологического консультирования, дополнительным стимулом продвижения клиентов в решении их личных проблем. Из данной модели чисто формально следовало, что нереализованные мечты Дитяти поддерживают личность в состоянии постоянной готовности к поиску объекта мечты. Это, к слову сказать, соответствовало взглядам Зигмунда Фрейда. Любопытно, что в случае, когда Дитя «отворачивается» от чего-то значимого с точки зрения других

частей индивидуальности, то единственная сила, способная повлиять на его выбор (в сторону предпочтения объекта), — это Взрослый. Только Взрослый, и никто другой, может «уговорить» Дитя; главное, чтобы Родитель не слишком помогал в этом Взрослому. Есть и другие наблюдения того же рода, прогнозируемые на основе трансактной модели выбора и подтверждаемые практикой.

Позже были предприняты шаги к экспериментальной апробации модели. Подробнее об этом будет сказано в гл. 7 этой книги. В данном разделе ограничусь указанием на общий сюжет исследования. Вместе с О.В. Митиной [Митина, Петровский, 2004], мы сопоставили оценки, которые индивид получал по шкалам опросников Кетелла и Айзенка, с оценками терминальных ценностей с позиций Взрослого, Родителя и Дитя, а также с интегральной, или *мультисубъектной*, оценкой ценностей из списка терминальных ценностей (среди них такие, как *Творчество*, *Активная деятельная жизнь*, *Свобода*, *Честность* и др.).

Нас интересовало, насколько работает предложенная модель «состыковки» Взрослых, Родительских и Детских интересов. Главным был вопрос о том, будет ли предпочтение ценностей, «вычисленное» по модели, соответствовать характеру людей, совершающих выбор. Эмпирические данные подтвердили это общее предположение. Кроме того, полученные данные позволили установить взаимосвязь между ценностями, которые исповедует личность, и гранями ее индивидуальности как мультисубъектного образования.

Например, выяснилось, что ценность *Творчества* выбирают люди с низкими показателями по фактору *G*, т.е. морально независимые, свободно трактующие существующие правила; люди с высоким уровнем психотизма (эгоцентризм, бесстрастность, неконтактность) выбирают *Свободу*, а с низким (характеризующимся сильным суперэго) — *Честность*.

Таким образом, мультисубъектные предпочтения, вытекающие из метаимпликативной модели выбора, по-видимому, неслучайным образом связаны с определенными индивидуальными проявлениями, т.е. семантически им адекватны.

Понятие саморегуляции *вообще* вырисовывается с большей отчетливостью, когда мы противопоставляем ее другим эго-построениям: например, $(Д \leftharpoonup В) \leftharpoonup Р$, $(Р \leftharpoonup В) \leftharpoonup Д$, $(Д \leftharpoonup Д) \leftharpoonup В$, $(В \leftharpoonup В) \leftharpoonup В$ и т.п. Могут ли они быть названы саморегуляцией? Или скорее они

противоположны ей по сути? Ведь они лишены ее специфической функции — настраивать индивидуальность на поведение, адекватное реальности «здесь и теперь». Вместо того чтобы опосредовать отношения между опытом, заимствованным у других (Родитель), и собственным архаичным опытом жизни (Дитя), они устанавливают господство одного из указанных эго-состояний над другим!

В этом плане представляет интерес исследование того, что я называю «действенностью» эго-состояний, т.е. меры соответствия готовности действию: 1) интенциям Взрослого («интенциональные выборы»); 2) указаниям Родителя; 3) чаяниям Дитя. О.В. Митина предложила использовать для анализа этих соответствий («действенности») метод детерминационного анализа Чеснокова; результаты нашего совместного исследования отражены в гл. 9.

Эти исследования подготавливают нас к постановке вопроса о том, насколько совершенной является саморегуляция индивидуальности, если иметь в виду сопоставление свойственных ей запросов (уровень притязаний различных агентов в структуре личности) и их достижений.

«Совершенная» и «несовершенная» саморегуляция. При разграничении совершенной и несовершенной саморегуляции мы опираемся на критерий «реализма» (уровень притязаний = уровень состоятельности). Различаем при этом две формы состоятельности:

• *субъективную* состоятельность как результат импликации $x \hookleftarrow y$ (Взрослое «считаю необходимым» с опорой на Родительское «ты должен»);

• *внутреннюю* состоятельность как результат импликации $(x \hookleftarrow y) \hookleftarrow z$ (Взросло-Родительские *амбиции*, опирающиеся на *чаяния* Дитя).

(Ограничиваясь анализом процессов саморегуляции во внутреннем пространстве бытия индивидуальности, мы лишь отчасти затронем далее *объективную* состоятельность как результат импликации $((x \hookleftarrow y) \hookleftarrow z) \hookleftarrow f$, где f — внешний ресурс, с которым фактически имеет дело индивид и о свойствах которого он может узнать лишь постфактум).

1. *Совершенная саморегуляция.* Мы называем саморегуляцию совершенной в том и только в том случае, когда притязания Взрослого совпадают с внутренней состоятельностью. Имея в виду этот особый случай, мы могли бы сказать: каковы намерения Взрослого, такова и состоятельность индивидуальности как целого, т.е. ее внутреннее

благополучие и готовность действовать в соответствие с принятым намерением.

2. *Несовершенная саморегуляция*, как ни прискорбно, богаче исходами; тем не менее, все мыслимые случаи можно записать одной формулой. Представление о формулах совершенной и несовершенной саморегуляции дает рис. 25.

В психологическом плане представляют интерес, по крайней мере, два случая (используем сокращенную запись):

А) $(B \hookleftarrow P) \hookleftarrow Д = P\ (P \neq B)$

Б) $(B \hookleftarrow P) \hookleftarrow Д = Д\ (Д \neq B)$

Случай А) — пример несовершенной саморегуляции, которая может быть обозначена как *драйверное поведение*[71]. Следуя указаниям: «Будь сильным!», «Будь лучшим!, «Старайся!», «Радуй других!», «Торопись!», человек входит в негативные сценарии, такие как «Никогда...» («Тантал»), «Пока не...» («Геракл»), «Опять и опять...» («Арахна»), «Почти...» («Сизиф»), «Потом...» («Дамокл») и др.

Случай Б) — пример несовершенной саморегуляции, которая в терминах трансактного анализа, может быть адекватно описана как *сход с драйвера* [Kahler, 1978]. Перед нами «прорывы сценария», выражающиеся в том, что взрослый человек следует своим ранним (детским) решениям: «Не будь!», «Не взрослей!», «Не доверяй никому!», «Не думай!», «Будь беспомощен!» и т.п., а также проявляет необузданную раскованность, импульсивность, легкомыслие.

Примеры несовершенной саморегуляции не исчерпываются случаями А) и Б); могут быть рассмотрены другие формы несоответствия между объективной готовностью действовать определенным образом и субъективной склонностью индивидуума действовать намеченным образом. Несостоятельность субъекта здесь может быть осмыслена следующим образом: «Взрослый *не в состоянии* действовать так, как считает нужным».

Формула гармонии. Напомним, что «внутренняя состоятельность» — это присущий индивидуальности потенциал активности, совокупность усилий, которые могут быть затрачены на решение стоящей задачи. В отличие от интенций, имеющих субъективный характер, внутренняя состоятельность — объективная характеристика активности.

[71] Термин «драйвер» был введен трансактным аналитиком Таиби Калером [Kahler, 1978].

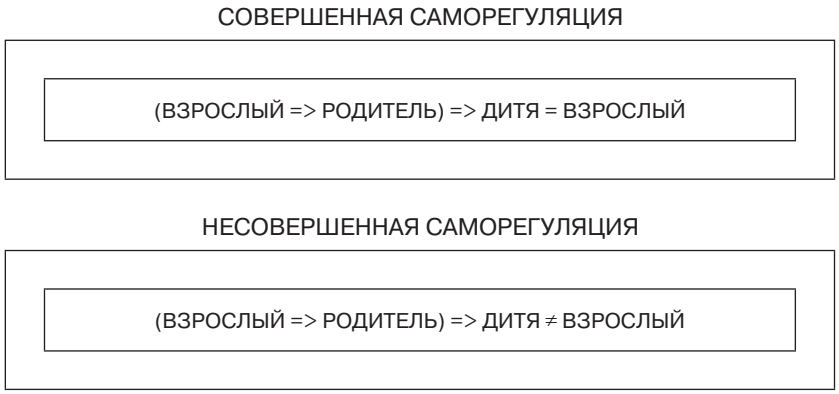


Рис. 25. Саморегуляция

Каким должен быть необходимый и достаточный объем усилий для того, чтобы человек был готов к достижению того, к чему он реально стремится? Опишем возможный критерий гармонии во взаимоотношении с собой и окружающим миром.

Определяющей характеристикой субъектности индивида является его готовность к самовоспроизводству и в частности — *воспроизводству* благоприобретений опыта (мы отмечали этот признак ранее — *см. гл.* 2). Из этого следует: если я однажды добился чего-то важного для своего существования, то в дальнейшем я буду стремиться воспроизвести достигнутое. Положим, моя внутренняя состоятельность на предшествующем витке активности равна W. При этом появляются новые возможности, а значит, и новая мотивация действия (объем невоплощенных усилий, «уровень притязаний»). Теперь я готов «вкладывать» $W = R$ (*новый ресурс, равный достигнутому уровню состоятельности*) $= N$ (новый уровень притязаний) чтобы в итоге воспроизвести все то же W, но уже в качестве цели нового устремления[72]:

$$N \leftharpoondown R' = R \leftharpoondown R' = W = R,$$

где R' — искомый внешний ресурс.

[72] Заметим, что здесь действует ранее описанный нами постулат «какова амуниция, таковы и амбиции» («что достигнуто, то и вкладывается»).

Будем считать также оптимальным взаимную дополнительность (комплементарность) усилий, направленных вовне, R, и внешних ресурсов, R', которые при этом осваиваются:

$$R + R' = 1$$

Таким образом, мы имеем здесь дело с двумя ранее рассмотренными критериями гармонии во взаимоотношениях между притязаниями и ресурсами агента. Вкладывая и воспроизводя W, я опираюсь на недостающий мне внешний ресурс, в точности равный дефициту ранее приобретенных возможностей. Но ранее мы показали, что уровень притязаний агента в таком случае равен «золотому сечению» (0,618...).

Таким образом, остается только найти внешний ресурс, позволяющей воспроизвести уровень предшествующих благоприобретений.

Итак, перед нами формула гармонии человека во взаимоотношениях с миром — «золотая формула»:

$$W = W \leftharpoondown (1 - W) = 1 - W^2,$$
$$W + W^2 = 1.$$
$$W = 0{,}618...$$

Люди организуют свою активность так, чтобы их притязания удовлетворялись за счет внешних ресурсов, объем которых восполняет дефицит ранее приобретенных возможностей.

Полагаем, что именно это обстоятельство объясняет эмпирическую картину колебания внутренней состоятельности людей при задачах вокруг «золотого сечения» (см. гл. 8 и 12).

Разрегуляция и сюррегуляция. Высказанные соображения возвращают нас к проблеме индивидуальности как мультисубъектного образования. Является ли трансактный контур эффективной саморегуляции способом подлинного учета интересов и возможностей внутренних субъектов, что объединяются под эгидой Взрослого?

Думается, лишь частично.

Со временем в поле ведения экспериментаторов (а не только практикующих психологов) окажутся феномены «разрегуляции» поведения индивидуальности вслед за достижением состояния «отрегулированности» — «странные» реакции людей, хорошо умеющих подчинять своему Взрослому эго интересы как Дитя, так и Родителя, а именно:

- франкловские неврозы людей, «умеющих жить правильно»;

• берновские проделки «демона»;
• лермонтовские мотивы «паруса»;
• перфекционизм, неудовлетворенность достигнутым и т.д.

— все то, что автор именует общим термином: «неадаптивность» (грибоедовское «шел в комнату, попал в другую»), подчеркивая вслед за В. Вундтом, а, стало быть, опосредствованно и за Г. Гегелем, идею несовпадения целей активности и достигаемых результатов.

Формальные основания для этого вывода следуют из предложенной модели. Положим, Взрослая часть личности в составе индивидуальности представляет собой субъекта эффективной саморегуляции: интенции x воплощаются в адекватную ей готовность к действию $w = x$. Кроме того, указания Родителя y столь же *действенны*, т.е. они воплощаются в готовность $w = y$. И, наконец, допустим, что «хотения» («чаянья») Ребенка также находят действенное, т.е. равное им по уровню воплощение в готовности вести себя соответствующим образом, $w = z$. Итак, имеем

$$(x \leftharpoondown y) \leftharpoondown z = w = x = y = z$$

Из этого равенства, в частности, следует

$$(x \leftharpoondown x) \leftharpoondown x = x,$$

Из чего вытекает

$$(x \leftharpoondown x) \leftharpoondown x = x + (1 - x) \times (1 - x) \times x = x + (1 - x)^2 \times x = x.$$

Таким образом, получаем

$$(1 - x)^2 \times x = 0,$$
$$x = 0, \text{ либо } x = 1.$$

И мы в итоге имеем два возможных варианта эго-построений:
1) $(0 \leftharpoondown 0) \leftharpoondown 0 = 0$;
2) $(1 \leftharpoondown 1) \leftharpoondown 1 = 1$.

Итак, мы имеем дело с двумя феноменами «всестороннего и полного» удовлетворения запросов индивидуальности посредством эффективной саморегуляции (назовем их феноменами «сюррегуляции»).

Первый вариант «сюррегуляции» — $(0 \leftharpoondown 0) \leftharpoondown 0 = 0$: все части индивидуальности одинаково ничего не хотят, ничего не могут дать друг другу, индивидуальность не подает признаков жизни, саморегуляция отсутствует — в ней никто не нуждается.

Второй вариант «сюррегуляции» — $(1 \leftharpoondown 1) \leftharpoondown 1 = 1$: все части индивидуальности в полном согласии друг с другом, имеют в избытке

все, что им необходимо, и, таким образом, необходимость в какой-либо саморегуляции отпадает сама собой.

Подведем некоторые итоги.

• Трансактный контур саморегуляции в структуре индивидуальности определяется следующими моментами: субъект саморегуляции есть эго-состояние «Взрослый»; объект саморегуляции — эго-состояние «Дитя»; посредник в процессах саморегуляции — эго-состояние «Родитель».

Механизм саморегуляции представлен метаимпликацией:

$$(x_{\text{Взрослый}} \leftharpoondown y_{\text{Родитель}}) \leftharpoondown z_{\text{Дитя}}$$

• Ближайший результат совершенной саморегуляции есть готовность Взрослого поступать согласно своим собственным намерениям, или, другими словами, внутренняя состоятельность индивидуальности при достижении собственных (разумных) целей:

$$(x_{\text{Взрослый}} \leftharpoondown y_{\text{Родитель}}) \leftharpoondown z_{\text{Дитя}} = x$$

• Несовершенная саморегуляция — это, в частности, драйверное поведение, при котором Взрослый не может противостоять Родителю:

$$(x_{\text{Взрослый}} \leftharpoondown y_{\text{Родитель}}) \leftharpoondown z_{\text{Дитя}} = y,$$

или импульсивное поведение, «сходы с драйвера», при которых Взрослый не способен справиться с диктатом Дитя:

$$(x_{\text{Взрослый}} \leftharpoondown y_{\text{Родитель}}) \leftharpoondown z_{\text{Дитя}} = z$$

• Ставя перед собой «задачу по вкусу», индивидуум обнаруживает способность к совершенной саморегуляции (сила интенции и внутренняя расположенность к действию совпадают).

• «Золотая формула» гармонии в отношениях индивидуальности с собой и миром имеет вид $W = W \leftharpoondown (1 - W) = 1 - W^2$. Она символизирует тот факт, что люди, запрашивая то, чего не имеют, и достигая того, что запрашивают, мобилизуют объем усилий W, отвечающий намерениям человека, равный «золотому сечению». (Мы видели в гл. 8, что модель саморегуляции позволяет уточнить эмпирическую картину свободного предпочтения людьми задач, отличающихся уровнем сложности, превосходя по точности прогноза классическую модель принятия риска Дж. Аткинсона. Чуть позже в книге мы убедимся, что овеянное исторической славой число 0,618 появляется также тогда, когда испытуемые мысленно погружаются в решение наиболее привлекательной для них задачи — «задачи по вкусу».)

• Саморегуляция рано или поздно заканчивается «разрегуляцией» в силу того, что эго-состояние «Взрослый» не может быть отождествлено в своих предпочтениях с эго-состояниями «использованных» при этом Родителя и Дитя.

• Гипотетический результат саморегуляции — полнота проявления потенциала всех субъектов, образующих индивидуальность, — недостижимая цель; она не может быть предвосхищена Взрослым, обеспечена Родителем, отвоевана Дитя. Существуют всего два варианта подобной гипотетической сюррегуляции («всестороннего и полного удовлетворения потребностей» посредством «эффективной саморегуляции»); в каждом из этих вариантов саморегуляция, по сути, бессмысленна: в первом случае, $(1 \leftharpoondown 1) \leftharpoondown 1 = 1$, ее осуществлять незачем, во втором случае, $(0 \leftharpoondown 0) \leftharpoondown 0 = 0$, — некому.

• Могут быть обозначены и противопоставлены друг другу два подхода к пониманию индивидуальности и, соответственно, места саморегуляции в ее структуре: три лица одного субъекта versus три субъекта одного лица.

Глава 10
СОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ

10.1. О состоятельности — «без формул»

Возможности и потребность в самоосуществлении. Один из моих коллег, блистательный Вадим Р., прочитав что-то из моих работ, сказал мне: «Там, где начинаются формулы, кончается Р.» (далее следовала его фамилия).

Этот текст — попытка автора рассказать о понятии и феноменах *состоятельности* совсем без формул. Впрочем, латинские буквы я все-таки себе разрешу.

Если говорить неформально — а поначалу это будет именно так, как и было обещано, «без формул» — «материя», о которой пойдет речь, это *возможности* человека. Хорошо это или плохо, не знаю, но возможности — это что-то неосязаемое, невидимое, неслышимое, однако не менее реальное для нас, чем все остальное... И уж точно не менее важное для нас лично, чем все остальное. В поисках высших ценностей Р. Аккофф и Ф. Эмери [1974] приходят к идее «всемогущества», говорят о нем как о метаидеале, реализация которого позволяет осуществиться всем другим идеалам, таким как правда, добро, красота, изобилие. И они описывают то, что многие из нас в детстве думали, когда в сказках герою предлагается осуществить три желания: зачем три, если можно пожелать одно, чтобы все желания мои исполнялись? В другой редакции многие, как и я, думали: почему бы на одну волшебную палочку не заказать себе другую и т.д.? Это «могу» превосходит все другие мечтания, хотя бы уже потому, что способно обеспечить осуществление любого из них. Итак, речь пойдет о нашем «могу».

Не ввести ли нам сразу шкалу «я могу», на которую будут проецироваться наши достижения в конкретных сферах жизни: науке, общении, самосовершенствовании, производстве? Есть, я думаю,

смысл так и поступить. И тогда мы получаем возможность унифицировать события нашей жизни под углом зрения оценки запросов, ресурсов и результатов активности, построить язык, на котором можно описывать взаимоотношения между ними. Пусть это будет шкала возможностей между *нулем* («нет никаких возможностей») и *единицей* («полнота возможностей»). Необходимость введения такой шкалы и других аналогичных шкал объясняется нашей задачей дать не только качественное, но и количественное описание возможностей и других элементов, фигурирующих в модели оптимума благополучия. Итак, говоря «могу», мы будем иметь в виду некоторый уровень рассматриваемых возможностей.

Много ли разных «могу» мы знаем? Отвечая на этот вопрос, мы исходим из некоторой последовательности моментов активности — говорим о данном моменте времени, предшествующих и последующих.

Все множество возможностей, которыми располагает субъект, разделяем на два класса: *внешние возможности* (предоставляемые ситуацией ресурсы) и *внутренние возможности* (принадлежащие субъекту, «внутренние ресурсы»).

Считаем, что в любой момент времени субъект располагает полным объемом внутренних возможностей, W^*, и исходим из того, что этот объем постоянен, $W^*_0 = W^*_1 = W^*_2 = ... = W^*$, принимая его за 1 ($W^* = 1$). Полный объем активности может рассматриваться одновременно как бессознательная предпосылка и как осознанный идеал самоосуществления, «могущество». В качестве бессознательной предпосылки полный объем возможностей трансцендентален, предсуществует по отношению к любым нашим актам, а как идеал — трансцендентен, недостижим.

(Может быть, и обидно, конечно, что мы не можем охватить весь потенциал разом, не можем пережить его в целом ни в начале, ни в конце пути, а всегда имеем дело только с частью его; но все-таки он постоянно «подпитывает» и вдохновляет нас на продолжение попыток его уловить).

Итак, в разные моменты активности полный объем возможностей открыт нам всегда только частично. Считаем, что в каждый момент времени субъект имеет возможности, доставшиеся в наследство от предшествующего момента в виде *наличных* и *скрытых возможностей,* которые в сумме, как уже было сказано, образуют полный объ-

ем возможностей. *Наличные возможности* мы обозначаем символом V, а *скрытые* — $V\circ$ (Принимаем, что $V + V\circ = 1$).

Наличные возможности V могут быть использованы сразу, их непосредственно «пускают в дело». А вот скрытые возможности нужно еще представить, осознать — актуализировать. В терминах Мартина Хайдеггера, такие возможности необходимо «вывести из области потаенного». И только после этого они могут быть использованы, или, опять в терминах его философии, «высвоены».

Кроме того, невозможно обойтись без представлений о внешних возможностях самоосуществления. Обозначим их символом V'. Это ресурсы, предоставляемые ситуацией. Они заданы, но еще не даны субъекту. Они должны быть еще освоены, прежде чем станут собственными, т.е. внутренними, возможностями субъекта. И этот процесс можно назвать *присвоением* — излюбленный термин леонтьевской психологии деятельности.

Но тут возникает вопрос: какая сила приводит наличные и скрытые возможности в действие? Мы будем считать, что этой силой является потребность в самоосуществлении — максимально полной реализации своих возможностей. Что же происходит, когда потребность в максимально полной реализации своих возможностей имеет своим «предметом» наличные и скрытые ресурсы?

В первом случае рождается стремление субъекта проявить (воплотить вовне, реализовать) свои наличные возможности. Обозначим силу такого стремления символом N. Будем считать, что сила этого стремления равна объему воплощаемых возможностей ($N = V$); сами же возможности, поскольку именно они воплощаются, будут называться у нас *рабочими усилиями* (*затратами*).

10.2. Модели состоятельности

Состоятельность: две модели. *Интуитивно* состоятельность понимается как способность человека испытывать счастье; чувство успешности и благоденствия; радость бытия; удовлетворенность собой и устремленность к новым успехам; наслаждение тем, к чему стремишься, и равным образом стремление к тому, чем наслаждаешься; благополучие и благорасположение; посильность пути и усилия его пройти. Если попытаться совсем кратко определить «состоятельность», то это — *единство состояний «могу» и «хочу»*. Или, в конце

этой вереницы определений — *средоточие возможностей, побуждающих активность*.

Состоятельность, таким образом, — двусторонняя сущность. Она заключает в себе достижения человека и стремление воспользоваться ими, т.е., с одной стороны — результаты действия, а с другой — импульсы к его продолжению. Если сопоставить высоту достигнутого и силу стремления к продолжению действия, то в одних ситуациях мы замечаем противоположность (отношение дополнительности) между ними, а в других — равенство (соответствие).

Противоположность в паре «достижения — стремления» описывается словами «успокаиваться на достигнутом», «почивать на лаврах», «благоденствовать» (при высоких достижениях) и наоборот — «наверстывать упущенное», «преодолевать невзгоды», «не опускать руки» (при низких достижениях). Если все есть, то ничего и не надо. Ничего нет — хочу обладать всем.

Имея в виду равенство в паре «достижения — стремления», в случае высоких достижений говорят: «Не останавливаться на достигнутом», и используют такие высказывания, как, например, «Дальше, дальше, дальше» (А. Гельман), «Лучше гор могут быть только горы, на которых еще не бывал» (В. Высоцкий), «На черту горизонта, конечно, нельзя наступить» (Л. Мартынов), «Ничто не слишком» (В. Орлов) и т.д. Если же достижения невелики, то некоторые люди говорят себе: «Зачем тратить силы, ведь *и так видно*, что ничего не получится» (мысленно партия уже проиграна и — *проиграна*); или — «Что мне, больше всех надо?!» (на деле имею меньше, чем кто-либо). Опыт разочарований порождает отказ от деятельности; отсутствие достижений оборачивается прокрастинацией, «ничего-не-деланием» (термин Шиффов). В отличие от ранее рассмотренной ситуации противоположности в паре «достижения — стремления», в случае равенства между элементами пары чувство *«могу»* порождает чувство *«хочу»;* при этом чем больше (меньше) «*могу*», тем больше (меньше) «*хочу*».

Таким образом, перед нами два вида состоятельности: *состоятельность потребления* (состоятельность-*удовлетворенность*) — «могу что хочу», «обладание», «насыщение потребностей»; и *состоятельность производства* (состоятельность-*дееспособность*) — «хочу что могу», «приложение сил», «осуществление способностей»[73]. В обоих

[73] Мой друг и коллега К.Е. Зискин по этому поводу процитировал мне строчки И. Губермана: «Есть люди, от которых свет исходит, и люди, поглощающие свет».

случаях состоятельность есть возможность, содержащая в себе побуждение к действию. Но только в одном случае члены отношения «возможность — действенность» дополнительны (компенсаторны), а в другом они соответствуют друг другу по уровню выраженности. Соответственно, можно говорить о двух видах мотивации человека: адаптивной и неадаптивной. Адаптивная мотивация активности — это мотивация *дефицита*; неадаптивная — *избытка* возможностей. При всем различии обе они внутренне ориентированы на созидание возможностей существования человека в мире и тесно связаны друг с другом[74].

Попробуем предложить читателю символ, или, точнее, *иероглиф*, выражающий суть той двойственности, которая свойственна состоятельности.

В первом случае акцент приходится на внутренние *возможности* человека («то, что я имею сейчас, чувствую себя способным сделать»). Во втором случае — на *стремления* («то, что я хочу делать»). Будем пользоваться двумя рисунками, «показывающими» состоятельность то с одной стороной, то другой. На третьем рисунке мы предложим объединенный взгляд.

На первом рисунке латинская буква ***V*** (жирный шрифт) символизирует *возможности*, освоенные человеком; ***V*** смыкается с буквой *N* (бледный шрифт), символизирующей *стремления*, ассоциированные с этими возможностями (рис. 26).

На втором рисунке латинская буква ***N*** (жирный шрифт) символизирует *стремления* человека и соприкасается при этом с буквой *V* (бледный шрифт), символизирующей возможности, переживаемые человеком как внутренний ресурс активности (рис. 27).

Рассматривая состоятельность в динамике как средоточие возможностей предстоящего действия, мы исходим из идеи ***единства*** (соприкосновения) «могу» и «хочу»; для нас это две стороны единого целого — состоятельности как результата и вместе с тем предпосылки активности.

На третьем рисунке (рис. 28) символ, акцентирующий возможности, ***V***, сливается с символом, акцентирующим стремления, ***N***, и в

[74] Позволю себе пошутить (на старте серьезного разговора) вслед за безымянным автором сентенции: «Жизнь — замкнутый круг: живешь — выпить хочется, выпил — жить хочется...» Мотивация дефицита и мотивация избытка, очевидно, в некоторых случаях могут рассматриваться как преемственные (см. гл. 10 настоящей книги).

Рис. 26. Состоятельность как результат активности (потенциал активности: ощущение «сил», переживание собственных возможностей, уверенность в себе, чувство результативности).

Рис. 27. Состоятельность как предпосылка активности (устремленность к достижениям: интенции («порыв»), притязания, воля (настойчивость), вдохновение.

Рис. 28. Состоятельность как единство «могу» и «стремлюсь».

поле нашего зрения вырисовывается латинская буква ***W*** (*Well-being* — благополучие).

Помня о том, что состоятельность — двусторонняя сущность (достижения *и* стремления), мы рассмотрим ее *вначале* как результат усилий, предпринимаемых субъектом, т.е. со стороны *возможностей*, освоенных им на предшествующем витке активности (*далее* в ходе анализа мы обратимся к стремлениям, образующим другую сторону состоятельности, что заявит о себе на новом витке активности).

Итак, сфокусируем свое внимание на левой части иероглифа *W*, символизирующей «ранее достигнутое субъектом» — состоятельность возможностей «*VN*». Скопируем левую часть иероглифа; получим при этом латинскую букву *V*. Так, упрощая запись и «озвучивание» иероглифа, мы будем называть в дальнейшем *состоятельность результатом* активности.

Различая два вида состоятельности, о чем уже шла речь выше, мы предложим читателю две психолого-математические модели ее интерпретации: *модель благополучия* и *модель дееспособности*. За каждой

из моделей угадываются две предельных ценности (или два «идеала», если воспользоваться термином Р. Аккоффа и М. Эмери [1974]) — «изобилия» и «всемогущества». При всех различиях, за каждой из этих теоретических конструкций вырисовывается общий контур, позволяющий мыслить и описывать состоятельность единым образом[75].

Выделяем следующие элементы состоятельности.

• *Наличные внутренние ресурсы* (имеющиеся у субъекта внутренние возможности, «способности»).

• *Скрытые внутренние ресурсы* (имеющиеся у субъекта резервные, невостребованные ранее возможности — «резервы из прошлого», «нераскрытые перспективы», «страховка»).

• *Ситуативные ресурсы* (новые, еще не присвоенные субъектом возможности, поставляемые ситуацией, — их необходимо еще извлечь из нее, раскрыть, «взять»).

• *Потребность воплотить* (*реализовать*) *свои внутренние ресурсы* (тенденция к воплощению внутренних возможностей; будем говорить в этой связи о запросах, устремлениях, интенциях, и т.п.).

• *Потребность воспроизвести* (*репродуцировать*) *свои внутренние ресурсы* (тенденция к репродукции внутренних возможностей; будем говорить в этой связи о стремлении к самоактуализации, самоосознанию, поддержанию идентичности и т.п.).

• *Произведенный ресурс* (освоенные внешние возможности, «новоприобретения опыта», — «благоприобретенные возможности»).

• *Аккумулированные ресурсы* (средоточие возможностей, состоятельность как результат активности). Возможности, собранные воедино (и тем самым обновленные) на данной ступени активности, обусловливают стремление субъекта освоить новые возможности на следующей ступени активности.

• *Остаточные ресурсы* (внутренние возможности, оказавшиеся ранее невоплощенными, — «запасы на будущее»; они образуют резервные возможности следующей ступени активности).

[75] В советские годы я был впечатлен марксовой идеей тождества процессов потребления и производства и полушутя утешал своих ближних «по Марксу»: говорил, что *производя* (исследуя, консультируя), психолог в тот же момент и *потребляет*, так что жаловаться на низкую зарплату ему негоже (в те времена еще говорили, что «наука — это удовлетворение собственного любопытства за государственный счет»; сейчас, к сожалению, эта формула никуда не годится).

Перечисленные элементы модели логически соопределяют друг друга, характеризуя компоненты единого целого (в данном случае «единое целое» — это механизм и результат порождения состоятельности при переходе с одной ступени активности на другую). Например, второй из названных элементов («скрытые внутренние ресурсы») соответствует последнему элементу («остаточные ресурсы»), а предпоследний из элементов («аккумулированные ресурсы») в динамике активности совпадает с первым («наличные внутренние возможности») и т.п.

Весьма абстрактно потребности (стремления) и ресурсы (возможности) мы представляем себе в виде импульсов (метафорически, «квантов посланий»), генерируемых субъектом и окружающей его ситуацией. Импульсы, характеризующие стремления в направлеии объекта, могут расматриваться как *усилия*, мобилизуемые субъектом (мы говорим в этом случае *затраты*, *затрачиваемые усилия*). Внутренняя цель этих стремлений заключается в том, чтобы освоить возможности обладания объектом (состоятельность «хочу — обладаю») или овладения им («могу — совершаю»)[76]. Субъект направляет поток собственных импульсов навстречу импульсам от объекта (см. подробнее в разделе «Состоятельность в динамике»). Вопрос в том, как часто на встречных маршрутах встречаются эти импульсы, идущие друг к другу. Если частота встреч велика, то это свидельствует о высоком уровне новоприобретенных возможностей (высокое значение $x \times r^*$), если невелика, то это значит, что импульсы, идущие от субъекта, не находят опоры вовне (уровень новоприобретений невысок). Подразумевается, что тот или иной уровень состоятельности определяется сочетанием всех импульсов, задействованных на данном этапе активности.

Введем некоторые математические символы, дополнительные термины и допущения, позволяющие с *количественной* стороны описывать динамику взаимоотношений между компонентами состоятельности. При этом мы будем использовать не только латинские

[76] Класс возможностей объединяет в себе недостающие и наличные, востребованные и невостребованные, воплощаемые и новоприобретенные, «высваиваемые» и присвоенные, реализованные и избыточные (резервные) и т.п. возможности. Мы будем различать субъективную, внутреннюю, объективную формы состоятельности. Рассуждения, представленные в настоящей работе, равным образом относятся к обеим моделям.

буквы, обозначающие базовые элементы модели, но также верхние индексы, маркирующие их качественное своеобразие (происхождение и функциональный смысл): «○» («кружочек») и «*» («звездочка»); в некоторых случаях отсутствуют верхние индексы (рис. 29).

• r — *наличные* внутренние ресурсы (здесь и во всех последующих случаях подразумевается *уровень* соответствующих переменных; будем считать, что r, как все другие переменные модели, принимает рациональные значения на отрезке [0,1]);

• r° — *скрытые* внутренние ресурсы;

• $r + r^{\circ} = 1$ — *полный потенциал активности* (о полном потенциале активности, или, иначе говоря, о полной системе внутренних

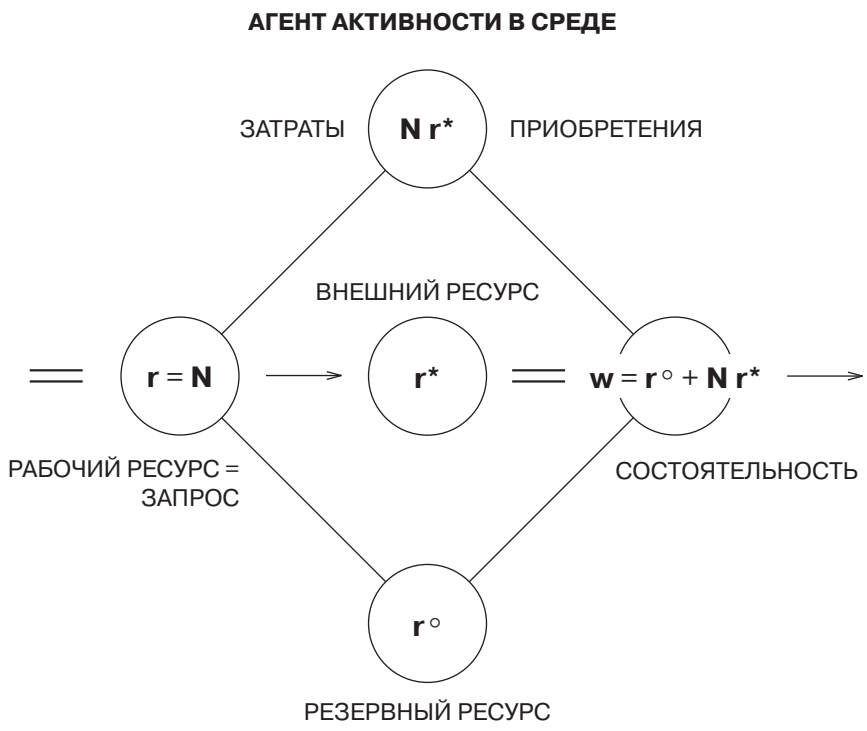


Рис. 29. Модель четырех ресурсов

возможностей можно говорить также как о «стартовом» и, как мы увидим дальше, «самоподдерживающемся» ресурсе активности; принимаем, что полный потенциал активности равен 1);

• r^* — *ситуативные* (внешние) ресурсы;

• x — *реализуемые* (воплощаемые, используемые) ресурсы; они могут быть как скрытыми, так и наличными;

• y — *репродуцируемые* (воспроизводимые) ресурсы; они, соответственно, могут быть как наличными, так и скрытыми.

Поясним смысл введения символов x и y. Как уже было отмечено, существуют две разновидности модели состоятельности: модель удовлетворения («хочу — обладаю») и модель порождения («могу – совершаю»).

В первом случае (состоятельность «хочу») x символизирует *скрытые* внутренние ресурсы, $x = r\circ$, а y — *наличные* внутренние ресурсы, $y = r$.

Во втором случае (состоятельность-«могу») x символизирует *наличные* внутренние ресурсы, $x = r$, а y — *скрытые* внутренние ресурсы, $y = r\circ$.

Очевидно, для обоих случаев выполняется $x + y = 1$.

• N_x — потребность субъекта *реализовать* (*воплотить, применить*) имеющийся внутренний ресурс; принимаем, что уровень («сила») этой потребности соответствует уровню («высоте») реализуемых внутренних ресурсов: $N_x = x$. Иногда используем краткую форму написания: вместо N_x записываем N.

• M_y — потребность субъекта *репродуцировать* имеющийся внутренний ресурс y; принимаем, что уровень этой потребности не зависит от уровня репродуцируемого внутреннего ресурса и тождественно равен 1, $M_y \equiv 1$; так же, как и в предыдущем пункте, иногда пишем кратко M вместо M_y.

• $N_x \times r^* = x \times r^*$ — *новопроизведенный* ресурс (*благоприобретенные* возможности).

• $M_y \times y = 1 \times y = y$ — *актуализированный* ресурс (он равен репродуцированному резервному ресурсу).

• $V = 1 \times y + x \times r^*$ — *аккумулированный* ресурс (средоточие задействованных возможностей, *состоятельность* как результат активности).

Интерпретируя y и x с учетом различий между моделями состоятельности «хочу» и состоятельности «могу», в первом случае мы

имеем дело с суммой *наличных* и *благоприобретенных* ресурсов, а во втором вместо *наличных* ресурсов фигурируют *резервные*. Различия выражены и в благоприобретенных ресурсах: в первом случае это произведение *резервных* ресурсов на ситуативные, а во втором — *наличных* ресурсов на ситуативные.

В модели «хочу — обладаю»

$$V = r + r\circ \times r^* = r + (1 - r) \times r^*$$

(*состоятельность «хочу — обладаю» базируется на сохранение наличных возможностей и присвоении новых*)

В модели «могу — совершаю»

$$V = r\circ + r \times r^* = 1 - r + r \times r^*$$

(*состоятельность «могу» основана на высвоении резервных возможностей и производстве новых*)

Таким образом, с формальной стороны разница между моделями в том, что символы, обозначающие скрытые и наличные ресурсы, меняются местами (рокировка позиций).

• $\Lambda = x - x \times r^*$ — *остаточные* ресурсы (возможности-«излишки»; затраты на освоение ситуативных ресурсов минус новоспроизведенный ресурс; как бы сдача — правда, обычно невидимая! — получаемая субъектом в процессе воплощения своих возможностей вовне.

Необходимо отметить, что остаточные ресурсы в сумме с аккумулированными ресурсами образуют полный потенциал активности; действительно,

$$V + \Lambda = y + x \times r^* + x - x \times r^* = y + x = 1.$$

«Состоятельность»: сумма или произведение? Описывая понятие «состоятельность» с количественной стороны, мы опираемся на идею *сложения* того, что *уже присутствует* в жизни субъекта (нереализованные внутренние возможности), и новоприобретений опыта. Однако это не единственная трактовка.

Еще одна — видеть в состоятельности *произведение* того, что *может* человек, на то, чего он *желает*. Оба смысла могут быть объединены в идее *скалярного произведения* вектора потребностей на вектор возможностей.

Действительно, используя понятие «скалярное произведение векторов», можно предложить удобную форму записи общей модели состоятельности и двух ее разновидностей. Пусть двумерный вектор

потребностей имеет координаты (M_y; N_x) (напомним, что $M_y \equiv 1$ и $N_x = x$), а, соответственно, вектор возможностей — координаты (y; r^*). В таком случае скалярное произведение этих векторов, заданных своими координатами, может быть вычислено по формуле

$$V = M_y \times y + N_x \times r^* = 1 \times y + x \times r^* = 1 - x + x \times r^*$$

В содержательном плане различия между состоятельностью «хочу» и состоятельностью «могу» проиллюстрируем дилеммой, с которой сталкиваются преподаватели, обучающие студентов. В некоторых университетах — а автор этих строк работает в одном из них — академическая успеваемость и творческие проекты учащихся оцениваются преподавателями по 10-балльной системе («отлично» — это баллы 10, 9, 8; «хорошо» — 7, 6, и далее по нисходящей). Положим, по формальным критериям два студента по результатам усреднения мнений экзаментаров из комиссии заслуживают одной и той же оценки — «6» (нижний порог «хорошо»). Преподаватели согласны в том, что оба студента обладают сходным уровнем способностей. Однако некоторые эксперты более лояльны (оценка «7»), другие — более строги (оценка — «5», «удовлетворительно»). Все преподаватели считают важным, чтобы оценка не только фиксировала определенный уровень достижений, но и стимулировала студента к дополнительным усилиям. Какую же оценку поставить? Одни преподаватели, принимая в расчет особенности самосознания учащегося, настаивают на соблюдении формального критерия усреднения оценок. Другие предлагают «авансировать» студента, опасаясь, что студент «расслабится». Заметим, что, согласно Р. Джайнотт, представителю личностно-центрированной терапии, самооценка складывается из двух частей: из того, что мы говорим человеку о том, что он сделал, и того, что он сам на основе этого говорит о себе: «Ты это сделал хорошо!»; «Я молодец!». Будем считать, что речь идет об итоговом, в результате выставленной оценки, переживании студента (благополучие — «со мной все в порядке»; или неблагополучии — «я подкачал»).

Наше предложение состоит в том, чтобы студента, живущего «по формуле» состоятельности «хочу — обладаю» («потребления благ»), т.е. мотивированного к действию переживаемым дефицитом возможностей, образующих резерв его достижений, оценить на «6» или «5». В этом случае «неподтвержденный» ресурс будет побуждать его

к дополнительным стараниям. Но более высокой оценкой («7») мы отличили бы другого студента, живущего в режиме производства возможностей (состоятельности «могу — совершаю»); ведь в силу этой более высокой оценки он будет с большей готовностью воплощать переживаемое им чувство «могу» в освоение новых возможностей.

Отталкиваясь от этих построений, можно пойти в двух направлениях.

Одно из них — это *исследование условий эффективности достижений, а также оптимального расходования средств*. Другое направление подсказано только что приведенным примером («дилеммой экзаменатора»); это *анализ состоятельности в динамике переходов между последовательными «витками» активности*.

В интересах развития идеи состоятельности мы перейдем к импликативной записи модели, используя символы, отличающиеся от ранее использованных, что позволит нам, помня о сути ($V = r + r\circ \times r^*$ или $V = r\circ + r \times r^*$), с большей легкостью следовать двум намеченным только что маршрутам. Вначале это будет исследование условий оптимума и рационального расходования средств, а после — динамики состоятельности.

Модель состоятельности: импликативная форма. Прежде всего опишем то, что может быть названо *базовой формой* импликативной модели. Базовая форма импликативной модели активности агента включает в себя все описанные ранее элементы состоятельности (договоримся вместо слова «*ресурс*» в этом контексте чаще использовать более традиционное для психологии слово «*возможность*»). Новизна записи определяется вводимым знаком метаимпликации (см. гл. 28) [77]:

$$C = A \leftharpoondown B = 1 - A + A \times B.$$

С содержательной (качественной) стороны, «$\leftharpoondown$» интерпретируется как *опора*: *«Запрос A опирается на ресурс B, компенсируя нехватку ресурса* $1 - A$». *C* принимает значения обычной материальной импликации при «четких» значениях переменных *A* и *B* (0 или 1). Будем

[77] Понятие метаимпликации было введено автором [Петровский, 2002] как результат применения математического понятия «булева решетка» к описанию соотношений между рациональными числами на интервале [0,1] в развитие концепции «булевой решетки норм» [Таран, 2000]. Метаимпликация представляет собой обобщение материальной импликации для рациональных чисел на отрезке [0,1].

считать в дальнейшем, что все переменные, фигурирующие слева и справа от знака «⥋», обозначаемые далее латинскими буквами, принимают рациональные значения на отрезке [0, 1][78].

Мы говорим о базовой форме импликативной модели, чтобы тем самым подчеркнуть два обстоятельства: любая сколь угодно сложная цепочка символов, включенных в импликативную модель активности, может быть представлена в виде метаимпликации $((X) \leftharpoondown (Y))$[79]. Здесь (X) — это запрос на воплощение внутренних возможностей; (Y) — внешний ресурс; все выражение в целом означает: «запрос опирается на внешний ресурс». И, кроме того, любые X и Y, фигурирующие в такой записи, вплоть до самых мелких, могут быть представлены в той же форме:

$$X=((X_i) \leftharpoondown (X_i')) \text{ и } Y=((Y_j) \leftharpoondown (Y_j')).$$

Эта запись одинакова применима к двум рассмотренным выше способам понимания состоятельности.

В том случае, если берется состоятельность «хочу — обладаю», метампликативная запись приобретает вид:

$$V = N \leftharpoondown r^* = r^\circ \leftharpoondown r^* = 1 - r^\circ + r^\circ \times r^*$$

Здесь состоятельность есть уровень реализации стремления преодолеть дефицит наличных возможностей, опираясь на возможности, предоставляемые ситуацией.

Когда же рассматривается состоятельность «могу — совершаю», имеем

$$V = N \leftharpoondown r^* = r \leftharpoondown r^* = 1 - r + r \times r^*,$$

и состоятельность в данном случае есть уровень реализации стремления воплотить наличные возможности, опираясь на возможности, предоставляемые ситуацией, и актуализируя свои скрытые внутренние возможности.

Таким образом, мы приходим к одинаковым результатам, описывая состоятельность (обе модели) с использованием операторов скалярного произведения и метаимпликации.

[78] Напомним читателю формальное описание материальной импликации: $0 \to 0 = 1$; $0 \to 1 = 1$; $1 \to 0 = 0$; $1 \to 1 = 1$.

[79] Иногда в тексте книги мы будем использовать более привычную для читателя запись импликации, т.е. вместо нового знака «⥋» традиционную «стрелочку» «→». Будем считать, что это «стрелочки-синонимы» (ведь бывают же «слова-синонимы!»).

Далее мы будем иметь дело в основном с моделью состоятельности «могу — совершаю» (состоятельности-дееспособности). Переход к другой модели будет оговариваться особо.

Метаимпликативная форма представления состоятельности удобнее в том отношении, что позволяет «прорисовывать» логику взаимоотношений между компонентами состоятельности в случае сложного сочетания потребностей и ресурсов субъекта. Поэтому в дальнейшем отдаем предпочтение описанию происходящего на **языке базовой импликативной модели**:

V — *состоятельность*;

X — *запрос*;

Y — *внешний ресурс* (скобки, окружающие X и Y, будем в этой части работы опускать — нам они понадобятся позже, в разделе, посвященном динамике состоятельности);

R (= X) — *наличный ресурс*;

$R^\circ = 1 - R = 1 - X = X^\circ$ — *скрытый ресурс*;

$X \times Y$ — *произведенный ресурс*;

1 — *полный потенциал активности*.

«Точки оптимума состоятельности». Мы выделяем четыре принципа позитивной организации активности человека, которые придают ему статус автора — действительного субъекта активности. Их можно назвать принципами *деятельного благополучия*. В директивном плане это могло бы прозвучать так: «Окупай вклады!», «Созидай новое!», «Экономь!», «Не скупись на усилия!»

«Окупай вклады!» означает «оправдывай усилия достижениями, действуй безубыточно». С количественной стороны имеется в виду нестрогое неравенство между *усилиями* и *аккумулированными возможностями* (состоятельностью как результатом усилий): $X \geq V$.

«Созидай новое!» означает «максимизируй эффективность, пополняй имеющееся за счет привлечения того, что производится впервые».

Эффективность — это прирост произведенных возможностей (новоприобретенный ресурс) по отношению к возможностям, ранее невостребованным (резервный ресурс). С количественной стороны, показателем *эффективности* является величина: $E = X \times Y / X^\circ = X \times Y / (1 - X)$ (при $X < 1$).

В отличие от базовых переменных модели, E может принимать значения, превышающие 1. В самом деле, о ком-то из наших знако-

мых скажут: «Он поражает своим энтузиазмом!» (что, говоря нестрого, соответствует записи $E \to \infty$). О каком-нибудь другом человеке услышим: «Он прожектер» (и в этом случае $E \approx 0$).

«Экономь!» означает «будь бережным в отношении внешних ресурсов, расчитывай только на то, что не больше и не меньше необходимого для обретения состоятельности, отвечающей усилиям».

«Не скупись на усилия!» означает максимизацию усилий, вкладываемых в достижение — в той мере, в какой это не противоречит принципам *«Окупай!» и «Созидай!»*.

Если в конкретных условиях осуществляются, в полном объеме или частично, принципы «Окупай!», «Созидай!», «Экономь!» «Не скупись на усилия!», мы говорим, что человек достигает *оптимума* своей состоятельности, а сочетание запросов и ресурсов, в которых это происходит, называем *условиями* (*или точками*) *оптимума*.

Поясним, в каком смысле речь идет именно об оптимуме состоятельности.

Зафиксируем запрос X на уровне X_0 и определим уровень внешнего ресурса Y_x, при котором $V = X_0 \leftharpoondown Y_x = X_0$ (состоятельность в точности соответствует запросам). Образуется пара (X_0, Y_0), которая обладает следующим свойством: уменьшение ресурса в окрестности Y_0 ведет к снижению состоятельности — она становится ниже X_0, что свидетельствует о неоправданности усилий. С другой стороны, повышение Y в окрестности Y_0 могло бы привести к росту не только состоятельности, но и эффективности достижений; но это противоречит установке на экономию внешних ресурсов, что является одним из критериев оптимума состоятельности. Таким образом, точка (X_0, Y_0) отвечает искомым условиям оптимума: усилия окупаются обретаемой состоятельностью, эффективность достижений максимальна, так как ее увеличение потребовало бы привлечения дополнительных внешних ресурсов, что противоречит принципу их экономии. Итак, (X_0, Y_0) — одна из искомых точек оптимума состоятельности.

Пройдем тот же путь с другого конца. Зафиксируем ресурс Y на уровне Y_0 и будем варьировать запрос X_y вплоть до нахождения точки X_0, удовлетворяющей условию $X_0 \leftharpoondown Y_0 = X_0$ (состоятельность равна запросу). Анализ показывает, что увеличение запроса в окрестности X_0 $(X > X_0)$ ведет к повышению эффективности достижений по сравнению с прежним уровнем эффективности, но в то же время и к уменьшению *состоятельности* по отношению к запросу $(X \leftharpoondown Y_x < X)$,

что говорит о неоправданности усилий. С другой стороны, *уменьшение* запроса в окрестности X_0 $(X < X_0)$, *поднимая* состоятельность над уровнем запроса, ведет к *снижению* эффективности (что противоречит критерию оптимума). Итак, точка (X_0, Y_0) — еще одна искомая точка оптимума (в общем случае они могут быть не равны).

Кроме того, можно показать[80], что в любой из точек оптимума состоятельности $(X_\wedge, Y_\wedge)$[81] нестрогое неравенство $X \leftharpoondown Y \geq X$ превращается в строгое равенство $X_\wedge \leftharpoondown Y_\wedge = X_\wedge$, т.е. обретаемая состоятельность строго равна запросу.

Рассмотрим и назовем некоторые из «точек оптимума».

Оптимум «самостояния». Пушкинское слово «самостояние» ясно выражает суть ситуации, при которой индивидуум отказывается от внешних опор («костылей»), стремясь обеспечить себе приемлемый уровень состоятельности («приемлемый» — это значит, что его усилия X оправданы достижениями, $X \leftharpoondown Y \geq X$). Разумеется, трудно рассчитывать на то, что во всех случаях кому-либо удастся совсем обойтись без внешних опор (при высоких значениях X это совсем невозможно). Поэтому следует говорить об *уровне* самостояния: чем меньше внешних опор требуется, тем выше уровень самостояния. Так как с уменьшением Y (уровень внешних опор), при фиксированном X $(= X_0)$, уменьшается значение состоятельности $X \leftharpoondown Y$, то наименьшему значению Y $(= Y_\wedge)$, при котором усилия индивидуума окупаются достижениями, т.е. выполняется условие $X \leftharpoondown Y \geq X$, это неравенство превращается в строгое равенство $X_0 \leftharpoondown Y_\wedge = X_0$. Чем меньше требуемый уровень внешних опор $Y_\wedge$, тем, очевидно, выше уровень самостояния (соответственно, чем больше $Y_\wedge$, тем ниже уровень самостояния).

Имея X_0, определим $Y_\wedge$:

$$X_0 \leftharpoondown Y_\wedge = 1 - Y_\wedge + X_0 \times Y_\wedge = X_0,$$

Из чего следует, что искомый минимальный внешний ресурс $Y_\wedge$ может быть расчитан по формуле

$$Y_\wedge = (2 \times X_0 - 1) / X_0 \text{ (при } 0{,}5 \leq X_0 \leq 1).$$

[80] Идея доказательства этого положения может быть прослежена на частном примере «оптимума самоотдачи».

[81] Для обозначения точек оптимума состоятельности будем использовать запись с использованием нижних индексов (в одних случаях — «$_\wedge$», в других — «$_+$»): $(X_\wedge, Y_\wedge)$ или (X_+, Y_+).

Введем специальный символ для обозначения уровня самостояния — Y'; будем считать, что $Y' = 1 - Y_{\wedge}$. Итак, уровень самостояния («точка самостояния») есть величина, противоположная минимуму внешнего ресурса, необходимого для оправдания вложенных в достижение усилий.

Положим, мы знаем, что запрос $X_0 = 0{,}8$. Тогда легко рассчитать требуемый ресурс Y_0 и, соответственно, точку самостояния:

$$Y_{\wedge} = (2 \times 0{,}8 - 1)/\, 0{,}2 \approx 0{,}75;\ Y' = 0{,}25$$

Проверим: $0{,}8 \leftharpoondown 0{,}75 = 1 - 0{,}8 + 0{,}8 \times 0{,}75 = 0{,}2 + 0{,}6 = 0{,}8$.

Легко убедиться, что при уменьшении Y относительно $Y_{\wedge}$, состоятельность V становится *меньше* затрачиваемых усилий $X_{\wedge}$ (= 0,8). Начиная с этого уровня, 0,75, внешних опор недостаточно, чтобы устремления подтверждались достижениями. Вместе с тем максимум, на что может рассчитывать человек при необходимом минимуме внешних опор (обеспечивающих оправданность устремлений), — это уровень состоятельности 0,8 (соответствующий уровню устремлений той же величины, 0,8). Точкой самостояния здесь является, как мы только что отметили, величина $Y' = 1 - 0{,}75 = 0{,}25$ (т.е. в данном случае человеку требуется весьма большая поддержка извне, чтобы он чувствовал себя «на уровне» своих запросов; его «самостояние» невелико).

Вдогонку рассмотрим еще два особых случая. Каким должен быть минимальный внешний ресурс для оправдания усилий на уровне 0,5? Ответ $Y_{\wedge} = 0$ (убедитесь сами: $0{,}5 \leftharpoondown 0 = 0{,}5$). Словом, чтобы чувствовать себя на уровне своих запросов при отсутствии внешней поддержки, надо быть совершенно безразличным (поясним, что на шкале *устремлений* значение $X = 1$ соответствует состоянию «хочу», а 0 — «не хочу»). Уровень «самостояния» здесь максимален (человек «опирается» только на себя), $Y' = 1 - Y_{\wedge} = 1 - 0 = 1$.

Еще один пример касается точки «самостояния» при уровне $X = 1$. В этом случае единственное Y, удовлетворяющее условию $1 \leftharpoondown Y = 1$, — это $Y = Y_{\wedge} = 1$. Это значит, что при максимальном (абсолютном) запросе ситуация должна обеспечить человеку столь же максимальную (абсолютную) поддержку, чтобы он ощущал себя состоятельным на уровне своих устремлений; т.е. уровень «самостояния» здесь нулевой, $Y' = 1 - Y_{\wedge} = 0$.

Оптимум самоограничений. Это максимальные по своему уровню запросы («амбиции»), оправданные достижениями субъекта и регламентируемые уровнем предоставляемых ресурсов. Для того чтобы пояснить это понимание, представим ситуацию, в котором человек не испытывает никакой нужды вкладывать во что-либо свои старания ($X = 0$): «ничего не хочу», «обойдусь» и т.п. Но это значит, что он ощущает себя одинаково хорошо независимо от того, есть ли «под рукой» какие-либо ресурсы достижения или их нет. В любом случае «со мной все ОК» ($0 \leftharpoondown Y = 1$ *при любом* Y). Общее правило состоит в том, что при фиксированном уровне $Y = Y_0$ чем меньше человек вкладывает сил, тем больше остается «при нем»; и в сумме с новоприобретениями опыта ($X \times Y$), даже минимальными, он все-таки более благополучен, чем в случае, когда больше «выкладывается». Таким образом, существует множество способов *умерить амбиции* и *благоденствовать*. С другой стороны, если человек в тех же обстоятельствах стремится к большему, то его состоятельность снижается и может оказаться меньше вкладываемых усилий (говорят «слишком многого хочет»). Вопрос состоит в том, на какую предельную высоту может быть поднята планка амбиций, чтобы усилия человека в конечном счете были оправданы его достижениями (т.е. чтобы $X_{\wedge} \leftharpoondown Y_0 \geq X_{\wedge}$). По сути, это вопрос об условиях превращения только что приведенного нестрогого неравенства в строгое равенство $X_{\wedge} \leftharpoondown Y_0 = X_{\wedge}$. Из этого соотношения с очевидностью следует, что

$$X_{\wedge} = 1 / (2 - Y_{\wedge}).$$

Пример. Найдем $X_{\wedge}$ в уравнении $X_{\wedge} \leftharpoondown 0{,}2 = 1 - X_{\wedge} + X_{\wedge} \times 0{,}2 = X_{\wedge}$. Имеем:

$$X_{\wedge} = 1 / (2 - 0{,}2) = 1 / 1{,}8 \approx 0{,}556$$

Проверим: $0{,}556 \leftharpoondown 0{,}2 \approx 1 - 0{,}556 + 0{,}556 \times 0{,}2 \approx 0{,}4444 + 0{,}1112 \approx \approx 0{,}556$

Но почему максимизация оправданных достижениями амбиций должна рассматриваться как характеристика *оптимума* состоятельности? Обратимся к показателям эффективности достижений.

Итак, еще раз спросим себя (может быть, в менее академической формулировке): «Почему бы не повысить состоятельность за счет снижения запросов? Ведь если почти ничего не хочется, то живешь себе благоденствуешь!» Оказывается, если мы *понижаем* уровень запросов X по сравнению с найденным уровнем $X_{\wedge}$ (максимальным из минимальных запросов, оправданных достижениями), то на фоне *повышения* состоятельности *понижается* эффективность. И наоборот:

повышение X над уровнем $X_{\wedge}$, содействуя *повышению* эффективности, ведет к недопустимому *снижению* состоятельности (она становится ниже вкладываемых усилий).

Не приводя здесь общего доказательства этого утверждения, вернемся к примеру $X_{\wedge} = 0{,}556$ и $Y_0 = 0{,}2$.

Пусть при неизменном значении $Y_{\wedge} = 0{,}2$, уровень запросов X превышает ранее найденный уровень запросов $X_{\wedge} = 0{,}556$; положим теперь $X = X_{\wedge\wedge} = 0{,}6$. В этом случае эффективность $E_{\wedge\wedge} = 0{,}6 \times 0{,}2 / 0{,}4 = 0{,}3 > E_{\wedge} = 0{,}556 \times 0{,}2 / 0{,}444 \approx 0{,}251$ (т.е. эффективность в первом случае *выше*, чем во втором). Однако рассмотрим, как при этом меняется уровень состоятельности: $V = 1 - 0{,}6 + 0{,}6 \times 0{,}2 = 0{,}4 + 0{,}12 = 0{,}52 < V_{\wedge} = 1 - 0{,}556 + 0{,}556 \times 0{,}2 \approx 0{,}556$. Таким образом, состоятельность *падает*.

Точно так же можно убедиться в том, что снижение уровня запросов относительно $X_{\wedge} = 0{,}556$ при фиксированном значении $Y_0 = 0{,}2$ ведет к *повышению* состоятельности и *снижению* эффективности. Например, при $X_{\wedge\wedge} = 0{,}5 < X_{\wedge} = 0{,}556$ состоятельность превосходит усилия $0{,}5 \leftharpoonup 0{,}2 = 0{,}5 + 0{,}1 = 0{,}6$ ($> 0{,}5$), но эффективность при этом падает: $E_{\wedge\wedge} = 0{,}5 \times 0{,}2 / 0{,}5 = 0{,}2$ ($< 0{,}251$).

Оптимум самоотдачи. Будем считать, что субъект придерживается стратегии максимизации усилий и минимизации внешних опор, но при этом, как и в ранее рассмотренных случаях, стремится к тому, чтобы его усилия были оправданы достижениями. В двойственной формулировке условие максимизации усилий означает минимизацию внутренних опор, поэтому речь могла бы идти об оправданности усилий в режиме экономии расходования внутренних и внешних средств активности («издержек»). В каком случае ему удается справиться с этой задачей?

Итак, принимаем:

1) $V_+ = X_+ \leftharpoonup Y_+ \geq X_+$, т.е. *запросы субъекта не уступают итогу его усилий* (условие оправданности усилий);

2) $R_+ \circ = 1 - X_+$, *а также* Y_+ *— минимальные из возможных* (условие экономии используемых внутренних и внешних средств активности). Таким образом, режим экономии затрагивает резервные (внутренние) и ситуативные (внешние) ресурсы; будем считать, что субъект вправе свободно выбирать как те, так и другие.

При соблюдении этих условий говорим об условиях *оптимума самоотдачи*.

Покажем, что, если X_g и Y_g составляют «золотое сечение» ($X_g \approx 0{,}617$, $Y_g = X_g^2 \approx 0{,}382$, $X_g + X_g^2 = 1$), то в этом случае пара (X_g, Y_g) удовлетворяет *первому* условию оптимального расходования средств ($W_g \geq X_g$).

Действительно,

$$V = X_g \leftharpoonup Y_g = X_g \rightarrow (1 - X_g) = 1 - X_g + X_g \times (1 - X_g) = 1 - X_g^2 = X_g \geq X_g$$

Однако выполняется ли при этом второе сформулированное условие оптимального расходования средств? Покажем, что $1 - X_g$ (резервный ресурс) и Y_g (ситуативный ресурс) при этом оказываются минимальными из возможных (если выполняется условие оправданности усилий). Положим, мы уменьшили резервный ресурс на a ($a \geq 0$) и ситуативный ресурс на b ($b \geq 0$). При каких a и b выполняется первое выставленное условие (оправданности усилий)? Итак, пусть

$$1 - X = (1 - X_g) - a \text{ и } Y = Y_g - b \ (a \geq 0 \text{ и } b \geq 0)$$

и при этом

$$V = (X_g + a) \leftharpoonup (Y_g - b) = 1 - X_g - a + (X_g + a) \times (1 - X_g - b) \geq X_g + a$$

Проводя элементарные преобразования и учитывая, что $X_g + X_g^2 = 1$, приходим к неравенству

$$2a \times X_g + a + X_g \times b \leq 0$$

Все слагаемые в левой части неравенства положительны, и оно, таким образом, выполнимо лишь при условии $a = 0$ и $b = 0$.

Итак, условием оптимального расходования средств, при котором усилия субъекта не меньше итогов его активности, а резервные и ситуативные ресурсы задействованы минимально, является «золотая пропорция» между запросами и поступающими извне ресурсами: $X_+ = X_g \approx 0{,}62$ и $Y_+ = Y_g \approx 0{,}38$. *При этом общий итог активности субъекта (аккумулированные возможности, дееспособность) не больше и не меньше того, что запрашивается:* $V_+ = X_+ \approx 0{,}62$[82].

[82] Характеризуя точку оптимума самоотдачи, отметим следующую интересную особенность. В этой «точке» уровень состоятельности и уровень эффективности равны: $V_+ = E_+ = X_+ \approx 0{,}62$. Мы можем убедиться в этом непосредственно: $V_+ = 0{,}62 \leftharpoonup 0{,}38 = 1 - 0{,}62 + 0{,}62 \times 0{,}38 = 0{,}38 + 0{,}24 = 0{,}62$; $E_+ = 0{,}62 \times 0{,}38 / (1 - 0{,}62) = 0{,}62 \times 0{,}38 / 0{,}38 = 0{,}62$. Может быть, как раз в силу равенства V_+ и E_+ в точке самоотдачи люди, размышляя о своей способности быть деятельными и успешными в жизни, интуитивно отождествляют свою состоятельность (капитал активности) и эффективность своих достижений.

Итак, что значит *минимизировать* средства обретения состоятельности, оправдывая этот подход *достижениями, стоящими усилий*? Это значит *действовать на пределе возможного*, «выкладываться полностью», т.е. использовать минимум внешних опор, мобилизуя максимум усилий, вкладываемых в дело. Заметим, что в этой особой (назовем ее привилегированной) точке оптимума состоятельности сходятся воедино четыре принципа позитивной организации активности: *«Окупай!», «Созидай!», «Экономь!» «Не скупись на усилия!»*.

В дальнейшем только что рассмотренные положения (отчасти доказанные, отчасти только проиллюстрированные), характеризующие рубежные условия состоятельности — точки оптимума самостояния, самоограничения и самоотдачи, мы будем называть *теоремами оптимума состоятельности*.

Состоятельность в динамике. «Веер активности». Состоятельность субъекта может рассматриваться в разные моменты активности. Таким образом, мы говорим о *витках* (*ступенях*) *активности*, о *переходах* с одной ступени состоятельности на другую.

Рассматривая состоятельность в динамике, мы переносим акцент с возможностей, аккумулированных на предшествующем витке активности, на устремления, которые, как мы уже отмечали, определяются уровнем достигнутого субъектом. Таким образом, нам необходимо вернуться к исходному символу-иероглифу состоятельности. Мы достраиваем его до целого, и в поле зрения, таким образом, появляется символ *N* (потребности, устремления): VN.

Вместе с тем в *момент* перехода, т.е. в точке превращения возможностей (*могу*) в устремления (*хочу*), состоятельность субъекта может быть выражена символом VW (условное *W*), в котором возможности и устремления равноценны как стороны единого целого. Таким образом, полное понятие *состоятельности* выступает как единство *реализованности* (мера осуществленности на данный момент времени), *реализуемости* (мера осуществимости в будущем) *и расположенности к реализации* (мера устремленности к осуществлению) потребностей, проектов, намерений и т.д. Заметим, что в психологии до сих пор отстутствовало понятие, характеризующее суть и приницип объединения этих моментов.

Будучи равноценными в точке превращения одного в другое, *могу* и *хочу*, в общем случае, не являются *количественно* идентичными. Так, в модели состоятельности-*удовлетворенности* левая и правая части символа, как правило, ассимитричны:

*v*N или V*n* (уникальным случаем является равноуровневость VW).

В отличие от нее, модель состоятельности-*дееспособности* подразумевает равенство аккумулированных возможностей и устремлений осуществить их, и поэтому левая и правая части условного *W* должны быть выравнены по высоте:

В любом случае, помня об этих различиях, обусловленных разными видами состоятельности, можно изображать состоятельность-в-динамике в виде условного *W* как знака, подразумевающего два варианта прочтения. Однако, упрощая задачу читателю, мы будем пользоваться обычной латинской буквой *W*, описывающей состоятельность в точке перехода обновленных возможностей в новые устремления (*W — well-being, благополучие*). Знак состоятельности «*W*» позволяет «расселить» образующие его ресурсы между «внутри» и «под» элементами его конструкции (рис. 30).

В дальнейшем мы, как и прежде, сосредоточимся на состоятельности-дееспособности (будем иногда просто говорить — «дееспособность»). Описывая дееспособность в динамике, мы будем использовать нижние индексы:

$$\ldots, W_{i-1}, W_i, W_{i+1}, \ldots.$$

(иногда, если не возникает путаницы, будем опускать нижние индексы).

Формула перехода от одной ступени состоятельности к другой включает в себя указание на внешний ресурс, стоящий как бы между устремлениями, рожденными на предшествующей ступени активности, и аккумулированными возможностями на последующей ступени:

$$W_i \leftharpoondown Y_i = W_{i+1}$$

Прибегая к помощи иероглифов, можем описать динамику состоятельности в виде последовательности вложенных друг в друга иероглифов. Предлагаем две формы записи: «эстафетную» (рис. 31) и «фрактальную» (рис. 32).

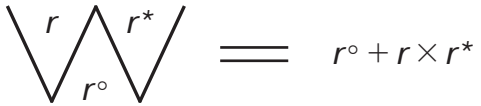


Рис. 30. Модель «квартирования» ресурсов

Рис. 31. «Эстафета» состоятельности.
Динамика состоятельности «слева-направо»

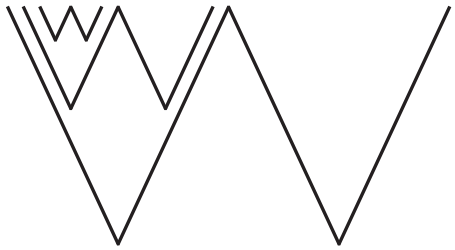


Рис. 32. «Фрактал» состоятельности.
Динамика состоятельности «сверху-вниз»

Напомним, что здесь W_i представляет собой *устремления*, как сторона аккумулированных *ранее* (на *i*–1-*ой* ступени) возможностей, т.е. $\mathbb{W}_i$, а W_{i+1} — *возможности*, аккумулированные *на данной* (*i*-*ой*) ступени, что может быть записано в виде иероглифа так: $\mathbb{W}_{i+1}$ (*устремление* $\mathbb{W}_{i+1}$ будет воплощено *на следующей*, *i*+1–*ой*, ступени активности). Хотя формула, как видим, описывает происходящее в данный момент, она связывает воедино три времени — прошлое, настоящее и будущее.

В связи с тем, что мы обращаемся к анализу состоятельности-в-динамике, присвоим новое имя возможностям, формируемым ранее

$(\mathbb{W})_i$ и «переходящим» на новую ступень в виде наличных внутренних ресурсов R_{i+1} ($= N_{i+1} = X_{i+1}$). Будем называть эти «транзитные» возможности *рабочим ресурсом*. Ранее мы уже обращали внимание на равенство аккумулированных возможностей (только что мы их назвали «рабочим ресурсом») и устремлений-запросов, обращенных в будущее (N_{i+1}).

Импульсы рабочего ресурса можно представить в виде «импульсов-стрел» и «импульсов-бумерангов». В том случае, если «импульс-стрела» не поражает мишень, т.е. не встречается с импульсом внешнего ресурса (субъект «промахивается»), импульс утрачивается безвозвратно («растворяется в пространстве»). При этом, заметим, рано или поздно внутренние ресурсы агента истощаются, подобно запасу стрел в колчане (если только не допустить, что «кто-то» постоянно подкладывает их в колчан)[83]. Другое дело — импульсы-«маленькие бумеранги». Они, в случае промаха, всегда возвращаются. Таким образом, хотя внешний ресурс и не был присвоен, остаются ресурсы, представляющие собой заделы на будущее. Неизрасходованная энергия действия переходит на следующий виток активности. Подчеркнем, что именно этот образ — круговых траекторий возврата неотработанных «импульсов-бумерангов» — является для нас опорным в модели[84].

«Связь времен», выраженная формулой $W_i \leftharpoondown Y_i = W_{i+1}$, само существо происходящего, позволяет нам в одной логике, на одном языке, описать и соотнести разрозненные (за некоторыми исключениями) представления, описывающие процесс активности как динамику переходов

$$\ldots > \textit{могу} = \textit{хочу} > \textit{могу'} = \textit{хочу'} >\text{-} \ldots$$

Веер активности. Таким образом, нам открывается своего рода веер понятий, описывающих динамику состоятельности, «веер активности» (рис. 33).

---

[83] Более прозаический пример: убывание числа оплачиваемых поездок в метро по мере использования многоразового талона.

[84] Тем самым, по сути, формулируется *закон сохранения суммарного ресурса активности* (другие предлагаемые формулировки — «закон сохранения активности», «закон сохранения психической энергии» и т.п.). Этот закон состоит в том, что запасы из прошлого, благоприобретения настоящего и резервы на будущее в сумме образуют единый и неизменный ресурс (= 1):

$$(r^\circ_i - 1) + (r_i \times r^*_i) + (r^\circ_{i+1}) = 1$$

(фрагменты прошлого, настоящего и будущего заключены в скобки)

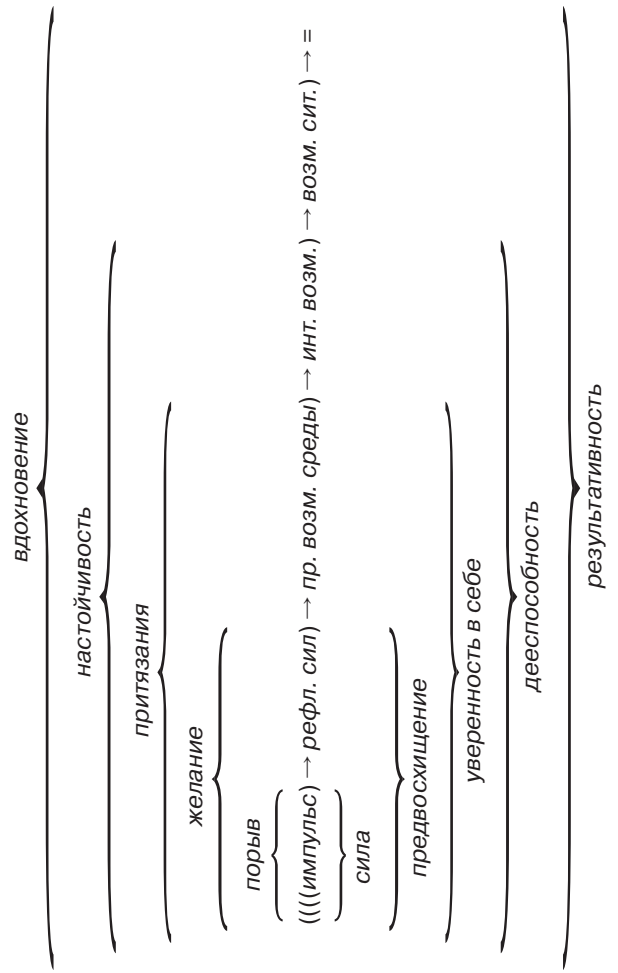


Рис. 33. Динамическая модель состоятельности.
«Веер активности».
Импликация в виде бумеранга «⮌» на рисунке замещена стрелочкой «→»

В центре рисунка, горизонтально, изображены механизмы перехода от одной ступени состоятельности к другой. Здесь прослеживается единая логика: *стремление* (то, что в скобках) опирается на *внешний ресурс* (то, что справа от стрелочки-импликации), и это выражение в целом означает *достигнутый уровень состоятельности*, т.е. аккумулированные возможности (все это теперь находится внутри скобок и «опирается» на новую стрелочку справа и т.д.).

Ряд начинается с «импульса активности». Так мы назовем первоначальную форму единства «могу» и «хочу», которая в одной из своих ипостасей — *возможность* — переживается субъектом как прилив сил, избыток энергии, приподнятое настроение. Человек ощущает свое присутствие в мире, слитность ним, свою растворенность в ситуации действия. То, что психологии описывают в терминах «потока» и что имеет в своем истоке океаническое чувство могущество, нарциссическое «сладостное Я» (З. Фрейд), скорее всего, можно отнести именно к этому изначальному недифференцированному переживанию «могу», одной из сторон «импульса». Другой ипостасью — *стремлением* — является то, что именуют «порывом» (А. Бергсон); в другой традиции и в ином контексте анализа говорят о состоянии потребности, еще не нашедшей себя в предмете («потребностное состояние», по А.Н. Леонтьеву). Наконец, уместно напомнить о «напряжении», «давлении», которые стремятся к разрядке.

«Могу» и «хочу» вкупе, составляя импульс активности, реализуют себя на основе саморефлексии субъекта; он опирается при этом на образ своих возможностей. При этом на стороне «могу» рождается то, что мы называем *предвосхищением достижения*. Быть может, здесь есть всего лишь предчувствие, но оно переживается позитивно — как «вот-вот» достижение чего-то важного, необходимого, пока не раскрывшего себя в полноте предвидимого. Но тут и нечто большее, чем неопределенное ожидание. Так, когда мы предвосхищаем появление или рождение чего-то близкого нам, то мы испытываем стремление к близости. «Суть близи, — писал М. Хайдеггер, — в том, чтобы близиться». Предвосхищение раскрывается теперь как стремление обладать тем, что восхищает стремящегося. Итак, мы имеем дело с *желаниями*.

Но и они (желания) — лишь момент становления состоятельности. Опираясь на представления субъекта о том, что способна предоставить ему среда, желания сопровождаются определенным уровнем

уверенности субъекта в реализуемости своих устремлений, а это, в свою очередь, порождает соответствующий *уровень притязаний*.

Рассматривая переход на следующую ступень активности, мы видим, что притязания субъекта находят для себя особую опору, которую мы рискнем обозначить как *интуицию возможностей*. В некотором смысле это «воспоминание о будущем», бессознательное знание о том, что движение уже привело к результату, задача «уже решена» (мы описывали этот феномен в статье «“Я = Мир” в развитии личности» [Петровский, 1995]). В действительности перед нами установочный уровень регуляции сознания и самосознания человека, последствия прошлых успехов и неудач (по-видимому, не только когнитивные, но и «гедонистические карты» позволяют нам ориентироваться «на местности», исподволь подсказывая пути к цели или перекрывая дорогу). Таким образом, мы ощущаем свою *дееспособность* — возможность осуществлять деятельность, ведущую к успеху (говоря о *модели* дееспособности, мы используем это слово в более широком смысле, нежели просто достижения на одной из рассматриваемых ступеней активности). Оборотной стороной чувства «могу» (в данном случае — «смогу») является то, что Н. Физер и другие авторы называют *настойчивостью*, а она уже из разряда «хочу».

До сих пор, рассматривая процесс перехода с одной на другую ступень активности, мы пребывали на «территории субъекта». Следующий шаг подразумевает взгляд на него со стороны — с позиции внешнего наблюдателя, который располагает реальным знанием о возможностях, предоставляемых ситуацией. Так, когда настойчивые попытки продвижения к цели сталкиваются с объективной возможностью или невозможностью добиться успеха (уровень достижимости-доступности решения), мы рассуждаем о возможностях субъекта в терминах «сможет/не сможет»[85]. Перед нами оценка меры его *результативности*. Высокая результативность порождает чувство *вдохновения* — или, по словам исследователя творчества С.В. Максимовой [2006], *вдох-новения*.

Оно, в свою очередь, пробуждает новые *импульсы* — новые *силы* и *порывы* активности; активность возобновляется, и, таким образом, осуществляется процесс расширенного воспроизводства деятельности.

[85] Оправданному в некоторых случаях переходу от слов «может/не может» к словам «сможет/не сможет» автор обязан К.С. Лисецкому.

Теперь мы подготовлены к тому, чтобы поставить вопрос о *реализме* — иначе говоря, об условиях конгруэнтности «хочу» и «могу» в динамике состоятельности. Этот вопрос в иной форме был поставлен В.А. Лефевром, создателем рефлексивной теории.

«Реализм»: Аутентичность стремлений и оправданность ожиданий. В центре внимания рефлексивной теории В.А. Лефевра — субъект в среде вместе с образом себя в ней. Подразумевается, что среда способна склонять его к выбору между двумя полюсами: позитивным («добро») и негативным («зло»). Определяется функция готовности субъекта к выбору между полюсами, имеющая вид

$$X = (x_3 \rightarrow x_2) \rightarrow x_1 \text{ (\textit{булева модель})}$$

(для переменных x_1, x_2, x_3, X, принимающих «четкие» значения 0 и 1) и

$$X = x_1 + (1 - x_1) \times (1 - x_2) \times x_3 \text{ (\textit{непрерывная модель})}$$

(для тех же переменных на отрезке [0, 1]).

Здесь x_1 интерпретируется как *давление* среды (склоняющее к выбору позитивного полюса); x_2 — как *представление* субъекта о давлении среды; x_3 — как *интенция* субъекта (выбирать позитивный полюс); «→» — логический оператор материальной импликации; X — как *готовность* субъекта выбирать позитивный полюс. В общем случае (объективная) готовность X и (субъективная) интенция x_3 не совпадают. В случае, если они равны друг другу, выборы субъекта обозначаются как интенциональные, а субъекта выбора В.А. Лефевр называет *реалистом*.

В.А. Лефевр [1996] первым описал то, что было обозначено им как выборы «реалиста», различая при этом субъективную склонность человека к выбору одного из двух полюсов (выбор между «добром» и «злом») и объективную готовность субъекта к подобному выбору.

Отметим, что, вводя конструкты «реалист», «реализм», В.А. Лефевр осуществил то, что абсолютно выпало из поля зрения психологов разных теоретических и практических ориентаций. Перебрасывается мост между субъективными и объективными аспектами активности человека. Идея фундаментальна: по своему содержанию она сопоставима — по контрасту — с идеей *иллюзии*, которая так же, как и реализм, характеризует соотношение субъективного и объективного, но только в форме несоответствия. «Реализм» — пожалуй, единственная в своем роде идея, описывающая адекватность внутреннего и внешнего, субъективного и объективного и, стало быть, позволяющая со-

относить, связывать, «сшивать» конструкты интроспективной и поведенческой психологии. С.Л. Рубинштейн и А.Н. Леонтьев в своих проектах теории деятельности искали форму объединения двух психологий. Создатель рефлексивной теории В.А. Лефевр предъявляет нам нечто большее. Он предлагает не только «форму», но и *формулу* соотнесения субъективного и объективного.

Формула Лефевра:

$$X = \begin{cases} \dfrac{x_1}{x_1 + x_2 - x_1 x_2}, \text{ если } x_1 + x_2 > 0 \\ \text{любое число из } [0,1], \text{ если } x_1 + x_2 = 0 \end{cases}$$

Само по себе соотнесение внутреннего и внешнего аспектов выбора и предлагаемая В.А. Лефевром количественная, а не только качественная, форма этого соотнесения представляет собой, на наш взгляд, выдающееся открытие в области теории, первый опыт различения и синтеза интроспективной и бихевиоральной парадигм в психологии. Нам открывается здесь не какой-нибудь очередной «разговорно-спекулятивный» троп, а реальный переход к деятельностной парадигме, конкретное воплощение столь важной для российской психологической школы идеи единства внутреннего и внешнего, субъективного и объективного, идеального и действительного в проявлениях активности человека.

Идея интенциональных, реалистических выборов оказалась удивительно продуктивной. Я убежден, что со временем во многих учебниках психологии появится, например, глава «Перцепция и рефлексия», а и в ней раздел, посвященный «функции готовности к выбору», «реализму», а также еще «золотому сечению», открытию В.А. Лефевра в области психологии восприятия. Наряду с феноменами Пиаже, Зейгарник, эффектом Узнадзе будут говорить о феноменах и эффектах Лефевра.

Итак, одно дело иметь интенцию к действию («я намерен»), и другое — быть готовым к тому, чтобы реально действовать в выбранном направлении, когда человек готов сделать именно то, что намерен. В этом случае мы будем говорить о «реализме-1» — *аутентичности стремлений*.

Но возможен и другой взгляд на соответствие между интенциями и готовностью к действию — когда мы рассматриваем ее (готовность, в наших терминах — «стремление») как проявление *возможностей*,

аккумулированных на предшествующей ступени активности, и фокусируемся на адекватности этих возможностей интенциям. Иначе говоря, выявляем уровень соответствия между *интенциями* и *дееспособностью* ($\mathbb{V}V_i$ и $\mathbb{V}V_{i+1}$).

Различая в состоятельности человека две стороны, «*могу*» и «*хочу*», мы можем также сравнивать исходные стремления и достигаемые результаты на том или ином витке активности, а также силу стремления на данном витке активности и обретаемые возможности на данном и *последующих* витках. В случае совпадения «хочу» и «могу» говорим о «реализме-2» (*оправданности ожиданий*).

Отталкиваясь от принятых допущений относительно оптимума благополучия и, соответственно, от *теорем оптимума состоятельности*[86], мы можем показать, что, если сопоставить силу «порыва» на первой ступени активности с показателями состоятельности на других ее ступенях (предвосхищение будущих достижений, уверенность в себе, дееспособность, результативность), то при условии оптимума мы придем к уже отмеченной нами выше «золотой пропорции» между внутренними устремлениями субъекта и внешними условиями их реализации — «золотой точке» гармонии.

И те же самые условия *достаточны* для того, чтобы выполнялось базовое определение выбора «реалистов» в терминах В.А. Лефевра. Ситуация оптимума благополучия в модели состоятельности-дееспособности обеспечивает не только совпадение устремлений субъекта и итогов его активности на каждой ступени, но и сквозное соответствие устремлений на разных ступенях активности, начиная с первой (исходный импульс активности). Таким образом, условия аутентичности стремлений совпадают здесь с условиями оправданности ожиданий.

[86] См. гл. 10, п. 2.

Глава 11

САМОПОЛАГАНИЕ

11.1. Семь пространств существования личности

Дифференциация всевозможных «пространств» человеческой жизни («субъективное» и «объективное», «психосемантическое», «жизненный мир», «психологическое пространство», «поле») представляет интерес для психолога по крайней мере в двух отношениях.

Во-первых, они представляют собой полигон для решения важной задачи упорядочивания знаний. Здесь не только теоретический интерес, но и решение дидактических задач. Раскладывание материала по «полочкам»-пространствам — чем не достойный почин на пути формирования, как говорили в прежние годы, глубоких и прочных знаний учащихся? И, кроме того, бесспорная возможность структурировать собственные выступления, компоновать тексты, а для наших студентов — «тачать» рефераты на разные темы. У психологов, начинающих свою научную карьеру (и у психологов, по-видимому, завершающих ее), классификация, типологизация, систематизация феноменов, словом, та или иная форма их «раскладывания», иногда превращаются в некую имитацию деятельности, вполне замещающую собой деятельность реальную, созидательную. Хотя согласимся, что удачная форма упорядочивания материала того или иного рода способна доставить читателю (и уж точно автору) эстетическое наслаждение, оправдывающее языковые игры с неподатливым материалом.

Во-вторых, это реальная работа с пространствами, труд соотнесения их друг с другом, поиск механизмов сцепления, совместного функционирования их контентов. В этом случае «машина» психологического знания трогается с места, сходя с чертежей и оправдывая сложность своего внутреннего устройства. Иллюстрацией мог бы служить рисунок, сделанный рукой З. Фрейда, где совмещены топологическая и структурная модели психики, а также структурные

модели первого, второго, третьего и т.д. порядков, предложенные Э. Берном в описании личности, и др.[87].

Есть еще один возможный резон пространственных расслоений психосферы. Это — искушение возможностью «игры в бисер», объединяющей разные языки для разделения пространств и преумножения форм их сопряжений. Я надеюсь, что этот эстетический акцент работы «с пространствами» читатели разглядят в данной главе, где речь идет о мега-пространстве семи пространств, образующих три области существования личности: «во мне», «вне меня», «между нами». Внутри первой области, «во мне», выделяются пространства «со мной», «при мне», «у меня». Внутри второй — пространства «у меня», «от меня», «из-за меня». Третья область — это пространство «мне» и «мною». Ассоциация с «Игрой в бисер» Г. Гессе обусловлена, в частности, тем, что пространства, образующие в некотором роде континент личности, состоящий из материков и связующего их архипелага, озвучиваются перекличкой личных местоимений[88], а соотнесение контентов базируется на логических связках, известных из курсов математической логики.

В понимании «личности» будем следовать У. Джеймсу: *личность* — целокупность всего, что является *личным* (моим) [Джеймс, 1991]. Это определение — не точная цитата из Джеймса, но оно отвечает духу его теории и включает в себя все «ипостаси» личности, рассмотренные Джеймсом. Из этого понимания следует: описать и понять личность — значит «исчислить» то, что относится к *личному*, существуя во мне, вне меня, а также между мной и моим окружением.

Рассмотрим мегапространство личности детальнее (рис. 34).

1. **Во мне — со мной.** Это область существования «бессознательного» в топологической модели З. Фрейда[89], «коллективного бессоз-

[87] Например, удачная типология «жизненных миров» и особенно «работающие» смежные модели психического мироустройства, изящная «нотная запись» переживаемого, представлены в разработках Ф.Е. Василюка [1984; 2007].

[88] Возможная тут ассоциация с поэтической строкой Окуджавы «судьба, судьбы, судьбе, судьбою, о судьбе» могла бы выглядеть чисто случайной, когда бы не «игра в бисер»... Впрочем, значительнее менее случайная связь прослеживается с опытом реализации идеи «пространств» применительно к смысловым моделям мира, булева типология которых развивается автором в настоящей работе (см. гл. 14).

[89] Примеры имеют иллюстративный характер, поэтому я ограничиваюсь общеизвестными именами и ни в коей мере не претендую на освещение всех релевантных понятий и достойных упоминания имен.

МЕГАПРОСТРАНСТВО ЛИЧНОСТИ

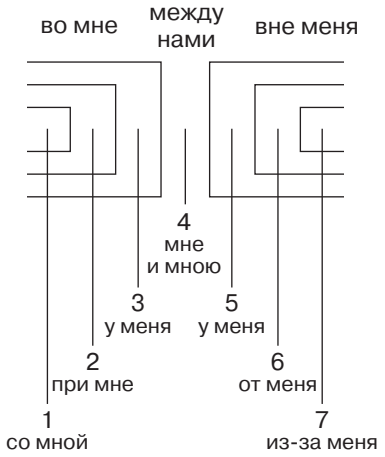


Рис. 34. Семь пространств существования личности

нательного» К. Юнга, «демонов» Э. Берна и др.; там же присутствуют «либидо» и «танатос» структурной модели З. Фрейда, «вторичные процессы» А. Минделла, «духовное бессознательное *Я*» В. Франкла. Именно в этом пространстве таятся энергия жизни и силы роста личности, а также, возможно, базовые ориентиры, барьеры и опоры развития. Здесь же — отзвуки стимулов, воздействующих на субъекта извне и превращающихся в его влечения[90]. Пространство «во мне — со мной», по-видимому, не может быть полностью субъективировано человеком (хотя бы уже потому, что «субъективация» как таковая не может быть субъективирована человеком в самый момент ее совершения).

[90] В гл. 5 мы гипотетически рассмотрели фазы развертки активности Я в направлении провокативного стимула — феномен рефлексивной возгонки влечения. Активность субъекта, искушаемого провокативным стимулом, развивается в четырех сферах личности, о которых сейчас мы ведем разговор. Одна из них перед нами — «во мне и со мной» (сфера внечувственного потенциального опыта). Далее прямо по курсу — «во мне и при мне» (сфера дорефлексивной чувственности), «во мне у меня» (сфера самосознания), «мною и мне» (сфера действия).

2. **Во мне — при мне.** Это область существования «темных чувствований» М. Сеченова, «предсознательного» в топологической модели З. Фрейда, «краевых фигур (монстров)» А. Минделла [1999], «до-рефлексивного» Ж.-П. Сартра, «подсознательного организмического функционирования» К. Роджерса [2005] — опыт, потенциально доступный для сознательного понимания[91].

3. **Во мне — у меня.** Это область существования cogito («мыслю») Р. Декарта, «сознательного» З. Фрейда, «объективации» Д.Н. Узнадзе, «сознательного внимания» К. Роджерса, «зоны осознания» Ф. Перлза, «переживающего Я» Берна, «осознания своего духовного Я» В. Франкла и др.

4. **Мною — мне.** Это область контактов и взаимопревращений двух сфер бытия: *во мне* и *вне меня*. Там содержатся: накапливаемый подсознательный опыт (не достигающий статуса переживаемого), «давление среды» В.А. Лефевра, рефлекторные импульсы в ответ на телесные и средовые воздействия, «инстинктивные влечения» З. Фрейда, «идеомоторные акты» П. Жане, «возбуждение» Ф. Перлза, «первичные» и «фиксированные установки» Д.Н. Узнадзе, «детерминирующие тенденции» Н. Аха, «динамическая сила» и «направленная энергия» Р. Ассаджиоли и др. Обратим внимание на то, что содержания, представленные в пространстве *«мною — мне»*, не являются переживаниями человека; они лишь обращают к нему и исполняют его импульсы, исходящие извне (континент *вне меня*) и изнутри (континент *во мне*). Скажем, воля — «это непосредственная функция “я”, но функция во многом скрытая» [Ассаджиоли, 2008, с. 157].

5. **Вне меня — у меня.** Так можно описать все то, что не является мною и что я отношу к себе, защищая от посягательств. То *внешнее*, которым обладает *внутреннее*. К категории *«вне меня — у меня»* относятся «физическое Я» У. Джеймса, «переходные объекты» Д. Винникотта, «сэлф-объекты», введенные Я-психологами «для обозначения тех людей, которые подпитывают наше чувство идентичности и самоуважения своим подтверждением, восхищением и одобрением» [Мак-Вильямс, 1998, с. 109].

6. **Вне меня — от меня.** Такова область существования результатов и последствий моей активности, мое бытие в другом человеке,

[91] Привожу формулировку Р. Нельсон-Джоунс [2001, с. 37].

ощущаемое им как несомненная реальность[92]. В субъективном пространстве другого я существую как *интроект* (интернализированный другой).

7. **Вне меня — из-за меня.** В этом пространстве сосредоточены значимые проявления моего присутствия в жизни других людей. Мы используем в данном случае термин «персонализация»: во мне видят личность, если я способен быть источником значимых изменений в жизни других людей. Результаты экспериментальных исследований эффектов отраженной субъектности рассмотрены в этой книге (см. гл. 3). Очевидно, что опосредствованные и отсроченные феномены персонализации могут быть совершенно неизвестны субъекту[93].

Как видим, мегапространство сосуществования двух сфер бытия — *во мне* и *вне меня* — заключает в себе семь пространств. Первое из перечисленных есть область *трансцендентального* (условия опыта, не являющиеся его результатом), второе — область *трансцендентного* (того, что выходит за границы возможного опыта). Между трансцендентальным и трансцендентным лежит область наблюдаемого и постижимого в рамках индивидуального опыта.

Разрабатываемые представления о «семи пространствах личности» — не столько способ систематизации существующих представлений, сколько рабочий инструмент синтеза новых моделей описания и прогнозирования процессов активности. Далее в поле нашего зрения окажутся развивающиеся в семи пространствах личности процессы самополагания человека: самоактуализация, самореализация, самопрезентация, самотрансляция и самотрансценденция.

[92] Памятные общеизвестные строки Л. Мартынова могут служить примером сказанного: «А ты, какой ты след оставишь...»

[93] Когда автором этих строк была предложена концепция персонализации, и, в частности, высказаны соображения по поводу «земного бессмертия», Галина Михайловна Андреева (она возглавляла тогда кафедру социальной психологии факультета психологии МГУ) улыбнулась: «Интересно, *кто* будет испытуемым, и *кто* — экспериментатором?» Грустно в ответ улыбаются Толстой, Шредингер, Пастернак, Бехтерев и многие другие мыслители, обращавшиеся к этой проблеме... В статье «Индивид: его потребность и способность “быть личностью”», написанной в соавторстве с А.В. Петровским, мы цитировали А.С. Пушкина «Нет, весь я не умру...», размышляя над тем, что остается [Петровский А.В., Петровский В.А., 1982*б*].

11. 2. Состоятельность самополагания

Метафорически, *Я — это сгусток возможностей*, воплощаемых вовне, а главная потребность человеческого бытия — *освоение этих возможностей* («высвоение», если использовать термин М. Хайдеггера). В настоящей главе мы исследуем гипотетические формы и механизмы *самополагания* субъекта как все более распространяющегося вовне процесса испытания и использования своих возможностей человеком. В этой связи мы говорим об *эффектах* воплощения своих возможностей и в первую очередь о том, насколько производимое субъектом соответствует силе его устремлений. Мы строим *формальные модели* самополагания, исследуем условия *состоятельности* его разных форм, сопоставляем прогнозы, вытекающие из модели, с эмпирическими фактами, которые были получены нами, а также другими авторами.

ТЕЗАУРУС. Исходим из того, что *субъект активности* — носитель возможностей, воплощаемых вовне.

Самополагание есть не только актуализация, но и воплощение человеком собственных потенциальных возможностей. Субъект самополагания испытывает саму возможность объективировать свои возможности.

Быть (*находиться*) *на уровне своих устремлений* (*ожиданий, требований и т.п.*) — это значит добиваться чего-то в соответствии с тем, что побуждает или обеспечивает активность, так что приобретаемое по своему уровню адекватно тому, что запрашивалось или предлагалось. Человек может обрести то, чего реально желал (и в этом случае его *состоятельность* — на уровне его устремлений); но он также может получить неожиданно больше того, к чему стремился (*сверхсостоятельность*) или меньше этого (*несостоятельность*). В данной части книги мы исследуем, при каких условиях *состоятельность соответствует устремлениям*.

Базовый тезис состоит в том, что процессы самополагания развиваются в семи пространствах, описанных нами ранее. Метафорически, перед нами эстафета процессов на семи участках пути. Рассмотрим маршрут следования.

Пространство 1 («Сфера внечувственного потенциального опыта»). На старте самополагания имеем дело с трансцендентальным «Я». Устрашающую фрейдовскую метафору «котла», в котором кипят бес-

сознательные импульсы либидо и танатоса, мы замещаем светлым словом «родник» применительно к трансцендентальному «Я» самополагания. Словно бы «некто» внутри меня, кого я не знаю в лицо, но о ком догадываюсь, обладает полным набором возможностей, побуждающих к активности. Эти возможности *во мне* и *со мной*, но я не волен распоряжаться ими.

Пространство 2 («Сфера дорефлексивной чувственности»). Эстафета процессов захватывает далее дорефлексивное «*Я*». Это та часть внутреннего мира, о которой можно сказать словами В.П. Зинченко, что она не «*ре-презентирована*», а «*презентирована*» человеку [Зинченко, 2009]. До-рефлексивное «Я» инициирует самоактуализацию — самоиспытание возможностей. Испытываемые возможности неотчуждаемы, они изначально и вечно *при мне*. Но, пробуждая себя к действию, я стремлюсь испытать их. Говоря об этих возможностях, я подчеркиваю (и это важное допущение для всего дальнейшего обсуждения!), что некоторые из них могут рассматриваться как *еще не освоенные* (подлежащие испытанию), а остальные как *имеющиеся* (*испытываемые* + *имеющиеся* =1).

Испытываемые возможности — это такие возможности, в объективности которых хочет убедиться субъект. Будем говорить о них «возможности-запросы». Они переживаются как *запросы к себе*: «Могу ли я совершить (произвести, обнаружить) то, что переживаю как возможное?»[94]. Совокупность попыток убедить себя в том, что я на это способен, образуют процесс *самополагания* субъекта (что соответствует данному выше определению)[95]. Имея в виду *долю* запросов по отношению к личному потенциалу активности, будем говорить в дальнейшем о *силе* (*уровне*) *стремления* к самополаганию.

Используемые возможности — это возможности, позволяющие субъекту (во всяком случае, так он считает) осуществить испытываемые возможности. Иначе говоря, это возможности-ресурсы — все то, что содействует удовлетворению запросов, а также провоцирует

[94] Попытки проверить это могут описываться как *проба себя*. Этот термин предложил мне А.Н. Леонтьев в период моей работы над идеей «надситуативной активности» [Петровский В.А., 1977].

[95] Возможности-запросы — это «могу», переживаемое как «хочу». В более ранних работах мы постулировали соответствие между еще не проверенным «могу» (неосвоенные возможности) и «хочу» (высоте амбиций соответствует сила желания самопроверки). Здесь мы придерживаемся той же идеи.

необходимую для этого активность[96]. Рассматривая *долю* возможностей-ресурсов по отношению к личностному потенциалу активности, будем говорить об *уровне опор*.

Пространство 3 («Сфера самосознания»). В эстафету активности далее вовлекается рефлексивное «Я»; оно как бы перехватывает то, что ранее *переживалось*, но не было *осознано* личностью. И теперь в качестве участника эстафеты я мог бы сказать о себе: «*У меня* это есть — возможность добиться желаемого». Рефлексивное Я дает опору для оценки испытываемых возможностей, что проявляется в моих *предчувствиях*.

Пространство 4 («Сфера действия»). Далее в эстафету вступает действующее «Я». О процессах и переживаемых результатах его активности действующее «Я» могло бы сказать о себе: «Производится *мною*». В случае если выбранная задача имеет решение, а субъект прилагает столько сил, сколько требуется для ее решения, то в конечном счете ему дано пережить *предрешенность* успеха (восклицательный знак эмоции «я нашел!» опережает, как известно, интеллектуальную точку в этом процессе). Переживаемая предрешенность успеха в «координатах объекта» есть решенная задача, а в «координатах субъекта» есть то же самое, что и *удовлетворенность собой*.

Пространство 5 («Событийная сфера»[97]). И вот, наконец, эстафета закончена, финишная ленточка порвана, дальше вступают в действия судьи, подытоживающие результаты, зрители, приветствующие победителя (или освистывающие побежденного). То, что я как субъект происходящего имею теперь, отчуждено от меня, не является мною, существует *вне меня*, однако по-прежнему *у меня* — как часть моего недавнего прошлого (похвального или достойного забвения). Здесь я смотрю на достигнутое не только «своими глазами», но и «глаза-

[96] Мы особо выделяем провокативный аспект субъективных возможностей. Иногда субъективная невозможность действия или запрет на его выполнение стимулируют активность. На этом основаны техники провокативной терапии Ф. Фарелли, а также исследованный Бремом феномен привлекательности «запретного плода» («запретный плод сладок»). В наших экспериментах [Петровский, 1977] было показано, что нейтральный объект, если его запретить, становится притягательным (условно говоря, «и булыжник приобретает вкус»).

[97] «*Событийность*» здесь фигурирует сразу в двух смыслах: «событие» и «со-бытие» (в российской психологии категория со-бытия всесторонне охарактеризована В.И. Слободчиковым и Е.И. Исаевым [1995]).

ми другого», вижу содеянное изнутри и извне, совмещаю в себе две позиции — субъекта-автора и субъекта-эксперта (последний играет здесь определяющую роль). Для другого человека это часть воспринимаемого им мира, пространство *вне него и перед ним*.

Теперь можно проложить маршрут за пределы личной активности участника эстафеты, имея дело с последствиями его активности для вовлеченных лиц, и через них для него самого. Договоримся впредь обозначать субъекта самополагания символом *S*, а контрагента (партнера) — *S**.

Пространство 6 («Сфера интроектов»). Здесь раскрываются последствия активности *S* в субъективном мире *S**. Для самого *S* это пространство контентов, существующих *вне меня* и *из-за меня* (там отражается то, что исходит *от* субъекта самополагания *S*, проникая в партнера *S**). В то же время *для партнера S** это пространство контентов, существующих *в нем самом и при нем*.

Пространство 7 («Персоносфера»). Присутствуя в других людях, субъект самополагания *S* может быть источником значимых влияний на них (полезных или разрушительных, развивающих или застопоривающих, содействующих или противодействующих им в их собственных начинаниях). Нельзя исключить и того, что представления, сложившиеся о субъекте *S*, оставляют *S** вполне равнодушным. Имея в виду возможные эффекты идеальной представленности и продолженности человека в человеке, автор наряду с термином В. Франкла «*самотрансценденция*», использует термин «*персонализация*» (становление «личностности»). Поясним, почему. В поисках критерия различения конструктов «личность» и «индивид» было введено представление об отраженной субъектности одного человека в другом, что проявляется в значимых для другого преобразованиях (или подтверждениях) его жизнедеятельности. Невозможно «быть личностью», не соучаствуя в жизненных процессах других людей [Петровский, 1981*а*,*б*]; а также последующие работы, отраженные в этой книге). Отсюда и название данной сферы бытия личности — *персоносфера*[98]. Эффекты влияния, «личностные вклады» в жизнь других людей, вносимые субъектом самополагания, для него самого существуют в пространстве *вне меня* и *из-за меня* («нам не дано предугадать, как наше слово отзовется»); но,

[98] Первым в психологический лексикон ввел термин «персоносфера» А.В. Петровский [2005].

ощущая свою ответственность, человек мысленно может «проигрывать» последствия своих воздействий, предугадывая результат (отсюда и иллюзия контроля над последствиями). С позиции же другого лица, *S**, происходящее развивается в его собственном пространстве жизни, существует *внутри него и для него*.

Как только что было сказано (правда, иными словами), выходя за пределы себя, т.е. оказываясь в пространствах 5 (*событийная сфера*), 6 (*сфера интроектов*) и 7 (*персоносфера*), человек не может знать достоверно, *как* его оценят другие, *кем* он является для других, *что* он привносит в их жизнь. Все это предмет моделирования — мысленного предвосхищения, интуитивных прогнозов, предчувствий.

И в этом (нередко «роковом» для субъекта самополагания) пункте мы оказываемся перед выбором. Первая возможная позиция состоит в том, чтобы проследить эффекты самополагания, развивающиеся в пространствах 5, 6 и 7, полагая при этом, что нам известно *все необходимое* о том, как *S** он относится к *S*. Иначе говоря, что нам известно о степени его заинтересованности в *S*, о высоте его ожиданий, касающихся *S*, об уровне контроля над *S* (мы обозначим перечисленные параметры техническим термином «настройки»). Знает ли обо всем этом субъект *S*, нас в данном случае не интересует — мы исследуем лишь то, как в действительности он существует в пространстве жизни другого и за пределами себя самого.

Другая позиция — это взгляд со стороны субъекта *S*, который *моделирует* в своем воображении «настройки» контрагента и, соответственно, эффекты своего присутствия в мире другого. Драматизм ситуации усиливается, если он никогда не видел и не увидит того, в ком ему, возможно, предстоит «отразиться». Если добавить к этому, что люди представлены в других *опосредовано* — в ком-то «дальнем» через «ближнего» (хотя и «ближние» порою сродни «дальним»), то можно представить себе, насколько непредсказуемы при таком взгляде бывают последствия собственных действий:

И может быть в эту минуту
Меня на турецкий язык
Японец какой переводит
И в самое сердце проник...[99]

[99] Я впервые услышал эти стихи еще в школе, их читал и комментировал А.А. Якобсон, наш учитель (я еще вернусь к этому имени). Необычность, по-моему,

Осип Мандельштам, «моделируя» в своих стихах труды переводчика-японца, очевидно, презрел надобность в перекрестной рифме, подчеркивая тем самым непереводимость своей поэзии и абсурдность ожиданий, что его стихи с подачи японца отзовутся в сердце турка.

Таким образом, принимая вторую возможность, мы, так же, как и в первом рассмотренном случае, должны абстрагироваться от важных аспектов проблемы, т.е. от того, что происходит на самом деле.

Какую позицию предпочесть? С учетом того, что каждая из них, представляя существенный интерес, заключает в себе очевидные ограничения, мы принимаем позицию компромисса. А именно: рассуждаем с позиции субъекта *S*, *как если бы* он заранее знал обо всех «настройках», присущих контрагенту *S**.

«Пространственная» трактовка самополагания субъекта и его взаимоотношений с социальным окружением предоставляет многообразные возможности для понимания и прогнозирования процессов самополагания, позволяя перейти от детализированного качественного [Старовойтенко, 2004] к «модельному» количественному подходу в трактовке личностной рефлексии.

Ниже представлена одна из *частных* форм сопряжения пространств личности, позволяющих проследить ближайшие и отдаленные эффекты испытания субъектом своих возможностей:

$$(((((1 \hookleftarrow x) \hookleftarrow y) \hookleftarrow z) \hookrightarrow c) \hookrightarrow b) \hookrightarrow a$$

Разберемся в *стрелочках* и *буквах*.

Начнем со *стрелочек*: $\hookleftarrow$ и $\hookrightarrow$. Они символизируют оператор *метаимпликации* (обобщения «материальной импликации» для рациональных значений переменных на отрезке [0, 1])[100]. Интуитивный смысл оператора метаимпликации: пусть A — запрос субъекта (компенсирующий недостаток внутреннего ресурса, $1 - A$) и B — внешний ресурс; $A \hookleftarrow B$ символизирует меру состоятельности субъекта (реализуемость запроса через внешний ресурс). Иными словами, $\hookleftarrow$ — символ *опоры* («запрос A опирается на ресурс B»). Численно $A \hookleftarrow B = 1 - A + A \times B$. Необходимо пояснить смысл этого определения: $1 - A$ — это

здесь состоит в том, что *форма* стиха ведет себя «не по правилам» (т.е. не совсем по Выготскому): она не «преодолевает», как водится, а как раз наоборот, впрямую высказывает *содержание*.

[100] К идее метаимпликации автор пришел, отталкиваясь от «поразрядной импликации», реализуемой на булевых решетках [Таран, 2000; 2001*а*; 2001*б*].

имеющийся внутренний ресурс, а произведение $A \times B$ означает, что объем приобретаемого извне пропорционален величине внешнего ресурса и силе запроса (максимум при запросе 1 и ресурсе 1; если хотя бы одна из этих величин равна 0, то ничего не присваивается: либо приобрести нечего, либо приобретать незачем). «Развернув» стрелочку, мы меняем местами запрос и внешний ресурс. В этом случае имеем: $A \hookrightarrow B = 1 - B + B \times A$ (ресурс A реализует запрос B).

Рассмотрим теперь *символы*:

1 — *личный потенциал активности S* (*пространство* 1);

x — *стремление S* (*пространство* 2);

y — *рефлексивный образ имеющихся у S возможностей* (*пространство* 3);

z — *усилия, мобилизуемые S* (*пространство* 4);

c — *контроль со стороны S* над достижениями S* (*пространство* 5);

b — *избирательность S* в общении* (*с ориентацией на успешных людей*) *в противоположность тотальному приятию* (*всеприятию*) (*пространство* 6);

a — *зависимость S* от S* (*пространство* 7).

Заметим сразу: из определения метаимпликации вытекает возможность упрощения записи. Действительно, $1 \hookleftarrow A = 1 - 1 + 1 \times A = A$, и таким образом мы можем «переписать» модель, приходя к следующей форме:

$$((((x \hookleftarrow y) \hookleftarrow z) \hookrightarrow c) \hookrightarrow b) \hookrightarrow a$$

Попробуем прочитать эту запись (что непросто):

«Стремление *x* опирается на имеющиеся возможности *y*, рождающееся предчувствие достижения опирается на мобилизуемые усилия *z*, что порождает определенный уровень удовлетворенности собой; далее достижения субъекта подлежат контролю *c* со стороны контрагента, оценка достигнутого, удовлетворяя ожидания партнера *b*, свидетельствует об определенном уровне его принятия партнером, а это, в свою очередь, ведет к признанию субъекта со стороны партнера *a* — в зависимости от исходной заинтересованности в нем».

Разумеется, эта длинная фраза не может служить образцом описания происходящего. Она лишь поясняет формальную запись. В символической репрезентации логика «межпространственных переходов» становится обозримой, оправдывая, надеюсь, труд читателя по осмыслению «букв» и «стрелочек».

Сосредоточимся вначале на первых четырех пространствах модели. Перед нами та часть «континента личности», которая была описана нами в терминах «внутреннего» пространства — бытия *во мне*.

Примем во внимание некоторые допущения.

1. Сила стремления актуализировать неосвоенный потенциал возможностей соответствует объему этих возможностей. Тем самым перебрасывается «мостик» между «*могу*» и «*хочу*». Иначе говоря, чем большие возможности я в себе ощущаю, тем сильнее я хочу их проверить. Если же эти возможности невелики, то и желание, соответственно, невелико.

2. Субъект рефлектирует себя — имеет дело с образом себя в рефлексии. Иначе говоря, обладая внутренним миром, он, «как в зеркале», видит себя, осознавая свои желания и возможности. Принимаем более сильное, чем общепринятое, положение о том, что его (субъекта) рефлексивный двойник — не просто «отблеск», но существо, обладающее такими же желаниями и возможностями. Ранее мы отмечали, что субъективные возможности подразделяются на две категории: «во мне и при мне» («предсознательные» — пространство 2) и «имеющиеся у меня» («осознанные» — пространство 3). Теперь мы подчеркиваем преемственный характер того, что есть у меня, по отношению к тому, что есть во мне. Возможности, «существующие *при мне*», до-рефлексивны. В рефлексии они выступают как возможности, «существующие *у меня*». Различаясь *качественно* (предсознательное/сознательное), они равны друг другу *количественно* (рис. 35).

Такое предположение кажется возможным в случае, если речь идет о психическом воспроизводстве, копирующем информационные и другие свойства отражаемого (в частности, эмоциональные переживания). Сходное допущение принимается В.А. Лефевром, в его рефлексивной теории [Лефевр, 2003]. В этой теории субъект *S* строит образ себя *S'*; тот, в свою очередь, способен также строить образ себя *S''* и т.д. Будем считать, что этим дублирующим друг друга существам свойственна «плоть» — энергия и информация, образующие динамический материал и форму испытываемых и используемых возможностей[101].

[101] Считаем важным подчеркнуть в этой связи, что здесь мы ступаем на неосвоенную пока территорию *трансакций с неубывающим ресурсом*. Использование информации, поставляемой контрагентом, не ведет в данном случае к уменьшению его ресурса.

3. В процессе самоактуализации субъект опирается на копию-эквивалент (живой образ, «клон») опорных возможностей, возвращаемых ему зеркальным двойником-партнером. На рис. 35 и 36 это символизировано изогнутой стрелкой.

4. Субъекту удается на том или ином уровне *пережить* возможность осуществления своих желаний. Мы описываем это состояние как *переживание достижимости желаемого* (при этом некоторая часть неосвоенных возможностей может остаться невостребованной — это своего рода запас на будущее[102] (рис. 36).

В некоторых случаях, переживая свою дееспособность, субъект *принимает желаемое за действительное* — на рис. 36 изображена именно такая ситуация. В такие мгновения сбывается то, что мы интуитивно понимаем под «самоактуализацией»: человек чувствует свою состоятельность, единство «хочу» и «могу». Самоактуализация, согласно А. Маслоу, есть стремление человека стать тем, кем он может стать [Maslow, 1987].

Психолого-математическая задача заключается в том, чтобы определить, какими должны быть устремления субъекта, чтобы его удовлетворенность собой соответствовала им по уровню («была на уровне устремлений», если воспользоваться приведенной нами ранее формулировкой)?

Будем пока различать два аспекта состоятельности человека: *уровень предчувствий* (*интуиция возможностей*) *и уровень достижений*.

Задумаемся: информация — необычный «товар», ее стоимость не определяется редкостью. В этой области действует правило «что сбережешь, то потеряешь, что отдашь, то сбережешь» (мысль, чувство). Как бы пафосно это не звучало, но я убежден: грядет новая эра экономических отношений, основанных на приумножении, а не на растрате определяющих существование человечества ресурсов — ресурсов нового качества (информационных ресурсов). Это будет эра *беззатратной экономики*. Правда, такие слова, как «экономика», «экономить» наводят нас на другие ассоциации, противоположные по смыслу. Ведь в русском языке «экономить» — это «давать возможность меньше расходовать, сберегать что-л.». Между тем исходное греческое *oikonomike* есть искусство ведения домашнего хозяйства. Слово «дом» вносит, на наш взгляд, особый нюанс в осмысление термина. Отношение в *доме* (коллективное «мы») — не конкуренция по поводу благ, а приумножение благ, в частности, путем обмена ресурсами в домашнем кругу. Но это возможно только тогда, когда в условиях искусного обмена ресурсами они не убывают, а воспроизводятся. Это значит, что общество — планета в целом — превращается в большой дом.

[102] Мы рассматриваем этот аспект проблемы в [Петровский, 2008*б*].

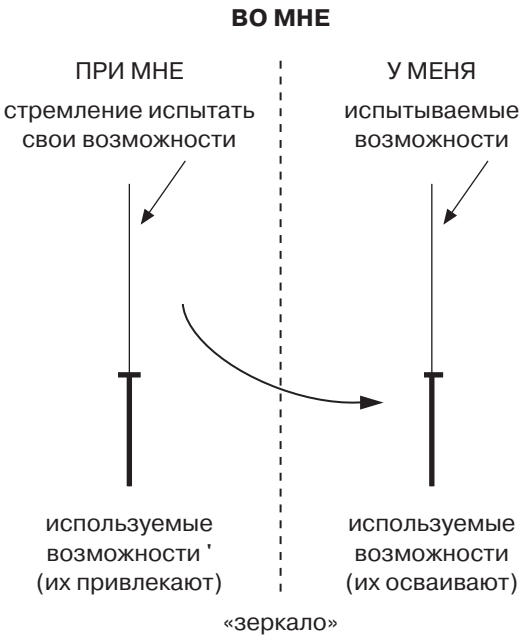


Рис. 35. «Опираюсь на свое отраженное “Я”»

Соответственно, разрабатываем две модели самополагания: *модель самоактуализации и модель самореализации*.

При разработке первой модели нас будет интересовать вопрос о том, насколько велико должно быть стремление к самоактуализации, чтобы оно воплощалось в адекватное ему по уровню предчувствие успеха. Очевидно, что речь идет о субъективной состоятельности, мере соответствия между стремлением осуществить себя («хочу») и переживаемой дееспособностью («могу», «смогу»).

При разработке другой модели мы исходили из вопроса о том, при каких условиях достижения субъекта будут на уровне его устремлений.

Введем некоторые дополнительные символы и допущения, общие для обеих моделей (см. также рис. 37).

1. $w_{\text{самоакт}} = x \leftharpoondown y =$ *интуиция возможностей* — это показатель состоятельности субъекта w (*well-being*) на ступени самоактуализации.

Опираясь на субъективно имеющиеся возможности y, субъект стремится испытать еще не освоенные им возможности x, что и символизируется «стрелочкой» импликации (напомним, что сила стремления отвечает объему испытываемых возможностей). В результате рождается интуитивное предчувствие-предвосхищение позитивного или негативного исхода попыток этой «пробы себя».

2. $y = 1 - x$. Это условие означает, что испытываемые и используемые возможности дополнительны друг другу; таким образом, одна часть субъективного потенциала активности (испытываемые возможности x) опирается на другую (используемые возможности, $1 - x$). Мы уже отмечали это условие, говоря о «зеркальности» используемых возможностей («во мне» и «у меня»). Подчеркиваем, что это условие предполагается выполнимым для класса ситуаций, в которых человек решает задачу испытания своих возможностей.

Состоятельность самоактуализации: интуиция возможностей. В этой модели представлена левая «часть» мегапространства лично-

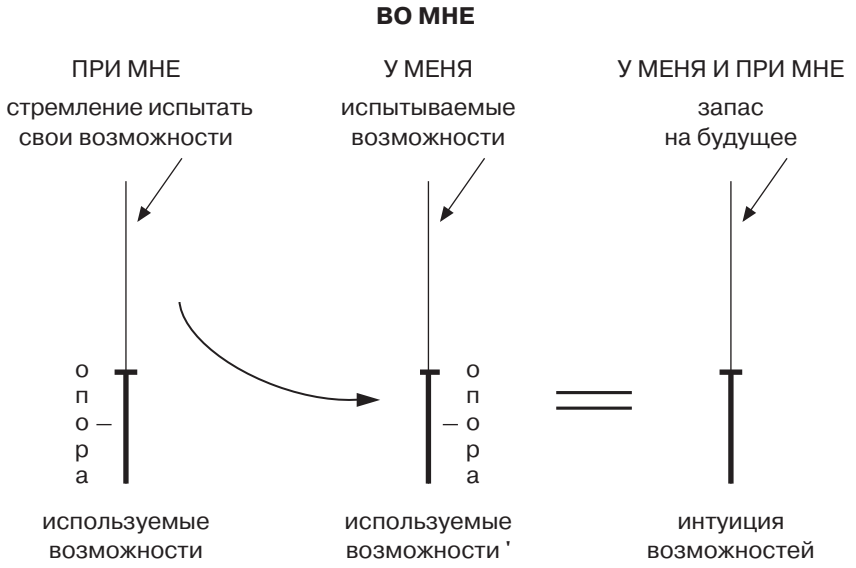


Рис. 36. Самоактуализация

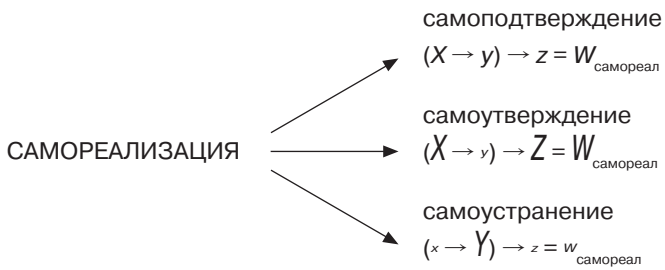


Рис. 37. Варианты самореализации

сти, включающая в себя два элемента (фактически их три; но мы используем сокращенную запись, так как в крайнем слева ее фрагменте фигурирует форма $1 \leftharpoondown x = x$). Итак, речь идет о фрагменте

$$w_{самоакт} = (x \leftharpoondown y)$$

Сама же модель состоятельности субъекта в данном случае определяется тем, что интуитивное предвосхищение благоприятного исхода попыток (мы говорим о нем — «интуиция возможностей») соответствует уровню устремлений, $w_{самоакт} = x$ («могу что хочу»). Заметим, что это равенство аналогично определенному В.А. Лефевром условию *интенциональности* выборов. Кроме того, $y = 1 - x$ — таково принятое выше условие дополнительности испытываемых возможностей x и используемых возможностей y[103].

$$w = x \leftharpoondown y = x \leftharpoondown (1 - x) = x$$

Итак, необходимо найти x в уравнении

$$x \leftharpoondown (1 - x) = 1 - x + x \times (1 - x) = x$$

Раскрывая скобки и совершая элементарные преобразования, приходим к равенству

$$x + x^2 = 1,$$

из чего следует:

$$x = 0{,}617 \text{ («}\textit{золотое сечение}\text{»).}$$

[103] Принципиально важное для некоторого класса ситуаций условие дополнительности стремлений по отношению к внутренним опорным ресурсам было сформулировано нами в ряде работ [Петровский В.А., 2001; 2003–2010].

Об эмпирической проверке, подтверждающей правомерность сделанных допущений, см. гл. 12.

Обретение состоятельности на ступени самоактуализации — лишь первая ступень восхождения на пути самополагания. Следующая ступень — *проверка* переживаемой дееспособности. Действуя во внешнем плане, субъект доказывает оправданность того, что чувствует (см. рис. 37), или, возможно, оспаривает свои ощущения. Рассмотрим этот вопрос подробнее.

Состоятельность самореализации: уровень достижений. Здесь также представлена левая часть сопряженных пространств, но в ней уже три элемента — добавлен символ *усилий*, z:

$$w_{самореал} = ((x \leftharpoondown y) \leftharpoondown z)$$

Здесь $w_{самореал}$ — уровень фактических достижений, сопровождаемых чувством благополучия (той или иной степени). Другой возможный термин для обозначения состоятельности самореализации — «самоэффективность» [Bandura, 1986].

Базовый вопрос заключается в том, какими должны быть *испытываемые* возможности, чтобы они благодаря усилиям субъекта в некоторой ситуации выступили перед ним как *объективные* возможности достижения желаемого.

Введем и обозначим некоторые новые понятия.

• ω — наличие шанса осуществить стремление. *Наличие* шанса мы отличаем от *величины* шанса, т.е. *вероятности*. Нет шанса доказать пятый постулат Эвклида, построить вечный двигатель, осуществить квадратуру круга. Те, кто посвящал этому жизнь, были обречены на страдания или сумасшествие. Между тем есть шанс, что монета при случайном подбрасывании, выпадет 100 раз подряд решкой. Вероятность этого события (величина шанса) ничтожна. Однако *наличие* шанса в данном случае *абсолютно*. В отличие от *вероятности p*, способной принимать любые значения на отрезке [0, 1], *наличие* шанса c, может принимать только два значения: либо $\omega = 0$ (задача неразрешима, стремление не может быть удовлетворено ни при каких условиях), либо $\omega = 1$ (задача разрешима, существует некоторый шанс реализовать устремление).

• $z = z^* \times \omega$ — *рабочие усилия* субъекта, необходимые и достаточные для решения задачи. Разумеется, эти усилия имеют смысл тогда, когда задача имеет решение. Усилия z^* мы называем *полезными* уси-

лиями по решению задачи, если $\omega = 1$ (наличествует шанс решения), и *бесполезными* усилиями, если $\omega = 0$ (задача не имеет решения); z — рациональное число, принадлежащее отрезку [0, 1]. Как видим, рабочие усилия и полезные усилия представляют собой одно и то же усилие при наличии шанса решения задачи, $z = z^* \times \omega = z^*$, а при отсутствии такого шанса они равны друг другу только тогда, когда субъект отказывается от бесполезных усилий (т.е. при $z^* = 0$).

Принимаем следующие допущения.

1. Объем усилий z (= z^*), выделяемых на выполнение задачи, в том случае, если она имеет решение, пропорционален реальной сложности задачи. Чем проще задача, тем меньше необходимая для ее решения энергия z; чем сложнее, тем больше энергетических затрат. Нелишне подчеркнуть, что z^*, в отличие от x, характеризует объективные, а не субъективные усилия. И в этом смысле z^* зависит не от того, существует или нет, с точки зрения субъекта, решение на выбранном пути, а от того, существует или нет объективно шанс решения. Сама по себе оптимистичность или пессимистичность прогнозов здесь не играет роли.

2. $w_{\text{самореал}} = w_{\text{самоакт}} \leftharpoondown z = (x \leftharpoondown y) \leftharpoondown z$. Это значит, что фактический уровень самореализации представляет собой результат двухступенчатой импликации: «Мои стремления x опираются на присущие мне возможности y, что порождает мои предчувствия w_{sub}; а они, в свою очередь, опираются на усилия z, объективно требуемые реализации устремлений, что и обусловливает определенный уровень достижений»[104].

[104] *Форма* двухступенчатой импликации (для четких значений переменных x, y, z, w), фигурирующая в данной работе, обязана своим происхождением автору рефлексивной теории В.А. Лефевру. В.А. Лефевр исследует условие соответствия между *интенцией* к действию (она *субъективна*) и *готовностью* к нему (она *объективна*). Отсюда и определение «реализма» («интенциональных выборов»): уровень готовности к биполярному выбору равен уровню интенции субъекта (к чему субъективно склоняюсь, к тому и готов объективно). Интенциональному выбору соответствовала бы импликативная конструкция $x = (x \leftharpoondown y) \leftharpoondown z^*$: готовность к действию определяется стремлениями, предчувствиями и усилиями, которые я готов вложить в дело (независимо от того, принесет ли оно мне успех или нет). Однако мы включаем в формулу состоятельности символ z вместо z^*, так нас интересует достижения субъекта в результате решения задачи.

Итак, сохраняя импликативную *форму*, мы наполняем ее иным содержанием. В контексте исследования самоактуализации рассматриваем условия *состоятельности*

3. $z = 1 - w_{\text{самоакт}}$. Это условие означает, что субъект опирается на усилия z, компенсирующие дефицит его предчувствий $w_{\text{самоакт}}$. Принятие этого условия подразумевает возможность свободного выбора субъектом задач, решение которых необходимо ему и достаточно для реализации собственных устремлений.

Сущность предлагаемой модели самореализации определяется равенством

$$x = w_{\text{самореал}} = w_{\text{самоакт}} \leftharpoondown z = (x \leftharpoondown y) \leftharpoondown z \text{ (см. рис. 37)}$$

Исходя из принятых допущений, найдем решение поставленной выше задачи (установить условия, при которых уровень собственных достижений соответствует уровню устремлений). Таким образом, необходимо определить x, y, z в системе уравнений (рис. 37).

$$(x \leftharpoondown) \leftharpoondown z = x$$
$$y = 1 - x$$
$$z = 1 - (x \leftharpoondown y),$$

из чего следует

$$(x \leftharpoondown y) \leftharpoondown z = (x \leftharpoondown (1 - x)) \leftharpoondown x^2 = (1 - x^2) \leftharpoondown x^2 = x,$$
$$x^2 + (1 - x^2) \times x^2 = x$$
$$2x^2 - x^4 - x = 0$$

Найдем все действительные корни этого уравнения.

• $x_1 = 0{,}617$ («золотое сечение»), $y_1 = 0{,}382$, $z_1 = 0{,}382$, $w_1 = 0{,}617$

Проверим: $(0{,}617 \leftharpoondown 0{,}382) \leftharpoondown 0{,}38 = 0{,}617 \leftharpoondown 0{,}382 = 0{,}617$

• $x_2 = 1$, $y_2 = 0$, $z_2 = 1$, $w_2 = 1$

Проверим: $(1 \leftharpoondown 0) \leftharpoondown 1 = 1$

устремлений. «Состоятельность» — это уровень обретаемого благополучия и дееспособности. На основе критерия состоятельности можно описать феномены *сверхсостоятельности* (достигаю большего, чем запрашиваю), *собственно* состоятельности (что запрашиваю, то обретаю) и *несостоятельности* субъекта (достигаю меньше, чем запрашиваю). Таким образом, можно говорить об адекватном, завышенном и заниженном уровнях состоятельности. В частности, если я ничего не запрашиваю (ни к чему не стремлюсь), то чувствую себя, как говорят, «нормально» (адекватный уровень состоятельности) даже в тех случаях, когда отсутствует какие-либо внутренние и внешние ресурсы, на которые я мог бы в случае необходимости опереться. В том случае, когда я имею максимальный запрос, я могу быть состоятельным или несостоятельным в зависимости от величины имеющейся поддержки. В частности, уровень состоятельности может быть сведен к нулю, если максимальный запрос «разбивается» о несуществующий внешний ресурс.

• $x_3 = 0, y_3 = 1, z_3 = 0, w_3 = 0$

Проверим: $(0 \leftharpoondown 1) \leftharpoondown 0 = 1 \leftharpoondown 0 = 0$

Первая тройка решений (0,617; 0,382; 0,382) характеризует такую форму самореализации, которую можно назвать *самоподтверждением*.

Вторая тройка (1; 0; 1) — *самоутверждение*.

Третья — *самоустранение* (0; 1; 0)[105] (см. рис. 37; размеры букв символизируют количественные отношения между переменными).

Тенденция самореализации рассматривалась нами на материале исследований уровня притязаний личности. В поле нашего зрения эмпирические данные, полученные другими авторами (начиная с исследований Ф. Хоппе [Hoppe, 1930]; богатая традиция исследований мотивации достижения отражена также в фундаментальной монографии Х. Хекхаузена [1986]). Общеизвестно, что определяющую роль в формировании гипотез и построении экспериментов, посвященных данной проблеме, играет «модель выбора риска», предложенная Дж. Аткинсоном [Atkinson, 1957; 1964] полвека назад. Она предсказывает существование двух феноменологически различных групп испытуемых. Согласно модели, одни из них должны предпочитать скорее задачи среднего уровня трудности, а другие — выбирать для себя либо очень легкие, либо очень трудные задачи. Модель Аткинсона «приблизительно верно» предсказывает поведение людей в ситуации свободного выбора задачи. Многие исследователи пытались добиться более точных прогнозов [Хекхаузен,1986]. Настоящим камнем преткновения было то, что испытуемые, мотивированные скорее успехом, чем неудачей, предпочитали не *средний* уровень трудности задачи (0,5), как предсказывала модель Аткинсона, а *повышенный* уровень трудности задач, вероятность решения которых находилась в диапазоне (0,3–0,4). Трудность избираемых задач, соответственно, оказывается в интервале (0,6–0,7).

Согласно нашей модели, именно в этом диапазоне трудности облюбовывают для себя задачу люди, *подтверждающие себя,* с интуитивной оценкой своих возможностей ($x_1 = 0{,}617, y_1 = 0{,}382, z_1 = 0{,}38, w_1 = 0{,}617$). И мы можем предсказать «центр» их предпочтений: 0,62 — «*золотое сечение*».

[105] В психологической литературе данная форма поведения получила название «прокрастинация». Есть основание полагать, что ничем не оправданная пассивность (по словам Ф.Е. Василюка, «надситуативная пассивность» [Василюк, 1984]), есть проявление «активности» особого субъекта, которого М.В. Бороденко описывает как «субъект бездействия».

Но существуют, как мы помним, и другие варианты решения системы уравнений состоятельности.

Самоутверждающиеся люди выбирают сверхтрудные задачи и, преодолевая себя (страх неудачи, дурные предчувствия), мобилизуют максимально возможные усилия, чтобы решить задачу; если задача имеет решение, $c = 1$, то они в конечном счете способны решить ее, испытывая максимум возможного удовлетворения и достигая, таким образом, того, к чему стремятся ($x_2 = 1, y_2 = 0, z_2 = 1, w_2 =$)[106].

Люди, использующие стратегию *самоустранения* (неуверенные в себе испытуемые), защищаются от ситуации самотестирования. Стремясь преодолеть свою неуверенность, они выбирают легкие задания. Вполне довольствуясь своими предчувствиями («вот-вот решу»), они ничего при этом не достигают, даже если задача имеет решение ($x_3 = 0, y_3 = 1, z_3 = 0, w_3 = 0$).

Можно убедиться в том, что стратегия «золотого сечения» обеспечивает решение двуединой задачи — адекватной самоактуализации (сила стремления испытать себя соответствует предчувствию успеха) и адекватной самореализации (силе такого стремления соответствует высота обретаемого благополучия): $x = w_{\text{самоакт}} = w_{\text{самореал}} = 0{,}618$. В других случаях имеет место расхождение между субъективным и объективным уровнями благополучия. По одну сторону феномены надситуативной активности»: «очертя голову в омут (авось выплыву)», «лучше жалеть о сделанном, чем о несделанном», «не будешь покойник — будешь полковник», «поэзия вся — езда в незнаемое» — *принцип активной неадаптивности* [Петровский, 1992*а*; 1992*б*]. По другую — феномены «надситуативной пассивности», всепобедительный принцип не-деяния: «меньше знаешь, крепче спишь», «прежде чем дать подзатыльник, посмотри, чей затылок» (японская пословица).

Модель самореализации, как видим, вбирает в себя модель самоактуализации, но расширяет ее границы. Самоактуализирующийся субъект переживает единство или раскол между «хочу что могу»

[106] Я уже цитировал однажды [Петровский, 2006*б*] слова А.А. Якобсона, литератора, учителя физико-математической школы № 2, сказанные о Б.Л. Пастернаке: «Раннего Пастернака я люблю так, что невозможно любить больше. А позднего — еще больше. *Через невозможное*».

(стремление «высвоить» потенциальные возможности) и «могу что хочу» (переживание состоятельности своих устремлений). Самореализующийся субъект *подтверждает* себя, поверяя свои предчувствия делом, *утверждает* себя, балансируя на границе возможного, или *уходит* в себя, хоронясь от дел и испытывая двойственные чувства защищенности и уязвимости.

Охарактеризуем кратко расширенную модель самополагания, включающую в себя модели *самопрезентации, самотрансляции и самотрансценденции*.

Состоятельность самопрезентации: успешность в глазах другого. «Саморепрезентация» — это еще одна форма самополагания. Не просто устремления и усилия в направлении решения задачи, но еще и особое действо, которое можно назвать, вслед за А. Бандурой, «открытым поведением». Мы имеем в виду активность, результаты которой существуют на виду у других людей, хотя сам процесс может быть скрыт[107]. Состоятельность самопрезентации — это переживаемая успешность осуществленного акта; автор действия как бы смотрит на себя со стороны, с позиции партнера, оценивающего результаты его достижений:

$$w_{\text{самопрезент}} = (((x \leftharpoondown y) \leftharpoondown z) \rightharpoonup c$$

Для того чтобы пояснить, как «работает» эта запись, нам достаточно рассмотреть два случая: $c = 0$ и $c = 1$ (напомним, что c — это уровень контроля со стороны партнера над результатами совершенного действия).

В первом случае при любом значении выражения справа от c (т.е. при любых значениях уровня достигнутого, $w_{\text{самореал}}$) субъект S оценивается партнером одинаково высоко: «приемлемо все» (позиция попустительства).

Во втором случае при любом значении выражения справа от c (при любых значениях уровня достигнутого $w_{\text{самореал}}$) оценка действий субъекта со стороны его партнера совпадает с результатами собственного восприятия достигнутого. В этом смысле строгость эксперта есть гарантия адекватности переживаемых достижений внешним оценкам успешности. Иначе говоря, «чем строже контроль, тем меньше оснований считать, что меня недооценивают или переоценивают». Это соответствует педагогическому девизу (хорошо подкрепленному экспериментальными исследованиями): «Оценивайте не личность в целом, а поступки, конкретные действия».

[107] Контраст между результатами действия и процессами, приводящими к результату, замечательно описывается Стефаном Цвейгом в книге «Лев Толстой» [Цвейг, 1994].

Но это, в свою очередь, значит, что при строгости экспертной позиции оценка собственной успешности с позиции другого соответствует уровню собственных устремлений субъекта (если, конечно, его достижения адекватны его устремлениям); таким образом, прослеживается сквозное равенство

$$x\,(\textit{устремления}) = w_{\text{самоакт}} = w_{\text{самореал}} = w_{\text{самопрезент}}$$

Состоятельность самотрансляции: «Меня принимают». Следуя далее за субъектом S, мы вместе с ним покидаем «событийную сферу», т.е. пространство непосредственных контактов с партнером, и погружаемся в пространство жизни партнера; мы говорили, что это пространство инобытия человека в другом человеке. Цепочка сопряженных пространств здесь длиннее, к ней приращивается еще один элемент — b. Напомним, что b — это избирательность в общении (с ориентацией на успешных людей).

Итак, перед нами то, что мы именуем «состоятельностью самотрансляции», $w_{\text{самотрансл}}$:

$$w_{\text{самотрансл}} = ((((x \leftharpoondown y) \leftharpoondown z) \rightharpoonup c) \rightharpoonup b)$$

Продолжая рассматривать конспективно правую часть модели, мы, как и ранее, не исследуем здесь все необходимые допущения и возможные решения уравнения $w_{\text{самотрансл}} = x$. Однако в порядке иллюстрации обратимся к двум случаям:

$b = 0$ («Приветствую всех») и $b = 1$ («Привечаю только успешных»).

Очевидно, что в первом случае будет ощущаться принятие со стороны партнера независимо от того, насколько в его глазах ты сам успешен (часто такое чувствуют клиенты на сеансах личностно-центрированного психолога):

$$w_{\text{самотрансл}} = w_{\text{самопрезент}} \rightharpoonup 0 = 1.$$

Во втором случае, т.е. при высоких стандартах отбора партнеров, только немногие из них чувствуют себя принятыми: $w_{\text{самотрансл}} = w_{\text{самопрезент}} \rightharpoonup 1 = 1$. Это касается тех, кто ранее добился успеха или ис-

пытал иллюзию успеха (в случае снисходительного отношения партнера к его достижениям). Из этого, в частности, следует, что людям, избегающим решения сложных задач («самоустраняющимся»), не удается завоевать себе место в жизни такого партнера, если тот строг в оценке их достижений. Отсюда и тактика «проникновения»: «Будьте ко мне снисходительны!..» или: «О вас говорят, что вы — сноб... Неужели?!»

Состоятельность самотрансценденции: чувство востребованности. В фокусе внимания теперь крайний правый элемент мегапространства личности; мера необходимости в том, чтобы S был включен в орбиту интересов S^*. Кратко говоря, это зависимость S^* от S (символ a). Таким образом, мы прослеживаем эффекты «дальнодействия» субъекта за пределами собственного бытия, образующие его персоносферу. Исследуем то, что может быть обозначено как *состоятельность самотрансценденции*. Это значит готовность поддерживать партнера, соблюдая суверенность его границ; что, в свою очередь, означает поддерживать партнера там и тогда, где и когда он в этом реально нуждается. В этом случае, говорим мы, партнер способен признать в другом личность — уважая его «невключенность», когда в этом нет нужды, и участие, когда необходимость в поддержке существует. «Чувство востребованности» состоит в том, что я знаю: мне не придется искать возможность быть полезным другому; когда надо — меня позовут. Имеем:

$$w_{\text{самотрансц}} = ((((x \leftharpoondown y) \leftharpoondown z) \rightharpoonup c) \rightharpoonup b) \rightharpoonup a$$

Так же, как и в двух предшествующих случаях, мы не освещаем формальные условия и все решения уравнения $w_{\text{персон}} = x$, а рассматриваем лишь некоторые примеры-иллюстрации работы модели.

Положим, партнер вполне независим от меня, $a = 0$. В этом случае он способен признать меня независимо от того, принимает ли он меня лично или нет (уровень принятия может быть любым)[108]:

[108] В известных работах В.В. Столина [1983] методом многомерного шкалирования показано, что эмоциональная привлекательность, уважительное отношение и готовность сотрудничать с другим человеком (и, как выяснилось, во взаимоотношениях индивидуума с самим собой) образуют независимые психологические измерения. «Принятие», на наш взгляд, являя собой многообразные варианты комбинаций этих факторов, характеризуется, однако, особым свойством, не сводимым ни к одному из них: переживание *присутствия* другого во мне, неотчуждаемости его от меня. Известно, что потеря

$$w_{\text{самотрансц}} = w_{\text{самотрансл}} \rightharpoonup 0 = 1.$$

Но в том случае, когда партнер нуждается в нас, т.е. когда $a = 1$, чувство востребованности, которое мы испытываем, определяется тем, насколько мы способны «быть рядом», соучаствуя в его процессах:

$$w_{\text{самотрансц}} = w_{\text{самотрансл}} \rightharpoonup 1 = w_{\text{самотрансл}}.$$

Подведем *итоги*.

Могут быть выделены семь пространств (семь сфер) существования личности.

- *Во мне и со мной* (*сфера предсуществующего*).
- *Во мне и при мне* (*сфера дорефлексивной чувственности*).
- *Во мне — у меня* (*сфера самосознания*).
- *Мною и мне* (*сфера действия*).
- *Вне меня — у меня* (*со-бытийная сфера*).
- *Вне меня — от меня* (*сфера интроектов*).
- *Вне меня — из-за меня* (*персоносфера*).

Стремление человека испытать себя, свои возможности, проявляется в актах самополагания. Субъект самополагания испытывает саму возможность объективировать (воплотить) свои возможности.

Величина и качество объективируемых возможностей образует то, что мы называем *состоятельностью*. Волна самополагания развивается в семи выделенных пространствах личности, и соответственно, могут быть описаны:

- состоятельность *самоактуализации* (самополагание здесь захватывает первые три пространства, в процессе чего рождается чувство «смогу», интуиция возможностей). Состоятельность *самореализации* (достижение желаемого — «я смог»);
- состоятельность *самопрезентации* (моя успешность в глазах другого);
- состоятельность *самотрансляции* («меня принимают»);
- состоятельность *самотрансценденции* (чувство собственной востребованности).

Предложена психолого-математическая модель, позволяющая прогнозировать состоятельность человека в разных сферах самополагания.

близкого может создавать ощущение вакуума в мире, как если бы мир уменьшился; депрессивная реакция — чувство того, что собственное «я» уменьшено, а то и разрушено.

Эмпирические данные, полученные автором, а также другими исследователями, подтверждают модель состоятельности самоактуализации и состоятельности самореализации. Приводимые характеристики состоятельности человека в сфере самопрезентации, самотрансляции, самотрансценденции имеют иллюстративный характер.

Вне нашего рассмотрения остаются контенты *границ* сопредельных сфер. На наш взгляд, это захватывающе интересная тема исследований. Действительно, каков онтологический статус «границ»? Не является ли граница *сама по себе* побудителем активности к ее переходу[109]? Не замкнута ли модель мегапространства «на себя», смыкая, подобно модели сферической Вселенной, контенты «во мне и со мной» с контентами «вне меня и из-за меня»? Лишь один из этих вопросов был затронут нами ранее контурно на другом материале (см. гл. 6). Другие вопросы требуют специального обсуждения. Особый вопрос касается построения булевой типологии смысловых миров, где, так же, как и в данной главе, может быть использована модель семи пространств существования личности (см. гл. 10).

[109] Впервые об этом см. [Петровский В.А., 1990].

Глава 12

В ПОИСКАХ ОПТИМУМА СОСТОЯТЕЛЬНОСТИ: СТРАТЕГИИ «СУБЪЕКТНЫХ СБОРОК» [110]

В книге мы уже говорили о том, что «личность» — это целокупность различных «Я» (их еще называют «субличностями»). Но, подчеркивали мы, нет никакой «суперличности», которая бы верховодила остальными (см. гл. 2).

Речь может идти только о том, что многообразные «*Я*», образующие личность, *опосредствуют* активность друг друга — каждое значимо для других и вместе с тем, самоценно. Предполагаем, что в каждый данный момент времени может быть указан *кто-то* в мультисубъектном составе личности, кто способен не только направлять действие, но и рефлектировать себя в качестве субъекта этого действия — субъект сознавания себя как субъекта действия. О таком осознающем себя субъекте действия мы будем говорить «эго», а также, поскольку мы рассматриваем также и других субъектов, вовлеченных в общее действо личности, будем называть этого субъекта *протагонистом* (обычно под протагонистом понимают главное действующее лицо, главного героя сюжета в пьесе, литературном произведении, психодраме и т.п.). С протагонистом мы познакомимся в разных его ипостасях: *единоличник*, *хозяин*, *лидер*, *шеф*, *партнер*.

Каким в этом случае должно быть соотношение запросов и ресурсов протагониста, чтобы его взаимоотношения с миром могли быть названы оптимальными?

[110] В этой части работы использованы материалы статьи под тем же названием, опубликованной в журнале «Рефлексивные процессы и управление» (2006) и выполненной при поддержке научного фонда Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в рамках проекта № 08-01-0143 «Идеи и методы мультисубъекной персонологии».

1. Единоличник; условия оптимума удовлетворенности. Здесь перед нами протагонист как единичный агент активности. Схема активности единоличника выглядит следующим образом:

$$\underline{Единоличник} \leftharpoondown Среда$$

Ранее мы уже рассмотрели, каким должно быть соотношение запросов и ресурсов субъекта, чтобы были достигнуты условия оптимума состоятельности. Сосредоточим теперь наш анализ на одной из искомых «точек» — она была названа нами *привилегированной*. Это точка оптимума *самоотдачи*, когда субъект придерживается стратегии максимизации своих усилий и минимизации внешних опор; при этом, как и в других рассмотренных случаях (самостояние, самоограничение), он стремится к тому, чтобы его усилия были оправданы достижениями.

Напомним, что «привилегированной» данная точка названа потому, что в ней (и только в ней) сходятся такие состязающиеся друг с другом принципы позитивной организации активности, как прагматичное «*Окупай!*», воодушевляющее «*Созидай!*», расчетливое «*Экономь!*» и расточительное «*Не скупись на усилия!*». Заметим, что в этой же точке эффективность усилий E_+ равна состоятельности V_+ и не может быть увеличена сверх этого уровня — иначе пострадает уровень состоятельности; и тот, и другой при этом равны уровню затрачиваемых усилий X_+:

$$V_+ = E_+ = X_+$$

Мы помним также, что искомая точка соответствует «золотой пропорции»: усилия $X_+ \approx 0{,}62$, ситуативный ресурс $Y_+ \approx 0{,}38$.

Проблема, однако, состоит в том, что ситуация оптимума самоотдачи, если иметь в виду изначальное отношение запрос-ресурс единоличника, отнюдь не является типичной для множества жизненных ситуаций. Значительно чаще встречаются ситуации дисбаланса между запросами и состоятельностью субъекта ($V = X \leftharpoondown Y \neq X$).

Именно в таких обстоятельствах на сцене активности появляются субъекты-посредники; трансформируются и условия оптимума самоотдачи.

Хозяин — Работник; условия оптимума благополучия-1. Протагонист в этом случае опирается на результаты труда работника, который вступает в непосредственный контакт со средой (объектом потребности протагониста). Схема активности включает в себя три элемента:

$$\underline{Хозяин} \leftharpoondown (Работник \leftharpoondown Среда)$$

В порядке иллюстрации, пусть запрос протагониста 0,7. Ресурс, предоставляемый средой, 0,2 (состоятельность в этом случае $0{,}7 \leftharpoondown 0{,}2 = 1 - 0{,}7 + 0{,}7 \times 0{,}2 = 0{,}44$). Отталкиваясь от формулы расчета запроса, предъявляемого *Работником* среде, т.е. $Y' = (1 - Y)/X \times (1 - Y)$, и, соответственно, *ресурса,* который он поставляет протагонисту, $Y' \leftharpoondown Y$, можно показать, что искомый запрос *работника* $Y' \approx 0{,}54$, а поставляемый ресурс — $0{,}540{,}2 \approx 0{,}57$[111]. Теперь можем убедиться: $0{,}7 \leftharpoondown (0{,}54 \leftharpoondown 0{,}2) \approx 0{,}7 \rightarrow 0{,}57 \approx 0{,}7$.

Работник предоставляет протагонисту значительно больший ресурс, чем *окружение* (сравните 0,57 и 0,2).

Лидер — Советник: условия оптимума благополучия-2. *Советник* — это субъект, поставляющий протагонисту ресурс X', необходимый тому для достижения оптимума удовлетворенности.

Взаимоотношения *протагониста-Лидера с Советником и через него с миром* могут быть описаны следующим образом (подчеркиванием мы указываем, чья потребность должна быть воплощена в адекватном ей уровне состоятельности):

$$(\underline{Лидер} \leftharpoondown Советник) \leftharpoondown Среда$$

В численном выражении, благодаря активности *Эксперта*, складывается ситуация:

$$W = (\underline{X} \leftharpoondown X') \leftharpoondown Y = X$$

В некотором смысле *Советник* — это играющий тренер *Лидера*. Он *моделирует* перспективу *возможного* удовлетворения его исходного запроса X; однако эта в некотором смысле иллюзия окупается переживанием соответствия между исходным запросом и состоятельностью. Легко подсчитать, каким должен быть ресурс X', предоставляемый протагонисту, чтобы сложилась ситуация оптимума удовлетворенности:

---

[111] Здесь и далее в интересах читателя будем выделять жирным шрифтом сравниваемые величины, а все другие элементы в формулах и вычислениях будут при этом записываться обычным образом. Например, нам нужно сравнить два числа — 4 и 9, являющиеся, соответственно. произведениями 2×2 и 3×3. Записываем:

$$\mathbf{4} = 2 \times 2, \mathbf{9} = 3 \times 3; \mathbf{4} < \mathbf{9}$$

или, если мы сравниваем элемент X и элемент Z в формулах, включающих в себя импликации, записываем:

$$X \leftharpoondown Y = Z; X \neq Z \text{ и т.п.}$$

$$X' = Y \times (1 - X) \,/\, \text{Х Ч } (1 - Y)$$

Пример. Запрос протагониста: 0,7. Внешний ресурс: 0,2. Соответственно, состоятельность: $0,7 \leftharpoondown 0,2 = 0,3 + 0,14 = 0,44$ (*что меньше исходного запроса* 0,7). Найдем ресурс, поставляемый *Советником* и обеспечивающий адекватную реализацию запроса: $X' = 0,2 \times (1 - 0,7) \,/\, 0,7 \times (1 - 0,2) = 0,06 \,/\, 0,56 \approx 0,11$. Проверим: $(0,7 \leftharpoondown 0,11) \leftharpoondown 0,2 = (0,3 + 0,7 \times 0,11) \leftharpoondown 0,2 \approx 0,38 \leftharpoondown 0,2 \approx 0,62 + 0,08 = 0,7$. Таким образом, за счет условного («обманчивого») снижения запроса с уровня 0,7 на уровень 0,38, субъект достигает необходимого соответствия между исходным запросом и достигаемым уровнем состоятельности.

В двух предшествующих случаях протагонист реализует первичный запрос, достигая оптимума удовлетворенности за счет привлечения посредников (возможно одновременно привлечение двух посредников — *Советника* и *Работника*, но здесь мы не станем останавливаться на этом).

Руководитель — Коллега: оптимум достижения успеха. Рассмотрим еще один тип ситуаций, в которых протагонист выступает от имени двух субъектов — себя самого как носителя первичного запроса X, *и* другого субъекта — назовем его *Коллегой*/*Коллегами* (*сотрудники, члены команды, на которую опирается и о которой заботится Руководитель*). Подразумевается, что *Коллеги* поставляют *Руководителю* новый ресурс (информация, ценности, смыслы). Теперь у протагониста новый запрос, сохраняющий свою преемственность по отношению к исходному, но в то же время зависящий от величины ресурса, поставляемого *Коллегами*. Структурное место *сотрудника* в системе активности протагониста показано ниже:

$$(\underline{\textit{Руководитель}} \rightarrow \underline{\textit{Коллеги}}) \rightarrow \textit{Среда}$$

В отличие от *Советника*, который позволяет *Лидеру* реализовать свои интересы, меняя уровень переживаемого устремления к объекту, *Коллеги* формируют у своего шефа новый запрос. Величина запроса здесь равна $X \rightarrow X'$, причем запрос этот должен быть адекватен возможностям его реализации: $W = (\underline{X} \leftharpoondown \underline{X'}) \leftharpoondown Y = (X \leftharpoondown X')$ (а не X, как в случае *Советника*). Формула подсчета уровня ресурса, предлагаемого *Коллегами*:

$$X' = 1 + (Y - 1) \,/\, X \times (2 - Y)$$

В нашем примере, $(0,7 \leftharpoondown X') \leftharpoondown 0,2 = 0,7 \leftharpoondown X'$, ресурс, предъявляемый *Коллегами*, равен $1 + (0,2 - 1) \,/\, 0,7 \times (2 - 0,2) = 1 - 0,8 \,/\, 0,7 \times 1,8 \approx 1 - 0,635 = 0,365$.

Проверим:

$$(0,7 \leftharpoondown 0,365) \leftharpoondown 0,2 \approx (0,3 + 0,7 \times 0,365) \leftharpoondown 0,2 = 0,555 \leftharpoondown 0,2 = \\ = 0,445 + 0,555 \times 0,2 = 0,556$$

(погрешность в одну тысячную, $0,555 - 0,556 = 0,001$, обусловлена выбранным уровнем точности измерения).

Некоторые феномены

Доверяй, но проверяй! — Насколько?[112] Рассмотрим классический вопрос о доверии партнеров друг другу. В русском фольклоре мы сталкиваемся с наставлением: «Доверяй, но проверяй!» Проблема только в одном: насколько?

Пусть X потребность протагониста иметь достоверную информацию о действиях контрагента, что реализуется отчасти через контроль над ними; Y — уровень доверия, которого тот (контрагент), безусловно, заслуживает в глазах первого (протагониста). Оптимум соотношения между потребностью в достоверной информации и исходным доверием контрагенту может быть описан формулой $X \leftharpoondown Y = X$. Если речь идет об условиях равноценного сотрудничества, то важно потребовать, чтобы достигаемый уровень доверия был симметричен:

$$X \leftharpoondown Y = X = (1 \leftharpoondown Y) \leftharpoondown (1 - X) = 1 - Y,$$

из чего следует что исходный уровень активности, необходимой для доверия партнеров друг к другу (*т.е.* «*проверяй*»), должен быть на уровне $\approx 62\%$, а уровень исходного доверия («*доверяй*») $\approx 38\%$. Таким образом, условием равноценного партнерства является «золотая пропорция» между потребностью контроля и безусловным доверием

[112] Эту часть работы мы начинаем с обсуждения «интериндивидуальной» реальности — внешнего плана взаимодействия между людьми, далее переходим к интраиндивидуальному пространству. Первым исследователем, кому удалось перебросить мост между внешним и внутренним мирами личности на уровне формальных моделей, был В.А. Лефевр [1996; 2004]. Он первым также предложил булеву модель описания рефлексии, развитую далее Т.А. Таран [2000; 2001] и многопланово осмысленную коллегами и последователями, опорную также для наших работ, посвященных личности и мотивации поведения [Петровский, 2001–2010].

партнеров друг к другу (это положение еще не рассматривалось нами эмпирически).

Если же «на старте» делового сотрудничества это соотношение отсутствует, то ситуацию могут выручить посредники (иногда с обеих сторон), предъявляющие новую информацию и формирующие новые побуждения партнеров, реализуемые в партнерстве.

Триумвират субъектов свободного выбора. В предшествующих работах, посвященных метаимпликативной модели выбора [Петровский, 2006*б*], мы показали, что в рамках мультисубъектной концепции личности могут быть реинтерпретированы факты, необъяснимые в рамках классической *модели выбора риска* Дж. Аткинсона [Atkinson, 1957*;* 1964]; новое объяснение получает *феномен смещенного выбора уровня трудности* задачи в условиях свободного предпочтения задачи, о чем в книге уже было сказано (гл. 8). Напомним, испытуемые с доминированием надежды на успех по сравнению с мотивом избегания, как выяснилось за десятилетия экспериментальных исследований уровня притязаний личности, предпочитают выбор задач, степень трудности которых изменяется в диапазоне между 0,6 и 0,7, а не средних по трудности задач, как предсказывает модель выбора риска Аткинсона. Но именно эти значения (в районе «золотого сечения») предсказывает наша метаимпликативная модель выбора. Здесь же мы считаем нужным подчеркнуть, что речь могла бы идти о функционировании коллективного субъекта, «составленного» из многих «Я», а именно из эго-состояний «Взрослый», «Родитель», «Дитя». Метаимпликативная схема (*Взрослый* ⥱ *Родитель*) ⥱ *Дитя* при определенных допущениях порождает две формы взаимодействия между эго-состояниями. Первая — это *согласие* между *Родителем* и *Ребенком*: $(X_{\text{Взр}} \leftharpoondown (1 - X)_{\text{Род}}) \leftharpoondown (1 - X)_{\text{Дитя}} = X$. В этом случае испытуемые должны выбирать задачи, уровень трудности которых находится в районе «золотого сечения» — 0,618. Вторая форма взаимодействия — *бунт Ребенка* против *Родителя*: $(X_{\text{Взр}} \leftharpoondown (1 - X)_{\text{Род}})) \rightarrow X_{\text{Дитя}} = X_{\text{Дитя}}$. Во втором случае испытуемые должны выбирать либо самые легкие, либо самые трудные задачи (здесь расхождения с моделью принятия риска Дж. Аткинсона нет).

Перекрестное «Я». О нем мы говорили ранее (см. гл. 2, объясняя с его помощью возможное происхождение неадаптивных форм поведения. Поведение человека, отмечали мы, может со стороны казаться абсурдным, рискованным, вычурным, но его смысл — в имитации

смыслов других субъектов, «живущих» внутри; роль имитатора берет на себя перекрестное «Я» личности.

Думаю, читатель склонен ожидать, что в данном разделе книги автор предложит ему математическую форму, описывающую взаимоотношения между перекрестным «Я» (медиаторным «Я») и другими «субличностями», интересы которых им дублируются и транслируются в процессах медиации. Однако, учась на великих примерах, я откладываю эту возможность до лучших времен, повторяя вслед за Ферма, что *размеры полей* этого не позволяют...[113]

Рассмотрим теперь механизмы достижения оптимума состоятельности (дееспособности) в процессах *индивидуального целеполагания и целедостижения*, т.е. процессы *саморегуляции* личности.

Волевой, ценностный, целевой и операциональный уровни саморегуляции. Будем считать, что каждый из субъектов, входящих в ансамбль участников активности и таким образом являющихся «частью» коллективного субъекта, может существовать не только в межсубъектном пространстве, но и внутри личности, быть особой частью ее, вступать в общение с собой и с другими субъектами, действовать сообща с ними или противодействовать им и т.д. (сама же личность трактуется как мультисубъектное образование — единомножие «Я», что соответствует нашему общему пониманию, развиваемому в книге).

Только что мы имели дело с *Единоличником*, *Хозяином и Работником*, *Лидером и Советником*, *Руководителем и Коллегами*. Можно предположить, что каждый из позиционеров (использую термин, принятый в школе Г.П. Щедровицкого) есть в то же время источник или условие реализации активности личности в качестве одного из образующих ее субъектов («Я»). И тогда в поле нашего зрения попадают четыре феномена.

«Самоотдача». Волевой уровень саморегуляции. Прототипом этого процесса является активность *Единоличника*. Однако «среда», представленная ранее в формуле *Единоличник* ⥱ *Среда* должна быть осмыслена здесь по-новому — как характеристика внутреннего мира самого человека. В одной из наших работ мы предложили образ зеркального отражения субъекта активности в себе самом, полагая, что, опираясь на этот образ, он способен решать задачу самоосуществле-

[113] В действительности это возможно, но только, пожалуй, избыточно — по крайней мере, для первого чтения (и первого изложения) основ концепции.

ния [Петровский, 2009*б*]. Пусть множество возможностей, которыми располагает субъект, подразделяется на два класса: проверяемые и подразумеваемые возможности. Стремясь воплотить вовне, подтвердить действительность своих возможностей — мы говорим: «проверить себя» — человек опирается на подразумеваемые возможности; последние при этом не проверяются, а используются как инструмент реализации оцениваемых возможностей. Они-то, эти подразумеваемые возможности, и отражаются, как в зеркале, в самосознании человека. В данном случае будем считать что «среда» — *подразумеваемые возможности*, которыми располагает субъект в момент действования.

Если принять, что человек действует на пределе своих возможностей (максимум самоотдачи), то можно предсказать уровень проверяемых возможностей, интенция осуществить которые ведет к успеху (эффективность и состоятельность адекватны уровню интенций) — это точка «золотого сечения», $X \approx 0{,}62$; при этом опорные подразумеваемые возможности Y должны «достраивать» объем проверяемых возможностей до 1: $Y = 1 - X \approx 0{,}38$.

Ставка на благоразумие. Ценностный уровень саморегуляции. Начнем с того, что двусложное слово «разум» представляет собой уникальный случай: звучание этого слова и его значение как будто бы оппонируют друг другу. Слышим «раз», а также «ум», будто бы это ум, взятый один раз, умноженный на единицу. Но иной смысл также угадывается: это ум, охваченный враз, ум-каков он есть-разом. Как если бы, забыв о частях, из которых он состоит, мы брали его как что-то одно, единое, минуя различия (здесь очевидна аналогия со словом «образ» — *об-раз*). В благо-разумии это единство подразумевается. Благо — одно, а затрагивает, в сущности, многих. В христианском искусстве, если заинтересоваться культурными истока слова, это качество изображается в виде женщины с двумя или тремя головами, держащей в руках либо зеркало и змею, либо сито, а у ее ног располагается Соломон. А сито, в свою очередь, означает «дождевые облака, плодородие, акт очищения путем отсеивания шелухи и, следовательно, познание *самого себя*, *критику*, *совесть*... Это способность совести *принимать* и *отвергать*» (Словарь символов // Slovarus.ru). Курсивом выделяю слова заключающие в себе смысл диалога, отношения, контакта в системе «субъект-субъект» (неважно, между людьми «во плоти», в их отдельности друг от друга, или внутри одного человека — между его собственным «субъективным Я» и «Я другого»

в нем, «Моим Я» и «Моим Ты» и т.п.). Благоразумие — благо в глазах здравого смысла, благо, одинаково приветствуемое всеми, благо с точки зрения всех. Это касается и меня самого, если сравнить мои сегодняшние и завтрашние завоевания, сиюминутные и долговременные интересы, — ведь кажется вполне справедливым взгляд, что первую половину жизни человек должен создавать запас для второй (С. Джонсон).

Если попытаться обобщить сказанное о благоразумии (конечно, только малую часть из того, что могло бы оказаться в поле нашего зрения потенциально), то мы увидим две тесно связанные характеристики этого принципа поведения. Первый, как уже было сказано, — это общность взгляда многих людей на благо, приобретаемое кем-то. За счет этого благоразумие в масштабах одной, «отдельно взятой», личности столь беспрепятственно ассоциируется с общим благом[114]. То, что обретается в благоразумии, одинаково ценно для всех, кто был бы способен это оценить, кто к этому реально или потенциально причастен — как эксперт, заинтересованное лицо, соучастник действия или вообще, как пишут в персональных характеристиках-отзывах на человека для последующего предъявления по месту требования, «to all it may concern». Как писал Г. Гегель, «благоразумие состоит в том, чтобы не разрушать расположения других и сохранять его ради его самого». Приведем, кстати, иронический парафраз — «благоразумие наоборот»: «Быть в балансе: ни вашим, ни нашим» (Ю. Леонтьева).

Второй принцип благоразумия — умеренность, рациональность, «такое состояние духа, когда мы в здравом уме и можем подавить наплыв душевных чувств ради внутренней гармонии»; «счастье дает роскошный стол, благоразумие же — достаточный» (Демокрит).

Оба принципа объединены схемой интериоризированного взаимодействия (*Руководитель* ⥃ *Коллеги*) ⥃ *Среда*. Человек действует так, чтобы его поведение отвечало соображениям разумности, как

[114] Основное усилие современных философов «направлено на критику расхожих в философии и обыденном сознании представлений о благоразумии как о корыстном следовании собственному интересу непременно в ущерб интересам других людей. Реабилитация благоразумия в современной моральной философии также предполагает восстановление его значения как практической мудрости, т.е. как способности поступать в конкретных обстоятельствах наилучшим образом. Наилучшим образом — значит ориентируясь если не на морально возвышенную, то, по крайней мере, на морально оправданную цель» (*Артемьева О.* Википедия — Свободная энциклопедия).

если бы кто-то другой мог наблюдать за происходящим со стороны, подтверждая или оспаривая правомерность его действий. Результат действия оценивается согласно критериям «здравого смысла» — действуя в своих интересах, я чувствую одобрение со стороны внутреннего другого, как если бы кто-то кивнул мне, сказав: «Да, мне нравится (меня устраивает) то, что ты сделал». При этом заказываемое (и обретаемое) благо может отличаться по величине от исходного устремления субъекта. В нашем примере сила запроса не 0,7 (как в случае *Хозяина* и *Лидера*), а (0,7 ⥊ 0,365) ≈ 0,555. Заметим, что итоговая величина достижения, 0,555 ⥊ 0,2 = 0,556, здесь меньше собственного изначального запроса личности; но человек чувствует оправданность своих действий (как говорят, «не зарывается», «не пытается взять сверх меры»); так опытный и совестливый *Руководитель* стремится разделить с *Коллегами* командный успех. Говорят: «Не надо требовать от жизни то, что превышает твои возможности» (С. Рамишвили). Пусть члены «внутренней команды» призовут тебя к здравому смыслу: «Надо иногда слегка побранить то, что нас очаровывает. Это брюзжание и называется благоразумием» (В. Гюго). Или, звучащее на манер двухступенчатой импликации («опора опирается на опору») предостережение Марка Твена: «Мы в Америке получили три неоценимых дара: свободу слова, свободу совести и благоразумие, чтобы удерживать нас от того, чтобы ими пользоваться». Впрочем, об этом понятии, по-видимому, следует говорить с пафосом, усматривая в нем, как наставлял нас еще Фома Аквинский, одну из кардинальных добродетелей наряду с умеренностью, мужеством и справедливостью[115].

[115] Было бы интересно соотнести «ставку на благоразумие» как ценностный ориентир личности с характеристиками «коммуникаторов»: в терминах А.К. Болотовой, лиц «с высокой потребностью в социальных контактах» [Болотова, 1997]. Этим автором многопланово исследовалась реакция людей на ситуацию потери работы. Весьма нетривиальный результат исследования состоял в том, что, в отличие от «эргичных» («испытуемых с высокой степенью вовлеченности в деятельность, связанную с созданием предметной сферы жизнедеятельности человека, отличающихся легкостью перехода от одного предмета деятельности к другому»), «коммуникаторы», теряя работу, не утрачивают временной перспективы, удерживают самооценку (завышая будущую, компенсируют снижение прошлой), в человеческом плане «не теряются» и т.п. Иначе говоря, потеря «предмета» (предметной области, в которой адаптация непосредственно достижима, когда предмет как бы сам идет в руки, нужно только вовремя их подставить) в случае «коммуникаторов» гибко компенсируется стратегией благоразумия — ставкой

«Оправданный самообман». Целевой уровень саморегуляции. Обратим внимание на необычную функцию целеполагания, которую обыденное сознание, как правило, предпочитает не замечать: это функция постановки *мнимых* целей для достижения целей реальных. Для того чтобы перебраться «на тот берег», нам приходиться брать выше по течению. Ссылаясь на Л.Н. Толстого, который писал о таких целях, в своих выступлениях напоминает нам об этом Б.С. Братусь (отстаивая тот тезис, что «цели должны быть высокими»). Мы говорим о мнимых целях, подчеркивая, что это цели, относительно которых не только известно заранее, что они недостижимы, но известно также, что они *не должны быть* достигнуты (достижение этих целей заведомо нежелательно, совершенно «нецелесообразно»[116]). Именно эта скрытая сторона взаимоотношений, «своя игра» и «свои счеты» с миром, имеют под собой межсубъектные основания, выраженные схемой (*Лидер* ⥊ *Советник*) ⥊ *Среда*. В нашем примере *Советник* предлагал *Лидеру* поставить перед собой более трудную цель, чем ранее принятая (доступность 0,11 против 0,2), и только за этот счет *Лидер* мог достичь того, к чему изначально стремился. Так и во внутреннем плане: мы немного лукавим с собой, принимая нереализуемые обязательства, верим в них и в результате имеем то, что хотели иметь[117]. Сторонникам леонтьевской психологической школы (традиция акцентировать различие между мотивами и целями) было бы небезынтересно узнать, что *мотиву* в выражении (0,7 ⥊ 0,11) ⥊ 0,2 соответствует число 0,7; далее, *мнимой цели* (наш термин) — число 0,11; а *цели* как таковой — численное значение импликации (0,7 ⥊ 0,11), дающей число 0,38. Заметим также, что здесь перед нами пример классического, отмеченного еще Гегелем (далее — Вундтом; потом, в России, леонтьевской школой) несовпадения преследуемой цели и итогового результата активности, 0,7 (результат превосходит цель).

на общий успех во взаимодействии с кругом близких, о которых я говорю, что «они живут внутри нас» (кстати сказать, не в обиду феминисткам, гендерные характеристики здесь играют важную роль: по данным исследователя, большинство «коммуникаторов» — женщины). Стратегия благоразумия, а, возможно, и «подстройка» (см. далее), побеждают «упертость» внутреннего Единоличника и «эгоизм» внутреннего Лидера (так можно интерпретировать «эргичных», среди которых большинство мужчин).

[116] Представьте, что вы-таки *достигли* цели выше по течению: к этому ли вы стремились?!

[117] Верить ли до конца лидеру своим советникам?

«Подстройки». Операциональный уровень саморегуляции. Прототипом этого процесса является схема *Хозяин* ⥊ (*Работник* ⥊ *Среда*). В данном случае индивидуум выступает в двоякой роли: он по-прежнему преследует свою цель — добиться желаемого, не изменяя свои притязания, но при этом нащупывает собственный стиль деятельности, прилаживается, приноравливается к ситуации. В этом случае появляется то, что В.Д. Шадриков называет «оперативностью» [Шадриков, 2007]. Активность протекает на двух уровнях: мотивационно-целевом (здесь мотив и цель совершенно слиты) и операциональном, при котором задача упрощается, удовлетворенность достижениями приравнивается к запросам. Напомним, что в нашем примере исходное неблагополучное соотношение, 0,7 ⥊ 0,2 = 0,44, замещается вполне приемлемым 0,7 ⥊ (0,54 ⥊ 0,2) ≈ 0,7 ⥊ 0,57 ≈ 0,7.

Фигура Работника может иметь разные репрезентации в индивидуальном сознании и бытии. Это и внутренний экспериментатор, и проводник (сталкер, контактер), и даже медиум. Когда мы говорим: «Интуиция мне подсказывает», мы, по-видимому, имеем в виду голос этого субъекта в нас.

В процессе психологического консультирования можно спросить у клиента: «Если бы я мог сделать что-то за вас, вместо вас, подменив вас на каком-то сложном участке жизни, если бы мог на шаг оказаться впереди вас, может быть, проявить бо́льшую проницательность, в чем-то, возможно, подстраховать вас, то о чем бы вы меня тогда попросили?» Этот вопрос или несколько вопросов такого рода легко актуализируют в сознании фигуру Работника — человека, который готов взять на себя труд предотвратить или смягчить возможные удары судьбы.

Все сказанное позволяет с новой стороны увидеть проблему целеполагания вообще. Наша привычная точка зрения — видеть в целеполагании механизм упорядочения активности, способ направить ее в нужное русло. Разумеется, подобную точку зрения никто не собирается опровергать. Однако упорядочением и выстраиванием активности в определенном направлении, как видно, дело не ограничивается.

Гегель формулирует фундаментальное понятие «хитрости разума», подчеркивая, что опосредование, располагающие к естественному действию одних предметов на другие, ведет к решению проблем, какими бы сложными они не казались. «На широкую сторону мощи нападают острым концом хитрости» [Гегель, 1971, с. 307].

Но в этой «хитрости», заметим, таится и риск иллюзий для человека, когда мы «запускаем», казалось бы, естественный механизм межчеловеческого взаимодействия, где одни хитрые люди воздействуют на других хитрых людей. Иногда мы позволяем себе и другим «перехитрить» нас. Горьковский Лука, странствующий русский философ, декламирует в ночлежке (откуда ему известны стихи Беранже — загадка):

Господа! Если к правде святой
Мир дорогу найти не сумеет,
Честь безумцу, который навеет
Человечеству сон золотой!

Мир Джорджа Герберта Мида — мир «символического интеракционизма» — еще неизвестен Горькому и его персонажам. Но тот факт, что люди живут в мире символических, а не только «материально-вещественных» интеракций, что ценности нашего бытия не могут быть объективированы и зафиксированы со стороны, «глазом», что никогда не будет построена палата мер и весов, чтобы измерить и взвесить достижения человека, чувство его благополучия в мире, дееспособность, все то, что мы именуем «состоятельностью», — этот факт был для писателя несомненен. Как, впрочем, и то, что путь истины («правда») есть дело святое, и уж точно безумны те, кто свернули с дороги.

Цивилизация, культура — вечный спор между Сатиным («Человек — свободен, он за все платит сам») и Лукой («Во что веришь, то и есть»).

Не является ли культура целеполагания в цивилизованном мире порою единственно возможным способом примирить человека с самим собой, коль скоро он стремится к оптимума благоденствия и дееспособности там и тогда, где и когда это практически невозможно?

«Идеальная задача»: что мы чувствуем и к чему стремимся, думая о ней? Существуют, очевидно, задачи, смысл постановки которых не сводится к решению утилитарных проблем, а является для человека способом проверки своих возможностей. Будем говорить, что это «задача по вкусу» (ее решение продиктовано заинтересованностью в решении как таковом — вкусами самого человека, предпочитающего ее другим задачам). Перечислим гипотетические черты задачи по вкусу.

• Решение этой задачи требует *полной отдачи сил* (а иначе как проверить, на что ты способен?). Мы помним, что такая ситуация соответствует привилегированной точке оптимума самоотдачи — *действия на пределе возможностей*.

• Эта задача — *новая*; у человека нет оснований считать, что он решит ее. Если бы такие основания наличествовали, то субъективная вероятность решить задачу превосходила альтернативную вероятность не справиться с нею, и в этом случае речь могла бы идти скорее о подтверждении своих способностей, чем испытании их. Итак, нет никаких *гарантий* того, что задача может быть решена. О такой задаче, если она будет выбрана, можно сказать — «самоценная» (ценность в самой *задаче*, т.е. в поиске решения, о котором заранее неизвестно, существует ли оно вообще и может ли быть реализовано данным индивидуумом).

• Эта задача с *непредрешенным исходом решения*. Отсутствие уверенности субъекта в том, что задача может быть решена им, отнюдь не означает, что задача в его глазах неразрешима. Иначе бы, очевидно, он не выбрал бы для себя эту задачу на самоиспытание. Вот почему мы полагаем, что априорная вероятность ее решения должна быть не больше и не меньше S. Действительно, если я заранее знаю, что задача скорее всего будет решена мною, зачем мне ее решать? Что узнаю я о себе нового, решив *предсказуемо доступную* мне задачу?! Если же менее вероятно, что задача будет решена мною, то есть ли смысл испытывать свои способности, решая ее (ведь она *предсказуемо нерешаема*)?! Словом, выбор такой задачи должна иметь, как мы говорим, «активно-неадаптивный» характер, побуждаемый непредрешенностью результата.

• Эта задача, решения которой никто от субъекта не требует. Она решается им по собственной воле. О таких задачах мы говорим — «надситуативные».

Можно предположить, что предпочтение задач, обладающих перечисленными выше чертами и воспринимаемых людьми как «задачи по вкусу», обусловлено особыми переживаниями, возникающими в процессе их решения. Наша общая гипотеза состоит в том, что выбор и решение «задачи по вкусу» позволяет человеку ощутить свою состоятельность (достичь оптимума состоятельности) одновременно в нескольких отношениях: ощущать удовлетворенность собой, предчувствуя успех, справляться с неопределенностью, формируя адекватные ситуации притязания, иметь оправданные виды на будущее, ощущать близость решения.

Рассмотрим и обозначим более полно весь спектр символов, позволяющих описывать переживания человека, ощущающего свою вовлеченность в решение задач вообще и «задачи по вкусу» в частности.

Наше общее предположение состоит в том, что в условиях решения «задачи по вкусу» выполняется условие субъектности саморегуляции на всех уровнях целеполагания (т.е. условие соответствия между устремлениями человека и его состоятельностью).

Сказанное означает *одновременное* подтверждение следующих теоретических гипотез (в дальнейшем во всех случаях речь идет о «задаче по вкусу»).

Гипотеза 1.

Предчувствия успеха соответствуют уровню потенциальной удовлетворенности собой:

$$S = X \leftharpoondown (1 - X) = X$$

Здесь S — предчувствие успеха; X — интенции; $1 - X$ — образ невостребованных ранее возможностей (см. подробнее в конце этой главы в разделе *«Комментарии. Тезаурус»*). Из этого условия непосредственно вытекает, что предчувствие успеха S должно быть на уровне «золотого сечения» 0,618.

Если не прибегать к символам, то суть гипотезы можно выразить следующим образом. В процессе решения «задач по вкусу» *интенции* к успеху, *предчувствия* успеха и *потенциальная удовлетворенность собой* соответствуют друг другу по силе; при этом в субъективном плане человек опирается на ту часть своих возможностей, которые актуально не подвергаются им проверке, однако подразумеваются как имеющиеся у него (здесь по умолчанию принимается, что проверяемые и подразумеваемые возможности в сумме образуют полную систему возможностей). Заметим, что далеко не всегда при решении задач выполняется это условие. Если вам известно, что задача очень проста (арифметические упражнения для детей третьего класса), вы, скорее всего, предчувствуете свой 100%-й успех, но вряд ли испытываете потенциальную удовлетворенность собою, представляя, что решаете эту задачу. В другом случае, наоборот, предчувствие успеха минимально, а потенциальная удовлетворенность собою высока (положим, если вы шахматист-любитель, играющий в шахматы с

гроссмейстером)[118]. Мы больше не будем подчеркивать этого, но еще раз напомним читателю, что первая и последующие гипотезы относятся к задачам по вкусу (именно это, как предполагается, отличает их от других задач).

Если гипотеза 1 подтвердится, то она даст нам пример *волевой* саморегуляции личности.

Гипотеза 2. *Притязаниям человека соответствует его вера в успех:*

$$(X \leftharpoondown Y) \leftharpoondown 0{,}5 = X \leftharpoondown Y$$

Поясним, что выражение в этом выражении Y — это *прогноз успеха*; двухступенчатая импликация $(X \leftharpoondown Y) \leftharpoondown 0{,}5$ — *вера в успех*; $X \leftharpoondown Y$ — *уровень притязаний*; число 0,5 — субъективная вероятность возможности решения (см. *«Комментарии. Тезаурус»*).

Смысл гипотезы 2. В процессе решения «задачи по вкусу» вера в успех соответствует уровню притязаний; человек властвует над шансом в условиях полной неопределенности относительно исхода действия (*ценностный* уровень саморегуляции).

Гипотеза 3. *Перспектива успеха соответствует интенции:*

$$(X \leftharpoondown Y) \leftharpoondown Z = X$$

Новый символ Z (= 1 – S) — это *готовность к риску* («толерантность к неопределенности», «запас прочности», «подстраховка»). Пояснение можно найти в разделе «*Комментарии*».

Смысл гипотезы 3. Выбор «задачи по вкусу» подразумевает такое соотношение между прогнозами на успех и уверенностью в успехе решения этой задачи, что открывающиеся перспективы соответствуют интенциям, вкладываемым в достижения» (*целевой* уровень саморегуляции).

Гипотеза 4. Человек предвкушает будущий успех достижения в соответствии со своими интенциями:

$$X \leftharpoondown Z = X$$

Выражение $X \leftharpoondown Z$ символизирует то, что мы называем «предвкушением» (см. раздел «*Комментарии. Тезаурус*»).

Смысл гипотезы 4. Человек переживает будущий успех как уже состоявшийся факт, видя в нем воплощение своих интенций; в таких

[118] Для этого совсем не обязательно выигрывать у гроссмейстера (в одном из рассказов Василия Аксенова любитель выигрывает у гроссмейстера, что, конечно, «на уровне чуда»).

случаях говорят: «Счастье в кармане» (*операциональный* уровень саморегуляции).

Рассмотрим результаты *эмпирического исследования*, направленного на оценку адекватности выдвинутых гипотез.

Испытуемым (37 в возрасте от 18 до 33 лет) предлагалось описать свои мысли и чувства при решении наиболее привлекательной для них задачи — «задачи по вкусу». Ниже мы приводим список используемых вопросов. Читатель увидит справа от каждого из них в фигурных скобках числа «1» или «0». Они маркируют присутствие или отсутствие в утверждениях таких моментов, как «намерение действовать» (первый элемент), «предвидение позитивного исхода» (второй элемент), «предчувствие позитивного исхода»» (третий элемент). В самом опроснике, разумеется, фигурные скобки с соответствующей маркировкой смысловых аспектов вопроса отсутствовали.

Требовалось поставить крестик «х» на шкале «редко–часто», отвечая на общий вопрос о том, как часто при решении такой задачи вы

1) перепроверяете себя, пытаясь удостовериться в правильности своих догадок и предположений (как бы испытывая их на прочность) {1,0,1};

редко ---------- часто

2) считаете нужным дождаться «того самого» счастливого случая, когда ситуация сама подскажет, как быть и что делать дальше (полагаетесь на удачное стечение обстоятельств, как бы наталкивающих на открытие) {0,1,1} (оценочные шкалы в тексте статьи больше не изображаем);

3) исходите из необходимости «отмести» версии, кажущиеся вам сомнительными {1,0.0};

4) думаете: вот бы пришел кто-нибудь и сказал, что делать дальше (да только, увы, не будет этого) {0,1,0};

5) верите в то, что не совершите ошибки, действуя так, а не как-то иначе {1,1,1};

6) отказываетесь решать задачу по-старому, «отстраиваетесь» от ситуации, внутренне подготавливаетесь к новому решению («переключаетесь») {0,0,1};

7) вам не хочется ничего делать, нет никаких идей, не испытываете ничего, кроме ощущения полной бесперспективности {0,0,0};

8) думаете: «Надо попробовать!», хотя и чувствуете, что это совершенно напрасно {1,1,0}[119].

При обработке материалов крайнему левому положению крестика на шкале «редко–часто» придавалось значение 0%, а крайнему правому — значение 100% (все другие значения рассматривались как пропорциональные расстоянию между местонахождением крестика на шкале и крайней левой точкой шкалы). Таким образом, по каждой из восьми шкал (i = 1, 2, 3, ...,8) мы получали характеристику «субъективной встречаемости» F_i состояния s_i. Величину F_i рассматриваем как абсолютную весовую характеристику «субъективной встречаемости» состояния s_i, а величину $f_i = F_i / (F_i + F_2 + F_3 + F_4 + F_5 + F_6 + F_7 + F_8)$ как показатель относительной субъективной встречаемости данного состояния. Показатели относительной субъективной встречаемости могут рассматриваться как «слагаемые успеха» в процессе решения задачи «по вкусу».

Далее определяется, как часто, с точки зрения самих испытуемых, они склонны действовать, а не избегать действия, т.е. какова *сила интенции*. Показатель силы интенции производен от частоты состояний: «осмотрительность» {1,0,1}, «скептицизм» {1,0,0}, «что я теряю, а вдруг?» {1,1,0}, «вперед, к победе!» {1,1,1}:

$$Интенции = f_1 + f_3 + f_5 + f_8.$$

Таким же образом вычисляется показатель **«Прогноз»** (*прогнозируемая доступность*), соответствующий теоретическому конструкту «внешний ресурс». Он определяется частотой состояний: {0,1,1} — «везение»; {0,1,0} — «соломинка»; {1,1,1} — «вперед, к победе!»; {1,1,0} — «что я теряю, а вдруг?»:

$$Прогноз = f_2 + f_4 + f_5 + f_8.$$

Тем же путем подсчитывается показатель **«Чаянья»**, определяемый состояниями: {1,0,1} — «осмотрительность»; {0,1,1} — «везение»; {1,1,1} — «вперед, к победе!»; {0,0,1} — «как-нибудь само собой»:

$$Чаянья = f_1 + f_2 + f_5 + f_6.$$

[119] В исходном опроснике каждая из восьми категорий вопросов включала в себя несколько вопросов сходной смысловой структуры {интенция, предвидение, предчувствие}. В результате интеркорреляционного анализа оставлены 8 вопросов, ответы на которые не коррелируют друг с другом, за исключением вопроса 7 (человек «в тупике») и вопроса 4 (человек «ищет соломинку»).

Показатель «Чаянья» рассматривался нами как источник для получения важного производного показателя «Готовность к риску» (еще раз перечислим сходные установки, отражающие возможность неуспеха: «Толерантность», «Запас прочности», «Подстраховка») — этот показатель противоположен *чаяньям* (при полном отсутствии гарантий):

$$Готовность\ к\ риску = 1 - (f_1 + f_2 + f_5 + f_6).$$

Теперь можем проверить, насколько справедливы выдвинутые гипотезы.

Эмпирические средние, соответствующие X («интенции»), Y («прогнозы»), Z («предчувствия-чаянья»), Z' («толерантность»), пометим звездочкой «*».

Гипотеза 1 *(о соответствии интенций, предчувствий и потенциальной удовлетворенности собой):*

$$X^* \approx S^* \approx X^* \leftharpoondown (1 - X^*) \approx 0{,}618$$

Имеем, соответственно,

$$0{,}623 \approx 0{,}596 \approx 0{,}590 \approx 0{,}618$$

(гипотеза подтверждается, $p > 0{,}05$)

Гипотеза 2 (*о соответствии притязаний и веры в успех*)*:*

$$(X^* \leftharpoondown Y^*) \leftharpoondown 0{,}5 \approx X^* \leftharpoondown Y^*$$

Имеем:

$$(0{,}623 \leftharpoondown 0{,}474) \leftharpoondown 0{,}5 = 0{,}672 \leftharpoondown 0{,}5 \approx 0{,}664$$

(гипотеза подтверждается, $p > 0{,}01$).

Гипотеза 3 (*о соответствии интенций перспективам успеха*)*:*

$$(X^* \leftharpoondown Y^*) \leftharpoondown Z^* \approx X^*$$

Имеем:

$$(0{,}623 \leftharpoondown 0{,}474) \leftharpoondown 0{,}404 = 0{,}601 \approx 0{,}618$$

(гипотеза подтверждается, $p > 0{,}01$).

Гипотеза 4 *(о соответствии интенций предвкушению успеха):*

$$X^* \leftharpoondown Z^* \approx X^*$$

Имеем:

$$0{,}623 \leftharpoondown 0{,}404 \approx 0{,}629$$

(гипотеза подтвержается, $p > 0{,}01$)

Итак, четыре выдвинутые гипотезы находят свое подтверждение.

Остается заметить, что выделяемый нами класс «задач по вкусу» — не единственный полигон испытания метаимпликативной модели состоятельности и «субъектных сборок». Так, нам удалось показать, что, решая задачи *по требованию*, испытуемые в меньшей степени стремятся к успеху (0,577 против 0,623) и в меньшей мере предчувствуют успех (0,548 против 0,596).

Общее заключение, к которому мы приходим, состоит в том, что каждое «Я», живущее в личности, стремится к гармонии — будь то внутренний «единоличник», исследующий, «на что он способен»; «руководитель», верящий в контроль над шансом; «лидер», ведающий перспективами; или «хозяин», владеющий ситуацией. У каждого — свой подход к построению действия. Но все одинаково заинтересованы в том, чтобы найти точку оптимума, т.е. совершенного соотношения между своими запросами и ресурсами. Найти эту общую точку («найтись в ней») позволяет «задача по вкусу».

Возможность решения такой задачи не гарантирована, успех в решении не предрешен. Но все-таки она требует от человека, чтобы он полностью «выложился», отдался решению. Это значит, что «по вкусу» ему оказывается выбор *надситуативных задач* — таких условий деятельности, свободно предпочитаемых им, в которых предчувствия, перспективы и вера в успех соответствуют интенциям самоосуществления, а те, в свою очередь, — потенциальной удовлетворенности человека собой как субъектом деятельности. И каждое из этих субъектных проявлений саморегуляции балансирует на невидимой риске «золотого сечения». Таково число *ц* (≈ 0,618), «золотая точка» гармонии.

Люди активно неадаптивны. Они ставят перед собой задачи с непредрешенным исходом. Они поднимаются *над ситуацией*, пытаясь своими действиями предрешить заранее непредрешенный исход.

Триумвират субъектов свободного выбора. В предшествующих работах [Петровский, 2006] мы показали, что в рамках мультисубъектной концепции личности могут быть реинтерпретированы факты, необъяснимые в рамках классической *модели выбора риска* Дж. Аткинсона [Atkinson,1957; 1964], о чем уже было сказано в книге (см. гл. 7), новое объяснение получает *феномен смещенного выбора уровня трудности* задачи в условиях свободного предпочтения задачи; см. также статью [Петровский, 2006*б*]. Испытуемые с доминированием надежды на успех по сравнению с мотивом избегания, как выявилось за пять десятилетий экспериментальных исследований уровня притязаний личности, предпочитают выбор задачи, степень трудности которых изменяется в диапазоне между 0,6 и 0,7, а не средних по трудности задач, как предсказывает модель выбора риска Аткинсона. Но именно эти значения (в районе «золотого сечения») предсказывает наша метаимпликативная модель выбора (см. гл. 10). Здесь же мы считаем нужным подчеркнуть, что речь идет о функционировании коллективного субъекта, «составленного» из многих Я, а именно — из эго-состояний «Взрослый», «Родитель», «Дитя».

Дадим здесь несколько иную версию той же модели. Будем считать, что потенциальная удовлетворенность личности, действующей в поле свободного выбора уровня трудности задачи (при заданных вероятностях успеха решения), описывается формулой

$$W = (X_{\text{Взр.}} \leftharpoondown Y_{\text{Род.}}) \leftharpoondown Z_{\text{Дитя}},$$

Так же, как и в метаимпликативной модели, примем правило *реализма* выбора:

$$W = X_{\text{Взр.}}$$

Кроме того, принимаем, что интенции Взрослого (X) адекватны требованиям Родителя ($1 - Y$): $X = 1 - Y$, т.е. $Y = 1 - X$. Здесь Y — *прогнозируемая доступность* решения задачи (подразумевается: чем доступнее задача, тем менее интенсивны требования ее решить; чем она менее доступна, тем сильнее Родитель «давит» в направлении решения). Логично считать также, что *уровень трудности* — это уровень доступности «наоборот»: $1 - Y$.

Наконец, примем, что существует две формы взаимодействия между эго-состояниями.

1. *Согласие* между *Родителем* и *Дитя*:

$$(X_{\text{Взр.}} \leftharpoondown (1 - X)_{\text{Род}}) \leftharpoondown (1 - X)_{\text{Дитя}} = X.$$

В этом случае испытуемые должны выбирать задачи, уровень трудности которых находится в районе «золотого сечения», 0,618. Действительно, решая уравнение

$$(X \leftharpoondown (1 - X)) \leftharpoondown (1 - X) = X,$$

имеем (опускаем нижние индексы):

$$(1 - X^2) \leftharpoondown (1 - X) = 1 - X + X^3 = X,$$

$X(2 - X^2) = 1$, из чего следует

$$X \approx 0{,}618$$

2. *Бунт Дитя* против *Родителя*:

$$(X_{\text{Взр.}} \leftharpoondown (1 - X)_{\text{Род.}}) \rightarrow X_{\text{Дитя}} = X_{\text{Дитя}}.$$

В этом случае испытуемые должны выбирать либо самые легкие, либо самые трудные задачи (здесь расхождения с моделью принятия риска Дж. Аткинсона нет). В самом деле,

$$(X \leftharpoondown (1 - X))X = X,$$
$$(1 - X^2) \leftharpoondown X = X^2 + X - X^3 = X,$$
$$X^2 - X^3 = 0,$$
$$X^2(1 - X) = 0,$$

из чего следует $X_1 = 0$, $X_2 = 1$ (выбираются самые простые и самые трудные задачи).

Заметим, что к тому же результату мы приходим, если пользуемся моделью *перспективы успеха* («притязания опираются на готовность к риску»); см. предыдущий раздел и раздел «*Комментарий. Тезаурус*»:

$$(X \leftharpoondown Y) \leftharpoondown Z = (X \leftharpoondown Y) \leftharpoondown ((X \leftharpoondown (1 - X) \leftharpoondown 0) = (X \leftharpoondown Y) \leftharpoondown X^2.$$

Итак, мы имеем уравнение:

$$((X \leftharpoondown (1 - X) \leftharpoondown Z) = \text{X} \text{ (}\textit{реализм выбора}\text{)}.$$

Преобразуем и получаем:

$$(1 - X^2) \leftharpoondown X^2 = X,$$
$$2X^2 - X^4 - X = 0$$

Находим действительные корни этого уравнения:

$X_1 = 0{,}618$, $Y_1 = 0{,}318$ (*выбор задачи повышенной трудности*);

$X_2 = 1$, $Y_2 = 0$ (*выбор сверхтрудной задачи*);

$X_3 = 0$, $Y_3 = 1$ (*выбор сверхлегкой задачи*).

$Z_1 = 0{,}618$ — *толерантность* (*готовность к риску*), *проявляемая Подчиняющимся* (*«позитивным»*) *Дитя*;

$Z_2 = 1$, а также $Z_3 = 0$ — *толерантность* (*готовность к риску*), *проявляемая Бунтующим* (*«негативным»*) *Дитя при* $Y_2 = 0$ и, соответственно, $Y_3 = 1$. (Пояснения к символу Z' см. в разделе «Комментарии. Тезаурус»).

Комментарии. Тезаурус. Принимаем следующие обозначения и интерпретацию символов.

W (*состоятельность*, *«Могу»*) — это *аккумулированные* (*собранные, накопленные*) *возможности*:

Могу = То, что я раньше не мог, вместе с Тем, что могу сверх того =

$$\underbrace{\textit{Могу}}_{W} = \underbrace{\textit{Уже Могу}}_{1-X} + \underbrace{\textit{Могу Еще}}_{X \times Y}$$

Качественно различаем *X-возможности* — актуальные внутренние возможности (переживание субъекта «я могу») и *X-стремления* — интенции субъекта воплотить (использовать, применить) свои актуальные возможности («я хочу»). Предполагается, что это стремление соответствует уровню переживаемых возможностей — о принципе единства «могу» и «хочу», т.е. «что могу, то и хочу», «насколько могу, настолько хочу», «могу» = «хочу» = «буду». (См. подробнее: [Петровский, 2008; 2009]).

$1 - X$ — *нереализованные* (*нераскрытые*) *ранее возможности — «еще не мог». Субстрат «Потаенного Я»*. Переживание этих возможностей мы называем «возможностями из прошлого».

$1 \times (1 - X)$ — *«уже могу»*.

$X \times (1 - X)$ — *переживание будущих возможностей — «возможности на будущее», «могу еще»*.

$X \leftharpoondown (1 - X) = 1 - X + X \times (1 - X)$ — *переживание потенциальной удовлетворенности собой (переживание субъектом своего потенциального благополучия); сочетает в себе два переживания — ранее невостребованные, а теперь актуализированные «возможности из прошлого» и приоткрывшиеся «возможности на будущее»*.

Y — *прогноз успеха*.

$X \leftharpoondown Y$ — *притязания на успех, «уровень притязаний»*. Импликативная запись может быть прочитана так: «стремление субъекта воплотить свои актуальные возможности, опираясь на прогноз их осуществимости».

P — *субъективная вероятность успеха*. В некоторых классах задач испытуемому заранее неизвестно, насколько они могут быть решены в принципе или (и) им самим персонально. В этом случае, используя язык обыденной речи, мы говорим, что субъективная вероятность решения этих задач для субъекта — «фифти-фифти» ($P = 0{,}5$).

$(X \leftharpoondown Y) \leftharpoondown P$ — *вера в успех.* Имея дело с абсолютной неопределенностью ситуации, человек, тем не менее, исходит из идеи реализуемости своих притязаний — в той или иной степени, разумеется...

S-ожидание — предчувствие успеха, переживание предрешенности положительного исхода попытки (естественно, имеется в виду определенная *степень* предрешенности). Качественно, мы отличаем

предчувствие успеха от *прогноза* успеха. Предчувствие основано на интуиции, интуитивной оценке достижимости успеха, а прогноз, в той или иной степени, на знании (например, в известных экспериментах Хоппе «на уровень притязаний» испытуемым заранее сообщают о трудности выбираемых задач).

S-стремление — чаянья. Мы используем это несколько архаичное слово, чтобы описать рационально не мотивированное притяжение к успеху; здесь можно использовать также слово *влечение* («иррациональное» побуждение к действию). Используя один и тот же символ *S* для обозначения предчувствий и чаяний, мы по-прежнему подчеркиваем момент преемственности и равенства между «хочу» и «могу».

G — гарантии успеха. Существует всего две возможности протекания деятельности, связанной с достижением: ситуация гарантирует достижение результата (при известных стараниях индивидуума); и ситуация не гарантирует этого: $G = 1$, либо $G = 0$. Промежуточных степеней для гарантий не существует. Они (промежуточные значения) могут существовать для априорной вероятности успеха *P*. Таким образом, *степень* неопределенности (непредрешенность) в возможности достижения успеха — целиком «на совести» априорной вероятности решения задачи.

$Z = S \leftharpoondown G$ (*чаянья опираются на гарантии*) — *готовность к риску* (*толерантность к неопределенности* — кратко, *толерантность*). Толерантность можно также называть *запасом прочности*, а еще *подстраховкой*. Действительно, чем выше чаянья, тем больше, в случае неудачи, отчаянье — ведь нет никаких гарантий, что задача может быть решена. Наоборот, если чаянья невелики, то и риск неуспеха не слишком велик. Рассмотрим два случая:

1) $G = 1$, при этом, очевидно, *толерантность абсолютна*:

$$Z = S \leftharpoondown 1 = 1 - S + S \times 1 = 1;$$

2) $G = 0$, и тогда *толерантость* составляет *альтернативу предчувствиям*:

$$Z = S \leftharpoondown 0 = 1 - S + S \times 0 = 1 - S.$$

Действительно, чем более выражены чаянья, тем меньше — на фоне отсутствия каких-либо гарантий! — «запас прочности».

$(X \leftharpoondown Y) \leftharpoondown Z$ — *перспектива успеха* (*притязания опираются на толерантость*). Здесь переплетаются ситуативно обусловленные рациональные аспекты переживаемой активности (уровень притязаний, $X \leftharpoondown Y$) и ее интуитивные аспекты (чаянья, опирающиеся на определенный уровень гарантий, $S \leftharpoondown G$).

$X \leftharpoondown Z$ — *предвкушение*. Мы говорим «предвкушение», имея в виду, что интенции субъекта испытать себя, свои актуальные возможности, опираются на запас прочности, в отличие от той или иной степени *веры* в успех, определяемой привходящими обстоятельствами (субъективной вероятностью успеха, полностью зависящей от ситуации), и *перспективы успеха*, определяемой прогнозом успеха, зависящим от ситуации и собственных усилий.

Глава 13

«ЗНАЧИМЫЕ ДРУГИЕ» ВО МНЕ: ПАРАДОКС АДЮЛЬТЕРА

Об интимном — невозможно безадресно и безлично. Поэтому автор будет обращаться к читателю непосредственно, как если бы мог поговорить с ним с глазу на глаз. Есть ли у вас человек, которого вы любите? Если нет, ничего не поделаешь, мы встретимся с Вами в следующий раз... Итак, у вас есть человек, которого вы любите (в*аш* муж? в*аша* жена?). Я не прошу вас измерить вашу любовь в баллах. В истории были попытки «баллировать» силу любви *в братьях*, но, думается, 40 000 — слишком большое число, чтобы обнять его в мысли. Вместо этого я попрошу вас, как это принято в психосемантике, оценить субъективное расстояние между «точками» «Я» (это ваше «Я») и «$Я_{др»}$ (это «Я» человека, которого вы любите, — «Я» другого). Вы, конечно, поинтересуетесь, на какой шкале должно быть отмечено данное расстояние. Давайте поэтому вначале создадим модель такой шкалы.

Представьте себе двух человек, которые, на ваш взгляд, максимально далеки друг от друга, их трудно представить вместе, в одной ситуации — о таких говорят, что они «совершенно несоместимы». («Они сошлись. Волна и камень, стихи и проза, лед и пламень не столь различны меж собой...». Чем все это закончилось, мы помним). Расстояние между «совершенно несовместимыми людьми» нарисуем на этом листочке.

Нарисуйте в этом месте отрезок, символизирующий расстояние между «совершенно несовместимыми людьми».

Примем расстояние между «совершенно несовместимыми людьми» за максимум. Соответственно, близость к себе самому (между «Я»

и «Я») примем за минимум. Случай, когда кто-то воспринимается как существо более близкое мне самому, чем я сам, мы временно исключаем из рассмотрения, хотя понимаем, что такого рода явление могло бы заинтересовать кое-кого из наших коллег-психологов, укрепляющих свою клиентскую базу. Минимальное расстояние (между «Я» и «Я») можно принять за интервал квантования. Если же это минимальное расстояние определяется как нулевое, мы имеем дело с непрерывной шкалой; в этом случае, определяя близость между собой и другим человеком, а также, попарно, между другими людьми, мы будем измерять отрезки, как это делается традиционно, когда пользуются шкалами Дембо-Рубинштейн.

Нарисуйте здесь отрезок, символизирующий вашу близость к любимому человеку:

(отрезок 1)

Теперь рассмотрим вопрос посложнее (голос автора становится вкрадчивым). Скажите, есть ли среди ваших близких еще один человек, которого вы *тоже* любите (еще раз напоминаю, я не спрашиваю о братских, сестринских и вообще родственных чувствах!)? Можете ли вы с определенностью сказать мне: «Да»? (Не отвечайте, пожалуйста, вслух). Итак, предположим, вы подтверждаете, что такой человек есть. Попробуйте теперь, так же, как и в первом случае, оценить расстояние, существующее между вами и этим другим человеком (расстояние между «точками» «Я» и «$Я_{др'}$»).

Нарисуйте (но не показывайте никому) отрезок, символизирующий вашу близость к *другому* любимому человеку:

(отрезок 2)

Теперь предстоит сделать последний шаг (сделать шаг, который на практике может оказаться последним). Подумайте об обоих (обеих), мысленно объедините их в своем сознании, как если бы они оказались однажды вместе друг с другом и вами (может быть, это уже было когда-то? — или происходит часто? — или это возможно лишь в

воображении? — или это вовсе невообразимо?). Оцените теперь меру близости между двумя этими людьми в такой ситуации.

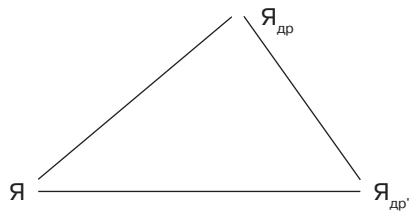
Нарисуйте отрезок, символизирующий меру близости между людьми, которых вы любите, «когда вы втроем»:

(отрезок 3)

Завершающая операция будет заключаться в попарном суммировании отрезков 1, 2 и 3. Согласно «правилу треугольника», должно выполняться:

(отрезок 1) + (отрезок 2) ≥ (отрезок 3);
(отрезок 1) + (отрезок 3) ≥ (отрезок 2);
(отрезок 2) + (отрезок 3) ≥ (отрезок 1).

Если эти условия выполняются, нет проблем, и мы можем смело нарисовать, например, такую фигуру, символизирующую взаимоотношения между «Я», «$Я_{др»}$. и «$Я_{др'»}$:



Да вот только оказывается (результат многочисленных наблюдений автора), что «правило треугольника» применительно к отрезкам 1, 2, 3 выполняется далеко не всегда! Итак:

***три точки** есть, а **треугольника** нет...*

Парадокс? — Парадокс! Скажем о нем так: «парадокс адюльтера» (от фр. *adultère* — супружеская неверность, измена). Вполне допускаю, что педантичный читатель упрекнет нас в том, что мы таким образом несколько сужаем класс явлений, подпадающих под исследуемую категорию. И такой читатель, безусловно, прав: в более широком смысле следует говорить скорее о «парадоксе ловеласа», ибо последний необязательно обременен почетной ролью супруга. Однако это, по-видимому, не тот случай, когда, расширяя объем понятия, мы

раширяем аудиторию понимающих. Наоборот, говоря: «парадокс ловеласа» и расширяя, следовательно, сферу явлений парадоксального растроения треугольника, мы рискуем тем самым потерять львиную долю солидных читателей, для которых состояние адюльтера понятнее, чем маята ловеласа, заблудившегося в своих влюбленностях.

А теперь попробуем разобраться, в чем тут дело. Почему три названных точки в пространстве (разумеется, «субъективном пространстве») не образуют для нас треугольника? И не следовало бы, в таком случае, присоединить наш «несуществующий треугольник» к серии «фигур невозможного»?

Первый допустимый ответ сводится к тому, что искомый треугольник в действительности существует, и весь вопрос теперь в том, как примирить между собой три интересующих нас «точки»: «Я», «$Я_{др}$», «$Я_{др'}$». Нужный способ интерпретации в психосемантике есть. Некогда было сделано важнейшее открытие. Было показано, что аффект, вмешиваясь во взаимоотношения между объектами, ведет к изменению «мерности» субъективного семантического пространства (феномен его «уплощения», понижения размерности под влиянием аффекта, был открыт В.Ф. Петренко и В. В. Кучеренко [Петренко и др., 1982; Кучеренко, 1983]), высказывалась мысль о необходимости использования неэвклидовых метрик для построения матрицы семантических связей. «Прибегая к метафорической аналогии, аффективную область можно сравнить с мощной гравитационной массой, трансформирующей пространство вокруг себя и изменяющей кривизну этого пространства» [Петренко и др., 1982, с. 62].

Есть между тем и еще один путь интерпретации интересующего нас парадокса. Не будем прибегать к гипотезам, описывающим динамику размерности субъективного семантического пространства. Нет необходимости также и пересматривать метрику пространства (например, отказываться от эвклидова расстояния между точками метрического пространства). Достаточно лишь предположить, так сказать, *размытость* положения сопоставляемых объектов в субъективном семантическом пространстве. Иными словами, признать, что «точки», символизирующие такие объекты нашей мысли, как «Я», «$Я_{др}$», «$Я_{др'}$», суть не более чем фикции, если их рассматривать вне соотнесения друг с другом и другими объектами сознания.

Если придерживаться данного пути интерпретации, то мы увидим, что каждый из трех объектов предстает в виде *многообразия* точек

субъективного семантического пространства. И перед нами, таким образом, не единственная изолированная «точка», репрезентирующая значение объекта, а некоторое «облако» виртуальных состояний, совместно характеризующих положение данного объекта в пространстве. Каждое из таких состояний обнаруживает себя (выступает как изолированная «точка» многомерного пространства) на фоне другого объекта, с которым актуально соотносится первый. Но и этот другой объект представлен многообразием точек, лишь одна из которых репрезентирует данный объект на фоне первого. Подчеркиваем, взаимоактуализация точек, репрезентирующих объекты («выступление» точек навстречу друг другу), происходит единовременно. Объекты как бы разом поворачиваются лицом друг к другу — каждый к каждому, и таким образом устанавливается особое расстояние между ними. «Если тебе хочется взять яблоко из блюда, не бери самое красное, а возьми то, которое на тебя смотрит», — поучают детей в детском саду. Ребенок смотрит на яблоко, яблоко — на ребенка; и становится ясно, к какому яблоку протянуть руку...

Вернемся к трем нашим «точкам». Теперь мы знаем, почему потребовалось заключить это слово в кавычки: каждая такая «точка» символизирует многообразие точек в n-мерном пространстве; эти многообразия представляют собой области существования единого «трансцендентального» значения каждого из этих объектов в соотнесении с областью существования значений каждого другого. (Существует ли вообще подобное «трансцендентальное» значение — этот вопрос в данном случае мы не обсуждаем, предлагаем по этому поводу обратиться к интересным работам Д.А. Леонтьева [1999]). Понятно, что попарные расстояния между тремя названными областями-многообразиями отнюдь не обязано подчиняться правилу треугольника. Положим, для простоты, что «Я», «$Я_{др}$», «$Я_{др'}$» представляют собой прямые, *скрещивающиеся* в пространстве. «Расстояния» между каждой из двух может быть определено как минимальное возможное расстояние между точками первой и точками второй прямой. Само собой разумеется, три отрезка, выражающие расстояния между тремя скрещивающимися прямыми, могут находиться в произвольных отношениях друг с другом.

В заключение отметим, что высказанная нами точка зрения ничуть не противоречит взглядам исследователей, резонно полагающих, что «значение есть процесс» (А.А. Леонтьев [1969]) и что субъективное семантическое пространство динамично — «пульсирует», «дышит» ([Петренко, 1988, с.74–75]). Более того, в динамике значений мы видим и всегда видели единственную возможность выразить специфику того, что характеризует личностный смысл, в отличие от индивидуализированных значений ([Петровский, 1985], а также гл. 16 этой книги). Но, тем не менее, мы должны подчеркнуть, что идея динамики значений, обусловленная динамикой размерности семантического пространства и модификацией метрик (первый рассмотренный нами подход), вполне совместима с предположением о том, что искомый треугольник все-таки существует. Между тем подлинно альтернативный путь интерпретации парадокса адюльтера (второй подход) состоит в том, что какого-либо треугольника, определяемого точками «Я», «$Я_{др}$», «$Я_{др'}$», в действительности не существует, хотя *расстояния* между значениями «Я» и «$Я_{др}$», «Я» и «$Я_{др'}$» и «$Я_{др}$» вполне реальны.

Глава 14

БУЛЕВА МОДЕЛЬ СМЫСЛОВЫХ МИРОВ. ВО ЧТО ВЕРИТ МЫСЛЬ?[120]

Мышление не делает ошибок.
А.В. Брушлинский

1. Смысл. Значение. Ноумен

Эпиграф к этой статье назовем *постулатом Брушлинского.*

Сам Андрей Владимирович Брушлинский о «постулате» не говорил, но, по сути, предложил его нам. В данной главе мы не оцениваем правомерность постулата *вообще*, а ставим вопрос иначе: в каком из смысловых миров личности он правомерен? Ибо человек — не только многомерное, но и многомирное существо [Брушлинский, 2000]: он может существовать в разных смысловых мирах.

Иным способом вопрос может быть сформулирован так: во что верит мысль?

Позволю себе небольшое отступление биографического порядка. В те далекие времена, когда автору этих строк, подростку, в силу счастливых семейных обстоятельств взросления довелось впервые увидеть А.В. Брушлинского, в дом принесли пластинку «Поэты читают свои стихи». В памяти переплелись ученые разговоры отца, Артура Владимировича Петровского, с Андреем Владимировичем «о воображении и мышлении» и — глуховато звучащий, протертый песками времени голос, читающий: «Послушайте! Ведь если звезды зажигают — значит — это кому-нибудь нужно...».

Сегодня я спрашиваю себя: существует ли некая смысловая связь между событием встречи моей с Брушлинским и стихами Маяковского, которые до сих пор звучат для меня с пластинки? В некотором роде для меня это тоже сейчас «задача на смысл».

[120] Грант РГНФ — «Смысловые миры личности» — № 09-06-00618а.

Ее решение зависит от того, как понимать смысл, в каком из смысловых миров мы живем, словом, во что верит мысль в поисках смысла.

Смыслы и ноумены. Начнем со стихов раннего Маяковского; они выражают одну из возможных «логик» мироосмысления.

Послушайте!

Ведь, если звезды зажигают —
значит — это кому-нибудь нужно?
Значит — кто-то хочет, чтобы они были?
Значит — кто-то называет эти плевочки жемчужиной?
И, надрываясь
в метелях полуденной пыли,
врывается к богу,
боится, что опоздал,
плачет,
целует ему жилистую руку,
просит —
чтоб обязательно была звезда! —
клянется —
не перенесет эту беззвездную муку!
А после
ходит тревожный,
но спокойный наружно.
Говорит кому-то:
«Ведь теперь тебе ничего?
Не страшно?
Да?!»

Послушайте!
Ведь, если звезды зажигают -
значит — это кому-нибудь нужно?
Значит — это необходимо,
чтобы каждый вечер
над крышами
загоралась хоть одна звезда?!

Поставим вопрос: в чем состоит в данном случае модель смыслопостроения мира? Очевидно, что *смысл* зажигающихся звезд здесь не только в том, что они *значимы* для человека, что они затрагивают его лично, что они привносят что-то в отношения с другими, что они вселяют надежды и т. д., — не только в этом... Да, безусловно, здесь есть то, о чем Д.А. Леонтьев [1999] говорит как о системном качестве, именно *так* понимая смысл; я солидарен с ним в этом. Но здесь есть и *обратная* зависимость. Сами они — звезды — «звездное небо над головой» (тут уж как-то Кант вспоминается) зависят от человека, от его чувств, помыслов, чаяний, «морального закона внутри». Как если бы отсутствие любящих на Земле было способно упразднить само существования звезд на небосводе.

Проще всего было бы сказать, что это «поэтическое преувеличение». Но, тем не менее, подобное мировосприятие не является прерогативой поэзии. Я мог бы обратить ваши взоры к философским, психотерапевтическим и психологическим системам, в которых присутствует такой взгляд.

О каждом из предметов этого мира (будь то вещь, процесс, событие, мысль, отношение, взгляд, действие) человек может высказать три суждения.

Первое из них — о том, насколько значим данный предмет для него (затрагивает ли его интересы или нет, занимает ли какое-нибудь место в его жизни или в стороне от нее, играет ли какую-нибудь важную роль или совсем неважен). Таким образом, это суждения, сфокусированные на *личностном смысле* объекта.

Личностный смысл объекта — это не то же самое, что коннотат. Это не отношение к объекту. Это обращенность объекта к субъекту. Например, звезды, что зажигаются ночью, поддерживают меня, избавляя меня от «беззвездной муки». Это их своего рода «миссия». Это не «значение для меня». Это — *предназначение*.

Второе из рассматриваемых суждений касается самого существования предмета (действительно ли он присутствует в мире, или, может быть, это плод фантазии, конструкт мышления, желаемое, но не реальное). Это суждения, предметом которых является истинность бытия предмета в мире, его существование как *ноумена* (умопостигаемого объекта).

Ноумен — это не то же самое, что денотат. Знак указывает на денотат пальцем: вот он. Денотат, согласно Моррису, часть знаковой

ситуации. Ноумен нечто большее, чем денотат. Он не дан нам непосредственно. Он входит в знаковую ситуацию, но не тождествен своей «видимой части». Например, «судьба», «время», «счастье» суть ноумены, хотя «промельками» они даны нам денотативно.

Ноуменальность объекта означает признание того, что он обладает сущностью, что в нем спрятано проступающее вовне основание его существования. Мы говорим, что ноумен объекта *есть,* т.е. присутствует в мире, если этот объект не есть *мираж,* не есть просто *видимость* в глазах говорящего о нем человека. Но это не значит, что наблюдаемый объект (о нем мы говорим как о денотате субъекта) *не есть* ноумен; напротив, мы могли бы сказать, что, по крайней мере, некоторые заключают в себе ноуменальность.

Так, треугольник любой формы (прямоугольный, остроугольный, равнобедренный) я могу мыслить как совершенный (равносторонний) треугольник, но только наблюдаемый мною под определенным углом зрения, а при учете величин сторон — с определенного расстояния (рис. 38). Иначе говоря, феномен произвольного по форме и величине треугольника я могу мыслить как воплощенную в нем «абсолютную идею» совершенного треугольника, о котором скажу «ноумен».

И, например, вот этот кубик (рис. 39), продолжу я, который мы все называем «кубиком», *никогда* не дан нам чувственно как фигура, содержащая в себе 24 прямых угла. В нашем *восприятии* (если мы имеем дело с прозрачным кубиком) нам дано разглядеть максимум восемь прямых углов: четыре на передней грани куба (квадрат спере-

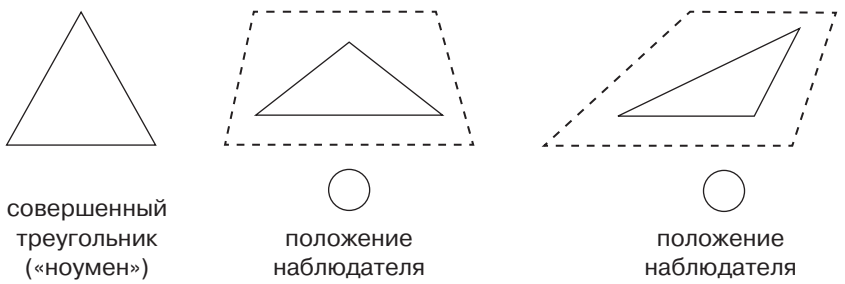


Рис. 38. «Совершенный треугольник». Реальность «ноумена»

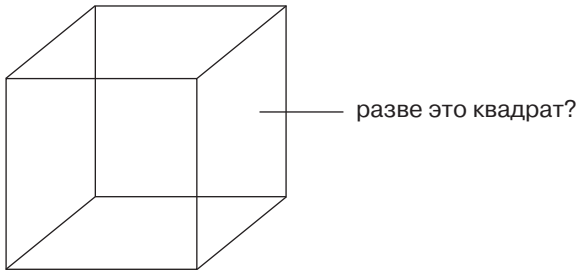


Рис 39. Невидимый кубик. Разве это кубик? Настоящего кубика («кубик-ноумен») мы никогда не увидим; но он все-таки есть!

ди), четыре на задней грани (квадрат «по ту сторону» открытого доступа). И, тем не менее, перед нами именно кубик — мы осознаем его как единство, образуемое шестью квадратами, а не косоугольными параллелепипедами. Истинный, образуемый квадратами, куб есть ноумен, в то время как куб косоугольный видимый — феномен.

Некогда Даниил Хармс [2004], писатель, философ, чье имя в должной мере не оценено философами, говорил о цифрах, что они не похожи на то, что они изображают (исключение — цифра 1, а мы бы добавили — 0). Цифра 2 и цифра 3 не похожи на число 2 и число 3. Так и человек, говорил Хармс. не похож на того, *в ком* он, его облик и его суть не одно и то же. Так и Рильке говорил о «вещи в вещи», проводя различие между «Sache», вещью, и «Ding», сутью вещи.

Особенно значимо введение конструкта «ноумен» в тех случаях, когда непосредственно видимого, чувственно данного объекта нет и не может быть. К ним относятся самые важные, смыслообразующие категории его жизни, такие как *судьба*, *смерть* и сама *жизнь*. Да и сам *смысл* есть, безусловно, ноумен, если, конечно, мы верим в насущную действительность «смысла».

Я буду говорить об *идее* чего-либо, имея в виду не только его значение, будь то сигнификат, коннотат или денотат [Петренко, 2010]. Я буду иметь в виду также бытие этого нечто «во мне и для меня» (его «личностный смысл»), а также «вне и помимо меня» (его существование как «ноумена»).

Наконец, третье суждение, которое мы могли бы высказать о мире, заключает в себе оценку совместимости в сознании субъекта первого и второго суждения. Предполагается, что, в принципе, возможно любое сочетание значений истинности указанных суждений: например, «этот предмет имеет смысл для меня», и «он существует *вовне*», или «этот предмет имеет смысл для меня», но «он существует *только во мне* (его нет вне меня)». Важным здесь является то, как человек оценивает данное положение вещей: одни сочетания он может отвергнуть (они ему кажутся неприемлемыми, отталкивающими, несовершенными, несуразными, «ОК»); другие сочетания считает вполне допустимыми (естественными, привлекательными, правильными, нормальными, «ОК»).

Для хироманта, по-видимому, не является состоятельной идея того, что есть линии на руке, которые не обладают судьбоносным смыслом. Каждая линия о чем-то говорит. Или для психоаналитика не является экзистенциально состоятельной идея того, что есть «просто сны»: каждый сон что-то значит.

О суждениях третьего вида мы говорим, что они заключают в себе оценку *экзистенциальной состоятельности* идеи предмета[121].

Итак, мы могли бы принять допущение, что могут быть многообразные формы сосуществования смыслов и ноуменов (рис. 40).

Идея предмета может быть полностью сосредоточена в мире субъекта, существуя как смысл («вещь-для-меня»). Воспроизведу полностью рассказ Хармса «Рыжий человек». «Жил один рыжий человек, у которого не было глаз и ушей. У него не было и волос, так что рыжим его называли условно. Говорить он не мог, так как у него не было рта. Носа тоже у него не было. У него не было даже рук и ног... Ничего не было! Так что непонятно, о ком идет речь. Уж лучше мы о нем не будем больше говорить» [Хармс, 1994].

Идея предмета может лежать по ту сторону интересов субъекта, выступая как ноумен («вещь-в-себе»).

Идея предмета может присутствовать на обоих полюсах (тут и смысл, тут и ноумен). Ну, например, то, чего у нас долго не было, а во всем мире было, а теперь и у нас есть — «кризис».

[121] Интересный опыт соотнесения субъективных и объективных аспектов существования идеи предмета представлен в книге О.В. Лавровой [2001], капитальном исследовании феноменов сознания и бессознательного и, в частности, «фантомов разума» — призраков, не существующих вне его [Мамардашвили, 1995; 1997].

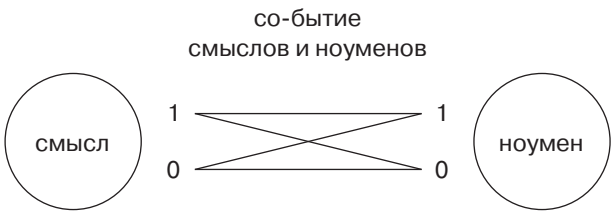


Рис. 40. Смыслы и ноумены

Идея предмета может одновременно отсутствовать как смысл и как ноумен. Например, я знаю, что подразумевается под словом «привидение», но для меня, в отличие от моих детей, это звук пустой, даже если он производится барабашкой.

Опираясь на булеву алгебру [Таран, 2001], мы разрабатываем типологию смысловых миров, в которых представлены приемлемые с точки зрения субъекта сочетания смыслов и ноуменов предметов, или, в наших терминах, их экзистенциальная состоятельность.

Модель «преисполненности смыслом» (табл.7). Базовая схема построения такого мира заключается в том, что существование ноумена опирается на существование смысла. Я предлагаю вам на рассмотрение такую формулу: $E(н) \rightarrow E(с)$; стрелочка «→» — знак материальной импликации.

В таблице я изобразил логический каркас философии «преисполненности смыслом». Левый столбец — существует ли предмет ноуменально, средний столбец — существует ли смысл, правый столбец — состоятельность идеи предмета,

Иными словами, правый столбец говорит нам о том, является ли предмет представителем этого смыслового мира (идея предмета состоятельна, символ 1). В том же случае, когда импликация принимает значение 0, то это говорит о неправильном соотношении смысла и ноумена. Объект своим присутствием нарушает «правильность» данного смыслоустройства. Это «неправильный» предмет. Скорее всего, этот предмет — фантом, фикция, случайность, исключение из общего правила. Он не из этого мира (идея предмета несостоятельна, — символ 0).

Суть модели в том, что существование ноумена имплицирует существование смысла («смысл предсуществует ноумену»): $E(н) \rightarrow E(с)$.

Таблица 7

Модель «преисполненности смыслом»

Сущ. ноумена E(н)	Сущ. смысла E(с)	Состоят. идеи E(н) → E(с)
0	0	1
0	1	1
1	0	0
1	1	1

В этой логике, как видим, только одна ситуация исключена: нечто есть в мире (существуя как ноумен), а смысл его отсутствует.

Что же это за мир? Если в нем что-то действительно есть, существует как ноумен, по ту сторону субъективного, то это сущее обладает смыслом. Иначе говоря, все, что существует в действительности, осмыслено. Напрашивается гегелевская параллель: «Все действительное разумно». Поэтическая аллегория такой философии — это процитированные нами строки «Послушайте!...». А философским и психологическим версиям несть числа. Среди них глубокие философские и психологические учения (абсолютный идеализм, философия Дао, представления о разумной Вселенной, концепция синхронистичности К. Юнга [1993]), а также кажущееся курьезом, особенно в свете сегодняшней естественнонаучной парадигмы, языческие и антропоморфные толкования живой природы.

Сначала — о серьезном. Серьезнее не придумаешь. Приведем фрагмент текста Корана (2007).

> **66.** Моисей сказал ему (Хидру): «Могу ли я последовать за тобой, чтобы ты научил меня о прямом пути тому, чему ты обучен?»
>
> **67.** Он сказал: «У тебя не хватит терпения находиться рядом со мной.
>
> **68.** Как ты сможешь терпеливо относиться к тому, что ты не объемлешь знанием?»
>
> **69.** Он сказал: «Если Аллах пожелает, то ты найдешь меня терпеливым, и я не ослушаюсь твоего веления».
>
> **70.** Он сказал: «Если ты последуешь за мной, то не спрашивай меня ни о чем, пока я сам не поведаю тебе об этом».

71. Они вдвоем двинулись в путь. Когда же они сели на корабль, он сделал в нем пробоину. Он сказал: «Ты сделал пробоину, чтобы потопить людей на нем? Ты совершил тяжкий поступок!»

72. Он сказал: «Разве я не говорил, что ты не сможешь сохранить терпение рядом со мной?»

73. Он сказал: «Не наказывай меня за то, что я позабыл, и не возлагай на меня тяжелое бремя».

74. Они продолжили путь, пока не встретили мальчика, и он убил его. Он сказал: «Неужели ты убил невинного человека, который никого не убивал? Ты совершил предосудительный поступок!»

75. Он сказал: «Разве я не говорил тебе, что ты не сможешь сохранить терпение рядом со мной?»

76. Он сказал: «Если я спрошу тебя о чем-либо после этого, то не продолжай путь вместе со мной. Ты уже получил мои извинения».

77. Они продолжили путь, пока не пришли к жителям одного селения. Они попросили его жителей накормить их, но те отказались принять их гостями. Они увидели там стену, которая была готова обрушиться, и он выпрямил ее. Он сказал: «Если бы ты захотел, то получил бы за это вознаграждение».

78. Он сказал: «Здесь я с тобой расстанусь, но я поведаю тебе толкование того, к чему ты не смог отнестись с терпением.

79. Что касается корабля, то он принадлежал беднякам, которые трудились в море. Я захотел повредить его, потому что перед ними находился царь, который силой отнимал все целые корабли.

80. Что касается мальчика, то его родители являются верующими, и мы опасались, что он будет притеснять их по причине своего беззакония и неверия.

81. Мы захотели, чтобы Господь их даровал им вместо него того, кто будет чище и милосерднее к своим близким.

82. Что же касается стены, то она принадлежала двум осиротевшим мальчикам из города. Под ней находился их клад. Их отец был праведником, и твой Господь пожелал, чтобы они достигли зрелого возраста и извлекли свой клад по милости твоего Господа. Я не поступал по своему усмотрению. Вот толкование того, к чему ты не смог отнестись с терпением»[122].

Назвать то, с чем встретился сейчас читатель, «иллюстрацией» философии преисполненности смыслом, я думаю, нельзя. Перед нами

[122] Считаю невозможным дополнительно комментировать этот текст — пусть это сделают люди, более искушенные в исламе.

сама философия смысловой преисполненности — мы застаем ее здесь при исполнении великой миссии быть истинным знанием-поучением.

Я процитирую здесь также текст создателя «логотерапии» (терапии, основанной на идее смысла как определяющего условия человеческой жизни) Виктора Франкла [1990].

> Один студент-медик из Соединенных Штатов писал мне: «Недавно умер один из лучших моих друзей, потому что он не смог найти в жизни смысл. Сейчас я знаю, что, если бы он был жив, я смог бы, пожалуй, помочь ему средствами логотерапии. Его уже нет, но сама его смерть будет теперь всегда побуждать меня оказывать помощь всем тем, кто в ней нуждается. Я думаю, что не может быть более глубинного мотива. Несмотря на мое горе, вызванное смертью друга, несмотря на мое чувство вины в этой смерти, его существование — и его "уже-не-существование" наполнено смыслом. Если мне когда-нибудь достанет силы работать врачом и эта ответственность будет мне по плечу, значит, он умер не напрасно. Больше всего на свете я хочу одного: не допустить, чтобы эта трагедия случилась еще раз — случилась с другим».

«В жизни не существует ситуаций, — отмечает В. Франкл, — которые были бы действительно лишены смысла» (Там же).

И еще: «Смысл не только должен, но и может быть найден, и в поисках смысла человека направляет его совесть».

Концепция Франкла была для автора этих строк ключевой в разработке идеи логически различимых смысловых миров и прежде всего для осознания разницы между «искать смысл» (что составляет суть взглядов Франкла) и «конструировать смысл».

Поэтический язык феноменологии М. Хайдеггера позволяет передать присущее философу сокровенное ощущение одушевленности-осмысленности мироздания в каждом его проявлении. Иллюстрацией может служить небольшой фрагмент из «Проселка».

> Твердость и запах дуба начинали внятнее твердить о медлительности и постепенности, с которой растет дерево. Сам же дуб говорил о том, что единственно на таком росте зиждется все долговечное и плодотворное, о том, что расти означает — раскрываться навстречу широте небес, а вместе корениться в непроглядной темени земли; он говорил о том, что самородно-подлинное родится лишь тогда, когда человек готов исполнять веления превышающих небес, и хоронится под защитой несущей его на себе земли.

> И дуб продолжает по-прежнему говорить это проселку, который, не ведая сомнений в своем пути, проходит мимо него. Все, что обитает вокруг проселка, он собирает в свои закрома, уделяя всякому идущему положенное ему...
>
> Однако зов проселка, утешающий и увещевающий, слышится лишь до тех пор, пока живы люди, которые родились и дышали его воздухом, которые могут слышать его [Хайдеггер, 1993, с. 239–240].

Теперь о курьезном. Вот что пишет знаменитый психиатр Сикорский о духовных качествах быка. Перед нами явная проекция на быка парадигмы «все осмыслено». Цитирую по В.М. Бехтереву [1928, с. 12].

> Каким бы банальным ни казалось наблюдателю это четвероногое животное, не лишен глубокого психологического интереса тот факт, что с этим животным впервые начинается в зоологическом ряду чувство благоговения... Чувство благоговения можно наблюдать у рогатого скота на бойне. Многие из животных, ждущих своей очереди, глубоко понимают приближение своей смерти и, испытывая чувство удивления, вызванное неожиданностью события, испытывая также панический страх, они поддаются не этим двум чувствам, но гораздо более — сочувствию к товарищам, проливаемую кровь которых они чуют своим обонянием. ...Бык идет на смерть не в безумном страхе, как другие животные (свиньи, овцы), но с возвышенным чувством в душе, которое переполняет его в эту минуту.

Модель смыслоустройства может получить разные названия — высокое и ироничное. «Высокое» уже прозвучало: модель «преисполненности смыслом». А ироничное — это «смысловой солипсизм», по аналогии с безупречной философией Д. Беркли: «Существовать значит восприниматься» (в данном случае: «существовать значит иметь смысл») [Беркли, 1978].

Модель «смысловой экспансии». Базовая формула $E(c) \rightarrow E(н)$ — «существование смысла опирается на существование ноумена». Данную модель, как и последующие, мы рассмотрим здесь конспективно, так как основные фигуры анализа уже заданы.

Модель «смысловой экспансии» — это Фрейд с идеей сверхдетерминации, это вера людей в вещие сны, это «магическое мышление», присущее, как выясняется, не только детям[123], но и взрослым [Субботский, 2007]. Это В. Эрхардт, автор адлерианского эст-тренинга, провозглашающий: «Ты Бог в своем универсуме, психотерапевт, спрашивающий у клиента: “Как делаете вы себе тревогу?”, говорящий ему: “Обидеть нельзя, можно обидеться”». Уходя в чтение, мы придаем статус ноумена «Последнему Единорогу» [Бигль, 1994], подтверждаем знаменитое пушкинское «над вымыслом слезами обольюсь». Вера в сверхъестественное (я бы, вслед за В.И. Слободчиковым, предпочел говорить: «иноприродное») — это тоже смысловая экспансия в мир [Слободчиков, 1991].

[123] Разве не правда, что младенец, открывая и закрывая глаза, «включает» и «выключает» мир?

Но есть здесь и неожиданный естественно-научный поворот событий. С точки зрения некоторых физиков, отброшенная в результате выбора альтернатива продолжает «жить» в «другом эвереттовском мире», а вместе с ней и мы оказываемся живущими «там» [Менский, 2005][124]. Не все из наших фантазий реализуется в параллельных мирах (в «других реальностях»). «... Можно заметить разницу между безудержной фантазией и эвереттовской реальностью: вообразить человек может все что угодно, а непосредственно воспринимая “другую реальность”, он может увидеть только то, что действительно может существовать, что является *реальной альтернативой*» [Там же]. Но и в «безудержной фантазии», замечу я, можно узреть «смысл», состоящий, например, в генерации фонда возможностей, лишь некоторым из которых суждено состояться хотя бы в одном эвереттовом мире (как если бы и здесь, как в социуме, имелось преимущество выбора «на альтернативной основе»).

В логическом смысле, есть единственный случай, когда осмысление мира в рамках этой модели оказывается невозможным. Это случай отсутствия ноумена, соответствующего значению имени. Но именно такая ситуация запрещена формулой импликации: ведь результат импликации должен быть равен единице, $E(c) \rightarrow E(н) = 1$, а это невозможно, если $E(н) = 0$ (табл. 8).

Как видим, здесь *невозможна* только ситуация отсутствия ноумена на фоне того, что смысл соответствующего объекта имени суще-

[124] Захватывающе написанная книга М.Б. Менского, доктора физ.-мат наук, профессора, вед. научного сотрудника Физического института им. Лебедева РАН (книге предпослано предисловие академика В.Л. Гинзбурга), ошеломляет идеей и способом синтеза современной квантовой механики и феноменологии сознания, «его необычных возможностей, которые на первый взгляд противоречат законам физики».

ствует. Короче, это тот случай, когда говорят: «Если бы этого не было, его необходимо было бы придумать». И ведь придумывают!

Быть может, именно данное смыслоустройство «повинно» в творчестве, в движении «за черту» испытанного, предрешенного? (вспомним о феномене «презумпции существования решения», который был описан нами ранее [Петровский, 1978; 1992]).

Модель смысловой сопричастности миру. *Базовая формула: E(с) ~ E(н) — «существование смысла эквивалентно существованию ноумена».* В этой модели смыслы и ноумены вторят друг другу. Упраздняется все то в мире сущностей «по ту сторону Я», что не может быть укоренено в мире смыслов; отбрасываются на корню те «смыслы», которым ничего не соответствует или не может соответствовать в мире ноуменов. Что есть для меня, тому и быть в мире, а чего нет, тому в мире не место. Смыслы и ноумены симметричны с точки зрения условий своего присутствия-отсутствия в универсуме. Перед нами философия взаимной разборчивости в приветствиях «эссенции»-ноуменов и «экзистенции»-смыслов. Я бы сказал, что это строгая модель смыслоустройства мира. Она может даже показаться кому-то не слишком просторной для мыслящих и чувствующих индивидуумов. Но в тоже время она способна порождать в их сознании состояние «ясности и отчетливости» постигаемого; она допускает сомнение и даже взывает к сомнению, но с одной только целью — избавиться от него. Это также и философия ответственности, потому что в этом случае нет и не может быть пустых слов; потому что слова здесь — поступок, а поступок — деяние, и ответственность за себя индивидуум несет сам, особенно когда эффект его действий существенно отличается от преследуемой цели. «Не согреши в мыслях!»; «все мысли — материальны»; «делай людям добро и оно вернется»; «поступай так, чтобы твои действия были образцом для всех»; «все тайное становится явным»; «нельзя жить в обществе и быть свободным от общества»; «не рой другому яму, сам в нее попадешь»; «человек есть мера всех вещей» — множество подобных заповедей-назиданий, заповедей-напоминаний, заповедей-откровений образуют вербальную логистику в продвижении смыслов к ноуменам и ноуменов к смыслам. Это философия взаимосвязи, взаимной обусловленности, взаимного проникновения друг в друга субъективного и объективного; философия явных и тайных переходов внутреннего во внешнего, внешнего во внутреннее, философия равенства сфер «человека-в-мире» и «мира-в-человеке» (табл. 9).

Таблица 8

Модель смысловой экспансии

Сущ. смысла предмета $E(c)$	Сущ. ноумена предмета $E(н)$	Состоятельность идеи предмета $E(c) \rightarrow E(н)$
0	0	1
0	1	1
1	0	0
1	1	1

Таблица 9

Модель смысловой сопричастности миру

Сущ. смысла предмета $E(c)$	Сущ. ноумена предмета $E(н)$	Состоятельность идеи предмета $E(н) \sim E(c)$
0	0	1
0	1	0
1	0	0
1	1	1

В данном смысловом мире выделяются два случая «правильных объектов» (есть смысл и есть ноумен, нет смысла и нет ноумена объекта) и два случая «неправильных объектов». В первом случае это бессмысленность объекта, в то время как ноумен его присутствует в мире: новый жанр «театр абсурда» вот тут наяву, на глазах у недоумевающей публики... Как если бы все ненароком свалились в сюжет «вас снимает скрытая камера». Во втором случае это существование смысла, в то время как сам объект отсутствует в действительности («Красная Шапочка и Серый Волк[125]», «вечный двигатель», «подпоручик Киже», «полтергейст»).

[125] Тут я ошибся. Они, несомненно, есть среди нас. См. историю Красной шапочки в изложении Э. Берна (о «Красной шапочке в жизни») [Берн, 2001].

Модель смысловой автономии. Базовая формула: $E(c) \rightarrow ((E(н) \rightarrow E(c))$. Сказать по правде, автор отдает предпочтение этой модели. Речь идет о том, что возможны любые сочетания случаев присутствия или отсутствия смыслов, с одной стороны, и ноуменов, с другой. Смыслы и ноумены живут своей жизнью, не навязывая себя в сотоварищи друг другу. Льстецы существуют, но разговаривающие лисицы и падкие на лесть вороны — это побасенки (побасёнки). И ветер дует куда-то, в силу чего-то и почему-то, но не «зачем» и «не ради чего». И если я спрошу, положим, у ясеня, зачем ему стоять у дороги, ему только и останется, что, не ответив мне, сокрушенно покачать головой.

Менее очевидный тезис состоит в том, что не все в поведении и психике обладает смыслом. Но этот шаг уже был сделан нами ранее, когда мы описывали постулат сообразности и критиковали его. Эта критика, конечно, не подразумевает, что активность человека не заключает в себе целей, мотивов и ценностей; не означает, что в ней «смысла нет». Смысл *есть*, но он есть именно *в ней* (внутри), и он не один, их множество. Нет всеобъемлющего смысла — о каких бы проявлениях активности, «больших» или «малых», сложных или простых не шла бы речь. Человек, в отличие от иных существ на земле, — двусмысленное, многосмысленное существо. Аристотелевская энтелехия не властвует над человеком.

Критика постулата сообразности заключается, таким образом, не в том, что провозглашается и универсализируется идея бессмысленности, а в том, что совокупность (сочетание) телеологических ориентаций рассматривается в качестве особой — нецелевой, не интерпретируемой в терминах «смысла» — реальности.

Нет дихотомии смысла и хаоса: на всех ступенях живого они неразлучны, они сочетаются как фигура и фон, они дополняют друг друга, они образуют стороны друг друга, они друг друга творят. Фанти, автор изумительной по своей необычности и, я бы сказал, темпераменту, книги «Микропсихоанализ» [Фанти, 1993] прав и не прав, объявляя хаос первоистоком. Он прав, говоря, что хаос — первоисток. Но он не прав, утверждая, что это *единственный* первоисток. Не прав, утверждая, что первоисток — это хаос и только. Он не прав, так как не договаривает главного: пустота — это всегда *конфигурированная* пустота, *ограненная* пустота, пустота, *ограниченная* целевыми ориентациями и стоящими за ними смыслами. Фигура (в семиотике иногда определяется как «пустое пространство») образована здесь «работающими на себя» целевыми тенденциями, которые, конечно же, совершенно не сговариваясь друг с другом, т.е., подчеркиваю, совершенно случайно, оформляют собой пустоту.

В дальнейшем мы наметим феноменологию «бессмысленности» как сочетания осмысленных тенденций, как возможный исток активности, порождающей саму возможность осмысления.

В данном же случае ограничимся указанием формального основания для выделения данной модели осмысления мира в особую форму, философию «смысловой автономии».

Это тождественно истинное высказывание $E(c) \rightarrow ((E(н) \rightarrow E(c))$. («Тождественно истинное» здесь означает, что оно всегда принимает значение истинности 1: $E(c) \rightarrow ((E(н) \rightarrow E(c)) = 1$).

В нашем контексте анализа эта формула означает, что нет «неправильных» объектов имен; любой объект может иметь или не иметь смысл и независимым образом присутствовать или отсутствовать в мире как ноумен (табл. 10).

Бытие объекта во мне и для меня, т.е. смысл, выступает здесь в двоякой роли — как нечто сущее ($(E(c)$ в крайней левой части высказывания), *опирающееся* в конечном счете на себя ($(E(c)$ в правой части). Перед нами еще один пример того, что являет собой принцип самопричинности, *causa sui*. Смысл возвращается к себе, опираясь на ноумен, опосредствованный смыслом. Если смысл объекта отсутствует, то это нормально, даже если ноумен присутствует в мире; если присутствует смысл объекта, то ничего не мешает ноумену отсутствовать в мире. Словом, «пусть расцветают все цветы», как некогда провозгласили в Китае, и при этом никто не скажет потом: «Кроме сорняков».

Могут быть отмечены и другие модели смыслоустройства. Я ограничусь пока только тем, что просто перечислю их и предложу соответствующие способы их формального описания.

Модель «перевернутых смыслов». Это философия дихотомии: либо смысл, либо ноумен. Своего рода схизма мира внутреннего и мира внешнего, пассивное или воинственное противопоставление себя миру. Формула философии «перевернутых смыслов» может быть описана с помощью логического оператора Жегалкина, $x \oplus y$, представляющего собой отрицание эквивалентности высказываний, $\neg(x \sim y)$: *неверно*, что *X эквивалентно Y* (табл. 11).

Этот мир отчасти соответствует словам: «Я над всем, что сделано, ставлю “nihil”» (В. Маяковский, «Облако в штанах), нигилистическому сознанию. «Нигилист... Это от латинского слова “nihil”, ничего, сколько я могу судить; стало быть, это слово означает человека, который... который ничего не признает?» (И. Тургенев). Мы говорим — «отчасти», потому что к этим словам необходимо добавить, что нигилист, отказываясь признавать то, что пребывает «по ту сторону» его Я, преисполнен ощущением значимости всего того, что существует «по сю сторону» Я.

Модель «обессмысливания». Это мир, в котором *все* не имеет смысла. Формула этого мира может быть выражена с помощью так называемой «стрелки Пирса». Стрелка Пирса — это новое высказывание, обозначаемое $X \downarrow Y$, истинное тогда и только тогда, когда оба высказывания ложны. Стрелке Пирса соответствует отрицание дизъюнкции, $\neg(X \vee Y)$, т.е. *неверно*, что *X или Y;* или конъюнкция отрицаний, $\neg X \,\&\, \neg Y$, т.е. *не X* и *не Y* (табл. 12)

В «Индийском жизнеописании» из «Игры в бисер» Германа Гессе [1991] некто Даса, молодой еще человек, но уже многое испытавший в жизни, открывается старику йогу в надежде услышать сочувственное понимание и наставление.

«Мне несносна эта ужасная жизнь, — говорит Даса, — я хочу избавиться от нее». Улыбка играет на губах старика, потом она переходит в смех. Старик «с беззвучным смехом закачал головой и, смеясь, сказал:

– Майа! Майа!»

Что приблизительно означают эти слова, Даса «наполовину знал, наполовину догадывался... Жизнь Дасы и жизнь всех людей — все было в глазах этого старого йога майей, было каким-то ребячеством, зрелищем, театром, игрой воображения, было пустотой в пестрой оболочке, мыльным пузырем, чем-то таким, над чем можно было даже восторженно смеяться и что можно одновременно презирать, но ни в коем случае нельзя принимать всерьез».

Благодаря старику Даса получает шанс вновь прожить свою жизнь, избежать старых ошибок, испытать счастье, любовь, отцовство, власть, измену, потерю любимого сына, страх, отчаяние, но он в конечном счете приходит к пониманию правоты своего наставника и думает о себе так: «Игрой он был и видимостью, обманом и сном, майей был он, прекрасный и страшный, восхитительный калейдо-

Таблица 10

Модель смысловой автономии

Сущ. смысла предмета $E(c)$	**Сущ. ноумена предмета** $E(н)$	**Состоятельность идеи предмета** $E(c) \rightarrow ((E(н) \rightarrow E(c))$
0	0	1
0	1	1
1	0	1
1	1	1

Таблица 11

Модель «перевернутых смыслов»

Сущ. смысла объекта $E(c)$	**Сущ. ноумена объекта** $E(н)$	**Состоятельность идеи предмета** $E(н) \oplus E(c)$
0	0	0
0	1	1
1	0	1
1	1	0

Таблица 12

Модель «обессмысливания»

Сущ. смысла объекта $E(c)$	**Сущ. ноумена объекта** $E(н)$	**«Правильность объекта»** $E(c) \downarrow E(н)$
0	0	1
0	1	0
1	0	0
1	1	0

скоп жизни с ее жгучим блаженством и жгучей болью» [Гессе, 1991, с. 418, 431].

Модель «ослепления смыслом». В этом мире возможно все, кроме веры в возможность осмыслить что-либо как действительно существующее в мире. Сомнению в осмысленности — да! Принятию истины — нет! Тот случай, когда говорят: «Смотрит, но не видит», а если и видит, «не верит глазам своим». Это своего рода непереносимость истины при встрече с нею лицом к лицу. *В базовой формуле* модели «ослепления смыслом», уместно использовать логический оператор «штрих Шеффера», $X|Y$, чему соответствует отрицание конъюнкции, $\neg(X \,\&\, Y)$, неверно, что *X и Y*, или дизъюнкция отрицаний, $\neg X \vee \neg Y$, *неверно*, что не *X или не Y* (табл. 13).

По сути, это логика смыслоустройства мира невротического индивидуума. Бытует такая шутка: психотик считает, что дважды два это пять, и на этом настаивает; невротик знает, что $2 \times 2 = 4$, и это его раздражает...

Идея существования качественно различных смысловых миров может получить развитие как минимум в двух-трех направлениях.

Первое. Вполне вероятное признание того факта, что мир человека в целом неоднороден с точки зрения логик своего смыслообустройства. В разных сферах бытия имеют место разные способы соотнесения смыслов и ноуменов. Можно предположить, например, что присутствие человека в мире так называемой «неживой природы», мире физических объектов без видимых признаков жизни и разума, для современного паранаучного, «но уж точно не языческого», обыденного сознания, гордо отделяющего себя от языческого, есть сфера реализации логики смысловой автономии (смыслы живут своей жизнью, ноумены своей, они сосуществуют, сочетаясь в любых вариантах). Хотя в науке, что может показаться парадоксом, этот взгляд не представляется уж столь бесспорным (см., например, поразительную по своей глубине и смелости книгу В.А. Лефевра «Космический субъект» [Лефевр, 1997]).

Таблица 13

Модель «ослепления смыслом»

Сущ. смысла объекта $E(c)$	Сущ. ноумена объекта $E(н)$	Состоятельность идеи предмета $E(c) \mid E(н)$
0	0	1
0	1	1
1	0	1
1	1	0

С другой стороны, мой внутренний мир, мир моей субъективности, будто послушен другой логике, философии, имя которой — «смысловой солипсизм», или «все преисполнено смысла». Этот мир буквально пронизан смыслами, без смыслов немыслим, его ноуменальность всегда подразумевает осмысленность — реальную или потенциальную. Например, если в данный момент нечто нежданно-негаданно, вдруг, не по графику, вне логики встреч, привычных визитов, незваным гостем, сюрпризом является нам, то уж точно со временем будет понято нами как добрый знак, как подарок, как приз, который заслужен, как радость; или, напротив, как черная метка, неизбежное зло, наказание, возмездие или напоминание о том, что «судьбу не обманешь» и «от судьбы не уйдешь». И таким образом здесь все приходящее укореняется.

Или, положим, мир нашей деятельности, творчества. Мир, где, казалось бы, все доподлинно повинуется логике: что разумно (осмысленно), то и действительно, а что действительно, то и разумно; как если бы это было суверенное и привилегированное поле действия философии смысловой сопричастности.

Или, например, игра как особая деятельность, где все может стать всем»; или детские сны, где желания исполняются («исполнение желаний», по Фрейду); или взрослые сны, где, как подметил еще Д.Н. Узнадзе [Узнадзе, 1966], стоит подумать о чем-то, как оно тут же появляется, вырастает перед тобой («материализация представлений»). Чем не господство философии смысловой экспансии, поддерживаемое психоанализом и будоражащее фантазию тех, кто верит, положим, в «вещие сны»?

Исходя из этой общей гипотезы «фрагментированности» мира на зоны, входящие в компетенцию разных философий смысла, мы приведем данные эмпирического исследования, посвященного действию одной из описанных выше моделей смыслопонимания в сфере общения между людьми.

Второе. По-видимому, не только мир человека неоднороден как поле проявления разных логик смыслоустройства, но и сам человек как мультисубъектное образование является носителем разных логик — даже тогда, когда он имеет дело с одним и тем же фрагментом действительности. В каждой из перечисленных сфер бытия человека могут заявить о себе субъекты всех перечисленных форм осмысления мира (назовем их на будущее «действующими лицами»). Вполне вероятно, нам станет известна со временем «излюбленная логика» внутреннего Ребенка (Дитя), предпочитаемая логика внутреннего Взрослого, «единственно верная» логика внутреннего Родителя. Отмечу, что это особое эго-построение имеет вид двухступенчатой импликации [Петровский, 2001; Петровский, Таран, 2002]:

$$Л = (В \to Р) \to Д$$

Здесь $Л$ символизирует личность, $В$ — эго-состояние «Взрослый», $Р$ — эго-состояние «Родитель», $Д$ — эго-состояние «Дитя»; импликация «→» интерпретируется как отношение «реализации через», отношение «опоры».

Положим теперь, что $В$ живет в мире смысловой независимости, $Р$ — смысловой эквивалентности, а $Д$ — смысловой сопричастности. Положим, речь идет о судьбе. Примем, что для эго-состояния «Взрослый» *вполне вероятно*, что цепочки событий под именем «судьба», которые были бы независимы от собственных усилий человека, не существует. Согласно логике смысловой независимости, $E(c) \to ((E(н) \to E(c))$, из принятого допущения вытекает уместность идеи «судьбы», как в том случае, когда имя «судьба» обладает смыслом для Взрослого эго, так и для того случая, когда это слово лишено какого-либо смысла в глазах Взрослого. В первом случае («смысл есть») имеем: $1 \to (E(н) \to 1) = 1 \to 1 = 1$ (идея уместна в мире значений). Во втором случае («смысла нет»): $0 \to (0 \to 0) = 0 \to 1 = 1$ или $0 \to (1 \to 0) = 0 \to 0 = 1$, Мы видим, что как в первом, так и во втором случае $E(н)$ может варьировать, принимая значение 0 и 1, но это никак не сказывается на результате двойной импликации: как в первом, так и во втором случае идея «судьбы» вполне уместна в мире значений.

Рассматривая логику Родителя, живущего, согласно принятому здесь допущению, в мире смысловой эквивалентности, мы видим, что существуют случаи как уместности, так и неуместности идеи «судьбы» в мире значений. $E(c) \sim E(н)$ принимает два значения: 1 — в

случае, если они одновременно присутствуют или отсутствуют в мире смыслов и, соответственно, в мире ноуменов; 0 — в случае асимметрии единовременного присутствия или отсутствия идеи «судьбы» в обоих мирах. В первом случае идея «судьбы» уместна, а во втором она исключается из мира значений («утрачивает свое значение»).

Кратко рассмотрим логику обращения с идеей «судьбы» в контексте «Дитя». Мы приняли выше, что это мир «смысловой экспансии»: $E(н) \to E(c)$. Здесь есть единственный случай, когда идея «судьбы» неуместна: $E(c) = 0$. Во всех остальных случаях идея судьбы, как можно легко убедиться, уместна.

Поставим теперь вопрос о том, насколько уместна идея «судьбы» в мире значений личности ($Л$).«Заместим» $Л$, $В$, $Р$, $Д$ логиками построения их смысловых миров и проведем элементарные логические преобразования. Кроме того, упростим запись, опуская символ существования E (*есть*, *existence*) в буквосочетаниях $E(c)$ и $E(н)$ изамещая их символами, соответственно, $С$ и $Н$. Итак, имеем (некоторые промежуточные результаты вычислений здесь опущены):

$$((С \to (Н \to С)) \to (С \sim Н)) \to (Н \to С) =$$
$$= (1 \to (С \sim Н)) \to (Н \to С) = (С \sim Н) \to (Н \to С) = 1$$

Иными словами, при данном соотношении «логик» Взрослого, Родителя и Дитя и при данной их «композиции» в составе личности идея «судьбы» уместна для личности в целом, независимо от того, осмыслена ли она и обладает ли ноуменом для каждого из действующих лиц.

Возможны, конечно, и другие соотношения логик, другие композиции «действующих лиц», в результате чего идея «судьбы» будет более уязвимой для личности в целом, подчиняясь прихоти сил, управляющих смыслами и ноуменами для каждого из субъектов, образующих личность.

Приведем один из примеров такой композиции:

$$Л = ((С \to (Н \to С)) \to (С \to Н)) \to (Н \to С) = Н \to С$$

Здесь Взрослый, как и в первом примере, существует в мире смысловой автономии, $С \to (Н \to С)$; Родитель — в мире «преисполненности смысла»; $С \to Н$; а Дитя — в мире смысловой экспансии, $Н \to С$. В результате чего личность, $Л$, может исключить из своего мира идею судьбы как несостоятельную, $1 \to 0 = 0$. Ведь в данном случае мысль о том, что судьба «есть», не затрагивает как Взрослое, так и Детское

эго-состояния, $C = 0$. Личность остается вполне равнодушной к идее «судьбы» на уровне своих чувств и эмоций.

Отметим также, что *рефлексия* смысловых миров, предметов, в них представленных, ведет к переакцентировке смыслов: ведь образ, в смысловом плане «пустой», благодаря тому, что он образует элемент экзистенциально состоятельной идеи, приобретает смысл.

Медуза

Медуза скользкая мясиста,
она заметна без труда
вон там, где, цвета аметиста,
мерцает в глубине вода.
Почти не составляя груза
и омерзительна нежна,
ты, бесполезная медуза,
зачем на свете ты нужна?
Заполнив южные широты,
как стекловидное тряпье,
ты славишь замысел природы
и бескорыстие ее[126].

Все, что было сказано нами о смысловых мирах, может быть операционализовано, что предполагает построение методик, фиксирующих неслучайность связи между «смыслами», «ноуменами» и оценкой состоятельности сочетаний между ними применительно к таким «предметам», как «судьба», «жизнь», «смерть», «любовь», «счастье» (это слова, порождающие разброс в распределении меры присутствия своих предметов в субъективной и объективной сферах бытия будущих испытуемых). Отклонения от статистически случайного распределения сочетаний «смысл-ноумен-оценка» может служить индикатором и критерием дифференциации «смысловых миров».

14.2. По ту сторону смысла

Если верно, что истина «пристрастна» [Леонтьев, 1975], то пристрастны и мы, говоря о том, что мир, в котором живем, есть мир смысловой автономии. Я придерживаюсь того взгляда, что человек

[126] Стихи Евгения Винокурова.

не только постигает некие «предсуществующие» смыслы, сообразующиеся с объектами-ноуменами. Он строит сам для себя смысловую перспективу будущих действий, понимая, что само существование таких объектов под вопросом. Иначе говоря, исходный вопрос состоит не в том, что представляет собой искомое x (это может быть установлено позже), а в том, существует ли x в принципе (как ноумен). Ведь если поле будущих смыслов пусто, то косить еще рано, жать — пока нечего, а семена, возможно, еще не посеяны. Более того — и такова суть нашего понимания — деятельность человека *всегда* заключает в себе момент незаданности существования решения и, следовательно, риск нереализуемости своего исходного предмета вовне. Это мир, в котором нет места ни пессимизму, ни оптимизму, это мир «без кумиров» (будь то вещи, слова, позиции, или «мои мысли», «чувства», «моя позиция»).

От общих соображений перейдем к некоторым примерам, скорее перечисляя их, чем раскрывая подробно.

Поток сознания. Чем глубже мы погружаемся в феноменологию сознания, представленную работами У. Джеймса, тем меньше у нас остается сомнений в том, что «цели» и «смыслы» (любой степени общности и при любом способе их понимания) не могут служить объяснением динамики мыслей и чувств, представлений и побуждений во внутреннем мире личности. Говоря о сознании, Джеймс подчеркивает: «В нем нет каких-то стыков и соединений: оно течет. “Река” или “поток” — вот те метафоры, которые описывают его наиболее естественным образом». Р. Фрейджер и Д. Фейдман предлагают убедиться в этом на собственном примере, приводя в качестве иллюстрации следующую запись мыслей, свободно протекающих в голове человека: «Я сделаю это минутное упражнение: карандаш для записи мыслей, на письменном столе есть карандаши, счета на письменном столе. Я еще хочу купить весеннюю, обогащенную фтором воду. Йосемитская долина в прошлом году, по утрам озера замерзают по краям, той ночью “заело” “молнию” на моем спальном мешке, ледяной холод» [Фрейджер, Фейдман, 2007, с. 33].

Джеймс ставит логическое ударение на чувстве непрерывности и принадлежности сознания, способности человека делать выбор, или, в близких нам терминах, «пристрастности»: «Без избирательного интереса, — пишет У. Джеймс, — опыт представляет собой полный хаос. Только интерес придает особое значение и расставляет акценты, соз-

дает свет и тень, задний и передний план — одним словом, разумную перспективу» [Джеймс, 1991, с. 402]. Кроме того, Джеймс пишет: «Мозг на каждой стадии своей активности предлагает нам несколько возможностей. Работа сознания (не поток, а «работа» — *В.П.*) заключается в том, чтобы сравнивать эти возможности друг с другом, отбирать некоторые из них, а другие игнорировать» [Там же, с. 288]. Мы, таким образом, переносим акцент, подчеркивая существование хаоса как источника, из которого вычерпываются возможности. О потоке можно спросить, почему и куда в нем движется то, что движется. Но совершенно бессмысленно спрашивать, ради чего и зачем.

Вводим новое понятие — «псевдо-семы». Но вначале напоминаем читателю о «семах». В лингвистике «семы» — это «конструктивный элемент значения языкового знака»[127]. В более широком, не только лингвистическом, но и психологическом смысле, семы можно понимать как элементы смысла некоторого явления в коммуникации по поводу него с другими людьми или с самим собой и отвечающие на вопрос: «Как я это понимаю?», «Зачем это?», «Ради чего?» и т.п. С этой точки зрения, *псевдосемы* — это гипотетические «смыслы», якобы присущие явлению, которое интерпретируется как знак, функ-

[127] Здесь далее в повествовании о «семах» в лингвистике мы цитируем замечательную по своей ясности и вместе с тем плотности изложения статью о семах в *Википедии* «Положение о том, что значение языкового знака представляет собой определенную структуру и принципиально членимо на более элементарные составные части, признается сегодня практически всеми лингвистами. Разложение значения на части — иначе называемое семантической декомпозицией — является, по сути, единственной возможностью его описания, поскольку любое толкование слова, фразеологизма морфемы и пр. представляет собой не что иное, как более эксплицитное, т.е. развернутое перефразирование заданного смысла. А для того чтобы выразить некий заданный смысл более развернуто, необходимо сначала разделить его на части, с тем чтобы потом сопоставить каждой из них соответствующий элемент толкования... Начнем с классического примера, наиболее часто используемого в дискуссиях о плюсах и минусах семантической декомпозиции. Значение слова *холостяк* (точнее, его английского эквивалента *bachelor*) можно истолковать приблизительно так: "взрослый мужчина, никогда не бывший женатым". Тем самым мы разложили значение этого слова на следующие семы: "мужчина" (этот элемент значения в свою очередь раскладывается на "человек" и "мужской пол"), "взрослый" и "никогда не бывший женатым". Каждый из этих семантических компонентов, даже если он и может быть подвергнут дальнейшей декомпозиции, более элементарен, чем значение толкуемого слова. Этот метод, впервые предложенный в таком виде в работах американских ученых Дж.Дж. Катца и Дж.А. Фодора, часто называется в специальной литературе компонентным, или семным анализом». В других частях этого текста семы описываются также как «смыслы».

ционирующий в коммуникации. Примером может служить толкование конфигурации трещины на стене. Форма трещины, да и сама трещина, очевидно, не являются посланиями и, следовательно, лишены смысла сообщить что-то кому-то. Хотя в глазах специалиста трещина и ее конфигурация могут свидетельствовать о состоянии здания, но только в больном или детском сознании могла бы возникнуть мысль, будто стена «специально» сигнализирует о себе, показывая, что с ней происходит. В нашем примере форма трещины, имея под собой *причину*, не имеет смыслового происхождения (не может быть представлена как сема). Но если кто-то пытается «вычитать» смысл, толкуя форму стены как знак, то с нашей стороны это должно быть расценено как присутствие в его сознании псевдосемы: «Вот что показывает мне стена». Кстати, по поводу стены, правда, гораздо более прочной. В одном из фантастических рассказов автор прочитал о «Великой китайской стене» как особом послании в космической коммуникации между иноземными цивилизациями и Землей — иллюстрация того, что мы назвали только что псевдосемой.

Вернемся к потоку сознания. Рассматривать любой из процессов, образующих поток, любое из содержаний, движущихся в этом потоке, как наделенные смыслом — это иногда значит вычитывать смыслы там, где их нет, подставляя на место «действующих причин» («почему?», «в каком направлении?») псевдосемы («зачем?», «ради чего?»).

Конфигурации чувственной ткани сознания. Переживания человека, в которые погружены образы мира, избыточны по отношению к ним[128].

[128] Позволим себе небольшое отступление об избыточности. Есть две традиции в ее интерпретации и оценке: одна — назовем ее бернштейновской — это избыточность как *преодолеваемое* состояние (выполнение движений подразумевает преодоление избыточных степеней свободы). Другая традиция — спенсеровская. Она восходит к теории происхождения игры в работах Спенсера, а те, в свою очередь, к Шиллеру. «Теория игры, сформулированная Спенсером, который развивал мысль, брошенную Шиллером, усматривает источник игры в избытке сил: избыточные силы, неизрасходованные в жизни, в труде, находят себе выход в игре. Но наличие запаса неизрасходованных сил не может объяснить направление, в котором они расходуются, того, почему они выливаются в игру, а не в какую-нибудь другую деятельность» [Рубинштейн, 1945, стр. 593]. Цитируем Рубинштейна полностью не для того, чтобы присоединиться к его критике теории Спенсера, а для того, чтобы подчеркнуть подтверждение автором «Основ общей психологии» идеи избытка сил и, в частности, того, что этот избыток может

Вернемся к конфигурации чувственной ткани как несмысловой структуре. Об образе, формирующемся у человека в процессе отражения действительности, известно, что он «обладает высокой ***избыточностью*** признаков» (В.П. Зинченко). Подчеркнем особо: не только образ избыточен по отношению к движениям, которые они регулируют, но и чувственная ткань образа (в терминах А.Н. Леонтьева) избыточна по отношению к образу, материалом которого она является. Иллюстрацией могут служить двойственные картинки: то мы видим перед собой старуху, то — молодую женщину, и т.п. Конфигурации линий — множество кривых на плоскости — заключающих в себе возможность порождения двух осмысленных образов видимого объекта, сами по себе бессмысленны. Образы, порождаемые ими, переживаются как разные, отделенные друг от друга во времени, не сочетающиеся сущности. Люди, которые впервые видят двойственные картинки, пребывают в недоумении: «Как такое возможно?». Но что это, как не поиск смысла там, где осмысление невозможно? Псевдосемы конфигураций чувственной ткани сознания поддразнивают человека, приглашая постичь их «смысл».

«выливаться в какую-то иную деятельность». В ряду «Шиллер–Спенсер» появляется еще одно имя — истинного теоретика, внесшего вклад в разработку идеи избыточности. Это Б.Ф. Поршнев. Он объяснял появление новых форм поведения избытком сил, требующих своего выхода и воплощения. Понятие избыточности в наши дни находит отклик в работах авторов, осмысливающих феномен личности. В.П. Зинченко, работы которого пронизаны идеей избыточности, приводит слова Сальвадора Дали: «Личность — это избыток индивидуальности». Появляются определения личности как «из-бытия» и т.д. Идея избыточности переступает границы того, что А.Г. Асмолов удачно обозначает как «персоногенез» (процесс и динамический результат становления личности индивида). Сошлюсь на идею того же автора, А.Г. Асмолова, который рассматривает задачи образовательной политики под углом зрения принятия избыточных целей [Асмолов, 1994]. Итак, вырисовывается логика историогенеза обсуждаемой идеи, включающая в себя имена классиков и современников, представителей разных эпох и культур.

Идея избыточности как источника движения деятельности была высказана автором этих строк в работах, посвященных надситуативной активности (1975–1978 гг.). В материалах Парижского конгресса психологов [Петровский, 1976] была предложена трактовка активности как деятельности «над порогом ситуативной необходимости», побуждаемой возможностями, превышающими исходный уровень требований, предъявляемых к деятельности. Я писал о том, что, помимо биологического влечения («хочу») и социального долженствования («должен»), есть еще и переживание «могу» как побудитель (а не только средство) активности.

Здесь есть отличие от одновременно данных сознанию «фигуры» и «фона». Те, хотя, как известно, и «переходят» друг в друга, но все же в каждом из сочетаний переживаются как стороны друг друга, части единого целого. Другое дело — точки самого перехода. Речь тут идет о том, что происходит «тут», «здесь и теперь» и что остается совершенно неуловимым. Мы говорим еще об этом «вот-сейчас-бытие».

Вот-сейчас-бытие. Точки превращения «фигура-фон» — лишь частный случай постоянно происходящего в нас рассечения и связывания переживаний прошлого и будущего в настоящем. В.П. Зинченко пишет о «собирании, стягивании трех цветов живого времени — прошлого, настоящего, будущего — в одновременность, в дление (А. Бергсон), в вечное настоящее... Согласно Мамардашвили, такие точки избыточны» (цитирую по статье В.П. Зинченко [2007]).

Ранее мы отмечали: вот-сейчас-бытие — реальность, на которой буквально держится мир нашей субъективности, но которая никогда как таковая не дана нам в своей непосредственности. Она полнится импульсами, интуициями, помыслами и предчувствиями, но, прежде чем проявиться, они должны будут как бы объясниться друг с другом в некой точке пространства и времени; а до этого акта всегда имплицитного синтеза нет ни импульсов, ни интуиций, ни помыслов, ни предчувствий [Петровский, 1985].

Избыточность точек перехода между субъективными состояниями, образующими вот-сейчас-бытие, неотделима от изначальной неосмысленности непроявленных содержаний, предсуществующих в них. Еще раз обратимся к Мамардашвили: «Смыслы нам доступны и понятны, а сами эти точки недоступны и непонятны» [Мамардашвили, 1995, с. 33].

Переживание движения; «неудобство» новизны как опоры и цели. Любая изощренная попытка «схватить» движение в созерцании всегда остается в определенном смысле метафорой, сохраняя лишь иллюзию преодоления извечной дистанции между образом созерцания и неподвластным ему движением. «Бабочка света, красота ускользает..., а в руках остается одно очертание бегства» (Хименес)[129]. Ахиллес,

[129] Л.Н. Толстой сравнивал душу человеческую с огнем, который перебрасывается с одного предмета на другой. Если бы существовал «флогистон», то качество «субъектности» можно было бы представить в виде чего-то вещного и, следовательно, хорошо воспроизводимого в образе. Восточные концепции «метемпсихоза» по существу имен-

не способный догнать черепаху, — апория, парадокс, разрушаемый анализом. Но черепаха, пытающаяся угнаться за Ахиллесом, однако неспособная сделать это — реальность. Созерцание, подобно черепахе, не способно догнать Ахиллеса. Точно так же и лошадь не способна схватить морковку, маячащую перед ней. Движущаяся точка всегда хоть на миг впереди бегущей за ней точки внимания. Восприятие и представление движения лишь *моделируют* процесс, но никогда не сливаются с ним полностью, не покрывают его собой (эти рассуждения можно сопоставить с описанием «процесса» в работах Г.П. Щедровицкого [1977].

Естественно считать, что образы, которые складываются в восприятии человека, а также образы представления *ориентируют* нас в мире — либо в качестве инструментов нашего действия (являясь его средством), либо заключая в себе предвосхищение будущего результата (являясь целью действия). Присмотримся теперь к тому, что мы называем «новым».

Новизна объективно соседствует с нами. Я не спешу сказать: «добрососедствует». Но она рядом с нами всегда. При этом часто мы не отдаем себе отчета в том, насколько хорошо это соседство. Воспринимаем ли мы новизну как таковую? Можем ли на нее опереться в нашем действии? Можем ли исходить из идеи «нового» как из цели, подобной другим целям? Нет.

То, что мы привычно называем «новым», так же, как и движение, подпадает под рубрику «невоспринимаемого». Для того чтобы воспринять (а значит опознать) «новое», необходимо обладать средствами его «усвоения себе» — средствами ассимиляции. Еще со времен мудрых греков известно, что только подобным познается подобное (Эмпедокл). Для того чтобы возник осмысленный, имеющий для нас то или иное значение образ чего-либо, необходимо иметь некую опору — в виде модели, схемы, эталона, опосредствующего восприятие. Однако подлинно новое, играя в прятки с нами, прячется от водящего, а чуть только покажется ему, как тут же мчится к условному место добежать первым, так догоняющий оказывается в проигрыше.

но таковы. Но флогистона не существует, как не существует имматериальной души. В наших жарких сегодняшних спорах о «субъектности», не будем забывать, что она, так напоминающая живое пламя, подобно огню, невещественна и неостановима в полете; в образе воспроизводится приблизительно и условно [Петровский, 1984].

А это значит, что не только образу нового не на что «опереться», чтобы выстроиться, но и субъекту не на что опереться, чтобы использовать новое.

Результат «без-опорной» активности, как правило, расходится с помыслами, а если и совпадает с ними, то лишь случайно. Поэтому новизна — не только непредсказуемый в своих проявлениях «инструмент» активности, но и ее непредсказуемый результат. Что, разумеется, часто оправдывает действия человека, избегающего шаблонных решений (сюрприз, однако, радует не всегда). Предположим теперь, что *новизна* составляет предмет интереса субъекта, внутреннюю цель его активности. В этом случае говорят о потребности в творчестве. Продвинемся от начала к итогам процесса. Итак, примем на минуту, что данная потребность удовлетворена, внутренняя цель достигнута, предвкушаемая новизна — «вот она вся» — перед нами? Тут-то мы и сталкиваемся с парадоксом, описанным нами ранее [Петровский, 1992]. Это — парадокс противостояния *бытия и существования нового*. Существовать — значит иметь форму представленности в чем-то еще, быть отраженным, продолженным, выраженным (Гегель, Рубинштейн). Условие адекватной представленности непосредственно не приложимо к новизне. Осетрина, как известно, бывает только одной свежести — первой, а на вопрос, сколько яиц можно съесть натощак, существует единственный правильный ответ: «Только одно» (все остальные будут уже «не натощак»).

Феноменологически переживание новизны интересно сопоставить с функционированием того, что называют ориентировочным рефлексом (знаменитым павловским рефлексом на новизну — «Что такое?», или, на сегодняшний день, не менее знаменитой динамикой формирования «нервной модели стимула» в работах также нашего соотечественника Е.Н. Соколова). Создается впечатление, что ориентировочный рефлекс, который по всем законам физиологии ВНД должен «угасать» при многократном предъявлении одного и того же стимула, в случае воды и огня (рокот волн, расплывающаяся улыбка океана, вспышки в камине, колебание пламени костра) не исчезает, или, по крайней мере, сходит на нет существенно медленнее, чем обычно. И то, и другое в восприятии человека будто обновляется вечно... Конечно, на эмпирическом уровне сказанное нуждается в подтверждении (действительно ли «нервная модель стимула» формируется в случае воды и огня иначе, чем в других? — это требует

проверки). Но своеобразие переживаний, возникающих при этом, на мой взгляд, несомненно; оно объясняет неискоренимую потребность людей подолгу смотреть на огонь, прислушиваться к шуму прибоя, неотрывно следить за накатами волн.

Когнитивный хаос. Наше обыденное сознание заключает в себе множество отрывочных неупорядоченных сведений и представлений, свободно сочетающихся и уживающихся друг с другом как бы в насмешку над законом исключенного третьего. Российский исследователь Е.Н. Улыбина, мне кажется, именно так осмысляет «обыденное сознание» [Улыбина, 2001]. Я мог бы проиллюстрировать сказанное аналогией из другой области, не психологической, а скорее историко-философской (с оттенком мифологичности), на тему «что мы знаем из жизни Диогена Лаэртского». Нет ничего удивительнее узоров несовместимости в изложении «исторических» событий, о которых читатель с изумлением узнает из книги. Но под одной обложкой обыденного сознания все истории о нем складываются в большую разноликую историю его жизни. Неважно, так это было или иначе, но формируется общее впечатление, что нечто подобное было... Обыденное сознание способно удовлетвориться и этим. Известный пример. У *N* украли шубу. Проходит время. Уже мало кто помнит, что было. То ли у него украли, то ли он сам украл; что-то такое было... Рамка категоризации обыденного сознания столь широка, что включает в себя все на свете, противоречия несущественны. «Поиски смысла» в попытках согласования — пример псевдосемиозиса, ложно-знакового построения.

«Неустойчивое состояние сознания». Этот термин автор заимствует у В.Д. Шадрикова, соглашаясь с ним в том, что такие состояния «являются *условием творческого* мышления (разрядка автора цитируемого произведения — *В.П.*). Очевидно, в этом и заключается их эволюционное предназначение» [Шадриков 2007, с. 142]. Автор фундаментального сочинения совершенно прав, говоря о том, что непроизвольное течение мысли, распространяющееся в любом направлении, объясняет гибкость мышления и многие другие достоинства, отбираемые эволюцией. Вопрос в том, что порождает их, ибо очевидно, что необходимо различать процессы *порождения* неустойчивых состояний и — *закрепления* их в фило- и онтогенезе индивидуальности. Ведь это, конечно, «очень по-человечески»: стремиться *утилизировать все*, что только может быть утилизировано в решении практических задач, а также *извлекать смысл* буквально из всего, что мы испытываем и проживаем, когда сталкиваемся с задачами духовного порядка. Но все-таки, думается нам, это не означает, что неустойчивые состояния сознания с самого начала *порождаются* в соответствии с их возможным будущим утилитарным или духовным предназначением. Неустойчивость сознания, как нам кажется, — результат столкновения разнонаправленных тенденций, волей случая возникающих в жизнедеятельности человека и сосуществующих в его сознании. Их порождение, хотим сказать мы, неосмысленно изначально и лишь постфактум может быть испытано «на смысл».

Просоночные состояния. Как минимум дважды в течение полутора суток мы впадаем в безумие, являющееся разновидностью нормы. Это «просонки». Поскольку нас интересует именно нормальная жизнь, подчеркиваю: так обстоит дело в норме; патологические состояния остаются вне нашего рассмотрения. «Я засыпаю» — это значит, что в наше сознание нежданно-негаданно вторгается новая тема; врывается, как если бы существовал некий параллельный мир, и тема эта, совершенно без спроса, проникла из параллельного мира в наш собственный.

Строго говоря, высказывание «я засыпаю» логически противоречиво. Человек может «видеть» себя спящим или проснувшимся, но только спящим «не этим» сном и отрешившимся «не от» этого своего сновидения. «Я просыпаюсь» — и этого также человек не может о себе сказать. Но существует термин, уже получивший прописку в науке, обозначающий оба этих, трансцендентных для актуального самосознания, но фиксируемых задним числом, как бы со стороны, перехода — между состояниями сна и бодрствования (и обратно). Этот термин — *просоночное состояние*. Кратко — «просонки».

> Давно уже я стал ложиться рано. Иногда, едва только свеча была потушена, глаза мои закрывались так быстро, что я не успевал сказать себе: “Я засыпаю”. И полчаса спустя мысль, что пора уже заснуть, пробуждала меня: я хотел положить книгу, которую, казалось мне, я всё ещё держу в руках, и задуть огонь; я не переставал во время сна размышлять о только что мною прочитанном, но эти размышления принимали несколько своеобразный оборот, — мне казалось, что я сам являюсь тем, о чем говорила книга; церковью, квартетом, соперничеством Франциска I и Карла V. Это представление сохранялось у меня в течение нескольких секунд по пробуждении; оно не

> оскорбляло моего рассудка, но покрывало, словно чешуя, мои глаза и мешало им отдать отчет в том, что свеча больше не горит. Затем оно начинало становиться мне непонятным, как, после метемпсихозы, сознание прежнего существования; сюжет книги отрывался от меня, я был способен приобщать себя к нему или нет...

Это был фрагмент из Пруста [Пруст, 1992, с. 3]

Смесь сна и бодрствования, волна, то вырывающаяся из-под покрова других таких же волн, то вдруг уходящая в себя, прячущаяся. И это зыблющееся равновесие, взаимопроникновение сна и бодрствования — не является ли оно особой формой первозданного хаоса самосознания?

Иногда, впрочем, просоночные состояния заключают в себе момент устремленности, нацеленности в полярные «точки» сна и бодрствования, но лишь как результат столкновения противоборствующих сил, как исход некой «муки материи» сна (о «муке материи» первым заговорил Якоб Беме, сведя вместе мертвое и живое, полюса единой стихии сущего). Следующий фрагмент из Пруста — о том, как медлит сознание, восстанавливая свой собственный центр [Пруст, 1992, с. 5–6].

> Когда я просыпался среди ночи, то, не соображая, где я, я не сознавал также в первое мгновение, кто я такой; у меня бывало только, в его первоначальной простоте, чувство существования, как оно может брезжить в глубине животного; я бывал более свободным от культурного достояния, чем пещерный человек; но тогда воспоминание — еще не воспоминание места, где я находился, но нескольких мест, где я живал и где мог бы находиться, - приходилдило ко мне как помощь свыше, чтобы извлечь меня из небытия, из которого я бы не мог выбраться собственными усилиями; в одну секунду я пробегал века культуры, и смутные представления керосиновых ламп, затем рубашек с отложными воротничками мало-помалу восстанавливали своеобразные черты моего «я».

Приводя эти развернутые выдержки из Пруста я мог бы отметить, что наряду с разрозненностью элементов, присутствующих в просонках, должна быть отмечена также и тенденция интроспективного наблюдателя вносить порядок в летопись происходящего при засыпании и пробуждении. Иначе как, например, объяснить персонификацию воспоминания, которое в нашем примере, «словно помощь свыше», содействовало пробуждению? Теперь остается только гадать,

что представляет собой просоночное состояние «в себе», насколько хаотичны и непредсказуемы образующие его элементы, пока они еще не упорядочены ретроспекцией.

Как же фактически мы поступаем, когда ситуация ограничивает возможности рационально ее осмыслить? Ранее мы отмечали, что в разных фрагментах действительности люди могут использовать разные схемы построения своих смысловых миров. В эмпирическом плане мы рассмотрим сейчас «странности» в поведении людей, включенных в коммуникацию друг с другом.

«Ищите и обрящете?» Всевластный «постулат сообразности», выделенный и критически проанализированный нами ранее [Петровский, 1975; 1993], подсказывает, каким мог бы быть один из вероятных ответов на вопрос о способах осмысления того, что, казалось бы, рациональному истолкованию не подлежит. В тех случаях, когда поведение, свое и чужое, не поддается непротиворечивому осмыслению, «смыслы» мы все-таки неудержимо привносим, не замечая, что таков плод нашего собственного изобретательства. Речь здесь идет не только о кажущемся рациональным поведении человека под влиянием скрытых аффектов или внушений со стороны других людей (в этих случаях смысл поведения есть, но искажен или замещен в сознании), Наш тезис состоит в том, что *во всех случаях* наблюдаемого неадаптивного поведения люди, как правило, субъективируют свои и чужие действия как имманентно осмысленные, т.е. реализуют модель «смыслового солипсизма».

Итак, феноменология реакции на смысловую неопределенность (и, не исключено, абсурдность) складывающихся ситуаций составляет специальный предмет настоящего исследования[130].

Теоретическая гипотеза исследования заключалась в том, что индивидуумы исходят из интуитивной концепции безусловной осмысленности ситуации действия («все осмыслено»), сопротивляясь фактам, ставящим этот взгляд под сомнение. Иначе говоря, независимо от того, насколько ситуация может быть фактически осмыслена, индивидуумы защищают подобное убеждение.

Эмпирические референты. Операционализация понятия «безусловной осмысленности действия» предусматривала вовлечение ис-

[130] В данном разделе использованы материалы защищенной под нашим руководством кандидатской диссертации Н.В. Зоткина [2000].

пытуемых в деятельность, цель которой им была заранее не известна. О наличии безусловной осмысленности ситуации действия судили по готовности испытуемого выдвигать и проверять гипотезы о возможных общих основаниях действий, в которые его вовлекает экспериментатор. Различая возможность или невозможность фактического осмысления ситуации, мы говорим о наличии или отсутствии единого основания (целевого, логического), позволяющего согласовывать действия участников ситуации. В противоположность идее «все осмысленно», ситуация конструируется как потенциально абсурдная.

Эмпирические гипотезы исследования.

1. Восприятие ситуации как осмысленной (даже если она фактически лишена смысла или абсурдна) является необходимым условием участия в ней субъекта.

2. Наряду с априорными смыслами ситуации действования могут быть выделены апостериорные смыслы, определяемые постфактум (при завершении действования).

3. В ситуациях смысловой неопределенности и абсурда выделяются три формы обращения к смыслу: поиск существующего смысла, конструирование смысла, отказ от установления смысла.

Введенные различения предварили создание специальных экспериментальных процедур и позволили интерпретировать результаты исследования феноменологии смыслообразования.

Для выявления особенностей осмысления деятельности с непредрешенным исходом автором совместно с Н.В. Зоткиным была разработана экспериментальная ситуация, позволившая исследовать процессы смыслополагания в ситуации неопределенности. Это была неизвестная испытуемым игра «Задай вопрос»», в которой испытуемому в индивидуальной беседе предлагалось задавать любые вопросы экспериментатору. От обычной игры экспериментальная ситуация отличалась тем, что не требовалось *отгадывать* или *прогнозировать* возможные ответы экспериментатора.

Основная «интрига» заключалась в том, что экспериментатор совершенно игнорировал содержание вопросов испытуемого, давая ответы «да» и «нет» по заранее составленной схеме (она была построена на основе метода случайных чисел). Последовательность ответов «да» и «нет» была одинакова для всех испытуемых и включала равное количество «да» и «нет». Поскольку содержание ответов не зависело от вопросов испытуемого, могла возникать ситуация абсурдной

противоречивости в ответах. Пример (ответы экспериментатора выделены курсивом):

– Вы хотели бы защищать диссертацию?
– *Нет.*
– Сейчас вы будете защищать диссертацию?
– *Да.*
– Потому, что это нужно кому-то?
– *Нет.*
– Ну, а вам нужна эта диссертация?
– *Нет.*
– Разве ее нужно защищать, если она никому не нужна?
– *Да,* и т.д.

По ходу экспериментальной беседы испытуемым задавался вопрос на рефлексию: «Зачем вы спрашиваете об этом?», и по окончании они писали рефлексивный отчет, отвечая на вопрос: «Как вы думаете, зачем я вас просил об этом?».

В эксперименте участвовали 54 человека — студенты психологического факультета Самарского госуниверситета в возрасте от 17 до 22 лет. Анализ результатов эксперимента позволил выделить ряд феноменов, выражающих существо стратегий.

Презумпция существования смысла. Испытуемые исходили из представления о том, что ситуация заведомо осмысленна и отвечает целям и интересам экспериментатора или испытуемого. Они придавали смысл тому, что, по сути, смысла не имело, а именно: ситуации, совместному действию, «логике» ответов. Даже тогда, когда испытуемые «тестировали» экспериментатора на предмет искренности его ответов (что было всего один раз из всего множества испытаний), существование скрытого, потаенного смысла ситуации не подвергалось никакому сомнению; комментарий испытуемого: «Немного сбивали с толку некоторые противоречия в ответах. Возможно, это противоречие было во мне». Презумпция существования смысла являлась источником последующего смыслового освоения ситуации.

В процессуальном плане выделяются способы смыслополагания — определенные *стратегии и тактики* испытуемых. С феноменом «презумпции существования смысла» связаны следующие три стратегии.

1. У испытуемого в ходе беседы возникает подозрение, что экспериментатор неискренен, способен на игру с ним, и он делает по-

пытки *вскрыть смысловую игру* экспериментатора. При противоречиях в ответах он задает вопросы на истинность высказываний. Данная стратегия проявилась только у одного испытуемого (ниже приведен фрагмент диалога):

– Ответы, которые вы давали, они искренни?
– *Нет*.
– Вам помогает психология в жизни?
– *Нет*.
– Это правда?
– *Нет*.
– Вы даете ответы наобум?
– *Да*.
– Это нужно для эксперимента?
– *Нет*.
– Это правда?
– *Да*.
– Этот эксперимент принесет пользу?
– *Да*.
– Это правда?
– *Нет*.

Реакции испытуемых.

1. Испытуемый *обнаружил* способ тестирования экспериментатора на искренность — это многократное задавание одного и того же вопроса. Еще одна испытуемая сделала предположение об «игре» экспериментатора в самоотчете: «Наверное, Вам нравится “прикалываться” над студентами». Остальные 52 испытуемых не сомневались в истинности и смысловой содержательности экспериментальной процедуры.

2. Испытуемые *пытаются разобраться в смыслах* экспериментатора, его смысловой системе, смысловом содержании эксперимента (как вариант: в целях эксперимента) и возможных последствиях проводимой беседы. 25% испытуемых (13 человек) задавали ряд вопросов о целях, смысле и последствиях эксперимента. Трое испытуемых полностью посвятили этому почти все свои вопросы, пытаясь разобраться в смысловом содержании эксперимента («Я хотел бы узнать про эксперимент, про его структуру, про его задачи, про его смысл»).

3. *Избегают смыслополагания*. Экспериментатор воспринимается как субъект смыслополагания, и испытуемый не ищет скрытой

логики поведения экспериментатора, не пытается выяснить смысл ситуации. Типичное объяснение при первом задавании вопроса на рефлексию: «Зачем вы спрашиваете об этом?» — «Потому, что вы попросили». Второй по частоте встречаемости ответ — «мне интересно» — говорил о мотивах испытуемого. В некоторых случаях испытуемые сознательно придерживались этой стратегии («Я делаю то, что вы просите, что вам нужно, и так как я вам доверяю, я могу не стараться искать цели и причины и ставить себе целью подняться над ситуацией, обнаружить ее»).

4. Многие испытуемые *продемонстрировали феномен «телеологического замыкания»* — убежденности в том, что все происходящее имеет смысл. Хотя ситуация и производимые в ней действия были противоречивы и порой абсурдны, испытуемые интерпретировали происходящее как осмысленное («Но должна быть какая-то скрытая цель, которая и является главной и верной»). Испытуемые при этом могли быть уверены, что «знает» кто-то другой: «У вас есть какая-то цель, какая-то внутренняя, но я ее не знаю». Выяснить (конкретизировать для себя) этот смысл пытались многие испытуемые.

Данный феномен наиболее ярко проявился в стратегии «заданное смыслообнаружение». При написании отчета по следам испытания все участники эксперимента (за исключением одного, отказавшегося отвечать: «Не знаю, не могу ответить»), смогли высказать ряд предположений о смысле эксперимента, как если бы он был заложен экспериментатором. По их мнению, эксперимент выявлял:

- умение общаться (общительность, коммуникативные способности, специфику одностороннего общения, изучение ролевых позиций, общение с самим собой, построение образа человека при знакомстве);
- умение мыслить (строить логические ряды, осуществлять саморефлексию, проверять свободный поток мыслей);
- узнать, (а) что волнует, беспокоит, тревожит; проблемные зоны; (б) что интересует (круг интересов, целей, надежд, стремлений, желаний; личностную направленность);
- личностные качества; самооценка;
- особенности поведения или динамику хода мыслей в неопределенной, новой, нестандартной ситуации;
- тревожность, стрессоустойчивость, адаптацию;
- характер и содержание вопросов.

Испытуемые в ряде случаев *отказываются от разрешения противоречий*. Создается впечатление, что испытуемые утрачивают интерес к теме, предчувствуя необходимость умственных усилий и не желая их прилагать.

Игнорирование противоречий проявилось в следующих стратегиях.

1. *Обход противоречий*. Испытуемые считали, что если нет противоречия, то и нет необходимости его решать. (Экспериментатор: «Почему мы пытаемся избежать противоречия, с которым сталкиваемся?» — Испытуемая: «Потому, чтобы лишний раз не ставить себя в конфликтную ситуацию. Чтобы опять не ставить себя перед выбором, нужно обойти противоречие».)

2. *Отказ* от разрешения противоречия и поиска его смысла. («Ну, ладно», после чего следует переход на другую тему.)

3. *Фиксация наличия противоречия*, без попыток дальнейшего его разрешения. Обычно сопровождалось также отказом, т.е. переходом на другую тему. («Странно. Это противоречие? — Да. — Ладно»; «Вам нравится работать в университете? — Нет. — То есть вы не получаете никакого удовольствия? — Нет. — Тогда для чего?!»)

4. К отдельной стратегии можно отнести *«маргинальные»* вопросы, нечто среднее между тестированием экспериментатора и отказом в поисках смысла. Задавались вопросы, на которые невозможно ответить, но без осмысления причин того, почему ответы даются («Я буду жив через пять лет?»). Тот же испытуемый объясняет: «Мне интересно, что вы ответите на такие вопросы, ответ на которые вы в принципе знать не можете».

Попытки разрешить противоречия. Испытуемые в этом случае пытаются разрешить противоречия путем поиска удовлетворительного объяснения. Иногда это объяснение имеет совершенно иллюзорный характер. Две стратегии были характерны для этого феномена.

Поиск объяснений, снимающих противоречие.

(а) Достаточно такому объяснению совпасть с ответом «да», чтобы испытуемый считал противоречие разрешенным. Фрагмент беседы, иллюстрирующий *отказ и поиск объяснений:*

– У вас есть дети?
– *Да*.
– Мальчик?
– *Нет*.
– Девочка?

– *Нет*.
– И тот, и другой?
– *Нет*.
– А кто?! (смех) ...У вас дома есть животное?
– *Да*.
– Собака?
– *Нет*.
– Кошка?
– *Нет*.
– Попугай?
– Да.
– Ммм... (кивок, внешнее выражение удовлетворенности).

(б) Испытуемый выстраивает удовлетворяющее его, логически верное объяснение противоречивости в ответах. (Пример: «Вам понравился наш выпускной? — *Нет*. — Нет?! А вы говорили, что “да”. Вы, что, обманывали тогда? (Не дожидаясь ответа.) Вы не хотели нас обидеть!»). Представляется, что в данном случае испытуемые используют тот прием мышления, который Н.Е. Веракса называет *«действием диалектического опосредования»* [Веракса, 2008]. Данная стратегия является наиболее типичной и чаще всего встречается в экспериментальных беседах. При «удачном» завершении она подкрепляет уверенность испытуемых в смысловой содержательности (истинности) происходящего.

2. *Проблемность:* откладывание вопросов, выясняющих противоречие, на «потом», на фоне веры в то, что разрешение противоречия существует. Испытуемый как бы отпускает вопрос, поясняя, что «может быть, какой-то другой вопрос придет в голову, который явно выяснит это противоречие»».)

Как видим, каждый из эмпирически выделенных способов осмысления ситуации, содержащей в себе абсурд (телеологическое замыкание, игнорирование противоречий или попытки разрешить их) во всем многообразии своих форм, реализуют общую тенденцию: добиться полноты осмысления ситуации, реализуют модель «преисполненности смысла». Другое имя этой модели выражает пристрастную позицию автора в связи с выделением и критикой «постулата сообразности». Эта модель была названа выше «смысловым солипсизмом»: существовать –значит иметь смысл.

Критический потенциал сказанного имеет прямое отношение к психотерапии и психологическому консультированию: руки — перед едой, брюки — после еды. Все глубоко осмысленно — поспорьте!

Если от пародийного примера перейти к серьезному, то вспомним об «Исповеди» Толстого. «В чем смысл жизни?» — мы помним, чем едва не кончил автор «Исповеди», искавший ответ на этот вопрос, пока не обратился к религии.

Часто к психологу-консультанту люди приходят с вопросом, который их всерьез мучит: «Почему он или она повели себя так?» (подразумевается, что прежде было все по-другому, «вчера еще в глаза глядел, а нынче все косится в сторону...»). Часто пытаются найти общее основание там, где его нет, не допуская и мысли о том, в разное время в разных ситуациях проявляются разные Я человека. Без всяких признаков сходства. Человек, верящий в то, что он и все остальные всегда поступают осмысленно, подобен мелихановскому джентльмену. «Настоящий джентльмен» К. Мелихана — совершенное воплощение идеи «быть безупречным во всем», задающей смысловую ось поведения. И в самом деле, «настоящий джентльмен» «всегда моет руки перед едой и брюки после еды»... Предложено много психотерапевтических систем (только одна из них принадлежит В. Франклу!), исходящих из идеи универсальной осмысленности всего сущего — природного, социального, персонального (происходящие события в мире рифмуются смыслом — будь то «синхронисити» Юнга или распространение посланий по «каналу мира» Минделла). Манера во всем находить смысл, общую смысловую основу разнообразных проявлений активности легко сочетается с идеей «единого плана жизни», высказанной А. Адлером. Трудно не согласиться с тем, что любое событие, хотя бы раз случившееся, компетентным историком может быть представлено как исторически неизбежное (Стивен Хокинг).

Фрейдовская идея смысловой сверхдетерминации вездесуща и, по-видимому, архетипична даже для тех, кто пытается отринуть Фрейда.

Мы защищаем альтернативную точку зрения. Разделяем иронию, с которой Уинстон Черчилль говорил о себе: «История будет ко мне благосклонна, ибо я намерен написать ее лично»; приветствуем критический взгляд на проблему безусловной осмысленности, выраженный в словах Стивена Хокинга: «Любое событие, хотя бы раз случившееся, компетентным историком может быть представлено как исторически неизбежное»[131]. Мы ощущаем справедливость

[131] Оба высказывания приведены в книге А.П. Кондрашова [2004, т. 2, с. 28–29].

шутки, описывающей современную российскую действительность: «Страшен русский сервис, бессмысленный и беспощадный...»; нам понятно грустное признание М. Жванецкого: «Смысл перестал искать. Бессмысленно искать там смысл». Мы полагаем, нет единого смысла; нет в нас Высшего Единосущного Существа-Субъекта, заправляющего нашей жизнью, верховодящего во всем.

Уверены: человек почувствовал бы себя значительно свободнее, достиг бы большего, состоялся бы полноценнее, если бы принял для себя идею множественной личности, высказанную еще У. Джеймсом (не опасаясь сходства с идеей больного «расщепленного Я»).

Каждый человек — это множество «Я». Личность (мы говорили об этом) — мультисубъектное образование. В этом — страховка на случай попыток свести личность к чему-то одноплановому, моносценарному... Каждый из нас — носитель множества логик, двойственности, тройственности, неоднозначности, может быть, даже иррациональности смысловых композиций жизни (на манер фигур невозможного). Но в этом, нам думается, — исток свободы, маневренности бытия.

Виктор Франкл оставил нам территорию смысла. Завещал: обживайте! возделывайте! богатая территория! Все это так! Но *до́лжно* ли универсализировать идею присутствия смысла в жизни — с ее непредсказуемостью, непредрешенностью, непрозрачностью? В этом вопрос. Нелишне еще подчеркнуть, что психотерапевтический потенциал поиска смысла за пределами психотерапии не так уж бесспорен. «Во многой мудрости много печали; и кто умножает познания, умножает скорбь». А еще кто-то сказал о ком-то: «В голове было всего три мысли, но они подняли такую возню, что казалось, будто их тысячи». Не берем ли мы в своих поисках смысла в проводники не Виктора Франкла, а Ивана Сусанина?

Идея *поиска* смысла естественным образом сочетается с идеей *смыслостроительства*, *смыслосозидания*, *творения смысловой перспективы жизни*. Необходимо не только «обналичивать» смыслы, но и созидать, генерировать их, а значит, трансформировать собственное пространство жизни, изменять свой жизненный мир.

Не в этом ли состоит глубинный смысл идей Франкла? За пределами поиска смысла созидать новые смыслы?

Во что верит мысль?

Итак, мы можем теперь вернуться к вопросу о том, «во что верит мысль?» Наш ответ: когда речь идет об интерпретации человеческо-

го поведения и, в частности, детерминант коммуникативных актов, мысль верит во все сущее как осмысленное. Это, по сути, детское убеждение приобретает мощное родительское подкрепление, опираясь на веру в то, что мы непременно *должны* искать и уж точно *найдем* смысл, коли станем искать. Но на этом пути нас нередко подстерегает разочарование. Или, скажем точнее, тяжелое пробуждение от иллюзий. Впрочем, исключение для тех, кто разделяет заповедь горьковского Луки (мы помним ее со школьной скамьи): «...Честь безумцу, который навеет человечеству сон золотой...» Таковы неизбежные следствия смыслового солипсизма, издержки нашей наивной уверенности в том, что мысль в поисках смысловых оснований всего сущего во всех случаях не совершает ошибки...

Однако в мире смысловой автономии подобное разочарование невозможно. В мире смысловой автономии *все идеи* являются экзистенциально состоятельными. Познавая мир (гипотетические ноумены), человек пересматривает исходные смыслы своего миропонимания, направлявшие его познание. «Руководствуясь своими ценностными предпочтениями (смыслами — *В.П.*)», человек «выходит за свои пределы, становится отличным от себя прошлого» и при этом ему открываются новые, «иные, чем ранее, ценности» [Знаков, 2008, с. 36].

Таков мир, в котором мышление человека доподлинно не совершает ошибок, что подтверждает правоту и надежность тезиса, названного нами ранее «постулатом Брушлинского».

В этом смысловом мире мысль верит в себя и только в себя. Она придает ценность любому исходу опыта, будь то подтверждение (верификация) или опровержение (фальсификация) ее посылок на старте — исходных ноуменов и смыслов, пробуждающих работу мысли. Она верит в себя — свое могущество, свою способность не только осмысливать, подтверждая однажды найденные и открывать для себя новые смыслы, она верит также в свою способность не принимать на веру мысль, что «все осмысленно».

Природа — сфинкс. И тем она верней
Своим искусом губит человека,
Что, может статься, никакой от века
Загадки нет и не было у ней.

Глава 15
АЛГЕБРА КОГИТО

Ум перенимает форму потенциальности, чтобы все мерить модусом потенциальности, и форму абсолютной необходимости, чтобы все мерить модусом единства и простоты, как то делает Бог, и форму необходимости связи, чтобы мерить все с учетом его своеобразия, наконец, он перенимает форму детерминированной потенциальности, чтобы мерить все в отношении к его существованию. Но ум мерит и символически, путем сравнения, как тогда, когда он пользуется числом и геометрическими фигурами и ссылается на них как на подобия.

Николай Кузанский,
первооткрыватель «Игры в бисер»

Несовпадение принципов формальной логики и принципов функционирования обыденного мышления побудило исследователей к созданию различных «логик», ориентированных на преодоление этого разрыва. Наблюдается как бы встречное движение формально-логических и психологических разработок: складывается многообразие логических теорий (модальные, интенциональные, рефлексивные логики), формализующих некоторые аспекты живого человеческого мышления, протекающего в естественном языке, и вместе с тем оформляются психологические концепции, описывающие и интерпретирующие своеобразие обыденного мышления, трудно поддающегося формализации (попытки построения формально-математических моделей, описывающих, к примеру, развитие мышления в онтогенезе, и противоположные им попытки строить теории «а-математичности» реального мышления индивидуума).

В русле этих исканий — наши попытки создать то, что мы назовем «алгеброй когито». «Когито» (cogito), означающее, как известно, «*мыслю*», заключает в себе нечто большее, чем указание на познавательный акт, символизируемый записью $S \rightarrow O$; в акте «когито» присутствует момент ***само***направленности $S \rightarrow S$: «Я мыслю себя мыслящим» или «Я мыслю: “Я мыслю”». Можно утверждать, что когито присутствует в *любом* суждении живого языка, ибо, если следовать Г. Фихте, момент самополагания образует как бы изнанку любого суждения. При этом «Я» не просто мыслит себя (= полагает себя) в каждом суждении; Я мыслит себя в нем *определенным образом*. «Мыслить себя», собственно, и образует *когито;* говоря, что мы мыслим свою мысль *определенным образом*, мы задаем некий *модус* существования когито. Последним, по существу, утверждается, что когито охватывает некоторое многообразие явлений; о них можно сказать, что они не только существуют «в уме», но и имеют своим предметом то, что происходит во внутреннем, «умственном», плане.

Примером может служить картезианское *сомнение* как источник *ясного и отчетливого* знания; очевидно, что оно образует лишь один из модусов когито (понятно, что «*не сомневаюсь*» столь же относимо к когито, как и сомнение). Кажется вероятным, что могут быть названы и другие способы существования когито (такие как «верю», «допускаю» и т.п.). И тогда печать двойственности, угадываемая в общем суждении «я мыслю», должна быть присуща каждой из возможных его разновидностей. Так, например, «я сомневаюсь» заключает в себе наряду с элементом проблематичности (сомнение как таковое) элемент утвердительности — «несомненности» («не сомневаюсь в том, что я сомневаюсь»). Предположение, что один и тот же ментальный акт может быть представлен двояким образом, — дорефлексивно, как что-то однородное, «простое»; и рефлексивно, как нечто двусоставное (что звучало бы на языке современной рекламы как «два в одном») — наводит на мысль о возможности создания *алгебры* когитальных актов, ибо алгебраические структуры подразумевают возможность каждый элемент структуры представить в виде композиции элементов той же структуры. Однако до сих пор, насколько нам это известно, такая задача не ставилась.

Итак, существует ли соответствие — а речь здесь могла бы идти о построении *изоморфизма* — между некоторыми алгебраическими структурами и некоторым множеством когитальных актов субъекта?

Каковы эти гипотетические структуры и когитальные акты? В данной главе мы впервые обсуждаем эти вопросы. Назовем *когитальной образующей* некоторого утверждения мысль субъекта о собственной мысли как предмете данного утверждения. Считаю ли я мысль, воплощенную в своем высказывании (и заключенную в форму сделанного утверждения), истинной или, напротив, отказываю ей в этом? Отвечая на этот вопрос, я извлекаю когитальную образующую своего утверждения. Здесь возможны такие, внутренне парадоксальные, утверждения, как, например, «не мыслю истинности этого тезиса за пределами моей мысли о нем» или «не мыслю самой мыслимости этого тезиса для “Я”» и т.п. Говоря в этом контексте об истинности (не-истинности) утверждения, мы, таким образом, имеем в виду то же, что и характер *мыслимости* этого утверждения *для меня*, способ его *существования для моей мысли*. Когитальные образующие — каждая как определенный способ существования «я мыслю» — внутренне включены в такие утверждения, которые относятся к так называемым «внешним» объектам («внеположным» «Я»), а также и к тем, которые «Я» полагает существующими «внутри» себя самого. Но последнее означает, что любая из разновидностей когито сама в свою очередь обладает когитальной образующей. И, следовательно, суждения когито, как говорят, «проникают друг друга». Этим-то и определяется возможность представления сферы «я мыслю» в форме алгебраической группы.

Напомним читателю обычные признаки группы [Ленг, 1968]:

• наличие закона композиции на множестве S в себя, $S \times S \rightarrow S$, сопоставляющей каждой паре элементов из S некоторый элемент из S, т.е. $(a, b) \rightarrow c$, что именуют *произведением* a и b, обозначая его ab (нам будет удобнее пользоваться записью $a \times b = c$); закон композиции ассоциативен: $a \times (b \times c) = (a \times b) \times c$ для всех a, b, c из S;

• наличие единичного элемента e из S, т.е. такого, что $e \times a = a \times e = a$;

• наличие обратного элемента b для каждого a из S, т.е. такого, что $a \times b = e$.

Тривиальный пример группы когитальных суждений, который мы могли бы предложить, — двухэлементное множество, образованное высказываниями «***я утверждаю***» и «***я отрицаю***». Закон композиции элементов заключается в связывании этих высказываний предлогом «что». Имеем:

я утверждаю, что я утверждаю ~ я утверждаю[132]***;***

я утверждаю, что я отрицаю ~ я отрицаю, что я утверждаю ~ я отрицаю;

я отрицаю, что я отрицаю ~ я утверждаю;

я утверждаю, что (я утверждаю, что я отрицаю) ~ (я утверждаю, что я утверждаю), что я отрицаю ~ я отрицаю;

я отрицаю, что (я утверждаю, что я отрицаю) ~ (я отрицаю, что я утверждаю), что я отрицаю ~ я утверждаю; и т.д.

Закон композиции тут, как подсказывает интуиция, — а мы обращаемся здесь к живому языку и поэтому апеллируем к языковой интуиции — *ассоциативен*; высказывание ***«я утверждаю»*** представляет собой *единичный элемент*; высказывания ***«я утверждаю»*** и ***«я отрицаю»*** *взаимообратны*. Перед нами группа, изоморфная коммутативной группе (+1, −1); связке «что» соответствует операция обычного умножения.

Только что приведенный пример важен для нас не столько как демонстрация или, сказать точнее, тренировочный полигон для первоначального освоения *алгебры когито*; мы обращаемся к этому очень простому примеру, чтобы пояснить, что выражения ***«я утверждаю»*** и ***«я отрицаю»*** выступают как суждения именно когито. Они могли бы быть осмыслены («переведены» на язык когито) так: ***«я мыслю себя в качестве утверждающего»***, ***«я мыслю себя в качестве отрицающего»***. О том, что именно здесь утверждается или отрицается, нет речи; главное — это само утверждение или само отрицание как особые акты мышления «Я». При этом «я утверждаю» может рассматриваться как предмет суждения когито, и вместе с тем — как когитальная образующая в составе «я отрицаю» и «я утверждаю». И в том же плане ***«я отрицаю»*** есть самый предмет мысли, утверждающей отрицание, и когитальная образующая некоторого отрицаемого утверждения.

Нетривиальной версией искомой алгебры когито могло бы быть создание более богатой системы, не ограничивающейся лишь двумя полярными элементами утверждения и отрицания, вместе с общеизвестными отношениями, связывающими их нацело (в силу чего названные элементы и взаимоотношения между ними давно уже воспринимаются нами как достояние в равной мере логико-философской и логико-математической мысли). В данной главе мы по-

[132] Здесь и далее "~" — знак эквивалентности высказываний.

кажем возможность построения группы, состоящей из *четырех* когитальных суждений — четырех модусов «мыслю». Эти суждения содержат в себе ключевые слова: ***«приемлю»***, ***«воздерживаюсь»***, ***«допускаю»*** и ***«сомневаюсь»***. Вообще говоря, предметом данных высказываний, по аналогии с уже рассмотренными, могут быть какие-либо высказывания, относящиеся к «внешним» объектам. Но в рамках когитальной алгебры эти высказывания имеют своим предметом друг друга (например, ***«я допускаю..., что я сомневаюсь...»***, ***«я приемлю..., что я воздерживаюсь...»***) и, кроме того, замкнуты на себя (*«я приемлю..., что я приемлю...», «я воздерживаюсь..., что я воздерживаюсь...»* и т. п.).

В своем развернутом виде эти когитальные утверждения таковы:

• ***я приемлю высказывание*** [= *я приемлю это* (*утверждение*)*; для меня приемлемо утверждение, что это так, и т.п.*];

• ***я воздерживаюсь от высказывания*** [= *я воздерживаюсь утверждать это; я воздерживаюсь от утверждения, что это так, и т.п.*] ***;***

• ***я допускаю (= приемлю условно) высказывание*** [= *я допускаю это* (*утверждение*)*; я допускаю утверждение, что это так, и т.п.*];

• ***я сомневаюсь в высказывании*** [= *я сомневаюсь в этом* (*утверждении*)*; я сомневаюсь в утверждении, что это так, и т.п.*]

Первое высказывание — утверждение ***«приемлю»*** — обозначим символом ***П***. Второе — утверждение ***«воздерживаюсь»*** — символом ***В***. Третье — утверждение ***«допускаю»*** — символом ***Д***. Четвертое — утверждение ***«сомневаюсь»*** — символом ***С***. Способ соотнесения («закон композиции») между этими утверждениями, так же, как и в предшествующем случае, может быть выражен предлогом ***«что»***. Введем для его обозначения специальный символ **Ω**. Используя традиционный логический знак эквивалентности «~» и скобки «**( )**», мы можем теперь в символической форме выразить отношения, которые — *если довериться интуиции* — существуют между означенными высказываниями:

• ***(П Ω П) ~ П*** [***приемлю (это) высказывание, (а именно) что приемлю (это) высказывание*** *есть то же самое, что и* ***приемлю (это) высказывание***[133]];

[133] В дальнейшем уточняющие слова (в скобках) «это», «а именно» будут опущены в высказывании «***приемлю***», а также и в других высказываниях алгебры когито, т.е. в высказываниях «***воздерживаюсь***», «***допускаю***», «***сомневаюсь***».

• **(*П* Ω *В*) ~ (*В* Ω *П*) ~ *В*** [***приемлю высказывание, что воздерживаюсь от высказывания*** *есть то же самое, что и* ***воздерживаюсь от высказывания, что приемлю высказывание****, и оба этих сложных высказывания означают то же, что и* ***воздерживаюсь***];

• **(*П* Ω *Д*) ~ (*Д* Ω *П*) ~ *Д*** [***приемлю высказывание, что допускаю высказывание*** *есть то же самое, что и* ***допускаю высказывание, что приемлю высказывание****, и каждое из них — то же самое, что* ***допускаю высказывание***];

• **(*П* Ω *С*) ~ (*С* Ω *П*) ~ *С*** [***приемлю высказывание, что сомневаюсь в высказывании*** *— то же самое, что и* ***сомневаюсь в высказывании, что приемлю высказывание****, и оба эти высказывания эквивалентны высказыванию* ***сомневаюсь***];

• **(*В* Ω *В*) ~ *Д*** [здесь и далее, чтобы не утомлять читателя, приводим сокращенные пояснения к символическим записям; в данном случае — [***воздерживаюсь, что воздерживаюсь*** *есть то же, что и* ***допускаю***];

• **(*В* Ω *Д*) ~ (*Д* Ω *В*) ~ *С*** [***воздерживаюсь, что допускаю*** *есть то же, что* ***допускаю, что воздерживаюсь****, и каждое из этих высказываний эквивалентно* ***сомневаюсь***];

• **(*В* Ω *С*) ~ (*С* Ω *В*) ~ *П*** [***воздерживаюсь, что сомневаюсь*** *эквивалентно* ***сомневаюсь, что воздерживаюсь****, и оба высказывания суть* ***приемлю***];

• **(*Д* Ω *Д*) ~ *П*** [***допускаю, что допускаю****, или, в другой формулировке,* ***приемлю условно, что приемлю условно*** *— то же самое, что* ***приемлю***];

• **(*Д* Ω *С*) ~ (*С* Ω *Д*) ~ *В*** [***допускаю, что сомневаюсь*** *и* ***сомневаюсь, что допускаю*** *эквивалентны друг другу и оба — высказыванию* ***воздерживаюсь***];

• **(*С* Ω *С*) ~ *Д*** [***сомневаюсь, что сомневаюсь*** *эквивалентно* ***допускаю***].

Из приведенных соотношений следует, что ***приемлю высказывание*** **(*П*)** может быть интерпретировано как *единичный элемент* и, кроме того, что каждому высказыванию соответствует высказывание, которое может интерпретироваться как *обратный элемент* (обратным элементом к высказыванию ***П*** является само ***П***; обратным элементом к ***В*** — высказывание ***С***; обратным элементом к высказыванию ***Д*** будет ***Д***; обратным элементом к ***С*** — высказывание ***В***. Для иллюстрации работы обратного элемента объединим в пределах сложного высказывания два простых, такие как «***воздерживаюсь***» **(*В*)** и «***сомневаюсь***» **(*С*)**.

Позволив себе некоторую нестрогость в построении высказывания, имеем — ***воздерживаюсь от сомнений*** *есть то же, что и* ***приемлю*** **(*П*)**. И, наконец, читатель может самостоятельно убедиться в выполнимости условия *ассоциативности* композиции высказываний. К примеру: ***В*** Ω **(*Д* Ω *С*)** ~ **(*В* Ω *Д*)** Ω ***С***, и т.п. (раскрывая скобки, мы получаем в только что приведенном примере два эквивалентных высказывания: «***воздерживаюсь от высказывания, что воздерживаюсь от высказывания***» и «***сомневаюсь в высказывании, что сомневаюсь в высказывании***»; они действительно эквивалентны друг другу, ибо каждое из этих высказываний образует когитальное утверждение «***допускаю высказывание (Д)***»).

Итак, выделенная нами группа высказываний образует именно *группу* в алгебраическом ее понимании. Естественно теперь поставить вопрос, какой из известных алгебраических групп *изоморфна* только что построенная.

Рассмотрим четверку *комплексных чисел*:

$$K = \{1, i, -1, -i\}$$

Определив произведение чисел из K согласно обычному правилу умножения комплексных чисел, получаем коммутативную группу с единичным элементом 1 и взаимообратными элементами 1 и 1, –1 и –1, i и $-i$:

$$1 \times 1 = 1;\ 1 \times (-1) = -1;\ 1 \times i = i;\ 1 \times (-i) = -i;\ i \times i = -1;\ i \times (-1) = -i;\ i \times (-i) = 1 \text{ и т.п.}$$

Теперь остается поставить в соответствие элементы группы когитальных высказываний и закон композиции между ними элементам группы K и закон композиции между последними:

$$П \to 1,\ В \to i,\ Д \to -1,\ С \to -i;\quad \Omega \to \times \qquad (*)$$

Переходя к традиционной геометрической интерпретации комплексных чисел, образующих K, и их произведений, мы можем сделать более наглядной картину взаимоотношений между суждениями из группы M. Представим элементы K в виде точек на плоскости, которая образована вещественной и мнимой осями. «Спроецируем» элементы группы когитальных высказываний на эти точки, отождествляя их в соответствии с правилом, помеченным звездочкой (*). Получаем следующую графическую модель рассмотренных изоморфных групп, сведенных для удобства вместе в пределах одного рисунка (рис. 41).

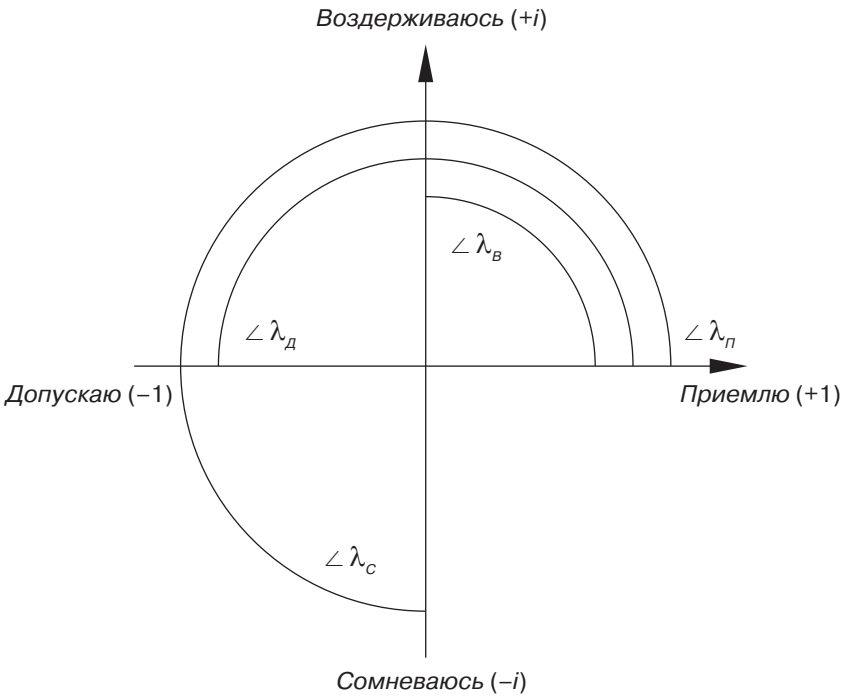


Рис. 41. Алгебраическая композиция когитальных суждений

Данная геометрическая модель дает нам очень удобное мнемотехническое, точнее, *когито-техническое*, средство эффективного освоения и использования правил обращения с высказываниями из *M*.

Два примера. Композициям ***П*** Ω ***В*** и ***В*** Ω ***П*** в группе *M* (***приемлю высказывание, что воздерживаюсь от высказывания*** *и* ***воздерживаюсь от высказывания, что приемлю высказывание***) соответствует ***В*** (***воздерживаюсь***); геометрическая интерпретация мгновенно подсказывает искомое решение, ибо достаточно сложить углы $\angle \lambda_П + \angle \lambda_В = \angle \lambda_В$, чтобы найти, что это точка $+i$. Точно так же может быть легко найдено, что композиции ***С*** Ω ***С*** (***сомневаюсь, что сомневаюсь***) соответствует поворот единичного вектора на угол $\angle \lambda_с + \angle \lambda_с = \angle \lambda_Д$, т.е. точка **(–1)** (***допускаю***).

Геометрическая модель позволяет также со всей наглядностью проиллюстрировать такую важную черту группы когитальных высказываний, как *цикличность*. Действительно, она содержит в себе два *образующих* ее элемента (группа определяется как *циклическая*, если существует такой элемент *a* в данной группе, что любой элемент той же группы может быть представлен в виде a^n; таких элементов в группе может быть несколько, и они называются *образующими* данной группы). В группе когитальных высказываний *M* такими образующими являются «***сомневаюсь***» *и* «***воздерживаюсь***». Возводя любой из этих элементов в степень (в геометрической модели эта процедура сводится к многократному суммированию с самим собой угла в 90° и, соответственно, угла в 270°), в итоге удается воспроизвести («навестить по кругу») все элементы *K* (точки ее геометрической интерпретации).

Для завершения этого первого очерка алгебры когито необходимо рассмотреть еще ряд вопросов, выходящих за пределы формальной задачи поиска изоморфизма (или, как иногда говорят, «фигуративной метафоры») между такими математическими и «нематематическими» формациями, как *группа* и *когито*.

Почему не только *действительные*, но и *мнимые* числа появляются в алгебраической модели сферы когито? Как можно было бы *осмыслить* их в качестве образов высказываний из группы *M*? Какова смысловая подоплека *изоморфизма*, существующего между группой когитальных высказываний *M* и группой комплексных чисел *K*? Чем обусловлены различия *в знаках* перед вещественными и мнимыми числами в *K*, моделирующими высказывания из *M*? Таков первый класс вопросов, естественно поднимаемых алгеброй когито.

Отвечая на первый вопрос — о содержательном смысле введения комплексных чисел для имитации взаимоотношений между высказываниями, — мы исходим из того, что тот, кто высказывает их, может вступать в сложные взаимоотношения со своим высказыванием. Так, субъект может внутренне соглашаться или не соглашаться с тем, что объект его суждения существует, но высказывается о нем как об объекте, существующем *достоверно*. Различая два выделенных варианта высказываний, будем говорить в дальнейшем о *безусловно достоверных и условно достоверных* высказываниях. Читатель уже узнал в них, соответственно, высказывания «***я приемлю***» *и* «***я допускаю***». Мы видим, что они противопоставлены друг другу по признаку «безусловности–условности» высказывания. Кроме того, человек мо-

жет отдавать себе отчет в том, что в его высказывании речь идет о чем-то заведомо вымышленном, кажущемся, не укорененном в его собственном мышлении, в его Я (что не означает, конечно, что человек имеет достаточные основания для того, чтобы отвергнуть мысль о существовании объекта высказывания). Словом, речь идет о том, что открывается ему как *мнимое*, пока лишь *якобы существующее* для него. Бывает и иначе, когда существование объекта в высказывании отрицается, однако только в условном плане (когда Декарт «сомневается» в существовании внешнего мира, он проделывает это в условном плане — лишь для того, чтобы доказать, что предмет сомнения существует в действительности). Таким образом, здесь приоткрывается еще одна категория высказываний, предметом которых является *мнимое* (иначе говоря, то, что мнится субъекту), причем данная категория высказываний подразделяется на два класса: *безусловно мнимые* и *условно мнимые* высказывания. Соответственно, таковы высказывания «***я воздерживаюсь***» и «***я сомневаюсь***».

Итак, вырисовываются основные оси и «полюсы» соотнесения и противопоставления высказываний из M, что удобно представить графически (рис. 42).

Теперь очевиден смысл противостояния «***приемлю*** ↔ ***допускаю***» и, соответственно, противоположности знаков при символе 1 (если мы согласимся видеть в последнем символ *существования* чего-то в мысли): ***приемлю высказывание*** имеет своим предметом *безусловно достоверное* **(**+1**)**, а ***допускаю высказывание*** — *условно достоверное* **(**−1**)**. Проясняется также смысл оппозиции «***воздерживаюсь*** ↔ ***сомневаюсь***» и, следовательно, противоположности знаков при символе i: ***воздерживаюсь от высказывания*** имеет своим предметом ***безусловно мнимое*** **(**+i**)**, ***сомневаюсь в высказывании — условно мнимое*** **(**−i**)**.

Среди поставленных вопросов наиболее сложный касается природы изоморфизма, установленного нами между группой когитальных высказываний и группой комплексных чисел. Пока мы могли сказать, что определенным метаморфозам, затрагивающим когитальные высказывания, соответствуют взаимопревращения комплексных чисел, когда они умножаются друг на друга или возводятся в степень. Каковы интуитивные истоки этого тайного и, мы бы сказали, чудесного соответствия? Ответ на этот вопрос мы попробуем здесь лишь наметить, полностью отдавая себе отчет в том, что его развернутое обсуждение требует особого места и времени.

«***Я воздерживаюсь***»
(высказывание о *безусловно мнимом*)

«***Я допускаю***»
(высказывание об *условно достоверном*)

«***Я приемлю***»
(высказывание о *безусловно достоверном*)

«***Я сомневаюсь***»
(высказывание об *условно мнимом*)

Я воздерживаюсь
(высказывание о *безусловно мнимом*)

Я допускаю
(высказывание об *условно достоверном*)

Я приемлю
(высказывание о *безусловно достоверном*)

Я сомневаюсь
(высказывание об *условно мнимом*)

Рис. 42. Группа когитальных высказываний

В основе предлагаемого решения — анализ понятий *условности* и *мнимости*, ключевых для построения алгебры когито. Им, на наш взгляд, свойствен тот потенциал «отрицательности», который объясняет взаимопереходы и самотрансформации всех высказываний в круге когито. Мы поясним сказанное тремя примерами: «саморефлексией» высказываний «***я воздерживаюсь***» и «***я сомневаюсь***», образующих циклические элементы группы когитальных высказываний M и являющихся прообразом мнимых чисел **(**+i **)** и **(**−i**)** в группе K, а также обращенным «на себя» высказыванием «***я допускаю***», которое представляет собой обратный к себе самому элемент группы M.

Обратимся к словарным значениям интересующих нас слов (что естественно — ведь для нас важен именно живой язык в его соотношении с формальным, языковая интуиция в соотношении с правилами формального оперирования с символами). Начнем, однако, с противоположного понятия — о *безусловном*: оно может рассматриваться как базовое. «*Безусловный* — **1**. Не связанный условиями, безоговорочный. **2**. Несомненный, окончательный, полный» [Ушаков, 1934]. Оба значения слова, как видим, выражают идею тождества

того, что *истинно для меня* (то, что реально существует в моей мысли о чем-то), и того, что *делается мною*, когда я высказываюсь о чем-то, добиваюсь чего-то, поступаю как-то (словарными примерами *безусловного* служат здесь *обязательство*, *успех*, *повиновение*).

Обратимся теперь к *условному*. «*Условный* — **1**. Установленный по условию, понятный, известный лишь тем, кто условился. **2**. Оговоренный каким-нибудь условием, зависящий от условия, имеющий силу только при наличии каких-нибудь условий. **3**. Истинный, действительный лишь в относительном смысле, могущий стать другим при других условиях, являющийся условностью (в смысле — "общепринятый, но лишенный реальной, действительной ценности обычай, порядок"). **4**. Основанный на отказе от реалистического восприятия действительности, заменяющий подражание действительности ее символическим обозначением. **5**. Содержащий в себе значение условия. Условный союз ("если")» [Там же]. Общим знаменателем всех этих значений слова, как видим, является *идея несовпадения мысли о чем-то и самого мыслимого* (поступок, высказывание, факт и т.п.). Обычный язык подтверждает введенный критерий для сравнения и различения *безусловного* и *условного* согласно характеру общности между высказыванием о существовании чего-либо и мыслью, которая раскрывается, или, наоборот, скрывается за этим высказыванием.

Рассмотрим далее понятие «мнимость». Что есть мнимость вообще, в нашем обычном словоупотреблении? Это отвлеченное существительное к «мнимый», поясняет нам «Толковый словарь русского языка» Ушакова и раскрывает «мнимое» как «воображаемое», «кажущееся». Оттенки значений «мнимого» — «притворный», «ложный», «*вымышленный*» (курсив мой — *В.П.*). Среди примеров наряду с «мнимым состраданием» и «мнимой смертью» приводятся «мнимые знания». Чуть далее в «Словаре» раскрывается значение слова «мнить», которое тоже должно быть рассмотрено, ибо очевидно, что «мнимое» происходит от слова «мнить». Последнее означает «думать», «считать», «полагать». Заметим, что в этих словах прямо не выражена какая-либо двойственность, отрицательность, присущая прилагательному «мнимый». Налицо лишь принадлежность сфере мышления. *Вымышленность*, кажимость, иронический и самоиронический смысл (ранее мы подчеркнули слово «вымышленный») проступают в тексте позже, в примерах: «Не то, что мните вы, природа» (Тютчев); «В семье я мнил найти отраду»; «Я дочь свою мнил осчастливить браком» (Пушкин); «Пороки юности преступной я мнил страданьем искупить» (Лермонтов). Наконец, слово «мниться» определяется как «думаться» (т.е. «думать себе», «надумывать себе самому» — *В.П.*), «казаться».

Что же такое эти *мнимые, кажущиеся знания*, которые в то же самое время *думаются,* будучи *мыслью*? Мнимость — это то, что я мню, т.е. то, что существует в мысли и только. «*...В мысли и только*». Смысл *мнимости* как таковой в силу этого словосочетания «и только» совершенно парадоксален. Слово «*вымышленность*» и родственные слова позволяют уловить, локализовать, парадокс. *Вымысел, вымышленность* суть что-то *мыслью из мысли выведенное*, и «выведенное» тут как бы двоится, означая не столько дедукцию (некое следование за мыслью), сколько элиминацию (выдворение за пределы мыслимого). Конечно, *вымышленное* при этом не покидает сферы мышления бесповоротно. Оно только на время *выводится*. В том-то и состоит внутренняя парадоксальность мнимости, что для того чтобы заключить мысль в скобки мысли, сказав: «Только в мысли и существует данная мысль», ее нужно предварительно вывести за эти скобки, вывести, чтобы после опять ввести. «Воображаемое» — еще один оттенок значения «мнимого» — несет на себе печать возвращения, введения в образ. След *ино*мыслия, бытия за пределами мысли сбережен в слове «мнить».

Та же парадоксальность присуща и мнимым числам: они мыслятся как достояние мысли и только. Подчеркивая это, мы упреждаем возможный вопрос: а не искусственна ли параллель между значением слова «мнимое» в обычном языке и словом «мнимое» применительно к комплексному числу *i* в математике? Не ручаюсь за точность цитирования, но один из литераторов справедливо иронизировал, что если в стихотворении современного автора появляется слово «филин», жди слова «Фили». Не происходит ли что-то подобное и со словом «мнимое» для обозначения того, что может жить совершенно несходной жизнью в столь разных контекстах использования, таких как язык повседневного общения и язык математики? Нет, отвечаем мы, не происходит. Подразумеваемое бытие за пределами мысли выступает в обоих случаях как «снятый» момент — скрытый преследователь, придающий *мнимому* полумистический смысл присутствия несуществующего в существующем, существования в мысли того, что реально не существует для мысли.

Соотнесем *условное* и *мнимое*. Ранее мы могли убедиться в том, что за условностью высказывания вырисовывается некая оппозиция высказывающегося и мыслящего; говоря о чем-либо или ком-либо: «как бы», «как будто», «как если бы», человек мысленно дистанцируется от своего высказывания, избегая совпадения себя в качестве субъекта мысли с собой как субъектом высказывания. Условность при этом определяется двумя началами, и о каждом из них человек мог бы сказать себе: «Я мню». В одном случае мнится сама *форма* высказывания: *говорение* о чем-либо не тождественно *мышлению* о говоримом. Мнимость *формы* в качестве одной из двух ментальных образующих условности обозначим $M_ф$. Во втором случае мнимо то, *что* условно, т.е. само *содержание* высказывания. По примеру мнимости формы мнимость содержания высказывания обозначим $M_с$. Высказывание, имеющее условный характер и рассматриваемое уже не частично, а как единое *целое*, может быть представлено в виде композиции (произведения) двух своих «образующих» — двух *мнимостей*: $M_ф \times M_с$.

Что же должен представлять собой результат указанной композиции? Напомним, что высказывание, осуществляемое в условном плане, говорит о чем-то, лишенном силы бытийности, иными словами, само о себе свидетельствует, что внутри этого утверждения факт существования его объекта отрицается (несуществующее *в* существующем). Подобное «не-существование объекта», существующее в самой мысли о нем, может быть выражено числом «–1». Из этого следует: $M_ф \times M_с = -1$. Остается заметить, что мнимость *формы* существования объекта высказывания ($M_ф$) и мнимость *содержания* этого высказывания ($M_с$) заключают в себе качество мнимости как таковой, и в этом отношении они качественно неразличимы в мышлении ($M_ф = M_с$). Исходя из положения $M_ф \times M_с = -1$, мы можем теперь заключить: $M_ф = i$ и $M_с = i$.

Ранее мы говорили о мнимом как о производящем начале, своего рода корне условного. Уместно предположить, что условное как бы возвратным действием могло бы быть восстановлено из своих корневых образующих:

мнимое мнимого = несуществующее несуществующего =
= то, что не существует в том, что не существует =
= то, что условно (*условное*).

В математике этому восстановлению следов прошлого, запечатленного в мнимых числах, соответствует произведение мнимостей на себя самое: $i \times i = -1$. Поэтому, думается, нет ничего удивительного в том, что мнимые числа рано или поздно должны были заявить о себе в качестве средств анализа ментальных актов — ведь «мнить» что-либо есть естественное, хотя и внутренне парадоксальное состояние.

Пока что, говоря о мнимом, мы не спрашивали, как существует мнимое; оно было для нас чисто номинальным образованием — *несуществующим*. Как и в случае со скандальными *ста талерами*, о которых писал И. Кант, бытие которых неотличимо от небытия, подразумевалось, что мнимое как таковое «нейтрально»: в нем бытие и небытие смыкаются, совпадают. Однако в качестве смыслового центра высказываний круга когито мнимое приобретает определенность, — как говорят сегодня, «доопределяется». Ведь ***воздерживаться от высказывания*** уже не просто указывает на *мнимость* того, от высказывания чего воздерживаются, а провозглашает *бытийность* этого мнимого, его *безусловность*. Точно так же, высказывая *сомнение* в каком либо высказывании (т.е. у-со-*мнив*-шись), мы разоблачаем мнимое как не-бытийное, облачаем его в ажурный наряд короля стоимостью в сто несуществующих талеров. Итак, мнимое как смысловое ядро высказываний «***я воздерживаюсь***» и «***я сомневаюсь***» выступает в двух ипостасях, уже названных нами, — *безусловно мнимое* и *условно мнимое*.

Алгебра когито в трансценденциях. «Чистое» cogito, ранее вращавшееся в кругу самосознания из высказываний, способно вступить в соприкосновение с высказываниями по поводу внешних объектов. Чуть далее мы опробуем открывающиеся здесь возможности, обсуждая фрагмент статьи З. Фрейда «По ту сторону принципа удовольствия».

Выделенные нами высказывания «алгебры когито»:

- $k_1 \sim$ ***я приемлю это высказывание***, сокращенно **П**;
- $k_2 \sim$ ***я воздерживаюсь от этого высказывания***, **В**;
- $k_3 \sim$ ***я допускаю это высказывание***, **Д**;
- $k_4 \sim$ ***я сомневаюсь в этом высказывании***, **С**

будем называть в дальнейшем ***свободными когитальными высказываниями*** и обобщенно записывать их как k_i, а четырехэлементное множество, составленное из этих высказываний, будем называть группой свободных когитальных высказываний K:

$$K \sim \{k_i\}$$

Потребность соотносить эти высказывания друг с другом, а также связывать их с другими высказываниями, лежащими за пределами множества *K*, порождает представление о *присоединенных* (*сложноподчиненных*) *когитальных высказываниях.*

Мы получаем их из *свободных* когитальных высказываний посредством введения связки «***а именно что***» (обозначим ее символом Ω) и других высказываний (*X*), которые могут быть обозначены как *смежные* высказывания.

Множество *смежных высказываний* заключает в себе три подмножества.

• *Свободные когитальные высказывания алгебры когито.* Пример: ***я допускаю это высказывание, а именно что я воздерживаюсь от этого высказывания***, ***Д*** Ω ***В***; или, положим, ***я сомневаюсь в этом высказывании, что я сомневаюсь в этом высказывании***, ***С*** Ω ***С***, и т.п. Из сочетания *свободных* рождается *сложное* когитальное высказывание. И таков первый вариант присоединенного высказывания. Заметим, что в приведенных примерах свободные когитальные высказывания, занимающие первую позицию в сложном (двухсоставном) высказывании, придают определенность смежному высказыванию, т.е. в данном случае свободному когитальному высказыванию, занимающему вторую позицию в сложном высказывании. Тот же принцип может быть распространен на более длинные цепочки свободных высказываний: каждое предшествующее вносит определенность в последующее высказывание. Впрочем, в силу того, что свободные когитальные высказывания выявляют в себе свойства группы (к чему мы обратимся позже), мы не будем иметь дело на практике с длинными цепочками и ограничимся только двухсоставными сложными высказываниями. Присоединенные когитальные высказывания, образуемые из свободных и только свободных, мы будем называть в дальнейшем *переходными когитальными высказываниями.*

• *Замыкающие высказывания.* Это высказывания, которые возвращают нас к тем или иным свободным когитальным высказываниям или их сочетанию в сложном высказывании. Примером может служить высказывание $^{\leftarrow}X$, относящееся к только что озвученному свободному или сложному когитальному высказыванию:

$^{\leftarrow}X \sim$ ***предыдущее высказывание истинно***,

или, что то же самое,

«*то, что было только что сказано, — истинно*».

Посредством этого высказывания мы получаем возможность перейти от свободных когитальных высказываний к *саморефлексивным высказываниям:*

я приемлю это высказывание, а именно что предыдущее высказывание истинно ~ я приемлю* (*именно*) это *высказывание;

я воздерживаюсь от этого высказывания, а именно, что предыдущее высказывание истинно ~ я воздерживаюсь* (*именно*) от этого *высказывания.

Точно так же посредством смежного высказывания $^{\leftarrow}X$ в саморефлексивные высказывания превращаются свободные когитальные высказывания «***я допускаю***» и «***я сомневаюсь***». При этом рождаются ***я допускаю* (*именно*) *это высказывание*** и, соответственно, ***я сомневаюсь* (*именно*) *в этом высказывании***.

• *Привходящие высказывания.* Таковы высказывания, которые не заключают в себе прямого указания на свободные и сложные когитальные высказывания. Точнее, можно было бы сказать, что предметом этих высказываний не являются свободные когитальные высказывания и их сочетания. Наконец, еще более строго можно было бы определить их как высказывания, дополнительные к свободным и сложным когитальным высказываниям, а также к «замыкающим» высказываниям, если под «дополнительным» понимать принадлежность высказывания к универсуму высказываний вообще *минус* множество свободных, сложных и замыкающих высказываний.

Примерами привходящих высказываний могут служить такие, как «параллельные миры существуют», «большая теорема Ферма может быть доказана», «этот материал обладает свойством U» и т.п. Заметим, что и высказывание «(я) мыслю» («cogito») — корневое, как мы уже говорили, по отношению к свободным высказываниям алгебры когито — мы должны также отнести к категории привходящих высказываний, ибо оно не содержит в себе прямого указания на эти высказывания. В результате присоединения к свободным и сложным когитальным высказываниям привходящих высказываний рождаются, например, такие выражения, как «я допускаю это высказывание, а именно что параллельные миры существуют» или «я сомневаюсь в этом высказывании, а именно что Большая теорема Ферма может

быть доказана»[134]. Присоединенные когитальные высказывания, завершаемые привходящими высказываниями, мы будем называть *трансцендирующими* высказываниями. После введения всех этих определений мы можем рассмотреть вопрос о взаимоотношениях между свободными, переходными, саморефлексивными и трансцендирующими высказываниями.

Особо подчеркнем, что при установлении этих отношений мы доверяемся *интуиции*. Мы уверены, что только интуитивное языковое чутье носителей или знатоков языка может быть источником уверенности в вопросе об истинности предлагаемых утверждений. Или, по крайней мере, мы рассчитываем на вердикт читателя в форме ***допускаю это высказывание***. Некоторые дополнительные основания, связанные с введением новых конструктов и схем анализа сложных когитальных суждений содержится в нашей работе [Петровский, 2000].

Посредством введения замыкающих и привходящих высказываний мы можем существенно расширить спектр приложений алгебры когито. Однако это было бы вряд ли возможно, если бы мы не приняли для себя следующий *постулат*:

$$(\Omega\, k_{i(j-1)})\ \Omega\ (k_{ij}\ \Omega\ X) \sim (\Omega\, k_{ij})\ \Omega\ (X)$$

Иллюстрация:

$$(C\ \Omega\ П)\ \Omega\ (B\ \Omega\ \text{«}параллельные\ миры\ существуют\text{»}) \sim$$
$$\sim (C\ \Omega\ П\ \Omega\ B)\ \Omega\ (\text{«}параллельные\ миры\ существуют\text{»})$$

Данный постулат — мы назовем его *постулатом автономизации* — позволяет запустить механизм взаимодействия свободных когитальных высказываний без вовлечения в этот процесс привходящих высказываний. В силу алгебраических отношений, существующих между свободными когитальными высказываниями, в конечном счете всего одно из них вступает в плотное взаимодействие с привходящим высказыванием (в нашем примере это высказывание «приемлю»).

[134] Просмотрев (впрочем, очень бегло, только «Введение» и «Заключение») книгу одного из авторов, пишущих о Большой теореме Ферма, *я так и не понял*, располагает ли он ее доказательством или опровержением. Выражению «так и не понял» соответствует «воздерживаюсь». Но есть все же основание сказать: «***Я сомневаюсь** в этом высказывании, а именно что автор книги **доказал**...*», так как полагаю, что мне, психологу по профессии, должно было бы быть известно о таком грандиозном событии, как доказательство Большой теоремы Ферма, из многих источников — чуть ли не из свежих газет. (Когда я впервые писал эти строки, я переоценил возможности средств массовой информации. Им удалось пройти мимо этого события — *В.П.*). Примеры «*допускаю*» и «*воздерживаюсь*» читатель может найти на страницах нашей книги — в нашем понимании *психики* (см. примечание на стр.) и эволюционного смысла факта *невидимости* психики (стр.); примеры «воздерживаюсь» — на стр. (применительно к словам о «*Наслаждающейся Вселенной*»).

В нашей первой публикации, посвященной алгебре когито [Петровский, 1997*a*], мы приводили довольно сложные аргументы, апеллирующие к интуиции носителей языка, позволяющие перейти от сложных конструкций свободных когитальных высказываний к простым. Приведем только один пример подобной работы: превращение сложного высказывания «***я воздерживаюсь от высказывания, что я сомневаюсь в высказывании***» в простое «***я приемлю высказывание***» (рис. 43).

Обсудим этот пример, переходя от строчки к строчке на рисунке.

Первая строчка: составное высказывание «***я воздерживаюсь от высказывания, что я сомневаюсь в высказывании***». Оно должно предстать перед нами в форме другого высказывания, а именно «***я приемлю высказывание***». Присмотримся к механизму этого превращения.

На второй строчке мы имеем дело с тем, что подразумевается в двух высказываниях, образующих составное. 1. Говоря: «Я воздерживаюсь (от высказывания)», мы подразумеваем, что есть нечто *мнимое* нами (не более, чем мнимое) и что как мнимое оно *есть* для нас (т.е. мнимость чего-либо утверждается нами безусловным образом). 2. Говоря: «Я сомневаюсь в высказывании», мы также имеем дело с чем-то *мнимым*, но его существование для нас под вопросом; перед нами «условно мнимое».

На третьей строчке мы вслушиваемся в комбинацию слов «*мнимое условно мнимого*», заключая в круглые скобки целостный смысл этой комбинации: «*несуществующее условно существующего*». Смысл этой комбинации рассматривается как *безусловно* данный. Общий смысл подстрочника заключен в квадратные скобки: [«*безусловно* (*несуществующее условно существующего*»].

На четвертой строчке запечатлен итог перестановки «*условно несуществующее*» = «*несуществующее условно*»; в реультате чего под круглыми скобками появляется подстрочник «*несуществующее несуществующего условно*».

На пятой строчке ранее полученное «*несуществующее несуществующее*» переведено как «*условное*», что дает нам «*условное условно*»,

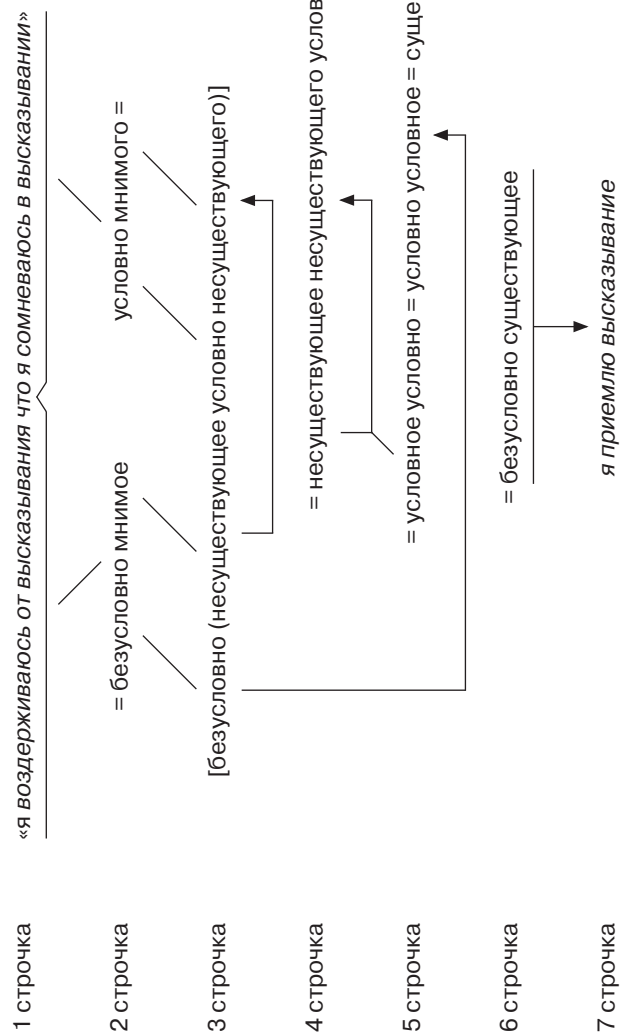


Рис. 43. Перевод с подстрочником

а оно в свою очередь осмысляется нами как «*условно условное*». Но что есть «*условно условное*»? Мы переводим: «*существующее*».

Шестая строчка возвращает нас в подытоживающие квадратные скобки. Мы видим, что *безусловно* нам дано «*существующее*».

Седьмая строчка. Здесь — итог смысловых замещений, в результате которых мы приходим к высказыванию о *безусловно существующем*, которое отвечает смыслу *безусловно достоверного* высказывания «***я приемлю высказывание***».

Алгебра когито как диалог; матрицы свободных когитальных высказываний. При выяснении того, как когитальные высказывания сочетаются с привходящими высказываниями в составе сложного целого, можно обратиться к возможности «перевести» алгебру когито на матричный язык. В этом случае каждое свободное когитальное высказывание по поводу явлений, событий, гипотез, оценок, содержащихся в привходящих высказываниях, может быть представлено как продукт диалога двух «голосов», пребывающих в споре друг с другом.

Такая ситуация возникает часто в нашей жизни. Человек спорит с самим собой, приводя аргументы то «за», то «против» своей собственной точки зрения, рассматривает противоположные взгляды, то оспаривая их, то «проигрывая» в голове позицию противника.

Итак, положим, что речь идет об оценке истинности тезиса «А», содержащегося в привходящем высказывании, в противовес тезису «не-А». Во внутреннем диалоге по этому поводу будем различать аргументы «за» и «против» тезисов «А» и «не-А», принадлежащие мне самому («моему Я») и моему внутреннему оппоненту («моему Ты»). Будем считать также, что это наши взгляды либо противоположны друг другу (если я располагаю аргументом в поддержку тезиса «А», то мой оппонент готов привести аргументы против «А», т.е. в поддержку «не-А», и наоборот), либо остаются одинаково не подтверждены и не опровергнуты (у нас обоих отсутствуют аргументы, подтверждающие отстаиваемую каждым позицию: у меня нет аргументов в пользу «А», у противоположной стороны — в пользу «не-А»). Положим, я имею три возможности оценить справедливость «А»: 1) у меня есть аргумент в пользу «А» (обоснованность тезиса — «+1»); 2) отсутствие аргумента в пользу «А» (обоснованность тезиса — «0»); 3) наличие аргумента, в пользу опровергающего «А», т.е. подтверждающего «не-А» (обоснованность тезиса «А» — «–1»). Также оцениваются

аргументы внутреннего оппонента: 1) «+1» — наличие аргумента в пользу «не-А», т.е. против «А»; 2) «0» — отсутствие аргумента, опровергающего «А»; 3) наличие аргумента в пользу «А», вопреки тезису «не-А»).

Заполним таблицу, помещая в пустые клеточки оценки степени аргументированности тезисов «А» и «не-А» с позиций двух противоборствующих сторон (табл. 14).

Теперь мы можем иметь дело с высказываниями «***приемлю***», «***воздерживаюсь***», «***допускаю***» и «***сомневаюсь***», ставя им в соответствие x_i четырех матриц (табл. 15).

Взаимодействие между свободными когитальными высказываниями можно интерпретировать как произведение матриц. При этом выполняются все соотношения, позволяющие интерпретировать высказывания, представленные в матричной форме, как элементы группы.

Приведем пример такой работы с использованием ранее рассмотренного высказывания «***воздерживаюсь, что сомневаюсь***». В результате произведения матриц это составное высказывание должно превратиться в «***приемлю***»[135].

Действительно,

$$\begin{vmatrix} 0 & -1 \\ 1 & 0 \end{vmatrix} \times \begin{vmatrix} 0 & 1 \\ -1 & 0 \end{vmatrix} \times \begin{vmatrix} 1 & 0 \\ 0 & 1 \end{vmatrix}$$

Как видим, произведение двух матриц, одна из которых соответствует «***воздерживаюсь***», другая — «***сомневаюсь***», рождают третью матрицу, соответствующую «***приемлю***».

[135] Напомним технику такой работы (см. «Умножение матриц» // Википедия).

Есть 2 матрицы: A (2×2) и B (2×2).

Следовательно, в результате умножения этих двух матриц получится матрица: C (2×2). Рассчитаем по правилу умножения матриц коэффициенты новой матрицы: C (2×2).

$C_{11} = (0) \times (0) + (-1) \times (-1) = 1$
$C_{12} = (0) \times (1) + (-1) \times (0) = 0$
$C_{21} = (1) \times (0) + (0) \times (-1) = 0$
$C_{22} = (1) \times (1) + (0) \times (0) = 1$

Т.к.

$C_{11} = (A_{11}) \times (B_{11}) + (A_{12}) \times (B_{21}) = C_{11}$
$C_{12} = (A_{11}) \times (B_{12}) + (A_{12}) \times (B_{22}) = C_{12}$
$C_{21} = (A_{21}) \times (B_{11}) + (A_{22}) \times (B_{21}) = C_{21}$
$C_{22} = (A_{21}) \times (B_{12}) + (A_{22}) \times (B_{22}) = C_{22}$

Таблица 14

Аргументы в споре с самим собой

	Тезис «А»	**Тезис «не-А»**
Мои аргументы «за»	x_{11}	x_{12}
Чужие аргументы «против»	x_{12}	x_{22}

Таблица 15

Матрицы диалогов в споре с самим собой

«приемлю» $= +1$	**«воздерживаюсь»** $= +i$	**«допускаю»** $= -1$	**«сомневаюсь»** $= -i$
$\begin{pmatrix} 1 & 0 \\ 0 & 1 \end{pmatrix}$	$\begin{pmatrix} 0 & -1 \\ 1 & 0 \end{pmatrix}$	$\begin{pmatrix} -1 & 0 \\ 0 & -1 \end{pmatrix}$	$\begin{pmatrix} 0 & 1 \\ -1 & 0 \end{pmatrix}$

Произведение любых двух матриц, приведенных в табл. 15, приводит к третьей матрице, соответствующей некоторому высказыванию из этой таблицы; «порождаемые» при этом высказывания соответствуют результатам уже рассмотренным нами композиций высказываний алгебры когито.

Таким образом, проясняется тот факт, что за любым из когитальных высказываний, ориентированных вовне, скрывается диалог-конфронтация исследователя с самим собой — многоголосье «за» и «против» по поводу альтернатив, лежащих «по ту сторону» его самосознания.

В этой связи продуктивным может оказаться использование развиваемых в алгебре когито схем анализа при интерпретации деятельности ученого, впервые высказывающего свои идеи и отдающего себе отчет в их гипотетичности.

Одним из наиболее ярких исследователей, чьи идеи не только удивляли, но нередко и эпатировали ученую публику, был, как известно, З. Фрейд. Может быть, именно поэтому особенно интересно в контексте алгебры когито проследить, как Фрейд убеждал своих оппонентов, выдвигая самые дерзкие из своих идей.

Ниже мы приводим некоторые примеры, имеющие отношение к метаморфозам и игре высказываний «***приемлю***», «***воздерживаюсь***»,

«***допускаю***», «***сомневаюсь***» из работы Фрейда «По ту сторону принципа удовольствия»[136].

Я воздерживаюсь.

«*Меня могли бы спросить,* — писал Фрейд, — *убежден ли я сам, и в какой мере, в развитых здесь предположениях.* (Фрейд здесь впервые высказывает идею «влечения к смерти» и более общее утверждение о «регрессивном характере влечений») *Ответ гласил бы, что я не только не убежден в них, но и никого не стараюсь склонить к вере в них. Правильнее: я не знаю, насколько я в них верю* (***я воздерживаюсь***). *Мне кажется, что аффективный момент убеждения вовсе не должен приниматься здесь во внимание* (***я воздерживаюсь*** *от* ***я приемлю*** = ***я воздерживаюсь***). *Ведь можно отдаться ходу мыслей, следить за ним, куда он ведет, исключительно из научной любознательности* (пока еще речь идет о ***я допускаю***), *или, если угодно, как* "*advocatus diaboli*"*, который из-за этого сам все же не продается черту* (и тут же, вслед за ***допускаю***, следует ***я сомневаюсь в своем допущении*** = ***я воздерживаюсь)***.

...Конечный результат тем менее надежен, чем чаще это делается (комбинация фактического материала с чистым размышлением) *в процессе построения какой-либо теории* (***я сомневаюсь***), *но степень ненадежности этим еще не определяется. Здесь можно счастливо угадать, но и позорно впасть в ошибку* (***я воздерживаюсь от того, чтобы сомневаться*** = ***я приемлю***).

Так называемой интуиции я мало доверяю при такой работе (***я сомневаюсь***)*... Но, к сожалению, редко можно быть беспристрастным, когда дело касается последних вопросов, больших проблем науки и жизни... При таких основаниях для недоверия не остается ничего другого, как благожелательная сдержанность к результатам собственного мышления*» (***я воздерживаюсь от я приемлю*** = ***я воздерживаюсь***).

...Я только спешу прибавить, что такая самокритика не обязывает к особой терпимости (***я воздерживаюсь***) *по отношению к иным взглядам* (относящимся к сомнительным теориям, которые должны быть отвергнуты как противоречащие наблюдениям: ***я воздерживаюсь*** от того, чтобы разделять чьи-то ***сомнения*** в справедливости моей точки зрения = ***я приемлю*** то, о чем говорю).

...При этом можно сознавать, что правильность выдвигаемой (нами) взамен теории есть лишь временное явление (***я допускаю***). Далее

[136] Здесь и далее цитирую книгу [Фрейд, 1989, с. 420–422], набирая слова Фрейда курсивом (в скобках приводятся мои комментарии к тексту Фрейда) — *В.П.*

повествование непосредственно подводит нас к «*оценке наших рассуждений о влечениях к жизни и смерти*», к тому, что здесь «*мы принуждены оперировать с научными терминами, то есть специфическим образным языком психологии*» (для нас вполне *приемлема* эта ремарка, ведь далее речь идет о «*недостатке нашего описания*» как указание на *условность* используемого языка, что означает для нас ***допускаю***. Имеем: ***я допускаю, что я допускаю*** = ***я приемлю***).

Недостатки нашего описания (язык ***допущений***), *вероятно, исчезли бы, если бы* (***допущение***) *психологические термины мы могли заменить физиологическими или химическими терминами. Они, правда, тоже относятся к образному языку* (вновь ***допущения***), *но к такому, с которым мы уже давно знакомы и который, пожалуй, более прост для нас* (мы, таким образом, должны были бы ***допустить*** для себя новое ***допущение*** = ***я приемлю***).

С другой стороны, мы должны уяснить себе, что неточность наших рассуждений увеличивается в высокой степени вследствие того, что мы принуждены одалживаться у биологии (***я сомневаюсь***). *...Мы можем ждать от нее самых потрясающих открытий и не можем предугадать, какие ответы она даст нам на наши вопросы несколькими десятилетиями позже* (***я воздерживаюсь***). Имеем: ***я сомневаюсь в том, от чего воздерживаюсь*** = ***я приемлю***). *Возможно, что это будут как раз такие открытия, что вследствие них все наше искусное здание гипотез распадется* (***я сомневаюсь***). *... Я не могу сказать, однако* (***воздерживаюсь от сомнений*** = ***я приемлю***), *что некоторые аналогии, сопоставления или зависимости не казались бы мне все же заслуживающими внимания* (***я приемлю***)».

Мы видим, что в своих рассуждениях Фрейд первоначально как бы отступает на шаг (***я воздерживаюсь***); это состояние не столько афишируется им, сколько подразумевается, как закономерное следствие контактов между свободными когитальными высказываниями «***допускаю***», «***воздерживаюсь***», «***сомневаюсь***», «***приемлю***»; и эта работа в конечном счете приобщает читателя к авторской позиции «***приемлю то, о чем думаю***» (и вы, следующие за мной, могли бы принять мою мысль!).

Рассмотрим еще один класс вопросов, имеющих отношение уже не к самой по себе алгебре когито, а к ее прикладным аспектам. На языке, который становится сегодня, увы, все более понятным и философам, и логикам, и лингвистам, и психологам, проблема могла бы быть сформулирована так: если верно, что алгебру когито *акционирует* философская, логическая, лингвистическая и психологическая мысль, то в чем могли бы состоять возможные дивиденды?

Алгебра когито и философия. Рассмотрим две области философских разработок, для которых могли бы быть небезразличны контакты с алгеброй когито.

Философия «Я». Термин «философия “Я”» — чисто рабочий. Он указывает скорее на некоторую область возможных находок, чем на какую-либо строго очерченную предметную область в философии. Речь идет об исследованиях, центрированных на проблеме «Я», и само собой ясно, сколь разнородны и многообразны эти исследования. Должную определенность, пожалуй, вносит лишь конкретизация «Я» как causa sui («причины себя»), в каких бы конкретных обличьях не заявляло оно о себе в истории философии — «мыслящая вещь» Декарта, «яйность» Фихте, «монада» Лейбница и др. «Мысль о самой мысли», «самополагание», «самоопределение» — все это не разные имена для обозначения одного и того же. Да, речь идет о процессах, замкнутых на себя, производящих себя, производимых собою и в этом смысле одинаково «самопричинных». Но анализ мог бы убедить нас в том, что процессы, реализующие самопричинность «Я», суть различимые процессы [Петровский, 1992]. И они нерасторжимы, замкнуты также друг на друга, обусловливают друг друга. Призрак мультипликативности (в том смысле, который придает этому слову математика) пронизывает тексты философов... В алгебре когито он обретает реальность. Зачем?

Быть может, затем, чтобы вернуться?

Возьмем для примера принцип *сомнения*. «Подвергай все сомнению!» Попробуем реализовать в полном объеме этот девиз. Мы помним, что алгебра когито, открывая цикличность группы когито, подмечает, в частности, тот факт, что элемент ***С*** (***я сомневаюсь***) является одним из *образующих* элементов данной группы (многократное произведение этого элемента на себя воспроизводит все остальные ее элементы). Из этого следует, что, если принцип сомнения универсален, предметом сомнения должно выступить сомнение как таковое. И мы имеем тогда:

$\boldsymbol{C}^2 \sim \boldsymbol{C}\ \Omega\ \boldsymbol{C} \sim \boldsymbol{Д}$ (***сомневаюсь, что сомневаюсь*** *эквивалентно* ***допускаю***). Далее (в силу той же непреклонной универсальности принципа), $\boldsymbol{C}^3 \sim \boldsymbol{C}\ \Omega\ \boldsymbol{C}\ \Omega\ \boldsymbol{C} \sim \boldsymbol{C}\ \Omega\ \boldsymbol{Д} \sim \boldsymbol{В}$ (***сомневаюсь, что допускаю*** *эквивалентно* ***воздерживаюсь***). И наконец, $\boldsymbol{C}^4 \sim \boldsymbol{C}\ \Omega\ \boldsymbol{C}\ \Omega\ \boldsymbol{C}\ \Omega\ \boldsymbol{C} \sim \boldsymbol{C}\ \Omega\ \boldsymbol{В} \sim \boldsymbol{П}$ (***сомневаюсь, что воздерживаюсь*** $\sim$ ***приемлю***). (См. геометрическую интерпретацию этих композиций, и тогда метаморфозы самонаделенного сомнения выступят со всей наглядностью.) Уничтожается ли тем самым фигура сомнения как одна из установок сознания? Разумеется, нет, ведь ***я приемлю*** также может быть подвергнуто сомнению, и круг, таким образом, замыкается на *сомнении*: $\boldsymbol{C}\ \Omega\ \boldsymbol{П} \sim \boldsymbol{C}$ (***сомневаюсь, что приемлю*** *эквивалентно* ***сомневаюсь***). Однако мы видим, что принцип сомнения в самом себе ограничен, уравновешивает себя производными от себя самого установками мысли.

Или — «пирроническое *воздержание*», εποχή, «состояние воздержания от всякого высказывания», о котором Павел Флоренский говорил как о «последнем слове скепсиса» [Флоренский, 1990, с. 35]. Если высказывание εποχή обратить к самому себе, то это «приводит к состоянию уже не просто сомнения (в смысле неуверенности), а к абсолютному сомнению». В этом случае «началось, — отмечает автор цитируемого произведения, — абсолютное сомнение, как полная невозможность утверждать что бы то ни было, даже свое неутверждение»[137]. И, продолжаем мы, подобный вывод бесспорен, *если* исходить из идеи существования *вполне* «*не-условного*» (Флоренский) знания. Анализ, однако, показывает, что условное знание необходимо присутствует в любом высказывании алгебры когито — либо непосредственно, как например, в высказываниях «***я допускаю***» и «***я сомневаюсь***», либо опосредовано, как бы в спектральном разложении таких высказываний, как «***я воздерживаюсь***» и «***я приемлю***». Последовательная же реализация высказывания «***я воздерживаюсь***» в обращенности к себе самому циклически порождает все элементы группы когитальных высказываний, ибо «***я воздерживаюсь***» есть еще один (в дополнении к «***я сомневаюсь***») *образующий* элемент этой группы.

Соотнесение гносеологических систем в философии. Конечно, философские аспекты формализации соотношений, присутствующих в

[137] «Последовательно развиваясь, выявляя присущую ему in nuce идею, скепсис доходит до собственного отрицания, но не может перескочить и через последнее, так что обращается в бесконечно-мучительное томление, в потуги духа» [Флоренский, 1990, с. 36–37].

«Выходит даже не утверждение и отрицание, а безумное вскидывание и корча, неистовое топтание на месте, метание из стороны в сторону — какой-то нечленораздельный философский вопль. В результате же — воздержание от суждения, абсолютная εποχή, но не как спокойный и бесстрастный отказ от суждения, а как затаенная внутренняя боль, стискивающая зубы и напрягающая каждый нерв и каждый мускул в усилии, чтобы только не вскрикнуть и не завыть окончательно безумным воем» [Там же, с. 37].

когито, не ограничиваются философией «Я». Например, саму типологию, взаимосвязь и взаимопродуцирование философских систем можно увидеть в контексте алгебры когито. Так, позиция «***воздерживаюсь***» представлена философией *агностицизма*, «***допускаю***» — философией *позитивизма*, «***сомневаюсь***» — *картезианской* доктриной и современными ее импликациями, «***приемлю***» — философией *наивного реализма*.

Пожалуй, лишь последняя, т.е. некритическая и не рефлектирующая себя вера в истинность того, что дано нам в первичном опыте (= опыте первоначальных суждений о мире, будь то опыт переживания внеположности мира или бытия Бога) не выходит за пределы себя. Но уже философия «***допускаю***», представленная гипотетико-дедуктивными конструкциями, чревата философией *принятия* опыта, выраженного принципом верификации, т.е. подтверждаемости теории опытом. По поводу принципа верификации аналитики справедливо замечают, что реализация гипотетико-дедуктивных построений неизбежно приводит к парадоксальному результату. Исходные допущения теории как бы встречаются сами с собой, ибо не существует такого опыта, который не зависел бы от исходных теоретических посылок (а они-то и лежали в основании накопления этого опыта)[138]. К этой встрече *условно достоверного* знания, посылок теории с самими собой (ибо они вычитываются в материале эмпирических данных) можно относиться по-разному — как к призыву дурной бесконечности (все нагнетаемой условности), что означало бы абсолютную невозможность эмпирического обоснования концепции; или как к поводу вышагнуть за пределы условности в область достоверного знания. Именно такое решение и предлагается алгеброй когито. Ведь то, что *факты*, обнаружение и описание которых опосредовано *допущениями* концепции, соответствуют *самим этим допущениям*, интерпретируется здесь как момент *допущения допущения*, т.е. *приемлемости* таких положений. Преодолимо и расстояние между принципом верификации и принципом фальсификации, что был предложен К. Поппером. На философию «***допускаю***» Поппер отвечает: «***Воздерживаюсь***». ***Допустив*** правомерность подобной *уклончивости*, он разрабатывает свою философию ***сомнения***. Ибо **что** есть предложенный им принцип фальсификации (провокации опыта на опровержение теории), как не провозглашение *условно мнимым* того, что должно быть в конечном счете оценено как *приемлемое*? Итак, следуя алгебраической модели когито, мы видим, сколь проницаемы барьеры, разделяющие противоборствующие философские системы, как велика интенция их соучастия и соприсутствия друг в друге.

[138] «Моя точка зрения вкратце такова, что наш обычный язык полон теорий, что наблюдение есть всегда *наблюдение в свете теорий* и что только индуктивистский предрассудок заставляет людей думать, будто возможен феноменальный язык, свободный от теорий и отличимый от “теоретического языка”» [Popper, 1983, p. 59]. «...Нет такой вещи, как “чистый опыт”, но только опыт, интерпретированный в свете ожиданий или теорий, которые являются “трансцендентными”» [Ibid., p. 425].

Алгебра когито и лингвистика. В связи с разработкой алгебры когито приобретают значимость некоторые новые вопросы внутри двух классических проблем: соотношения естественного и искусственного языка и соотношения письменной и устной речи.

Гомологии естественного и искусственного языка. Согласно *истории* своего происхождения, язык любой формальной теории противостоит генезу любого естественного языка, представляя собой набор знаков и знакосочетаний, критериев подстановки и т.п., само введение которых фактически опирается на развитые формы естественного языка (хотя, конечно, вполне возможно вообразить шизофрению саморазвития формального языка в разлуке с языком естественным). Живой язык как среда существования формального языка — условие внятного говорения на этом искусственном языке (присутствие метаязыка обеспечивает осмысленность говорения) и ясного понимания конструкций формального языка. Н. Бурбаки в связи с последним отказывается «обсуждать возможность обучать принципам формализованного языка существа, умственное развитие которых не доходило бы до умения читать, писать и считать» [Бурбаки, 1965, с. 26]. В этом контексте естественный язык может рассматривать как первичный (первопричинный) по отношению к формальному языку.

С другой стороны, язык формальных теорий скрыто представлен в любом живом языке. Согласно *логике* своих взаимоотношений с естественным языком, он заключает в себе — говоря неформально — некоторую изнанку мышления в конструкциях естественного языка. Именно формальный язык ближе всего к схематизмам мышления в терминах И. Канта. В этом смысле формальный язык объективно первичен по отношению к естественному — заключает в себе абстрактную основу существования живых языков.

При этом весьма сомнительна возможность в конечном счете отождествить формальный и естественный языки, например, пола-

гая, что один из них может быть выведен из другого (известна попытка, «начав с понятий, заимствованных у формальных наук», разработать «некоторые центральные понятия физических наук», а потом с их помощью приступить к анализу «наук о поведении» и, более того, пройдя этот путь, превратить конец пути в начало нового, т.е. вывести теперь уже понятия логики из понятий о поведении, тем самым замкнув круг; такая дерзновенная попытка принадлежала Р. Акоффу и Ф. Эмери, но дело ограничилось, насколько нам известно, только общими идеями).

В рамках интенциональных (эпистимических) логик, в которых до известной степени учитываются знания, желания и интенции субъекта [Величковский, 1982], показана невозможность прямого переноса формально-логических правил умозаключения на реалии человеческого мышления, протекающего, отметим, в рамках обыденного языка. «Так, интенциональное высказывание "Гамлет хотел убить человека, скрывавшегося за занавесом", не позволяет произвести логическую подстановку "Полоний" вместо "человек, скрывавшейся за занавесом", поскольку Гамлет не знал, что за занавесом скрывался Полоний" [Величковский, 1982, с. 268). Несовпадение формально-логического и «обычного» языкового мышления можно проиллюстрировать на примере пространственно-временного отношения, выражаемого словом «вместе». В формально-логическом смысле, оно, несомненно, обладает свойством «симметричности»: «А вместе с В» эквивалентно «В вместе с А» в каком бы то ни было контексте существования А и В, так что если в некоторый момент времени «А (окажется) вместе с В», то в тот же момент времени «В (окажется) вместе с А». Однако в живом языке вполне совместимы следующие высказывания: «Если я пойду с вами, то мы придем вовремя», но «Если вы пойдете вместе со мной, то мы опоздаем» (чистосердечное признание лирического героя автора. — *В.П.*). Исследуемое единство, но не тождество языков, очевидно, должно проявиться и при сопоставлении систем, строящихся с опорой на формальный и естественный языки. Именно в этой связи мы и обращаемся к сопоставлению алгебраических структур и структур мышления в естественном языке.

Поэзия философской речи с ее чувствительностью к внутренней форме слова, с пафосом этимологических откровений, с ее восторгом от созерцания смысловых синергий в самой плоти слова — не удивительно ли, что эта поэтическая речь философской мысли может быть

насквозь математична? И что в ней, как в одном стихотворении Бунина, правят «упавшие с небес» время, пространство, число?[139]

Предлагаемая в настоящей главе *форма* математической интерпретации когитальных высказываний исходит из идеи того, что слова и высказывания естественного языка допускают *алгебраическую интерпретацию*, могут быть выражены в виде *произведения* каких-либо языковых образований. Начнем с самого слова «произведение». Оно заключает в себе четыре момента. Начнем с завершающего. Речь в этом случае идет о произведении как особой целостности (т.е. состоявшемся бытии, совершенном, свершенном). О нем, по аналогии с *произведением искусства* или *произведением научной мысли*, можно говорить как о том, что произведено, — «произведенном» (или выведенном, ведомом — как результат некоторого акта познания). Рассматривать высказывание как произведение и ставить при этом акцент на его целостности — значит брать это высказывание в полном объеме свойственных ему смыслов, охватывая *представления, мысль, переживание, движение*[140]. Далее в произведении обозначается то, *из* (или *от*) *чего* что-то берется, происходит, т.е. «производящее$_1$» («ведущее»). Следующий, спрятанный в *произведении* момент — это то, *чем* творится, строится что-то, а именно «производящее$_2$» («ведущее»). И наконец, в *произведении* содержится то, в *ходе чего* что-то

[139] Мартин Хайдеггер, тексты которого укоренены в живом немецком в той же мере, в какой тексты Павла Флоренского — в живом русском языке, *вслушивается* в слова — и *зрит* геометрию мира, *всматривается* в слова — и словно бы *осязает* его длящееся бытие. Позволим себе всего несколько примеров.

– О «близи» и «вещи». «Приближать — вот сущность близи». «Вещь не находится “в” близи, словно близь — это какой-то футляр. Близь правит в приближении, будучи веществованием вещи».

– О «необходимости». Она расшифровывается Хайдеггером как «не-обходимость» (пишется через дефис).

– О «присутствии». Это есть то, что существует «при сути» (так по-русски осмысляет хайдеггеровский вариант Dasein — «здесь-бытия» — В.В. Бибихин).

– О «земле, небе, божественных и смертных». «Они пребывают... в простосложенности (в интерпретации Соловьева и Флоренского это могло бы прозвучать как «единомножии».– *В.П.*) их единой изнутри себя самой расчетверенности» (эта фраза М.Хайдеггера особо выделена в глубокой статье А.В. Михайлова, составителя, редактора и переводчика изданных в России избранных текстов немецкого мыслителя [Михайлов, 1993, с. IX]).

[140] О единстве категорий «представление», «мысль», «переживание», «движение» в составе Я [Петровский, 1996*б*; 1996*в*].

свершается, — «производство» («ведение»). И таким образом произведение как целостность (как результат) есть *что-то, произведенное этим* (из) *этого*. Обратим внимание на возможность в ряде случаев опустить скобки: когда что-то производится *тем*, что принадлежит тому, *из чего* производится. И мы тогда говорим: «Производится ***этим*** *это*». Иными словами, говоря о произведенности «*этим этого*», мы подразумеваем, что ведущая «часть» творимого целого инструментировала другую «часть» (или ту же самую, но только в качестве ведомой), как бы проращивая ее, вспомоществляя ей в ходе превращения ее в целое.

Итак, *произведение* как слово, которое к математическому языку, казалось бы, никакого отношения не имеет, глубинным образом адекватно *произведению* в алгебре групп — по крайней мере, по отношению к отдельным словам естественного языка (мы наблюдали их в алгебре когито). Каждое такое произведение здесь целостно, и вместе с тем каждое есть «часть» другого. Любое из них может браться как ведущее и ведомое в составе целого. И, наконец, все высказывания способны к соучастию в производстве друг друга. Таким образом, создается *прецедент* для особой лингвистической работы: определения слов и высказываний, объединяемых общей судьбой — вмещать в себя смыслы других языковых сущностей этого круга, будучи частью и целым, действовать внутри друг друга, быть источником и средством порождения себя и другого.

Совершенно особую возможность в свете алгебры когито открывает анализ *звучащего* слова, *интонированной речи*. Сложные в своем письменном оформлении конструкции типа «***воздерживаюсь от того, чтобы сомневаться***» могут быть «свернуты» в высказывания, в котором будет произнесен вслух всего лишь один глагол, в данном примере глагол «*сомневаться*». Оператором трансформации его значения выступит интонация, переносящая на него смысл другого глагола в структуре сложного высказывания («***воздерживаюсь***»). Так, в нашем случае «***сомневаюсь***» прозвучит с оттенком искреннего недоумения («откуда, мол, берется это сомнение?!»), что, по сути, и будет означать «*приемлю*».

Алгебра когито и логика. Особый интерес представляет, на наш взгляд, соотнесение алгебры когито со смежными попытками построения содержательных логик, имитирующих человеческую деятельность и живую человеческую мысль.

С *модальными логиками* алгебру когито роднит отсутствие дихотомии «истина ↔ ложь» допустимых значений функции истинности.

С *рефлексивной логикой В.А. Лефевра* алгебра когито едина в стремлении осмыслить феномен отраженности мысли в себе самой.

Область исследования *саморефлексивных высказываний* (известная прежде всего своими *парадоксами*[141]) может быть пополнена композициями группы когито.

Предвосхищая общий вывод предстоящих сравнительных исследований, автор исходит из *допущения*, что алгебра когито не редуцируема ни к модальным логикам как таковым, ни к рефлексивной логике, ни к «парадоксологии» саморефлексивных высказываний. Предметом разрабатываемого подхода являются *модусы саморефлексии* в их взаимоотношениях друг с другом, что до сих пор не вычленялось в качестве особой проблемы ни в одной из указанных дисциплин. Можно предположить, что развитие идеи модусов саморефлексии в их взаимоотношениях друг с другом позволит установить более тесные связи между названными областями логических исследований. Но, разумеется, обоснование этого положения требует специальной работы.

Алгебра когито и психология. Перечислим здесь возможные сферы психологических разработок, где могла бы быть использована предлагаемая алгебраическая модель.

*Парадоксы самосознания, суггестия и самосуггестия***.** Положим, мы говорим кому-нибудь: «Я вполне допускаю правомерность вашего допущения». Почему бы, отталкиваясь от этих слов, не сказать теперь собеседнику: «Давайте тогда примем...» (с тем чтобы склонить его на свою сторону)? Но такой оборот дела, хотя, возможно, и оправданный стремлением убедить собеседника, логически вовсе не подготовлен. Противозаконность подобного логического тропа состоит в том, что здесь первый человек делает допущение по поводу допущения, сделанного вторым человеком, и, стало быть, никакого

[141] Приведем только один пример *рефлексивного парадокса*. «Большинство английских прилагательных не *обладают* качеством, которое они обозначают; прилагательное “красный” само не красное. Однако некоторые прилагательные обладают тем качеством, которое они обозначают; например, прилагательное “adjectival” (“употребленный в качестве прилагательного”; русский переводчик предлагает еще один пример прилагательного: “выразительный” — *В.П.*). Назовем прилагательное первого типа гетерологическим, а второго — гомологическим. “Гетерологический” — прилагательное; к какому типу оно принадлежит?» [Литлвуд, 1979, с. 43].

обобщающего вывода тут сделать нельзя. Рассмотрим затем другой случай, когда субъектом *и* объектом высказывания «***я допускаю***» будет сам человек, говорящий: «***я допускаю, что я допускаю***». В этих обстоятельствах, как мы уже отмечали выше, тезис *приемлем*. Предположим, однако, что кто-либо отождествляет (идентифицирует) себя с другим человеком, так что голос другого сливается в его сознании с его собственным голосом. Тогда автоматически «***я допускаю, что вы допускаете***» протаскивает мысль о *приемлемости* тезиса. Налицо суггестия, внушенный паралогизм! И точно так же в целях «согласия», собеседник, грубо говоря, может «гнать» своего оппонента «по кругу», тайком пожиная плоды *произведения* высказываний. Например, в угоду себе он может *усомниться* в том, что кто-либо вправе позволить себе *воздерживаться* от высказывания, тем самым склоняя колеблющегося признать тезис *приемлемым*. В логическом отношении подобные манипуляции будут совершенно неправомерны, но зато весьма эффективны практически — главное здесь только как следует «присоединиться».

Иное дело, когда оба собеседника вполне сознательно исходят из конвенции *поиска компромисса*, т.е. размышляют так, как если бы некий единый субъект в каждом из них стремился сгладить противоречия с самим собой. В таком случае эффекты круговращения когито логически оправданы (возможно и практически осуществимо построение «тренинга компромиссов», основанного на этой идее).

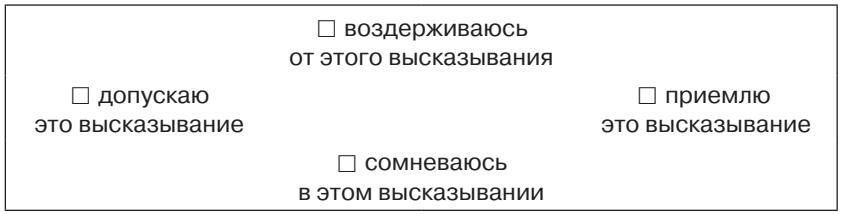
Сложная психологическая проблема, вырисовывающаяся в контексте исследования когито, заключается в прозрачности, а то и призрачности перегородок, существующих между общающимися субъектами. Представляется вполне вероятным, что генезис таких когитальных высказываний, как «я приемлю», «я воздерживаюсь», «я допускаю», «я сомневаюсь», связан с усвоением точки зрения значимого другого (других) на высказывания самого субъекта (слово «сомнение» выражает эту идею вполне наглядно). Где грань между «Я» и «не-Я» во мне, между моей субъектностью и отраженной во мне субъектностью другого [Петровский, 1997*а*]?. Парадокс состоит в том, что, с одной стороны, чувство самотождественности в когитальных высказываниях «я приемлю», «я воздерживаюсь», «я допускаю», «я сомневаюсь» может служить индикатором целостности его самосознания (по крайней мере, в самом акте высказывания). С другой стороны, налицо возможность раздвоения «Я» на субъекта *первичного*

высказывания и субъекта *когитального* высказывания. (Мы говорим о себе: «Я вовсе не говорю о том, что...» — но ведь сказал! Или говорим: «Я молчу»; но ведь мы говорим это! Фрейд отмечал, что, если пациент говорит о себе: «Доктор, у меня совсем не болит голова», — значит, болит!).

Трансактная модель описания личности (о ней уже шла речь в нашей книге). Согласно Э. Берну, каждый индивидуум воплощает в себе три эго-состояния: «Родитель», «Взрослый», «Дитя». Выделяются две разновидности Родителя (Контролирующий Родитель и Опекающий Родитель) и две разновидности Дитяти (Естественное Дитя и Адаптированное Дитя). Взрослый описывается как единое и неделимое образование. Однако в контексте исследований алгебры когито возможно более дифференцированное описание эго-состояния «Взрослый» — выделение таких его ипостасей, как Приемлющий Взрослый, Воздерживающийся Взрослый, Допускающий Взрослый, Сомневающийся Взрослый. И тогда любое решение, принимаемое Взрослым, можно представить, по аналогии с судебным процессом, как результат четырехстороннего внутреннего диалога между Прокурором, который представляет интересы *истца* — высказываемого *тезиса* (Приемлющий Взрослый), Присяжными (Воздерживающийся — до поры до времени — Взрослый), Судьей (Допускающий Взрослый) и Адвокатом (Сомневающийся Взрослый). По-видимому, нельзя полагать, что эти роли жестко закреплены за эго-состоянием «Взрослый» — ведь тогда, в силу непредвзятости Взрослого, их надо было бы рассматривать как контаминации («склейки») с эго-состояниями «Родитель» и «Дитя». Перед нами — разные ипостаси Взрослого, но в том и только том случае, когда они пребывают в состоянии внутреннего взаимодействия (а, следовательно, и взаимопереходов), что не исключает, что в некоторые периоды реального времени на первый план может выдвигаться какая-либо одна из них.

Психометрика. В традиционном психологическом тестировании используются опросники, отвечая на которые, испытуемый говорит: «Да», «Нет», «Не знаю», или в баллах выражает *степень* своего согласия (несогласия) с пунктом опросника. Подразумевается линейная шкала упорядочивания ответов. Удобный в практических целях, этот подход может быть нечувствителен к нюансам испытываемого отношения. Новая форма опросника могла бы иметь следующий вид (содержание утверждения в данном случае несущественно).

Согласны ли Вы с высказыванием: «Сомневаюсь, что следовало бы пересмотреть стандартную форму опросников»?



Вместо слова «сомневаюсь» *в вопросе* могли бы фигурировать другие слова, соответствующие позициям «воздерживаюсь», »допускаю», «сомневаюсь», «приемлю». (И таким образом можно было бы эмпирически проверить прогностическую ценность алгебраической модели когито).

Мышление и речь. Алгебра когито возвращает нас к проблеме «неизреченности» мысли. К примеру, ***«я сомневаюсь»*** и ***«я воздерживаюсь»*** не менее парадоксальны, чем ***«я лгу»***. В любых проблематических суждениях обозначаются два слоя: первичное высказывание и модус отношения к нему субъекта. Верно, что вместе с мыслью рождается понимание этой мысли. Но не менее верно, что внутри понимания может таиться как признание мысли, так и недоверие к ней. «Безусловно достоверное» и «условно достоверное», «безусловно мнимое» и «условно мнимое» — все это разные отсветы и оттенки мысли, тут же и открывающиеся нам в специфических переживаниях. (С этой точки зрения интересно было бы проследить, например, метаморфозы переживаний, выраженные в известных пушкинских строках — «Ах, обмануть меня нетрудно, я сам обманываться рад».) Подобные моментальные трансформации, взаимопереходы, переливы заключают в себе как бы опережающее отрицание истинности предстоящих высказываний, что, в частности, и выражено в общеизвестном тютчевском признании (назовем его намеренно *изречением*): «Мысль изреченная есть ложь».

Все сказанное еще раз обращает нас к трудам Л.С. Выготского, посвященным мышлению и речи. Смещается лишь фокус проблемы: вместо «*становление* мысли в слове» мы должны будем прочитать «*остановление*».

Алгебра когито и «игра в бисер». Алгебра когито и есть игра в бисер.

Часть 3
ПЕРСОНО-ЛОГИКА

Глава 16

ОБЩАЯ ПЕРСОНОЛОГИЯ: НАУКА ЛИЧНОСТИ

Не представляет открытия тот факт, что психология личности сегодня — это не одна психология, а две: фундаментальная (ее называют еще академической) и практическая (практика психологического консультирования). Каждая из них занимает особую нишу в общественном сознании и жизни общества; у каждой — свой круг проблем и подходов, свои критерии достоверности и категориальный аппарат. «Объективность», «истина», «детерминизм», «гипотеза», «операционализация терминов», «статистические методы», «интерпретация результатов», «научение» — таковы понятия фундаментальной науки. «Субъективность», «свобода — ответственность — выбор», «психотехнический миф», «метафора», «уникальность», «понимание и приятие», «рост личности изнутри» — так позиционирует себя практическая психология. Психологи-исследователи и психологи-практики публикуют свои работы в разных журналах, имеют разную читательскую аудиторию. В России различия затрагивают даже уровень материального благосостояния тех и других (быть успешным практикующим психологом — это значит худо-бедно иметь средства к существованию, что отчасти объясняет волну перепрофилирования академических психологов, которые буквально хлынули в практику).

К факту сосуществования двух психологий можно относиться поразному. Его можно игнорировать (психологи-практики и психологи-исследователи порой как бы не замечают друг друга). Его можно принять как должное и, более того, как веление времени. Но можно усмотреть в этом факте также и симптомы некоего серьезного кризиса — быть может, одного из самых серьезных за всю историю существования психологии. Симптомы кризиса сродни тем, о которых писал Л.С. Выготский в «Историческом смысле психологического кризиса». И в самом деле, разве не очевидна для нас преемственность

сегодняшнего кризиса «двух психологий» с дуализмом «объяснительной» и «описательной» психологии начала XX в.? В очередной раз целостность психологии как науки оказывается под ударом.

Из двух возможных вариантов исхода этого кризиса — раскола психологии или синтеза ее направлений — рассмотрим вторую возможность. И заключается она, на наш взгляд, в том, чтобы содействовать рождению особого направления в психологии. Назовем его «общей персонологией» — в развитие проекта «общей психологии» Л.С. Выготского, раскрывая в ней новые грани.

Термин «персонология» уже существует в науке. Генри Мюррей называл свою психологическую теорию «персонологией». «Психологический словарь» Артура С. Ребера предлагает также еще одно значение термина: «изучение личности». Говоря об общей персонологии, мы имеем в виду нечто большее, чем психологическое исследование личности, резюмируемое в той или иной научной теории. Общая персонология есть метатеория по отношению к теоретико-экспериментальным исследованиям, центрированным на личности, а также фактам и наблюдениям из области многоплановой психологической практики развития и поддержки личности. «Общая персонология», в отличие от «персонологии» Мюррея и всех других ныне существующих теорий личности, *тестирует* себя, свою ценность в качестве инструмента практической и духовной жизни людей, источника развития и саморазвития человека; тестирует принципы фундаментальной психологии и таким образом «заставляет психологию перестраивать свои принципы так, чтобы они выдержали высшее испытание практикой» (подчеркиваем этой цитатой из Л.С. Выготского преемственность «общей психологии» и «общей персонологии»).

Итак, «общая персонология», если иметь в виду замысел ее построения, это психологическая теория личности, выступающая со стороны эффектов своего воздействия на личность; а также практическая психология как прикладная психология личности. Теория и практика — лицом к лицу.

Контекст формирования новой персонологии — это:

- человекознание;
- социальная практика;
- педагогическая антропология, осуществляющая связь первого и второго (рис. 44).

Разумеется, *человекознание* — это нечто большее, чем психология; это философия, религия, наука, литература, искусство, свидетельства

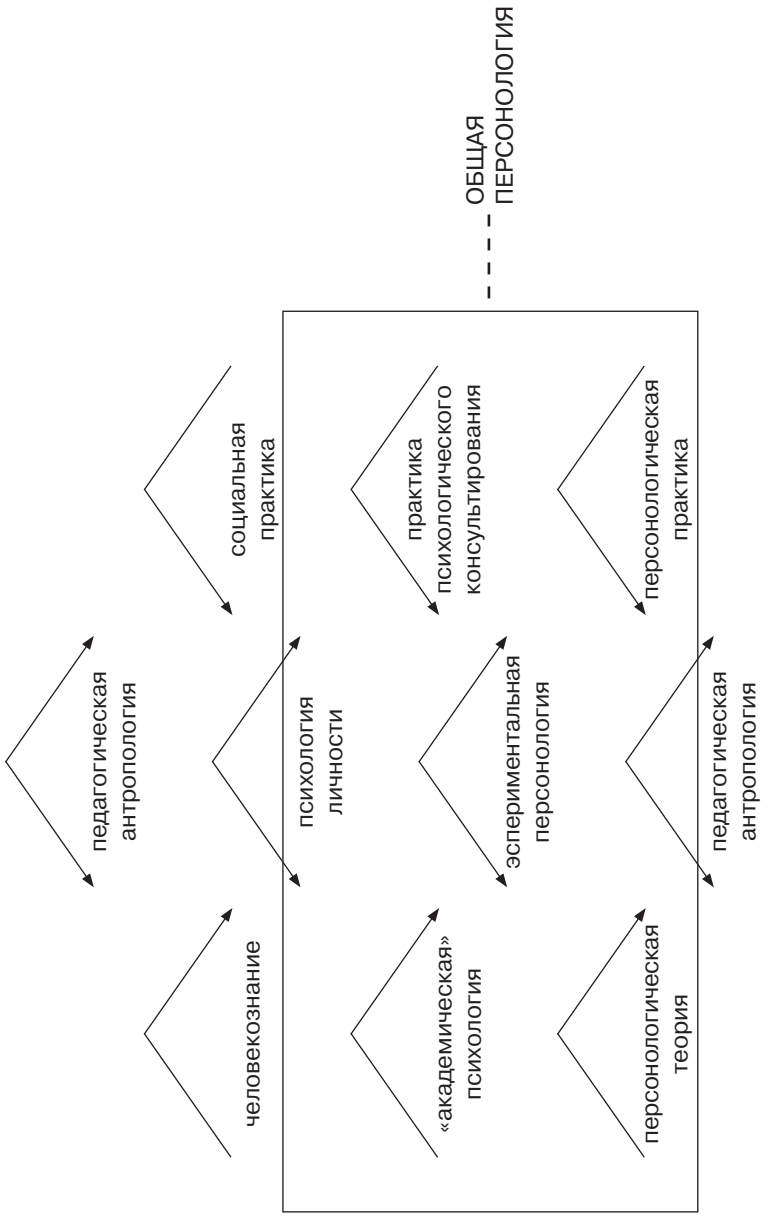


Рис. 44. Общая персонология в социокультурном пространстве

сознания субъектов истории (идеологов, политиков, духовных наставников). *Социальная практика* — это все то, что относится к сфере «человеко-созидания» (в отечественной науке ранее это было принято обозначать как «духовное производство», «производство человека человеком»). Таково образование в самом широком смысле — как личностно-образовательное движение. *Педагогическая антропология* — это нечто базовое по отношению к «обучению», «воспитанию», «педагогической поддержке». Это определенным образом организованное и предъявленное совокупное знание человека о человеке; оно как бы высвечивается на экране общественного сознания и может быть свободно присвоено (или отторгнуто) человеком в процессе его жизнедеятельности.

Общая персонология намеренно ограничивает источники своего воздействия на людей фактами и построениями, существующими в психологии как науке, отделяя их от психотехнических мифов, интуитивных догадок, убеждений обыденного сознания, личного опыта, паранаучных воззрений, научных, однако «не-психологических», не ассимилированных психологией как наукой данных (что отличает ее как часть более общей системы — педагогической антропологии — от «работающего инструментария» современной практической психологии и психотерапии).

Таким образом, факты персонологии — это прежде всего результаты психологического исследования личности. Но не только. Это феномены, затрагивающие саму личность, «цепляющие» ее за живое.

Поясним сказанное примером (впрочем, совершенно гипотетическим). «Проверялась гипотеза о наличии связи между непроизвольными движениями глаз при восприятии движущихся в поле зрения объектов (виды, открывающиеся в окне движущегося поезда) и актуальным содержанием сознания испытуемых (воспоминания, мысли, намерения, ощущения, чувства — все то, что может быть названо “потоком сознания”). Испытуемые — пассажиры пригородных электричек, согласившиеся ответить на вопросы интервьюера. Время проведения — день. Люди в вагонах могут свободно рассаживаться, выбирая место у окна. Подтвердилось, что пассажиры, сидящие по ходу движения поезда у окна по правую руку, чаще фантазируют о будущем, в то время как пассажиры, сидящие спиной к движению поезда у окна по правую руку (это место у другого окна, наискосок от первого в нашем примере) чаще предаются воспоминаниям. В двух

оставшихся случаях также выявились определенные различия. В одном случае (место спиной к движению, окно по левую руку) человек как бы расстается со своим прошлым, освобождается от воспоминаний, испытывая облегчение (прошлое отдаляется). Во втором случае (место по ходу движения, окно по левую руку) человек погружается в размышления, вступает во внутренний диалог с собой»[142]

Предположим, что все так и есть... Но может ли рассматриваться это исследование как пример собственно *персонологического* исследования? Если «да», то только отчасти. Мы еще не знаем, насколько интересны и полезны результаты этого исследования для людей. Но, положим, мы продолжили исследование. Теперь каждый входящий в вагон электрички человек получает «памятку для пассажира», где изложены результаты этого психологического исследования. Скрыто понаблюдаем за поведением людей (многие ли из них начнут пересаживаться — как бы проверяя достоверность выводов, о которых только что прочитали? Многие ли оторвутся от книги, чтобы «просто» смотреть в окно?). Пассажиры, совершающие ежедневные поездки, могут обнаружить новые предпочтения при выборе места — так ли это? Если нам при этом удастся показать, что информация, содержащаяся в «Памятке», способна повлиять на поведение людей, оживить их интерес к себе, помочь сделать для себя что-то, то в этом случае мы признаем проведенное исследование *персонологическим*, добытые факты — *фактами персонологии*. В противном случае перед нами один из сотен и тысяч фактов, вполне вероятно, представляющих интерес для психологов, но и только для них.

Эмпирического исследования, на которое ссылается автор этой статьи, проведено не было. Журнала «Персонология» не существует. Мы привели этот пример для того, чтобы прояснить для читателя суть ситуации, в которой персонолог находится, принимая решение о проведении персонологического исследования. Вот вопросы, на которые заранее он хотел бы знать ответ: «Захочет ли кто-нибудь — кроме его коллег — узнать о фактах подобного рода? (а вы, читатель)?»; «Может ли кто-нибудь предсказать, что получилось бы у исследователя в ходе такого эксперимента?»; «Как повлияли бы факты, если

[142] В.А. Петровский. Фрагмент статьи «”Прошлое”, “Настоящее" и “Будущее” в электричках», подготовленной для журнала «Персонология»; ожидаемая дата выпуска уточняется.

бы они были именно таковы, на поведение людей? (А на ваше?)» Эти вопросы персонолог предварительно обсуждает с самим собой, и судьей тут выступает его интуиция. Но требование в последующем состоит в проверке принятых допущений.

Итак, проблема состоит в том, что, возможно, не любое знание фактов значимо в плане существования и изменения человека и что заранее, до проведения специальных исследований, невозможно предсказать, чем обернется для личности сам факт подобного знания. Для того чтобы персонология в целом как система «работающего знания» состоялась, «засуществовала», необходимо предъявлять совершенно особые требования к собираемым фактам: они должны быть нетривиальны, информативны, экзистенциально значимы («вдохновляющи, «предостерегающи» и т.п.). Лучше всего, если все это сочетается в них (нетривиальность, информативность, экзистенциальная значимость), но об этом, пожалуй, можно только мечтать, как о чуде, по аналогии с воскрешением Лазаря (нечто такое, что возвышается над здравым смыслом, разрешает сомнения, глубоко затрагивает лично каждого). Но если факты и построения персонологии и не столь чудесны, как воскрешение Лазаря, то они как минимум должны отвечать хотя бы одному из перечисленных выше условий.

Все эти «параметры» фактов и их подачи могут быть определены *эмпирически* [Петровский, 1997*б*].

Нетривиальность (атривиальность). Под нетривиальностью научного факта понимается мера несоответствия полученного в исследовании результата предположениям и ожиданиям, исходящим из житейских наблюдений, здравого смысла, традиционных представлений и т.д. Понятие нетривиальности операционализируется следующим образом. Группа экспертов (из числа пользователей этой продукцией), не зависящих друг от друга, должна выдвинуть свой прогноз, описывающий исход некоторого эксперимента (условия проведения этого эксперимента известны экспертам в подробностях). Далее должна быть сопоставлена средняя оценка исследуемого параметра согласно прогнозам экспертов и средняя его оценка согласно данным проведенного эксперимента. Статистически значимое расхождение между средними $M_{эксп.}$ и $M_{эмп.}$ свидетельствует об атривиальности факта (можно было бы сказать, о «феноменальности феномена»), а сближение средних — в пользу его тривиальности.

Информативность. Информативность научного факта может быть осмыслена как мера неопределенности, устраняемая в ходе эмпирической проверки гипотезы. Вполне возможно, что результаты прогнозов, касающихся исхода эксперимента, могут соответствовать последним по критерию совпадения выборочных средних значений ($M_{эксп.} = M_{эмп.}$); в то же время разброс экспертных оценок существенно превосходит разброс реальных эмпирических данных. Эмпирической мерой информативности научного факта в таком случае может служить статистически значимое различие между выборочными дисперсиями ($D_{экп.} - D_{эмп.}$) или, соответственно, между выборочными стандартными отклонениями прогнозируемого и реального положения дел ($\delta_{эксп} - \delta_{эмп.}$). Если окажется, что разброс экспертных оценок *меньше* разброса эмпирических (при равенстве средних), то статистически достоверная разница выборочных дисперсий (стандартных отклонений) свидетельствует о *неоднозначности* научного факта.

Экзистенциальная значимость. Этот параметр оценки научного факта характеризует уровень заинтересованности научного сообщества в получении достоверной информации об исследуемом объекте. Понятие «значимость научного факта» операционализируется следующим образом. Эксперты, ранее уже высказавшие свое мнение относительно возможных исходов каких-либо испытаний, касающихся различных сфер действительности, имеют теперь возможность ознакомиться с реальным положением дел, т.е. подлинными результатами соответствующих исследований. Необходимо при этом, чтобы число экспериментов, результаты которых прогнозировались экспертами (обозначим это число разнородных экспериментов как N), существенно превышало число экспериментов, с результатами которых разрешено ознакомиться экспертам (примем это число за n): $N \gg n$. В случае, если в число первых n выборов попадает оцениваемое явление (вывод, зависимость, закономерность и т.п.), это свидетельствует о значимости научного факта в глазах сообщества.

Остановимся на примере исследования *нетривиальности* факта (напомним, что это «расстояние» между точкой зрения здравого смысла и результатами эмпирического исследования).

Совместно с О.В. Митиной мы протестировали «на нетривильность» знаменитый эффект Зейгарник (более высокие показатели запоминания прерванного задания по сравнению с завершенным) и феномен ролевой жестокости Милгрема. Напомним, что С. Милгрем создал ситуацию, в которой «ассистенты» под давлением экспериментатора должны были наказывать своих «учеников» за ошибки в

работе электрическим током непереносимой болезненности; испытуемыми были актеры, а подлинными испытуемыми были ассистенты экспериментатора. Экспериментально был выявлен фантастически высокий процент испытуемых, назначавших «высшую меру» за промахи своих «учеников»: 65% — 85% (!).

В нашем исследовании приняло участие 812 человек; из них психологов (дипломированных и студентов старшекурсников) — 231 человек. Задача, поставленная перед испытуемыми («независимыми экспертами»), заключалась в предсказании исходов «некоторых психологических экспериментов». «Экспертам» подробно рассказывали об экспериментальных ситуациях Зейгарник и Милгрема. Имена создателей экспериментальных ситуаций, Зейгарник и Милгрем, при этом не упоминались. Нас интересовало, насколько точны будут «эксперты» в своих прогнозах: догадаются ли они (или хотя бы вспомнят) о том, какое задание — прерванное или завершенное — сохраняется в памяти испытуемых лучше в экспериментах Зейгарник, а также о том, каков был процент людей, проявивших «ролевую жестокость» и насколько они были жестоки в экспериментах Милгрема. Нас интересовало также, будут ли отличаться экспертные оценки психологов и не-психологов.

Процитирую выводы.

«1. Усредненные ответы-прогнозы исходов экспериментов Зейгарник и Милгрема, полученные в подвыборке психологов и не-психологов, значимо отличаются от средних показателей, полученных в обоих экспериментальных исследованиях; тем самым не только подтверждается нетривиальность феноменов Зейгарник и эффекта Милгрема согласно принятому критерию, но и оправданность предложенного подхода к измерению нетривиальности научного факта.

2. Обе категории респондентов, психологи и не-психологи, по обеим задачам в большинстве своем дали неправильные ответы.

Статистических различий в ответах психологов и не-психологов не выявлено.

4. В то время как нетривиальность феномена Зейгарник и эффекта Милгрема — факт, на наш взгляд, вполне тривиальный (этого и следовало ожидать!), феномен отсутствия различий между экспертными прогнозами психологов и не-психологов относительно исходов названных экспериментов — явление, на наш взгляд, нетривиальное. О том, насколько это действительно так, читатель может судить, сопоставляя собственные прогнозы относительно экспертных прогнозов психологов с реальными данными, полученными в нашем эксперименте. Возникает впечатление, что психологи, несмотря на знание работ Зейгарник и Милгрема, в своих ответах забывали об этом и вели себя как “наивные” испытуемые (не-психологи), руководствующиеся обыденными житейскими представлениями» [Петровский, Митина, 2001].

Нетривиальность, информативность, экзистенциальная значимость факта — все это характеристики субъективной ценности факта.

Но может быть установлена и объективная ценность фактов, полученных экспериментально. Это — их действенность, влиятельность, эффекты, порождаемые психологическим знанием (знанием психологии). Между «фактами» и «эффектами» при этом могут складываться противоречивые отношения.

Вот, например, известная «дилемма узника». Испытуемые в экспериментах Рапоппорта дают показания о мере своей виновности и виновности другого в ситуации условного тюремного заключения. Выясняется, что обычно они готовы «подставить» другого, выгораживая себя, и в итоге получают гораздо больший срок, чем тот, который получили бы, будь они альтруистичнее. Данные этих исследований, ошеломили публику: оказывается, наше себялюбие и недоверие к другому таково, что мы без зазрения совести готовы действовать себе во вред — разумные соображения не работают... После опубликования результатов эксперимента провели повторные замеры. Вопрос состоит в том, изменилось ли число таких «индивидуалов», действующих вопреки своим интересам, и если изменилось, то в какую сторону? Впрочем, на этот вопрос я, по сути, ответил вначале. Да, изменилось. Их стало *больше*! Недоверие друг к другу выросло, люди стали еще менее разумны, чем были...

Справедливости ради должен сказать, что знания, полученные в ходе психологических экспериментов, могут быть и позитивно значимыми. В экспериментах Милгрема тем, кто наказывал, раскрывали существо эксперимента, в частности, тот факт, что все было подстроено: актеры показывали, что им больно, а подлинными испытуемыми были ассистенты экспериментатора. Многие из них горячо осуждали себя, утверждая, что никогда больше не поведут себя так; другие, впрочем, ссылались на требования экспериментатора, не испытывая смущения — они были готовы повторить все сначала во имя науки.

Бывают случаи, когда знание об условиях испытания парадоксальным образом не воздействует на человека вообще — хотя, как представляется, оно могло бы привести к пересмотру позиции. Примером может служить некоррегируемость установок людей под влиянием информации, разоблачающей происхождение этих установок. Назовем этот феномен «Сердце подскажет». В экспериментах Валенса мужчины должны были оценить привлекательность молодых женщин на фотографиях; в то время как они разглядывают фотографии, в наушнике они слышат биение своего сердца; при предъявлении некоторых фотографий оно учащается или замедляется. Выяснилось: мужчины считают более привлекательными те изображения, при предъявлении которых слышно, как ускоряется или замедляется сердцебиение (все, разумеется, подстроено). Самое поразительное: эффект сохранялся, даже если перед окончательной оценкой испытуемым сообщалось об имитации.

Еще один факт — мы называем его «эффектом Эдипа» [Петровский, Тунгусова, 1985]. Человеку говорят: мы расскажем тебе, что думает о тебе психолог, он знает тебя, он догадывается о том, как ты ответишь на эти вопросы, — и предъявляют испытуемому заранее заполненную форму опросника. «Сверхчеловеческая проницательность» психолога имеет под собой вполне прозаическую причину. После заполнения испытуемыми первой формы опросника им предъявляется параллельная форма опросника. Она-то и заполнена психологом в соответствии с ответами, которые испытуемый дал на вопросы первой формы опросника. Иными словами, испытуемым показывают их собственные суждения о себе — под видом прогнозов, которые осуществляет в отношении их оценок компетентный психолог. Выяснилось, что в этих условиях испытуемые обнаруживают тенденцию отмежевываться от своих старых решений; в частности, на статистически достоверном уровне значимости у них повышаются показатели интраверсии. (словом, «счастье — когда тебя понимают», но несчастье — когда тебя раскусили...). Перед нами аналог известного в философии «парадокса Эдипа», заключающегося в том, что прогноз оказывает влияние на прогнозируемые события. В данном случае человек не хочет подчиняться прогнозу, он отстаивает свою самость: он сам себе мера, он никому не позволит думать иначе. Таким образом, проявляя защитные тенденции, испытуемые обнаруживают тенденцию опровергать чужие прогнозы, затрагивающие их лично, даже если они соответствуют истине.

Я привожу все эти примеры для того, чтобы подчеркнуть неоднозначность связи между фактами психологии личности и эффектами влияния этих фактов на личность: усугубление негативных закономерностей («дилемма узника»); частичная «реабилитация» себя (феномен Милгрема); упорствование в своих предпочтениях (эксперименты Валенса); факты могут стимулировать защитные тенденции («парадокс Эдипа»). Но, по- видимому, и это еще не все. От большинства фактов, пылящихся, по выражению Фресса и Пиаже, в шкафах лабораторий, людям, по-видимому, «ни жарко, ни холодно».

Вот почему мы подчеркиваем: факты и построения персонологии развития должны быть не просто значимы *статистически*. Они должны быть *личностно* значимы: должны обладать субъективной и объективной ценностью для человека.

Особая проблема, которую мы здесь только упоминаем, — это форма предъявления психологических сведений аудитории «пользователей психологическим знанием» (термин А.С. Огнева). Достояния фундаментальной науки должны быть особым образом предъявлены, иначе они окажутся деструктивными, или, по меньшей мере, совершенно незначимыми для людей. Одно следует подчеркнуть сразу: сведения, «предъявляемые» персонологом, не имеют самодовлеющего характера; они вплетены в общение, опосредствуют взаимоотношение в системе «персонолог–пользователь психологическим знанием». Факты, при всем их упрямстве, не есть инструмент внушения. В психологии личности нет выводов неоспоримых — даже тогда, когда они основаны на бесспорных фактах. Каждый такой вывод, каждое положение психологии личности заключают в себе элемент неопределенности, как бы окружены ею. Неопределенность, сопутствующая рождению фактов (пробелы при обосновании сбора эмпирических данных — где и как их искать, каковы способы операционализации теоретических переменных, что представляют собой пути построения эмпирических гипотез), и неопределенность в процессе освещения фактов (эллипсы в описании, неполнота в интерпретации) — т.е. все то, что образует неустранимый фон научного знания, персонология превращает в фигуру. И, таким образом, осуществляется «поворот» опытных данных к личности, превращение их в инструмент самостроительства[143].

[143] В настоящее время нами готовится к опубликованию статья в соавторстве с Ю.Д. Бабаевой и О.В. Митиной (факультет психологии МГУ им. М.В. Ломоносова), где

Иными словами, любой факт психологии личности открывает самой личности «фронт работ» по осмыслению. «Пускай вы не можете, как ученый, безукоризненно обосновать ответ — нутром вы же чуете?» — вопрошает один из собеседников в книге Скиннера «Семья и как в ней уцелеть» [Скиннер, 2004, с. 229]. И другой собеседник отвечает: «Моя единственная догадка близка к уже ”запатентованной”». Персонология имеет дело не только с «запатентованными» данными — она имеет дело с примыкающими к ним «догадками». Но это не мифы. Это *идеи* (в данном случае допущения, истинность которых предполагает логику самообоснования: «если мы *допустим* это, *то*...»). Персонология субъектна. Она — на острие движения *научной* мысли и мысли «пользователей».

Общая персонология, в той ее форме, которая рисуется нам сегодня, — не застывшая, а постоянно строящая себя система. В ней постепенно оформляет себя персонологическая теория (я называю этот процесс построения «Персонология-1») и, соответственно, складывается персонологическая практика (процесс построения персонологической практики я называю «Персонология-2»).

Перед нами как бы лодка на две персоны, лодка-двойка — на два весла. *Персонолог-теоретик*, будем считать, у весла слева. Налегая на весло теории, он следит за тем, чтобы лодка шла прямо. Он рассуждает так: «Теория, конечно, теорией, но она должна быть практико-ориентированной»; он строит практико-ориентированную теорию. А персонолог-практик — будем считать, что он у весла справа — налегая на весло практики, также следит за тем, чтобы лодка шла прямо. Он

описывается один из фактов, прошедших «персонологическое тестирование» и доказавший свою нетривиальность: уровень развития интеллекта младшего ребенка в семье отличается от соответствующего показателя старшего (оставляем читателя в состоянии задумчивости, кто из них обнаруживает более высокий интеллект, — быть может, так мы могли бы лучше проиллюстрировать идею «экзистенциальной значимости» научного факта). Теперь легко вообразить следующий «тур» экспериментов — с варьирующим стилем предъявления этого факта старшим и младшим детям в семье и последующим замером уровня их интеллектуального развития. Вполне вероятно допустить, что директивный характер предъявления этого факта может усугубить различия (так ли это?). (Здесь перед нами повод к новому витку персонологического исследования). При ином способе предъявления этого факта, не говоря уже о перестройке внутрисемейного взаимодействия с учетом этого факта, допустимо предположить, что эти различия будут сглаживаться (так ли это?). Любой факт персонологии при разумной его подаче оставляет место для самоопределения личности, переопределения ситуации и т.п.

строит теоретико-ориентированную практику, отбирая для себя то, что всерьез применимо. Персонология-1 и Персонология-2 должны быть синхронизированы, синергичны (а иначе лодка будет вращаться волчком). Кто в этой лодке обеспечивает сочетание интересов, синергию усилий? Возможный ответ: некий виртуальный субъект, равным образом представленный, «живущий» в голове обоих гребцов. Он олицетворяет фигуру *персонолога-экспериментатора*, позволяющего каждому оказаться «по ту сторону» своей собственной роли, — в терминах Ж. Пиаже, децентрироваться, «превращаясь» в партнера (рис. 45).

На рис. 44 логика переходов символизирована диагональными стрелками.

На рис. 46 изображен путь *построения экспериментальной персонологии* (по сути, это путь превращения фактов и положений фундаментальной психологии в «психологическое орудие» саморазвития личности консультируемого):

Персонология-1 и Персонология-2 в целом образуют то, что мы называем «общей персонологией» — условием синтеза фундаментальной и практической психологии. Общая персонология позволяет фундаментальной психологии рефлектировать эффекты своего воздействия на личность, видеть себя в зеркале самой личности (вопрошая при этом, значимы ли добытые в исследовании факты и положения? представляют ли они интерес? какой в них прок?). Прикладная психология личности (персонологическое консультирование), не подменяя собой практику психологического консультирования и психотерапии, предоставляет людям возможность взглянуть в лицо реальности, увидеть себя на фоне других, опереться на факты, с которыми трудно не посчитаться.

Схема построения Персонологии-1:

Фундаментальная психология →
→ Экспериментальная персонология →Персонологическая теория

Схема построения Персонологии-2:

Практика психологического консультирования →
→ Экспериментальная персонология → Персонологическая практика

Рис. 45. Схема построения системы персонологии

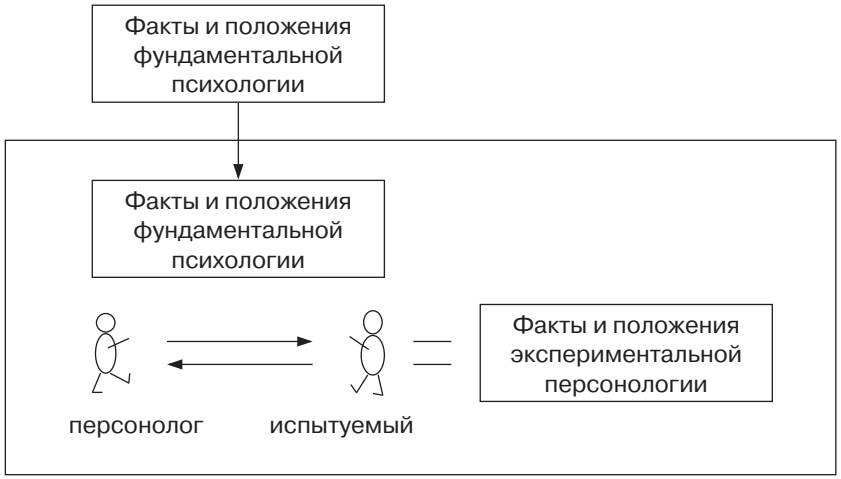


Рис. 46. Общая персонология:
генезис «психологического орудия» саморазвития

Итоги. Общая персонология — новое направление в психологии, исходящее из задачи объединения фундаментальной и практической психологии личности; психологическая теория личности, предъявляющая свои конструкты и факты людям и рефлектирующая, таким образом, свое влияние на поведение и сознание людей; практика психологического консультирования, ориентированная на психологическую теорию личности; теория и практика лицом к лицу.

Возникновение общей персонологии — реакция исследователей на произошедший в мире раскол психологии на «академическую» и «практическую», интенция синтеза «двух психологий». Общая персонология, таким образом, — не только теория, имеющая своим предметом личность, но также и практика «ращения» личности: свод знаний, идей, техник, содействующих становлению личности, ее росту, развитию. Последнее подразумевает, что общая персонология, если иметь в виду перспективы ее собственного становления, является инструментом саморазвития личности, *«психологическим орудием», принадлежащим личности*. С этой точки зрения, общая персонология не есть только наука *о* личности, но есть также наука *для* личности — «наука личности».

Общая персонология — не застывшая, а постоянно строящая себя система. В ней постепенно складываются и обусловливают друг друга персонологическая теория и, соответственно, персонологическая практика. Персонологическая теория — это *практико-ориентированная теория* личности. Персонологическая практика — это *теоретико-ориентированная* практика развития личности. Процессы их взаимопостроения должны быть синхронизированы, синергичны.

Согласование двух ветвей общей персонологии осуществляет *экспериментальная персонология*. По отношению к фундаментальной психологии личности она должна играть ту же роль, что и метаанализ Гравве по отношению к психотерапевтическим системам и технологиям (неожиданная, а в чем-то и обескураживающая по своим выводам экспериментально-психологическая экспертиза эффективности их воздействия на пациентов).

Формулируются следующие требования к фактам персонологической теории: *нетривиальность* (возвышаются над точкой зрения «здравого смысла»); *информативность* (снижают неопределенность представлений аудитории о тех или иных психологических явлениях); *экзистенциальная значимость* (вызывают живой интерес, ориентируют поведение).

Все эти параметры *субъективной* ценности фактов персонологии могут быть определены эмпирически.

Персонологическое знание должно обладать также *объективной* ценностью, предоставляя личности действенные инструменты и ориентиры развития; эмпирическое определение не только субъективной, но и объективной ценности фактов — необходимое условие построения персонологии.

Парадокс состоит в том, что между фактами фундаментальной психологии личности и эффектами их влияния, как показывают уже проведенные психологами эксперименты, могут складываться *противоречивые отношения*. Факты могут стимулировать, наряду с позитивными, также и негативные тенденции; факты могут побуждать людей упорствовать в своих установках; факты могут стимулировать защитные тенденции; и, наконец, факты могут оставлять людей вполне равнодушными.

Помимо требований, предъявляемых к научным идеям и фактам, общая персонология призвана исследовать *способы предъявления* данных психологической теории людям — развивающие техники общения персонолога с аудиторией.

Глава 17

КАТЕГОРИАЛЬНЫЙ СТРОЙ ПСИХОЛОГИИ: «АКАДЕМИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД»[144]

Десятки лет психологам разъясняли предмет их науки философы, физиологи, логики, политики, кто угодно, но только не они сами — себе. Таковы знаменитые павловские «Ответ физиолога психологам», «Кому и как разрабатывать психологию?»; таковы попытки современных методологов «объяснить» психологам, что Л.С. Выготский, автор «Психологии искусства» и «Культурно-исторической психологии», «психологом не был»; таково стремление обратить российских психологов в новую веру — постмодернизм.

Идея *теоретической психологии* как инструмента *само*рефлексии психологии была предложена А.В. Петровским и в контексте разработки *категориальной системы психологии* реализована им совместно с М.Г. Ярошевским и В.А. Петровским в книгах «Основы теоретической психологи» и «Теоретическая психология» и статье «Категориальная система психологии» [Петровский А.В., Петровский В.А., 2000; Петровский, Ярошевский, 2001].

Предлагаемая здесь система категорий — один из возможных ответов на вопрос о том, с какими категориями имеет дело психолог, не связанный старыми обязательствами перед «берновскими» родительскими фигурами философии (матери всех наук) и физиологии (мачехи многострадальной отечественной психологии образца 20-х–50-х годов) и новыми — перед Бунтующим Ребенком моды в лице модераторов-постмодернистов.

[144] В данной части работы использованы материалы статьи А.В. Петровского и В.А. Петровского «Категориальная система психологии» [Петровский А.В., Петровский В.А., 2000].

Категориальный строй психологии как классической науки[145] рисуется нам сегодня следующим образом (табл. 16). Я использую слово «рисуется», понимая, что изображение все еще имеет характер наброска, и не исключено, как мы писали об этом с А.В. Петровским на момент создания первого абриса категориального строя, что оно может быть развито и уточнено в дальнейшем — «перерисовано» наново[146].

Категориальность системы психологии предполагает расположение категорий на пяти уровнях[147]. Нижний уровень детерминирован биосферой, значение которой убывает по мере перемещения в направлении к социоцентрическому уровню. В свою очередь, верхний — социоцентрический — уровень детерминирован ноосферой, и значимость этой детерминации убывает в направлении к биоцентрическому ряду.

Между биоцентрическим («Организм», «Нужда», «Метаболизм», «Сигнал», «Избирательность», «Синергия», «Среда») и социоцентрическим уровнем расположены собственно психологические уровни (плеяды) категорий: протопсихологический, базисный и метапсихологический. Хотя каждый из них содержит семь категорий, это число не может рассматриваться как конечное, и таким образом сохраняется необходимая открытость для включения новых категорий, если в этом возникает необходимость.

Протопсихологический ряд включает категории «Индивид», «Потребность», «Рефлекс», «Чувствительность (Восприимчивость,

[145] Словосочетание «классическая наука» лучше читать с ударением на последнем слове. В том, что касается соотношения классического и неклассического аспектов этой науки, могу сослаться на свои выступления (ПИ РАО, факультет психологии МГУ им. М.В. Ломоносова), в названиях которых выражена суть: «Классическая психология как неклассическая наука».

[146] В незапамятные времена, А.В. Петровский рассказывал мне об исследованиях, посвященных работе художников-графиков, рисующих портрет человека. Копирка, незаметно подкладываемая под основной лист, воспроизводит движение руки художника, а лист бумаги под копиркой время от времени обновляется (об этом художник также не знает). Выяснилось, что рисовальщик неизменно возвращается к исходному контуру, прорисовывая его все более отчетливо и точно. Категориальный строй психологии открыт для «прорисовывания контура» и все более плотного приближения к изображаемой реальности. Начало было положено в 1998 г., в ряде публикаций содержание клеточек категориальной таблицы корректировалось; продолжение, как мы и предполагали с А.В. Петровским, следует...

[147]

Таблица 16

Категориальный строй психологии

Субстанциональность	**Направленность**	**Активность**	**Когнитивность**	**Отношения**	**Событийность**	**Действительность**
→	→	→	→	→	→	→
Человек	Идеал	Деяние	Разум	Смысл	Соучаствование	Эйкумена
Личность	Ценность	Деятельность	Сознание	Чувство	Общение	Персоно сфера
Я	Мотив	Действие	Образ	Переживание	Интеракция	Ситуация
Индивид	Потребность	Живое движение	Сигнал	Значимость	Сосуществование	Предметность
Организм	Нужда	Витальность	Раздражимость	Избирательность	Синергия	Среда

Селективность)», «Аффективность», «Сосуществование» и «Предметность». Каждая из указанных категорий выступает как явление по отношению к биоцентрическому уровню (к примеру, «Нужда» — «Потребность», «Сигнал» — «Ощущение», и др.). В свою очередь, каждая из категорий, входящая в эту плеяду, оказывается сущностью по отношению к ряду категорий базисного уровня.

Базисный уровень включает в себя категории «Я», «Мотив», «Действие», «Образ», «Переживание», «Интеракция», «Ситуация». Таким образом, если «Аффективность» выступает как явление по отношению к «Избирательности» как сущности, то «Переживание» рассматривается в качестве явления по отношению к «Аффективности» как сущности.

Следующий уровень — метапсихологический — объединяет категории «Личность», «Ценность», «Деятельность», «Сознание», «Чувство», «Общение», «Персоносфера». Здесь «Сознание» — это то, в чем проявляется и обнаруживает себя как сущность «Образ», который, в свою очередь, был явлением по отношению к «Сигналу».

Социоцентрический уровень не является, подобно биоцентрическому, собственно психологическим, и если психология представлена в этой плеяде, то только наряду с категориями философии, этики, эстетики, социологии и культуры в целом. Такова плеяда, состоящая из категорий «Человек», «Идеал», «Свобода», «Разум», «Экзистенция», «Соучаствование», «Эйкумена».

Любой из описанных столбцов матрицы заключает в себе специфическое обобщение и противостоит другому. Так, кластер «Нужда — Потребность — Мотив — Ценность — Идеал» может быть обозначен как кластер направленности, а вертикаль «Метаболизм — Живое движение — Действие — Деятельность — Свобода» поименована кластером активности. По такому же принципу названы и другие кластеры — субстанциональности, когнитивности, субъективности, событийности, действительности.

Могут быть специфицированы как «параллели» (плеяды), так и «меридианы» (кластеры) категорий. Характеризуя плеяды категорий, мы выскажем здесь всего два суждения, обоснование которых требует специальной работы.

1. Каждая из категорий любой из строк при всей своей специфичности неотделима от каждой другой категории той же строки (например, категория «Я» из плеяды метапсихологических категорий

немыслима вне соотношения с категориями «Ценность», «Деятельность», «Чувство», «Сознание», «Общение», «Предметность», а категория «Образ» (плеяда базисных психологических категорий) неотделима от категорий «Я», «Действие», «Переживание», «Интеракция», «Ситуация»).

2. Содержание категорий внутри каждой из пяти плеяд в строках таблицы характеризуется особым познавательным статусом.

Нижняя первая строка таблицы, т.е. плеяда биологических категорий, указывает на явления, которые могут быть изучены объективными методами, «извне», подобно тому как физики изучают объекты «подведомственной» им области знания. Интерпретация накапливаемых фактов при этом осуществляется на основе схем естественной причинности.

Вторая строка таблицы, плеяда протопсихологических категорий, заключает в себе то, что на языке философии обозначается как ноумены — *умопостигаемые* сущности. Действительно, каждый из соответствующих объектов не дан наблюдателю непосредственно ни в показаниях датчиков, ни тем более путем прямого наблюдения извне. Например, даже такая, казалось бы, вполне наблюдаемая форма проявления активности, как живое движение, не может быть осмыслена без введения особых конструктов, природа которых исключает возможность их «созерцания» (например, понятия о «промежуточных переменных» у Э. Толмена, «настроения» у М.Я. Басова и т.п.). Кроме того, и в интроспекции категории этой плеяды непосредственно не выступают (например, «Потребность» приоткрывается нам исключительно в виде мотивов — переживаемых побуждений к действию).

В отличие от плеяды протопсихологических категорий следующая плеяда — базисные психологические категории — заключает в себе явления, в той или иной мере доступные интроспекции. Это плеяда *феноменов*. Данное положение справедливо даже по отношению к такой трудно уловимой категории, как «Я» (мы ощущаем свое Я, когда, например, совершаем выбор между двумя возможными действиями или когда неожиданно обманываемся в своих ожиданиях, или когда действуем намеренно неадаптивно — в направлении непредрешенных исходов возможного опыта и т.д.).

Метапсихологические категории — это плеяда *проектов*. Каждый проект — это не просто мысль о чем-либо; это мысль, заряженная импульсом самоосуществления. Например, категория «Личность».

Мысля личность свободной, мы раскрывает перед ней простор самоопределения (если следовать философии Гегеля, само сознавание свободы делает нас свободными). При ином понимании личности, привязывая ее к решению задач адаптации (под благовидным предлогом реализации принципов гомеостазиса, гедонизма, «предустановленной гармонии»), мы сковываем личность, лишаем ее спонтанности. Вот почему невозможно изучать личность по аналогии с тем, как, например, мы изучаем физические тела. «Личность подобна любви, — говорил Р. Кеттел, — все знают, что она есть, но никто не знает, **что** она есть». И это понятно! Мы строим свою личность так же, как строим свою любовь. «Личность», «Ценность», «Деятельность», «Чувство», «Сознание», «Общение», «Предметность» — все это мысли, творящие свой объект.

И, наконец, плеяда экстрапсихологических категорий. Познавательный статус этих категорий парадоксален. Они будто играют в прятки с исследователем. Любой шаг познания здесь как бы отталкивает от себя познаваемое содержание; объект исследования вступает в конкурентные отношения с самим исследователем, доказывая свою несводимость к чему-либо, что могло бы быть известно заранее. Напомним: споры об идеалах; принципиальная невозможность построить алгоритм творчества; сопротивляемость личностных смыслов переводу их на чужой язык; сокровенность миропостижения; интимность соучаствования. Все это — приметы категорий особого рода; они могут быть названы «*категории-контроверзы*».

Обсудим теперь подробнее кластеры категорий, образующие столбцы приведенной матрицы.

Кластеры категорий психосферы («меридианы», вертикали, столбцы матрицы). Каждый из столбцов матрицы содержит в себе вполне определенный кластер категорий. Мы говорим о кластерах категорий, потому что каждая из вертикалей символизирует, и притом вполне отчетливо, то или иное фундаментальное психологическое измерение бытия человека.

Кластер *ПРИЧИНЫ СЕБЯ* (*CAUSA SUI*). Данный кластер объединяет в себе следующие категории: «Организм», «Индивид», «Я», «Личность», «Человек». Когда *то*, что *есть*, т.е. *сущее*, воспроизводит себя, опираясь на образ своего бытия в мире, мы говорим о его самопричинности. Рассмотрим последовательные формы *causa sui* (рис. 47).

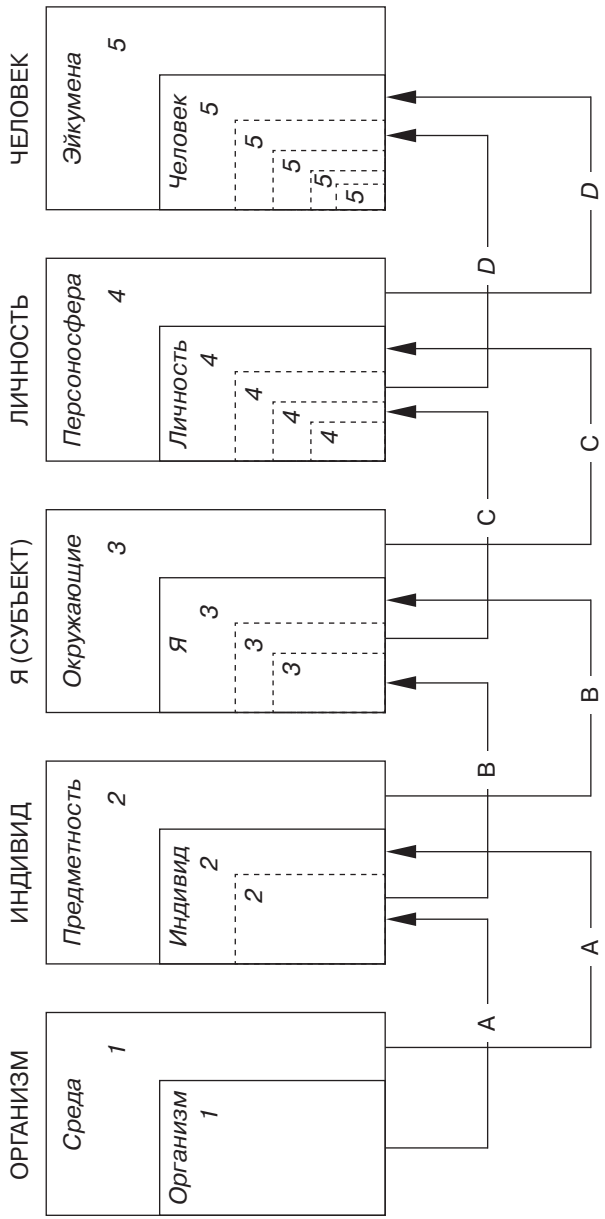


Рис. 47. Ступени causa sui

Первое звено в нашем ряду — ***Организм***, допсихическая целостность. Вполне очевидно: обо всем живущем можем сказать — «организм». Любое растение, любое животное, включая homo sapiens, — тому пример. Но что означает этот термин? Предлагаем следующее короткое определение. Организм — это дублирующая себя телесность; она заключает в себе свой собственный прототип. «Дублировать» — это регенерация и размножение. Естественно, воспроизводство осуществляется на основе матриц, присущих телу, — морфологических структур. Они могут быть «наблюдаемы» извне, при осуществлении физических измерений. Их можно, так сказать, сфотографировать. Изображая организм на схеме, мы не разделяем матрицу, детерминирующую его функционирование, и результат ее воспроизводства в виде новой порождающей матрицы: они идентичны. Ведь перед нами — воспроизводящий себя *геном*, опосредствующий процессы дублирования: генетическая запись состава и способов функционирования организма. Геном управляет синтезом и обновлением элементов тела во взаимодействии с элементами окружения («обмен веществ»).

На данной ступени нет и отдаленно того, что называют *субъективностью*. Подсолнух, конечно, «поворачивает голову» вслед за солнцем; но в ней отсутствуют какие-либо субъективные образы — для «него» нет ни себя, ни солнца. Однако на допсихическом уровня функционирования подсолнух «чувствует» себя превосходно.

Второе звено — ***Индивид***. Форма существования организма, способного порождать волновые структуры, в которых моделируется взаимосвязь его со средой. Эти структуры морфологически не фиксированы — они «не прорисованы» в телесности организма. Будучи структурами волн, результатом их наложения друг на друга, суперпозициями, они не являются волнами (не могут сами собой распространяться в пространстве, поэтому не могут быть и «прочитаны» каким-нибудь физическим «воспринимающим» устройством). В терминах Миракяна, волновые структуры суть *афизические* формообразования. Они также предшествуют и психике; еще не имея качества субъективности, они не чувственны и поэтому могут быть названы *апсихическими* формообразованиями. Таким образом, нет никого в мире (стороннего или внутреннего наблюдателя), кто мог бы воспринимать их. Перед нами — умопостигаемые *протопсихические* структуры: материя «бессознательного психического» З. Фрейда, «абсолютно бессозна-

тельных» установок Д.Н. Узнадзе, а также, если разобраться, «деятельности построения и реализации психического образа мира» А.Н. Леонтьева. Не являясь «корпускулами» и «волнами», они представляют собой комбинации волн, информационные модели взаимосвязи организма и среды и способны направлять активность. На этой основе осуществляется воспроизводство бытия организма. Воспроизводится не только то, что является организмом как таковым. Воспроизводится также и то, что составляет непосредственное условие его собственного существования — связь с теми элементами среды, которые необходимы и достаточны для его выживания. Но это значит, что совершаются акты, обеспечивающие такую связь, — поведение.

Возможность существования «в природе вещей» морфологически нефиксируемых конфигураций волн — информационных моделей мира — позволяет живым существам адаптироваться к новым условиям жизни, строя их летучие образы как бы поверх шаблонов, впечатанных в тело, позволяет в нужный момент гибко выстраивать и перестраивать свое поведение. К счастью, трудно вообразить себе, что подобная над-телесная «информационная аура» может фиксироваться генетически, переходя к потомкам, идущим на смену: им ведь придется жить позже — в другое время, в другой среде.

Необходимо отметить, однако, что связь «протопсихическая модель — поведение» неоднозначна. С одной стороны, на основе таких моделей реализуются «автоматизмы», «бессознательные умозаключения», «первичные» и «фиксированные установки», «инстинктивные стремления» (Trieb), «вытесненные идеи», т.е. заранее структурированные паттерны активности. С другой стороны, они допускают возможность гибкой подстройки под ситуацию. Активность в этом случае приобретает характер «живого движения» (Н.А. Бернштейн, В.П. Зинченко), допускающий формирование альтернативного пути развертки процесса. Этим моделям пока еще не присуща та форма «избыточности», которая характеризует чувственные образы мира (В.П. Зинченко), предоставляя возможность *выбора* между равно возможными и равно оформленными альтернативами. Но именно в такой избыточности и заключается, на наш взгляд, главный критерий разграничения протопсихических (дочувственных) и собственно психических (чувственных) образований.

Третье звено — «***Я***»: индивид в саморефлексии; переживающий себя индивид. Он «знает себя изнутри», учитывая то, что происходит

снаружи. В терминах К. Поппера, он обладает *осведомленностью*. Избыточность субъективных образов обеспечивает возможность предпочтения и выбора предстоящих способов поведения — возможность осуществления произвольных актов. Строя свой собственный образ, индивид отделяет себя от всего привходящего, в том числе и от других индивидуумов[148]. Результатом этого обособления является не только его собственное «Я», но и то, каким воспринимают его в качестве автономного существа другие индивидуумы, что формирует с их стороны активное отношение (например, принятие или отвержение). Это отношение в последующем становится предметом рефлексии со стороны «Я».

Четвертое звено — ***Личность***: «Я», соотносимое с другими «Я»; многообразие «Я» в своих отражениях. Это моя собственная отраженность в себе; отраженность другого во мне; отраженность себя в другом (рис. 48).

Рассмотрим, что находится *по сю* сторону «Я». В пространстве «Я» предметом воспроизводства становится само «Я» со стороны его уникальности, отдельности, а также особенные отношения к индивидууму со стороны окружающих. Воспринимая отношения к себе других лиц, данный индивидуум строит внутри себя *образ себя*, а также образ чужого (чужих) «Я», и таким образом появляется «единомножие» Я-образов. Образы, которые при этом рождаются (лица, голоса, осязаемое присутствие человека в человеке) — это осознанные представления «Я» о себе на фоне представления о других «Я» и в соотношении с ними.

Пространство «Я», таким образом, содержит в себе «Я сам(а) для себя» (смысловые нюансы выражаются словами «Я у себя», «Я в само-

[148] Говоря «индивидуум», мы имеем в виду то, что люди обычно понимают под «человеком», единичным представителем человеческой общности. «Индивидуум» — это Петр, Павел, Наталья, Татьяна, т.е. тот или та, о ком говорящий думает как о подобном себе существе, объединяя в своем представлении разные ипостаси его бытия (витальные — «организм», психофизические — «индивид», социальные — «личность», духовные — «человек»). Конечно, в этом пункте логично было бы начать с вопроса: а что, в таком случае, есть «человеческая общность», и нет ли здесь риска допустить логическую ошибку «circulus in definiendo» — «круг в определении»? Нет, мы не допустим подобной ошибки, если прибегнем к единственно возможному в этом контексте *остенсивному определению* — через прямое указание: «вот, вот и вот кто образует “человеческую общность”, в отличие от всех других» (и далее прямо указываются те, кто не входит в определяемый класс).

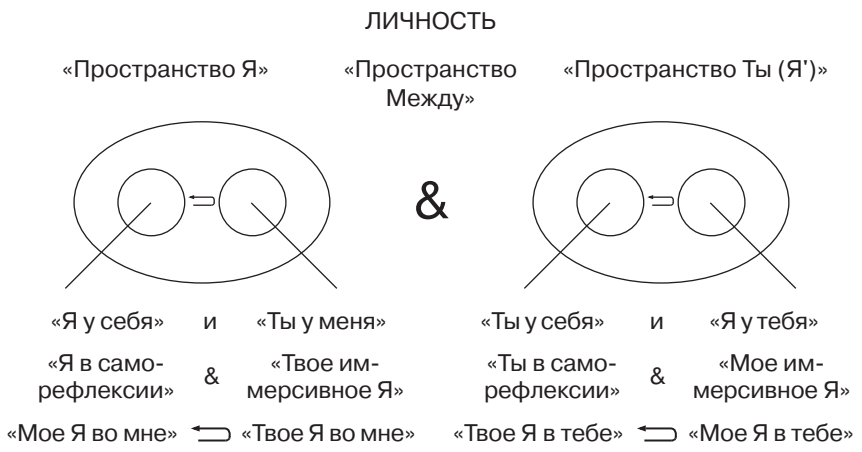


Рис. 48. Личность: штрихи к портрету

рефлексии», «Мое Я во мне»), а также «Другие во мне» («Ты у меня», «Твое иммерсивное Я», «Твое Я во мне») во всем многообразии отраженных в сознании данного индивидуума контактов его с окружающими. Об инстанции «Я сам(а) для себя» мы говорим «рефлексивное Я индивидуума», «Я в саморефлексии». Специальный термин, как вы заметили, вводится для обозначения инстанции «*другой* для меня»: это «иммерсивное *Я* другого» (immersio (*лат.*) — погружение).

Другое пространство существования личности находится *по ту* сторону «Я». Это пространство *Ты*. Здесь перед нами также феномен отраженности. Однако на этот раз речь идет об отраженности «Я» индивида в пространстве «Я» другого (других) — о присутствии своего отраженного «Я» во внутреннем мире другого («Я у тебя», «Мое иммерсивное Я», «Мое Я в тебе»). Мы используем также для обозначения процессов и результатов погружения в эти пространства термин «персонализация» («обретение личностного»). Отсюда и название предложенной автором системы взглядов — «концепция персонализации»[149].

[149] Первое упоминание о концепции персонализации — [Петровский А.В., 1981], первый очерк концепции — [Петровский, 1981*а*; Петровский, 1981*б*]; далее работы:

Итак, моя личность содержит в себе не только «Я для себя» и «Ты для меня», но и «мое Я для тебя» в соотношении с «его Я для него самого». Здесь также множество «отражений». Их столько, сколько людей вокруг признают во мне личность.

Наконец, существует пространство «*Между*», символизируемое английским символом «&». Это в некотором смысле загадочное пространство существования личности, ускользающее от сознания каждого из общающихся, но связывающее обоих в некое целое. Здесь совершается таинство *интериндивидуальных* связей, таинство перехода, превращения *моих* мыслей, чувств, побуждений *в твои*, а также ответные переходы и трансформации. Чаще всего мы пребываем в иллюзии адекватности взаимослышания и взаимоинтерпретации («я говорю» — «меня понимают»). Между тем каждому взрослому человеку неоднократно открывалось в опыте, что даже самые, казалось бы, бесспорные вещи могут осмыслены нашими собеседниками самым причудливым образом и далее самым неожиданным образом возвращены говорящему. Возникает резонный вопрос: когда я говорю: «Бузина», а мой собеседник слышит при этом «дядька», то что, в сущности, было сказано?! Мы оба можем настаивать на своей правоте: я — на правоте сказанного, мой собеседник — на правоте услышанного. Кто прав? Конфликты интерпртаций могут быть продуктивны. Ребенок, еще не умеющий говорить, тянется к предмету, чтобы его схватить. Взрослый считает, что ребенок *показывает* предмет. Так рождается *указательный жест*. Л.С. Выготский прозорливо подметил аналогию между генезисом жеста и схемой перехода «в-себе-бытие → для-других-бытие → в-себе и для-себя-бытие», описывающей в гегелевской диалектике самодвижение духа. Именно в этом пространстве, согласно Выготскому, рождается личность (а позже мы встречаем близкую мысль у Э.В. Ильенкова[150]). Но не только разви-

[Петровский А.В., Петровский В.А., 1982*а*; Петровский А.В., Петровский В.А. 1985*б*; Петровский, 1985*а*; Петровский, 1996*в*; Петровский А.В., 2000] и др. публикации).

[150] Личность здесь как бы приобретает свое особое «телесное» бытие, отличающееся от «телесного» бытия индивида. Э.В. Ильенков писал: «Философ-материалист, понимающий “телесность” личности не столь узко, видящий ее прежде всего в совокупности (в ”ансамбле”) предметных, вещественно-осязаемых отношений данного индивида к другому индивиду (к другим индивидам), опосредствованных через созданные их трудом вещи, точнее, через действия с этими вещами (к числу которых относятся и слова естественного языка), будет искать разгадку ”структуры личности”

тие — следствие схизмы «двудушия» (термин Г. Шпета[151]). В зазоре «в-себе и для-себя» и «в-других и для-других-бытия» сознания рождаются нелепые домыслы, скороспелые выводы, смертельные обиды, разрывы на всю жизнь, убийства на почве ревности. Зазор порождает позор. Отношения засоряются непониманием. «Счастье, когда тебя понимают». Несчастье, когда тебя понимают все, но не так.

Пафос, с которым автор напоминает читателю о пространстве «*Между*», призван подчеркнуть, что порою никто из индивидуумов, вступающих во взаимодействие друг с другом, не может (хотя часто и стремится) взять на себя всю ответственность за исход данного взаимодействия. Минуя обсуждение известных результатов исследования атрибуции ответственности в случае успеха и неудачи, подчеркнем простую (но не всегда приходящую в голову) мысль: в ряде случаев совершенно утопичен поиск *субъекта*, который был бы «в ответе за все». Ни один из индивидуумов, вовлеченых в сложное

в пространстве вне органического тела индивида и именно поэтому, как ни парадоксально, — во внутреннем пространстве личности» [Ильенков, 1979, с. 216–217]. В социально-психологическом аспекте рассмотрения интериндивидуальный подход к личности представлен теорией деятельностного опосредования межличностных отношений [Петровский А.В, 1979]; см. также [Петровский, 2009*а*]. Уже в постановке вопроса о соотношении индивидуально-психологического и социально-типического в личности со всей отчетливостью выступила проблема несводимости личностного к интраиндивидному. Является ли, например, «коллективистическое самоопределение» качеством личности или групповым феноменом? Подобно явлениям, возникающим при восприятии двойственных изображений («фигура и фон» и т.п.), изучаемый феномен появляется перед исследователем то как часть контекста групповых процессов, то как качество личности. Аналогичная ситуация возникала в связи с другими феноменами[2], например, феноменом «действенной групповой эмоциональной идентификации» [Петровский, 1973].

[151] Подсказан В.П. Зинченко. Мне, так же как и автору книги «Сознание и творческий акт» [Зинченко, 2010], особенно дорога идея «между». Это ключевая идея в моих разработках таких категорий и понятий, как психика (состояние взаимоперехода субъективного и объективное), активная неадаптивность («мотив границы»), Я (предел-переход-связь между чувственным индивидом и его отраженностью в себе), личность (бытие в интериндивидном пространстве), человек (бытие в *меж*-личностных отношениях, в пространстве всеобщего, существующего у всех, *между* всеми). Нелишне еще раз обратить внимание на сверхчувственность — невидимость, неуловимость — бытия «между». Пожалуй, наиболее пример неуловимости — бытие «имманентного Я»; оно присутствует «здесь и теперь» — между «прошлым» и «будущим» (мы говорим: «тут-бытие»). «Показывая» прошлое и будущее, экран настоящего совершенно невидим!.. (см. гл. 2).

коллективное действо, особенно если оно производится впервые, не является его автором и не может рассматриваться таким образом. Знание этого очевидного факта, разумеется, не избавляет людей от естественного чувства вины в случае неудачи, что иногда несправедливо в отношении отдельного участника, например, лидера, руководителя, старшего по возрасту, но, как считается, благодетельно с точки зрения общества.

Отрицая субъектность интериндивидуальных взаимодействий, мы вынуждены сделать следующий шаг вглубь *интраиндивидных* отношений между различными «Я» индивидуума — его собственным «рефлексивным Я» («Я у себя») и «Я других людей», на территории его собственного Я («Твое Я во мне», «Иммерсивное Я»). Следуя Выготскому, мы вынуждены признать, что внутренние, *интраиндивидные* отношения между разными Я суть производные формы от внешне развернутых, *интериндивидных* форм отношений между партнерами и, следовательно, несут на себе печать их *бессубъектности* (т.е. неподконтрольности достигаемых эффектов активности гипотетическому центру активности). Очевидно, что та же неподконтрольность характеризует взаимоотношения между разными «Я» на территории «Ты» другого.

Пятое звено — ***Человек*** (= ***всеобщее «Я»***). Это форма существования личности индивидуума, включающая в себя воспроизводство отношений с другими индивидуумами как носителями *его* отраженной субъектности и источником их *собственной* отраженной субъектности в нем, что выражается в поддержке и развитии друг друга как личностей.

Это развернутое, но кажущееся громоздким (оно и есть громоздкое!), определение *Человека* (обладателя качества *человечности*) кратко могло бы прозвучать так: *Человек — это личность в любви*[152].

[152] Категория «человек» допускает много различных трактовок и как категория-контроверза даже провоцирует методологов и теоретиков выдвигать альтернативные версии. Вполне допускаю, что кому-то из читателей покажется более подходящим определение человека как «личности в культуре» или «личности в духовном измерении бытия» и т.д. Наше понимание, в отличие от указанных, нацеливает на анализ процессов и результатов общения между индивидуумами, если под общением подразумевать не просто коммуникативные акты, а «производство общего» (В.А. Петровский) — взаимопроникновение в миры друг друга, единение миров, высшая форма чего есть любовь.

Действительно, что значит воспроизводство только что обозначенных отношений? Это значит, что *существование другой личности как человека* неотделимо для первой от *ее собственного существования* как человека. «Для всего моего существования как человека фундаментальным является существование другого человека, то, что я существую для него, каким я ему представляюсь. Я живу на виду у людей: каждый мой поступок и каждый мой жест приобретают то или иное значение, в зависимости от того, чем он является для другого человека. И для “него” все взаимно обстоит так же. Я для другого человека и другой для меня — является условием нашего человеческого существования» [Рубинштейн, 1973, с. 372].

Продолжим мысль Рубинштейна. Мне может быть мало быть на виду. Мне мало быть таким, каким я представляюсь другому человеку. «Человеческое» во мне требует, чтобы я, действуя в направлении другого, был «собой» в этом другом человеке. Я стремлюсь быть представленным в нем не как-нибудь, а сообразно своей собственной мере (в противном случае, кто этот «я», живущий в нем, — я сам или кто-то чужой?). Это, далее, значит, что я стремлюсь быть продолженным в другом индивидууме *лучшими* своими качествами (ведь если это не так, т.е. не лучшими качествами, есть опасность разрушить в другом индивидууме то, в чем я нуждаюсь, — прочность своей новой обители, надежность и долговременность своего присутствия в нем). Наконец, это значит, что и он увидит во мне что-то, в чем нуждается сам, — ведь именно во мне он обретет возможность «расширить» себя, отразившись.

Здесь нет ни малейшего прагматизма, ни толики «инструментального» отношения к другому индивидууму. Ведь здесь то, *посредством* чего, и то, *ради чего* вполне совпадают: как то, так и другое суть *персонализация*, воспроизводство способности «быть личностью» (качества своей отраженности в окружающих). Перед нами двусторонний процесс, взаимная устремленность к одному и тому же — к общности.

Приведу в этой связи, не пропуская ни строчки, ибо в каждой из них поэтически схвачена суть сказанного, стихотворение Михаила Квливидзе (в переводе Беллы Ахмадулиной); думаю, эти стихи вполне выражают и суть любви, и абсолютное бескорыстие, присущее ей.

Я и ты

О, уезжай! Играй, играй
в отъезд. Он нас не разлучает.
Ты — это я. И где же грань,
что нас с тобою различает?
Я сам разлуку затевал,
но в ней я ничего не понял.
Я никогда не забывал
тебя. И о тебе не помнил.

Мне кажется игрой смешной
мое с тобою расставанье.
Ты — это я. Меж мной и мной
не существует расстоянья.

О глупенькая! Рви цветы,
спи сладко иль вставай с постели.
Ты думаешь, что это ты
идешь проспектом Руставели?

А это — я. Мои глаза
ты опускаешь, поднимаешь,
моих знакомых голоса
ты слушаешь и понимаешь...

И лишь одно страшит меня
и угрожает непрестанно:
ты — это я. Ты — это я?
А если бы меня не стало?!

«Личность в любви» — это значит, что мы не просто присутствуем друг в друге, но и обеспечиваем это присутствие, давая возможность *быть* в этом мире, *состояться* в нем; это значит, что мы соучаствуем в жизни друг в друга — у нас есть общая часть «обжитой Вселенной» («соучаствование» и «обжитая Вселенная-эйкумена» еще встретятся нам далее). «Личность в любви» — это значит, что «я для себя» здесь *то же*, что и «ты для меня»; и тут же «ты для себя» — *то же*, что и «я для тебя». «Быть человеком», «чувствовать себя человеком» — это значит быть личностью любящей и любимой. Отражаться в других и

быть носителем их отражений. Позволять другим личностям творить наше «Я». И столь же — творить «Я» других.

«Личность в любви» — это значит «Мое Я» и «Я Другого» суть *Одно* (разные репрезентации идеи единения двух личностей представлены на рис. 49*а*, 49*б* и 49*в*).

В заключение наших размышлений о Человеке мы предложим определение чуть менее лаконичное, чем «личность в любви», но зато кажущееся более строгим.

«Человек» есть личность, равным образом воплощающая себя во всех и всех — в себе.

Является ли это данное определение в действительности «более строгим», сказать не берусь. Но, возможно, оно в большей мере придется по сердцу сторонникам академизма в персонологии.

Итак, кластер «causa sui» — причины себя — представлен категориями, каждая из которых как бы надстраивается над другой, раскрывая присущий ей потенциал развития. Восхождение вверх по категориям кластера, как можно убедиться, подчинено определенной логике — мы называем ее ***рефлексивной дедукцией***. Содержание каждой последующей категории содержит в себе рефлексивный образ предшествующей категории. Первая категория в ряду не содержит в себе определений психического («Организм»); следующая категория является протопсихологической («Индивид»); далее перед нами базовая психологическая категория («Я»; «Субъект»); затем метапсихологическая категория («Личность»); и, наконец, экстрапсихологическая категория («Человек»). Еще раз напомним:

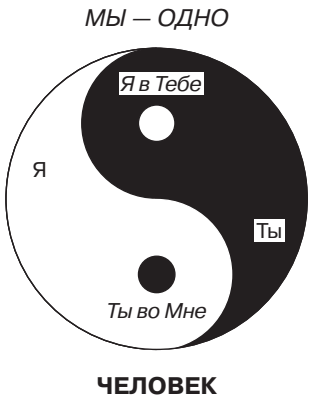


Рис. 49*а*. Личность в любви (= Человек).
Вариант психологического автопортрета-1.
Идея равенства взаимоприсутствия:
«Я в тебе = Ты во мне»

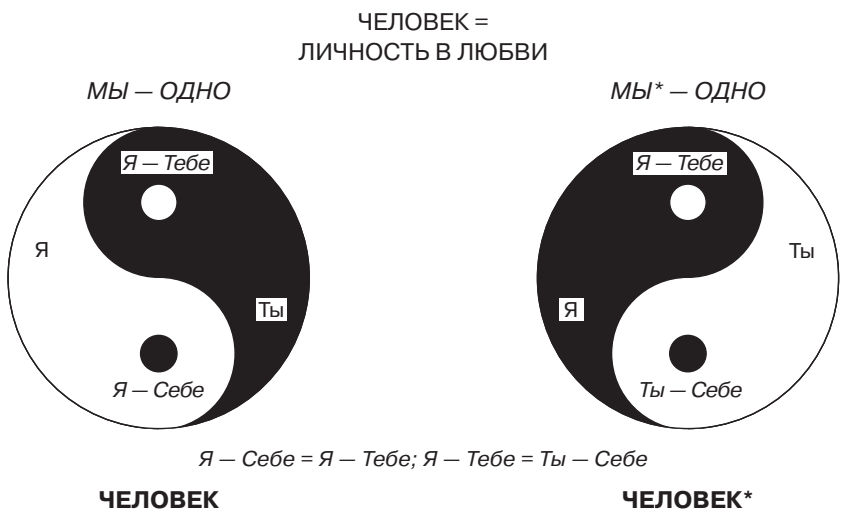


Рис. 49*б*. Личность в любви (Человек).
Вариант психологического автопортрета-2.
Идея (субъективной) общности интересов:
« Я — Себе» все равно, что «Я — Тебе»
и при этом «Я-Тебе» все равно, что «Ты — себе»

организм — форма существования тела, механически дублирующего себя на основе фиксированных в его структуре шаблонов взаимодействия с окружением;

индивид есть форма существования *организма*, включающая в себя протопсихическую («дочувственную психическую») модель его взаимодействия со средой и фактическую реализацию этой модели в поведении;

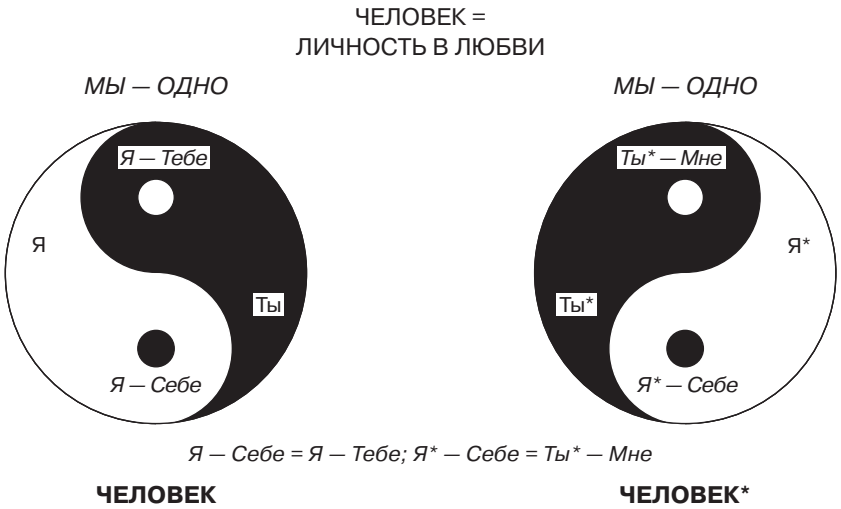


Рис. 49*в*. Личность в любви (Человек).
Варианты психологического автопортрета
и портрета, выполненного другим.
Идея объективной общности интересов:
«Я — Себе = Я — Тебе»
(так человек думает о себе и другом человеке*)
и при этом «Я* — Себе = Ты* — Мне»
(так думает о себе и о нем другой человек*)

«Я» — форма существования *индивида*, включающая в себя субъективно-психическую («чувственную») модель его взаимодействия с окружением (вещи, другие индивиды) и фактическое отделение себя от своего окружения;

личность — форма существования *«Я»*, включающая в себя осознанный образ его взаимоотношений с другими *«Я»* и свою отраженность в них;

человек — форма существования *личности*, включающая в себя воспроизводство отношений с другими людьми, обеспечивающих взаимную субъектную представленность (отраженность) их друг в друге.

Поднимаясь от ступени к ступени, мы имеем дело не только с самопричинностью индивидуума, но и с процессами его самотрансценденции, так как он не только использует уже имеющиеся условия своего бытия, но и обнаруживает свою способность воспроизводить их (а значит осуществлять расширенное воспроизводство своего бытия в мире). Итак, перед нами — на всех ступенях подъема вверх в категориальном ряду — феномены единства самопричинности и самотрансценденции индивидуума.

Далее, прежде чем обратиться к другим «клеточкам» категориального строя (мы не собираемся рассматривать их столь детально, как центральную для логики «Я» категорию самопричинности), хотелось бы впервые обратить внимание читателя на важную особенность в характеристике взаимоотношений между категориями, представленными в табл. 16. Действительно, никогда прежде — начиная с первых эскизов таблицы[153] — нами не отмечалось то обстоятельство, что контенты категориального восхождения не переходят полностью с более низкой на более высокую ступени в ряду. Хочу сказать, что есть некий остаток — непереводимая «часть» контента каждой из категорий («Улитка на склоне» — по братьям Стругацким).

Итак, рассмотрим, что остается от содержания категорий «за вычетом» возвышающего их движения рефлексии в различных ее формах. Речь будет идти о *сущем* ***per se*** (= *как таковом, самом по себе*).

Организм per se (*вне-психическое*) = ***Тело***. В то время как *индивид* есть *организм*, как бы «одушевленный» развитием (переходом на более высокую ступень самопричинности) и являющий собой, таким образом, протопсихологическую целостность, «организм» *сам по себе* есть *тело*, биофизический агрегат[154].

Абстракция «тела» чрезвычайно важна для понимания психической жизни. Психологи часто недооценивают его роль. В этом я согласен с В.Д. Шадриковым, обратившим однажды мое внимание на некоторые феномены функционирования мозга, свидетельствующие о механизмах, не имеющих отношения к «культурно-исторической детерминации» жизнедеятельности.

[153] Я имею в виду написанную А.В. Петровским и В.А. Петровским главу в книге [Петровский, Ярошевский, 2001].

[154] Не путать с «телесностью» (внешним обнаружением и источником душевного строя личности)!

Я приведу свой пример, иллюстрирующий эту мысль. Депрессия... Не только «сон разума», но и «разум бодрствующий» рождает чудовищ. Источник депрессии, заметим, может иметь внепсихическое происхождение. Но живущий в каждом из нас смыслоискатель, «доцент-телеолог», без пяти минут «профессор теологии», требует, чтобы мы ответили на вопрос: «зачем?», «каков смысл?». Мы не можем позволить себе успокоиться, пока не осмыслим, в чем дело, что происходит с нами, почему руки опускаются, почему нам не хочется жить... Вот и рождаются *версии*, легко принимаемые за истину, особенно искушенными в психологии людьми: «депрессия — это судьба (сценарная расплата)», «депрессия — это защита», «депрессия — это вытесненное чувство вины» и т.д. и т.п. Разумеется, и судьба, и защита, и чувство вины могут иметь отношение к депрессии, но видеть именно в них и всегда источник, смысловую основу, исходный пункт развития депрессии, поддаваться соблазну *психологизировать* причины возникновения депрессивных состояний — это значит запутывать себя и в конечном счете усиливать состояние внутреннего неблагополучия. По-видимому, все-таки эндогенная депрессия (по крайней мере, эндогенная) асемантична. Ее источник, тело, — часть объективной реальности, *не данная нам в ощущениях*, но, к несчастью, *производящая их*. Имеющий, увы, культурно-историческое происхождение «бред целевой интерпретации», навязчивое телеологическое прочтение наших бед, в том числе, телесно-внепсихологических источников неблагополучия, поскользнувшись на первой ступеньке рождения депрессии, усиливается далее, от ступени к ступени динамики депрессивного состояния (теоретико-эмпирически этапы данного процесса рассматриваются в выполненном под нашим руководством диссертационном исследовании М.В.Аксеновой).

Индивид per se (*бессознательное индивидидуальное*) = ***Плоть***. Таков *индивид* как носитель неосознаваемых психических процессов, представлений, влечений. Говорят: «плотские импульсы», «голос плоти» и т.д. Все это — актуально нерефлектируемое чувственное. «Тогда Иисус сказал ему в ответ: блажен ты, Симон, сын Ионин; потому что не плоть и кровь открыли тебе это, но Отец Мой, сущий на небесах»[155]. Я согласен с теми, кто подчеркивает, что речь здесь идет о душевности Петра как плотского существа[156].

[155] Мтф, 16:17.

[156] См. переписку блоггера Албанского и пастора Дмитрия Зенченко в Интернете. «Мне представляется очевидным, — пишет Албанский, — плоть и кровь — это душевность самого Петра, а не другой человек как носитель духа». И добавляет: «А что такое душевный человек? — чувства, ощущения, эмоции...». Мне кажется это правильным. Впрочем, автор этого прочтения, с которым я принципиально согласен, умудряется отождествить психические переживания, «чувства, ощущения, эмоции», с вырабатывающими гормоны железами и — буквально! — с кровью, что, конечно, ошибочно (он смешивает «индивидные» характеристики с «организмическими»).

Я per se (*неведомое «Мое»*) = ***Самость***. Самость, согласно К. Юнгу, — включает в себя и сознание и бессознательное: она есть центр суммативной целостности. Являясь центром притяжения процессов индивидуации, она сохраняет свою «незнаемость», я бы сказал — «неохватность» сознанием. То же и «личностность», которую мы рассматриваем как погруженность *Я* индивидуума в круг бытия другого индивидуума, — она всегда как бы выступает за края постигающего ее сознания.

Личность per se (*потаенное «всеобщее в личном»*) = ***Индивидуальность, Личностность, Потенция Всеединства.*** Рассматривая категорию «индивидуальность» (и все, сказанное ранее о пространстве «Между Я и Ты»), мы пришли к мысли о том, что «индивидуальность» — это «*неотразимость* личности как субъекта» (непредставимость ее в виде целенаправленно действующего существа, контролирующего результаты своей активности, обладающего образом себя и стремящегося воспроизвести себя на основе этого образа). Мы говорили о том, что индивидуальность, представляя собой многообразие «Я», не может быть приравнена также к познающему ее субъекту, поэтому — поскольку «подобное познается подобным» (Эмпедокл) — она не прозрачна для познающего, или, как говорят философы, «не интеллегибельна».

«Индивидуальность» — это «часть» личности, не узнавшая в себе Человека, еще не раскрывшая его в себе. Так же и «личностность», подчеркиваем мы, — лишь возможность быть Человеком (я имею в виду достижение тождества «Я в себе и для себя» и «Я в другом и для другого»). Здесь также встречаемся мы с «неотразимостью» личности, ее потаенностью (но, может быть, именно в этой неотразимости — ее интрига, шарм, тайна, побуждающие нас к осмыслению-уразумению?)

То же и «личностность». Нет никого на земле, кто знал бы доподлинно, **что** он есть для других. Наше собственное бытие в другом и для другого лишь частично открывается нам в сознании. Личностность —

по ту сторону актуального опыта[157]. Она, так же, как и индивидуальность, не есть еще *Человек*; требуется еще что-то — для перехода.

И, наконец, пространство «Между», обозначаемое на рис. 48 символом «&». Русская философская мысль (В.С. Соловьев, С. Трубецкой, Е. Трубецкой, С. Булгаков, П. Флоренский, Л. Карсавин, С. Франк и др.) предлагает слово, позволяющее подступиться к этому «Между», — ***Всеединство***. Речь идет об идее, характеризующей «внутреннее органическое единство бытия как универсума в форме взаимопроникновения и раздельности составляющих его элементов, их тождественности друг другу и целому при сохранении их качественности и специфичности»[158]. Пространство «Между» — потенция всеединства, потенциальное всеединство, связывающее миры «Я» и многие «Ты». Там происходят тайные синтезы мыслей, волений, чувств разных людей, там затеваются «игры», рождаются близость, любовь, ненависть, взаимопонимание и взаимонепонимание людей. Потенциальное всеединство — рационально не рефлектируемая сущность. «Что-то» всегда остается по ту сторону осознания (так и переживается — как оставшееся). И такова *третья* образующая *личности per se* — таинство «двудушия», шифр со-бытийности, сопричастности людей друг другу.

Индивидуальность, личностность, потенциальное всеединство — таковы ипостаси личности *как таковой*, в ее дорефлективном качестве, невоплощенности во всеобщее «Я».

Тем не менее, мы обладаем *интуицией* общности с другими. Только она, интуиция, поднявшись над мыслью, способна обнять собой многообразие «*Я*», образующих личность, придать этой множественности форму переживания и уловить в нем присутствие «всеобщего Я». Философы всеединства говорят также о «мистическом озарении», обеспечивающем восхождение к органическому единству бытия. В силу интуиции-озарения мы ощущаем, что мы с другими — Одно.

Именно в такие моменты каждый из нас — Человек (ибо разве не совершенное единство с другими — критерий «человеческого в человеке»?).

[157] Другое дело — «возвращенная субъектность», или то, что У. Джеймс называл «социальным Я». «Возвращенная субъектность» есть осознанный образ своего присутствия в другом (форма самосознания, свое видимое изображение в «зеркале» Другого).

[158] Цитирую статью Г.Я. Миненкова [Миненков, 2002].

Итак, перед нами — еще один ряд категорий, как бы параллельный только что рассмотренным (изобразим оба):

Организм → Индивид → «Я» → Личность → Человек
Тело → Плоть → Самость → Индивидуальность и Личностность →
→ Всего Только Человек

Заметим, что Человек в этом ряду тоже присутствует: образуя вершинную категорию в верхнем ряду, он может быть охарактеризован также *per se* — как Всего Только Человек, еще не растворенный в Духе (если использовать здесь гегелевскую и вместе с тем религиозную форму осмысления сущего)[159].

Перейдем теперь к более краткому рассмотрению других категорий психосферы.

Кластер направленности. Синонимы: телеология, устремленность. Включает в себя категории «Нужда» (нулевой уровень), «Потребность», «Мотив», «Ценность», «Идеал» (высший уровень). Категория «Нужда», характеризуя то, что насущно необходимо, не означает, что необходимое для существования организма изначально уже «записано» в нем, — речь может идти лишь о том, в чем совершенно объективно нуждается организм. Иными словами, последний может «и не догадываться» о своих подлинных интересах, более того, никоим образом не обнаруживать их вовне. Что же касается потребности, то она как бы сама заявляет о себе активностью (потребность есть «зависимость как источник активности»). Далее — категория «Мотив». В отличие от потребности вообще, мотив есть не что иное, как субъективированная устремленность — феноменальная данность потребности. Продолжая подъем вверх по вертикали, мы застаем такую форму интенциональности, как «Ценность» — здесь перед нами признанный самим индивидом, ставший целью его собственных действий мотив. И, наконец, «Идеал» — осознанная личностью ценность, на-

[159] При всей многозначности слова «Дух» (см. [Лихачев, 2005]) в *психологических* его трактовках есть, как нам кажется, общее смысловое ядро. Подразумевается особая форма существования (отраженности, воспроизводства) человека в универсуме, воплощающая в себе идею всеобщности, всеединства, тождества человека со всем человечеством (что не исключает различных способов конкретизации этой идеи в работах В. Франкла [1990], А. Ленгле [2003], Б.С. Братуся, В.М. Воейкова и С.Л. Воробьева [1995], В.И. Слободчикова и Е.И. Исаева [1995, т. 1, гл. 9], А. Лихачева [2005], В.П. Зинченко и Е.Б. Моргунова [1994], В.Д. Шадрикова [2009] и др.

правляющая его деятельность, более того, предъявляемая в общении как образец для всех.

Кластер активности. Обобщает в себе такие категории, как «Витальность» (нулевой уровень), «Живое движение», «Действие», «Деятельность», «Свобода» (высший уровень). Здесь сохраняется та же логика все более глубокого и существенного раскрытия родового определения бытия человека, что и в других случаях. Каждый шаг продвижения вверх внутри кластера раскрывает категорию активности все более полно.

Первый уровень кластера активности — *Витальность*. Эта категория не кажется нам систематически разработанной. Сам термин «витальность» не является общераспространенным. Очевидно, требуют своего логического соотнесения такие принадлежащие данной категории конструкты, как «метаболизм», «уровень бодрствования», «поток активности», «рефлекторные акты» и т.д. То общее, что объединяет их все, — это включенность в воспроизводство телесности организма, возможности его физического бытия в мире.

Второй уровень кластера — *Живое движение*: форма существования (и трансценденции) витальности, обеспечивающая воспроизводство индивида как целого. «Живые движения, — отмечает В.П. Зинченко, — это нечто вроде субстанции души, как минимум посредник между душой и телом» [Зинченко, 2006].

Третий уровень — *Действие*: форма существования и развития живого движения, опосредствуемая *целью*, чувственным образом возможного как прообразом действительного. Действие может быть осмыслено как произвольная активность, основанная на использовании и преодолении избыточных степеней свободы, присущих субъективным образам, а также — как порождение новых степеней свободы (в последнем случае мы говорим об «активной неадаптивности») Индивид строит при этом не только образ наличной и потребной среды, но также еще и образ себя в настоящем и будущем, что инструментирует достижение цели и позволяет ставить перед собой «надситуативные» цели [Петровский, 1986, Петровский, 1992*б*]. Четвертый уровень — *Деятельность*: форма существования и развития действия; целеустремленная активность, единство целеполагания и целереализации (если считать «целью» предсуществующий результат активности, регулирующий ее течение, независимо от того, сознается он или нет, будь то мотив, намерение, искомое и т.п.,

любые варианты «модели потребного будущего»). Осуществление деятельности обеспечивает возможность и желательность воспроизводства образующих ее действий (и, напротив, «застопоривание» деятельности — источник отказа от действий, оказавшихся несостоятельными). Мы подчеркиваем этот, вполне очевидный, аспект взаимосвязи «деятельности» и «действий», чтобы еще раз обратить внмание читателей на логическую преемственность этих психологических категорий, механизм взаимоперехода категорий более высокого и менее высокого уровня в категориальном строе психологии. Нелишне подчеркнуть также (по мере того как уходят в прошлое жаркие дискуссии отечественных психологов 60–80-х годов о природе и функции деятельности, что именно в ней, *деятельности*, А.Н. Леонтьев, основоположник *психологической теории* деятельности, видел конституирующее условие порождения, функционирования и структурирования психического отражения реальности. С этой точки зрения, деятельность есть динамика связи объективного и субъективного модусов бытия индивидуума, «место» взаимопереходов созерцания и созерцаемого, чувства и чувствуемого, мысли и мыслимого, желания и обладания, воления и воли (в значении «покой и воля»)[160].

Пятый, высший уровень кластера — *Самополагание*: форма существования и развития деятельности, позволяющая индивидууму испытывать и воплощать свою самость как часть всеобщего Я, таким образом продолжая себя за пределами своего индивидуального бытия (единство индивидуации и персонализации).

[160] «С точки зрения Рубинштейна, психология должна изучать не деятельность субъекта как таковую, а "психику и только психику", правда, через раскрытие ее существенных объективных связей и опосредовании, в том числе через исследование деятельности. Леонтьев, напротив, считал, что деятельность неизбежно должна входить в предмет психологии, поскольку психика неотторжима от порождающих и опосредующих ее моментов деятельности, более того: она сама является формой предметной деятельности» [В.П. Зинченко, 2004]. На наш взгляд, противопоставление позиций отчасти снимается, если принять во внимание, что *психика* как таковая есть «третье» состояние реальности, заключающее в себе переходы субъективного в объективное и объективного в субъективное (см. гл. 1, п. 2). Психология изучает психику и только психику как совершающейся в деятельности и посредством деятельности описанные переходы; но это противопоставление снимается лишь отчасти, так как невидимое «третье» не обязательно ограничено представленностью в деятельности, оно может иметь и другой источник и «среду обитания».

Кластер когнитивности. Синонимы: идеальность, запечатленность, презентация и репрезентация и т.д. Данный кластер заключает в себе категории «Раздражимость» (нулевой уровень), «Знак», «Образ», «Сознание», «Разум» (высший уровень). Общим для всех этих категорий является то, что они обозначают факт представленности чего-либо в чем-либо, «как форма вещи, но вне вещи»[161]. Прослеживая путь восхождения от «Раздражимости» к «Разуму», мы видим, как все более приоткрывается мир человеку, как освобождается картина мира от гнета сиюминутных нужд, диктата потребностей, пристрастности мотивов, «наводки» ценностей человека. Относительно более простая способность организма отзываться на биологически значимое воздействие (уровень раздражимости) перерастает в значительно более сложную и загадочную «раздражимость» особи к абиотическим воздействиям (способность ощущения); превращается далее в способность субъекта к перцепции (возникновению образов); приходит затем к способности личности осознавать мир; наконец, восходит на ступень миропостижения, на которой человеку открываются принципиально разные, принципиально незавершимые в своей распахнутости или потаенности миры. Перед нами ступени продвижения к истине («ясному и отчетливому», «подлинному», «аутентичному», «всеобщему» или, наоборот, «уникальному» знанию).

Кластер пристрастности. Синонимы: значимость. Термин «пристрастность» может рассматриваться как возможное обозначение для родовой категории, объединяющей в себе «Избирательность» (нулевой уровень), «Аффективность», «Переживание», «Чувство» и «Смысл» (высший уровень). В то время как «Избирательность» может быть описана извне как специфическая откликаемость организма на определенные элементы окружения, «Смысл» субъективен, заключает в себе вполне осознанное личностью самоценное чувство, не только выражающее, но и превосходящее частные интересы деятельности и общения. Таковы лишь полярные категории, репрезентирующие атрибут пристрастности, — специальный анализ может показать, как

[161] «Идеальное есть ... не что иное как форма вещи, но не вне вещи, а именно в человеке, в форме его активной деятельности существующая... В природе самой по себе, в том числе и в природе человека как биологического существа, идеального нет... Так, форма кувшина, возникающего под руками гончара, не заключалась заранее ни в куске глины, ни в прирожденной анатомо-физиологической организации тела индивидуума, действующего в качестве гончара» [Ильенков, 1962, с. 267].

при подъеме вверх по «меридиану» все плотнее и нерасторжимее связываются в пристрастности многообразные проявления бытия человека. По сути, речь идет об углублении процессов субъективации при восхождении к бытийным смыслам.

Кластер со-бытийности. Синонимы: социальность, общность, сопричастность. Включает в себя категории «Синергия» (нулевой уровень), «Сосуществование», «Интеракция», «Общение», «Соучаствование» (высший уровень). Восхождение по ступеням данного ряда — это переходы от идеи функциональной связанности, нерасторжимости двух частей организма или двух существ к идее автономии и в то же время отраженности бытия их друг в друге. Событийность на ступени «Сосуществование» характеризуется тем, что особи принимают друг друга в расчет только в той мере, в какой их присутствие может нарушить естественные проявления их собственной жизнедеятельности (это существование «рядом», но не «вместе»). Событийность на ступени «Интеракция» означает взаимную поддержку, иначе говоря, реализацию хотя бы одним из субъектов инструментальной функции по отношению к другому (предоставление информации, присоединение собственных усилий, в том числе и физических). Общность на ступени «Общение» — это, собственно, «производство общего» (В.А. Петровский). Подобное «производство» может и не иметь своей подлинной целью достижение отраженности, «присутствия» человека в человеке. Но если признать правоту М. Хайдеггера в том, что «человек есть присутствие», то надо будет признать также и то, что «человеческое в человеке» достижимо лишь на высшей ступени со-бытийности, знаменуемой соучаствованием (термин, широко использовавшийся А.Н. Радищевым) людей.

Кластер действительности. Включает в себя категории «Среда», «Предметность», «Ситуация», «Персоносфера», «Эйкумена». По мере продвижения вверх по вертикали категории, как и в других кластерах, переходя от сущности к явлениям (и к явлениям как сущности), все шире раскрывают область бытия сущего на каждом из его уровней.

«Среда» — это область физико-химических предпосылок и результатов функционирования организма.

Следующая категория, «Предметность», центральная для развертки общепсихологической теории деятельности А.Н. Леонтьева, характеризует среду существования организма как источник удовлетворения его нужд («опредмечивания» потребностей, становления

избирательных сигнальных отношений с биологически значимыми агентами окружения, в том числе и себе подобными).

Термину «Ситуация» соответствуют такие понятия, как «проблемная ситуация», «проблема» (познавательная, экзистенциальная и тому подобная социальная ситуация развития — Л.С. Выготский, Л.И. Божович); говоря о ситуации, мы подчеркиваем, что субъект действует, разрешая ее, «поднимаясь над ней».

Следующая категория — «Персоносфера» (А.В. Петровский). В настоящее время персоносфера выступает в качестве гипотетической конструкции, предполагающей глобальную систему взаимопересечений персонализаций населяющих земной шар людей. Категория персоносферы не ограничивает универсум человеческого бытия областью межсубъектных контактов; персоносфера не означает только лишь общения vis-a-vis, хотя и вбирает его в себя. Персоносфера — это невидимая сеть актуальных и потенциальных предметных соединений и контактов, объединяющих всех людей в единое человечество, преодолевающая государственные, религиозные, этнические и иные границы. Множество реальных и возможных пересечений персонализаций и взаимовлияния людей друг на друга, в том числе людей, живущих вдали друг от друга и в разные эпохи истории, образуют единое пространство персоносферы.

Завершающая и высшая категория кластера — «Эйкумена». Слово «эйкумена» («ойкумена») происходит от греческого «oikumene», что означало, с точки зрения древних греков, все то, что заселено человеком. Данная категория постепенно обживается психологами. Ближе всего к ней подступает категория «Жизненный мир» в интерпретации Ф.В. Василюка. Категория «Эйкумена», однако, шире и, в отличие от категории «Жизненный мир», охватывает и связывает воедино пространство жизни многих субъектов, множество жизненных миров. Эйкумена шире также и области взаимодействия людей в условиях совместной деятельности. Эйкумена — то же, что и «Мир» в понимании С.Л. Рубинштейна. Перед нами «множество миров» (А.Г. Асмолов), единство качественно своеобразных, но сквозь пространства и времена соприкасающихся друг с другом жизненных пространств индивидуумов. Эйкумена, таким образом, есть не только многомерная, но и многомирная целостность. Персоносфера, являясь сущностью, обнаруживает себя в пространстве Эйкумены, в античные времена сжатой до размеров Средиземноморья и ближайших к нему

территорий, а в настоящее время охватывающей весь земной шар. Ныне проявление персоносферы в пределах мирового обжитого пространства предельно усиливается за счет средств массовой информации, прежде всего Интернета — технической «всемирной паутины», сквозь которую прорастает психологическая «всемирная паутина» — персоносфера (А.В. Петровский).

Итак, выше сделана попытка дать обобщенную характеристику кластеров и плеяд, с помощью которых оказывается возможным описание структуры и содержания психосферы.

Каждая категория теоретической психологии является родовой по отношению к определенному кругу психологических понятий. Так, например, категория «Образ» может быть конкретизирована в таких понятиях, как «Восприятие», «Представление», «Воображение», «Память».

В категориальной системе психологии получают фактическое воплощение три объяснительных принципа построения психологического познания: принципы детерминизма, развития, системности.

Категории каждой из вертикалей таблицы в своей эмпирической реализации детерминированы как снизу, так и сверху. Так, категория «Я» (метапсихологическая) включает в себя (в снятом виде) биологическое начало, поскольку сохраняет типологические и индивидуальные особенности нервной деятельности организма. Но в то же время приоритетной для этой категории детерминантой (если иметь в виду эмпирическое ее наполнение) выступает ноосфера, порождая бесчисленное множество вариантов межличностных проявлений. Таким образом, обусловленность со стороны биосферы не теряет здесь своей силы, хотя приоритет в данном случае бесспорно принадлежит культурно-исторической детерминации.

Следовательно, в категориальной системе мы имеем дело со встречной детерминацией социокультурного и биологического факторов. Каждая категория — это «место встречи» детерминант.

Переход между категориями мыслится согласно схеме восхождения от абстрактного к конкретному. Протопсихологический ряд отвечает в известной степени идее преформизма, в нем в свернутом виде содержится все богатство, обнаруживающее себя на более высоком категориальном уровне. При этом определяющую роль играет та категория, которая находится непосредственно ниже по вертикали; она носит характер примата по отношению к категории, находящейся

выше, имеющей, соответственно, характер деривата. Оформляющие категории выступают в качестве условий «проращивания» возможностей, присущих категориальному ядру. Категория «Ценность» является прямым развитием категории «Мотив», получая свое оформление через категории «Переживание», «Отношение» («Интеракция»), «Действие» и др.

Итак, характеризуя взаимоотношения между категориями, входящими в плеяду, расположенную ниже в матрице, и категориями плеяды последующего, более высокого уровня, мы видим, что первые являются определяющими для вторых, убеждаемся в том, что посредством «ядерных» и «оформляющих» категорий удается ввести в психологию новые категории, дать им начальные, «стартовые» определения.

Конкретизация (развитие) категорий становится возможной благодаря соприкосновению с другими категориями вбирающего их в себя кластера. Взаимоотношения между категориями внутри плеяды можно сравнить со взаимоотношениями лейбницианских монад: каждая отражает каждую, сообщая ей дополнительные определения.

Предложенная категориальная система теоретической психологии заключает в себе искомую модель «теории теорий» — один из инструментов овладения психологией своим собственным предметом.

Прежде чем перейти к практической стороне дела — по использованию предложенной системы для построения консультативной практики, скажем несколько слов в заключение. Категориальная система психологии с момента ее опубликования неоднократно обсуждалась (см., в частности, [Петровский, Щур, 2001, с. 145]). Мне памятны высказывания Б.М. Бим-Бада, В.В. Брофман, Н.Е. Вераксы, М.Ю. Кондратьева, А.А. Леонтьева, В.И. Слободчикова и других коллег. Поступили, как говорят на защитах, «письменные отзывы» — как позитивные, так и критические. Отвечу на важный — критический. В.А. Мазилов в своей интересной и содержательной статье пишет: «В последние годы этими авторами (А.В. Петровским, М.Г. Ярошевским) совместно с В.А. Петровским предпринята попытка упорядочения категориального аппарата психологической науки в рамках конституирования новой психологической дисциплины — теоретической психологии. ... Не вдаваясь в анализ этой интересной попытки конституировать новую отрасль психологии,

заметим, что в перечне категорий психологии не находится места для понятия “психика”. Это представляется не случайным, так как понимание психологии, развиваемое авторами, предполагает детерминизм и, как следствие, сведение в конечном счете психического к непсихическому. Нельзя не отметить, что такая трактовка вызывает некоторую смутную тревогу. Ведь оказывается, что научная психология утрачивает свою специфику. А если предмет психологии не имеет своей психологической специфики (психическое не является центральным психологическим понятием, конституирующим эту науку), то психология обречена на редукцию: никакой системный подход не сможет избавить ее от этой участи. Напомним, что Шпрангер в начале прошлого века предупреждал, что психическое следует объяснять через психическое. И для этого есть немалые основания. Представляется, предмет психологии следует полагать таким образом, чтобы была возможность “разрабатывать психологию” не сводя ее к “вещам” более элементарным (в особенности к собственно вещам)». Наша общая с А.В. Петровским позиция в этом вопросе состоит в том, что психика не могла быть включена в категориальный строй психологии как одна из ее категорий. Она, по-видимому, не является «клеточкой» психологии и тем более не может быть размещена в клеточке таблицы (см. [Петровский А.В., 2006]). И уж точно психика не рассматривается авторами «категориального строя» как детерминированная исключительно снизу, со стороны «вещей». «Для философии, которая знает объединение и синтез субъекта и объекта, объект никогда не будет чистым механизмом. Он всегда будет заключать в себе черты субъекта, сознания, души, цели; и “механизм” будет хотя и вполне реальный, но в то же время только вполне подчиненной категорией, не единственной и не абсолютной», — писал А.Ф. Лосев [2002, с. 100]. Об этом — сформулированный в наших работах принцип «сущность как явление и явление как сущность». В «Трудах Ярославского методологического семинара» (2004) (кстати сказать, одним из редакторов которых был В.А. Мазилов) была сделана попытка раскрыть понятие психики как *нередуцируемой* реальности, занимающей особое место в онтологической картине мира: «*Психика* — целокупность взаимопереходов между объективными и субъективными определениями бытия человека (шире — живых существ)» [Петровский В.А., 2004]. Определяя психику как нечто третье по отношению к субъективно-

му и объективному (см. гл. 1), я подчеркивал, что «психика не имеет формы предмета», она реализует каузальные (диахронические) и акаузальные (синхронические) связи субъективного и объективного[162]. *Психика*, очевидно, может рассматриваться как *условие* построения категориальной таблицы, но отнюдь не как контент одного из ее блоков.

[162] Думаю, нет ничего более близкого к описанию этого «третьего», чем *бытие* у греков, о котором М.К. Мамардашвили повествует нам в «Лекциях по античной философии» так: «Бытие — это то, что полно, замкнуто со всех сторон, чего никогда не было и не будет, потому что всегда есть, и никогда не было и не будет такого моментани в прошлом, ни в будущем, когда мы могли бы сказать о бытии, что его нет. Оно все есть в настоящем, все целиком, и, обходя его, мы всегда на месте, т.е. неподвижны. Бытие неделимо, полно, неподвижно и охватывает все» [Мамардашвили, 1997, с. 39]. Бытие (осмелимся продолжить сказанное о нем) — не внешнее и не внутреннее; не субъективное и не субъективное, не «реальное» и не «идеальное»; не явь и не сон; не фигура, но и не фон. Оно является *всем* этим, не зная раскола. Оно, если говорить о нем на языке психологии, — «амодально» (А.Н. Леонтьев). Скажем еще так: бытие есть *пред*-переживание. Оно — потаенное, абсолютно бессознательное (верно и обратное: «абсолютно бессознательное» есть бытие). Оно — всегда на виду и никогда как таковое не видимо. В терминах Гегеля, бытие есть «абсолютно непосредственное» *и* «абсолютно опосредованное». Позволим себе парадоксальную формулировку: бытие есть абсолютно непосредственное *как* абсолютно опосредованное. Необходимо «прорваться» к бытию, которое всегда перед нами, всегда опережает нас.

Глава 18

КАТЕГОРИАЛЬНЫЙ СТРОЙ ПСИХОЛОГИИ: ПЕРСОНОЛОГИЧЕСКИЙ ПОВОРОТ

Призрак бродит
в стенах Российской академии образования —
призрак консультативной психологии...

Мы рассмотрим в этой главе некоторые методологические предпосылки построения новой области психологии — консультативной психологии — имеющей своим предметом условия и эффекты взаимодействия консультанта и консультируемого.

Мне давно уже казалось странным, что консультативная психология, внутри которой фактически живет психологическое сообщество уже десятки лет, не упоминается ни в номинациях избрания в Академию, ни в списке ВАКовских специальностей. Психологи, вносящие вклад в развитие консультативной психологии, должны маскироваться под «педагогических психологов», «возрастных психологов», «акмеологов», «общих психологов» и т.д., но они не имеют права заявлять о себе как о консультативных психологах. Я не говорю уже о том, что в Москве и в России нет академических институтов, носящих такое имя.

Консультативную психологию не следует смешивать с психологическим консультированием (хотя, конечно, взаимосвязь подразумевается). Психологическое консультирование — это сфера *практики*, область практической деятельности психолога, содействующего людям в решении их проблем. Консультативная психология — сфера *теории*, область исследований, предметом которых являются условия, процессы и эффекты консультирования, как сознаваемые, так и не осознаваемые взаимодействующими сторонами.

Очевидно, что такая точка зрения — отзвук того раскола, который до сих пор существует в психологии (о чем мы писали в гл. 17). Если это так, то консультативная психология — путь терапии, «клиентом» которой является сама психология.

Консультативного психолога я буду называть *персонологом* — представителем особой области психологических разработок, объединяющей практическую и академическую психологию (см. гл. 17).

Надеюсь, я не смущу читателя рисунком, на котором будет много значков — лефевровских «человечков» (ибо, говорят, именно он их когда-то изобрел) и еще несколько символов (рис. 50).

Вначале мы рассмотрим структурную модель консультативной психологии 1-го порядка.

Исследователь сопоставляет «картинки»: центральную и левую, центральную и правую. Имея в виду всю изображенную здесь систему (ее элементы и соотношения между ними), мы говорим о *предмете консультативной психологии* — перед нами его онтологическая модель.

Рассмотрим подробнее устройство онтологической модели.

1. **Значок «*С*»** — «содержание»:

– Что за проблема у консультируемого?

– Что может сделать консультант (границы его компетентности)?

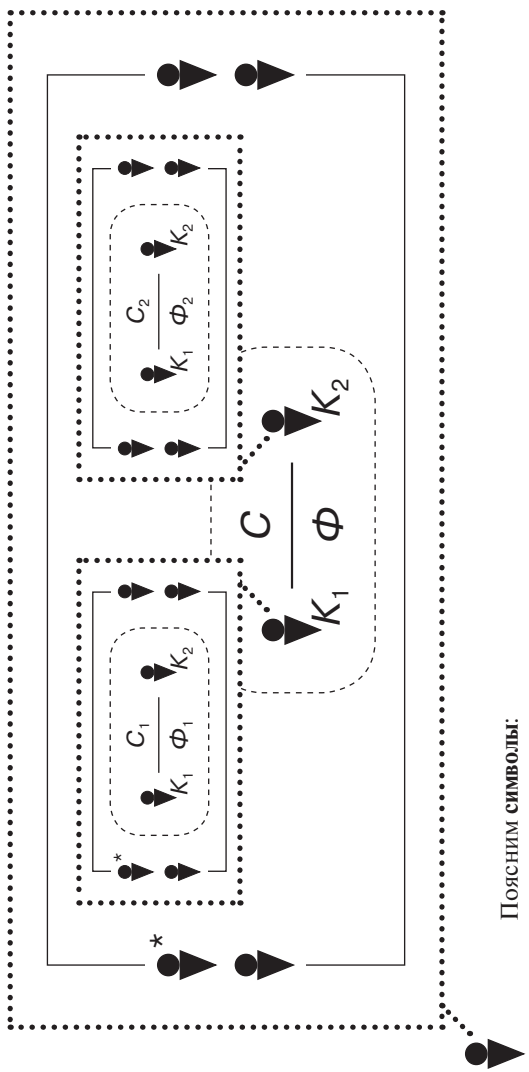
Эти и другие вопросы — о содержании работы. Я вижу здесь связь проблем психологического консультирования с исторически сложившимися категориями теоретической психологии.

В табл. 17 представлена система категорий теоретической психологии, которые *маркируют* проблемы консультативной психологии, — мы говорим о *персонологическом повороте теоретической психологии*.

Содержание категорий внутри каждой из пяти плеяд в строках таблицы характеризуются особым познавательным статусом. Отсюда — возможность выделить в поле консультативной психологии некоторые особые направления деятельности консультантов.

Функция психолога консультанта в работе с проблемами, соответствующими плеяде биологических категорий — опосредствование взаимодействий консультируемого со специалистами медицинского профиля (терапевтами, невропатологами, психиатрами).

Психолог-консультант, имеющий дело с проблемами протопсихологического уровня, является: 1) посредником, ориентирующим



Поясним **символы**:
С — содержание решаемой проблемы «с точки зрения исследователя»;
C_1 — то же «глазами консультанта»;
C_2 — то же «глазами консультируемого»;
$Ф$, $Ф_1$, $Ф_2$ — форма взаимодействия;
красная рамка — «развивающая среда» (в трех вариантах);
фигурки по краям — социальное окружение, ближние и дальние (в трех вариантах);
фигурка со звездочкой — *супервизор* (в двух вариантах);
синяя рамка — рефлексия (с трех позиций).

Рис. 50. Предмет консультативной психологии 1-го порядка

Таблица 17

Категориальный строй теоретической психологии: персонологический поворот

Причина себя	**Направленность**	**Активность**	**Когнитивность**	**Субъективность**	**Со-бытийность**	**Действительность**
↓	↓	↓	↓	↓	↓	↓
ЧЕЛОВЕК Потеря или отстутствие идентичности	ИДЕАЛ Разочарованность в жизни	СВОБОДА Аддикции	РАЗУМ Кризис мировоззрения	ЭКЗИСТЕНЦИЯ Потеря смысла	ТРАНС-КОММУНИКАЦИЯ Невостребованность, одиночество	ЭЙКУМЕНА Пустота бытия, изоляция
ЛИЧНОСТЬ Раздвоение, схизис, «множественность» личностей (в противоположность единомножию Я)	ЦЕННОСТЬ Кризис выбора	ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Апатия, безучастность	СОЗНАНИЕ Доминирование неосознанного и бессознательного; дереализация и др. изменен. состояния сознания	ЧУВСТВА Индифферентность, Эмоциональная уплощенность, «рекетные эмоции»	ОБЩЕНИЕ Кризис неперсонализированности	ПЕРСОНО-СФЕРА Отсутствие референтного круга лиц, близких людей, одиночество
Я Деперсонификация	МОТИВ «Подавление», механизмы психологической защиты	ДЕЙСТВИЕ Абулия, «выученная беспомощность», нерешительность	ОБРАЗ Иллюзии, нарушение когнитивных карт	ПЕРЕЖИВАНИЕ Бедность и недифференцированность чувственной сферы	ИНТЕР-АКЦИЯ Нарушение центрации и децентрац. коммуник., избегание и поверхностность контактов ролевые кризисы	СИТУАЦИЯ Давление обстоятельств, неопределенность, экстремальность, риск
ИНДИВИД Диссоциация (расщепление) психофизиологических функций,	ПОТРЕБНОСТЬ Неопредмеченность или деструктивность влечений, перверсии	ЖИВОЕ ДВИЖЕНИЕ Ригидность, Разноуровневые нарушения в построении движений	ОЩУЩЕНИЕ Сенсорный голод, пониженная или повышенная чувствительность	АФФЕКТИВНОСТЬ Импульсивность, ригидность аффекта	СОСУЩЕСТВОВАНИЕ Симбиоз	ПРЕДМЕТНОСТЬ «Барьеры», недостижимость значимых объектов
ОРГАНИЗМ Нарушение гомеостазиса и др.	НУЖДА Отсутствие нужд («смертельный покой»)	МЕТА-БОЛИЗМ Нарушение обмена веществ, энергообмена	СИГНАЛ Ограничения в детекции и передаче сигналов	ИЗБИРАТЕЛЬНОСТЬ Сверхбдительность или отсутствие селектив.	СИНЕРГИЯ Отторжение — поглощение	СРЕДА Бедность стимулов, чрезмерность стимуляции

клиента на взаимодействие с психиатром; 2) клиническим психологом (при соответствующем образовании); 3) психотерапевтом (например, при «работе с телом» в рамках телесно-ориентированного подхода).

Функция психолога-консультанта в работе с проблемами, соответствующими уровню базисных психологических категорий, двоякая: 1) посредническая (направление к клиническому психологу и врачам), и — 2) собственно консультативная (связанная с необходимостью решения проблем более высокого порядка: например, источником деперсонификации может быть дисгармония во взаимодействии эго-состояний личности или потеря социальной идентичности).

Метапсихологические категории — это плеяда проектов. Сама природа категорий этого уровня адекватна специфике консультирования как ориентирования человека в системе взаимоотношений с собой и миром.

Функция психолога-консультанта в «проектном» режиме (категории-проекты) — ориентировать консультируемых в системе их взаимоотношений с миром. Консультант оказывает психологическую помощь в установлении и отборе нужных ориентиров, его мысль, соединяясь с мыслью клиента, обладает силой «порождения» новых реалий. Здесь психолог-консультант «у себя», это именно его профессиональная роль.

Функция психолога-консультанта в работе на уровне экстрапсихологических категорий (категории-контроверзы) — это осуществление «философского консультирования». При всей непривычности словосочетания «философ-консультант», это одно из важных направлений психологического консультирования (онтологическое и персоналистическое направление экзистенциального консультирования).

Разумеется, трудно представить себе консультанта, который в процессе сеанса будет рефлектировать динамику своей позиции в переходах «сейчас я посредник» ↔ «сейчас я психотерапевт» ↔ «сейчас я философ-консультант» и т.п. «Die erste Kolonne marschiert... die zweite Kolonne marschiert... die dritte Kolonne marschiert...» Но если консультативная психология хочет очертить свой предмет, она неизбежно схватывает и различает жанры психологического консультирования (вот почему мы их *называем*, рискуя навлечь на себя гнев читателя, утомленного «раскладыванием по полочкам»)

2. **Значок *Ф*** — «форма» взаимодействия.

«Нужен в поэме стиль, отвечающий теме». Это само собой разумеется. Но стиль терапии варьирует даже у бройлерных цыплят, у которых на лбу написано «роджерианский терапевт» (цитирую устное высказывание коллеги)

3. Значки K_1 и K_2 и их производные.

Пласт неисчислимых проблем, связанных с особенностями консультантов и консультируемых (начиная с гендерных и возрастных характеристик и продвигаясь вверх, к когнитивным и коммуникативным стилям, ценностям, идеалам). Замечательно сказано у Э. Берна о типах терапевтов. Перечислю: «Фаллос в стране чудес», «Делегат», «Улыбающийся Бунтарь», «Клиницист, Лечащий Пациентов», «Мастер Жаргона» и др. [Берн, 2001, с. 362].

Есть замечательные описания типов клиентов и специфические трудности, которые в связи с этим имеются у терапевтов. Я имею в виду, например, книгу Мак-Вильямс [1998], которая может шокировать своими рекомендациями[163].

Центральный вопрос, однако, это не типы консультатов и терапевтов, а динамика как тех, так и других в ходе сеанса и после. Как

[163] «Гринвальд... работавший с антисоциальными людьми общественного дна Лос-Анджелеса, описал, как ему удавалось налаживать связь с ними таким образом, что они его понимали. Он утверждает: поскольку сила — единственное уважаемое антисоциальными людьми качество, именно сила является тем, что должен прежде всего продемонстрировать терапевт. Гринвальд приводит следующий пример (цитирую по Мак-Вильямс — *В.П.*):

"Ко мне пришел один сутенер и начал обсуждать свой способ жизни.

– Вы знаете, я стыжусь показать себя и тому подобное, но все-таки это довольно хороший способ заработать, и многие парни хотели бы так жить. Вы знаете, как живет сутенер. Это не так уж и плохо — вы заставляете девчонок суетиться для вас. Так почему бы вам этого не делать? Почему бы любому так не жить?

Я ответил:

– Ты сопляк.

Он спросил, почему. Я объяснил:

– Смотри, я живу на заработки проституток. Я пишу о них книгу; этим я добиваюсь уважения и приобретаю известность; по моей работе сняли фильм. Я заработал на проститутках гораздо больше денег, чем ты когда-нибудь заработаешь. И, кроме того, тебя, подонка, в любой день могут арестовать и посадить в тюрьму на десять лет, а я в это время пользуюсь уважением, восхищением и имею отличную репутацию"».

Гринвальд, пишет Мак-Вильямс, «в достаточной степени имел собственные психопатические импульсы, поэтому не чувствовал себя полностью отчужденным от эмоционального мира своих клиентов».

ее уловить? Ничего путного пока не придумали. Я ставлю акцент на динамике обеих сторон: что происходит с консультирующими психологами (а не только консультируемым)? Все чаще и осознаннее многие из них уделяют внимание собственным переживаниям на протяжении сеанса, видя в них источник понимания клиента и возможностей оказывать влияние. Это аспект метабытия, личностности *обоих* (а не только психолога-консультанта как «инструмента» понимания и влияния).

Итак — акцент переносится на динамику. Как ее уловить? Быть может, подспорьем будет предложенный мною метод отраженной субъектности [Петровский, 1985*б*]. Я думаю, у многих из нас есть такие «домашние заготовки» — хотя, конечно, не во всех видах терапии они одинаково применимы; например, насколько я могу судить, они абсолютно неприменимы в «психотерапии инициального опыта» [Архангельская, 2005].

4. **Рамочка красного цвета**: символизирует обустройство среды.

Примеры: психоаналитическая кушетка; двухъярусный театр Морено; несколько стульев в комнате (встречая клиентов, пришедших впервые и видящих перед собой множество стульев, я обычно говорю: «Это для наших с вами будущих собеседников») и т.д. Итак, дизайн места встречи!

Тема эта, я думаю, будет становиться все более привлекательной для многих в связи с расширением спектра возможностей по созданию виртуальных пространств.

5. **Значки окружения**.

Что происходит с близкими консультанта и консультируемого, каковы их реакции на происходящее? *Несовпадение рефлексий!*

Существует *много* примеров того, к каким деструктивным последствиям в общении с ближними *на стороне клиента* приводят конструктивные контакты в паре «консультант–терапевт». Но в то же время — *мало* примеров того, что происходит с близкими *на стороне* консультанта (Дети обнаруживают снижение миролюбивых реакций в присутствии своих матерей-психологов, как показано в дипломной работе, выполненной под нашим руководством М. Игнатовым в ГУ ВШЭ в 2009 г.)

Особая тема — взаимоотношения с супервизором (здесь опять-таки центральное и главное — несовпадение рефлексий).

Сравнивая контенты, заключенные на рис. 50 в рамки, мы отмечаем принципиальное *несовпадение* соответствующих элементов.

Другими словами, мы констатируем различие в том, как рефлектируют происходящее консультант, консультируемый, супервизор, персонолог (в итоге — вновь консультант). Подчеркиваем: если бы эти контенты были идентичны, не было бы нужды в построении консультативной персонологии (ведь происходящее было бы одинаково понято и оценено консультантом, консультируемым и супервизором). Очевидно, что различия, открываемые здесь, — «питательная среда» развития консультативной психологии.

В структурной модели консультативной психологии первого порядка консультант есть объект рефлексии со стороны исследователя (персонолога), но не является субъектом *расширенной рефлексии*, т.е. исследователь-персонолог с его собственной картиной мира не рефлексируется консультируемым.

В отличие от структурной модели первого порядка, структурная модель *второго порядка* включает в себя отраженность исследователя в глазах консультанта (с имеющейся у самого исследователя картиной мира). Соответственно, достраивается предмет консультативной психологии.

На рис. 52 — предмет консультативной психологии-2.

Рассмотрим теперь конспективно **проблемы консультативной психологии** на старте их разработки**.**

1. **Проблема эффективности консультирования и терапии. Демифологизация.**

То, что, как известно, называется «мета-анализом». В этом контексте возможен существенный пересмотр значимости терапевтических подходов (примером может служить сопоставление пролонгированного во времени психоанализа, краткосрочного психоанализа и ...глазодвигательной техники — в пользу последней!) (см. также [Блюм, 1996]).

Или другой пример: «рост личности изнутри». Личность — *конечно!* — растет изнутри. Но только в каком смысле? Не тогда ли, когда она *учится* у терапевта тому, что демонстрирует ей терапевт: принимать — безоценочно, «присутствовать» — полностью, чувствовать — а не только (как говорил Перлз) «вычислять»?

Только такая личность *растет изнутри*, которая застает себя присутствующей в жизненном мире значимого другого, бытийствует *внутри* этого мира, возвращается к себе из него и вновь полагает себя в значимых других — персонализируется в них.

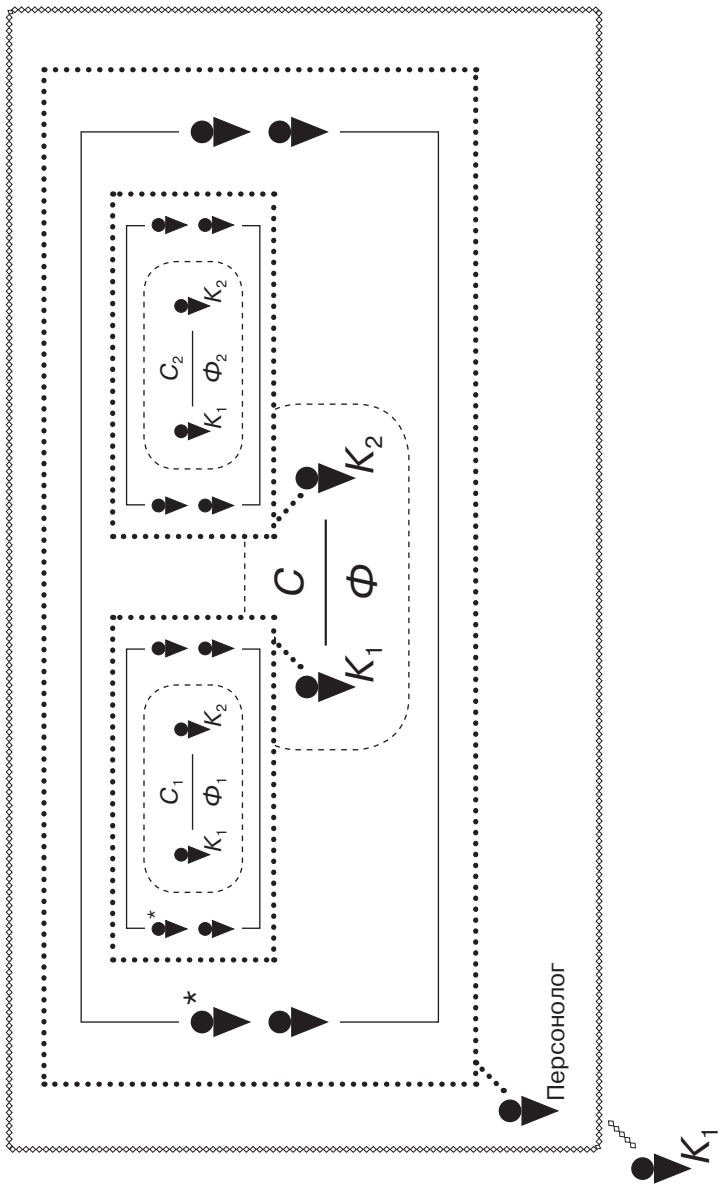


Рис. 52. Структурная модель консультативной психологии 2-го порядка

2. **Проблема привлечения данных экспериментальной психологии** в консультативный процесс: есть ли смысл в этом?

Разрабатывая идею общей персонологии — науки личности — мы положительно отвечали на этот вопрос. В гл. 16 говорилось о том, какие критерии могли бы быть использованы при отборе научных фактов, представляющих практический интерес (*нетривиальность, информативность, экзистенциальная значимость*); отнюдь не любые, но только такие факты, скрупулезно собранные и особым образом предъявленные психологами, способны превратиться в «психологическое орудие» *саморазвития* личности консультируемого.

3. Здесь же и **проблема использования результатов психодиагностики** в психотерапевтическом процессе. Общий подход может быть выражен формулой «психодиагностика *как* терапия».

4. **Проблема синтеза естественно-научной и гуманистической парадигмы.**

Затронем в этой связи несколько ключевых вопросов теории.

А. **«Я — ТЫ», «Я — ОН (ОНА, ОНО)».**

Отношения «Я — ТЫ» и «Я — ОНО (ОН, ОНА)», о которых писал Мартин Бубер [1995] кажутся исключающими друг друга в актуальном переживании; их гипотетическое объединение в рамках чего-то единого мнится совершенно невозможным. Но «психологическое орудие», о котором только что шла речь, может принять на себя важную роль миротворца — именно в качестве *психо-логического* орудия.

Заметим вначале, что психологические орудия-знания могут быть разными по своему происхождению: знания-«корпускулы» (объективность, объектность) и знания-«волны» (субъективность, субъектность); однако в любом случае это именно *знания*. Не случайно у Ф.Е. Василюка, обсуждающего проблему соотношения естественно-научной и гуманистической парадигмы [2007], речь идет о понятиях и категориях, а не о мифах (в том числе и мифах «психотехнических»).

Теперь представим себе диалог двух начал, образующих имя нашей науки.

Логос (уверенно):

– Нет, невозможно! «Я — ТЫ» и «Я — ОНО» несовместны; каждое способно *мгновенно* сменяться другим (ссылки на М. Бубера); но там, где сейчас одно, не место другому.

Психея (с вызовом):

– Невозможного — нет!

Логос:

– Я не могу *помыслить* подобного.

Психея:

– Попробуй *пережить* это!

...Пересказываю одно из возможных продолжений этого диалога (написанное, впрочем, за десять лет до своего появления на свет в данной книге): «Специфика мира переживаний состоит в том, что именно в нем существует несуществующее, обретает себя *немыслимое*. За этот счет, например, только в переживании истинно существует геометрия невозможного (психологически, кстати сказать, совершенно не освоенная), объекты парадоксального знания. В переживаниях нам дано изведать "актуальную бесконечность", полноту бытия (= эфемерность *выбора* из альтернатив); впрочем, открывающаяся в переживаниях актуальная бесконечность явленного пленительна и капризна. Она существует вспышками, открывается на мгновение. Будучи дана разом, она открывается лишь на раз. В этом, как мы отмечаем, оборотная сторона актуальности открывшегося; переживания оплачивают своей скоротечностью вечность, живущую в них» [Петровский, 1996, с. 276–277].

Итак, если искать путь сущностного соотнесения двух проектов выхода из состояния кризиса («схизиса» — [Василюк, 2003]) психологии, то это формирование психологических орудий, обеспечивающих человеку *переживание* мгновенного тождества или мгновенного растождествления отношений «Я — ТЫ» и «Я — ОНО (ОН, ОНА)». Это станет возможным, когда искомые психологические орудия сконцентрируют в себе результаты *психологического* познания (событийные истины) независимо от того, в какой логике они были впервые получены (в логике «естественной причинности», «объектности», «ОНО (ОН, ОНА)» и т.п., или в логике «свободной причинности», «субъектности», «Ты»). Поэтическими символами-метафорами таких психологических орудий-знаний может быть пушкинское «я ей — не *он*» и множество других примеров подобного рода. Недавно В.П. Зинченко в этой связи подсказал мне яркий пример того же — фразу: «Ты для меня *ничто*!» В играх-перевертышах означающих и означаемых, в знаках-разрушителях знаков [Бороденко, 1995] и в знаковых отождествлениях неотождествимых знаков (так автор

определяет *комическое* — [Бороденко, Петровский, 2009]) «живут», сосуществуют, переходят друг в друга субъектные и объектные ипостаси Я — «материал» работающего психологического знания.

Б. **Возможность и условия синтеза разных направлений терапии, построения «мультипрофильного консультирования».** Я, пожалуй, не вижу возможности синтеза *принимающей* терапии (в варианте К. Роджерса) и *пронимающей* терапии — так я мог бы назвать авторитарные методы терапевта (будь то когнитивный терапевт, не А. Эллис, конечно, но какой-нибудь ярый адепт Эллиса, или гипнотерапевт, который, что называется, «пожизненно в имидже»). С другой стороны, Ф. Фаррели называет себя личностно-центрированным терапевтом (!).

В. **Построение модельных ситуаций, раскрывающих проблемы личности для нее самой.** Существует «дилемма узника» как особый социально-психологический феномен; общеизвестен (в среде психологов) феномен «ролевой жестокости» Милгрема; в свое время мир потрясли эксперименты Аша и Крачфильда на конформизм. Но нет, увы, *демоверсий* этих потрясающих экспериментов - а ведь они могли бы подвигнуть консультируемых на персональные открытия! (люди, как известно, не узна*ют* себя в героях этих печально знаменитых экспериментов, когда им рассказывают о результатах этих исследований; другое дело — быть испытуемым: лучше один раз прожить, чем сто раз увидеть или услышать).

Отсутствие того, что я назвал сейчас демоверсиями психологических экспериментов (являющихся, на мой взгляд, аналогом притч в психотерапии), т.е. демоверсий, в которых участниками действия становятся консультируемые, — это, по-моему, вызов психологам-экспериментаторам. Иногда я воспроизвожу условия своей ситуации «немотивированный риск» в кабинете с людьми, которые не осознают своей склонности к риску или, наоборот, к сверхосторожности. И они начинают видеть свои проблемы в ином свете.

5. **Интерпретация труднообъяснимых феноменов консультативной практики (чудес).** Читатель, наверное, помнит, о поразительных арифметических способностях Умного Ганса[164]. Что происходит с

[164] ...Конь, получивший гордое имя Умный Ганс, умел считать. Он выполнял не только простые арифметические операции, но мог также извлекать квадратные корни. Публика была в восторге. Феномен! Отбивает копытом правильный ответ, потом останавливается. Поразительные умственные способности! Со временем выясни-

клиентом и его ближним кругом общения? Терапевт готовит маму к тому, что, придя домой, она будет общаться с ребенком по-новому. Но уже на пороге ребенок встречает ее так, будто все проблемы его с мамой разрешены («Ребенка как подменили!»). А чудеса хелленгеровских расстановок?

Или вот еще случай со мною. Звонит встревоженная Ф. (после долгой подготовки к свиданию с молодым человеком):

– Зачем вы рассказали ему о нашей встрече?!

– Что-то случилось?!

– Нет, все замечательно! Он был великолепен. Но ведь это в*ы* его так настроили!

Ни адреса, ни телефона этого человека я не знаю, никаких контактов не было...

А предсказания? Разве не предчувствуем мы, имеющие многолетний опыт консультирования, сколько времени должно пройти (с точностью до месяца, а то и дня), чтобы случилось судьбоносное событие в жизни клиента? Иногда мы точно знаем, когда позвонит приятель, с которым консультируемая только что рассталась в конфликте, — «ровно через полгода». Так и происходит. Как это объяснить? Миф, искажение фактов в угоду своим ожиданиям?

6. **Проблема совместимости моделей общения, задаваемых консультантом, и моделей, принятых на работе и дома.**

Например, «модель понимания» в кабинете и «модель поливания» в жизни. Трудности отстройки и перестройки (помню свои ошибки: опыт переноса американской модели воспитания по Джайнотт на российскую почву).

7. **Персональная и профессиональная подготовленность и, как говорят, «проработанность» консультантов и терапевтов.** Здесь есть то, чем занимаются супервизоры. Разумеется, необходима и супервизия супервизоров — такая тема, в литературе, мы знаем, есть [Винер, Майзен, Дакхэм, 2006]. Однако супервизию осуществляют обычно представители одной и той же («своей») школы. Консультативная психология подразумевает разработку иных моделей супервизии, основанных на *диалоге школ*. Но это требует также разработки моделей

лось: в момент напряженного ожидания — вот-вот решит! — свидетели чуда наклонялись вперед, к копыту. Это замечал надрессированный Ганс и вовремя прекращал бить копытом.

мультипрофильной подготовки специалистов, условий их *самоопределения* в поле существующих систем консультирования и психотерапии, совместного поиска и поддержки *индивидуального стиля* работы специалиста.

В заключение вернемся к мегакатегории «психика», очевидным образом не представленной в таблице категорий теоретической психологии, но образующей логическую предпосылку построения «психосферы». В чем смысл этой объемлющей категории для осмысления и конструирования практики психологического консультирования?

Сознавая абстрактность предложенного нами понимания психики как бытийной связи (каузальных и акаузальных превращений-переходов субъективного и объективного), мы считаем возможным и важным подчеркнуть значимость подобного понимания *психики* для разработки проблем консультативной психологии. При таком понимании, *психика* не только связывает субъективный и объективный миры человека, но и разделяет их — и порой настолько, что это ошеломляет...

Мир человек непредсказуем, заранее непредрешен. Всегда мы имеем дело с тем, что может радикально разойтись с *нашим* сегодняшним видением мира (не говоря уже о вчерашнем). Это мир неустранимой неопределенности. Сказанное усугубляется, а может быть, в чем-то даже возвышается тем фактом, что нет на земле человека, который мог бы быть носителем истинного знания о происходящем сейчас или в прошлом, или, тем более, в будущем.

«Что есть истина?» — спросили Христа. Молчание — вот истинный ответ на вопрос. Я думаю, консультант, исходящий из какого-то иного образа мира, рискует. «Выведенный закон падения тел есть для науки только гипотеза, а не абсолютная истина; и завтра этот закон, может быть, станет иным, если только вообще он будет существовать, если завтра будет падение тел и если, наконец, будет самое ”завтра”. Я, например, сказать по совести, нисколько не убежден в том, что “завтра” обязательно будет. Ну, а что же будет, — спросят. А я почем знаю! Поживем — увидим, если будет кому и что видеть» [Лосев, 1990, с. 98]. В отличие от автора этого замечательного отрывка, булгаковский Берлиоз ничуть не сомневался в предсказуемости того, что произойдет часом позже в его жизни...

Вернемся к консультанту. Мы говорили о риске. В профессиональном плане — это риск оказаться заложником контртрансфера.

Совсем конкретно — риск проективной идентификации с клиентом, *его* бытием-в-мире.

Отметим также необычные, с точки зрения консультанта, представления, порождаемые фантазией консультируемых и относящиеся к их собственной модели мира; вполне вероятно, они могут быть укоренены в реальном мире, по ту сторону этой модели. Не исключено, что они окажутся даже более «экологичными», чем представления проницательного консультанта (живущего, возможно, в совсем другом мире и располагающего другой картиной этого мира).

С этой точки зрения, *психологическое консультирование* есть опосредствуемая консультантом система согласования и гармонизации субъективной картины мира консультируемого с миром «по ту сторону» его субъективности — объективным миром, будь то существующий, проявляющийся или возможный мир, рождающийся в результате совместных усилий консультанта и консультируемого.

А.Г. Лидерс [2001, с. 6–29], говоря о том, что «ведущей деятельностью практического психолога, помогающего своему клиенту, является со-проживание с ним куска жизни» (мы с этим глубоко солидарны), мог бы продолжить свою мысль так: со-проживание распространяется далеко «за» пределы кабинета консультанта, да и всей совокупности встреч с ним, будь то «кусок жизни, который сопроживает психолог и клиент, длиной в несколько часов, в несколько месяцев и даже лет».

Консультант не покидает консультируемого, когда тот покидает его. Но понятно, что консультанту фактически «выйти» из кабинета нельзя. Так как же «выйти», не выходя?

Возможное решение — моделировать. Мы имеем в виду два круга ситуаций моделирования.

А. Новая драматургия предстоящих встреч консультируемого с реальностью. Совместное осмысление паттернов реагирования и их эффектов в прогнозируемых обстоятельствах. Я в таких случаях говорю — «тренинг неуязвимости» (опережающее осмысление будущего).

Б. Виртуальный диалог с консультантом (у меня были записи таких диалогов со мной; я был польщен, оказывается в своем инобытии я гораздо лучше, тоньше, прозорливей, умнее и прочее, чем есть). Это то, что я называю «деятельностно-опосредствованным присутствием» вообще, а применительно к консультированию — *работой с персонализированным терапевтом*. Например, психолог Мария М. как

бы сидит в кузовке у клиента Медведева, время от времени приговаривая: «Высоко сижу, далеко гляжу».

Субъектное присутствие психолога-консультанта может проходить ряд ступеней трансформации: «значимый другой — интроект — претворенный другой». В конечном счете может произойти даже слияние Я консультируемого с Я консультанта (мы не оцениваем достоинства и риски подобного слияния). Бывает, что, много лет спустя встречаясь с терапевтом на улице, бывший клиент радуется встрече с ним, испытывает какую-то смутную благодарность, но только не может вспомнить, за что (и хорошо!).

Но, кроме того, есть необходимость сверки («модель — реальность») в «работе-с-сознанием», ориентированной на сопоставление ожидаемого и реального. Бывают неожиданности: после подобной «репетиции в воображении», как говорил Мид, после «новой драматургии» жизненной ситуации, как предпочитаю говорить я, проблема отпадает сама собой (я уже приводил пример высказанной в сердцах обиды консультируемой Ф. на консультанта, который, по ее мнению, в тайне от нее вел переговоры с близким ей человеком, подготовив того к встрече с Ф.). Иногда не психика как таковая, а ситуация, «чувствительная» к проявлениям психики, осуществляет «опережающее отражение» наших приготовлений[165].

[165] Перспектива развития «теории понимающей психотерапии», как нам представляется, — в движении от «свободы **от**» к «свободе **для**». С нашей точки зрения, в работе «понимающего психотерапевта» строится доподлинно новая жизнь, но ее новизна определена еще пока только посредством частицы «не» («не то, что прежде»). Образ свободы «для» только угадывается. И эта смысловая перспектива сохраняет смысл преодоления растерянности, раздробленности, несостоятельности частей единого целого.

В схемах осмысления мы имеем дело скорее с завершением, а не началом. Мы говорим, например, такие слова: «в конечном смысле» или — «в изначальном смысле». В обоих случаях мы связываем идею смысла с идеей финала. Не случайно Аристотель «ради чего» именует «конечной» причиной. Другое дело — замысел, помысел... Сравните: «психотерапия смысла» и «психотерапия замысла». Может быть, именно в этом, т.е. в психотерапии построения нового замысла, и состоит одна из перспектив развития понимающей психотерапии? И если эта перспектива окажется состоятельной, консультативная психология объединит в себе со временем два направления психотерапевтической работы: *психотерапию завершающего осмысления ситуации* и *психотерапию планирования и предвосхищения нового опыта*.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ

В первой части книги мы предложили способ логически выстроить ряд категорий, описывающих человека, — механизм рефлексивной дедукции. Таким образом, возникает цепочка категорий, *организм → индивид → «Я» → личность → человек*, каждое звено которой включает в себя отражение предыдущего звена (или, как в случае с индивидуальностью, недостижимый результат саморефлексии).

Во второй части книги были представлены авторские модели логико-математического описания индивидуума: трансактная модель триумвирата субъектов, импульсная модель экзистенциального выбора, модель четырех ресурсов состоятельности, модель гедониста, а также модель саморегуляции, «парадокс адюльтера», булева типология смысловых миров, алгебра когито.

За исключением «парадокса адюльтера», который автор использовал, пожалуй, как способ релаксации читателя, стесненного булевыми решетками математических построений, во всех случаях использовались логико-математические операторы: импликация ($X \rightarrow Y$), дизъюнкция ($X \vee Y$) и конъюнкция ($X \& Y$), стрелка Пирса ($X \downarrow Y$), штрих Шеффера ($X \mid Y$), оператор Жегалкина ($X \oplus Y$) и др. В «алгебре когито» мы обращались к идее *группы*, среди элементов которой было мнимое число *i*.

Читателю может показаться, что мы преследовали цель средствами математики освоить психологические объекты и отношения. Отчасти это именно так: мы строили формальные модели трудно формализуемого знания — развивали *математику «Я»*.

Но такой была только одна из целей работы. Другая заключалась в том, чтобы построить *психологические* модели математических объектов и отношений. Иначе говоря, мы стремились психологически освоить смысл математических символов и построений, подобно тому как физики открывают их *физический* смысл. Нас интересовал их *психологический* смысл. Мы пытались «обжить» математику средствами психологии.

Математика, имея дело с априорными содержаниями души, ближе всего к психологии, науке о душе. В каком-то смысле и математика — наука о душе. И хотя она (математика), по словам Ст. Лемма, порой подобна сумасшедшему портному, шьющему одежды, которые никто не будет носить, она все-таки способна дать человеку то, чего он не мог бы получить ни от одной из других наук: точную форму высказываний *о себе*.

Есть алгебра высказываний, между тем как психология нуждается в алгебре *высказывающихся*. Математика «Я» (математическое моделирование в психологии) и «экзистенциальная математика» (психологическое моделирование в математике), я думаю, со временем, станут уравновешивать друг друга.

В третьей части книги представлены логико-психологические основы формирования трансформационных моделей — базовые идеи мультсубъектной персонологии.

В исходной точке своего развития личность не целостна, точнее, целостна лишь *номинально* (о ребенке говорят «он», «она», и он сам о себе со временем говорит «я», но это еще — не реальные, знающие себя субъекты). По мере развития личности формируются реальные «Я», и первоначально мультисубъектная персонология имеет дело с множеством, «роем» (М. Пруст) таких «Я», еще не узнавших, каковы они суть в синтезе друг с другом. Истинная (*ноуменальная*) целостность появляется не сразу. На месте *общего* (многозначного) слова «Я» (как в случае с номинальной целостностью), появляется способность каждого из присутствующих в личности «Я» сказать каждому из других: «Я есть Ты», — переживание тождества с другой частью личности. Развитие личности есть процесс становления этой целостности, продвижения к *едино*множию «Я».

Наука личности (исследующая «что личность *есть*?», «как личностью *состояться*?) не безучастна к процессу становления искомой целостности: мультисубъектная персонология предъявляет себя в этом процессе, привлекает к себе этот процесс. Образующие ее категории и отношения, наблюдения и открытия, касающиеся эмпирических обнаружений «Я» (будь то результаты экспериментов, свидетельства сознания «обычных» и выдающихся людей, материалы «case study» и др.), становятся *психологическими орудиями* синтеза единомножия субъектов, образующих личность.

И таким образом рождается особое направление психологических разработок — «персонология Я» [Петровский, 2011]: наука, ядром и фокусом сборки которой является становящееся целостное Я индивидуума.

Персонология «Я» — бэкграунд и горизонт самосознания и самополагания человека.

* *
*

Эта книга посвящена живущим во мне и живущим рядом со мной *персонологам* — А.В. Петровскому, А.Н. Леонтьеву, Э. Берну, Т.А. Таран, В.А. Лефевру. В.П. Зинченко.

Слышал ли кто-нибудь от них такие слова: «Я — персонолог!»?

Нет, едва ли!..

Но факт состоит в том, что в их работах — реальный источник развития персонологии Я, нового направления в науке.

А деятельное присутствие этих людей в жизни автора — источник развития его «Я» в персонологической перспективе.

БИБЛИОГРАФИЯ

Абульханова-Славская К.С. Стратегии жизни. М.: Мысль, 1999.

Аккофф Р., Эмери Ф. О целеустремленных системах. М.: Советское радио, 1974.

Алахвердов В.М. Сознание как парадокс. Экспериментальная психологика. Т. 1. СПб.: Издательство ДНК, 2000.

Аристотель. Сочинения: в 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1975.

Архангельская В.В. Проблема понимания в современной индирективной психотерапии: дис. канд. психол. наук. М., 2005.

Асмолов А.Г. Основные понятия психологического анализа в теории деятельности // Вопросы психологии. 1982. № 2. С. 14–28.

Асмолов А.Г. Историко-эволюционный подход к пониманию личности: проблемы и перспективы исследования // Вопросы психологии. 1986. № 1. С. 28–40.

Асмолов А.Г. Психология личности: культурно-историческое понимание развития человека. М.: Смысл, 2007.

Асмолов А.Г., Нырова М.С. Нестандартное образование в культурно-исторической перспективе. Новгород: АО «Новгород», 1994.

Асмолов А.Г., Петровский В.А. О динамическом подходе к психологическому анализу деятельности // Вопросы психологии. 1978. № 1. С. 70–80.

Ассаджиоли Р. Психосинтез. Принципы и техники. М: Психотерапия, 2008.

Баженова О.В. Экспериментальное исследование отношения младенцев к общению в норме и патологии // Проблемы медицинской психологии. М.: Издательство МГУ, 1980.

Базылевич Т.Ф. Введение в психологию целостной индивидуальности. М.: Институт психологии РАН, 1998.

Басов М.Я. Общие основы педологии. М.; Л.: ГИЗ, 1928.

Бауэр Т. Психическое развитие младенца. М.: Прогресс, 1979.

Белянская Е.П. Человек в изменяющемся мире — социально-психологическая перспектива. М.: Прометей; МПГУ, 2005.

Бергсон А. Восприятие изменчивости. СПб., 1913.

Бергсон А. Непосредственные данные сознания. Время и свобода воли. СПб., 1914.

Бергсон А. Сочинения: в 4 т. Т.1. М.: Московский клуб, 1992.

Беркли Дж. Сочинения. М.: Мысль, 1978.

Берн Э. Групповая психотерапия. М.: Академический Проект, 2000.
Берн Э. Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры. М.: Эксмо, 2004.
Берн Э. Трансактный анализ в психотерапии. М.: Академический Проект, 2001.
Бернштейн Н.А. Физиология движений и активность. М.: Наука, 1990.
Бехтерев В.М. Общие основы рефлексологии человека. М., 1928.
Бигль П. Последний единорог. СПб.: Лань, 1994.
Бим-Бад Б.М. Педагогическая антропология. М.: Издательство УРАО, 1998.
Биркгоф Г. Теория структур. М.: Издательство иностранной литературы, 1952.
Блюм Г. Психоаналитические теории личности. М., Издательство «КСП», 1996.
Богоявленская Д.Б. Интеллектуальная активность как проблема творчества. Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского университета, 1983.
Болотова А.К. Человек и время в ситуации социальной нестабильности // Общественные науки и современность. 1997. № 6. С. 38–44.
Бороденко М.В. Два лица Януса-смеха. Ростов-на-Дону: Феникс, 1996.
Бороденко М.В. Уподобительная активность личности как механизм социальной перцепции // Тезисы докладов к VII съезду Общества психологов СССР. М., 1989.
Братусь Б.С. К изучению смысловой сферы личности // Вестник Московского университета. 1981. Сер. 14 «Психология». № 2. С. 46–56.
Братусь Б.С. Психология. Нравственность. Культура. М.: Роспедагентство, 1994.
Братусь Б.С., Воейков В.М. Воробьев С.Л. Начала христианской психологии. М.: Наука,1995.
Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. Т.11. СПб., 1904.
Брушлинский А.В. Мышление и прогнозирование. М.: Мысль, 1979.
Бубер М. Два образа веры. М.: Республика, 1995.
Бурбаки Н. Общая топология. Основные структуры. М.: Наука, 1966.
Бурбаки Н. Теория множеств. М.: Мир, 1965.
Василюк Ф.Е. Понимающая психотерапия как психотехническая система. Дис. докт. психол. наук. М.: МГППУ, 2007.
Василюк Ф.Е. Психология переживания. М.: Издательство МГУ, 1984.
Веккер Л.М. Психика и реальность: единая теория психических процессов. М.: Смысл, 1998.
Величковский Б.М. Современная когнитивная психология. М.: Издательство МГУ, 1982.
Веракса Н.Е. Методологические основы психологии. М.: Академия, 2008.
Википедия — свободная интернет-энциклопедия.
Винер Дж., Майзен Р., Дакхэм Дж. Супервизия супервизора. Практика в поиске теории. М.: Когито-Центр, 2006.

Волгин Л.И. АМ-алгебра и ее применения // Автоматика и вычислительная техника. Рига, 1996. №1. С.19–23.
Воробьев А.В. К вопросу о персонализации личности воспитателя в учащихся // Тезисы конференции «Содержание и структура модели деятельности учителя». Даугавпилс: ДПИ, 1981.
Выготский Л.С. Развитие высших психических функций. М.: Издательство АПН РСФСР, 1956.
Выготский Л.С. Собрание сочинений. М.: Педагогика, 1984.
Гегель Г.В.Ф. Наука логики: в 3-х т. Т. 3. М.: Мысль, 1972.
Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет: в 2-х т. Т. 2. М.: Мысль, 1971.
Гессе Г. Избранное. М.: Радуга, 1991.
Горбов Ф.Д. Я — второе Я. Воронеж: Модэк; М.: Институт практической психологии, 2000.
Грязева-Добшинская В.Г. Современное искусство и личность: гармонии и катастрофы. М.: Академический проект, 2004.
Гулдинг Р., Гулдинг М. Психотерапия нового решения, М.: Класс, 1997.
Давыдов В.В. Психология образа // Вестник Московского университета. 1979. Сер. 14 «Психология». № 4. С. 3–13.
Джеймс У. Психология. М., Педагогика, 1991.
Джойнс В., Стюарт Я. Современный транзактный анализ. СПб: Социально-психологический центр, 1996.
Дорфман Л.Я. Метаиндивидуальный мир. М.: Смысл, 1993.
Ерофеев А.К. Развитие методов исследования уровня притязаний. Автореф. дис. канд. психол. наук. М., 1983.
Ершов П.М. Режиссура как практическая психология. М.: Искусство, 1972.
Зинченко В.П. Деятельностный подход // Большой психологический словарь / сост. Б. Мещеряков, В. Зинченко. М.: Олма-пресс, 2004.
Зинченко В.П. Нужно ли преодоление «постулата непосредственности»?// Вопросы психологии. 2009. № 2. С. 3–19.
Зинченко В.П. Посох Осипа Мандельштама и трубка Мамардашвили. К началам органической психологии. М.: Новая школа, 1997.
Зинченко В.П. К 75-летию В. П. Зинченко, беседовал В.И. Артамонов // Вопросы психологии. 2006. № 4. с. 172–178.
Зинченко В.П. Сознание и творческий акт. М., Языки славянских культур, 2010.
Зинченко В.П., Моргунов Е.Б. Человек развивающийся. Очерки российской психологии. М.: Тривола, 1994.
Зинченко В.П., *Смирнов С.Д.* Методологические вопросы психологии. М.: Издательство МГУ, 1983.
Знаков В.В. Психология субъекта А.В. Брушлинского, герменевтика субъекта М. Фуко и психология человеческого бытия // Личность и бытие. Субъектный подход. М.: Институт психологии РАН, 2008. С. 31–37.

Зоткин Н.В. Смыслополагание в ситуации неопределенности. Дис. канд. психол. наук. М., 2000.
Иванников В.А. К сущности волевого поведения // Психологический журнал. 1985. № 3. Т. 6. С. 47–55.
Иванников В.А. Психологические механизмы волевой регуляции. М.: Издательство УРАО, 1998.
Ильенков Э.В. Что же такое личность? // С чего начинается личность. М.: Политиздат, 1984. С. 319–358.
Ильенков Э.В. Материалистическое понимание мышления как предмета логики // Ильенков Э.В. Философия и культура. М.: Политиздат, 1991.
Ишкова М.А. Феномен границы в детерминации активности ребенка. Дис. канд. психол. наук. М., 1998.
Калиненко В.К. Границы в культуре и культура на границах // Журнал практической психологии и психоанализа. 1 марта 2008. (http://psyjournal.ru/j3p/pap.php?id=20080108#_ftnref1)
Калиненко В.К. Соотношения адаптивного и неадаптивного в психологической саморегуляции больных с ишемической болезнью сердца: Автореф. дис. канд. психол. наук. Л., 1989.
Карпенко Л.А. Мотив. Краткий психологический словарь / под ред. А.В. Петровского и М.Г. Ярошевского. М.: Политиздат, 1985.
Климов Е.А. Психология профессионального самоопределения. 2-е изд. М.: Академия, 2004.
Конопкин О.А. Психологические механизмы регуляции деятельности. М.: Наука, 1980.
Коран. Перевод смыслов и комментарии Иман Валерии Пороховой. М.: Рипол Классик, 2007.
Корнилова Т.В. Диагностика «личностных факторов» принятия решений // Вопросы психологии. 1994. № 6. С. 99–109.
Корнилова Т.В., Смирнов С.Д. Методологические основы психологии. СПб.: Питер, 2006.
Крупенин А.В. Влияние сверстника на стремление к риску у подростков и юношей. Дис. канд. психол. наук. М., 1987.
Крылов В.Ю. Математическая психология. М.: ИП РАН, 2001.
Крылов В.Ю. Методологические и теоретические проблемы математической психологии. М.: Янус-К, 2000.
Кудрявцев В.Т. Креативная тенденция психического развития ребенка // I Давыдовские чтения. М., 1998.
Кузьмина Е.В. Психология свободы. М.: Издательство МГУ,1994.
Кучеренко В.В. Влияние аффекта на структуру семантических связей // Тезисы VI Всесоюзного съезда Общества психологов СССР. М., 1983.
Лаврова О.В. Глубинная топологическая психотерапия: идеи о трансформации. СПб.: Издательство ДНК, 2001.

Левин К. Теория поля в социальных науках. СПб: Речь, 2000.
Лекторский В.А. Субъект. Объект. Познание. М.: Наука, 1980.
Ленг С. Алгебра. М.: Мир, 1968.
Ленгле А. Психотерапия: научный метод или духовная практика? О соотношении между имманентным и трансцендентным на примере экзистенциального анализа. Московский психотерапевтический журнал, 2003. № 2.
Леонтьев А.А. Язык, речь, речевая деятельность. М.: Просвещение, 1969.
Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975.
Леонтьев А.Н. Потребности, мотивы, эмоции. М.: Издательство МГУ, 1971.
Леонтьев Д.А. Психология смысла. М.: Смысл, 1999.
Леонтьев Д.А. Духовность, саморегуляция и ценности. Гуманитарные проблемы современной психологии. // Известия Таганрогского Государственного радиотехнического университета 2005 №7 , С. 16 — 21.
Лепский В.Е. Концепция субъектно-ориентированной компьютеризации управленческой деятельности. М.: Институт психологии РАН. 1998.
Лепский В. Е. Проблемы субъектов в постнеклассической науке. М.: Когито-центр, 2007.
Лефевр В. Рефлексия. М.: Когито-центр, 2003.
Лефевр В.А. Алгебра совести. М.: Когито-центр, 2004.
Лефевр В.А. Конфликтующие структуры. М.: Институт психологии РАН, 2000.
Лефевр В.А. Космический субъект. М.: Ин-кварто, 1996.
Лидерс А.Г. Психологический тренинг с подростками. Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. М.: Академия, 2001.
Линдсей П., Норман Д. Переработка информации у человека. М.: Мир, 1974.
Лисецкий К.С. Психологические основы предупреждения наркотической зависимости личности. Дис. докт. психол. наук. Самара., 2007.
Лисецкий К.С., Литягина Е.В. Психология не-зависимости. Самара: Универс-групп, 2004.
Литлвуд Дж. Математическая смесь. М.: Наука, 1979.
Лосев А.Ф. Диалектика мифа. М.: Правда, 1990.
Лотман М.Ю. Типология культуры. Статьи. Тарту, 1970
Лурия А.Р. Высшие корковые функции человека и их нарушение при локальных поражениях мозга. М.: Издательство МГУ, 1962.
Мак-Вильямс Н. Психоаналитическая диагностика. Понимание структуры личности в клиническом процессе. М.: Независимая фирма «Класс», 1998.
Максимова С.В. Творчество: созидание или деструкция? М.: Академический проект, 2006.
Мамардашвили М.К. Лекции о Прусте: психологическая топология пути. М.: Ad Marginem, 1995.

Мамардашвили М.К. Психологическая топология пути. СПб.: Издательство Русского Христианского гуманитарного института, 1997.
Маркина Н.В. Соотношение ситуативных и надситуативных тпроявлений активности у одаренных учащихся. Автореферат канд. дис. М., 2003.
Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения. Т. 1. М.: Политиздат, 1985.
Матюшкин А.М. Проблемные ситуации в мышлении и обучении. М.: Директ-Медиа, 2008.
Менский М.Б. Человек и квантовый мир. М.: Фрязино, 2005.
Мерлин В.С. Психология индивидуальности. М.: Институт практической психологии, 1996.
Минделл А., Минделл Э. Вскачь, задом наперед: Процессуальная работа в теории и практике. М.: Независимая фирма «Класс», Издательство Трансперсонального института, 1999.
Миненко Г.Я. Всеединство // История философии. Энциклопедия / сост. А.А. Грицанов. Минск: Интерпрессервис; Книжный Дом, 2002.
Миракян А.Н. Контуры трансцендентальной психологии. М.: Институт психологии РАН, 1999.
Митина О.В. Исследование личностных характеристик на основе модели рефлексивного выбора // Тезисы III Международного симпозиума «Рефлексивные процессы и управление», 8–10 октября 2001 г. М.: Институт психологии РАН, 2001.
Митина О.В., Петровский В.А. Нетривиальность научного факта и психологическая экспертиза психологов как экспертов // Мир психологии. 2001. № 4.
Митина О.В., Петровский В.А. Трансактная модель рефлексивного выбора: опыт эмпирического обоснования. Сборник статей // Российская научно-методическая конференция «Образование и наука». 6–7 февраля 2004 г. Самара: СамГУ, 2004. С. 138–145.
Моросанова В.И. Индивидуальный стиль саморегуляции: феномен, структура и функции в произвольной активности человека. М.; Наука, 1998.
Моросанова В.И. Субъект и личность в исследованиях осознанной саморегуляции произвольной активности человека // Личностные и когнитивные аспекты саморегуляции деятельности человека. М.: ПИРАО, 2006. С. 7-16.
Мухина В.С. Личность. Мифы и реальность. Екатеринбург: ИнтерФлай, 2007.
Нельсон-Джоунс Р. Теория и практика консультирования. Спб.: Питер, 2001.
Никольская О.С. Аффективная сфера человека. Взгляд сквозь призму детского аутизма. М.: Центр лечебной педагогики, 2000.
Нисбетт Л., Росс, Р. Человек и ситуация. М.: Аспект-Пресс, 1999.
Новый полный словарь иностранных слов, вошедших в русский язык / под ред. И.А. Бодуэна-де-Куртенэ. М., 1872..
Носов Н. Виртуальная психология. М.: Аграф, 2000.

Опыт системного исследования психики ребенка / под ред. Н.И. Непомнящей. М.: Педагогика, 1975.
Орлов А.Б. Эмпирическая личность и ее структура // Вопросы психологии. 1995. № 2. С. 5–19.
Осницкий А.К. Проблемы исследования субъектной активности // Вопросы психологии. 1996. № 1. С. 5–19.
Панов В.И. Психологическая модель природной динамики психического состояния // Материалы конференции «Психология XXI века глазами молодых ученых». М.: МГППУ, 2002.
Перлз Ф. Гештальт-подход. Свидетель терапии. М.: Институт Психотерапии, 2003.
Петренко В.Ф. Многомерное сознание: психосемантическая парадигма. М.: Новый хронограф. 2010.
Петренко В.Ф., Кучеренко В.В., Нистратов А.А. Влияние аффекта на семантическую организацию значений // Текст как психолингвистическая реальность. М.: Институт языкознания АН СССР, 1982. С. 60–80.
Петровский А.В. История советской психологии. Формирование основ психологической науки. М.: Просвещение, 1967.
Петровский А.В. Личность в психологии с позиций системного подхода // Вопросы психологии. 1981. № 1. С. 57–66.
Петровский А.В. Вопросы истории и теории психологии. М.: Педагогика, 1984.
Петровский А.В. Теория личности с позиций категориального анализа психологии // Хрестоматия по психологии / сост. Е.В. Буртовая. Русский гуманитарный интернет-университет, 2000.
Петровский А.В. Персоносфера // Общая психология. Психологический лексикон. Энциклопедический словарь / под ред. А.В. Петровского. М.: ПЕР СЭ, 2005.
Петровский А.В., *Петровский В.А.* Предпосылки теории личности в трудах Л.С. Выготского // Вестник Московского университета. Сер. 14 «Психология». 1982. № 4. С. 14–20.
Петровский А.В., Петровский В.А. Индивид и его потребность «быть личностью» // Вопросы философии. 1982. № 3. С. 44–53.
Петровский А.В., Петровский В.А. Категориальная система психологии // Вопросы психологии. 2000. № 5. С. 44–53.
Петровский А.В., Ярошевский М. Г. Теоретическая психология. М.: Академия, 2001.
Петровский В.А. Экспериментальное изучение риска как тенденции личности // Материалы IV съезда Всесоюзного общества психологов. Тбилиси, 1971.
Петровский В.А. Эмоциональная идентификация в группе и способ ее выявления // К вопросу о диагностике личности в группе. М.: АПН СССР, 1973. С. 69–73.

Петровский В.А. К психологии активности личности // Вопросы психологии. 1975. № 3*б*.

Петровский В.А. Активность как «надситуативная деятельность» // Тезисы научных сообщений советских психологов к XXI Международному психологическому конгрессу. М., 1976.

Петровский В.А. Активность субъекта в условиях риска. Автореф. дис. канд. психол. дисс. М., 1977.

Петровский В.А. Проблемы психологии личности в трудах Л.С. Выготского // Научное творчество Л.С. Выготского и современная психология: тезисы докладов всесоюзной конференции. М.,1981. С. 122–125.

Петровский В.А. К пониманию личности в психологии // Вопросы психологии.1981. № 2. С. 40–46.

Петровский В.А. Понятие отраженной субъектности в концепции персонализации // Экспериментальные методы исследования личности в коллективе. Ч. 1. Даугавпилс: ДПИ, 1985*а*.

Петровский В.А. Принцип отраженной субъектности в психологическом исследовании личности // Вопросы психологии.1985*б*. № 1. С. 17–30.

Петровский В.А. Адаптивность — Неадаптивность. Активность. Активность личности. Индивид. Субъект. Активность надситуативная // Психология. Словарь / под ред. А.В. Петровского. М.: Политиздат, 1990.

Петровский В.А. Феномен субъектности в психологии личности. Дис. докт. психол. наук. М., 1992*а*.

Петровский В.А. Психология неадаптивной активности. М.: Горбунок, 1992*б*.

Петровский В.А. Идея «Я = Мир» в развитии личности // Новые ценности образования: десять концепций и эссе. М.: Инноватор, 1995.

Петровский В.А. Активность // Введение в психологию. Учебник для пед. вузов. / под ред. А.В. Петровского. М.: Академия, 1996*а*.

Петровский В.А. Идея свободной причинности в психологии // Гуманитарная наука в России: соросовские лауреаты.– М.: МНФ, 1996*б*. С. 178–187.

Петровский В.А. Личность в психологии: парадигма субъектности. Ростов-на-Дону: Феникс, 1996*в*.

Петровский В.А. Теория свободной причинности // Вестник Самарского государственного университета. 1996. № 1. С. 57–80.

Петровский В.А. К построению алгебры когито: опыт игры в бисер // Модели мира / под ред. Д. А. Поспелова. М.: Российская ассоциация искусственного интеллекта, 1997*а*. С.87–115.

Петровский В.А. Научное знание сквозь призму обыденного (три ответа на вопрос «ну и что?») // Модели мира / под ред. Д. А. Поспелова. М.: Российская ассоциация искусственного интеллекта, 1997*б*. С.43–49.

Петровский В.А. Алгебра когито в трансценденциях // Рефлексивное управление. Сборник статей. Международный симпозиум 17–19 октября 2000 года. М.: Институт психологии РАН, 2000*а*. С. 113–122.

Петровский В.А. Философия «Я»: Трансактный подход // Берн Э. Групповая психотерапия. М.: Академический проект, 2000*б*. С. 423–456.

Петровский В.А. Метасловарь трансактного анализа // Берн Э. Трансактный анализ в психотерапии. М.: Академический Проект, 2001*а*. С. 423–456.

Петровский В.А. Трансактная модель рефлексивного выбора. Рефлексивные процессы и управление // Тезисы III Международного симпозиума 8–10 октября 2001 г. М.: Институт психологии РАН,. 2001*б*. С.56–59.

Петровский В.А. Метаимпликативная модель экзистенциального выбора // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Специальный выпуск «Актуальные проблемы психологии. Самарский регион». 2002*а*. С.95–103.

Петровский В.А. «Эго-состояния» и готовность к рефлексивному выбору // V Всероссийская конференция «Психология и ее приложения». М.: МГУ, 2002*б*.

Петровский В.А. Предисловие // Грязева-Добшинская В.Г. Современное искусство и личность: гармонии и катастрофы. М.: Академический проект, 2002*в*. С. 5–7.

Петровский В.А. Общая персонология: наука личности // Известия самарского научного центра Российской академии наук. Специальный выпуск «Актуальные проблемы психологии. Самарский регион», 2003. С. 20–30.

Петровский В.А. Мультисубъектная персонология // 2 Всероссийская научно-практическая конференция по экзистенциальной психологии. Материалы сообщений. М.: Смысл, 2004*а*. С. 41–53.

Петровский В.А. Психология: «непредметность предмета» // Труды ярославского методологического семинара «Предмет психологии». Ярославль: МАПН, 2004*б*. С. 240–246.

Петровский В.А. Импликация: экспликация имплицитного // Рефлексивные процессы и управление. Т. 6. № 1. 2006*а*. С. 60–66.

Петровский В.А. Уровень трудности задачи: метаимпликативная модель мотивации выбора // Психологический журнал. 2006*б*. №1. С. 6–23.

Петровский В.А. Мотив границы: знаковая природа влечения // Мир психологии. 2008*а*. № 3. С.10–26.

Петровский В.А. Состоятельность и рефлексия: модель четырех ресурсов // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2008*б*. Т. 5. № 1. С.77–100.

Петровский В.А. Логика «Я». М.: Изд. центр ТГПУ им. Л.Н.Толстого, 2008*в*.

Петровский В.А. Индивидуальность и саморегуляция: метаимпликативная модель // Рефлексивный подход: от методологии к практике / под ред. В.Е. Лепского. М: Когито-центр, 2009*а*. С. 205–234.

Петровский В.А. Семь пространств существования личности: формальные модели состоятельности // Мир психологии №1(57). М.-Воронеж, 2009*б*. С. 25–43.

Петровский В.А. Деятельностное опосредствование межличностных отношений: феномены, сущность // Социальная психология малых групп. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти профессора А.В. Петровского. М.: МГППУ, 2009*а*. С. 4–13.

Петровский В.А. Самоосуществление индивидуальности // Психология индивидуальности / под ред. Е.Б. Старовойтенко, В.Д. Шадрикова. М.: МПСИ, 2009*б*. С. 197–124.

Петровский В.А. Оптимум благополучия в динамике самоосуществления человека // Личностный ресурс субъекта труда в изменяющейся России. Материалы II международной, 11–14 ноября 2009 г. Ч. II. Кисловодск — Ставрополь — Москва: СевКавГТУ, 2009*в*. С. 290–298.

Петровский В.А. Смысловые миры личности, или «Во что верит мысль?» // Психология субъекта и психология человеческого бытия / под ред. В.В. Знакова, З.И. Рябикиной, Е.А. Сергиенко. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2010*а*. С. 211–252.

Петровский В.А. Человек над ситуацией. М.: Смысл. 2010*б*.

Петровский В.А., Бороденко М.В. «Смеховая сшибка» смысловых миров в процессах саморегуляции личности // Личностный ресурс субъекта труда в изменяющейся России. Материалы II международной конференции. Ч. II. Кисловодск — Ставрополь — Москва: СевКавГТУ, 2009. С. 55–65.

Петровский В.А., Грязева В.Г. Одаренные дети и экология творчества. Челябинск: ИПИ РАО, ЧГИИК, 1996.

Петровский В.А., Гуренкова И.П. Новая модификация фрустрационного метода // Личность в общении и деятельности. Ульяновск: УГПИ им. И.Н. Ульянова, 1985. С. 37–43.

Петровский В.А., Дубов И.Г. Перестройка личностных структур учащихся при персонализации личности педагога // Психология развивающейся личности. М.: Педагогика, 1987. С. 173–191.

Петровский В.А., Крупенин А.Л Межиндивидуальное влияние как фактор активности подростков и юношей // Личность в общении и деятельности. Ульяновск: УГПИ им. И.Н.Ульянова, 1985.

Петровский В.А., Грязева В.Г. Некоторые особенности исследования индивидуальности личности методом отраженной субъектности // Психологические проблемы взаимодействия коллектива и личности /под ред. А.В. Петровского. М.: АПН СССР, 1988.

Петровский В.А., Кузьмина Е.И. Надситуативная активность и ее исследование в детском возрасте // Личность и межличностные отношения в коллективе. Ульяновск: УГПИ им. И.Н.Ульянова, 1988.

Петровский В.А., Митина О.В. Транзактная модель рефлексивного выбора: опыт эмпирического обоснования // Российская научно-методическая конференция «Образование и наука» 6–7 февраля 2004 г. Сборник статей. Самара, СамГУ, 2004. С. 138–145.

Петровский В.А., Огнев А.С. Основные положения психологии субъектогенеза // Ежегодник Российского психологического общества. В 2 т. М.: Педагогика, 1989.

Петровский В.А., Таран Т. А. Импульсная модель экзистенциального выбора // Тезисы КИИ-2002. VIII национальная конференция по искусственному интеллекту с международным участием. Т. 1. М.: Физматлит, 2002. С. 492–502.

Петровский В.А., Таран Т. А. Модель рефлексивного выбора: трансактная версия // Тезисы КИИ-2002. С. 502–511.

Петровский В.А. Калиненко В.К. Транзактный анализ. // Психология. Словарь. М.: Педагогика, 1990.

Петровский В.А., Калиненко В.К., Котова И.Б. Личностно-развивающее взаимодействие. Ростов-на-Дону: Издательство РГПУ, 1993.

Петровский В.А., Скряга А.Н. Избыточные возможности как фактор движения деятельности // Психолого-педагогические основы совершенствования учебно-воспитательного процесса в вузе. Днепропетровск: ДГУ, 1983.

Петровский В.А., Т.А. Тунгусова Т.А. Влияние прогноза на развитие событий // Экспериментальные методы исследования личности в коллективе. Ч. 1. Даугавпилс: ДГУ, 1985.

Петровский В.А., Уварина Е. Ю. Влияние фактора личностной идентификации на результаты мыслительной деятельности // Психология учебной деятельности школьников. Тула: ТГУ, 1982.

Петровский В.А., Черепанова Е. М. Индивидуальные особенности самоконтроля при организации внимания // Вопросы психологии. 1987. № 5. С. 48–56.

Петровский В.А., Шарага Я.А. Построение проективной методики исследования динамики мотивации самопознания при решении интеллектуальных задач // Психолого-педагогические проблемы мотивации учебной и трудовой деятельности. Тезисы докладов и выступлений на Всесоюзной научно-практической конференции в г. Новосибирске. Новосибирск, 1985. С. 45–46.

Петровский В.А., Щур В.Г. «Круглый стол» на тему «Психология в зеркале саморефлексии» // Вопросы психологии. 2001. № 2. С.145–146.

Пономарев Я.А. Психика и интуиции. М.: Политиздат, 1968.

Прангишвили А.С. Психологические очерки. Тбилиси: Мецниереба, 1975.

Проблема субъекта в психологической науке / под ред. А.В. Брушлинского. М.: Академический проект, 2000.

Пруст М. В поисках утраченного времени. В сторону Свана. Л.: Советский писатель, 1992.

Психологическая теория коллектива / под ред. А.В. Петровского. М.: Педагогика, 1979.

Пузырей А.А. Психология. Психотехника. Психагогика. М.: Смысл, 2005.

Равич-Щербо И.В. Психогенетика. М.: Аспект-Пресс, 2000.
Рвачев Л.А. Математика и семантика. Номинализм как интерпретация математики. Киев: Наукова думка,1966.
Роджерс К. Клиенто-центрированная терапия. М.: Ваклер, 1997; Киев: PSYLIB, 2005.
Ривин В.М. О повышении стабильности цепи ДНК в живых системах. Неопубл. рук. 1977.
Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство министерства просвещения РСФСР, 1946.
Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. М.: Педагогика, 1973.
Сайко Э.В. Субъект: созидатель и носитель социального. М.-Воронеж: Московский психолого-социальный институт, Издательский дом РАО, 2006.
Симонов П.В. Высшая нервная деятельность человека. Мотивационно-эмоциональные аспекты. М.: Наука, 1975.
Слободчиков В.И. Категория возраста в психологии и педагогике развития // Вопросы психологии. 1991. № 2. С. 37–49.
Слободчиков В.И., Исаев Е.И. Основы психологической антропологии. Психология развития человека. Развитие субъективной реальности в онтогенезе. М.: Школьная пресса, 1995.
Старовойтенко Е.Б. Психология личности в парадигме жизненных отношений. М.: Академический проект, 2004.
Столин В.В. Самосознание личности. М.: Издательство МГУ, 1983.
Стрельцова Г.Я. Критика экзистенциалистской концепции диалектики. М.: Высшая школа, 1974.
Субботский Е.В. Строящееся сознание. М.: Смысл, 2007.
Таран Т.А. Булевы модели рефлексивного управления в ситуации выбора // Автоматика и телемеханика. 2001. №10. С. 103–117.
Таран Т.А. Многозначные булевы модели рефлексивного выбора // Рефлексивное управление. Сборник статей. М.: Институт психологии РАН, 2000. С. 122–132.
Таран Т.А. Основы дискретной математики. Киев: Просвіта, 2003.
Таран Т.А. Формальные принципы рефлексивного управления // Труды международного конгресса «Искусственный интеллект в XXI веке», Дивноморское, Россия, 2–8 сент. 2001. Т.1. М.: Физматлит, 2001*б*.С. 33–40.
Таранов П.С. 106 философов. Симферополь: Таврия, 1995.
Твен М. Приключения Тома Сойера. Приключения Гекльберри Финна. Принц и нищий. Библиотека мировой литературы для детей. М.: Детская литература, 1978.
Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Государственный институт «Советская энциклопедия», 1934.
Толковый словарь символов» // Интернет-ресурс Slovnik.ru
Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. Т. 26. М.: Художественная литература, 1956. С. 412.

Узнадзе Д.Н. Психологические исследования. М.: Наука, 1966.
Улыбина Е.С. Психология обыденного сознания. М.: Смысл, 2001.
Умножение матриц // Википедия.
Фанти С. Микропсихоанализ. М.: АО «Аслан», 1995.
Философские проблемы теории адаптации / под ред. Г.И. Царегородцева. М.: Наука, 1975. С. 28–30.
Флоренский П.А. Столп и утверждение истины // Флоренский П.А. Сочинения: в 2 т. Т. 1. М.: Правда, 1990.
Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990.
Фрейд З. Психология бессознательного. М: Просвещение, 1989.
Фрейджер, *Фейдимен Д.* Уильям Джеймс и психология сознания. СПб: Прайм-Еврознак, 2007.
Хайдеггер М. Феноменология. Герменевтика. Философия языка. М.: Гнозис, 1993.
Хараш А.У. Принцип деятельности в исследовании межличностного восприятия // Вопросы психологии. 1980. № 3. С. 86–96.
Хармс Д. Полное собрание сочинений. М.: Академический проект, 1997.
Хармс Д. Нашествие смыслов. М.: ОНИКС, 2004.
Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность: в 2 т. / под ред. Б.М. Величковского. М.: Педагогика, 1986.
Хрестоматия по вниманию / под ред. А.Н. Леонтьева, А.А. Пузырея и В.Я. Романова. М.: Издательство МГУ, 1976.
Цвейг С. Новеллы, Эссе, очерки. М.: МАКСИМ, 1994.
Чесноков С.В. ДА-система (детерминационный анализ) руководство пользователю. М.: Контекст, 1997.
Чесноков С.В. Детерминационный анализ социально-экономических данных. М.: Наука, 1982.
Шадриков В.Д. Ментальное развитие человека. М: Аспект-пресс, 2007.
Шадриков В.Д. От индивида к индивидуальности. М: Институт психологии РАН, 2009.
Шадур С.С., Самсонов М.А., Петровский В.А., Калиненко В.К. Роль эмоционально-волевых черт личности в выполнении больными ИБС диетических рекомендаций в процессе длительного диспансерного наблюдения // Вопросы питания. 1989. № 5. С. 28–33.
Шутц В. Глубокая простота. СПб.: Роза мира, 1993.
Щедровицкий Г.П. К характеристике категориальных определений деятельности // Проблема деятельности в советской психологии. Тезисы докладов к V Всесоюзному съезду общества психологии. Т. 1. М., 1977.
Эльконин Д. Б. Избранные психологические труды. М.: Педагогика, 1989;
Эльконин Б.Д. Самоощущение. Опосредствование. Становление действия // Психология телесности. Между душой и телом / под ред. В.П. Зинченко, Т.С. Леви. М.: АСТ, 2005.

Эренбург И. Собрание сочинений: в 9 т. Т. 1. М.-Л.: Госиздат, 1962–1967 .
Юнг К.Г. Проблемы души нашего времени. М.: Прогресс; Универс, 1993.
Ярошевский М.Г. Психология в XX столетии. 2-е изд., М.: Политиздат, 1974.
Ярошевский М.Г., Петровский В.А. Психика // Общая психология. Словарь / под ред. А.В. Петровского. Психологический лексикон. Энциклопедический словарь: в 6 т. / под ред. Л.А. Карпенко и А.В. Петровского. М.: ПЕРСЭ, 2005. С. 251.
4048 законов жизни: Афоризмы: Современная энциклопедия: в 2 т. / сост. А.П. Кондрашов. М.: Рипол Классик, 2004.
Atkinson J.W. An Introduction to Motivation. Princeton, NJ: Van Nostrand Reinhold, 1964.
Atkinson J.W. Motivational determinants of risk-taking behavior // Psychological Review. 1957. No 64.
Bandura A. Social Foundation of Thought and Action. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1986.
Brehm Jack W., Rosen E. Attractiveness of old alternatives. When a new attractive alternative is introduced // Journal of Personality and Social Phychology. 1972. Vol. 20. No 3. P. 261–267.
Csiksentmihalyi M. Beyond Boredom and Anxiety. San Francisco: Jossey-Bass, 1975.
DeCharms R. Personal Causation. N.Y.: Academic Press, 1968.
Deci E.L. Intrinsic Motivation. N.Y.: Plenum, 1975.
Feather N.T. The Relationship of persistence at a task to expectation of success and achievement related motives // Journal of Abnormal and Social Psychology. 1961. Vol. 63. No 3. P. 552–561.
James W. The Principles of Psychology. N.Y.: Holt, Rinehart and Winston. Unaltered republication. N.Y.: Dover, 1950.
Kahler T. Transactional Analysis Revisited. Little Rock: Human Development Publications, 1978.
Kanfer F.H. Self-regulation: Reserch, Issues and Speculations // Behavior Modification in Clinical Psychology / C. Neuringer, J.L. Michael (eds.). N.Y.: Appleton-Century-Crofts, 1970.
White R.W. Motivation reconsidered. The concept of competence // Psychological Review. 1959. Vol. 66. P. 297–333.
Hoppe F. Untersuchungen zur Handlungs- und Affektpsychologie. IX. Erfolg und Mißerfolg // Psychologische Forschung. 1930. No 14.
Maslow A.H. Motivation and Personality (3rd ed.). N.Y.: Harper and Row, 1987.
Popper K. R. The Logic of Scientific Discovery. Totowa, New Jersey, 1983.
Schmalt H.-D. Die GITTER-Technik — ein objektives Verfahren zur Messung des Leistungsmotivs bei Kindern // Zeitschrift fur Entwiklungspsychologie und Pedagogische Psychology. 1973. No 5.
Schmalt H.-D. Die Messung des Leistungsmotivs. Göttingen: Hogrefe, 1976*a*.
Schmalt H.-D. Das LM-GITTER. Handanweisung. Göttingen: Hogrefe, 1976*b*.